М. П. ИРОШНИКОВ

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин)

М. П. ИРОШНИКОВ

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. И. Ленин за рабочим столом в своем кабинете в Кремле. 1918 г. 16 октября.
Москва. Фото. ЦПА ИМЛ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

М. П. ИРОШНИКОВ

Председатель Совета Народных Комиссаров

ОЧЕРКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В 1917—1918 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД
1974

Ответственный редактор
С. Н. ВАЛК

И $\frac{10604\text{-}512}{042\,(02)\text{-}74}$ 14-74

© Издательство «Наука» 1974

История мирового революционного движения знает немало замечательных деятелей, среди которых были и умелые организаторы, и видные теоретики, и яркие ораторы. Нередко эти деятели, однако, оказывались беспомощными перед реальной практикой общественного развития, ибо то, что представлялось вполне достижимым в мечтах и теории, часто оказывалось несбыточным при столкновении с действительностью. Величие В. И. Ленина состоит в том, что он был одновременно и гениальным мыслителем, и выдающимся политическим деятелем, счастливо сочетавшим организаторский, научный, литературный и ораторский таланты. Поистине замечательна в мировой истории судьба В. И. Ленина, сумевшего воплотить в жизнь идеалы, за которые боролись многие поколения революционеров. Вот что, например, писала об этом распространенная в 20-е годы американская газета «New York American»: «Мы должны назвать его (В. И. Ленина, — *М. И.*) человеком замечательным и великим — великим по силе духа, настойчивости и по необычайному успеху, сопутствовавшему ему. Успеха, подобного этому, нет больше в мировой истории. Нельзя назвать больше ни одного человека, кроме Ленина, теоретика и мечтателя, который бы при жизни собственными глазами увидел осуществление его теории в жизни, притом в таком колоссальном масштабе. Платон мечтал и написал книгу об идеальной республике. До сих пор мир читает его „Республику“. Но она никогда не существовала и никогда не сможет существовать. Мир читает моровскую „Утопию“, но как и самое название показывает, она никогда не существовала... Руссо, Гоббс, Шарль Фурье, великие гении интеллекта, дюжины других великих и малых людей мечтали каждый об идеальном государстве. И среди них только Ленин один пережил свои сны в действительности...».[1]

Ленинская тема всегда находилась в центре внимания советских обществоведов, и в частности историков. Научная биография В. И. Ленина, его выдающийся вклад в развитие марксистской теории, гигантская практическая деятельность по подготовке и проведению в России пролетарской революции, строительству и упрочению первого в мире государства рабочих и крестьян начали широко разрабатываться в советской исторической литературе уже с 20-х годов.[2]

Особенно большой размах изучение многих сторон революционной и государственной деятельности В. И. Ленина, его вклада в развитие марксистского учения приобрело в годы подготовки и празднования 50-летия Октября, 100-летнего ленинского юбилея и, наконец, 50-летия образова-

---

[1] Американская печать о Ленине. — В кн.: Великий учитель. Ленинская хрестоматия. Л., 1924, стр. 313.

[2] См.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 1966; Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука (1917—1923 гг.). М., 1968; Е. Н. Городецкий. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; Р. М. Савицкая. Разработка научной биографии В. И. Ленина. — Вопросы истории, 1971, № 4, и др.

ния СССР. Выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина,[3] ведущиеся ИМЛ при ЦК КПСС настойчивые поиски [4] и систематическая публикация неизвестных ленинских документов, например издание XXXVI и XXXVII «Ленинских сборников», и таких документальных сборников, как «Письма трудящихся к В. И. Ленину» и «Письма В. И. Ленину из-за рубежа», опубликование обширной мемуарной литературы, и в частности пятитомной серии «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине», наконец, успешно осуществляемая Институтом марксизма-ленинизма исключительно важная работа по подготовке полной биографической хроники В. И. Ленина,[5] — все это открыло новые широкие возможности для дальнейшего, более глубокого научного исследования многогранной теоретической и практической деятельности основателя Коммунистической партии и Советского государства. Сделанный в эти годы значительный шаг вперед в разработке ленинской темы нашел свое выражение прежде всего в подготовке ИМЛ первого обобщающего научного очерка жизни и деятельности В. И. Ленина, опубликованного в 1960—1972 гг. пятью изданиями.[6] Важнейшим событием в советской исторической литературе, определенным ее итогом стали вышедшие в свет в 1964—1970 гг. тома фундаментального труда «История Коммунистической партии Советского Союза», в которых в неразрывной связи с историей партии и нашей страны глубоко и обстоятельно освещены основные события жизненного пути В. И. Ленина.[7] Именно в это время лениниана пополнилась многочисленными книгами, брошюрами и статьями, посвященными различным проблемам и этапам жизни и деятельности В. И. Ленина как дооктябрьского, так и особенно после-

---

[3] См.: Сокровищница великих идей ленинизма. Изд. 2, М., 1968; Г. Д. Обичкин. Новые документы ленинского идейного наследия. М., 1969, и др.

[4] Подробнее см.: А. А. Соловьев. Научно-исследовательская работа по собиранию документов В. И. Ленина. — Тр. научн. конфер. по вопр. арх. дела в СССР, т. I. М., 1965; Ю. Н. Амиантов. Из истории поисков ленинских трудов. — Вопросы истории, 1970, № 3; С. И. Кузьмин. О поиске ленинских документов. М., 1973, и др.

[5] Уже вышли из печати первые четыре тома этого капитального труда: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Тт. 1—4. Под ред. Г. Н. Голикова, В. Я. Зевина, Г. Д. Обичкина и А. А. Соловьева. М., 1970—1973. — В настоящее время ИМЛ опубликовал также научно-справочное издание «В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти. Биографическая хроника». Эти материалы являются для исследователей надежным ориентиром не только в литературном ленинском наследии за время с 25 октября по конец декабря 1917 г., но и в значительном количестве разнообразных источников о деятельности В. И. Ленина в указанный период (см.: Вопросы истории КПСС, 1960, №№ 2—6; 1961, №№ 1, 2).

[6] Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 5. Авторский коллектив: П. Н. Поспелов (руководитель), В. Е. Евграфов, В. Я. Зевин, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов, А. П. Косульников, З. А. Лёвина, Г. Д. Обичкин, П. Н. Федосеев. М., 1972. — Подробнее см.: А. Д. Педосов. Жизнь, отданная борьбе за освобождение человечества. К выходу в свет нового издания «Биографии» В. И. Ленина. — Коммунист, 1973, № 6, стр. 46—58.

[7] История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах. Тт. 1—4. М., 1964—1970.

октябрьского периодов,[8] когда центральное место в ленинизме заняли теоретические и практические вопросы социалистического строительства, перспектив развития мировой революции.[9]

Во многих из этих работ в той или иной мере затрагивается государственная деятельность В. И. Ленина, показывается его роль как Председателя Совнаркома (СНК), Совета Обороны (СО) и Совета Труда и Обороны (СТО) в борьбе за упрочение власти Советов и организации социалистического строительства в различных областях жизни нашей страны, в руководстве ее внутренней и внешней политикой. Некоторые из них специально посвящены характеристике В. И. Ленина как государственного деятеля, анализу различных вопросов ленинского государственного руководства в послеоктябрьские месяцы, в период гражданской войны и военной интервенции, в последующие годы мирного строительства.[10] Важный вклад в изучение теоретической и организаторской деятельности В. И. Ленина в строительстве в России социалистического государства вносит недавно опубликованный коллективный труд сотрудников ИМЛ «Советское государство — год первый».[11]

Однако, несмотря на наличие указанных работ, а также выход в свет за последние годы по истории Октября и Советского государства ряда крупных обобщающих коллективных трудов [12] и значительного числа мо-

---

[8] См., например: Е. Н. Городецкий. Новое в изучении истории Великого Октября. М., 1968; ИМЛ к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (интервью с акад. П. Н. Федосеевым). — Коммунист, 1968, № 17; Г. В. Петряков. В. И. Ленин — руководитель и организатор социалистического строительства (обзор литературы, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина). — Вопросы истории КПСС, 1970, № 1; А. В. Лагуткина. Научно-популярная литература по истории к ленинскому юбилею. — Вопросы истории, 1971, № 2; В. П. Дмитренко, К. Г. Левыкин. Журнал «История СССР» к ленинскому юбилею. — Вопросы истории, 1971, № 4, и др.

[9] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, М., 1970, стр. 17.

[10] См.: Э. Б. Генкина. 1) Ленин — Председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 гг. М., 1960; 2) Государственная деятельность В. И. Ленина в 1921—1923 гг. М., 1969; С. С. Гилилов. В. И. Ленин — организатор Советского многонационального государства. М., 1960; изд. 2. М., 1972; Б. М. Шехватов. Ленин и Советское государство. Деятельность В. И. Ленина по совершенствованию государственного управления. 1921—1922. М., 1960; Ю. Г. Никифоров. Деятельность В. И. Ленина по созданию и упрочению советского центрального государственного аппарата (октябрь 1917—июль 1918 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1964; Э. В. Клопов. Ленин в Смольном. М., 1965; Р. М. Савицкая. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина. Март—июль 1918 г., М., 1969; А. Т. Тихун. В. И. Ленин — руководитель Совета Труда и Обороны в 1920 году. Киев, 1970, и др.

[11] Советское государство — год первый. Авторский коллектив: Голиков Г. Н. (руководитель), Буточникова С. Ф., Горбунов В. В., Мамай Н. П., Панченко Т. В., Савицкая Р. М., Труш М. И. М., 1973.

[12] См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII, М., 1967; История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Тт. I—II. Л., 1967; Октябрь и социалистическое государство. М., 1967; Советы в первый год пролетарской диктатуры. М., 1967; Советы за 50 лет. М., 1967; История Советского государства и

нографических исследований отечественных историков, философов и юристов,[13] деятельность В. И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров, непосредственно связанная с созданием и упрочением в России советской социалистической государственности, до настоящего времени изучена далеко не в полной мере.

Уже в конце 1964 г. в одной из передовых статей журнала «Вопросы истории» справедливо подчеркивалось, что еще «многое можно и нужно сделать в дальнейшем исследовании многообразных аспектов деятельности В. И. Ленина».[14] Одним из таких малоизученных аспектов был, как отмечалось в том же году на страницах другого журнала — «Вопросы истории КПСС», — вопрос о роли В. И. Ленина в организации работы Совета Народных Комиссаров,[15] а если развить эту мысль, и всего нового, пролетарского государственного аппарата. После опубликования в следующем, 1965 г. получившей широкий отклик статьи акад. М. В. Нечкиной серьезные пробелы в монографическом исследовании некоторых важнейших областей марксистско-ленинской науки, и в частности жизни и деятельности В. И. Ленина, были специально отмечены редак-

---

права. Книга первая. М., 1968; История национально-государственного строительства в СССР, т. 1, М., 1968; Ленин — вождь Октября. М., 1969; В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве. М., 1969; Ленинизм и диалектика общественного развития. М., 1970; Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972; Ленинская теория социалистической революции и современность. М., 1972, и др.

[13] См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., 1965; С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965; С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965; В. З. Дробижев. Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966; М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. М.—Л., 1966; А. И. Лепешкин. Советы — власть трудящихся. 1917—1936 гг. М., 1966; Б. М. Морозов. Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1966; О. И. Чистяков. Становление Российской Федерации. М., 1966; А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967; Г. Н. Голиков. Революция, открывшая новую эру. М., 1967; А. И. Денисов. Советское государство. М., 1967; Ю. А. Красин. Ленин, революция и современность. М., 1967; И. И. Минц. История Великого Октября. Тт. 1—3. М., 1967—1972; Г. А. Трукан. Октябрь в центральной России. М., 1967; Е. Г. Гимпельсон. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968; В. М. Лесной. Социалистическая революция и государственный аппарат. М., 1968; А. И. Королев. Историческая необходимость социалистического государства и возникновение его в России. Л., 1968; В. В. Николаев. Советское социалистическое государство. М., 1968; В. М. Шапко. Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства. М., 1968; Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М., 1970; Д. А. Коваленко. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970; Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970; А. П. Косицын. Социалистическое государство. М., 1970; В. С. Петров. Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971; Д. Л. Златопольский, О. И. Чистяков. Образование Союза ССР. М., 1972; А. О. Чубарьян. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972; С. И. Якубовская. 1) Строительство союзного Советского социалистического государства. М., 1960; 2) Развитие СССР как союзного государства. 1922—1936 гг. М., 1972, и др.

[14] См.: Вопросы истории, 1964, № 11, стр. 11.

[15] См.: Вопросы истории КПСС, 1964, № 7, стр. 154.

цией журнала «Коммунист».[16] Прошло еще пять лет, и авторы обстоятельной рецензии на известную монографию Э. Б. Генкиной о государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1923 гг. вновь обратили внимание на некоторые значительные проблемы ленинского наследия, которые все еще ждут своего решения. «К их числу, — указывают В. З. Дробижев и Э. В. Клопов, — относится вопрос о реализации ленинских указаний в практике социалистического строительства, о непосредственной организационной (разрядка наша, — *М. И.*) деятельности вождя партии и руководителя Советского государства». «Всестороннее освещение этой проблемы, — справедливо отмечается далее в рецензии, — требует дополнительного поиска документов, мобилизации новых источников... Исследование этого вопроса может быть углублено, если полнее изучить вклад В. И. Ленина в совершенствование стиля работы низовых звеньев госаппарата, в улучшение состава кадров служащих как народных комиссариатов, так и Советов, совнархозов, правлений синдикатов, трестов».[17]

Действительно, бросается в глаза прежде всего отсутствие до сих пор специальных монографических исследований о деятельности В. И. Ленина, непосредственно связанной с созданием и упрочением в России советской социалистической государственности. Эта важная проблема, как правило, рассматривается не самостоятельно, а лишь в связи с изучением практической работы В. И. Ленина как Председателя Совнаркома по руководству советской внешней и внутренней политикой. Между тем необходимость специального, систематического и углубленного исследования целого ряда весьма интересных и ответственных аспектов данной темы не вызывает сомнений. Так, несомненно требуют дальнейшего изучения и обобщения многие вопросы самой истории слома буржуазного государства и строительства советского государственного аппарата в России, и в частности, выдающийся вклад В. И. Ленина в творческое развитие марксистской теории этой кардинальной проблемы, исключительная роль Председателя Совета Народных Комиссаров в выработке политического курса Коммунистической партии и Советской власти в данной области и в организационно-практическом руководстве успешным его осуществлением в первые послеоктябрьские годы. Эти вопросы, как неоднократно уже отмечалось в печати, и в конкретно-историческом, и в теоретическом аспектах до сих пор продолжают оставаться исследованными явно недостаточно.[18] По-прежнему не выяснено в должной мере и то, как под руководством ленинской партии рабочего класса

---

[16] См.: М. В. Нечкина. Монография: ее место в науке и издательских планах. — Коммунист, 1965, № 9; Коммунист, 1966, № 2, стр. 128.

[17] В. З. Дробижев, Э. В. Клопов. Э. Б. Генкина. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921—1923 [рец.]. — Вопросы истории, 1971, № 4, стр. 167.

[18] См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 28; В. М. Лесной. Ук. соч., стр. 8, 20; Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. Под ред. М. Я. Гефтера и др. М., 1969, стр. 225—227, 231, 239, 244, 245, 249, 250, 252, 253 и др.; А. П. Косицын. Ук. соч., стр. 77, 78.

проходило последовательное завоевание пролетариатом аппарата власти, каковы были главные этапы этого сложного и довольно длительного процесса, а также основные пути решения сразу же возникшей проблемы кадров руководителей и основной массы новых сотрудников центральных и местных ведомств и учреждений. Вообще отсутствуют в литературе какие-либо сводные данные о численности и составе служащих советского государственного аппарата периода его становления.[19]

Между тем весь этот комплекс проблем представляет сейчас весьма значительный, и притом не только научно-исторический, но и политическо-практический интерес. Вопрос о государстве, являющийся по определению В. И. Ленина «фокусом всех политических вопросов и всех политических споров современности»,[20] за последнее время приобрел дополнительную весомость и особую значимость, так как одной из решающих проблем современного этапа развития советского общества стала проблема управления.[21] Именно поэтому в речи перед избирателями 12 июня 1970 г. Л. И. Брежнев выделил проблему управления как одну из ключевых: «...наука побеждать — это по существу наука управлять! Поэтому изучать науку управления, а если надо — и переучиваться — становится первейшей обязанностью наших кадров... решение многих экономических проблем следует ныне искать на стыке научно-технического прогресса и прогресса в деле управления».[22] И отнюдь не случайно такое большое внимание было уделено вопросам управления в работе и решениях XXIV съезда КПСС,[23] поставившего перед обществоведами нашей страны новые ответственные задачи.[24]

Успешное научное исследование многообразных аспектов и вопросов проблемы управления — действительно одной из наиболее важных и актуальных проблем современности — может быть достигнуто лишь совместными усилиями представителей самых различных областей знаний. И это вполне понятно, ибо наука управления является «стыковой», комплексной дисциплиной,[25] общетеоретические и специфические прикладные вопросы которой разрабатывают и решают социологи и философы, юристы и экономисты, математики, кибернетики и статистики. Свой вклад в научное решение проблем управления могут и должны внести советские историки, для которых в этой области имеется много белых пятен.

---

[19] Об этом см., например: В. П. Наумов. Летопись героической борьбы. М., 1972, стр. 419.

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 80.

[21] В. Г. Афанасьев. Научно-техническая революция, управление, образование. М., 1972, стр. 427.

[22] Правда, 13 июня 1970 г.

[23] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 65—66, 78 и др.

[24] См.: М. А. Суслов. Общественные науки — боевое оружие партии в строительстве коммунизма. — Коммунист, 1972, № 1; П. Н. Федосеев. XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук. — Коммунист, 1972, № 1; С. П. Трапезников. Советская историческая наука и перспективы ее развития. — Коммунист, 1973, № 11.

[25] Д. М. Гвишиани. Предисловие. — В кн.: О. А. Дейнеко. Методологические проблемы науки управления производством. М., 1970, стр. 6.

«В последнее время опубликованы работы, освещающие опыт СССР в области государственного и хозяйственного строительства в разные периоды истории нашей страны, — отмечает в связи с этим известный специалист по вопросам методологии управления О. А. Дейнеко. — К сожалению, авторы большинства из этих в общем интересных работ не выделяют специально вопросов организации и управления, что затрудняет использование таких трудов с целью изучения организационного опыта».[26] Аналогичные мысли по этому поводу высказывает также, например, видный советский экономист Г. Х. Попов. «Для развития исследований в области управления чрезвычайно богатый материал дает опыт нашей страны, — пишет он. — Советский Союз является родиной централизованного планового руководства, что представляет собой величайший вклад нашего народа в мировую цивилизацию. К сожалению, большинство исторических работ не выделяет специально вопросов управления из всех других проблем истории социалистического хозяйствования».[27] Вполне закономерен и естествен поэтому особый интерес, который представляет история строительства Коммунистической партией во главе с В. И. Лениным советского государственного аппарата, изучение различных сторон ленинского наследия в области государственного управления, методов ленинского руководства, стиля его повседневной работы.

Ленинское наследие в интересующей нас области — это прежде всего написанные В. И. Лениным многочисленные труды, в которых марксистская теория получила дальнейшее развитие по всем центральным проблемам создания, организации и управления пролетарским государством и социалистическим обществом. Поистине грандиозен объем этой исследовательской деятельности В. И. Ленина, неразрывно переплетавшейся в послеоктябрьский период с повседневной государственной работой Председателя Совнаркома. Только произведения, созданные В. И. Лениным за период с 25 октября 1917 г. по март 1923 г., т. е. примерно за пять с половиной лет, составляют одиннадцать томов (35—45 тт.) Полного собрания его сочинений,[28] тщательное изучение которых представляет первостепенное значение для правильного методологического подхода к исследованию нашей темы и анализа имеющегося по ней широкого круга разнообразных источников.

Интересующее нас ленинское наследие не исчерпывается, разумеется, только работами, написанными им по тем или иным вопросам советского государственного строительства и управления. Исключительную ценность представляет громадный и чрезвычайно разнообразный личный опыт В. И. Ленина по организационно-практическому руководству созданием

---

[26] О. А. Дейнеко. Изучать и обобщать организационный опыт прошлого. — В кн.: Организация и управление. (Вопросы теории и практики). Под ред. акад. А. И. Берга. М., 1968, стр. 203.

[27] Г. Х. Попов. Проблемы теории управления. М., 1970, стр. 12.

[28] При этом не учитывается целый ряд ленинских документов, помещенных вместе с материалами переписки В. И. Ленина за эти годы в 50—54-м томах Полного собрания сочинений.

и деятельностью нового, социалистического аппарата государственного управления. Особое значение данной стороны ленинского наследия несомненно. Именно В. И. Ленин стоял у истоков победы Великого Октября, рождения и формирования первого в мире государства рабочих и крестьян. Именно в годы, когда В. И. Ленин был главой первого Советского правительства — Председателем Совета Народных Комиссаров, впервые решались большие и малые проблемы организации и управления социалистическим строительством во всех областях социально-экономической жизни страны. Под руководством В. И. Ленина и при его непосредственном участии вырабатывались принципиально новые черты, формы и методы социалистического государственного управления, закладывались основы подлинного народовластия. Как известно, круг источников, архивных и печатных (включая различные публикации, мемуарную литературу и периодическую печать за соответствующие годы), об организационно-практической деятельности В. И. Ленина на посту главы Советского правительства весьма обширен. Но, пожалуй, ценнейшими из них являются материалы архивохранилищ Москвы и Ленинграда, и прежде всего ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР, в которых сосредоточены основные комплексы многочисленных и самых разнообразных документов, исходивших от самого Председателя Совнаркома и отложившихся в процессе деятельности руководимого В. И. Лениным Совета Народных Комиссаров, его постоянных комиссий, Управления делами и других звеньев правительственного аппарата, советских народных комиссариатов.[29]

Кроме теоретического наследия и материалов, отражающих практическую деятельность В. И. Ленина как Председателя Совета Народных Комиссаров, есть, наконец, еще одна область ленинского наследия, имеющая непосредственное отношение к теме нашего исследования. Это созданный революционными массами трудящихся России под руководством ленинской партии новый, пролетарский аппарат государственного управления, явившийся первым в истории реальным воплощением гениальных идей К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Всестороннее тщательное изучение истории создания и развития советского госаппарата, и в частности обобщение исторического опыта громадной политической и организационной работы Коммунистической партии, В. И. Ленина с управленческими кадрами, является одной из наиболее серьезных и

---

[29] См.: Фонд документов В. И. Ленина. Авторский коллектив: Ю. Н. Амиантов, Ю. А. Ахапкин, Н. Ф. Анисимова, Н. А. Годлевский, Р. А. Лавров, М. Я. Лебедева, А. И. Петров, А. А. Соловьев, Т. В Шепелева, при участии М. С. Веселиной, В. А. Любишевой, И. М. Мироновой, А. В. Соколовой. Под ред. Г. В. Прониной. М., 1970; В. А. Любишева. Воссоздание архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина. — Вопросы истории, 1969, № 4; Ю. А. Ахапкин. Организация ленинского архива. — Вопросы истории, 1970, № 3; Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917—1967 гг.). Справочник (по материалам государственных архивов). Отв. ред. Н. П. Ерошкин. Составители: Н. П. Беликова, Е. В. Белова, Т. Г. Кий, Т. П. Коржихина (отв. составитель), Р. Д. Кузнецова, А. К. Панфилова, К. В. Плешкова, Г. П. Тихачева, С. И. Хорошая. М., 1971.

актуальных проблем советского обществоведения, и в том числе исторической науки.[30] Настоятельную необходимость этого еще в 1922 г. подчеркивал В. И. Ленин: «... если мы будем изучать действительно наш аппарат и работать над ним годами и годами, то это будет громадным завоеванием, это и будет обеспечением нашего успеха».[31]

Хронологические рамки предлагаемого вниманию читателя исследования ограничены октябрем 1917 г. и осенью 1918 г., т. е. фактически первым годом существования в России пролетарского государства. Это не случайно. Еще в 1902 г. в известной работе «Что делать» В. И. Ленин обратил внимание на исключительную важность умения определить в каждый конкретный исторический момент главное звено в политике.[32] «Все искусство управления и политики, — вновь подчеркивал он позднее, уже в послеоктябрьский период, — состоит в том, чтобы своевременно учесть и знать, где сосредоточить свои главные силы и внимание».[33] Таким главным «звеном цепи», за которое необходимо было ухватиться в 1918 г., чтобы удержать всю цепь и надежно обеспечить успешный переход к следующему звену в исторической цепи событий, В. И. Ленин считал упрочение и совершенствование Советского государства, его организации и аппарата управления. Об этом свидетельствуют подготовительные материалы В. И. Ленина к XI съезду партии, содержавшие, в частности, краткие пункты об итогах и уроках политики за годы существования Советской власти. В отношении 1918 г. имеется несколько ленинских записей, варьирующих одну и ту же мысль. «Какое „звено цепи"? 1918 — Советы», — писал, например, В. И. Ленин во втором наброске плана политического отчета Центрального Комитета РКП(б).[34] «...За какое „звено цепи" теперь уцепиться надо?

1917 — выход из войны.

1918 — Советское государство versus Учредилка», — вновь подчеркивал он в четвертом наброске «Плана».[35]

Все вышеизложенное определило характер, содержание и структуру настоящей работы, состоящей из введения и трех частей. Во введении рассматривается вклад В. И. Ленина в развитие марксистского учения о сломе буржуазного и создании социалистического государственного аппарата. В первой и второй частях исследуется организационно-практическая деятельность Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина), его роль в образовании и укреплении первого

---

[30] См.: Н. В. Адфельдт. О ленинском наследии в области организации управления. — Вестн. МГУ, сер. филос., 1963, № 3, стр. 55; Организация и управление. Вопросы теории и практики, стр. 14,25; Б. Д. Лебин, М. Н. Перфильев. Кадры аппарата управления в СССР. Л., 1972, стр. 3—4 и др.; Управление и проблема кадров. Под ред. Г. Х. Попова и Г. А. Джавадова. М., 1972.

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 250.

[32] Там же, т. 6, стр. 164, 165.

[33] Там же, т. 40, стр. 85.

[34] Там же, т. 45, стр. 411.

[35] Там же, стр. 417; см. также стр. 410, 411, 414.

Советского правительства, строительстве и функционировании пролетарского аппарата управления, руководстве внутренней и внешней политикой Республики Советов в 1917—1918 гг. Значительное внимание уделено изучению того, как после победы Октябрьской революции под руководством В. И. Ленина ЦК РКП(б) и Совнарком обеспечили успешное решение острейшей проблемы кадров для нового аппарата управления страной. И, наконец, последняя, третья часть посвящена выяснению и анализу численности и состава советских государственных служащих на основе впервые осуществленного историко-статистического исследования материалов первой их переписи в августе 1918 г., проведенной в соответствии с указаниями В. И. Ленина.

Введение. В. И. ЛЕНИН О СЛОМЕ БУРЖУАЗНОГО И СОЗДАНИИ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

В послесловии к первому изданию своего широкоизвестного труда «Государство и революция» В. И. Ленин уже после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде писал 30 ноября 1917 г., что «приятнее и полезнее „опыт революции" проделывать, чем о нем писать».[1] Однако успешное осуществление в России «опыта» пролетарской революции во многом оказалось возможным благодаря тому, что вопрос о том, как его «проделывать», был в основном разработан еще в дооктябрьский период, и разработан именно В. И. Лениным, которому принадлежит заслуга творческого развития и конкретизации марксистского учения о задачах пролетариата в революции в области слома старого и строительства своего, принципиально нового государственного аппарата.

Как известно, еще в 1899 г. В. И. Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное, мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России».[2] Именно поэтому наряду с громадной идейно-политической и практически-организационной работой по руководству деятельностью партии рабочего класса России в условиях революций 1905—1907 гг. и февральской 1917 г. В. И. Ленин чрезвычайно много времени уделял глубокому изучению и обобщению того, как происходили революции в других странах, особенно интересуясь при этом, по свидетельству Н. К. Крупской, опытом Французской революции и Парижской Коммуны и его анализом в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.[3]

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 120.

[2] Там же, т. 4, стр. 184.

[3] Н. К. Крупская. За власть Советов. — Известия, 20 января 1960 г. Подробнее см.: Советуясь с Марксом. — В кн.: Как В. И. Ленин готовил свои труды. М., 1969, стр. 32—56; К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о Парижской Коммуне. М., 1971; Государство и право Парижской Коммуны. М., 1971; История Парижской

И в сибирской ссылке, и в годы эмиграции, и после возвращения на родину В. И. Ленин продолжал настойчиво заниматься последовательной и систематической разработкой основных и наиболее актуальных вопросов марксистской теории, и в частности кардинальной проблемы об отношении социалистической революции к государству. «Ленин не отворачивался с презрением от так называемых неудачных попыток рабочего класса сбросить с себя ярмо капитала. Он не говорил ни о революции 1848 года, ни о Парижской Коммуне, ни о декабрьском восстании 1905 года, что „пролетариату не следовало браться за оружие". Он внимательно изучал такие попытки как международные опыты, тщательно анализировал причины их неудач, скрещивал свои исследования во всех направлениях... покуда не добился новой разновидности революционной теории и практики, в которых ценнейшие качества различных форм революционной борьбы нашли наиболее полное выражение».[4]

Только написанные В. И. Лениным за период возвращения из эмиграции до октября 1917 г. работы составляют более четырех томов общим объемом около двух тысяч печатных страниц,[5] причем именно в это время им созданы такие значительные научно-теоретические труды, как например работы «Апрельские тезисы» и «Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии)», «Государство и революция» и «Удержат ли большевики государственную власть?».

В условиях нового исторического периода — эпохи империализма и пролетарских революций, как известно, «марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствующим официальным социализмом Западной Европы...».[6] И на долю В. И. Ленина выпал прежде всего весьма нелегкий труд отстоять учение К. Маркса и Ф. Энгельса от ревизионистских искажений со стороны Э. Бернштейна, К. Каутского, Э. Вандервельде и других оппортунистов II Интернационала, всячески стремившихся извратить или вовсе замолчать главный, решающий вывод марксизма об исторической необходимости революционной борьбы рабочего класса за установление своей власти, слом старого и создание нового, пролетарского государства.[7]

Утверждая, что в условиях конца XIX—начала XX в. марксистская идея диктатуры пролетариата оказалась якобы настолько устарелой и изжитой, что «иначе нельзя согласовать ее с действительностью, как пу-

---

Коммуны. М., 1971; Парижская Коммуна и современность. Л., 1971; Парижская Коммуна и марксизм. М., 1973, и др.

[4] Г. В. Цыперович. О Владимире Ильиче Ленине. — В кн.: Об Ильиче. Л., 1926, стр. 9.

[5] См.: В. Степанов. Ленин и Октябрь. — Правда, 22 апреля 1967 г.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 50.

[7] Подробнее см.: Ленинская теория социалистической революции и современность. Редакционная коллегия: П. Н. Федосеев, С. В. Александров, В. В. Загладин, В. Я. Зевин, В. С. Семенов, Н. В. Тропкин. М., 1972; В. С. Петров. Слом буржуазного государственного аппарата — необходимое условие возникновения государства социалистического типа. — Уч. зап. ЛГУ, сер. юр. наук, вып. 10, 1958, стр. 3—5, и др.

тем отнятия у слова „диктатура“ ее фактического значения»,[8] один из основателей ревизионизма Э. Бернштейн совершенно открыто проповедовал отказ от революционной борьбы за пролетарскую власть, доказывал необходимость сохранения буржуазного политического строя и, конечно же, буржуазного государства. «Либеральные порядки современного общества именно тем и отличаются, — писал он, в частности, — что они гибки и доступны переменам и развитию. Их нет надобности разбивать (разрядка наша, — *М. И.*); их надобно лишь развивать дальше. Для этого нужны организации и энергическое действие, а не необходима революционная диктатура».[9]

Значительно более утонченному извращению учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата подверглось со стороны К. Каутского, который, выхолащивая существо марксистской теории, важнейший ее вывод о необходимости завоевания пролетариатом власти свел фактически к вопросу о составе министерского кабинета в условиях того же самого буржуазного государства. Вот как, в частности, «препарировал» К. Каутский сформулированное К. Марксом в «Критике Готской программы» положение о неизбежности диктатуры пролетариата в период революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое. «Это положение, — писал К. Каутский, — в применении его к вопросу о правительстве мы можем на основании опыта последних лет варьировать (разрядка наша, — *М. И.*) следующим образом: Чисто буржуазная власть в демократическом государстве отделена от чисто пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство, как правило, имеет форму коалиционного правительства».[10] Как видим, абсолютно четкий и недвусмысленный вывод К. Маркса о неизбежности появления в переходный период принципиально новой государственности, которая «не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»,[11] К. Каутский, запутывая вопрос о классовой сущности государства и исходя из мифического предположения о возможности «чистой», надклассовой демократии, пытается подменить проблемой создания так называемого коалиционного правительства. Разоблачая фальшь и ренегатство попыток К. Каутского, Э. Вандервельде и других ревизионистских лидеров II Интернационала, стремившихся всячески обойти, замолчать главный вывод марксизма в отношении буржуазного государства и в то же время с помощью эклектической писанины предложить взамен пролетарской революции всякого рода «переходные ступени» к «демо-

---

[8] Э. Бернштейн. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. Пер. с нем. СПб., 1906, стр. 163.

[9] Там же, стр. 178. — Подробнее см.: А. М. Полюхов. Развитие В. И. Лениным учения о диктатуре пролетариата. М., 1970, стр. 3, 4, 15, 16, 52 и др.

[10] К. Каутский. Пролетарская революция и ее программа. Берлин, 1922, стр. 135.

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 27.

кратии вообще», В. И. Ленин подчеркивал: «О том, что переходной ступенью между государством, органом господства класса капиталистов, и государством, органом господства пролетариата, является именно *революция*, состоящая в *свержении* буржуазии и в *ломке*, в разбитии *ее* государственной машины, об этом Каутские и Вандервельды молчат».[12]

Примерно таких же оппортунистических взглядов, как и их западноевропейские собратья, придерживались в общем и русские мелкобуржуазные революционеры — меньшевики и эсеры. Вот к какому выводу пришел, в частности, в 1917 г. один из виднейших теоретиков и лидеров эсеровской партии В. М. Чернов: «К. Маркс полагал, что решение задачи экспроприации экспроприаторов пройдет гораздо глаже, что для нее будет гораздо больше готовых элементов... и что поэтому историческая метаморфоза будет поистине одним концентрированным „скачком из царства необходимости в царство свободы". История показывает, что вся картина расчищения арены от старого и созидания нового будет гораздо пестрее, сложнее и многообразнее, что предстоящая историческая метаморфоза растянется на длинный исторический период, и, может быть, правильнее даже сказать — на целый ряд эпох, и что, наконец, с безличных сил стихийной эволюции расчеты в подавляющей степени придется перенести на живую динамику сознательных и активных коллективных сил...».[13] Если откинуть столь характерное для велеречивого В. М. Чернова пышное словесное убранство, то по существу в его рассуждениях о том, что социальное освобождение пролетариата возможно лишь через «целый ряд эпох» и только при содействии весьма неясных «коллективных сил», можно найти довольно много общего с каутскианской подменой качественно нового скачка от буржуазной диктатуры к диктатуре пролетариата столь же туманными «переходными ступенями» и выражающим «общие» интересы коалиционным правительством.

Позиции же меньшевиков достаточно точно характеризует красноречивое признание, сделанное в опубликованном в мае 1917 г. докладе делегата Крымского союза РСДРП на Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП А. А. Иоффе. Известный деятель партии, примыкавший к меньшевикам с 1903 г., т. е. со времени происшедшего на втором ее съезде внутрипартийного раскола, перед лицом неопровержимых фактов вынужден был с горечью констатировать, что «непонимание классовых задач пролетариата в данную историческую эпоху... растворение политики пролетарской в политике мелкобуржуазной» привело меньшевизм «к созданию не социал-демократической рабочей, а мелкобуржуазно-демократической партии, т. е. к политическому самоубийству».[14]

---

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 336. — Подробнее см.: Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность. М., 1967, стр 253, 254; В. И. Разин. Марксизм-ленинизм о сломе эксплуататорской государственной машины. М., 1964, стр. 5, 6.

[13] В. Чернов. Сквозь туман грядущего. Петроград, 1917, стр. 62.

[14] А. Иоффе (В. Крымский). Крах меньшевизма. Петроград, 1917, стр. 11, 12.

Исключая необходимость для пролетариата борьбы за власть, считая допустимым добровольно отказаться от власти в пользу буржуазии в соответствии с плехановской теорией «ступеней революции» (по существу своему, заметим, весьма сходными с каутскианско-вандервельдовскими «переходными ступенями»), русский меньшевизм, как, впрочем, и некоторые другие близкие к нему политические течения и группировки (новожизненцы, например), фактически скатился к реформизму. Вот почему исключительно важное значение имела резкая критика В. И. Лениным оппортунистической позиции писателей из «Новой жизни», один из лидеров которых — В. Базаров (В.А. Руднев) упорно пытался доказать, что «дело идет не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его».[15] «Повторяя заученные слова о классовой борьбе, — писал в связи с этим о новожизненцах В. И. Ленин, — они ежесекундно сбиваются на забавную теоретически, реакционную практически „надклассовую точку зрения“». И далее заключал: «А говорить: „не замена аппарата, а реформирование“, значит быть реформистом, значит становиться не революционным, а реформистским демократом».[16]

Подвергнутая В. И. Лениным суровой, но справедливой критике указанная концепция и соответствовавшая ей тактика были основаны на парламентских и конституционных иллюзиях и на деле означали отказ от коренного требования марксизма развивать классовую борьбу до признания диктатуры пролетариата. Между тем в многочисленных ленинских трудах, особенно в широкоизвестных работах «Государство и революция» и «Удержат ли большевики государственную власть?», было убедительно показано, что и в условиях новой исторической эпохи данное положение К. Маркса и Ф. Энгельса полностью сохраняет свою силу. «Несомненно, — писал В. И. Ленин, — самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все».[17] Одновременно В. И. Ленин неопровержимо доказал, что столь же справедливым и актуальным продолжает оставаться другой кардинальный вывод К. Маркса о сломе буржуазной государственной машины как предварительном условии всякой подлинно народной революции. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин назвал этот вывод главным уроком марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству.[18] Более того, на основании всестороннего, тщательного анализа трудов основоположников научного коммунизма по данному вопросу и исторического опыта революций второй половины XIX и начала XX в. В. И. Ленин обогатил

---

[15] В. Базаров. Большевики и проблема власти. — Новая жизнь, 27 сентября 1917 г.

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 318, 319.

[17] Там же, стр. 200. «Основной источник непонимания диктатуры пролетариата „социалистами“, — разъяснял немного позднее, в 1919 г., В. И. Ленин, — это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы...» (там же, т. 39, стр. 261).

[18] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 38.

этот марксистский вывод рядом новых важнейших теоретических положений.

Как известно, в письме к Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. К. Маркс, учитывая конкретные особенности развития отдельных стран, допускал, что в отличие от европейского континента, в Англии и Америке осуществление народной революции возможно без предварительного разрушения старой государственной машины. «Это было понятно в 1871 году, — разъяснял В. И. Ленин, — когда Англия была еще образцом страны чисто капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения „готовой государственной машины"».[19] В новых условиях, когда капитализм вступил в свою высшую и последнюю стадию развития — империализм, как убедительно показал В. И. Ленин, это ограничение, являвшееся исключением из общего правила, необходимо снять, так как с формированием империализма и в Англии, и в США сложился гигантский военно-бюрократический аппарат, охраняющий интересы буржуазии.[20] Таким образом, В. И. Ленин сделал огромной теоретической и практической важности вывод, что в эпоху империализма слом эксплуататорского государственного механизма приобретает характер общей закономерности для всех без исключения капиталистических стран, становится непременным условием социалистической революции, в какой бы форме она ни совершалась — не только в немирной, но и в мирной.[21] При этом, разумеется, масштабы и темпы, характер и непосредственные способы и методы слома старой буржуазной государственной машины определяются конкретно-историческими условиями внутри каждой страны, а также и за ее пределами.[22]

Отстаивая и развивая марксистское учение по вопросу о судьбе буржуазной государственной машины, В. И. Ленин наряду с разоблачением ревизионистов реформистского толка выступил также с критикой взглядов анархистов, отрицательно относившихся ко всякому государству и

---

[19] Там же.

[20] См.: К. Е. Калаушина. В. И. Ленин о социально-классовой природе милитаризма. — Вопросы истории КПСС, 1973, № 1.

[21] См.: А. П. Косицын. Слом буржуазного государственного аппарата в ходе Октябрьской социалистической революции. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 1, стр. 46, 47, 57; Ю. А. Красин. Ук. соч., стр. 306 и др.; А. И. Королев. Историческая необходимость социалистического государства и возникновение его в России. Л., 1968, стр. 44—46; Ленинское учение о диктатуре пролетариата. Авторский коллектив: В. М. Чхиквадзе, А. П. Косицын, В. Ф. Коток, И. Д. Левин, Б. Н. Топорнин, В. А. Туманов, Н. П. Фарберов, Р. О. Халфина, Е. А. Лукашева, Г. Н. Манов, А. И. Щиглик. М., 1970, стр. 30, 43 и др.

[22] Подробнее см.: В. М. Лесной. Социалистическая революция и государственный аппарат. М., 1968, стр. 22—24; Ленин — вождь Октября. Авторский коллектив: Г. Н. Голиков (руководитель), П. А. Голуб, Г. З. Мухина, А. И. Осадчая, А. М. Совокин. М., 1969, стр. 116 и др.

требовавших разрушить, «взорвать» любую государственную организацию.[23]

Такая «ультрареволюционная» точка зрения была, разумеется, чрезвычайно опасной, так как фактически нацеливала рабочий класс и его партию против строительства своего пролетарского государства — главного орудия социалистического преобразования общества.

С другой стороны, боровшиеся с ленинской партией за влияние среди широких масс трудящихся правосоциалистические партии, особенно меньшевики, пытались спекулировать на одинаково, на первый взгляд, отрицательном отношении к буржуазному государству со стороны анархистов и большевиков. «Большевики — это анархисты», — беззастенчиво утверждала, например, меньшевистская «Рабочая газета» незадолго до Октябрьской революции.[24] Вскрыв этот обман, В. И. Ленин в VI главе работы «Государство и революция» предельно ясно и четко выявил коренное отличие в позициях марксистской большевистской партии и анархистов, подвергнув вместе с тем уничтожающей критике упрощенную прямолинейность и организационный нигилизм анархизма. Несколько позднее, уже после победы Октября, выступая с речью на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября 1917 г., В. И. Ленин вновь подчеркнул это принципиально важное обстоятельство. Он говорил: «...мы не анархисты, мы — сторонники государства. Да, но государство капиталистическое должно быть разрушено, власть капиталистическая должна быть уничтожена. Наша задача — строить новое государство, —государство социалистическое».[25]

Доказав коренную противоположность между анархистскими представлениями о «взрыве» всей государственной организации и марксистским учением о сломе буржуазного государственного аппарата и замены его новым, В. И. Ленин вместе с тем справедливо указывал, что последнее является одной «из самых *серьезных*, самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом», и что именно эта трудность задач социалистической революции «должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач».[26]

Опираясь на глубокий научный анализ государственно-монополистической структуры империализма, В. И. Ленин обстоятельно охарактеризовал прежде всего диалектику перехода от буржуазной демократии к пролетарской, убедительно показал, что слом старого и строительство нового государственного аппарата представляет собой единый и взаимосвязанный процесс, качественный скачок, означающий одновременно разрушение одних и удержание, но на высшем уровне других элементов

---

[23] См., например: М. А. Бакунин. Избранные сочинения. т. I. 1919, стр. 238.
[24] Рабочая газета, 19 октября 1917 г.
[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 113. Подробнее см.: там же, т. 33, стр. 112—113.
[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 302.

демократизма.[27] Ленинское учение о сломе буржуазной машины власти является ярким примером мастерского применения в изучении общественного развития одного из важнейших законов диалектики — закона отрицания отрицания, тесно связанного с законом единства и борьбы противоположностей.[28] На примере России В. И. Ленин всесторонне раскрыл проблему слома буржуазного государственного аппарата, обосновав необходимость различного подхода к разным частям и элементам разрушаемого старого механизма.

«Под государственным аппаратом, — указывал В. И. Ленин, — разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество».[29] В то же время, подчеркнув необходимость, следуя указаниям К. Маркса и Ф. Энгельса, правильно оценивать и точно учитывать действительную роль существующих органов буржуазного государственного механизма, он писал: «Кроме преимущественно „угнетательского" аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества, есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если позволительно так выразиться».[30] Достаточно, например, сказать, что в дореволюционной России одних только различных кредитных и финансовых учреждений насчитывалось свыше 3400.[31] Наряду с такого рода аппаратом, осуществлявшим организационно-управленческие функции в сфере производственной деятельности, следует, разумеется, специально выделить и такую совершенно своеобразную часть социально-государственного механизма, которая, как указывали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, «предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как-то школы, учреждения здравоохранения и так далее».[32]

Исходя из разной роли в буржуазном обществе этих групп государственных учреждений, В. И. Ленин сделал важный вывод о необходимости для пролетариата поступать с ними различным образом. Если «преимущественно угнетательские» политические и административно-карательные элементы старого госаппарата (армия, полиция, суд, чиновничество) необходимо разрушить, то применительно к органам «общественного хозяйничанья», сферы социальных услуг (банки, почта, телеграф, управление путями сообщения, коммунальное хозяйство, потребительские общества, союзы служащих и т. п.) так поступать не следо-

---

[27] Развитие В. И. Лениным марксистского учения о государстве и праве. Статья подготовлена сектором теории социалистического государства и права Института государства и права АН СССР. — Советское государство и право, 1970, № 4, стр. 22.

[28] Подробнее см.: В. М. Лесной. Ук. соч., стр. 14—16 и др.; Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М., 1970, стр. 29, 30.

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 302.

[30] Там же, стр. 307.

[31] Народный комиссариат финансов к 8-му съезду Советов. — Известия Народного комиссариата финансов. М., 1920, № 20, стр. 2.

[32] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. М., 1948, т. 2, стр. 13. Подробнее см.: М. Н. Перфильев, Л. В. Орлова. Социальные отношения. Л., 1973, стр. 89, 90.

вало — этот аппарат разбивать было незачем. Его необходимо было вырвать из подчинения капиталистам, предварительно обрезав, обрубив все нити влияния буржуазии.[33] «Когда Маркс и Ленин говорят о сломе буржуазного, государственного аппарата, — пояснял в связи с этим Е. С. Варга, — то это прежде всего относится к аппарату насилия, управления и юстиции. Но было бы бессмыслицей уничтожать систему здравоохранения, почты и школьного образования; здесь в первую очередь задача заключается в перемене руководства и искоренении буржуазной идеологии».[34]

Одновременно В. И. Ленин углубил и конкретизировал содержание этой важнейшей, «практически-осязательной» задачи пролетариата в социалистической революции. Прежде всего он научно обосновал тезис о том, что решающей и во многом определяющей (заметим, что это нашло, в частности, отражение в самом наименовании данного процесса) стороной такого сложного и комплексного явления, как слом эксплуататорской государственной машины, является разрушение угнетательской ее части, т. е. ликвидация всех государственно-правовых учреждений и институтов, с которыми неразрывно связано политическое господство буржуазии.[35] С другой стороны, В. И. Ленин раскрыл, что, собственно, означает сломать, разбить угнетательские элементы старого механизма власти, и обстоятельно охарактеризовал те мероприятия, которые надлежит осуществить пролетариату для достижения своей цели. Основные требования разработанной В. И. Лениным программы пролетарской революции в этой области вкратце сводились к следующему: 1) распустить буржуазные органы государственной власти и управления; 2) распустить также старую армию, полицию, суд и другие орудия непосредственного подавления трудящихся; 3) уничтожить касту буржуазного бюрократического чиновничества; 4) отменить старое законодательство, охранявшее и закреплявшее правопорядок буржуазного строя.[36] Нетрудно заметить, что все указанные мероприятия, разработанные В. И. Лениным исходя из условий и наиболее реальных перспектив развития пролетарской революции в России в 1917 г., были рассчитаны прежде всего на немирный путь ее осуществления. Вместе с тем следует подчеркнуть, что и в условиях мирного пути социалистической революции, возможность которого,

---

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 307.

[34] Е. С. Варга. Очерки по проблемам политэкономии капитализма. М., 1964, стр. 42.

[35] См.: Ю. Е. Волков. Объективные основы необходимости слома военно-бюрократического аппарата буржуазного государства. — В кн.: Вопросы теории и истории государства и права и государственного права, т. IV. Свердловск, 1957; В. М. Лесной. Ук. соч., стр. 12—14 и др.; Л. М. Славин. Общие закономерности развития буржуазного государства при империализме и пути его революционного разрушения. Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 53; А. И. Денисов. Социалистическая революция и политическая организация общества. М., 1971, стр. 138, 139, 144—146.

[36] См.: А. П. Косицын. Социалистическое государство. М., 1970, стр. 74; В. С. Петров. Сущность, содержание и форма государства. Л., 1971, стр. 122.

как известно, дважды создавалась в ходе развития революции в России в указанный период, позиция В. И. Ленина в отношении «преимущественно-угнетательской» старой государственной машины оставалась принципиально неизменной — старый карательный механизм необходимо было устранить, построив взамен новый государственный аппарат пролетарской власти.[37]

Отстаивая и развивая марксистское учение о сломе буржуазной государственной машины, В. И. Ленин, как уже отмечалось выше, тщательно разработал и вопрос об отношении пролетарской революции к тем органам старого аппарата, которые, выполняя функции общегосударственного счетоводства, регистрации, учета, контроля над производством и распределением продуктов, не являются, собственно, вполне государственными при капитализме. Особенно важно для пролетариата было, как указывал В. И. Ленин, успешно использовать готовый и весьма разветвленный аппарат банков. «Крупные банки, — писал он, — есть тот „государственный аппарат", который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма...».[38]

Точно так же В. И. Ленин считал возможным использовать после победы пролетарской революции и сложившийся в условиях развитого государственно-монополистического капитализма значительный аппарат регулирования цен и хозяйственной деятельности, учета и централизованного распределения продовольственных товаров, металлов, топлива и т. п. Такой аппарат государственного регулирования, носивший бюрократический характер, осуществлявший, разумеется, указанные функции в интересах финансово-промышленных объединений, указывал В. И. Ленин, необходимо было, как и банки, подчинить пролетарской власти, полностью отстранив буржуазию от политического и организационного руководства, уничтожив эксплуататорскую направленность этого аппарата и придав ему совершенно иной классовый характер.[39]

Особое значение В. И. Ленин придавал правильному решению одного из главных вопросов, встающих перед пролетарской революцией в ходе ликвидации старого аппарата власти, — вопроса о новых кадрах государственных служащих, которые должны заменить чиновников разрушенной революцией эксплуататорской машины. Это неудивительно, так как, являясь составной частью марксистско-ленинского учения о сломе буржуазного и создании пролетарского государственного аппарата, данная проблема имела не только научно-теоретическое, но и весьма актуальное политическо-практическое значение. В созданном в августе—сентябре 1917 г. знаменитом труде «Государство и революция» В. И. Ленин по этому вопросу пришел к чрезвычайно важному выводу. «Об уничтожении чиновничества, — писал он, — сразу, повсюду, до конца не может

---

[37] Подробнее см.: А. П. Косицын. Ук. соч., стр. 75, 76; Ленин — вождь Октября, стр. 116 и др.

[38] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 307.

[39] Там же; см. также стр. 168.

быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это — прямая, очередная задача революционного пролетариата».[40]

Как видим, ленинский вывод не однозначен, в нем содержатся два основных положения. Первое из них состоит в несомненности доказанной, как подчеркивает В. И. Ленин, историческим опытом Парижской Коммуны необходимости «разбить сразу» один из важнейших элементов эксплуататорской государственной машины — бюрократическое чиновничество, ликвидировать его как особую социальную силу, ревностно охраняющую интересы господствующего класса капиталистов и фактически неподконтрольную трудящимся, надежно огражденную от них целым рядом льгот и привилегий. С другой стороны, безусловная необходимость решительной ликвидации в процессе пролетарской революции старого чиновничества как особого социального слоя вовсе не означала неизбежность отказа от использования всех без исключения служащих бывших министерств и других центральных и местных ведомств. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда указывал на явную нереальность, утопичность предположений о возможности немедленно «уничтожить» весь кадровый состав старого чиновничества. Более того, в написанной немного позднее, но также еще до победы Октябрьской революции другой известной работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин развил эту мысль дальше, обосновав положение о том, что победивший пролетариат обязательно должен привлечь на свою сторону буржуазных специалистов, служащих, интеллигенцию, использовать их знания и опыт в интересах социалистического строительства. «Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление, — писал В. И. Ленин. — Нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно „убрать вон“ капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных «сопротивленцев») поставить *их на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.».[41] При этом успешное решение подобной задачи применительно к органам «общественного хозяйничанья», отмечал В. И. Ленин, во многом облегчается для пролетариата тем, что в такого рода аппарате «фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие*, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении».[42]

Углубляя марксистскую теорию об отношении пролетариата к буржуазной государственной машине, В. И. Ленин вместе с тем еще в дооктябрьский период осуществил дальнейшую разработку двух тесно с ней связанных первостепенно важных для обеспечения социалистиче-

---

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48, 49.
[41] Там же, т. 34, стр. 311.
[42] Там же, т. 34, стр. 307—308.

ской революции вопросов. Одним из этих вопросов явилось ленинское учение о союзе рабочего класса с непролетарскими массами трудящихся, и прежде всего с трудовым крестьянством, как социальной основе диктатуры пролетариата и высшем ее принципе, одном из решающих источников ее прочности и подлинного демократизма.[43] Как указывал В. И. Ленин в работе «Государство и революция», оба эти класса — пролетариат и крестьянство, составлявшие тогда «народ», — были объединены в том смысле, что старая «бюрократически-военная государственная машина» давила, эксплуатировала их. Вот почему общий действительный интерес «народа», большинства его, рабочего класса и трудового крестьянства заключался в том, чтобы разбить, сломать эту машину. Как подчеркивал В. И. Ленин, именно это составляло «„предварительное условие“ свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование».[44] Другой важный вывод, сделанный еще в дооктябрьских трудах В. И. Ленина, состоял в выдвинутом им на первый план положении о руководящей и направляющей роли революционной партии рабочего класса при сломе старого и в строительстве нового, пролетарского государства.[45]

Принципиально новый шаг вперед сделал В. И. Ленин и в марксистском решении вопроса о том, чем же следует заменить разбитую буржуазную государственную машину. Данная проблема рассматривалась В. И. Лениным в двух направлениях. Во-первых, он подвел итоги и развил дальше некоторые общетеоретические положения К. Маркса, сформулированные им на основе обобщения революционного опыта героических парижских коммунаров. «Итак, — писал В. И. Ленин в работе «Государство и революция», — разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы „только“ более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это „только“ означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев „превращения количества в качество“: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (=особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство».[46]

Обеспечить такую демократию, в условиях которой представительные органы действительно представляли бы народ, а все государственные служащие были не только выборными, но и подконтрольны и в любое

---

[43] Подробнее см.: Ленин — вождь Октября, стр. 112—113; Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. Под ред. Ю. А. Полякова, Д. А. Коваленко, Г. М. Деренковского и Н. А. Ивницкого. М., 1969.

[44] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 39—40.

[45] Подробнее см.: Ленинское учение о диктатуре пролетариата, стр. 114—123 и др.; Ленин — вождь Октября, стр. 128, 129.

[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 42.

время сменяемы; и при этом «чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились „бюрократами“ и чтобы поэтому никто не мог стать „бюрократом“»;[47] лишить депутатов привилегированного положения, предоставив избирателям право отзыва; наконец, установить размер заработной платы должностных лиц государственных учреждений не выше зарплаты квалифицированного рабочего — вот какие задачи необходимо решить, как убедительно показал В. И. Ленин, для ликвидации бюрократического чиновничества как особого социального слоя, одного из важнейших и характерных элементов старой эксплуататорской машины.

Наряду с этим В. И. Ленин ответил также и на чрезвычайно актуальный вопрос о том, каким должно быть отношение пролетариата к буржуазному парламентаризму, соединяющему в себе «демократию (не для народа) с бюрократизмом (против народа)».[48] Как подчеркивал В. И. Ленин, задача состоит, разумеется, не в уничтожении представительных учреждений вообще, а в ликвидации принципов буржуазного парламентаризма, в превращении представительных органов из «говорилен» в работающие учреждения, одновременно и законодательствующие и исполняющие законы.[49]

С другой стороны, конкретизируя марксистскую теорию собственной государственной организации пролетариата, В. И. Ленин сделал целый ряд исключительно важных конкретно-практических наблюдений и выводов о непосредственной политической форме такой организации в условиях России начала XX в., всесторонне разработав учение о Советах. Подобный подход не был, конечно, случайностью. Как известно, открыв объективный закон неравномерного развития капиталистических стран в эпоху империализма, В. И. Ленин вместе с тем вполне обоснованно указал на возможность победы социалистической революции первоначально в нескольких или даже в одной отдельно взятой стране, а также выдвинул положение о неизбежности периода более или менее длительного сосуществования пролетарских и буржуазных государств. «Все нации придут к социализму, — писал он, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни».[50] Сформулированное В. И. Лениным общетеоретическое положение о неизбежности разнообразия форм пролетарской диктатуры основывалось на подлинно научном подходе к проблеме, не из надуманных абстрактных схем, а из творческого изучения реальной социальной действительности. Поэтому точно так же, как К. Маркс, исследуя драматические события революции 1871 г. во Франции, открыл

[47] Там же, стр. 109.
[48] Там же.
[49] Подробнее см.: Ленин — вождь Октября, стр. 108, 125; В. С. Петров. Сущность, содержание и форма государства, стр. 122.
[50] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

Парижскую Коммуну как первый исторический опыт пролетарской диктатуры, так и последовательное, глубокое изучение массового революционного движения в эпоху империализма и особенно опыта русских революций 1905—1907 гг. и 1917 г., в ходе которых создавались Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, позволило В. И. Ленину открыть республику Советов как форму диктатуры пролетариата применительно к условиям России. Вот почему, редактируя опубликованную 2 июля 1905 г. в газете «Пролетарий» статью А. В. Луначарского «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры», В. И. Ленин, обобщив написанное ее автором, в кратком дополнении — заключении высказал важную мысль о том, что большевистская партия должна «не слепо» повторять каждый из лозунгов великих борцов 1871 г., а отчетливо выделять программные и практические задачи, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах «революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».[51] Об этом же В. И. Ленин писал и впоследствии, в 1920 г.: «Получился такой факт, что те основные вопросы (Советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 года».[52]

Анализируя процесс рождения Советов и их роль в первой русской революции, В. И. Ленин прежде всего подчеркивал, что именно в возникновении Советов в 1905 г. наиболее ярко проявилось революционное творчество трудящихся масс России, предпринявших вторую после Парижской Коммуны попытку уничтожить господство эксплуататорских классов и установить свою собственную власть. «Эти органы, — писал он, — создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа...».[53] Эти новые органы восстания и революционной власти, действовавшие как власть и являвшиеся не чем иным, как зачатками нового народного правительства, дали практический ответ на вопрос, чем заменить старую буржуазно-помещичью машину царизма. «По своему социально-политическому характеру, это была, в зачатке, диктатура революционных элементов народа...», — указывал В. И. Ленин.[54] Тогда же В. И. Ленин глубоко определил принципиальные, отличительные черты той новой государственной власти, зародышами которой являлись Советы 1905 г. «Это — власть, — писал он, — открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной

---

[51] См.: Ленин и Луначарский. Переписка. Доклады. Документы. Литературное наследство, том восьмидесятый. Составители В. Д. Зельдович и Р. А. Лавров. Под ред. И. С. Зильберштейна и А. А. Соловьева. М., 1971, стр. 576, 582.

[52] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 371.

[53] Там же, т. 12, стр. 317.

[54] Там же.

массы и ее воли».[55] Придавая исключительное значение установлению правильных взаимоотношений между РСДРП и Советами, В. И. Ленин в то же время высказался против попыток подмены Совета рабочих депутатов большевистской партией, подчеркнув, что «для руководства политической борьбой равным образом безусловно необходимы в настоящее время *и* Совет... *и* партия».[56]

Огромная разносторонняя деятельность Советов, родившихся в годы революции 1905 г., убедительно свидетельствовала о том, что они из органов революционной власти начали перерастать в органы государственной власти.[57] Этот важный факт был специально отмечен В. И. Лениным в «Докладе о революции 1905 года», с которым он выступил на собрании швейцарской молодежи в Цюрихском народном доме в январе 1917 г. «Некоторые города России, — говорил тогда В. И. Ленин, — переживали в те дни период различных местных маленьких „республик", в которых правительственная власть была смещена и Совет рабочих депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти».[58] Однако в связи с поражением революции 1905—1907 гг. Советы так и не утвердились как органы государственной власти во всероссийском масштабе, хотя они несомненно и приближались к ней.

После работ, относящихся в основном к периоду 1905—1907 гг., новый шаг в развитии взглядов В. И. Ленина на Советы был сделан им в январе—феврале 1917 г. в подготовительных материалах, в которых на 48 страницах, написанных с обеих сторон характерным ленинским почерком, собраны и систематизированы воедино все важнейшие выводы К. Маркса, Ф. Энгельса, а также самого В. И. Ленина по вопросу о государстве. Это была знаменитая «Синяя тетрадь», являвшаяся первым наброском замечательного ленинского труда «Государство и революция».[59] Как дорожил этой «тетрадью в синей обложке» В. И. Ленин, какую она представляла исключительную ценность, лучше всего, пожалуй, говорят следующие волнующие строки, написанные самим ее автором в тревожные дни вынужденного ухода в подполье после июльских событий 1917 г.: «...если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: „Марксизм о государстве"... Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса... Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали».[60]

---

[55] Там же, стр. 319. Подробнее см., например: И. М. Степанов. Советская государственная власть. М., 1970, стр. 29—31.

[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 63.

[57] Подробнее см.: Н. Н. Демочкин. Советы 1905 года — органы революционной власти. М., 1963; Н. Н. Яковлев. О Советах 1905 года. — Вопросы истории, 1965, № 12; Н. И. Васильева. Нормотворческая деятельность Советов в дооктябрьский период. Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

[58] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 322.

[59] Впервые объединенные в «Синей тетради» материалы были опубликованы в 1930 г. под названием «Марксизм о государстве» (см.: Ленинский сборник, XIV, стр. 199—389; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 121—307).

[60] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 444.

Действительно, в «Синей тетради» — одном из самых значительных документов марксистской политической мысли — В. И. Ленин не только разоблачил теоретическую путаницу, внесенную ревизионистскими лидерами II Интернационала в крайне важный для пролетарских партий вопрос об отношении к государству. Последовательно выясняя, что нового вносили в марксистскую теорию этой кардинальной проблемы различные произведения основоположников научного коммунизма, В. И. Ленин, указав на необходимость замены эксплуататорской государственной машины Советами, вполне определенно высказался о Советах как о реально возможной форме пролетарской государственной организации в условиях России.

Подчеркивая всеобщий характер, который приобрел в эпоху империализма вывод К. Маркса и Ф. Энгельса о необходимости «разрушения», «ломки», «разбития» эксплуататорской государственной машины, а также систематическое замалчивание именно этого вывода оппортунистами, В. И. Ленин вместе с тем предельно четко и ясно определил, с одной стороны, позиции буржуазных идеологов и анархистов, а с другой, марксистов при решении ответственнейшего вопроса о том, чем же заменить разрушенный старый госаппарат: «Ничем, говорят анархисты (α). Бюрократией и военной кастой, говорит (и делает) буржуазия (β). Союзом, организацией вооруженных рабочих (*«Советами рабочих депутатов»*!), говорит марксизм (γ)».[61] Обратив затем внимание на принципиальное сходство Советов с Парижской Коммуной, впервые поставившей вопрос об активном участии трудящихся в управлении государством, В. И. Ленин в то же время отметил своеобразие Советов, возникавших в ходе революции 1905—1907 гг.: «Русская революция *подошла* к этому же приему, с одной стороны, слабее (более робко) подошла, чем Парижская Коммуна, с другой стороны, показала **шире** „Советы рабочих депутатов", „железнодорожных депутатов", „солдатских и матросских депутатов", „крестьянских депутатов". Это *Nota bene*».[62] Шестью прямыми и двумя волнистыми чертами, а также знаком *Nota bene* В. И. Ленин выделил заключительную мысль, подводившую итоги всей характеристике Советов. «Можно, пожалуй, кратко, драстически,[63] — писал он, — выразить все дело так: *замена* старой («готовой») государственной машины **и парламентов** *Советами рабочих депутатов* и *их* доверенными лицами. В этом суть...» [64]

Таким образом, еще до февральской революции 1917 г.[65] В. И. Ленин пришел к заключению о том, что в условиях России Советы могут стать непосредственной политической формой пролетарской диктатуры.[66]

---

[61] Там же, т. 33, стр. 154—155.
[62] Там же, стр. 228—229.
[63] метко, сильно действующе, характерно.
[64] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 230—231.
[65] См.: Ленинский сборник, XIV, стр. 205.
[66] Подробнее см.: Н. Н. Демочкин. Ук. соч., стр. 38—40.

Свое дальнейшее развитие учение В. И. Ленина о Советах, рожденных революционным творчеством народных масс России в 1905—1907 гг., получило в период второй русской революции в феврале—марте 1917 г.[67] Как известно, Советы этого периода существенно отличались от своих предшественников, возникших в годы первой русской революции. Значительно расширилась прежде всего социальная основа Советов. Если в революции 1905—1907 гг. подавляющее большинство Советов были Советами рабочих депутатов, то во второй русской революции самое активное участие в революционном творчестве приняли, кроме того, широкие массы солдат и трудящихся крестьян. Это нашло свое выражение в том, что во всех районах страны, помимо Советов рабочих депутатов, создаются также Советы солдатских и крестьянских депутатов.[68] Другая важнейшая отличительная особенность Советов, специально подчеркнутая В. И. Лениным, состояла в том, что если в 1905 г. Советы были только зарождавшимися органами диктатуры не всего народа, а лишь его революционных слоев,[69] то в результате победы февральской буржуазно-демократической революции они сразу начали утверждаться как органы новой государственной власти — власти, являвшейся по своему характеру не чем иным, как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.[70] Однако, страшась перехода всей полноты государственной власти после свержения самодержавия в руки Советов, русская буржуазия, используя соглашательский эсеро-меньшевистский Исполком Петроградского Совета, сформировала, как известно, буржуазное Временное правительство. Так в России сложился весьма оригинальный исторический «симбиоз», о котором В. И. Ленин писал следующее: «В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*... В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов».[71]

Период с февраля по июль 1917 г., несмотря на свою кратковременность, имел исключительное значение для дальнейшей судьбы социалистической революции в России. Достаточно напомнить, что, во многом опираясь именно на факт приобретения Советами характера органов государственной власти после свержения царизма, В. И. Ленин в зна-

---

[67] См., например: И. И. Минц. Развитие взглядов В. И. Ленина на Советы. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 2.

[68] См.: И. И. Минц. История Великого Октября, тт. I, II. М., 1967, 1968; Х. А. Ерицян. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960; А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967; О. Н. Моисеева. Советы крестьянских депутатов в 1917 году. М., 1967.

[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 321.

[70] См.: А. И. Королев. Ленинские идеи о государственно-правовом творчестве трудящихся масс России. — Правоведение, 1970, № 2, стр. 37—38; Парижская коммуна и современность, стр. 80, 81.

[71] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 145.

менитых Апрельских тезисах изложил план борьбы за переход от революции буржуазно-демократической к революции социалистической раскрыл и конкретизировал основное положение программы РСДРП(б), принятой на II съезде партии в 1903 г., — положение о диктатуре пролетариата. Развивая марксистскую теорию государства и пролетарской революции с учетом опыта Парижской Коммуны 1871 г. и русских революций 1905—1907 гг. и февральской 1917 г., В. И. Ленин пришел к кардинальному выводу: Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, рожденные народным творчеством революционных масс России, представляют собой новый, высший по сравнению с парламентарной демократической республикой тип политической формы диктатуры пролетариата.[72] Поэтому выдвинутый большевиками лозунг «Вся власть Советам!» уже в период мирного развития революции предполагал создание Советского правительства. «...С. Р. Д. есть единственно возможная форма революционного правительства, — указывал В. И. Ленин. — ...Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху».[73] При этом и в «Задачах пролетариата в нашей революции (проекте платформы пролетарской партии)» и в других развивавших идеи «Апрельских тезисов» работах «периода двоевластия» В. И. Ленин неизменно подчеркивал, что, воспроизводя «тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной», являясь властью «того же типа, какою была Парижская Коммуна 1871 года»,[74] Советы обязательно должны осуществить слом старой государственной машины по тем же основным направлениям, по которым начали это делать героические парижские коммунары.

Сделанное в «Апрельских тезисах» принципиально важное открытие, обогатившее марксистскую теорию и революционную практику, получило дальнейшее развитие в месяцы, непосредственно предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции, когда В. И. Ленин, по воспоминаниям Н. К. Крупской, неустанно думал и писал «о том, как надо перестроить весь государственный аппарат, как по-новому организовать массы, как по-новому переткать всю общественную „ткань", как выражался Ильич».[75] В августе—сентябре 1917 г. в трудах «Государство и революция», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Один из коренных вопросов революции», «Задачи революции», «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин еще более глубоко и всесторонне обосновал и разработал программу социалистической революции в области слома старого и строительства нового государственного аппарата, определил основные принципы организации

---

[72] Подробнее см.: Г. Н. Голиков, Ю. С. Токарев. К изучению Апрельских тезисов В. И. Ленина. — Вопросы истории, 1967, № 4; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1, Л., 1967, стр. 181—188.

[73] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 115.

[74] Там же, стр. 146, 162—163 и др.

[75] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968, стр. 319—320.

и деятельности пролетарской власти.[76] Обратив, в частности, внимание на то, что лозунг «Власть Советам» очень часто совершенно неправильно понимается «в смысле: министерство из партий советского большинства», он вскрыл явную ошибочность этого довольно распространенного в предоктябрьский период мнения. «„Министерство из партий советского большинства", это значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чиновничьего, насквозь недемократического..., — разъяснял В. И. Ленин в статье «Один из коренных вопросов революции». — „Власть Советам" — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно демократическим аппаратом Советов...».[77]

В другой, относящейся также к осени 1917 г. работе — «Удержат ли большевики государственную власть?», как вспоминала Н. К. Крупская, В. И. Ленин «необыкновенно горячо... писал как раз о том, в чем заключается Советская власть».[78] Не ставя своей целью обстоятельно охарактеризовать богатейшее содержание этой замечательной, неоднократно упоминавшейся выше ленинской работы, напомним лишь давно уже ставшие классическими указания В. И. Ленина о классовой сущности и отличительных особенностях Советов как принципиально нового государственного аппарата. Во-первых, это аппарат, дающий вооруженную силу рабочих и крестьян, которая в отличие от старой армии не оторвана от народа, а, наоборот, теснейшим образом с ним связана. Во-вторых, это аппарат, позволяющий установить такую широкую и неразрывную связь с трудящимися, с народом, какой никогда не может иметь механизм любого эксплуататорского государства. В-третьих, это аппарат, который в связи с выборностью и сменяемостью его состава по воле народа, без бюрократических формальностей является несравненно более демократическим, чем все прежние государственные аппараты. В-четвертых, это аппарат, позволяющий установить крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая этим проведение без бюрократии реформ самого

---

[76] Как известно, каждая из указанных и многие другие ленинские работы этого периода имеют свою собственную историографию (см.: Ленинниана, том 1. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем. 1956—1967. М., 1971). Новые ценные исследования об этой важнейшей стороне многогранной деятельности В. И. Ленина появились за последние годы. См., например: В. И. Ленин и историческая наука. Под ред. академика М. В. Нечкиной и др. М., 1968; Ленин — вождь Октября; Н. Н. Маслов. Ленин как историк партии. Лениздат, 1969; Е. Н. Городецкий. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; В. В. Горбунов. Книга века. О работе В. И. Ленина «Государство и революция». М., 1973; А. М. Совокин. В преддверии Октября. М., 1973; В. И. Старцев. Источниковедческое исследование произведений В. И. Ленина (5 июля—14 сентября 1917 года). Автореф. докт. дисс. Л., 1973, и др.

[77] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 202.

[78] Н. К. Крупская. За власть Советов. — Известия, 20 января 1960 г.

глубокого характера. В-пятых, это аппарат, дающий авангарду рабочих и крестьян такую форму организации, посредством которой он может руководить всей массой трудящихся. Наконец, в-шестых, это аппарат, который «дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*».[79]

Именно поэтому В. И. Ленин неоднократно указывал на огромное значение революционного творчества трудящихся масс в ходе первых двух русских революций, подчеркивал, что пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, если бы народное творчество революционных классов, прошедшее через горький опыт революции 1905 г. и умудренное им, не создало бы новой формы государственной организации власти трудящихся — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.[80] «Пусть устыдятся те, — уверенно писал В. И. Ленин в сентябре 1917 г., кто говорит: „у нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии, аппарат". Ибо этот аппарат *есть*. Это ... Советы».[81]

Столь же убедительно В. И. Ленин разоблачил придуманный идеологами буржуазии и вторившими им эсеро-меньшевистскими лидерами миф о том, что якобы в России пролетариат не сможет привести в движение государственный механизм и осуществлять руководство его работой. Если после подавления революции 1905 г. страной в условиях царизма могли управлять с помощью бесконечных репрессий 130 тыс. помещиков, с полным основанием подчеркивал В. И. Ленин, то как можно всерьез утверждать, что Россией будто бы не смогут управлять в интересах бедных и против богатых 240 тыс. членов партии большевиков, которая имела тогда за собой не менее 1 млн своих сторонников, идейно преданных социалистическому государству, и располагала к тому же таким поистине «чудесным средством», как привлечение трудящихся к повседневной работе управления государством, — способным «удесятерить» пролетарский госаппарат? [82]

---

[79] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 304—305.

[80] Там же, т. 34, стр. 305; т. 36, стр. 6.

[81] Там же, т. 34, стр. 204.

[82] Там же, т. 34, стр. 313. — Следует обратить внимание на характерную для В. И. Ленина обоснованность его вывода: численность рабочих только в промышленности России в 1913 г. равнялась 3.9 млн человек; всех рабочих и служащих насчитывалось 12.9 млн (см.: Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968, стр. 6). К 1917 г. общая численность российского пролетариата составляла, по подсчетам П. В. Волобуева, 15 млн человек (без служащих 13.5 млн), промышленных же, городских рабочих насчитывалось около 3.4 млн (П. В. Волобуев. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964, стр. 16). Накануне Великого Октября, по сведениям, приведенным в монографии Л. С. Гапоненко, общая численность промышленных и сельскохозяйственных пролетариев составляла примерно 15 млн человек (при общей численности всех лиц наемного труда около 18.5 млн). См.: Л. С. Гапоненко. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970, стр. 74, 75.

Именно все эти мысли волновали В. И. Ленина в конце сентября—начале октября 1917 г., и именно об этом писал он тогда в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?». В связи с этим небезынтересно привести «суждение» распространенной правосоциалистической газеты того времени «День» по поводу указанной работы В. И. Ленина: «Это — удивительная брошюра. Она написана с подлинным увлечением и несмотря на сухую, чисто публицистическую форму, она должна быть отнесена к числу социалистических романов. Ее место... в том ряду, который начинается с книг Томаса Мора об „Утопии“».[83]

Совершенно по-иному отнеслись к ленинским работам трудящиеся России, и прежде всего рабочий класс страны. Я. А. Аверьянов, член РСДРП(б) с 1905 г., секретарь Исполкома Искоростенского Совета Рабочих и Солдатских депутатов (Волынская губерния) и делегат Второго Всероссийского съезда Советов, вспоминал, что брошюра В. И. Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» «ходила из рук в руки, ею зачитывались, она... рассеивала боязнь, вселяла полнейшую уверенность в силы нашей большевистской партии, в силы рабочего класса и беднейших слоев крестьянства, она не оставляла... никаких сомнений в том, что, взяв всю государственную власть в свои руки, большевики с этой задачей справятся безусловно». И далее заключал: «Эта брошюра Владимира Ильича... была популярной не только среди рабочих и солдатских, но и крестьянских масс, она сыграла по организации масс колоссальнейшую роль».[84]

Итак, разбить все, что есть «угнетательского» и «неисправимо-буржуазного» в старом государственном аппарате, поставить «на его место свой, новый аппарат» в лице советских организаций и в то же время овладеть теми органами старого аппарата, которые выполняют работу технического, экономического и учетно-регистрационного характера, предварительно отрубив от них капиталистов с их нитями влияния и подчинив их Советам, — к этому вкратце сводилось основное содержание сформулированной В. И. Лениным задачи пролетарской революции в области государственного строительства.[85] К моменту Великой Октябрьской социалистической революции, таким образом, большевистская партия и шедшие за нею революционные массы рабочих и крестьян России были вооружены ленинским учением о необходимости коренного слома старой буржуазной государственной машины и создания нового государственного аппарата власти Советов.

Задолго до Октябрьской революции В. И. Ленин писал: «...за наши взгляды вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность».[86] Развитие исторических событий, как известно, убедительно подтвердило политическую прозорливость В. И. Ленина, который вошел в историю как гениальный теоретик пролетарской революции и социали-

[83] День, 7 ноября 1917 г.
[84] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 192, лл. 40—41.
[85] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 302—309.
[86] Там же, т. 12, стр. 65.

стического преобразования общества.[87] Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС, В. И. Ленин «органически соединил в себе мудрость мыслителя и опыт народной жизни, блестящее знание марксистской теории и понимание насущных потребностей рабочего движения. На рубеже двух исторических эпох, на основе нового исторического опыта, изучения борьбы международного рабочего класса и национально-освободительного движения народов, Ленин творчески развил и обогатил учение Маркса. Ленинизм — это марксизм новой исторической эпохи, эпохи империализма и пролетарских революций, перехода человечества от капитализма к социализму и строительству коммунистического общества».[88]

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и триумфальное шествие пролетарской революции по всей стране позволили В. И. Ленину уже 9 ноября 1917 г. (по старому стилю) написать в предисловии ко второму изданию неоднократно упоминавшейся выше работы «Удержат ли большевики государственную власть?» следующие выразительные строки: «Революция 25-го октября перевела вопрос, поставленный в этой брошюре, из области теории в область практики... Теоретические доводы против большевистской власти слабы до последней степени. Эти доводы разбиты. Задача теперь в том, чтобы практикой... доказать жизненность рабочего и крестьянского правительства..., чтобы на практике решить величайший исторический вопрос».[89]

---

[87] А. Н. Косыгин. Речь, произнесенная в заключение совместного торжественного заседания Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 22 апреля 1970 года, посвященного 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. В сб.: К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. М., 1970, стр. 164, 165.

[88] О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление Центрального Комитета КПСС. М., 1968, стр. 4—5.

[89] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 289.

Часть
первая

В.И.Ленин и строительство советского государственного аппарата

Глава 1. ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ И ЕЕ ЦК В СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Период 1917—1918 гг., от состоявшегося 25—26 октября 1917 г. II Всероссийского съезда Советов до V Всероссийского съезда Советов, утвердившего 10 июля 1918 г. Конституцию РСФСР, явился для большевиков исключительным периодом. В результате победы Октябрьской социалистической революции ленинская партия рабочего класса оказалась первой в истории марксистской партией, вставшей у власти. Из нелегальной партии, гонимой и преследуемой в условиях царизма и господства буржуазии, она стала правящей партией, ведущей и направляющей силой одной из величайших в мире стран. Под ее руководством в России впервые в мировой истории было успешно осуществлено создание государства пролетарской диктатуры.

С начала 60-х годов опубликован целый ряд ценных трудов, широко освещающих гигантскую и многообразную деятельность партии большевиков во главе с В. И. Лениным по строительству в России государственности принципиально нового, социалистического типа.[1] Значительным вкладом в научную разработку истории Октября, первых послеоктябрьских лет и истории партии являются первая (март 1917—

---

[1] См.: П. А. Родионов. Ленин—партия—массы. М., 1960; В. И. Ленин и строительство партии в первые годы Советской власти. М., 1965; Б. М. Морозов. Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1966; Г. Н. Голиков. Революция, открывшая новую эру. М., 1967; История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967; Ленинские принципы партийного руководства массами в первые годы строительства советского общества. М., 1967; И. И. Минц. История Великого Октября. М., т. 2 — 1968, т. 3 — 1972; В. М. Шапко. Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства. М., 1968; В. В. Аникеев. Деятельность ЦК РСДРП (б) в 1917 году. М., 1969; Н. Н. Виноградов. Фракции коммунистов в Советах (1918—1920 гг.). М., 1969; Ю. Г. Турищев. Партия у власти. М., 1969; А. К. Колесников. Ленинские принципы организационного руководства КПСС (октябрь 1917—1923 гг.). М., 1971; Д. А. Чугаев. Коммунистическая партия — организатор Союза Советских социалистических республик. М., 1972; Н. Р. Андрухов. Партийное строительство после Октября (1917—1924 гг.). М., 1973; С. В. Липицкий. Военная деятельность ЦК РКП(б). 1917—1920. М., 1973. — Рассмотрению организаторской деятельности ленинского ЦК большевистской партии в области советского государственного строительства посвящена, в частности, и наша статья «В. И. Ленин и строительство Советского государства» (см.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970).

март 1918 г.) и вторая (март 1918—1920 г.) книги третьего тома «Истории КПСС», подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.[2] Поэтому в данном очерке преследуется гораздо более скромная цель попытаться проследить, в каких основных направлениях осуществлялась в рассматриваемый период организаторская деятельность Центрального Комитета большевистской партии во главе с В. И. Лениным в области создания и упрочения в России аппарата управления Советской власти.

В общих чертах ответ на этот вопрос можно найти в относящихся к весне 1918 г. трудах и выступлениях В. И. Ленина, и в первую очередь в Политическом отчете ЦК партии VII экстренному съезду РКП(б) и работе «Очередные задачи Советской власти», содержавших блестящий анализ главных задач и, следовательно, направлений, в которых развивалась деятельность большевистской партии и ее Центрального Комитета в дооктябрьский период и в первые месяцы после установления Советской власти.[3]

Исключительно важным источником, на основе которого можно характеризовать работу Центрального Комитета большевистской партии в интересующий нас период, являются, естественно, разнообразные документы, отложившиеся в процессе его деятельности, и прежде всего, конечно, протоколы руководящего органа партии. Использование этого важнейшего источника существенно облегчается тем, что значительная часть протоколов ЦК за период между VI и VII съездами большевистской партии опубликована. В распоряжении исследователей имеются два специальных издания протоколов ЦК партии с августа 1917 г. по февраль 1918 г.[4] Протоколы ЦК РКП(б) за последующие месяцы (с марта по май 1918 г.) хранятся в фонде 17 Центрального партархива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Следует иметь в виду определенное своеобразие всех этих протоколов ЦК, отразивших некоторые особенности его работы в рассматриваемый период. Дело в том, что в напряженнейших условиях предреволюционных и первых послеоктябрьских месяцев деятельности ЦК партии в Петрограде, а затем (после 10 марта 1918 г.) в Москве, когда в его структуре еще не определились отделы и шли поиски новых организационных форм, регулярный созыв пленарных заседаний Центрального Комитета в полном составе практически не был возможен. В то же время в заседаниях узкого состава ЦК, избранного пленумом ЦК 4—5 августа 1917 г. для ведения всей текущей работы, а позднее и выделенных из его состава Организационного бюро (или Секретариата) и Политического бюро (Политбюро), как правило, принимали участие не только члены

---

[2] М., 1967, 1968. Редакция третьего тома: Е. И. Бугаев, Г. Н. Голиков, В. С. Кириллов, И. И. Минц, А. Д. Педосов, Н. В. Рубан.

[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6, 7, 171—173.

[4] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917—февраль 1918 г. М.—Л., 1929; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918, М., 1958.

этих исполнительных органов, но и все свободные от неотложных дел члены и кандидаты в члены Центрального Комитета, находившиеся в столице. Именно это обстоятельство сделало фактически невозможным резкое разграничение протоколов заседаний (как правило, расширенных) узкого состава или Секретариата и Политбюро ЦК и собственно пленумов Центрального Комитета.[5]

Необходимо также заметить, что указанные выше протоколы не отражают, разумеется, полностью хода обсуждения всех вопросов на заседаниях ЦК партии за рассматриваемый период. Приведем лишь несколько примеров. Так, в обоих изданиях протоколов Центрального Комитета при наличии резолюции ЦК от 2 ноября 1917 г. протокол его заседания за этот день отсутствует; отсутствует также и протокол Центрального Комитета от 6 марта 1918 г., о котором назавтра, 7 марта, прямо упомянул в своем выступлении на VII съезде РКП(б) Я. М. Свердлов;[6] наконец, за весь декабрь 1917 г. напечатан текст лишь одного протокола ЦК от 11 декабря, хотя очень трудно допустить, чтобы Центральный Комитет правящей партии не собирался больше в этом месяце для обсуждения и решения других государственных и партийных вопросов. До сих пор, к сожалению, не обнаружен, по-видимому, также не сохранившийся ряд протоколов ЦК партии, относящихся к лету (с 20-х чисел мая до 16 сентября) 1918 г. Вполне очевидно, что известные в настоящее время протоколы ЦК не в полной мере отражают чрезвычайно насыщенную и многообразную деятельность руководящего штаба партии. И все же исключительную важность этого источника не приходится доказывать.

О деятельности большевиков во главе с В. И. Лениным в период «завоевания власти»

В исторические октябрьские дни 1917 г. и последующие месяцы примерно по февраль 1918 г. вся работа большевистской партии и ее Центрального Комитета была прежде всего подчинена решению той главной задачи, которой, как указывал В. И. Ленин, являлось завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплуататоров, а также выполнению тесно связанной с ней другой труднейшей задачи «внутренней организации».[7]

Как известно, еще задолго до Октябрьской революции В. И. Ленин писал, что у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме объединяющей его передовые элементы организации, кроме политической партии, выражающей коренные интересы рабочего класса и его союзников.[8] Ленинская партия рабочего класса, приведшая его к победе

---

[5] Об этом см.: И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. М., 1960, стр. 41; Б. М. Морозов. Ук. соч., стр. 302—303.

[6] Седьмой экстренный съезд РКП(б). М., 1962, стр. 80, 377.

[7] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 6, 172.

[8] Там же, т. 24, стр. 37, 38.

в дни Великого Октября, явилась также и организатором строительства в России социалистического государства.

Первоочередным и необходимым шагом на этом пути должно было стать создание Советского правительства, причем не просто правительства, образованного представленными в Советах основными политическими партиями, а непременно такого правительства, которое было бы способно и на деле стремилось бы провести в жизнь революционную программу социалистического преобразования страны. Именно на решении этой первостепенной по значению и неотложной задачи сначала и была сосредоточена деятельность ЦК РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным.

Из протоколов ЦК партии видно, что уже 21 октября Центральный Комитет, обстоятельно обсудив вопрос о подготовке ко II Всероссийскому съезду Советов, наряду с составлением тезисов докладов о войне и о земле поручил В. И. Ленину подготовить также тезисы по вопросу о власти. Выполнением этого решения ЦК партии явились, по-видимому, написанные В. И. Лениным не позднее 25 октября известные заметки об организации нового аппарата управления в России.[9]

В последующие дни по мере успешного развития пролетарской революции деятельность ЦК РСДРП(б) в области подготовки формирования нового правительства все более активизировалась. 24 октября, в первый день восстания, Центральный Комитет признал необходимым вступить в политический контакт с левыми эсерами по вопросу об их вхождении в правительство.[10] Вопросы организации новой власти и формирования будущего Советского правительства явились также одной из главных тем обсуждения и двух следующих заседаний ЦК большевистской партии. Протоколы этих заседаний, к сожалению, не сохранились, но о принятых на них решениях Центрального Комитета известно из других источников.[11] Первое из этих заседаний состоялось в историческую ночь с 24 на 25 октября, вскоре после прибытия вечером 24 октября в Смольный В. И. Ленина.[12] Заседание ЦК проходило в напряженной обстановке продолжавшихся революционных боев. Воспоминания некоторых участников этого заседания (А. А. Иоффе, А. В. Луначарского, В. П. Милютина, Г. И. Оппокова-Ломова, Э. А. Рахьи, О. Н. Равич и др.) [13] позволяют

---

[9] Ленинский сборник. XXI, стр. 91—92; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 118; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., 1965, стр. 150. Подробнее см. интересную статью Е. А. Луцкого, специально посвященную изучению заметок В. И. Ленина о названии, программе и структуре Советского правительства. (Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969, стр. 365—385).

[10] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 120.

[11] См., в частности: Ленин в 1917 году. Даты жизни и деятельности. М., 1957, стр. 108, 113.

[12] Б. Метлицкий, В. Муштуков. И начался решительный штурм... (Новые данные о времени прибытия В. И. Ленина в Смольный 24 октября 1917 года). — Вечерний Ленинград, 9 декабря 1968 г.

[13] См.: Первый народный календарь на 1919 год. Пгр., 1919, стр. 82; А. А. Иоффе. Первое пролетарское правительство. — Коммунистический интернационал, 1919, № 6, стлб. 779—780; В. П. Милютин. 1) Первые шаги. — Сельско-

с достаточной определенностью судить о том, как протекало обсуждение вопроса о новом правительстве, если говорить о его принципиальной стороне. Во всяком случае одно несомненно: очевидный успех предпринятого под руководством В. И. Ленина решительного наступления революционных сил, в результате которого к утру 25 октября вся столица почти полностью вышла из-под контроля фактически уже устраненного от власти Временного правительства, предопределил принятие ЦК РСДРП(б) ответственнейшего решения о необходимости сформирования большевиками на II Всероссийском съезде Советов нового, Советского правительства. На этом проходившем под председательством В. И. Ленина заседании, продолжавшемся с перерывами почти всю ночь, ЦК партии принял решение назвать будущее Рабочее и Крестьянское правительство России Советом Народных Комиссаров, а также наметил предварительный список возможных кандидатов в его состав. Как вспоминал А. А. Иоффе, «Владимир Ильич сначала категорически отказывался быть председателем Совнаркома и только ввиду настояний всего ЦК согласился». «Владимир Ильич на этом заседании, — пишет далее А. А. Иоффе, — несмотря на то что оно было утром после совершенно бессонной и страшно нервно-напряженной ночи, был чрезвычайно бодр и очень весел, поддразнивал мрачно настроенных противников восстания и на их замечания, что мы едва ли продержимся две недели, отвечал: „Ничего, когда пройдет 2 года и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что еще 2 года продержимся“».[14]

Фактическая победа вооруженного восстания и решение ЦК РСДРП(б) о необходимости образования Советского правительства нашли немедленное отражение в опубликованном 25 октября знаменитом ленинском обращении Петроградского ВРК «К гражданам России!», известившем о низложении Временного правительства и обеспечении дела создания Советского правительства,[15] а также в решениях большевистской фракции съезда, собравшейся вечером 25 октября при участии В. И. Ленина. Назавтра, вечером 26 октября, состоялось новое заседание, точнее, по-видимому, совещание ЦК РСДРП(б) совместно с большевистской фракцией II съезда Советов, на котором было принято принципиально важное решение составить первое правительство Советов из одних большевиков и одновременно был окончательно подготовлен список кандидатов на посты

хозяйственная жизнь, 1922, № 7 (93), стр. 29; 2) О Ленине. Л., 1924, стр. 4—6; Г. И. Ломов. В дни бури и натиска. — Пролетарская революция, 1927, № 10, стр. 170—172; В. Д. Бонч-Бруевич. Совнарком в те дни. — Наша газета, 7 ноября 1927, № 255; Э. А. Рахья. Мои предоктябрьские и послеоктябрьские встречи с Лениным. — Новый мир. Книга первая. М., 1934; А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. М., 1968, стр. 173—174; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 199, лл. 57—58, 60 об.—61 об. (воспоминания члена партии с 1903 г. О. Н. Равич, с июля 1917 г. руководившей агитационным отделом ПК РСДРП(б) и одновременно являвшейся депутатом Петроградского Совета от фабрики «Скороход»), и др.

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 378, лл. 169 об.—170.

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 3.

народных комиссаров.[16] Этому ответственному решению предшествовали состоявшиеся во второй половине дня 26 октября переговоры ЦК большевиков с лидерами партии левых эсеров, проходившие при активнейшем участии В. И. Ленина.[17]

Учитывая многоукладность социально-экономических условий России, преобладание в стране сельского населения, большевики во главе с В. И. Лениным, как известно, в принципе считали возможным и даже желательным участие в Советском правительстве вместе с партией рабочего класса и представителей других демократических партий, выражающих интересы и пользующихся поддержкой различных слоев трудящихся, и прежде всего, конечно, трудового крестьянства. Единственным условием такого сотрудничества являлось признание этими партиями совершившейся пролетарской революции и социалистической платформы и декретов II Всероссийского съезда Советов. Об этом убедительно свидетельствует в своих воспоминаниях секретарь эсеровской фракции ВЦИК 1-го и 2-го созывов П. В. Бухарцев, участвовавший 25 октября в переговорах с руководителями большевистской партии во главе с В. И. Лениным по вопросу о совместной работе и организации власти. Как вспоминал П. В. Бухарцев, «в целях сотрудничества с социалистами-революционерами большевики выдвинули социализацию земли, а также обещали всем социалистическим партиям, которые останутся на съезде, дружную и совместную работу всюду сообразно пропорционального представительства на съезде».[18] Однако меньшевики и правые эсеры в знак протеста против Октябрьского вооруженного восстания демонстративно покинули заседание съезда 25 октября.

«Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли, — говорил по этому поводу на четвертый день после победы восстания В. И. Ленин, выступая на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона. — Им предлагали разделить власть, но они хотят подождать, пока кончится борьба с Керенским.

К участию в правительстве мы приглашали всех. Левые эсеры заявили, что они хотят поддерживать политику Советского правительства. О несогласии с программой нового правительства они не решались даже заявить... Здесь все знают, что эсеры и меньшевики ушли (со II съезда

---

[16] См.: Е. А. Султанова. Об участии В. И. Ленина в работе большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 8, стр. 47—54; Е. А. Луцкий. В. И. Ленин в октябрьские дни 1917 г. (Советская историография последних лет). — В кн.: Материалы научной конференции по проблеме «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1969, стр. 33—38; Т. Д. Ионкина. Борьба В. И. Ленина за укрепление диктатуры пролетариата (В. И. Ленин на II и III Всероссийских съездах Советов). — В кн.: В. И. Ленин об историческом опыте Великого Октября. М., 1969, стр. 218—224.

[17] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 45, 72—73; т. 36, стр. 494; А. Г. Шляпников. К Октябрю. — Пролетарская революция, 1922, № 10, стр. 23; Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. Изд. 2. М., 1968, стр. 337.

[18] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 197, л. 23. — См. также об этом: ЛПА, ф. 4000, оп. 6, № 63, лл. 9, 10; № 90, лл. 5, 6; ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 269, № 7, лл. 31, 32.

Советов, — *М. И.*) потому, что остались в меньшинстве. Петроградский гарнизон это знает. Он знает, что мы хотели Советского коалиционного правительства. Мы из Совета не исключали никого. Если они не хотели совместной работы, тем хуже для них. За меньшевиками и эсерами солдатские и крестьянские массы не пойдут. Я не сомневаюсь, что на любом рабочем и солдатском собрании девять десятых выскажется за нас».[19]

Допуская возможность соглашения по вопросу о составе правительства с другими партиями на основе платформы II Всероссийского съезда Советов, ЦК РСДРП(б) при непосредственном участии В. И. Ленина 26 октября вновь предложил включить в состав формируемого Советского правительства кандидатуры трех видных членов левоэсеровского руководства — Б. Д. Камкова, В. Б. Спиро и В. А. Карелина. «В памяти осталась обстановка этого совещания, — вспоминала затем Н. К. Крупская. — Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает».[20] Но левоэсеровские лидеры продолжали упорно настаивать на создании «однородного социалистического правительства» из представителей «всей демократии», включая меньшевиков и правых эсеров, демонстративно покинувших заседание II съезда Советов. «В оглашенном здесь списке членов нового правительства, — признал один из левоэсеровских лидеров В. А. Карелин, выступая на вечернем заседании съезда 26 октября, — могло бы быть и несколько левых с.-р. Но если бы мы пошли на такую комбинацию, то мы этим углубили бы существующие в рядах революционной демократии разногласия. Но наша задача заключается в том, чтобы примирить все части демократии».[21] Тем самым левые эсеры хотели, по меткому определению Н. К. Крупской, «впрячь в советскую телегу лебедя, рака и щуку, создать правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места». Как известно, договоренности с левыми эсерами достичь тогда не удалось[22] и по предложению В. И. Ленина ЦК РСДРП(б) решил представить Второму съезду Советов «чисто большевистский список народных комиссаров».[23]

Наряду с окончательным уточнением состава будущего правительства совещание ЦК РСДРП(б) и членов большевистской фракции съезда 26 октября, одобрив представленный В. И. Лениным проект постановления об образовании Рабочего и Крестьянского правительства, решило и важный вопрос о его структуре. В тексте постановления нашли выражение настойчивые поиски В. И. Лениным новых форм организации прави-

---

[19] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 36—37.

[20] Н. К. Крупская. Ук. соч., стр. 337.

[21] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.—Л., 1928, стр. 26.

[22] Об истории блока большевиков с левыми эсерами в конце 1917—1918 г. см.: К. В. Гусев. Крах партии левых эсеров. М., 1963; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; П. А. Голуб. О блоке большевиков с левыми эсерами в период подготовки и победы Октября. — Вопросы истории КПСС, 1971, № 9, и др.

[23] Протоколы Центрального комитета РСДРП(б), стр. 139.

тельственной власти, его стремление создать такой центральный аппарат управления, который при удачном сочетании принципов коллегиальности и единоначалия был бы неразрывно связан «с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих».[24]

Отвечая на вопросы корреспондента меньшевистской «Рабочей газеты», сумевшего уже 26 октября взять у В. И. Ленина первое интервью, вождь пролетарской революции сказал, что в настоящее время укрепляется достигнутое, а с фронта поступают удовлетворительные сообщения. Организация новой власти, подчеркнул В. И. Ленин, зависит от Всероссийского съезда Советов, который еще сегодня, вероятно, выскажется по этому вопросу.[25] Поздно вечером того же дня II Всероссийский съезд Советов действительно высказался по кардинальному вопросу, о котором говорил В. И. Ленин, утвердив список выдвинутых на должности советских министров — народных комиссаров — 14 представителей ленинской партии рабочего класса России. «Провозглашается новое правительство..., — записано об этом в репортерском блокноте присутствовавшего на съезде Джона Рида. — С трибуны объявляется состав Совета Народных Комиссаров, причем каждое имя приветствуется в зависимости от революционных заслуг его владельца». Имя Ленина, отмечает Джон Рид, вызывает «несмолкающую бурю оваций».[26] Одобрив состав Советского правительства, съезд избрал Председателем Совета Народных Комиссаров вождя социалистической революции В. И. Ленина, явившего собой образец государственного деятеля нового, пролетарского типа.

Создание Совнаркома — принципиально нового по своей социальной природе и назначению первого пролетарского правительства России, которое должно было возглавить всю работу по управлению страной и социалистическому строительству, трудно переоценить. «Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии, — говорил В. И. Ленин, выступая накануне, 25 октября в Смольном перед депутатами Петроградского Совета с докладом о задачах власти Советов. — Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций».[27]

Съезд предоставил большевистской партии значительную часть мандатов и в советском парламенте. Из 101 члена ВЦИК 2-го созыва 62 были большевиками (15 из них являлись членами и кандидатами в члены

---

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 28.

[25] Рабочая газета, 27 октября 1917 г.

[26] Дж. Рид. День второй. Известия, 3 ноября 1964 г.

[27] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 2. Как подчеркивалось в связи с этим в «Известиях», II Всероссийский съезд Советов создал «новый тип правительства, истинно народного, с народными организациями связанного, вместе с ними и через них работающего, и таким образом установил управление народа самим народом» (Известия ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов, 28 октября 1917 г.).

ЦК РСДРП(б)).[28] В состав большевистской фракции ВЦИК, самой многочисленной и авторитетной, вошли В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, А. С. Бубнов, В. Володарский, Ф. Э. Дзержинский, А. С. Енукидзе, М. К. Муранов, И. В. Сталин, П. И. Стучка, М. С. Урицкий и ряд других ведущих деятелей партии.

Небезынтересно отметить, что в репортерских блокнотах Джона Рида, относящихся к 26 октября (но ко времени еще до сформирования Совета Народных Комиссаров), имеется весьма примечательная и неизвестная до последнего времени запись о предполагавшемся уже тогда включении в состав нового правительства Г. В. Чичерина: «Чичерина, интернированного в Англии, думают назначить министром иностранных дел».[29] Как известно, Г. В. Чичерин возвратился в январе 1918 г. из Англии и сначала фактически, а затем и официально возглавил работу Наркоминдела.

Кроме Г. В. Чичерина первоначальный состав Советского правительства (В. И. Ленин, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко, А. И. Рыков, В. П. Милютин, А. Г. Шляпников, В. П. Ногин, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, Л. Д. Троцкий, Г. И. Оппоков-Ломов, И. А. Теодорович, Н. П. Авилов-Глебов, И. В. Сталин) [30] был вскоре пополнен М. Т. Елизаровым, А. М. Коллонтай, В. В. Оболенским, Э. Э. Эссеном, Ф. Э. Дзержинским, А. Н. Винокуровым. Уже в ноябре 1917 г., как, впрочем, и в последующие напряженные послеоктябрьские месяцы, в составе Совнаркома по разным причинам (в связи с выступлением группы оппозиционеров по вопросу о правительственной власти, созданием новых советских ведомств, ввиду отсутствия или отъезда ряда членов СНК в различные районы страны и т. д.) происходили, как известно, и другие изменения. Однако все эти персональные перемещения и изменения не меняли, естественно, принципиальной сущности и классового характера избранного II Всероссийским съездом Советов первого Рабочего и Крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров, который не только по способу создания, но и по своему составу коренным образом отличался от царского и буржуазных правительств старой России.

Для характеристики первого Советского правительства в этом аспекте большой интерес представляют некоторые результаты изучения состава Совнаркома в 1917—1918 гг.[31] При этом следует иметь в виду, что при

---

[28] Протоколы заседаний ВЦИК Советов раб., солд., кр. и каз. депутатов II созыва. М., 1918, стр. 8. — Самой многочисленной (31 человек) была и большевистская группа кандидатов в члены ВЦИК.

[29] А. Старцев. Русские блокноты Джона Рида. М., 1968, стр. 137.

[30] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 28—29.

[31] Разработка составлена автором на основании: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., тт. 35—37, 50—54; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4; ф. 124, оп. 1; Деятели Союза Советских Социалистических республик и Октябрьской революции (автобиографии и биографии). Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Седьмое издание, том 41. М., (б. г.), часть I, стлб. 3—350; часть II, стлб. 1—234; часть III, стлб. 1—304; Советская историческая энциклопедия, тт. 1—13. М., 1961—1971; От Февраля к Октябрю (из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). Составители: Р. А. Лавров, В. Т. Логи-

проведении данного исследования было признано целесообразным и правильным собрать и проанализировать необходимые сведения не только о народных комиссарах, т. е. тех, кто собственно входил в состав Советского правительства, но также и о всех других руководящих советских государственных деятелях, которые в рассматриваемый период, как это видно из протоколов заседаний Совнаркома, систематически принимали деятельное участие в работе Советского правительства и его постоянных комиссий (в первую очередь Малого Совнаркома).[32] Необходимо также оговориться, что, несмотря на достаточную в общем полноту полученных при этом материалов о членах первого Совнаркома во главе с В. И. Лениным и других советских руководителях,[33] по некоторым вопросам, особенно относящимся к начальным периодам жизни указанных лиц, эти данные, разумеется, не являются исчерпывающими, а иногда, к сожалению, и вовсе недостаточны.

Крупнейших своих организаторов и публицистов, пламенных трибунов революции во главе с В. И. Лениным сосредоточил в Совете Народных Комиссаров Центральный Комитет большевистской партии. Все советские государственные деятели, активно участвовавшие в работе СНК в 1917—1918 гг., кроме П. А. Козьмина и П. И. Попова,[34] являлись членами

нов, В. Н. Степанов, З. Н. Тихонова. М., 1957; Герои Октября, тт. 1, 2. Составители: Л. И. Ильина, С. П. Князев, Г. И. Копанев, Д. С. Кузнецова, Е. Т. Лейкина, В. Е. Муштуков, И. С. Сазонов, Е. А. Султанова. Под ред. Е. Ф. Ерыкалова, Г. И. Копанева и В. Е. Муштукова. Л., 1967; Ленин в воспоминаниях революционеров Латвии. Составители: М. Ф. Бирон, В. К. Мишке и П. Г. Ольман. Рига, 1969, и др.

[32] Имеются в виду, во-первых, руководители ВЦИК Советов Я. М. Свердлов, В. А. Аванесов и А. С. Енукидзе; во-вторых, — заместители народных комиссаров, официально утвержденные СНК для участия в его заседаниях, и, наконец, некоторые другие ведущие члены коллегий народных комиссариатов, которые с разрешения СНК (см. об этом например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 198) (хотя и без права решающего голоса) также активно участвовали в работе Советского правительства.

[33] В. А. Аванесов, А. Е. Аксельрод, Д. П. Боголепов, В. М. Бонч-Бруевич (Величкина), М. Г. Бронский (Варшавский), Н. П. Брюханов, И. И. Вахрамеев, А. Н. Винокуров, М. К. Владимиров (Шейфинкель), М. Ф. Владимирский, А. В. Галкин, И. Э. Гуковский, Ф. Э. Дзержинский, И. Г. Егоров, М. Т. Елизаров, А. С. Енукидзе, В. Н. Залежский, В. П. Затонский, А. А. Иоффе, Л. М. Карахан, М. С. Кедров, А. С. Киселев, П. А. Кобозев, М. Ю. Козловский, П. А. Козьмин, А. М. Коллонтай, П. А. Красиков, Н. Н. Крестинский, Н. К. Крупская, Д. И. Курский, К. Г. Ландер, Ю. Ларин (М. А. Лурье), М. Я. Лацис (Судрабс), П. П. Малиновский, В. Р. Менжинский, К. А. Мехоношин, Н. А. Милютин, В. И. Невский (Кривобоков), В. В. Оболенский (Н. Осинский), М. С. Ольминский (Александров), А. Н. Падерин, П. И. Пелевин, С. С. Пестковский, Я. Х. Петерс, Г. И. Петровский, В. Н. Подбельский, Н. И. Подвойский, М. Н. Покровский, П. И. Попов, А. Г. Правдин, И. В. Рабчинский, Ф. Ф. Раскольников (Ильин), А. Г. Рогов, Ф. А. Розинь, Я. Э. Рудзутак, Я. М. Свердлов, А. И. Свидерский, Н. А. Семашко, С. П. Середа, Э. М. Склянский, А. П. Смирнов, В. М. Смирнов, Г. Я. Сокольников, З. П. Соловьев, П. И. Стучка, И. С. Уншлихт, М. С. Урицкий, А. Д. Цюрупа, Г. В. Чичерин, В. Я. Чубарь, Г. Ф. Федоров, А. Г. Шлихтер, В. В. Шмидт, А. П. Шоломович, А. В. Шотман, Э. Э. Эссен.

[34] Председатель сельскотехнического отдела Русского технического общества, инженер-технолог, впоследствии доктор технических наук профессор П. А. Козь-

большевистской партии. Причем 51 человек из 92-х, или 55.5% общего количества изученных лиц, вступили в партию еще до 1904 г.; 20 человек, или 21.7%, — с 1904 по 1908 г.; 19 человек, или 20.6%, — с 1908 до октября 1917 г. Таким образом, 71 человек, или свыше 76%, в той или иной форме активно участвовали в подготовке и проведении первой русской революции 1905—1907 гг. Значительное большинство начало революционную деятельность еще раньше: уже в середине 90-х годов и на рубеже двух столетий, до 1903 г., в социал-демократическое движение вступило 66 человек, или около 72% всех упомянутых. Многие члены первого состава Советского правительства (В. И. Ленин, Ф. Э. Дзержинский, А. М. Коллонтай, Г. И. Оппоков-Ломов, И. В. Сталин и др.) являлись одновременно членами или кандидатами в члены ЦК партии, другие народные комиссары и ответственные советские руководители (Г. И. Петровский, П. И. Стучка и др.) были избраны в состав ЦК РКП(б) на VII съезде партии.

Любопытны данные, полученные о возрастном составе (по состоянию на 1917 г.) членов Совнаркома и других советских руководителей, постоянно участвовавших в его повседневной работе. К старшей возрастной группе (от 55 до 47 лет) принадлежало 15 человек, или 16.3%, старейшими в которой являлись М. Т. Елизаров (55 лет) и М. С. Ольминский (54 года). 47 лет в 1917 г. было В. И. Ленину, П. А. Красикову, Ф. А. Розиню, И. И. Скворцову-Степанову, А. Д. Цюрупе и А. П. Шоломовичу. Наиболее многочисленной являлась группа в возрасте от 46 до 37 лет, насчитывавшая 38 человек, или 41.3% общего числа. Почти столь же представительной была возрастная группа от 36 до 27 лет, состоявшая из 33 человек (35.9%). Самыми молодыми являлись Ф. Ф. Раскольников и Э. М. Склянский (25 лет), Г. Ф. Федоров и В. Я. Чубарь (по 26 лет).[35]

Последовательно осуществляя такие важнейшие принципы деятельности социалистического государства в области национальных отношений, как полное равенство и суверенность народов, отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие многочисленных национальных меньшинств и этнических групп, населявших территорию России, руководимое В. И. Лениным первое Советское правительство вместе с тем явилось образцом подлинно интернационального союза лучших представителей трудящихся всех, больших и малых, наций и национальностей в их борьбе против эксплуатации и угнетения, объединив в своем составе русских и украинцев, поляков и латышей, белорусов и евреев, армян и грузин. К сожа-

---

мин, назначенный после Октября сначала членом коллегии Наркомпрода, а затем заместителем председателя Особого совещания по обороне, был беспартийным; управляющий Центральным статистическим управлением при СНК П. И. Попов вступил в партию в 1924 г.

[35] Остался неустановленным возраст члена коллегии Наркомтруда А. Н. Падерина и члена коллегии Народного комиссариата государственного контроля П. И. Пелевина, входивших одновременно в состав Малого Совнаркома.

лению, как уже отмечалось выше, отсутствие соответствующих точных сведений для многих изученных лиц делает пока затруднительным приведение общих цифровых данных по этому вопросу.

Что же касается социального происхождения, то (хотя и здесь мы не располагаем необходимыми сведениями в отношении 19 человек, или 20.6%, т. е. свыше одной пятой общего числа указанных лиц) полученные данные позволяют все же сделать вполне определенный и, пожалуй, главный вывод. Подавляющее число членов ленинского Совнаркома в 1917—1918 гг. были подлинными выразителями интересов и чаяний трудового народа, являясь выходцами из семей рабочих и крестьян, демократической интеллигенции, широких кругов служащих и военнослужащих (64 человека, или почти 70%).

Трудящиеся России с полным основанием могли гордиться составом первого Советского правительства, образованного из видных деятелей большевистской партии. Среди них 51 человек, или 55.5%, имел высшее или незаконченное высшее (в связи с участием в революционном движении) образование; 18 человек, или 19.6%, — среднее или специальное образование; начальное образование, продолженное в «революционных университетах» царских тюрем, ссылок и эмиграции, получили 10 человек, или 10.8% общего числа изученных лиц.[35] На должности наркомов и другие ответственные посты в советском государственном аппарате партия выдвинула юристов и медиков, журналистов и экономистов, химиков и математиков, биологов и статистиков, военных, инженеров и техников, многие из которых учились за границей или жили там в эмиграции, прекрасно владели иностранными языками, являлись блестящими ораторами и публицистами. «...Первый Совет Народных Комиссаров, — писал руководитель миссии Красного Креста США в России в 1917 г. полковник Р. Робинс, — если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире».[37] С приведенными словами перекликается также свидетельство Е. Я. Драбкиной об этой замечательной когорте большевиков-ленинцев, которых независимо от полученного образования прочно объединяло главное — подавляющее большинство из них до октября 1917 г. были профессиональными революционерами, готовившими под руководством В. И. Ленина победу пролетарской революции: «Никогда и нигде в истории не существовало столь образованного, столь не дипломно, а истинно просвещенного правительства, которое превыше всего ставило интересы широчайших народных масс».[38]

Партии большевиков, ее Центральному Комитету и только что созданному первому Советскому правительству была ясна указанная марксиз-

---

[36] В отношении 13 человек, или 14.1%, сведений о полученном ими образовании собрать не удалось.

[37] См.: Новый мир, 1967, № 5, стр. 260.

[38] Е. Драбкина. На другой день после революции. Новое время, 7 ноября 1968 г., стр. 4.

Общий вид Смольного — штаба Великой Октябрьской социалистической революции. 1917 г. Петроград. Фото. ЦПА ИМЛ.

Кирот. 27 от 16 дек.

А.О.Р. XXVIII 54 1918-15/2

34

Отп. каждаго Комиссара, вносящаго какой бы то ни было вопрос в порядок дня Совета Нар. Ком., требовать предварительнаго письменнаго заявленія с указаніемъ:

УПРАВЛЕНІЕ ... Крестьянск. и Рабоч. ... Республ. ... Г. ... 5 іюня 1918 г. Вход. № 4774

а) в чем состоит вопросъ (кратко)

[это указаніе не может ограничиться одной ссылкой („о том-то"), а должно состоять в изложеніи содержанія вопроса]

б) Что именно предлагается Совету Нар. Ком.? (дать деньги; принять такую-то резолюцію и т. п. точныя указанія, чего хочет вносящій вопросъ)

в) Затрогивает-ли данный вопросъ вѣдомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменныя заключенія?

Ленин

Проект правил о подготовке заседаний Совета Народных Комиссаров. Автограф В. И. Ленина. 1917 г., не позднее 16 декабря. Петроград. Фото. ЦПА ИМЛ.

мом общая цель — осуществление социалистической реорганизации всей общественной жизни России. Однако, как отмечалось в речи В. И. Ленина на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г., «ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли».[39] «Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, — говорил тогда В. И. Ленин, — где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно — необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это задача величайшего труда».[40] Весьма показательным представляется в связи с этим и свидетельство ветерана коммунистической партии и активного участника Октябрьской революции И. С. Вегера о том, как в один из первых дней после победы на каком-то из совещаний членов ЦК и старейших работников партии, довольно часто собиравшихся тогда в Смольном, при обсуждении будущей деятельности только что созданного Советского правительства В. И. Ленин сказал: «Я учился по книжкам, а в книжках об этом ничего не сказано. Давайте вместе работать. Бросимся в море — научимся плавать».[41]

На неизведанном пути создания советского государства и социалистического строительства пролетариат России имел лишь один верный и надежный ориентир. Им была марксистско-ленинская программа партии рабочего класса. Необходимым условием успеха на этом полном трудностей пути являлось руководство, осуществляемое авангардом пролетариата — ленинской партией и ее Центральным Комитетом. «Марксизм учит... что только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, — подчеркивал В. И. Ленин, — в состоянии... руководить всей объединенной деятельностью всего пролетариата, т. е. руководить им политически, а через него руководить всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата неосуществима».[42] Политика ленинской партии рабочего класса должна была стать теперь основой политики родившегося в России нового государства пролетарской диктатуры, а ее программа — программой деятельности Совета Народных Комиссаров.[43]

Республика Советов как политическая форма диктатуры пролетариата, революционный выход России из империалистической войны и демократи-

---

[39] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 380.
[40] Там же, стр. 382.
[41] Е. Драбкина. Ук. соч., стр. 4.
[42] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 94.
[43] История КПСС, т. 3, книга первая, М., 1967, стр. 433.

ческий мир, национализация всей земли в стране и конфискация помещичьей земли, рабочий контроль над производством и распределением, национализация банков и синдикатов, ликвидация всякого национального неравноправия и угнетения — такова была в основном программа, которой к моменту Октябрьского восстания в Петрограде вооружила большевистская партия революционные массы рабочих и крестьян России. Эту партийную программу В. И. Ленин рассматривал, по свидетельству П. И. Стучки, не только как «агитационный и организационный материал, привлекающий и сплачивающий, организующий массы, но и как... программу будущего правительства».[44] И именно «введ[ение] немедл[енно] прогр[аммы]-мин[имум] (с[оциалистов]-р[еволюционеров] и с[оциал]-д[емократов])», о котором говорилось в известном ленинском наброске об организации нового аппарата управления,[45] с самого начала составило основное содержание деятельности рабоче-крестьянской власти и Советского правительства.

В первом же своем учредительном акте — написанном В. И. Лениным обращении «Рабочим, Солдатам и Крестьянам» — Всероссийский съезд Советов, объявив о переходе государственной власти в центре и на местах к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, законодательно закрепил выработанную большевистской партией социалистическую платформу деятельности новой, пролетарской власти. «Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах, — говорилось в обращении. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдат, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством ... обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».[46] Реальным воплощением этой программы большевиков, ставшей теперь и официальной программой нового правительства, являлись первые же декреты Советской власти.

Именно это обстоятельство было, в частности, подчеркнуто в подписанном и лично врученном В. И. Лениным «Ответе» Совета Народных Комиссаров делегатам комитета 49-го армейского корпуса 12 ноября 1917 г., в тексте которого наряду с извещением о переходе в Петрограде, Москве и ряде других городов Российской республики власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сообщалось также, что «декрет о мире провозглашен 2-м Всероссийским съездом и что Совет Народных Комиссаров уже принял решительные меры к началу переговоров о перемирии на всех фронтах... что переход всей земли в распоряжение земельных комитетов декретирован 2-м Всероссийским съездом и чрезвычайно энергично проводится в жизнь... что закон о демократизации армии и

---

[44] П. И. Стучка. Ленин и революционный декрет. — В кн.: Революционная роль советского права. М., 1934, стр. 92.

[45] Ленинский сборник, XXI, стр. 91.

[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

флота опубликован 8 ноября с. г. и в ближайшее время будет утвержден... что проект осуществления контроля над производством будет в ближайшие дни утвержден и опубликован».[47]

В чрезвычайных условиях пролетарской революции и начального периода советского строительства, когда руководство страной непрерывно осуществлялось партией большевиков, политическая линия Совета Народных Комиссаров была, естественно, неотделима от линии ЦК РСДРП(б).[48] Как известно, этот важнейший принцип большевики неуклонно соблюдали с первых дней победы пролетарской революции, когда в одной и той же маленькой комнате Смольного происходили, по свидетельству Ю. Ларина, «заседания и Совета Народных Комиссаров, и Центрального Комитета партии, тогда еще не вполне различимых друг от друга...».[49] Единство действий ЦК большевистской партии и Советского правительства обеспечивалось не только общностью их социалистической платформы и политического курса, но и тем, что наряду с вопросами текущей партийной работы ЦК РСДРП(б) постоянно рассматривал и обсуждал центральные вопросы внутренней и внешней политики Республики Советов. С этой целью к участию в некоторых заседаниях Центрального Комитета партии в рассматриваемый период, кроме членов и кандидатов в члены ЦК, привлекались также народные комиссары и другие ответственные советские государственные, партийные и профсоюзные работники. Так, например, вечером и ночью с 1 на 2 ноября 1917 г. состоялось расширенное заседание Центрального Комитета партии, на котором был рассмотрен доклад представителей Центрального Комитета партии об организованных Викжелем (Исполкомом Всероссийского союза железнодорожников) переговорах с лидерами других партий по чрезвычайно острому тогда вопросу об образовании «однородного социалистического правительства». В работе этого ответственнейшего заседания ЦК партии приняли участие члены Совета Народных Комиссаров, не входившие в состав Центрального Комитета, а также представители профессиональных союзов, Петроградского комитета партии и ее Военной организации.[50]

«Диктатуру, — подчеркивал В. И. Ленин, — осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков... Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей рес-

---

[47] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 8, л. 12; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 553. — Как видно из пометок на другом экземпляре этого «Ответа» Совнаркома, три копии его текста были также вручены делегату 529-го Ардатовского полка (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 15, л. 46). См. также: Э. В. Клопов. Ленин в Смольном, М., 1965, стр. 94, 95.

[48] Кратковременное соглашение о правительственном блоке с левыми эсерами было, как известно, достигнуто на основе социалистической платформы большевиков и обязательства левоэсеровских лидеров проводить общую политику Совета Народных Комиссаров.

[49] Ю. Ларин. У колыбели. — Народное хозяйство, 1918, № 11, стр. 16.

[50] См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП, стр. 148.

публике без руководящих указаний Цека партии».[51] Как специально отмечал также В. И. Ленин, раскрывая направляющую роль партии и ее ЦК в общем руководстве боевыми действиями Красной Армии на фронтах гражданской войны, «...не было ни разу, чтобы не было заседания ЦК либо Бюро ЦК — ни разу не было, чтобы мы не решали основные вопросы стратегии».[52]

Именно с единством политического и государственного руководства было связано то, что общеполитический курс страны и различные конкретные задачи в области ее внутренней и внешней политики разрабатывались теперь Центральным Комитетом в форме как партийных документов (директив, решений и инструкций), так и декретов Советской власти. Выражая политику ленинской партии, первые советские декреты были направлены на уничтожение буржуазно-помещичьего строя, законодательное оформление и дальнейшее развитие новых общественных отношений. Являясь революционными законами, намечавшими вехи в социалистическом строительстве, в исключительных условиях рассматриваемого периода они одновременно служили важнейшей формой пропаганды его идей, могучим средством привлечения на сторону рабочего класса и его ленинской партии широких народных масс города и деревни. Именно такая оценка роли и значения декретов Советской власти содержится в переписке ЦК РСДРП(б) конца 1917—начала 1918 г., в которой неоднократно подчеркивалась необходимость руководствоваться декретами Совета Народных Комиссаров как директивами партии. Так, в письме Секретариата ЦК РСДРП(б) от 7 декабря 1917 г. одной из местных партийных организаций прямо указывалось: «Если же вам нужно знать линию ЦК, то рекомендуем вашему вниманию все декреты Совета Народных Комиссаров, так как они проводят в жизнь программные вопросы нашей партии».[53] Еще более подробно Центральный Комитет охарактеризовал сущность революционных декретов и отношение к ним большевиков в обращении ко всем комитетам, группам и членам партии, опубликованном в «Правде» 29 мая 1918 г. «Наша партия стоит во главе Советской власти, — говорилось в обращении. — Декреты, мероприятия Советской власти исходят от нашей партии. Все они направлены к осуществлению конечных идеалов рабочего класса — к полному уничтожению классового неравенства, эксплуатации, к торжеству коммунизма».[54]

С руководящим положением большевистской партии в системе пролетарской диктатуры было связано и известное своеобразие, сложившееся в отношениях между ЦК РСДРП(б) и Советом Народных Комиссаров в первые же месяцы Советской власти. В самом деле, все члены бюро ЦК РСДРП(б), образованного 29 ноября,[55] занимали важнейшие государ-

---

[51] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 30—31.
[52] Ленинский сборник, XXXVII. М., 1970, стр. 137.
[53] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. II. М., 1957, стр. 81—82.
[54] Там же, т. III, 1967, стр. 82.
[55] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 155, 157.

ственные посты и постоянно участвовали в работе Советского правительства, членами которого, кроме того, были, как известно, и многие другие видные деятели партии. Это обстоятельство, а также то, что с момента создания Рабочего и Крестьянского правительства России его главой непрерывно являлся общепризнанный вождь партии В. И. Ленин, придавало несомненно Совету Народных Комиссаров особую авторитетность. «...многое по связи между Совнаркомом и Политбюро держалось персонально мною», — говорил об этом В. И. Ленин на XI съезде РКП(б).[56] Можно без преувеличения сказать, что именно в громадной и многообразной деятельности В. И. Ленина, пользовавшегося исключительным авторитетом и безграничным доверием всей партии и самых широких масс трудящихся, во многом находила прежде всего выражение направляющая роль большевистской партии по отношению к Советскому государству и его руководящим органам.

Однако нормальная деятельность образованного II Всероссийским съездом Советов Рабочего и Крестьянского правительства оказалась нарушенной в первые же послеоктябрьские дни. Советской власти пришлось приступить к осуществлению этой программы в труднейших условиях наступления войск Керенского—Краснова на революционную столицу, в обстановке напряженнейшей борьбы с антисоветскими мятежами в Петрограде и Москве, с яростным чиновничьим саботажем и настойчивыми попытками сформировать так называемое однородное социалистическое правительство.

Протоколов заседаний Центрального Комитета РСДРП(б) за этот период сохранилось немного — всего пять (два за конец октября—начало ноября и три за декабрь 1917 г.). Известна также резолюция ЦК партии, принятая 2 ноября 1917 г. Три документа из этих материалов — протоколы заседаний ЦК РСДРП(б) от 29 октября и 1 ноября и указанная выше резолюция — связаны с вопросом о создании «однородного социалистического правительства».

Предложение об образовании такого правительства исходило от соглашательского Викжеля, прикрывавшегося флагом нейтралитета и стремления примирить «всю демократию», и предполагало включение в его состав всех представленных в Советах партий, в том числе меньшевиков, правых эсеров и народных социалистов, отказавшихся участвовать в работе II съезда Советов и объявивших большевиков «узурпаторами власти». Выдвинутое именно в то время, когда в боях с контрреволюционными мятежниками на Пулковских высотах и на улицах Петрограда и Москвы решалось, быть или не быть Советской власти, т. е. в дни, когда, по словам В. И. Ленина, политический вопрос вплотную подходил к военному,[57] это предложение по существу означало постановку главного вопроса — кто, какая партия будет у власти и политику какого класса будет выражать руководимое ею новое правительство России: ленинская партия ра-

[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 114.
[57] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 36.

бочего класса или же блок мелкобуржуазных партий, явно тяготевших к соглашению с буржуазией.

Сохранившиеся протоколы ЦК РСДРП(б) вместе с материалами переписки-полемики (в первых числах ноября) Центрального Комитета с образовавшейся внутри партии группой оппозиционеров, материалами восьми номеров бюллетеней ЦК, опубликованных с 29 октября по 7 ноября, а также другими документами (прежде всего протоколами заседаний ВЦИК II созыва) содержат правдивый рассказ о том, как безотлагательно и решительно ответило на этот кардинальный вопрос ленинское большинство ЦК. Материалы убедительно свидетельствуют, что именно удивительная прозорливость, непоколебимая уверенность в победе пролетарской революции и огромный авторитет В. И. Ленина в значительной степени способствовали сохранению единства партии и Центрального Комитета, обеспечили быстрый и успешный исход развернувшейся вокруг состава Советского правительства острейшей политической борьбы. Протоколы заседаний ЦК этого времени всесторонне отражают принципиальную и одновременно гибкую тактику большинства ЦК РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным по отношению к мелкобуржуазным партиям и к оппозиционной группе в самом ЦК, предопределившую дальнейшее укрепление руководящей роли большевистской партии в Советском правительстве и во всей политической жизни страны. В настоящем разделе невозможно, разумеется, не только проанализировать, но даже кратко изложить имеющийся по этим вопросам в указанных выше партийных документах и других источниках обширный конкретно-исторический материал. К тому же этот сложный вопрос, в общих чертах рассматривавшийся почти во всех работах по истории Октября и начального периода Советской власти, сравнительно недавно получил свое специальное освещение.[58] Ограничимся поэтому лишь одним замечанием. Исследование настойчивой борьбы В. И. Ленина и возглавляемого им большинства ЦК РСДРП(б) против требования меньшевистско-эсеровского блока о создании «однородного социалистического правительства» и одновременно капитулянтской позиции некоторых неустойчивых членов оппозиционной внутрипартийной группы убедительно подтверждает сделанный советскими историками важный вывод относительно основной причины возникновения в нашей стране однопартийной политической системы.[59] Этот вывод состоит в том,

---

[58] См.: Е. Н. Городецкий. Ук. соч., стр. 159—169; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967, стр. 403—418; П. Ф. Метольков. В. И. Ленин — организатор борьбы партии против мелкобуржуазной «нейтралистской» позиции Викжеля (октябрь 1917 г.—январь 1918 г.). — В кн.: В. И. Ленин и революционные традиции железнодорожников. Л., 1970, стр. 3—43.

[59] См.: Е. Г. Гимпельсон. Из истории образования однопартийной системы в СССР. — Вопросы истории, 1965, № 11; К. В. Гусев. Ук. соч.; В. В. Комин. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. Ук. соч.; Н. В. Рубан. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; П. И. Соболева. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; П. Н. Соболев. К вопросу о возникновении однопартийной

что мелкобуржуазные партии сами отвергли сотрудничество с большевиками на основе выражавшей волю революционных трудящихся России программы II Всероссийского съезда Советов и встали на путь борьбы против диктатуры пролетариата.[60]

После разгрома первых вооруженных выступлений контрреволюции, провала попыток сформировать однородное социалистическое правительство и преодоления оппозиции капитулянтской группы внутри большевистской партии в 10-х числах ноября в деятельности ЦК РСДРП(б), в том числе и в области строительства советского государственного аппарата, начался новый этап.

К сожалению, за период начиная с этого времени и до конца 1917 г. сохранилось всего три протокола заседаний Центрального Комитета партии. Это обстоятельство несомненно делает невозможным достаточно полное освещение повседневной работы ЦК РСДРП(б). В то же время и эти крайне немногочисленные протоколы дают определенное представление о важности вопросов, которые возникали и решались в этот новый период Центральным Комитетом во главе с В. И. Лениным.

Первый из сохранившихся протоколов отражает заседание ЦК РСДРП(б), состоявшееся 8 ноября. Сама дата этого заседания невольно напоминает о разыгравшейся в первые ноябрьские дни острой политической схватке между ленинским большинством ЦК и группой оппозиционеров. И надо сказать, что оно не только по времени следовало за этими событиями. Один из рассматривавшихся тогда вопросов («О Каменеве, Рязанове и др.») был непосредственно с ними связан. «С принципиальной мотивировкой (основной мотив — несоответствие между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева)» Центральный Комитет постановил отстранить Л. Б. Каменева от председательства во ВЦИК.[61]

Вопрос о Рязанове и других ЦК решил отложить. По-видимому, это было связано с напечатанным накануне, 7 ноября, в «Правде» письмом одного из ведущих участников оппозиционной группы Г. Е. Зиновьева, фактически признавшего ошибочность соглашательской политики, и теперь было сочтено целесообразным подождать реакции других членов оппозиции.[62]

В тот же день, 8 ноября, ВЦИК Советов освободил Л. Б. Каменева от обязанностей председателя Центрального Исполнительного Комитета. В протоколе ВЦИК от 8 ноября это изложено следующим образом: «Тов. Каменев слагает с себя звание председателя ЦИК. Фракция левых эсеров высказывает свое сожаление».[63] По предложению В. И. Ленина

системы в СССР. — Вопросы истории КПСС, 1968, № 8; О. Ф. Соловьев. Великий Октябрь и его противники. М., 1968; Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России; А. М. Малашко. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР, Минск, 1969; В. В. Гармиза. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Л. А. Слепов. Применение большевиками тактики левого блока. — Вопросы истории, 1973, № 1.

[60] См.: История КПСС, т. 3, кн. I, М., 1967, стр. 438.

[61] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 146.

[62] См. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 154, 155, 279.

[63] Протоколы ВЦИК II созыва, стр. 40.

Центральный Комитет рекомендовал на этот пост кандидатуру крупнейшего организатора партии, руководителя Секретариата ЦК РСДРП(б) Я. М. Свердлова, который тогда же, 8 ноября, и был избран председателем ВЦИК.

«Его кандидатуру, — вспоминала Н. К. Крупская, — выдвинул Ильич. Выбор был исключительно удачен. Яков Михайлович был человеком очень твердым. В борьбе за Советскую власть, в борьбе с контрреволюцией он был незаменим. Кроме того, предстояла громадная работа по организации государства нового типа, тут нужен был организатор крупнейшего масштаба. Именно таким организатором был Яков Михайлович».[64] Напомним, что это был период, когда впервые ставшая правящей партией большевистская партия, преодолевая ожесточенное сопротивление явных и скрытых контрреволюционеров и собственную неопытность в делах государственного управления, только приступила к поискам наиболее удачных и целесообразных форм организационных взаимоотношений между партией и Советской властью, лишь начинала вырабатывать гибкие и эффективные методы руководства деятельностью нового государственного аппарата. Поэтому интересы социалистической революции настоятельно требовали, чтобы во главе ВЦИКа Советов находился преданный пролетариату авторитетный деятель партии, который, обладая незаурядным организаторским талантом, был неразрывно связан с партией, хорошо знал ее кадры, местные организации, связи, формы и методы работы и в то же время был близок к Советам, профсоюзам, фабзавкомам, известен и популярен среди широких масс трудящихся.

Заслуга открытия счастливого сочетания всех этих качеств в яркой личности Я. М. Свердлова, как уже отмечалось, принадлежит В. И. Ленину, считавшему, что коренное, характерное свойство социалистической революции, непременное обязательное условие ее успеха — организация пролетарских масс. «Эта черта пролетарской революции, — отмечал В. И. Ленин, — и выдвинула в ходе борьбы таких вождей, которые всего больше воплотили эту невиданную раньше в революции особенность — организацию масс. Эта черта пролетарской революции выдвинула и такого человека, как Я. М. Свердлов, который прежде всего и больше всего был организатором».[65] Не было, конечно, случайным и совмещение в лице Я. М. Свердлова руководства ВЦИК и Секретариатом ЦК РСДРП(б). В связи с тем что главная задача большевистской партии в этот период заключалась в строительстве аппарата Советского государства в центре и на местах, такое совмещение было жизненно необходимо, оно должно было обеспечить и гарантировать полное единство действий большевистской партии и Советской власти, ЦК РСДРП(б), ВЦИК и Совнаркома.[66]

Дальнейшее развитие событий показало, как известно, обоснованность и историческую оправданность данного решения. Верный ленинец,

---

[64] Н. К. Крупская. Ук. соч., стр. 348.

[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 74—75.

[66] См.: Е. Н. Городецкий, Ю. П. Шарапов. Свердлов. М., 1971, стр. 225, 226.

Я. М. Свердлов неуклонно и настойчиво требовал, чтобы «все директивы Центрального комитета партии, товарища Ленина выполнялись на все 100%».[67] Как вспоминал, например, член КПСС с 1907 г. В. Л. Панюшкин, назначенный в апреле 1918 г. чрезвычайным военным комиссаром по борьбе с контрреволюцией в Тульской губернии и часто бывавший в это время в Кремле, у него сложилось твердое убеждение, что В. И. Ленин и Я. М. Свердлов «постоянно советовались друг с другом. И многие вопросы решали совместно». «Не только я, — продолжает далее В. Л. Панюшкин, — но и многие товарищи из моего отряда, матросы и рабочие, бывавшие у Ленина и Свердлова, всегда считали, что Владимир Ильич и Яков Михайлович всегда согласны между собой и все решают очень дружно».[68] Подобных свидетельств очевидцев, а также других аналогичных фактов можно было бы привести множество. Поэтому ограничимся сообщением лишь одной, но весьма интересной и красноречивой, на наш взгляд, оценки взаимоотношений ленинского Совнаркома и руководимого Я. М. Свердловым ВЦИКа в рассматриваемый период, содержавшейся в опубликованной в 1919 г. ВЦИК Советов брошюре «Что дала Октябрьская революция? Что мы сделали за год и чего мы еще не сделали»: «Здесь даже невозможно рассказать, как много сделано за этот год Советом Народных Комиссаров во главе с товарищем Лениным: во всем Совету помогал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов; ни разу не было, чтобы этот Комитет, выбранный для общего руководства страной... признал неправильной работу Совета Народных Комиссаров. Оттого-то и прочная власть Советов, что сверху донизу идет одна линия: защищать интересы бедняков, интересы трудящихся».[69]

Вернемся снова к заседанию ЦК РСДРП(б) 8 ноября 1917 г. Другой вопрос, обсуждавшийся на этом заседании, был связан с новой задачей, взяться за решение которой для ЦК РСДРП(б) и Совнаркома стало возможным только сейчас. Это был вопрос о необходимости принять решительные меры по пресечению контрреволюционного чиновничьего саботажа, чрезвычайно серьезно мешавшего новой, пролетарской власти на практике осуществлять государственное руководство. Обсудив положение с продовольствием в стране, Центральный Комитет партии признал необходимым поставить этот вопрос на обсуждение ВЦИК и принял специальную резолюцию, в которой Совету Народных Комиссаров предлагалось принять самые энергичные меры для немедленной ликвидации преступного саботажа контрреволюционного чиновничьего руководства Государственного банка и Министерства финансов. Текст резолюции ЦК партии о средствах, необходимых для налаживания продовольственного дела, в тот же день, 8 ноября, был принят на заседании ВЦИК по докладу за-

---

[67] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, №№ 109. Стенограмма вечера воспоминаний старых большевиков от 25 февраля 1934 г., л. 98.

[68] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, № 114, лл. 54, 60.

[69] Что дала Октябрьская революция? Что мы сделали за год и чего мы еще не сделали. М., 1919, стр. 7.

местителя народного комиссара финансов В. Р. Менжинского.[70] Выполняя эту резолюцию ВЦИК («О саботаже» — под таким заголовком она была опубликована в «Правде») и утвержденное вскоре Советом Народных Комиссаров ленинское предписание Петроградскому ВРК о принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа, Военно-революционный комитет совместно с В. Р. Менжинским установил в последующие дни полный контроль над кассами, сейфами и всеми финансовыми операциями Государственного банка, а другие народные комиссары при поддержке ВРК приступили к активным действиям по овладению охваченными саботажем бывшими министерствами.

Вместе с применением решительных мер по отношению к контрреволюционной верхушке саботажников Центральный Комитет большевистской партии во главе с В. И. Лениным считал крайне важным освободить от влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий основную массу чиновников и служащих, которые не приступали к работе «не как заведомые контрреволюционеры, а по недоразумению». Именно об этом говорилось в направленном местным партийным организациям в конце ноября—начале декабря 1917 г. циркулярном письме ЦК РСДРП(б) с приложением выработанной Московским областным бюро партии инструкции о советском строительстве, где в числе мер против чиновничьего саботажа наряду с увольнением и арестом наиболее злостных саботажников специально указывалось на необходимость обращения к основной массе государственных служащих, «особенно к низшим, путем письменным или путем переговоров, обращения к населению, заинтересованному в работе чиновников, и устройства собраний и митингов около учреждений и в них для побуждений чиновников к работе».[71] Последовательное осуществление руководимых В. И. Лениным ЦК РСДРП(б) и Советом Народных Комиссаров гибкой и дальновидной политики, удачно сочетавшей решительные революционные меры против реакционной чиновничьей верхушки с проведением среди основной массы служащих широкой разъяснительной работы, и определило, как увидим в дальнейшем, успешную ликвидацию (в основном уже к февралю 1918 г.) организованного массового саботажа чиновников.

При рассмотрении двух других протоколов заседаний ЦК большевистской партии, относящихся к концу 1917 г., сразу же обращает на себя внимание тот факт, что оба заседания — одно частично, а другое полностью — были посвящены одной и той же проблеме — вопросу об Учредительном собрании. Напомним, кстати, что в тексте постановления

---

[70] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 146—147; Протоколы ВЦИК II созыва, стр. 44. — Небезынтересно отметить, что, по-видимому, намечавшийся первоначально доклад по этому вопросу первого народного комиссара по продовольствию И. А. Теодоровича, поддержавшего выступление упоминавшейся выше оппозиционной группы, был отменен ЦК РСДРП(б) (см.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 146).

[71] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. II, стр. 47.

Центрального Комитета от 8 ноября (принятого затем ВЦИК в виде резолюции «О саботаже») в числе «самых неотложных и жгучих» мероприятий, проведение которых затормозил чиновничий саботаж, были также указаны выборы в Учредительное собрание. Все это, конечно, не являлось случайностью. После разгрома первых вооруженных выступлений против Советской власти и провала попыток сформировать «однородное социалистическое правительство», в условиях, когда не приносил предполагавшегося эффекта чиновничий саботаж, Учредительное собрание стало главной надеждой буржуазных и мелкобуржуазных партий, объявивших его единственным средством, с помощью которого в России удастся разрешить все острые вопросы, в равной мере успешно удовлетворив при этом как помещиков и капиталистов, так и рабочих и крестьян.

Считая необходимым учитывать существование связанных с Учредительным собранием иллюзий, довольно широко распространенных среди самых различных слоев населения России, большевики руководствовались указанием В. И. Ленина: «...*не* принять изжитого *для нас* за изжитое *для класса*, за изжитое *для масс*».[72] Именно поэтому было решено «созвать Учредительное собрание и попробовать поставить его на службу революции, а если это окажется невозможным, постараться показать массам его вред, рассеять все создавшиеся иллюзии...».[73] Документальным отражением двух важных моментов развернувшейся в это время вокруг Учредительного собрания острейшей политической борьбы как раз и являются сохранившиеся протоколы ЦК РСДРП(б) от 29 ноября и 11 декабря 1917 г.

В своих «Тезисах об Учредительном собрании», подготовленных в соответствии с решением ЦК партии от 11 декабря, В. И. Ленин с исключительной ясностью и последовательностью изложил позицию большевистской партии в отношении Учредительного собрания. Рассматривая его как высшую форму буржуазной демократии и неизменно поддерживая прогрессивный в условиях буржуазно-демократической революции лозунг созыва Учредительного собрания, большевики, — напомнил В. И. Ленин, — с самого начала революции 1917 г. неоднократно заявляли, что Республика Советов как государственная форма диктатуры пролетариата несравненно выше любой буржуазной республики. В новых условиях, когда в результате победы социалистической революции государственная власть перешла в руки Советов, этот устаревший политический лозунг в действительности означал лишь попытку реставрации старых буржуазно-помещичьих порядков насилия и эксплуатации.[74] В условиях сложившегося кризиса имелся, как указывал В. И. Ленин, единственный выход — быстрое осуществление народом права перевыборов и полное признание Учредительным собранием завоеваний Октябрьской революции, Советской власти и ее политики. Опубликованные 13 декабря в «Правде»,

---

[72] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 42.
[73] Н. К. Крупская. Ук. соч., стр. 365.
[74] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 162—166.

а затем и в других советских газетах ленинские тезисы легли в основу всей последующей политики большевистской партии и Советской власти в отношении Учредительного собрания. «Относительно Учредительного собрания, — указывалось, например, в одном из писем Секретариата ЦК РСДРП(б), адресованных в Смоленскую губернию, — скажем одно: вчитайтесь в тезисы, изложенные в № 213 „Правды", и вы увидите, какой Вам линии держаться».[75]

Материалы упоминавшегося выше заседания ЦК РСДРП(б) от 29 ноября содержат также и другие важные сведения, представляющие несомненный интерес для нашей темы. Так, уже сама постановка вопроса «о перераспределении сил» (в «Правде» и в области партийной работы) отразила озабоченность Центрального Комитета тем, что в связи с исключительно большим вниманием большевистской партии к делу советского государственного строительства произошло определенное ослабление внутрипартийной работы. «Ввиду того, что лучшие силы ушли в общегосударственную работу, — говорилось об этом в протокольной записи, — партийная работа сильно страдает...».[76] Протокольные данные позволяют также судить и о задачах, которые ставил ЦК в это время перед партийной прессой, и особенно перед своим центральным печатным органом. Подтвердив неразрывность политики партии и Совета Народных Комиссаров, ЦК РСДРП(б) отметил, что в «Правде» публикуется совершенно недостаточно материалов, «разъясняющих декреты», и признал необходимым установить тесную связь между Совнаркомом и редакциями партийных газет. Для этого редакторы обязаны были теперь ежедневно приезжать к 3—4 часам в Смольный и получать в Совнаркоме всю необходимую информацию.[77] Выступивший при обсуждении кандидатов нового состава редколлегии «Правды» В. И. Ленин одновременно обратил внимание членов ЦК на острую потребность в «сведущих людях» для организации нового советского органа по руководству экономикой страны — учрежденного вскоре (1 декабря) Высшего Совета Народного хозяйства, о котором В. И. Ленин высказался тогда как об одном из крупнейших факторов современного государственного строительства.[78]

Выступая 7 марта 1918 г. с политическим отчетом Центрального Комитета на Седьмом экстренном съезде РКП(б), В. И. Ленин подчеркивал, что развернувшееся после победы Октябрьского вооруженного восстания триумфальное шествие Советской власти по всей стране оказалось воз-

---

[75] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. II, стр. 116. — Подробнее об истории политического банкротства Всероссийского Учредительного собрания и отношении к нему В. И. Ленина см.: Е. Н. Городецкий. Ук. соч.; О. Н. Знаменский: 1) Конец Учредительного собрания. Л., 1967; 2) В. И. Ленин об Учредительном собрании. — В кн.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970; И. Б. Берхин. Некоторые вопросы истории Учредительного собрания в трудах В. И. Ленина. — Исторические записки, 89, М., 1972.

[76] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 151.

[77] Там же, стр. 151, 156.

[78] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 128.

можным прежде всего потому, что пролетарская революция произошла в России в тот исключительно благоприятный момент, «когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно ни броситься одна на другую, ни соединиться против нас...».[79] Столкнувшись с явным нежеланием «союзных» держав (Англии, Франции, США, Италии и т. д.) участвовать в мирных переговорах, неоднократно предлагавшихся Советской властью «всем воюющим народам и их правительствам», Совет Народных Комиссаров при активной поддержке революционных солдатских масс уже в середине ноября сумел добиться временной приостановки военных действий, а затем, в начале декабря, и подписания соглашения о перемирии с Германией и ее союзниками. Однако по мере того как все яснее становилось, что правительства стран «сердечного согласия» так и не примут участия в проходившей в Брест-Литовске мирной конференции, менялась и позиция германских милитаристов, ультимативно предъявивших в начале января 1918 г. грабительские условия мира. Возникла непосредственная угроза вооруженной интервенции со стороны Германии. В деятельности большевистской партии и ее Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным начался новый период, период борьбы за выход из империалистической войны и заключение Брестского мира.

Вполне понятно, что именно с этими кардинальными вопросами были самым тесным образом связаны все без исключения известные протоколы заседаний ЦК РСДРП(б) за январь и февраль 1918 г. Опубликованные протоколы Центрального Комитета этого времени и напечатанные вместе с ними некоторые другие материалы (таблицы поименных голосований, заявления ряда членов ЦК и т. п.), а также переписка ЦК с местными партийными организациями достоверно отражают острейшую борьбу, которую, одновременно на два фронта, пришлось выдержать В. И. Ленину и его сторонникам перед Седьмым экстренным съездом партии внутри ЦК против псевдореволюционной политики группы «левых коммунистов», категорически настаивавших продолжать во что бы то ни стало борьбу «в интересах мировой революции», и авантюристической позиции Троцкого, выступившего с «хитроумной» формулой «войны не ведем, но и грабительский мир не подпишем». Все эти материалы раскрывают исключительную роль В. И. Ленина в этот труднейший и ответственнейший исторический период. В письме ЦК партии от 2 марта 1918 г. комитету РСДРП(б) Александровского поселка в связи с этим отмечалось, например: «Коренным вопросом настоящего момента является вопрос о войне и мире... Центральный Комитет партии вынес решение о подписании мира, но есть в ЦК и иное течение, и открывающийся на днях съезд должен решить этот вопрос. За мир стоит тов. Ленин, который указывает, что необходимо время, чтобы укрепить Советскую власть... Заключая мир, мы выгадываем необходимое нам время и, таким образом, сохраняем нашу социалистическую Республику, т. е. Советскую власть».[80] В про-

[79] Там же, т. 36, стр. 9.

[80] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)—РКП(б) с местными партийными организациями. Март—июль 1918 г., т. 3, М., 1967, стр. 6—7.

должавшейся около двух месяцев поистине драматической внутрипартийной борьбе В. И. Ленин сумел неопровержимо доказать правоту и обоснованность своей линии на немедленное заключение мира, отстоять единство партии и Центрального Комитета, обеспечить молодому, неокрепшему еще пролетарскому государству жизненно необходимую мирную передышку.[81]

Вместе с тем некоторые из протоколов ЦК РСДРП(б) «периода Бреста» содержат ценные сведения о том, как в новых условиях Центральный Комитет, решая сложнейшие вопросы международной политики, продолжал осуществлять руководство внутренними делами страны, укреплял Советское государство, и в частности его правительственный аппарат. Первый из таких протоколов заседаний ЦК партии относится к 19 января 1918 г. Наряду с обсуждением вопросов о созыве партийной конференции и VII экстренного съезда партии, на этом заседании было рассмотрено также несколько вопросов, связанных с составом ВЦИК и Советского правительства. Как известно, во ВЦИК 3-го созыва входило несколько представителей партий меньшевиков и правых эсеров, в том числе Ф. И. Дан и В. М. Чернов, активно выступавшие против Советской власти. Однако, несмотря на имевшиеся предложения исключить их из состава ВЦИК, ЦК РСДРП(б) счел, по-видимому, это политически нецелесообразным и решил «не отводить» этих лидеров соглашательских партий.[82] Затем ЦК обсудил и наметил кандидатов в исполнительный орган ВЦИК 3-го созыва — его Президиум, от которого во многом зависела организованность и слаженность работы этого высшего советского органа. Намеченный ЦК список и определил большевистскую часть Президиума ВЦИК. Председателем был вновь избран Я. М. Свердлов, секретарем В. А. Аванесов. В состав членов и кандидатов в члены вошли В. Володарский, К. Г. Ландер, М. К. Муранов и другие большевики. «Ваше избрание, товарищи, — заявил Я. М. Свердлов, выступая на этом заседании ВЦИК 3-го созыва 22 января, — показывает, что та работа, которая велась ЦИК 2-го созыва, вполне соответствовала стремлениям и чаяниям широких кругов рабочих, солдат и крестьян. Я уверен, что и впредь мы не разойдемся...».[83]

Тогда же, 19 января, Центральный Комитет партии рассмотрел сложный вопрос об организации продовольственного дела. Постановка этого вопроса была вызвана серьезными разногласиями между наркомом продовольствия А. Г. Шлихтером и избранной состоявшимся в середине января I Всероссийским продовольственным съездом советских организаций так называемой девяткой, куда вошли и некоторые старые специалисты-продовольственники. Учитывая создавшееся в стране крайне серьезное продо-

---

[81] Подробнее см.: М. И. Т р у ш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920 гг. М., 1963; А. О. Ч у б а р ь я н. Брестский мир. М., 1964; Г. Л. Н и к о л ь н и к о в. Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики. (Брестский мир: от заключения до разрыва), М., 1968.

[82] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 180.

[83] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 18, № 2, л. 65.

вольственное положение и стремясь максимально использовать налаженный старый продовольственный аппарат, ЦК партии в связи с дальнейшим обострением конфликта между рядом специалистов-продовольственников и А. Г. Шлихтером принял решение о замене его на посту наркомпрода А. Д. Цюрупой или Н. П. Брюхановым. Я. М. Свердлову было поручено «выяснить все дело с теми недоразумениями, которые возникли».[84] 31 января Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Я. М. Свердлова о совещании Комиссии Всероссийского Совета снабжения, представителей ВСНХ и других организаций, принял резолюцию, утверждавшую, в частности, новый состав коллегии Комиссариата по продовольствию. Временным заместителем наркома по продовольствию впредь до приезда А. Д. Цюрупы был утвержден Д. З. Мануильский.[85]

Следующий и последний вопрос, рассмотренный Центральным Комитетом партии 19 января, в протоколе значился как «распределение портфелей». Фактически же речь шла о некоторых изменениях в руководстве двух наркоматов. Во-первых, ЦК согласился с предложением левых эсеров, выдвинувших в коллегию комиссариата финансов своего представителя — заведующего финансовым отделом ВЦИК 3-го созыва М. А. Бриллиантова, который вскоре был включен в состав коллегии Наркомфина. Во-вторых, признав необходимым иметь на важном посту народного комиссара путей сообщения члена большевистской партии, Центральный Комитет решил дать соответствующую принципиальную установку большевистской фракции проходившего в январе 1918 г. Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда и избранному им вместо соглашательского Викжеля Викжедору (Всероссийскому исполнительному комитету железнодорожников). В протоколе об этом была сделана следующая запись: «...в железнодорожники нам необходимо дать большевика. Так как жел.-дор. желают, чтобы у них всеми делами ведала коллегия, то они должны выбрать для постоянного представительства большевика».[86] Эта установка ЦК РСДРП (б) была выполнена. Во главе образованной Викжедором 31 января по согласованию с ВЦИК и СНК коллегии для управления железными дорогами страны был поставлен рабочий-железнодорожник большевик А. Г. Рогов, а его заместителем утвержден известный деятель большевистской партии В. И. Невский.[87]

Говоря о заседании ЦК РСДРП(б) 19 января, нельзя не отметить, наконец, еще один момент, связанный с обсуждавшимся тогда по настоянию группы «левых коммунистов» вопросом о созыве партийной конференции. Как известно, ЦК отверг попытку навязать партии и Советскому

---

[84] См. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 180, 284; Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, ф. Ю. С. Шпунта, оп. 1, № 2, л. 73 и др.

[85] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 112, 113.

[86] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 180. — Имелось в виду постоянное участие в заседаниях Советского правительства, которое могло быть осуществлено только народным комиссаром.

[87] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, № 73, лл. 117, 118; Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, стр. 590.

правительству авантюристическую политику «революционной войны» при помощи задуманной «левыми» конференции, на которой, по признанию Г. И. Оппокова (Ломова), под предлогом ускорения ее созыва, были бы представлены в основном лишь разделявшие их позиции «верхи отдельных областей».[88] По предложению В. И. Ленина, поддержанному Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным и другими членами ЦК, Центральный Комитет признал необходимым созвать экстренный партийный съезд, а предварительно, в порядке подготовки к нему, — совещание ЦК, на котором были бы представлены все мнения по вопросу о мире. В одном из предшествовавших данному решению ЦК выступлений В. И. Ленина (а на этом заседании ему пришлось брать слово пять раз), вскрывших подлинную подоплеку «протестов» А. Ломова, Н. И. Бухарина и других лидеров «левых» против чрезвычайно широких полномочий по вопросу о заключении мира, которые были предоставлены Совету Народных Комиссаров Третьим Всероссийским съездом Советов, как раз и содержалось весьма интересное для нашей темы высказывание. «Как принято решение на III съезде Советов? — поставил вопрос В. И. Ленин. — Так как это предложено ЦИК, ЦИК же вынес решение согласно решению фракции, а фракция приняла его согласно решению ЦК».[89] В этих нескольких словах с исключительной ясностью и четкостью показано, какими путями и средствами осуществляла партия свою руководящую и направляющую роль при решении важнейших вопросов внутренней и внешней политики в высших органах Советской власти.

Определяющую роль ЦК РСДРП(б) в решении важнейших государственных вопросов, в подборе и расстановке партийных кадров на всех ответственных участках советского строительства, и прежде всего на руководящих постах в правительственных органах нового государственного аппарата, хорошо показывают материалы другого заседания Центрального Комитета, состоявшегося, вероятно, 9 марта 1918 г.[90] Проходившее в тревожной обстановке реальной угрозы наступления германских войск, это заседание оказалось целиком посвященным рассмотрению вставших в связи с этим различных организационных вопросов. Было решено эвакуировать из Петрограда в Москву Центральный Комитет партии и его бюро. «1) ЦК в Москву. 2) Бюро ЦК в Москве...», — записано об этом в протоколе; такое же решение было принято в отношении центрального печатного органа партии: «„Правда“ эвакуируется в Москву».[91]

ЦК РСДРП(б) признал правильным и целесообразным осуществить эвакуацию в Москву и Совета Народных Комиссаров вместе с другими правительственными учреждениями (об этом, несмотря на отсутствие

---

[88] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 175.

[89] Там же.

[90] Имеется в виду протокол заседания ЦК партии, ошибочно по-видимому датируемого 9 (23) января 1918 г., как это убедительно показал, на наш взгляд, Э. В. Клопов. (Дату заседания ЦК РКП(б) необходимо уточнить. — Вопросы истории КПСС, 1966, № 11, стр. 118—119).

[91] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 166.

В. И. Ленин на заседании Совета Народных Комиссаров в Смольном. 1918 г., 1 января—10 марта. Петроград. Фото. ЦПА ИМЛ.

Слева направо: И. З. Штейнберг, И. И. Скворцов-Степанов, Б. Д. Камков, В. Д. Бонч-Бруевич, В. Е. Трутовский, А. Г. Шляпников, П. П. Прошьян, В. И. Ленин, И. В. Сталин, А. М. Коллонтай, П. Е. Дыбенко, Е. К. Кокшарова, Н. И. Подвойский, Н. П. Горбунов, В. И. Невский (?), А. В. Шотман, Г. В. Чичерин.

Красная площадь. Вид от Исторического музея в сторону Кремлевской стены. 1918 г. Москва. Фото. Музей истории и реконструкции Москвы.

какой-либо специальной резолюции, свидетельствует весь текст протокольной записи данного заседания ЦК). Необходимость принять такое ответственное решение диктовалась не только надвигавшейся военной опасностью, но и другими соображениями: из исторического и географического центра страны было значительно удобнее руководить всей ее экономической и политической жизнью.

Первые шаги в этом направлении были сделаны еще после того, как 18 февраля, нарушив соглашение о перемирии, германские войска начали наступление на Советскую республику. ЦК РСДРП(б) и Совет Народных Комиссаров сразу же приняли все необходимые ответные меры. Уже на вечернем заседании 18 февраля Центральный Комитет, поддержав решительное требование В. И. Ленина возобновить переговоры с Германией о подписании мирного договора, принял решение сейчас же сообщить по радио германскому правительству предложение немедленного заключения мира.[92] На следующий день Совнарком утвердил текст написанной В. И. Лениным радиограммы, посланной в ночь с 18 на 19 февраля от имени Совета Народных Комиссаров центральными комитетами обеих правительственных партий в Берлин.[93] 20 февраля, заслушав доклады главковерха Н. В. Крыленко и адмирала В. М. Альтфатера о положении на фронте, Совет Народных Комиссаров избрал из своего состава «для создания непрерывности работ» Временный Исполнительный комитет из 5 человек (по два народных комиссара от большевиков и левых эсеров во главе с В. И. Лениным), которому было поручено вести всю текущую работу между заседаниями правительства. В то же время Советское правительство постановило выпустить специальное воззвание к населению и образовать эвакуационную комиссию, включив в нее первого секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова и заместителя председателя Особого совещания по обороне П. А. Козьмина. Народному комиссару труда А. Г. Шляпникову было поручено подготовить доклад в Петроградском Совете об эвакуации из Петрограда.[94]

21 февраля Совет Народных Комиссаров утвердил написанный В. И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности!».[95] В тот же день, после оглашения текста декрета на специальном заседании Петроградского Совета, из виднейших партийных, советских и военных работников большевистской и левоэсеровской партий был образован Комитет революционной обороны Петрограда, который под руководством В. И. Ленина и Я. М. Свердлова при содействии группы видных военных специалистов во главе с начальником штаба Ставки верховного главнокомандующего генералом М. Д. Бонч-Бруевичем непосредственно возглавил организацию обороны столицы и всей страны.[96]

---

[92] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 204, 205, 296; Декреты Советской власти, т. I, стр. 487, 488.

[93] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 133.

[94] Там же, лл. 136, 137; Ленинский сборник, XXI, стр. 98.

[95] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 357, 358.

[96] Подробнее см.: А. Л. Фрайман. 1) Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г. М.—Л., 1964; 2) В. И. Ленин и оборона Петрограда

22 февраля на заседании Совнаркома был принят декрет о назначении Чрезвычайной комиссии по разгрузке Петрограда под председательством одного из представителей левых эсеров в правительстве народного комиссара В. А. Алгасова (в состав комиссии от СНК были также включены Н. П. Горбунов и П. А. Козьмин).[97] 26 февраля, в связи с наступлением немецких войск на Псков, Совнарком окончательно рассмотрел вопрос об эвакуации правительства и других центральных советских учреждений из Петрограда в Москву. Заслушав сообщение В. А. Алгасова о работе Комиссии по разгрузке Петрограда, а также об эвакуации правительства, Совет Народных Комиссаров после обсуждения с незначительными поправками утвердил написанный В. И. Лениным проект постановления, в котором предусматривалось: эвакуировать минимальное количество работников центрального советского аппарата (не более 2—3 десятков, с семьями, от каждого ведомства), немедленно вывезти Экспедицию заготовления государственных бумаг и золото; начать разгрузку Москвы (в этих целях В. А. Алгасову поручалось связаться с Моссоветом). Местом будущего нахождения Советского правительства вновь была указана Москва.[98] А еще через несколько дней, 2 марта, Совнарком, обсудив новый доклад В. А. Алгасова о работе «разгрузочной комиссии», установил срок выезда для всех центральных советских ведомств — 20 марта. Подтвердив свое решение от 26 февраля о количестве сотрудников, подлежащих эвакуации от каждого ведомства, и признав необходимым выплатить жалованье за полтора месяца вперед служащим, остающимся в Петрограде, СНК решил все вопросы, связанные с эвакуацией, передать в Малый Совнарком. О переводе в Москву правительственных учреждений было постановлено не объявлять до решения Чрезвычайного IV Всероссийского съезда Советов.[99]

Решение о переезде правительства и ЦК партии из Петрограда в Москву неизбежно должно было вызвать другую проблему — о наиболее целесообразном в новых условиях распределении партийных сил. При этом важно было найти такое решение, которое бы гарантировало дальнейшую успешную деятельность Советской власти в революционном Петрограде. Именно с учетом этих обстоятельств, обсудив и наметив поименный список членов Президиума Петросовета, которых решено было оставить в Петрограде, ЦК РСДРП(б) признал необходимым усилить Петроградский Совет членом Президиума ВЦИК К. Г. Ландером и некоторыми народными комиссарами (А. В. Луначарским, В. Р. Менжинским, П. И. Стучкой), за которыми сохранялось право совещательного голоса в правительстве и которые должны были образовать «боевой правитель-

---

в 1918 г. — В кн.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти, Л., 1970.

[97] Декреты Советской власти, т. I, стр. 495.

[98] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 398; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 148.

[99] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 162.

ственный центр».[100] Это решение Центрального Комитета исходило из особой роли Петрограда в жизни страны и опиралось, кроме того, на соответствующие предложения со стороны некоторых членов ЦК и народных комиссаров. Большой интерес в этом отношении представляет письмо наркома просвещения А. В. Луначарского, в котором говорилось: «Конечно, с отъездом Совета Нар. Ком. и Ц. И. К. вся власть (в городе, — *М. И.*) окончательно перейдет в руки Петербургского сов. раб. солд. и кр. деп. Но было бы опрометчиво возлагать ответственнейшую роль руководителя сов[етской] жизни в Петербурге только на председателя Совета т. Зиновьева... Тут необходима коллегия. И в коллегию эту, по-моему, должен быть введен один из народных комиссаров, и притом сравнительно популярный в Петербурге. Он может быть оставлен в качестве народного комиссара Северной области для координации деятельности Советов этой области и постоянных сношений с правительством в Москве».[101] Как видим, предложение А. В. Луначарского в основе своей имело довольно много общего с тем «боевым правительственным центром», который, как отмечалось в протоколе ЦК РСДРП(б) от 9 марта, должны были образовать остающиеся народные комиссары вместе с К. Г. Ландером и членами Президиума Петроградского Совета.

На этом же заседании 9 марта Центральный Комитет партии принял несколько решений, направленных на дальнейшее укрепление руководства целого ряда народных комиссариатов. Так, в отношении Комиссариата иностранных дел, положение в котором рассматривалось отдельным вопросом, было решено санкционировать состоявшееся в январе 1918 г. постановление Совнаркома о назначении вернувшегося из Англии Г. В. Чичерина заместителем народного комиссара по иностранным делам. Через несколько дней, 13 марта, Л. Д. Троцкий был освобожден от должности народного комиссара по иностранным делам и Г. В. Чичерин возглавил Наркоминдел официально.[102] Тогда же ЦК решил направить в Высший Совет народного хозяйства В. П. Милютина, в Военный комиссариат — М. С. Урицкого и др.[103] Особое внимание было уделено вопросу о руководстве Государственным банком и Народным комиссариатом финансов. В связи с тем что В. Р. Менжинский решением ЦК был оставлен в Петрограде,[104] по его рекомендации к работе в Госбанке и финансовом ведомстве намечалось привлечь И. Э. Гуковского (9 марта он был утвержден Совнаркомом заместителем народного комиссара финансов) и про-

---

[100] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 165.

[101] ЦПА ИМЛ, ф. 461, № 3561, л. 2. — Это не имеющее, к сожалению, даты, но, конечно, написанное не позднее 10 марта 1918 г., письмо А. В. Луначарского было адресовано в Совет Народных Комиссаров. И хотя, судя по протоколам СНК, оно специально не рассматривалось правительством, по-видимому, его содержание было известно В. И. Ленину и другим членам ЦК.

[102] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 165; М. И. Труш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920, стр. 90, 110, 111.

[103] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 165, 166.

[104] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, № 1256, л. 4.

вести в Москве специальное совещание по вопросу о банковской политике.[105] В качестве заместителя В. Р. Менжинского (по подготовке в Совнаркоме докладов по финансовым вопросам) предполагалось оставить А. Е. Аксельрода.[106]

Новая политическая линия партии в период «основного строительства»

После ратификации 13 марта 1918 г. Чрезвычайным IV Всероссийским съездом Советов Брестского мирного договора и выхода Советской России из империалистической войны большевистская партия получила возможность вплотную взяться за решение организационных проблем социалистического строительства. Вместо выполненной в основных чертах задачи завоевания власти на первый план выдвинулась теперь задача организации управления Советским государством. Именно в этом состояло, как указывал В. И. Ленин, главное своеобразие переживаемого страной момента.[107]

Как уже отмечалось выше, документальные материалы ЦК большевистской партии, относящиеся к периоду мирной передышки, полностью пока не известны. Однако сохранившиеся за два очень важных весенних месяца 1918 г. — с 15 марта по 19 мая — протоколы Центрального Комитета, избранного VII экстренным съездом РКП(б), и Бюро ЦК РКП(б) [108] позволяют достаточно отчетливо проследить, в каких начавшихся уже к этому времени складываться основных формах осуществляла большевистская партия в лице своего ЦК руководство продолжавшимся строительством Советского государства и его деятельностью. Рассмотрение указанных протоколов убедительно показывает прежде всего, как в сложившихся после завоевания мирной передышки условиях Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным коллегиально вырабатывал новую политическую линию партии.

Уже в утвержденной на вечернем заседании 15 марта Чрезвычайным IV Всероссийским съездом Советов резолюции о ратификации Брестского договора (написанной В. И. Лениным по поручению ЦК РКП(б)) в качестве очередной и самой главной задачи текущего момента была поставлена задача развертывания социалистического строительства. «Съезд, — говорилось в резолюции, — самым настойчивым образом выдвигает перед

---

[105] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), стр. 166; Декреты Советской власти, т. I, стр. 590.

[106] В дальнейшем, 30 марта 1918 г., по предложению И. Э. Гуковского его заместителем для участия в заседаниях Совнаркома, а также по другим вопросам был утвержден другой помощник наркома по делам финансов Д. П. Боголепов (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 85, лл. 9, 10).

[107] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 129.

[108] Указанные протоколы представляют собой подлинные записи заседаний ЦК РКП(б) и его бюро, сделанные собственноручно Я. М. Свердловым и К. Т. Новгородцевой, утвержденной 31 марта в качестве помощника секретаря ЦК (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 5).

всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную, очередную и неотложную задачу текущего момента — повышение дисциплины и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как последствие мучительнейшей войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества».[109]

Развернутым развитием этого принципиально важного положения и явилась знаменитая статья В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти».[110] Уже в одном из самых первых набросков планов этой статьи, относившимся к концу второй — началу третьей декады марта 1918 г., был зафиксирован ленинский вывод о том, что сложившаяся в это время «новая объективная обстановка», означавшая также «новую ступень нашей революции», неизбежно требовала и «новой ориентации» партии, Советской власти и всех трудящихся.[111] «Убеждать — завоевать — *управлять*...»[112] — так предельно кратко и вместе с тем четко и ясно уже тогда сформулировал В. И. Ленин свою мысль о том, что теперь «центр тяжести» всей работы большевистской партии и Советской власти перемещается в область управления и организации. А еще через несколько дней, 23—28 марта, готовясь, по-видимому, к обсуждению этого центрального теперь вопроса в ЦК РКП(б), В. И. Ленин продиктовал стенографисту первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти».[113] Разрабатывая основные направления перехода к развернутому строительству основ социалистического общества, В. И. Ленин подчеркивал в эти дни, что для реального исполнения целей пролетарской революции «мы должны теперь поставить, как свою первую, очередную и главнейшую задачу, именно практичность и деловитость организационной работы. Дело идет сейчас именно о том, чтобы со всех сторон приняться за практическое возведение того здания, план которого мы уже давно начертили...».[114]

На состоявшемся 31 марта расширенном заседании Бюро ЦК, в котором участвовал В. И. Ленин, при обсуждении единственного стоявшего в повестке вопроса об общей политике Центрального Комитета в новых условиях констатировалось, что «период завоевания власти кончился,

---

[109] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 122. См. также: Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабоч., солд., крестьянск. и казачьих депутатов, М., 1920, стр. 56.

[110] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 153, 167.

[111] Там же, стр. 543.

[112] Там же.

[113] См.: «Поручается товарищу Ленину...». Из истории создания работы «Очередные задачи Советской власти». [Публикацию подготовил В. В. Аникеев]. — Правда, 22 февраля 1967 г.

[114] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 159.

идет основное строительство». «Необходимо привлекать к работе знающих, опытных, деловых людей, — отмечалось также на заседании. — Саботаж интеллигентских кругов сломлен, техники идут к нам, надо их использовать... В этом смысле мы переживаем новый курс».[115] В то же время выяснилось, что «по вопросу о курсе на деловых людей» (т. е. буржуазных специалистов) среди членов ЦК нет полного единства взглядов. «Ввиду того, что имеются оттенки в этом вопросе, несколько отличные у питерской части ЦК, необходимо, — говорилось в принятом в связи с этим решении бюро, — созвать в ближайшее же время пленум, обмен мнений на котором устранит все разногласия».[116]

Дальнейшее обсуждение общего политического курса партии, продолженное 7 апреля на пленуме ЦК РКП(б), подтвердило отсутствие каких-либо принципиальных расхождений по этому вопросу. Как видно из протокола, на заседании «происходил лишь обмен мнений, исходным пунктом которого было вводное слово т. Ленина, говорившего о необходимости использования специалистов в различных отраслях работы, о новом периоде революции и т. д. Разногласий по всем вопросам, связанным с общей политикой, не обнаружилось». Центральный Комитет поручил В. И. Ленину «выработать тезисы, касающиеся данного момента, и представить их в ЦК».[117] Выполняя это решение ЦК РКП(б), В. И. Ленин и написал «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент», в которых убедительно обосновал необходимость «закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили».[118] После обсуждения их на заседании 26 апреля бюро ЦК решило принять «Тезисы» в целом (так как отпечатанные и розданные всем членам ЦК, они не вызвали никаких разногласий) и опубликовать их в «Правде», «Известиях» и в виде отдельной брошюры. В. И. Ленину было также поручено подготовить «Тезисы» в сжатом виде и выступить с докладом об очередных задачах Советской власти во ВЦИК.[119]

28 апреля ленинские «Тезисы» были помещены на страницах «Правды» и «Известий» под заголовком «Очередные задачи Советской власти». На следующий день, 29 апреля, заслушав и обсудив доклад В. И. Ленина, ВЦИК, выразив «полное одобрение намеченным в этом докладе основным положениям», единогласно утвердил подготовленные докладчиком шесть тезисов об очередных задачах Советской власти, кратко суммировавшие основное содержание названной выше знаменитой ленинской работы.[120] С незначительными поправками эти краткие тезисы были также единодушно утверждены и на заседании ЦК РКП(б) 3 мая.[121] А на другой день, 4 мая, специальной радиограммой за подписью Председателя ВЦИК

---

[115] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 4, 4 об.
[116] Там же, л. 5.
[117] Там же, л. 6, 6 об.
[118] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 202.
[119] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 7 об.
[120] Декреты Советской власти, т. II, М., 1959, стр. 193.
[121] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 8 об.

Я. М. Свердлова они были разосланы «всем губернским, уездным, волостным совдепам. Всем. всем...».[122] В одном из пунктов ленинских «Тезисов», которые, как указывалось в начале радиограммы, «должны были лечь в основу деятельности всех Совдепов», в частности, подчеркивалось, что в области политической на очередь дня выдвинулась главная задача по управлению страной: «Организация правильного управления, неуклонного проведения в жизнь постановлений Советской власти — такова насущная задача Советов, таково условие полной победы советского типа государства, каковой тип недостаточно формально декретировать, недостаточно учредить и ввести во всех концах страны, а необходимо еще практически наладить и проверять на регулярной, повседневной работе управления».[123]

Определив и сформулировав новую главную задачу в области советского строительства, ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным в то же время непрерывно осуществлял политическое руководство самим процессом этого строительства. На заседаниях ЦК партии рассматривались и принимались принципиальные директивные указания по многим важнейшим вопросам, связанным с организацией и функционированием центральных и местных органов Советской власти, контролировалась их деятельность.

Предметом особого внимания Центрального комитета в этой области было обеспечение партийного контроля и руководства деятельностью советских органов в центре и особенно на местах. Достаточно сказать, что, поддерживая в первой половине 1918 г. связи с 540 партийными организациями, Секретариат ЦК РСДРП (б) направил за этот период на места более 1100 писем.[124] Так, в письме Секретариата ЦК партии Кирилловскому комитету РКП(б) Вологодской губернии от 23 июля 1918 г. говорилось: «Политика и деятельность Советов, значит, и исполнительных комитетов, направляется всюду комитетами партии, и коммунисты-члены исполнительного комитета ответственны во всей своей работе перед комитетом Коммунистической партии».[125] Этот же момент был специально отмечен в направленном ЦК в конце мая 1918 г. фракциям РКП(б) Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов циркулярном письме, в котором отмечалось: «Ввиду возникновения в ряде мест конфликтов между партийными фракциями, комитетами и группами партии ЦК напоминает всем товарищам — членам фракций Советов и исполнительных комитетов о необходимости их подчинения директивам местных партийных центров. ЦК напоминает, что фракции составляют часть общепартийной организации, руководящим центром которой явля-

---

[122] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, № 32, л. 1.

[123] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 278.

[124] См.: А. И. Апевалов, Л. Н. Талов. В. И. Ленин во главе Советского правительства (октябрь 1917 г.—февраль 1918 г.). — Изв. Воронежск. гос. пед. инст., т. 80, 1968, стр. 12.

[125] Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями, т. III, стр. 118.

ется комитет партии».[126] В частности, Центральный Комитет решительно осудил острый конфликт, который возник между фракцией Ярославского Совета и комитетом местной организации РКП(б) и затянулся на несколько недель. В адресованном Ярославскому комитету РКП (фракциям РКП) письме от 3 июля 1918 г., подписанном Я. М. Свердловым, в связи с этим строго указывалось, что «необходимо твердо запомнить, что все партийные организации, и в том числе все фракции Советов и исполкомов, возглавляются партийным центром в лице местного партийного комитета... Все и всяческие решения фракции Советов, съездов подлежат контролю, рассмотрению, обсуждению, могут быть изменены и даже отменены партийным комитетом; в случае разногласий вопрос переносится на решение Центрального Комитета. Таково общее положение».[127] Вместе с тем Секретариат ЦК партии постоянно следил за соблюдением в работе местных партийных и советских органов и в их взаимоотношениях с представителями центральной власти принципа демократического централизма. «Я считаю крайне необходимым, — писал, например, Я. М. Свердлов 19 мая 1918 г. в письме В. Л. Панюшкину, назначенному чрезвычайным военным комиссаром в Тульскую губернию для борьбы с контрреволюцией, — чтобы Вы координировали *всю* свою работу с товарищами по партии... Затем необходимо не входить ни в какие конфликты с местным губисполкомом. Предлагаю о всей своей работе столковываться с ними, чтобы никаких конфликтов не было. Все распоряжения центра должны проводиться в жизнь, но через местный Совет, а не помимо него».[128]

В ряде случаев Центральный Комитет партии оказывал необходимую помощь в решении возникавших в ходе строительства аппарата Советского государства различных организационных и иных трудноразрешимых задач. Одним из наиболее показательных в этом отношении примеров является вопрос о взаимоотношениях Совета Народных Комиссаров и Московского Совнаркома.

Как известно, в начальный период существования пролетарской власти на местах нередко проявлялась тенденция к самостоятельному разрешению всех выдвигаемых революцией вопросов.[129] В ряде губерний, уездов и даже волостей появились свои «совнаркомы», провозглашались «республики». Так, например, 24 февраля 1918 г. образовался Курский губернский «Совет Народных Комиссаров», при котором был создан и «Малый Совнарком», 9 апреля — «Совет Народных Комиссаров Казанской республики». Подобные «Советы Народных Комиссаров» имелись также в Московской, Западной, Северной областях, Астраханской, Бакинской, Калужской, Уфимской губерниях, в Туркестанском крае, в Сырдарьинской области этого края, в Петроградской трудовой

---

[126] Там же, стр. 80.
[127] Там же, стр. 108.
[128] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, № 33, л. 11.
[129] См., например, об этом: ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, № 3, л. 16.

коммуне и т. д. В Иркутске же, например, были образованы целых три совнаркома — городской, уездный и Сибирский. Хотя обычно деятельность таких «совнаркомов», внешне копировавших центральные советские учреждения, практически ничем не отличалась от работы соседних исполкомов или президиумов Советов, такое «разнообразие» в организации местного аппарата Советской власти, естественно, серьезно затрудняло иногда управление страной. Особенно сложным положение было там, где такой разнобой и параллелизм являлся по существу проявлением местнических, сепаратистских попыток, стремлением проводить работу независимо от руководящих центральных органов Советской власти. Именно так обстояло дело с «Совнаркомом» Москвы и Московской области, руководство в котором принадлежало «левым коммунистам» и левым эсерам, и который, например, предложил Совнаркому РСФСР обращаться к Советам 14 губерний, объединенных Московской областью, только через «Московский СНК», а также принял решения о денационализации Московского банка взаимного кредита, о выпуске своих денег, об издании собственных декретов и т. п.[130]

Сразу же после переезда Советского правительства в Москву В. И. Ленин, считавший сохранение Московского «Совнаркома» явно нецелесообразным, дал распоряжение управляющему делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичу «в течение ближайшего месяца ему об этом несколько раз напомнить и поставить на повестку Совнаркома для обсуждения, решения и уничтожения „этой нелепости“...».[131] Уже 25 марта Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина избрал комиссию для разграничения и согласования деятельности СНК и Московского областного Совета. По своему составу (В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и др.) комиссия фактически представляла собой Бюро ЦК РКП(б).[132] И неудивительно, что вскоре, 30 марта, вопрос о взаимоотношениях Совнаркома и Московского областного Совдепа специально рассматривался на расширенном заседании Бюро ЦК, которое приняло решение о необходимости ликвидации областного Совдепа «с его теперешними функциями и районом деятельности... а) путем соглашения с тов[арищами] из О[бластного] С[овдепа], б) созыва областного съезда Советов, если без такового невозможно провести в жизнь решение об упразднении О[бластного] С[овдепа]...».[133]

В направлении, указанном Бюро ЦК РКП(б), и проходило дальнейшее решение этого вопроса. 19 апреля Совет Народных Комиссаров об-

---

[130] Подробнее см.: Б. М. Морозов. Ук. соч., стр. 461, и др.; Р. М. Савицкая. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина. Март—июль 1918 г. М., 1969, стр. 347—354 и др.; С. Р. Вихарев. Ленинский принцип демократического централизма во взаимоотношениях органов Советской власти в начальный период ее существования (октябрь 1917 г.—январь 1918 г.). — В кн.: Революция, государство и право. Минск, 1969, стр. 106—107.

[131] В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931, стр. 335.

[132] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 190.

[133] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, лл. 3 об., 4.

судил вопрос о взаимоотношениях Советского правительства (Всероссийского Совета Народных Комиссаров) и Совнаркома Москвы и Московской области. Выступивший докладчиком председатель Московского СНК М. Н. Покровский представил проект резолюции, согласно которой предлагалось: «Признать как общий принцип, что 1) Все распоряжения центральной власти, касающиеся Московской области, проводятся в жизнь через посредство Московского областного Совнаркома, 2) Все комиссары центральных ведомств назначаются в Московскую область таким же путем. Исключения из этого общего правила устанавливаются путем соглашения в Особой комиссии из представителей центра и области».[134] В написанном на отдельном листке другом тексте, — по-видимому, дополнении к этому проекту, сохранившемся также в материалах к протоколу данного заседания, говорилось: «Ни одно распоряжение областных или местных совнаркомов, касающееся учреждений общегосударственных, не может издаваться без предварительного сношения с соответствующим народным комиссариатом. Все распоряжения центральных комиссариатов, касающиеся Московской области как таковой, проводятся через областной Совнарком».[135] Позиция представителя Московского СНК была, таким образом, совершенно очевидна. Советскому правительству, хотя и с определенными оговорками, предлагалось сохранить Московский Совнарком, который к тому же должен был обладать и известной автономией при решении ряда важных вопросов. Однако, как уже отмечалось, согласиться с такой трактовкой взаимоотношений исполнительных органов Советской власти в центре и на местах было нельзя. Поэтому Совет Народных Комиссаров утвердил предложение В. И. Ленина образовать особую согласительную комиссию из представителей Советского правительства, Совнаркома Московской области и ВЦИК «в целях разбора всех конфликтов между обоими С. Н. К. и более точного разграничения их функций и прав».[136] В результате работы этой комиссии, в состав которой вместе с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым вошли, в частности, А. Д. Цюрупа и М. Я. Лацис (от Всероссийского Совнаркома) и два представителя от Совнаркома Московской области,[137] и было принято окончательное решение об упразднении Московского Совнаркома, поддержанное большевиками столицы и оформленное постановлением Президиума ВЦИК от 9 июня.

В тексте принятого постановления говорилось: «Ввиду необходимости экономии сил, координации деятельности центральных и областных органов управления и необходимости привлечения активных работников для обеспечения центрального управления личным составом, ВЦИК находит параллельное существование в Москве центральной и областной власти нецелесообразным, а потому постановляет:

а) Совет народных комиссаров Московской области упразднить;

[134] Там же, ф. 19, оп. 1, л. 36.
[135] Там же, л. 37.
[136] Ленинский сборник, XXI, стр. 99—100.
[137] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 72, ч. 1, лл. 109.

б) отдельные областные комиссариаты, поскольку они являются необходимыми для обслуживания местных нужд, непосредственно подчинить соответствующим центральным комиссариатам;

в) остальные комиссариаты Московской области ликвидировать и дела их распределить между центральными и местными советскими учреждениями;

г) личный состав как упраздняемых комиссариатов, так и самого Совета народных комиссаров Московской области распределить между органами центрального управления в зависимости от общегосударственных потребностей».[138]

Небезынтересно отметить, что несколько раньше, 21 мая Совет Народных Комиссаров, заслушав сообщение наркома внутренних дел Г. И. Петровского о порядке образования областных Советов комиссаров и их отношении к центру, поручил Народному комиссариату юстиции в короткий срок выработать проект соответствующего декрета. С подготовленным проектом надлежало ознакомить в первую очередь народные комиссариаты внутренних дел, финансов и государственного контроля и по получении их заключения внести вновь на рассмотрение Советского правительства.[139] Однако эта попытка официально урегулировать взаимоотношения центральных и местных органов Советской власти, по-видимому, так и осталась нереализованной.

Еще раньше был выполнен второй пункт упоминавшегося выше решения Бюро ЦК РКП(б) от 30 марта о немедленном включении комиссаров Московского областного Совдепа в коллегии соответствующих народных комиссариатов независимо от вопроса о ликвидации Областного Совдепа. Вскоре после переезда Советского правительства председатель Московского «Совнаркома» и комиссар просвещения М. Н. Покровский был, как известно, включен в коллегию Наркомпроса и стал заместителем наркома просвещения Республики; члены Московского «Совнаркома» В. П. Ногин — заместителем народного комиссара труда, В. Н. Подбельский — народным комиссаром почт и телеграфов.

Таким образом, обсуждение вопроса о взаимоотношениях Совета Народных Комиссаров и Московского «Совнаркома» отчетливо показало настоятельную потребность более четкой разработки вопросов советского государственного устройства и укрепления на основе обобщения накопленного революционного опыта строительства новых форм организации и деятельности Советов и их исполнительных органов. Исходя из этого, Бюро ЦК РКП(б) приняло важное решение о создании комиссии «для разработки Советской конституции, как финансовой, так и общеадминистративной». «Комиссия организуется Ц. И. К., — записано в протоколе заседания. — Проведение в жизнь принятых решений поручено Свердлову».[140] 1 апреля, заслушав доклад Я. М. Свердлова, ВЦИК Советов IV

[138] См.: там же, № 82, л. 3—3 об.; Декреты Советской власти, т. II, стр. 405, 406.
[139] См.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 413; № 149, л. 84; ф. 4390, оп. 2, 145, лл. 7, 12.
[140] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 4.

созыва принял предложение большевистской фракции о создании комиссии для подготовки первой Советской Конституции.[141] Не имея возможности сколько-нибудь подробно остановиться на этом вопросе, отметим лишь, что и в дальнейшем деятельность ЦК партии, неоднократно рассматривавшего на своих заседаниях вопросы подготовки V Всероссийского съезда Советов и дважды (26 и 28 июня) обсуждавшего сообщения Я. М. Свердлова о работе Конституционной комиссии, так же как и деятельность образованной Центральным Комитетом особой комиссии во главе с В. И. Лениным для рассмотрения проекта Конституции, имели несомненно решающее значение для успешного создания первой Конституции РСФСР.[142]

Другим важнейшим политическим вопросом, которому ЦК РКП(б) уделял в этот период большое внимание, был вопрос о взаимоотношениях большевиков и левых эсеров. Как известно, соглашение, достигнутое между этими двумя партиями во второй половине ноября 1917 г., содействовало упрочению союза рабочего класса и трудового крестьянства. Именно поэтому, несмотря на то что ленинскому большинству в Совете Народных Комиссаров приходилось по многим принципиальным вопросам преодолевать оппозицию левоэсеровских представителей в правительстве, Центральный Комитет партии, лично В. И. Ленин делали все возможное, чтобы обеспечить укрепление заключенного правительственного блока этих двух партий. Мелкобуржуазная неустойчивость и шатания левоэсеровских лидеров предопределили, однако, выход их представителей из состава Совнаркома в середине марта 1918 г. в знак протеста против ратификации IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов Брестского мирного договора. «При создавшихся после ратификации договора условиях, — говорилось в декларации фракции левых эсеров, которую огласил на вечернем заседании съезда 16 марта И. З. Штейнберг, — партия отзывает своих представителей из Совета Народных Комиссаров».[143] В соответствии с этим решением ЦК партии левых эсеров в Совнарком поступили заявления об уходе со своих постов от наркома юстиции И. З. Штейнберга и его заместителя А. А. Шрейдера, наркома имуществ В. А. Карелина, наркома земледелия А. Л. Колегаева и его заместителя Н. Н. Алексеева, наркома по делам местного самоуправления В. Е. Трутовского, наркома почт и телеграфов П. П. Прошьяна и его заместителя Л. Е. Кроника. Поэтому почти все заседание Совета Народных Комиссаров, состоявшееся 18 марта, было посвящено обсуж-

---

[141] Протоколы ВЦИК Советов Р., С., Кр. и Каз. деп. 4 созыва. М., 1918, стр. 3, 72, 73.

[142] Подробнее см.: Советы в первый год пролетарской диктатуры, М., 1967, стр. 314—321; История Советского государства и права, книга первая. М., 1968, стр. 302—314.

[143] Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабоч., солд., крестьянск. и казачьих депутатов, стр. 67. — При этом в декларации, правда, отмечалось, что, поскольку Совнарком будет проводить в жизнь программу Октябрьской революции, партия левых эсеров обещает ему свое содействие и поддержку.

дению поставленного Я. М. Свердловым вопроса о положении, возникшем в связи с уходом из правительства всех левых с. р. и некоторых большевиков (Коллонтай, Смирнова, Дыбенко, Оболенского).[144] Советское правительство тотчас же приняло решительные меры. На покинутые левыми эсерами и «левыми коммунистами» правительственные посты были выдвинуты сторонники ленинской линии большинства Центрального Комитета и Совета Народных Комиссаров. Народным комиссаром юстиции был утвержден П. И. Стучка, его временным заместителем — П. А. Красиков, временным заместителем наркома имуществ — П. П. Малиновский. Вместо П. П. Прошьяна народным комиссаром почт и телеграфов был назначен В. Н. Подбельский, а членом Высшего военного совета — Н. И. Подвойский, заместителями — К. А. Мехоношин и Э. М. Склянский.[145] Что касается положения в Комиссариате земледелия, то Совнарком поручил Я. М. Свердлову вступить в переговоры с членом ВЦИК С. П. Середой о возможности назначения его заместителем наркома земледелия, а М. И. Лацису срочно вызвать из Псковской губернии В. Н. Харлова для включения его в состав коллегии этого комиссариата. Тогда же Совет Народных Комиссаров предложил Я. М. Свердлову подготовить кандидатуру на освободившийся пост Председателя ВСНХ.[146] Признав необходимым переименовать Комиссариат призрения в Комиссариат социального обеспечения, Советское правительство поручило комиссии из представителей этого комиссариата (И. Г. Егоров, А. Н. Винокуров) и Комиссариата труда (Г. Ф. Федоров) обсудить этот вопрос и представить свое заключение. И. В. Рабчинскому Совнарком предложил представить к следующему заседанию доклад о мерах, принятых к установлению надлежащего порядка и дисциплины в Комиссариате почт и телеграфов. И, наконец, Комиссариат по делам местного самоуправления, руководство в котором принадлежало ранее левым эсерам, было решено вовсе упразднить, передав все его отделы и сотрудников в ведение Наркомвнудела.[147] 3 апреля Совет Народных Комиссаров утвердил А. И. Рыкова Председателем

---

[144] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 172. — Напомним, что еще до подписания Брестского мира лидеры «левых коммунистов» Н. И. Бухарин, А. Ломов и другие подали заявление о своем выходе из ЦК партии и отставке с постов народных комиссаров, но по предложению Центрального Комитета в связи с напряженнейшей обстановкой временно остались на своих местах. После ратификации мирного договора «левые коммунисты» вновь заявили о своем отказе участвовать в работе СНК (А. М. Коллонтай, В. М. Смирнов, П. Е. Дыбенко, В. В. Оболенский) и ЦК (Н. И. Бухарин, А. Ломов, М. С. Урицкий) и, несмотря на неоднократные предложения Центрального Комитета, некоторое время не приступали к практической работе (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 67—69, 583; История КПСС, т. 3, кн. 1, стр. 534 и др.).

[145] Ввиду признания необходимости объединить Морское ведомство и Военный комиссариат решение вопроса о назначении наркома по морским делам было отложено.

[146] После выяснения результатов переговоров этот вопрос было решено подвергнуть вторичному обсуждению.

[147] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 172—175.

ВСНХ, а С. П. Середу — заместителем наркома земледелия. На этом же заседании В. Н. Мещеряков был включен в коллегию Наркомзема.[148]

Учитывая сложную внутреннюю и внешнюю обстановку, в которой оказалась Республика Советов, Центральный Комитет РКП(б) принял несколько важных решений, направленных на сохранение сотрудничества большевиков и левых эсеров в интересах пролетарской революции и социалистического строительства. 30 марта расширенное Бюро ЦК, рассмотрев вопрос о допущении представителя левых эсеров П. П. Прошьяна в Высший военный совет, признало это возможным при выполнении следующих условий: «1. Лояльное отношение к ратификации. 2) Подчинение всем распоряжениям. 3) Обязательство не устраивать политические демонстрации в случае расхождения с общей линией». Я. М. Свердлову, которому было поручено вступить с левыми эсерами в переговоры по этому вопросу, предлагалось (в случае успешного завершения переговоров) взять письменное обязательство о соблюдении приведенных выше условий.[149] Через несколько дней, 4 апреля, Бюро ЦК РКП(б), обсудив вопрос об отношении к членам коллегий народных комиссариатов от левоэсеровской партии, приняло принципиально важное решение, что все они могут в дальнейшем занимать свои посты и вести соответствующую практическую работу. На этом же заседании было принято специальное решение о включении П. П. Прошьяна в состав Высшего военного совета. В протоколе снова было подчеркнуто: «Условия включения, сообщенные Свердловым как результат переговоров с Прошьяном и Спиридоновой, таковы: полная лояльность по отношению к Брестскому договору, подчинение общим решениям и в случае больших разногласий — выход из В. В. С. без какой-либо политической демонстрации».[150] 10 апреля Совет Народных Комиссаров назначил П. П. Прошьяна членом Высшего военного совета.[151]

Стремясь, как уже отмечалось, сохранить и укрепить правительственную коалицию двух партий, идя в этих целях навстречу левым эсерам по ряду вопросов, ЦК РКП(б) вместе с тем не допускал никаких принципиальных, программных уступок, последовательно проводил ленинский курс социалистического строительства. Об этом убедительно свидетельствует происшедший в апреле 1918 г. в Народном комиссариате земледелия конфликт между большевистской и левоэсеровскими группами его сотрудников и руководства. Конфликт был порожден стремлением левоэсеровских лидеров почти монопольно управлять Народным комиссариатом земледелия, что шло вразрез с соглашением о совместном руководстве представителями двух партий деятельностью этого комиссариата. 26 апреля, как это видно из материалов к протоколу Совнаркома за это число, В. И. Ленин собирался выступить на заседании правитель-

---

[148] Там же, л. 222.
[149] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 4.
[150] Там же, л. 6.
[151] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 241.

ства в связи с заявлением фракции большевиков — сотрудников Наркомзема о серьезном положении, создавшемся в наркомате.[152] 3 мая этот вопрос рассматривался на заседании Центрального Комитета большевистской партии. Заслушав сообщение В. И. Ленина о состоявшемся по данному вопросу предварительном совещании с большевистской частью коллегии Наркомзема (С. П. Середа и В. Н. Мещеряков), Центральный Комитет постановил «признать притязания левых с. р. неосновательными и отклонить их».[153]

Для подтверждения правильности и полной обоснованности такого решения достаточно привести направленное в Совнарком 25 апреля письмо одного из левоэсеровских лидеров А. М. Устинова, являвшегося членом коллегии Наркомзема. Оно убедительно свидетельствовало о стремлении руководства этой партии не к совместной работе и лояльному сотрудничеству с большевиками, а к тому, чтобы «выпрямлять общую линию советской политики».[154] В своем заявлении о выходе из состава коллегии А. М. Устинов указывал, что как член партии левых эсеров он считает недопустимым участвовать в работе коллегии Наркомзема, «в то время как партия в целом уклоняется от участия в центральной власти (т. е. Совнаркоме, — *М. И.*) и тем самым перестает разделять политическую ответственность власти с господствующей политической партией». «Если я не подавал раньше, тотчас после моего назначения,[155] заявления..., — подчеркивал далее А. М. Устинов, — так только в надежде, что съезд партии левых с. р. пересмотрит решение своего ЦК в смысле восстановления прежних взаимоотношений между партией и Советом Народных Комиссаров».[156]

Наряду с решением общих, принципиальных политических вопросов ЦК РКП(б) нередко рассматривал на своих заседаниях и самые различные вопросы более частного характера. В некоторых случаях Центральный Комитет делал необходимые разъяснения. Так, рассмотрев 15 марта заявление Н. В. Крыленко о его намерении выступить на IV Чрезвычайном съезде Советов с отчетом о своей деятельности в качестве главковерха, ЦК решил: «Признать такой отчет излишним ввиду отсутствия особой, по сравнению с другими комиссарами, ответственности».[157]

Руководящему центру большевистской партии приходилось иногда разбирать конфликты и разногласия, возникавшие при решении различных вопросов советского строительства. Так, например, в связи с поступившим в мае 1918 г. в Центральный Комитет письмом членов

---

[152] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 104, л. 50.

[153] Там же, ф. 17, оп. 2, д. 1, л. 9; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 69—70, 423—424.

[154] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 601.

[155] А. М. Устинов и большевик В. Н. Харлов были утверждены членами коллегии Наркомзема на заседании Совнаркома 16 апреля 1918 г. (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 271).

[156] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 119, л. 13.

[157] Там же, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 2.

большевистской фракции совещания при Наркомнаце по подготовке созыва съезда для организации Татаро-Башкирской республики,[158] ЦК РКП(б) дважды (13 и 18 мая) обсуждал расхождения, которые возникли по этому вопросу между наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным и членами большевистской фракции совещания.[159]

Так в начальный период существования в России пролетарской власти начинали складываться основные формы и методы руководства ленинской партией и ее ЦК деятельностью Советского государства. Как мы уже видели, на заседаниях Центрального Комитета часто рассматривался вопрос о партийных кадрах. И это вполне понятно. Успешное решение вставших перед большевистской партией после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде таких сложных и важных задач, как упрочение первого Советского правительства и установление рабоче-крестьянской власти по всей стране, слом старого и создание нового государственного аппарата, наконец, осуществление вслед за «красногвардейской атакой на капитал» выдвинувшейся весной 1918 г. новой гигантской организационной задачи по налаживанию учета, контроля над крупнейшими предприятиями, превращению «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом...»,[160] — все эти ответственнейшие задачи были неосуществимы без привлечения к их выполнению лучших сил партии, без тщательно продуманной, наиболее целесообразной расстановки партийных кадров на важнейших участках советского строительства, а также, разумеется, без правильного решения в целом поистине ключевой в тех условиях проблемы кадров нового аппарата управления.

---

[158] Там же, ф. 17, оп. 4, № 122, лл. 1—2 об.
[159] Там же, оп. 2, № 1, лл. 10 об.—12.
[160] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 7.

Глава 2. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВ СОВЕТСКОГО АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ

Развернувшийся после победы Октябрьской революции процесс слома старой буржуазно-помещичьей государственной машины и строительства нового советского госаппарата получил освещение во многих монографических и коллективных трудах историков, философов и правоведов.[1] Однако при его рассмотрении, как правило, растворяется требующий специального исследования вопрос о том, как, каким образом Коммунистическая партия и первое Советское правительство во главе с В. И. Лениным сумели решить острейшую проблему кадров нового аппарата государственного управления. Ценные исследования о разработке и практическом осуществлении в первые послеоктябрьские годы ленинской политики Советской власти, направленной на использование различных отрядов и групп буржуазных специалистов и интеллигенции в интересах социалистического строительства, опубликовал С. А. Федюкин.[2] Из других работ, специально посвященных изучению интересующей нас темы, можно указать, пожалуй, лишь на интересные статьи А. Ф. Стеценко[3] и А. Е. Иваненко,[4]

---

[1] См.: Е. Н. Городецкий. 1) Октябрьская революция и создание социалистического государства в освещении советской исторической литературы. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, стр. 331—372; 2) Новое в изучении истории Великого Октября. М., 1968; П. П. Никифорак. Историография создания и развития советской государственности. — В кн.: Некоторые проблемы истории советского общества. М., 1964, стр. 34—84; Великая Октябрьская социалистическая революция (март 1917 г.—март 1918 г.). Указатель советской литературы. 1917—1964. М., 1967; Теория государства и права. Библиография 1917—1968. Составитель М. Н. Кулажников. М., 1969.

[2] С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. Совсем недавно вышла в свет новая крупная монография С. А. Федюкина «Великий Октябрь и интеллигенция» (М., 1972).

[3] А. Ф. Стеценко. Борьба Коммунистической партии за разрешение проблемы кадров советского государственного аппарата. Ноябрь 1917 г.—июнь 1918 г. — В кн.: Из истории борьбы партии за построение социализма в СССР. М., 1960, стр. 3—51.

[4] А. Е. Иваненко. 1) О деятельности В. И. Ленина по подбору и расстановке кадров в народных комиссариатах. Октябрь 1917 г.—лето 1918 г. — В кн.: Доповіді та повідомления. (Тези VI звітної наукової конференції 14—15 травня 1964 р. Серия суспільних наук). Дрогобич, Дрогобицький державный педагогічный інститут ім. І. Я. Франка, 1964, стр. 1—11; 2) В. И. Ленин. О выдвижении руководящих кадров из рабочих и крестьян в государственный и хозяйственный аппарат. Октябрь 1917 г.—лето 1918 г. — В кн.: Тези доповідей VI звітної наукової

которые несмотря на их содержательность не могли тем не менее уже в силу своего небольшого объема, достаточно полно и всесторонне раскрыть заинтересовавшие их авторов вопросы. Между тем важность глубокого и обстоятельного изучения указанной выше проблемы не нуждается в каких-либо доказательствах. Вполне понятно, что сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде вопрос о кадрах для аппарата управления новой, Советской власти стал одной из самых первоочередных задач пролетариата.

Как известно, после завоевания политической власти рабочий класс России начинал строительство нового аппарата управления в чрезвычайно сложных и тяжелых условиях. В самом деле, строительство аппарата управления социалистического государства осуществлялось фактически впервые. За кратчайший срок 72-дневной эпопеи Парижской Коммуны героические коммунары успели лишь вступить на путь такого строительства, а иных примеров конкретных методов и форм создания государственной организации социалистического типа мировая история не знала. У пришедших к власти представителей рабочего класса и революционного крестьянства России не было и собственного серьезного опыта государственного управления, за исключением некоторого, приобретенного российским пролетариатом в ходе революции 1905—1907 гг. и особенно в период от февральской революции 1917 г. к Великому Октябрю. «Многого мы тогда себе не представляли, — вспоминал, например, впоследствии о первых днях и неделях Народного комиссариата внутренних дел Г. И. Петровский, руководивший организацией и деятельностью НКВД в 1917—1918 гг., — подчас не знали, как и приступить к делу».[5]

Но особенно ощутимым и, пожалуй, опасным являлось то, что, установив диктатуру пролетариата и приступив к строительству основ нового общества, рабочий класс России не располагал в достаточной мере своими собственными кадрами работников, которые имели бы навыки государственного управления, и в первую очередь специалистов промышленности, транспорта, сельского хозяйства, военно-морского дела, науки, просвещения и других самых различных областей социально-политической, экономической и культурной жизни страны.

Эта весьма серьезная трудность, с которой столкнулась большевистская партия сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, носила несомненно объективный характер. Дело в том, что сама по себе проблема кадров для нового аппарата управления во всей своей полноте и сложности встает только перед победившим в результате социалистической революции пролетариатом. И это вполне логично: в отличие от буржуазии, которая при утверждении

конференції. Секція історичніх, филологічних наук і музикознавства 29—30 вересня 1964 р. Дрогобич, Дрогобицький державный педагогічный інститут ім. І. Я. Франка, стр. 1—10.

[5] Г. И. Петровский. Рождение власти Советов. — В кн.: Утро нового мира. М., 1962, стр. 47.

своего политического господства могла использовать буржуазную культуру и интеллигенцию, сложившуюся в основном еще в недрах феодального строя, рабочий класс, свергнув буржуазное правительство и овладев государственной властью, не располагал собственной многочисленной интеллигенцией и достаточно развитой социалистической культурой, так как в условиях капитализма образование и культура, как и средства производства, были сосредоточены в руках буржуазии.[6] Подготовка же и создание кадров новых специалистов и интеллигенции требовали, естественно, довольно длительного времени. Все эти обстоятельства и определяют объективную неизбежность возникновения перед трудящимися стран, вставших на путь социалистических преобразований, сложнейшей проблемы кадров аппарата управления, включающей, в частности, важный вопрос об использовании новой, пролетарской властью старых буржуазных специалистов и интеллигенции. Проблема эта носит, следовательно, не какой-то исключительный, национально особенный, специфический характер, а приобретает значение одной из всеобщих закономерностей, имеющих место при проведении социалистических революций. При этом, как совершенно справедливо отмечает С. А. Федюкин, «чем ниже уровень культуры и образованности народа страны, чем тоньше в нем прослойка интеллигенции, тем острее проблема использования наличных научно-технических и культурных сил».[7] Разумеется, все это в полной мере относилось к такой в общем отсталой по сравнению с передовыми империалистическими государствами стране, как Россия, которая, несмотря на определенный уровень развития капиталистической индустрии в начале XX в., являлась все же в основном аграрной страной, где подавляющее большинство населения (72%) оставалось неграмотным, а количество специалистов с высшим образованием составляло, по данным переписи 1913 г., всего лишь около 0.001% от общего числа населения (136 тыс. на 165 млн).[8]

Между тем такой глубочайший социальный переворот, каким явилась Октябрьская революция, активное участие в ее проведении и в установлении Советской власти по всей России самых широких масс трудящихся, наконец, задачи упрочения возникшего Советского государства и развертывания социалистического строительства — все это настоятельно требовало привлечения большого количества новых работников в пролетарский аппарат управления страной. «Чем глубже переворот, — подчеркивал в связи с этим В. И. Ленин, — тем больше требуется активных работников для свершения работы замены капитализма аппаратом социализма».[9]

---

[6] См.: С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты, стр. 14—16.

[7] С. А. Федюкин. Октябрьская революция и интеллигенция. — Коммунист, 1966, № 13, стр. 40—41.

[8] СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Стат. сб. М., 1970, стр. 24, 161, 208.

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 146.

Таким образом, для ленинской партии рабочего класса России, ставшей после победы Октябрьской революции правящей партией, вопрос о кадрах стал кардинальной проблемой не только в области партийного (как это было в дореволюционный период), но и государственного строительства. «При капитализме, — указывал В. И. Ленин, — отдельные „хозяева" старались — таясь от других и ставя им подножку — добывать себе хороших приказчиков, управляющих, директоров; занимались этим десятилетия, и только немногие наилучше поставленные „фирмы" достигали хороших результатов. Теперь „хозяином" является рабоче-крестьянское государство, и оно должно поставить широко, планомерно, систематично *и открыто* дело подбора наилучших работников по хозяйственному строительству, администраторов и организаторов специального и общего, местного и общегосударственного масштаба».[10]

Как уже отмечалось, добиться успешного выполнения такой обширной и сложной задачи в предельно напряженной обстановке первых месяцев Советской власти было чрезвычайно трудно. Именно поэтому В. И. Ленин, поясняя невозможность сразу же решить данную проблему и одновременно подчеркивая принципиально новое ее социальное значение, указывал в работе «Очередные задачи Советской власти»: «Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс, доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть *своих* организаторов...».[11] Об этом же по существу говорилось и в циркулярном письме ЦК РКП(б) комитетам, группам и всем членам партии, опубликованном в «Правде» 22 мая 1918 г.: «Если можно считать первый период завоевания политической власти над буржуазией в общем и целом законченным, то второй период, период построения общества на новых коммунистических основах, еще только начинается. Для работы построения необходимо огромнейшее напряжение всех наших сил».[12]

Каким же образом, как в действительности решали в рассматриваемый период большевистская партия, ее Центральный Комитет и Советское правительство во главе с В. И. Лениным кардинальную проблему кадров советского аппарата управления?

Правильно решить такую сложную и неоднозначную задачу можно было лишь комплексным путем. Обращение к исторической практике 1917—1918 гг. убедительно подтверждает, что это было именно так. С первых же дней существования Советской власти проблема кадров нового государственного аппарата решалась одновременно в нескольких основных направлениях. Главным источником, где можно было подобрать и выдвинуть подходящие кандидатуры на руководящие посты и вообще для работы в советские, военные, хозяйственные и другие центральные

[10] Там же, т. 43, стр. 280.
[11] Там же, т. 36, стр. 192—193.
[12] Правда, 22 мая 1918 г.

и местные органы новой государственной власти, являлась, естественно, сама большевистская партия. Другим важнейшим источником были лучшие представители революционных масс трудящихся России, беспартийные рабочие и крестьяне, солдаты и матросы, поддерживавшие власть Советов и активно участвовавшие в борьбе за ее установление и упрочение. Наконец, третьим и также весьма существенным источником формирования советского государственного аппарата были старые служащие и специалисты, передовые представители буржуазной интеллигенции, которых удалось привлечь к строительству нового строя. Таков был в общем круг основных источников, откуда черпались кадры работников для советского аппарата управления. Но, конечно же, сам процесс формирования нового государственного аппарата не протекал неизменно одинаково на протяжении всех месяцев 1917—1918 гг. И его темпы, и конкретные формы и методы подбора руководящих работников, с одной стороны, и комплектования основного состава сотрудников, с другой, в разные периоды менялись в зависимости от различных факторов, в частности, от изменения внутренней и внешней обстановки, от появления в ходе советского строительства новых задач.

Подбор и расстановка руководящих советских работников

Как уже отмечалось, одним из наиболее важных источников формирования кадров советских государственных служащих, и прежде всего руководящих работников, была сама большевистская партия. Свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, пролетариат, став господствующим классом, мог и должен был осуществить свою руководящую роль в строительстве пролетарского государства и всего нового общественного строя, прежде всего через свой авангард — созданную им марксистскую партию, которая готовилась к выполнению своей исторической миссии на протяжении всего дооктябрьского периода. Еще в годы возникновения и организации российской социал-демократической рабочей партии В. И. Ленин указывал, что ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, чтобы организовать движение и руководить им. Рабочий класс России оказался способным выдвинуть таких людей.[13] На всех этапах развития революционного движения в стране большевистская партия, ее Центральный Комитет, В. И. Ленин неизменно уделяли особое внимание правильному подбору и воспитанию партийных кадров, тщательному выявлению и подготовке «искусных организаторов... талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им».[14]

---

[13] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 375.
[14] Там же, т. 5, стр. 13.

Главной социальной опорой большевистской партии являлся многонациональный рабочий класс России, выдвинувший из своей среды тысячи беззаветно преданных пролетарской революции мужественных и стойких борцов. По данным Всероссийской переписи членов РКП 1922 г., рабочие-революционеры составляли 5.2 тыс., или 61.7% общего количества членов партии в 1905 г., и соответственно 14.2 тыс., или 60.2%, к моменту февральской революции 1917 г. В целом динамика социального состава партии за 1905—1917 гг. (т. е. соответствующие изменения количества членов РКП к началу этих годов в тыс. человек) выглядела, по подсчетам акад. С. Г. Струмилина,[15] следующим образом.

	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие	Итого
1905 г. . .	5.2 (61.7)	0.4 (4,7)	2.3 (27.2)	0.5 (6.4)	8.4 (100)
1917 г. . .	14.2 (60.2)	1.8 (7.6)	6.1 (25.8)	1.5 (6.4)	23.6 (100)

Примечание. Цифры в скобках — проценты.

Как видим, вместе с рабочими, составлявшими главную силу партии, ее костяк, важную роль в создании и деятельности большевистских организаций сыграли лучшие представители революционной интеллигенции страны, многие из которых стали признанными руководителями не только на местах, но и всего российского пролетариата. Если объединить показатели, характеризующие группы «служащие» и «прочие», то всего, по данным указанной выше переписи, служащих и представителей интеллигенции насчитывалось в партии 2.8 тыс., или 33.6%, в 1905 г., и 7.6 тыс., или 32.2%, в начале 1917 г. Таким образом, еще в труднейших условиях царского самодержавия, находясь на нелегальном положении, непрерывно подвергаясь суровым репрессиям, ленинская партия рабочего класса сумела подготовить и воспитать не слишком, правда, значительный численно, но зато чрезвычайно организованный и сплоченный, прошедший суровую школу подпольной борьбы отряд преданных идеям социализма пролетарских революционеров, возглавивших большевистские организации и поднявших трудящиеся массы России на борьбу с царизмом, за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, за победу Великого Октября.[16]

После свержения царского самодержавия и победы февральской революции 1917 г., когда большевистская партия перешла на легальное положение, ее численность, как уже отмечалось, была первоначально невысока: всего около 24 тыс., точнее 23.6 тыс. человек. Но своей честной, последовательной и одновременно гибкой политикой ленинская партия рабочего класса быстро завоевала авторитет и доверие широких масс трудящихся страны, привлекла их на свою сторону и уже к октябрю

[15] Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, вып. 4. Состав РКП (большевиков) по итогам предварительной разработки. М., 1923, стр. 37—38.

[16] См.: История Коммунистической партии Советского Союза, том второй. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904—февраль 1917 года. М., 1966, стр. 652—654 и др.; И. И. Пронин. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1971, стр. 8—11.

стала массовой партией, подлинным вождем всего революционного пролетариата России. Уже к VII Всероссийской (Апрельской) конференции партия насчитывала в своих рядах свыше 100 тыс., к VI (июльскому) съезду — около 240 тыс., в октябре же 1917 г. общее количество ее членов составляло 350 тыс., что более чем в 15 раз превышало численность партии после выхода из подполья.[17]

Именно на этом обстоятельстве основывалась во многом твердая уверенность В. И. Ленина в реальность пролетарской революции в России и возможность успешного проведения социалистических преобразований. Как известно, и меньшевистские и эсеровские руководители (не говоря уже о буржуазных идеологах) в 1917 г. придерживались в целом позиции оппортунистических лидеров II Интернационала, утверждавших полную невозможность всего этого в условиях такой сравнительно отсталой аграрно-промышленной страны, какой являлась дореволюционная Россия, где пролетариат не составлял преобладающей части всего населения и не достиг такого культурного уровня, чтобы располагать собственными кадрами, достаточными для управления государством, и где поэтому, по их мнению, следовало с помощью «демократии» лишь постепенно подготавливать предпосылки для перехода в неопределенном будущем к новому общественному строю. Последовательно выступая против подобной пессимистической оценки перспектив революционной борьбы российского пролетариата, В. И. Ленин выбил из рук мелкобуржуазных партий наиболее распространенный довод, в соответствии с которым пролетариат якобы не сможет ни технически овладеть государственным аппаратом, ни привести его механизм в движение, заставить его заработать в интересах трудящихся.[18] Одним из ленинских контраргументов являлось, как уже неоднократно отмечалось, его указание на Советы. Прочно сложившаяся в стране система советских организаций, построенная на основе принципа классового представительства и в силу этого неразрывно связанная с рабочими и крестьянами, солдатами и матросами, пользовавшаяся мощной поддержкой широких масс трудящихся и обладавшая действительной, реальной властью, — именно Советы и представляли собой, как указывал В. И. Ленин, тот новый пролетарский аппарат, которому было суждено сменить старую буржуазную государственную машину.

Другим же (и надо сказать, не менее весомым) контраргументом В. И. Ленина было указание на могучие потенциальные творческие силы пролетариата, на наличие в его распоряжении армии закаленных революционеров-коммунистов, составлявших марксистскую партию, которая была необходима для управления страной и которая имелась у ра-

---

[17] См.: Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, вып. 4, стр. 37; Коммунистическая партия Советского Союза. — Советская историческая энциклопедия, т. 7. М., 1965, стлб. 702 (динамика численного состава КПСС); КПСС в цифрах. — Коммунист, 1967, № 15, стр. 90.

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 309 и др.

бочего класса России.[19] Напомним, что именно об этом писал незадолго перед Октябрем В. И. Ленин, обосновывая положительный ответ на вопрос, ставший заголовком его широкоизвестной работы «Удержат ли большевики государственную власть?».[20]

Как известно, последующий ход событий полностью подтвердил правильность взглядов В. И. Ленина. Именно этих неудачных пророков — лидеров II Интернационала и вторивших им руководителей партии меньшевиков и эсеров в России имел в виду В. И. Ленин, когда впоследствии писал: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?..

Помнится, Наполеон писал: „On s'engage et puis... on voit". В вольном русском переводе это значит: „Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет". Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой... И в настоящее время уже нет сомнений, что в основном мы одержали победу».[21]

Организатор и руководитель Октябрьской революции — ленинская партия рабочего класса — в период становления Советской власти выдвинула в качестве главной задачи и возглавила подбор новых работников в центральные и местные органы пролетарского государства, обеспечила успешное решение проблемы кадров советского аппарата управления. Для организации и налаживания бесперебойной работы советского государственного аппарата большевистская партия и ее Центральный Комитет отдали почти всех своих лучших работников. Об этом прямо говорится в отчете Секретариата ЦК РСДРП(б) за время с VI съезда (август 1917 г.) по февраль 1918 г.: «...лучшие партийные силы ушли в общегосударственную работу».[22] Как пояснялось несколько позднее, весной 1918 г., в обращении ЦК партии к коммунистам, группам и членам партии «такой переход был неизбежен в период Октябрьской революции и в первые месяцы, последовавшие за нею. Партия, стоявшая во главе Советов, принуждена была самим своим положением выдвинуть туда широкие кадры работников из своей среды».[23] Массовый переход лучших сил партии на работу в советский аппарат неоднократно отмечался и в письмах Секретариата Центрального Комитета местным партийным организациям. «Все теоретики и опытные работники, — говорилось, например, в письме Воткинскому комитету РСДРП(б), А. И. Литвину, от 26 ноября 1917 г., — ушли в правительственную работу, в различные комиссариаты». В другом письме от 2 декабря 1917 г. адресо-

[19] Там же, т. 42, стр. 254.
[20] См.: там же, т. 34, стр. 313.
[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381.
[22] Седьмой экстренный съезд РКП(б). М., 1962, стр. 239. См. также: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1а, № 420, л. 2.
[23] Правда, 29 мая 1918 г.

ванном Луганскому комитету РСДРП(б) говорилось: «Вы, конечно, хотите работников, но, дорогие товарищи, в людях у нас полный недостаток, ибо все лучшие силы ушли работать в комиссариаты...». В тот же день, 2 декабря, отвечая на аналогичную просьбу Рязанского комитета РСДРП(б), секретарь ЦК партии Е. Д. Стасова также сообщала, что «в настоящее время ЦК не располагает ни одним человеком, которого он мог бы послать Вам. Все работники, бывшие в распоряжении ЦК, ушли в общегосударственную работу, т. е. в различные комиссариаты».[24] Подобных красноречивых писем можно привести множество.

Разумеется, все это не было случайностью. Как подчеркивал В. И. Ленин, выдвижение большевиков на ответственные посты в новом государственном аппарате являлось неоспоримым правом и прямой обязанностью большевистской партии, вставшей у руководства страной: «Пока управлять будет правящая партия, пока эта партия должна решать все вопросы о разных назначениях, вы не допустите, чтобы важнейшие государственные назначения делала не руководящая партия».[25] Более того, в условиях, когда главным содержанием деятельности большевистской партии стало руководство строительством нового общественного строя, следовало несколько по-другому, по-новому подходить к обязанностям любого работника, любого члена партии. «Каждому комитету партии, — указывал в связи с этим В. И. Ленин, — на каждого пропагандиста, на которого смотрели раньше, как на человека определенного кружка, определенной организации, теперь приходится смотреть по-новому. Каждый принадлежит к партии, которая руководит всем государством... Он является представителем борющегося класса и партии, которая господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом».[26] Таким образом, в условиях, когда ленинская партия рабочего класса России стала правящей партией, вопрос о правильном и наиболее целесообразном использовании партийных кадров, о наилучшем их подборе и расстановке стал не только организационной, но и важнейшей политической функцией партии и ее Центрального Комитета.[27] Выступая на XI съезде РКП(б), В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Политика ведется через людей...». И далее продолжал: «.... если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику».[28]

Крупнейших своих организаторов, публицистов и пропагандистов во главе с В. И. Лениным Центральный Комитет большевистской партии сосредоточил, как мы уже видели, в Совете Народных Комиссаров. Но сформирование Советского правительства далеко не означало еще

---

[24] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б), т. II, стр. 57, 63, 66; см. также стр. 3, 12, 13, 29, 35, 38, 50 и др.

[25] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 166.

[26] Там же, т. 41, стр. 404.

[27] В. М. Шапко. Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства. М., 1968, стр. 123—124.

[28] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 123.

решения в полном объеме вопроса о высшем звене государственных работников нового пролетарского аппарата управления. Для успешного выполнения этой важной задачи в целом необходимо было незамедлительно подобрать и выдвинуть достойных кандидатов на ключевые посты руководителей многочисленных центральных, а также местных органов Советской власти. Подобрать же членов коллегий народных комиссариатов и других ответственных работников, которым предстояло организовать и наладить деятельность первого в мире государственного аппарата социалистического типа было, как известно, исключительно сложным и нелегким делом. «Наше положение было трудным до чрезвычайности, — вспоминал впоследствии Г. И. Оппоков-Ломов. — Среди нас было много прекраснейших высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров... но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств».[29] На это же обстоятельство обратил внимание в своих воспоминаниях К. А. Мехоношин, отметивший, что, имея в своем распоряжении определенное количество политиков, просвещенцев и вообще организаторов, подготовленных в общем для работы по организации масс в новых условиях, партия, к сожалению, практически почти не располагала собственными работниками-специалистами, обладавшими сколько-нибудь значительным опытом государственного управления (в области военного дела, например, и т. д.).[30]

Все же большевистской партии и ее Центральному Комитету во главе с В. И. Лениным удалось успешно справиться с труднейшей задачей подбора работников для руководящих звеньев советского государственного аппарата. И следует подчеркнуть, что во многом это оказалось возможным только потому, что еще при царизме, в условиях нелегальной работы партия сумела создать надежные кадры опытных пролетарских революционеров-организаторов, преданных делу рабочего класса. Этот передовой отряд партии, состоявший из профессиональных революционеров и других членов партии с большим дооктябрьским стажем, прошедших суровую теоретическую и практическую школу подпольной революционной работы, и встал во главе строительства государственности нового, социалистического типа. «...авангард организаторов, — подчеркивал В. И. Ленин в речи на заседании памяти Я. М. Свердлова 16 марта 1920 г., — имелся у нас благодаря тому, что они прошли тяжелую школу жизни еще тогда, когда пришлось работать в подполье».[31]

Руководствуясь испытанным еще в условиях нелегальной работы принципом оценки кадров в соответствии с их политическими и деловыми качествами, большевистская партия прежде всего на ответствен-

---

[29] Г. И. Ломов. В дни бури и натиска. — Пролетарская революция. 1927, № 10, стр. 171—172.

[30] К. А. Мехоношин. От захвата власти к овладению аппаратом. (Воспоминания о первом периоде Наркомвоена). — Война и революция, 1928, № 2, стр. 32, 33.

[31] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 225.

ные должности в народные комиссариаты и другие советские учреждения направила тех работников, в которых удачно сочетались преданность пролетарской революции, идеям социализма со знанием дела, добросовестностью, умением организовать дружную практическую работу.[32] «Именно та беззаветная преданность революционному делу, которая знаменовала жизнь обошедших многие тюрьмы и самые отдаленные сибирские ссылки людей, — говорил В. И. Ленин о Я. М. Свердлове, — именно она создавала таких вождей, цвет нашего пролетариата. А если она сочеталась со свойством, с умением разбираться в людях, налаживать организационную работу, то только она и выковывала крупных организаторов».[33]

В соответствии с этим к работе Совета Народных Комиссаров, к руководству деятельностью различных наркоматов ЦК РСДРП(б) привлек многих известных деятелей партии, ее ведущих и опытнейших работников, таких как А. В. Луначарский, В. Р. Менжинский, В. А. Антонов-Овсеенко, Н. В. Крыленко, В. И. Невский, Н. И. Подвойский, Н. Н. Авилов-Глебов, М. Т. Елизаров. Целый ряд видных партийных деятелей, замечательных организаторов трудящихся масс был выдвинут для руководства местными Советами: П. Г. Смидович и М. Н. Покровский — в Москве; М. В. Фрунзе, А. М. Жиделев и Д. А. Фурманов — в Иваново-Вознесенске; В. В. Куйбышев — в Самаре; Н. С. Абельман — во Владимире; В. П. Антонов — в Саратове; И. М. Варейкис — в Симбирске; С. Г. Шаумян и А. П. Джапаридзе — в Баку; А. Ф. Мясников — в Минске; А. Ф. Сергеев — в Харькове; С. А. Лазо и К. А. Суханов — на Дальнем Востоке; С. Г. Буачидзе — на Кавказе и др.[34]

В центре всей этой огромной работы по распределению партийных сил на ответственные посты в советский госаппарат, являвшейся поистине ключевой к решению всех остальных вопросов, находился вождь большевистской партии и глава Советского правительства В. И. Ленин. Сразу же после окончания работы Второго Всероссийского съезда Советов В. И. Ленин принял деятельнейшее участие в выполнении самой главной задачи, стоявшей тогда перед организовывавшимися народными комиссариатами — в формировании руководящего состава их работников. Так, уже утром 27 октября В. И. Ленин, вызвав в помещение большевистской фракции съезда представителей Военной организации при ЦК партии и Петроградского Военно-революционного комитета Н. И. Подвойского, В. И. Невского и Е. Ф. Розмирович, подробно обсудил с ними вопрос о возможности укрепления руководства одного из наиболее ответственных комиссариатов — Народного комиссариата по военным делам. И на состоявшемся в тот же день в соответствии с указаниями В. И. Ленина собрании ответственных работников Петроградского ВРК и Военной организации ЦК РСДРП(б) после всестороннего

[32] Подробнее см.: А. К. Колесников. Ленинские принципы организационного руководства КПСС. М., 1971, стр. 145 и далее.

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 76—77.

[34] См.: Б. М. Морозов. Ук. соч., стр 227.

и тщательного обсуждения политических и деловых качеств различных кандидатур был окончательно сконструирован высший руководящий орган Военного комиссариата. В состав этого органа — Совета военных комиссаров (фактически это была первая коллегия Наркомвоена) вместе с утвержденными съездом В. А. Антоновым-Овсеенко и Н. В. Крыленко были включены Н. И. Подвойский, К. А. Мехоношин, П. Е. Лазимир, М. С. Кедров и Э. М. Склянский, которые и возглавили в дальнейшем всю деятельность Народного комиссариата по военным делам.[35]

«Ленин, — вспоминал Г. И. Оппоков-Ломов, — энергично искал кандидатов в наркомы и на ответственные посты. И после этого ЦК тут же оформлял очередное назначение. Разногласий не было».[36] Как свидетельствуют различные источники, по предложению или при содействии В. И. Ленина для работы в комиссариатах были привлечены не только дополнительно введенные в состав Советского правительства такие народные комиссары, как А. М. Коллонтай, Н. И. Подвойский, М. Т. Елизаров, В. Р. Менжинский, Г. И. Петровский, А. Г. Шлихтер, Э. Э. Эссен, но и целый ряд других активных работников большевистской партии, которые заняли ответственные должности наркомов и их заместителей, членов коллегии и заведующих отделами и управлениями во всех без исключения народных комиссариатах. В их числе были, например, П. Н. Амосов, М. И. Барсуков, Д. П. Боголепов, А. Н. Винокуров, И. Г. Егоров, М. Н. Животов, В. Н. Залежский, П. А. Козьмин, Н. К. Крупская, Д. А. Лазуркина, М. Я. Лацис, Ю. М. Лещинский, М. К. Муранов, В. И. Невский, М. С. Ольминский, А. П. Серебровский, А. Д. Цюрупа, Г. В. Чичерин.[37] Как вспоминал, в частности, член партии с 1903 г. А. П. Серебровский, по образованию инженер, работавший накануне Октября главным механиком завода акционерного общества «Л. Нобель» и назначенный затем заместителем наркома по делам торговли и промышленности, в один из первых же дней после победы вооруженного восстания, он был вызван В. И. Лениным в Смольный по вопросу о его работе в бывшем Министерстве торговли и промышленности. «Владимир Ильич хотел, — пишет А. П. Серебровский, чтобы я работал в наркомате (бывшем министерстве) в качестве комиссара, но я доказывал, что не смогу справиться и пойду работать членом коллегии или замом... Когда я изложил свои возражения, он сказал, что принимает их во внимание, что, пожалуй, будет лучше, если на меня возложат работу второй руки. Затем он настоял, чтобы на другой день я приступил к работе. Я так и сделал...».[38]

---

[35] См.: Н. И. Подвойский. Год 1917. М., 1958, стр. 181—183; За Советский Север. М., 1927, стр. 8 [воспоминания М. С. Кедрова]. — Подробнее см.: С. М. Кляцкин. На защите Октября. М., 1965, стр. 60 и далее.

[36] Г. И. Ломов. Ук. соч., стр. 172.

[37] См.: Ленинский сборник, XXI, стр. 91, 92, 95, 118, 122; В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 2, стр. 169—172, 174—175, 180—181; № 3, стр. 142, 143, 148, 150, 154, 156, 157; № 4, стр. 147—150; № 5, стр. 131—136; История Путиловского завода. М., 1941, стр. 606, 607.

[38] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, 384, лл. 106 об.—109 об.

Прекрасно разбираясь в людях, В. И. Ленин умел по достоинству оценить их лучшие качества и учесть их недостатки, подобрать работу, подходящую их способностям и силам, наиболее соответствующую их образованию, специальности и опыту предыдущей работы. «Товарищ Ленин, — вспоминал позднее Н. А. Семашко, — всегда умел собрать вокруг себя хороших организаторов и работников и умел найти для каждого из них наиболее подходящее дело».[39] Именно поэтому, например, когда в 20-х числах декабря 1917 г. на прием к Председателю Совнаркома пришел член партии с 1912 г. Д. П. Малютин, избранный в Учредительное собрание и приехавший в связи с этим из Кинешмы, то после продолжительного разговора он, как опытный продовольственный работник, бывший в Кинешме председателем местной продовольственной управы, сразу же был направлен В. И. Лениным на работу в коллегию Народного комиссариата продовольствия.[40] Вскоре, 27 декабря 1917 г. состоялось официальное назначение Д. П. Малютина членом коллегии Наркомпрода.[41]

Приведем еще лишь один пример, связанный с непосредственным участием В. И. Ленина в подборе руководителей того же Наркомпрода. 28 ноября глава Советского правительства принял в Смольном продовольственного комиссара Уфимской губернии А. Д. Цюрупу, приехавшего в Петроград с Всероссийского продовольственного съезда в Москве. Еще с 1900 г. хорошо зная блестящий организаторский талант этого испытанного революционера, В. И. Ленин после обстоятельной беседы с А. Д. Цюрупой о деятельности Народного комиссариата продовольствия и о необходимости проведения классового принципа распределения продовольственных пайков предложил ему взять на себя обязанности товарища (заместителя) наркома продовольствия.[42] Назавтра, 29 ноября, А. Д. Цюрупа был назначен Советом Народных Комиссаров товарищем наркома, а через некоторое время (25 февраля 1918 г.) окончательно утвержден на ответственнейшем в то время посту народного комиссара по продовольствию.[43] «Именно по воле Ленина, — писал впоследствии Г. М. Кржижановский, — брошен был этот человек в первые ряды борцов труднейшего советского строительства в самую критическую полосу его существования, в полосу борьбы за самое право бытия... И сразу на плечи Александра Дмитриевича выпала едва ли не самая трудная задача — задача борьбы с углубляющимся продовольственным кризисом, организация такого органа, каким и являлся Наркомпрод тех решавших судьбы пролетарской революции дней».[44]

---

[39] См.: Пролетарская революция, № 1, 1921, стр. 175.

[40] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 382, лл. 32 об.—33.

[41] Декреты Октябрьской революции, т. I. Подготовил к печати С. Н. Валк. М., 1933, стр. 390.

[42] См.: В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 5, стр. 132.

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 14, л. 2; № 69, л. 1.

[44] Правда, 9 мая 1928 г.

Как отмечает Л. А. Фотиева, глава Советского правительства обладал замечательной чертой — «умел он открывать в человеке те качества и дарования, которые данный товарищ часто и сам в себе не подозревал, умел так показать это „золотое зерно“ его души, что оно засверкает, умел внушить каждому веру в свои силы».[45] Нередко случалось, что услышав о предполагаемом назначении, и рядовые рабочие-партийцы, и известные революционеры-профессионалы робели, отказывались от высоких постов, ссылаясь на нехватку опыта и знаний, просили оставить их на низовой работе. Чрезвычайно характерен в этом отношении эпизод, имевший место с известным деятелем партии — В. И. Невским, который, уже будучи выдвинутым Центральным Комитетом на пост заместителя народного комиссара путей сообщения, поначалу упорно отказывался от этого назначения, искренне считая себя неподходящей кандидатурой. «Я не хотел этого, — вспоминал В. И. Невский позднее. — Мне не хотелось занимать никаких высоких должностей, мне казалось, что я работник не канцелярии, а массы. Я всячески старался уклониться от этого назначения. Но вызванный В. И. Лениным, выслушав его доводы, я беспрекословно подчинился».[46]

В особом внимании Председателя Совнаркома к обеспечению кадрами ответственных работников различных комиссариатов можно, в частности, легко убедиться и на примере того, как подбирались руководители Народного комиссариата финансов. Как уже отмечалось, сразу после сформирования на Втором съезде Советов первого состава Советского правительства по инициативе В. И. Ленина уже 26 октября руководство работой Наркомфина было поручено видному деятелю партии В. Р. Менжинскому.[47] В первые же послеоктябрьские дни ответственные посты в порученном ведению В. Р. Менжинского бывшем министерстве финансов, а также в Государственном банке заняли старые члены большевистской партии А. Е. Аксельрод, Д. П. Боголепов, Е. М. и Д. М. Соловей, имевшие опыт финансово-экономической работы.[48] Все они были привлечены к работе в Наркомфине непосредственно В. И. Лениным. «В начале ноября — пишет об этом член партии с 1903 г., работавший в 1917 г. в Рождественском (ныне Смольнинском) районном комитете А. Е. Аксельрод, — по поручению тов. Ленина я выполнял совместно с тов. Менжинским целый ряд работ по подготовке финансовых вопросов

---

[45] Л. А. Фотиева. Таким был Ильич. — Известия, 3 июня 1969 г.

[46] В. И. Невский. В Октябре. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, стр. 159. См. также: Встречи с В. И. Лениным. Воспоминания железнодорожников. М., 1962, стр. 80.

[47] См.: Новые документы В. И. Ленина. (Постановления СНК, записки, удостоверения). Октябрь 1917—январь 1918 гг. Публикация подготовлена Ю. Я. Махиной и Т. В. Шепелевой. — Исторический архив, 1957, № 5, стр. 4, 13.

[48] См.: Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 123; Декреты Советской власти, т. I, стр. 583; А. М. Гиндин. Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961, стр. 39, 64, 65.

и был назначен членом коллегии Наркомфина».[49] Примерно в это же время Председатель Совнаркома вызвал в Смольный для беседы двух других активных работников Рождественского райкома большевистской партии — Е. М. и Д. М. Соловей. «Помню, — вспоминала впоследствии Е. М. Соловей, — как мы оба волновались... Владимир Ильич встретил нас очень тепло, ласково, внимательно выслушал наши сомнения насчет того, что мы не справимся с поручаемой нам работой в Государственном банке, успокоил нас и сказал, что обязательно нужно учиться работать в наших советских учреждениях, тем более что старый аппарат саботирует. „Нужно, — говорил Владимир Ильич, — привлечь на свою сторону лучшую часть чиновников и использовать их в полной мере". Эта беседа с Лениным дала руководящее направление всей нашей работе в Госбанке, и я всегда вспоминала ее, когда приходилось попадать в сложное положение...».[50] В первой же половине ноября 1917 г. приступил к исполнению обязанностей члена коллегии Наркомфина и член партии с 1907 г. Д. П. Боголепов, работавший в финансовом отделе Моссовета и приехавший в Петроград в соответствии с письмом В. И. Ленина в Московский комитет РСДРП(б), о котором он впоследствии писал: «Недели через две после переворота я получил через тов. Ломова собственноручно написанное тов. Лениным требование о вызове меня в [Петроград] вместе с другими товарищами».[51]

Подбирая руководителей различных комиссариатов и других советских правительственных учреждений В. И. Ленин (и это было характерно для него) всегда стремился подвергнуть тщательному и всестороннему обсуждению рекомендуемые кандидатуры с членами Центрального Комитета партии и Советского правительства, с представителями тех партийных и советских организаций, где до этого работали выдвигаемые товарищи и где их, следовательно, хорошо знали. Именно так была, например, подобрана и утверждена кандидатура на ответственный пост народного комиссара внутренних дел. После безрезультатных переговоров с первоначально намечавшимися на эту должность членом партии с 1898 г. кандидатом в члены ЦК А. С. Киселевым, а затем с членом партии с 1904 г. и членом ЦК М. К. Мурановым, считавшими себя не подготовленными к руководству данным комиссариатом,[52] В. И. Ленин для обсуждения вопроса о кандидатуре на пост наркома внутренних дел пригласил к себе в кабинет Я. М. Свердлова, Н. И. Подвойского и М. Я. Лациса, послед-

---

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, № 25, л. 5.

[50] Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине. Е. М. Соловей. Мои встречи с товарищем Лениным, л. 5.

[51] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 196, лл. 17 об.—18. См. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 434; Воспоминания участников Великого Октября. — Исторический архив, 1957, № 5, стр. 191.

[52] См.: А. С. Киселев. Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске. — Советское строительство, 1927, № 10—11, стр. 115; М. Я. Лацис. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел. — Пролетарская революция, 1925, № 2 (37), стр. 138.

него как представителя городского комитета партии и одновременно пролетарского (Выборгского) района Петрограда. «Мы сообща, — вспоминал позднее М. Я. Лацис, — стали перебирать подходящих рабочих из Петроградской организации... Была выдвинута и моя кандидатура, но я, совершенно неискушенный в государственных делах, решительно отказался, и тогда Владимир Ильич остановился на кандидатуре Григория Ивановича Петровского в качестве наркома, а я был введен в коллегию».[53] Спустя короткое время, после беседы В. И. Ленина с известным деятелем партии, членом IV Государственной думы Г. И. Петровским постановлением Совнаркома от 17 ноября 1917 г. последний был назначен народным комиссаром по министерству внутренних дел, а М. К. Муранов, также избранный до революции членом IV Государственной думы от харьковских рабочих, утвержден его заместителем.[54]

Как мы уже неоднократно видели, в рассматриваемый период в Совете Народных Комиссаров В. И. Лениным был установлен такой порядок, в соответствии с которым глава Советского правительства, несмотря на чрезвычайную занятость государственными делами, как правило, лично беседовал с товарищами, которых предполагалось назначить на ту или иную руководящую должность и, когда это было нужно, оказывал им необходимую поддержку. Таких встреч было множество. Поэтому ограничимся приведением еще лишь одного примера. «После Октябрьской революции, — вспоминает, например, Д. А. Лазуркина, — когда организовывали Комиссариат народного просвещения, Ильич вызвал меня и сказал, что меня решено направить заведующей дошкольным отделом Наркомпроса и что мы должны организовать комиссариат. Мне очень не хотелось уходить с партийной работы (я была членом Петроградского комитета от 1-го городского района). Да и боялась я, что не справлюсь с такой большой работой, страшил и ее огромный масштаб, и полное отсутствие опыта государственной работы... Ильич, внимательно выслушав мои соображения и опасения, сказал: „Меня тоже никто не учил управлять государством, надо — значит научимся. Поможем — и будете работать“».[55] Так профессиональная революционерка, член большевистской партии с 1902 г. товарищ Соня (такова была партийная кличка Д. А. Лазуркиной в годы подполья) была выдвинута на ответственную государственную работу, стала заведующей дошкольным отделом Наркомпроса.

После такого предварительного собеседования в кабинете главы Советского правительства в Смольном каждое назначение на ответственный пост в любой из народных комиссариатов производилось обычно путем принятия об этом соответствующего постановления на заседании

---

[53] Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина. ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине. М. Я. Лацис. Ленин и борьба с контрреволюцией на внутреннем фронте, л. 4.

[54] В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 3, стр. 156; Г. И. Петровский. Ук. соч., стр. 46.

[55] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, № 3258, л. 9.

Совета Народных Комиссаров, которое затем документально оформлялось и подписывалось Председателем СНК В. И. Лениным и рассылалось в заверенных Управлением делами СНК копиях — выписках из протоколов заседаний правительства всем необходимым должностным лицам и учреждениям.[56]

Обращение к протоколам заседаний Совета Народных Комиссаров и материалам к ним, а также принятым Совнаркомом актам показывает, что в первые месяцы Советской власти не проходило почти ни одного заседания правительства, на котором бы не рассматривались те или иные вопросы, связанные с организацией деятельности советского аппарата управления, и в частности вопросы подбора и расстановки руководящих кадров.

Так, уже 1 ноября на ответственные посты в Народный комиссариат просвещения были утверждены несколько бывших членов культурно-просветительной комиссии при Петроградском комитете РСДРП(б), привлеченных А. В. Луначарским к работе по организации Наркомпроса. Заведующей отделом внешкольного образования была назначена Н. К. Крупская, ставшая по словам А. В. Луначарского «душой нашего комиссариата»; «старшим секретарем государственной комиссии по просвещению» — Д. И. Лещенко; заведующим отделом школ — В. М. Познер; заведующим отделом статистики — П. И. Лебедев-Полянский.[57] В ноябре же 1917 г. профессиональные революционеры, входившие в состав Петербургского комитета РСДРП(б), В. Н. Залежский и А. В. Шотман были назначены членами коллегии при народном комиссаре почт и телеграфов, один из ведущих работников Василеостровской партийной организации Э. Э. Эссен, являвшийся председателем Василеостровского районного Совета, — временным заместителем народного комиссара по Государственному контролю; путиловец, председатель Петергофского районного Совета И. Г. Егоров — заместителем народного комиссара социального обеспечения.[58] У руководства организацией продовольственного дела вместе с народным комиссаром А. Г. Шлихтером и назначенным его заместителем А. Д. Цюрупой были поставлены Д. З. Мануильский, М. И. Калинин, А. С. Якубов, П. А. Козьмин.[59] В возглавлявшуюся М. Т. Елизаровым коллегию при Народном комиссариате путей сообщения вошли В. И. Невский, И. И. Неймант, А. П. Шоломович.[60]

В связи с начавшимся налаживанием деятельности комиссий в порученных их ведению бывших министерствах Совет Народных Комиссаров, по предложению В. И. Ленина, принял 25 ноября специальное по-

---

[56] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 25; оп. 2, № 65.

[57] См.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 25, лл. 15—18; Народное просвещение, 1927, № 11—12, стр. 7—10.

[58] Декреты Советской власти, т. I, стр. 584, 585, 589; Пролетарская революция, 1922, № 10, стр. 45, 46; А. В. Красникова. На заре Советской власти. Л., 1963, стр. 11, 12, 21; От Февраля к Октябрю, стр. 430.

[59] Декреты Советской власти, т. I, стр. 585, 586, 589; А. Г. Шлихтер. Из воспоминаний о Ленине. 1934, стр. 50, 51.

[60] Декреты Советской власти, т. I, стр. 584, 586.

становление «разгрузить Военно-революционный комитет от излишней работы», предложив для этого «всем ведомствам принять у Военно-революционного комитета все касающиеся их ведомств дела».[61] 30 ноября Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича о Военно-революционном комитете, постановил подтвердить решение СНК, принятое на заседании 25 ноября, и напомнить об этом решении видным членам ВРК. Тогда же было решено на следующее заседание Совнаркома пригласить Ф. Э. Дзержинского, М. Я. Лациса и И. С. Уншлихта. М. Я. Лацису было также предложено «составить список всех комиссаров Военно-революционного комитета и представить его в Совет Народных Комиссаров».[62] Это решение было несомненно вызвано стремлением Советского правительства и его главы В. И. Ленина как можно шире использовать отряд таких испытанных и преданных пролетариату революционеров, какими являлись члены Петроградского ВРК, а также ВМРК. Именно поэтому многие видные члены ВРК еще раньше, начиная с середины ноября, были направлены на руководящие должности в различные ведомства. Так, в результате специального рассмотрения Совнаркомом 15 и 16 ноября вопроса о Министерстве внутренних дел, в созданную на последнем из этих заседаний, 16 ноября, во главе с Г. И. Петровским коллегию Наркомвнудела были включены члены ВРК Ф. Э. Дзержинский, М. Я. Лацис, И. С. Уншлихт, М. С. Урицкий, П. Е. Лазимир.[63] Немного позднее в коллегию при народном комиссаре почт и телеграфов Н. П. Авилове-Глебове были введены в качестве ее членов комиссары ВРК А. М. Любович и К. И. Кадлубовский, в коллегию Народного комиссариата путей сообщения — А. С. Бубнов, являвшийся комиссаром ВРК по Петроградскому железнодорожному узлу, в коллегию Народного комиссариата юстиции — члены следственной комиссии ВРК П. А. Красиков и М. Ю. Козловский.[64]

В целом же только за петроградский период деятельности Советского правительства (и, следует подчеркнуть, по неполным данным [65]) в руководимом В. И. Лениным Совете Народных Комиссаров состоялось свыше 200 назначений на ответственные посты во вновь создаваемые советские органы.[66]

---

[61] ЦГАОР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 17 об.—18.

[62] Там же, л. 23 об.

[63] Там же, лл. 1 об. и 3.

[64] Декреты Советской власти, т. I, № 54, стр. 585, 586.

[65] Это объясняется, в частности, тем, что в целом ряде опубликованных декретов и постановлений Советского правительства рассматриваемого периода, связанных с организацией различных советских органов (как постоянно действовавших, так и образованных в экстренном порядке), персональный состав их руководителей был указан лишь частично, а иногда и вовсе не указывался. См., например: Декреты Советской власти, т. I, стр. 213, 324, 357, 358, 403, 404 и др.

[66] Подсчитано по утвержденным назначениям, опубликованным в «Декретах Октябрьской революции» (т. I) и «Декретах Советской власти» (т. I), а также отмеченным в протоколах Совета Народных Комиссаров и материалах к ним (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. I, №№ 1—76, за период 3 ноября 1917—9 марта 1918 г.).

Вместе с В. И. Лениным активнейшее участие в подборе и расстановке руководящих кадров на различных участках советского государственного строительства принимал Я. М. Свердлов, о котором можно с уверенностью сказать, что в этой области он был первым помощником и непосредственным заместителем В. И. Ленина, являясь, по образному выражению А. В. Луначарского, своеобразной «связью между ним (В. И. Лениным, — *М. И.*) и массами, партией, советским аппаратом и, наконец, всей Россией, винтом, на котором все поворачивалось, проводом, через который все проходило...».[67] На долю Я. М. Свердлова, осуществлявшего наряду с председательством во ВЦИК и руководство всей деятельностью секретариата Центрального Комитета партии, выпало, как указывал В. И. Ленин, осуществить поистине огромную работу «в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты по всем разнообразным специальностям...».[68]

Успешно справиться с этим труднейшим заданием партии и В. И. Ленина Я. М. Свердлову помогло прекрасное знание партийных кадров, сложившийся в его феноменальной памяти еще со времен подполья своеобразный «учраспред» — невидимая картотека работников центральных и местных партийных организаций. Яркую и вместе с тем точную характеристику этой изумительной черты оставил А. В. Луначарский, отметивший у Я. М. Свердлова «совершенно исключительное, необъятное знание всей партии; десятки тысяч людей, которые составляли эту партию, казалось, были насквозь им изучены. Какой-то биографический словарь коммунистов носил он в своей памяти. Касаясь всех сторон личности, в пределах годности или негодности для той или другой революционной задачи, он с необыкновенной тонкостью и верностью судил людей».[69] Именно благодаря этому в многочисленных записках-рекомендациях, с которыми Я. М. Свердлов обычно направлял новых работников в тот или иной комиссариат, как правило, содержались лаконичные, но конкретные указания на возможный характер их использования. «Направляю к Вам, — обращался, например, Я. М. Свердлов к наркому внутренних дел Г. И. Петровскому, — т. Канатчикова, старого, очень хорошего товарища. Думаю, что Вы с ним сговоритесь и введете к себе в коллегию. Он будет очень ценен в Комиссариате, например, для инструктирования публики...».[70] В другой своей записке от 15 января 1918 г., адресованной возглавлявшему тогда Наркомюст П. И. Стучке, Я. М. Свердлов писал: «Уважаемый товарищ! Направляя к Вам тов. Цион-Липского, полагаю, что Вы сможете его использовать для какой-либо юридической работы».[71] Среди материалов ЦПА ИМЛ сохранилось целое дело, состоящее из переписки Я. М. Свердлова с А. Д. Цюрупой, и в том числе — многочисленных его записок, связанных с подбором и расстановкой кад-

---

[67] А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления, М., 1968, стр. 216.
[68] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 79.
[69] А. В. Луначарский. Ук. соч., стр. 213.
[70] Цит. по: Е. Н. Городецкий, Ю. П. Шарапов. Свердлов, стр. 379.
[71] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, № 27, л. 1.

ров в Наркомпроде. Приведем лишь несколько примеров. Так, 29 мая 1918 г. Я. М. Свердлов пишет А. Д. Цюрупе: «Направляю к Вам т. Дукаренко, присланного ко мне тт. с Украины с хорошими отзывами. Он честный, исполнительный работник, партийный товарищ. Переговорите лично».[72] 7 июня 1918 г. Я. М. Свердлов рекомендует для работы в Наркомат продовольствия «нашего хорошего партийного товарища» Межлаука,[73] 26 июня — тов. Старапетова («Переговорите с ним, выясните, в какое дело его двинуть»).[74] 3 августа Я. М. Свердлов направляет А. Д. Цюрупе еще одно письмо-рекомендацию, которое мы позволим себе привести целиком. «Дорогой Александр Дмитриевич! — говорится в нем. — Направляю к Вам нашего старого партийного товарища Павлова. Ему можно дать ответственное дело, он хороший организатор, практик. Прошу не мариновать его, а двинуть в работу в спешном порядке».[75] В связи с этим небезынтересно привести содержащийся в воспоминаниях Л. А. Фотиевой отзыв наркома продовольствия А. Д. Цюрупы, убедительно свидетельствующий о том, насколько хорошо Я. М. Свердлов разбирался в людях, как удачны были, как правило, его рекомендации. Как вспоминает Л. А. Фотиева, вскоре после назначения 2 июня 1918 г. на ответственную должность члена коллегии Наркомпрода Л. И. Рузера,[76] рекомендованного Я. М. Свердловым, А. Д. Цюрупа с восхищением говорил: «Ведь это просто поразительно, как хорошо знает Яков Михайлович партийные кадры, как он умеет каждому найти именно такое место, где он будет более всего полезен, знает цену каждому, словно насквозь человека видит. Рузер прямо как будто рожден для этой работы».[77]

Как видно из протоколов Совета Народных Комиссаров и материалов к ним, Я. М. Свердлов регулярно присутствовал на заседаниях Советского правительства, активно участвовал в решении всех обсуждавшихся вопросов, в том числе и вопросов о расстановке руководящих советских работников. Особенно показательным в этом отношении представляется заседание СНК 25 июля 1918 г., на котором, в частности, рассматривались вопросы об утверждении В. И. Невского наркомом путей сообщения и о назначении П. И. Попова управляющим Центральным статистическим управлением. Сохранившиеся к данному протоколу СНК материалы хорошо показывают, как считались Советское правительство и его глава В. И. Ленин с мнением Я. М. Свердлова, представлявшего в СНК Секретариат ЦК партии и одновременно Президиум ЦИК. Так, само «предложение Президиума ЦИК утвердить В. И. Невского народным комиссаром путей сообщения», внесенное в повестку заседания не-

---

[72] Там же, № 121, л. 1.
[73] Там же, л. 2.
[74] Там же, л. 5.
[75] Там же, л. 6.
[76] Декреты Советской власти, т. 2, стр. 637.
[77] ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, № 114, л. 23.

посредственно В. И. Лениным и положительно решенное Совнаркомом,[78] было несомненно вызвано полученной Председателем СНК на том же заседании собственноручной запиской Я. М. Свердлова, в которой говорилось: «В Комиссариате путей сообщения некоторые неурядицы. Пора закончить назначением наркомом Невского. Напоминаю, что однажды в ЦК вопрос уже был решен в положительном смысле. Предлагаю сегодня же его назначить и представить на утверждение ЦИК».[79] С учетом точки зрения Я. М. Свердлова[80] тогда же было решено отложить вопрос о назначении П. И. Попова, окончательное утверждение которого в должности управляющего Центральным статистическим управлением состоялось спустя несколько дней, 30 июля 1918 г.[81]

Следует подчеркнуть, что вопросы подбора руководящих кадров, тщательно продуманной и наиболее целесообразной расстановки лучших сил партии на решающих участках советского строительства неизменно находились в центре внимания ЦК партии и Совнаркома во главе с В. И. Лениным на протяжении всего рассматриваемого периода, не только в первые месяцы существования Советской власти, но и весной 1918 г., в наступивший период «мирной передышки».

Так, 15 марта ЦК РКП(б) подтвердил свое январское решение оставить в Петрограде для усиления партийной и советской работы В. Володарского и К. Г. Ландера.[82] 4 апреля после обстоятельного рассмотрения вопроса о возможных кандидатах на должность Председателя ВСНХ, Бюро ЦК санкционировало состоявшееся накануне, 3 апреля, постановление СНК о назначении на этот пост А. И. Рыкова. Я. М. Свердлову было поручено договориться с руководством московской партийной организации об освобождении А. И. Рыкова от продовольственной работы в Московской области.[83] 7 апреля Центральный Комитет, обсудив вопрос о назначении полпреда Советской республики в Германию, решил направить в Берлин А. А. Иоффе.[84] 13 мая было решено ввести В. А. Антонова-Овсеенко в Высший военный совет, поручив ему работу в Военном комиссариате.[85]

---

[78] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 144.

[79] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 164, л. 38—38 об. — По всей вероятности, Я. М. Свердлов имел в виду соответствующее решение ЦК партии, принятое 19 января 1918 г. (см.: Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 180).

[80] «Против кандидатуры Попова, — сообщалось в поступившей на том же заседании В. И. Ленину чьей-то записке, — Свердлов не возражает, но, по его мнению, совещательного голоса (а следовательно, и присутствия на всех заседаниях Совета Народных Комиссаров) надо его лишить, просто опустив этот пункт или заменив его по статистическим вопросам или по мере надобности» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 164, л. 101).

[81] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, лл. 144, 157; Декреты Советской власти, т. III, М., 1964, стр. 93.

[82] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 2.

[83] Там же, лл. 5 об.—6.

[84] Там же, л. 6 об.

[85] Там же, л. 10 об.

Весной 1918 г. с особой остротой выдвинулась задача пополнения состава ВЧК новыми испытанными пролетарскими работниками. Хорошо понимая настоятельную необходимость для успешной деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии всемерного усиления ее связей с коммунистической партией, Советами и широкими массами трудящихся, руководство ВЧК в апреле 1918 г. подняло вопрос о дальнейшем укреплении этого важнейшего тогда органа.

29 апреля 1918 г. Ф. Э. Дзержинский обратился с письмом в Президиум ВЦИК.[86] В этом обращении подчеркивалось, что внутренняя контрреволюция, почти открыто поддерживаемая мировым империализмом, разруха и попытки экономического закабаления страны делают работу ВЧК не только значительной по обьему, но и крайне важной в общегосударственном смысле. Работники комиссии, с горечью сообщал далее Ф. Э. Дзержинский, будучи перегружены текущей работой, в течение нескольких месяцев оторваны в силу своей занятости от какого бы то ни было общения со своей партией, Советами и массами. Эта связь необходима, говорилось в письме, и для успешной работы самой комиссии, и для привлечения самих масс к ее работе, без чего труды ВЧК не могут иметь успеха. Учитывая все это, Председатель ВЧК от имени всей комиссии просил оказать ему всемерную поддержку новыми кадрами проверенных, идейно закаленных работников. Письмо заканчивалось следующими волнующими словами: «Мы просим вас, товарищи, отчетливо уяснить себе изложенные положения, проникнуться их значением и прийти к нам с братской поддержкой путем присылки новых работников в нашу Комиссию.

Знаем, что и вы не богаты работниками, но уверены, что все изложенное выше дает нам право и уверенность, что хотя бы за счет напряжения своих сил вы не откажете в помощи и дадите необходимое пополнение из своих рядов в лице наиболее идейных ответственных товарищей для тяжкой, но необходимой работы защиты нашего строя, нашей рабочей революции».[87]

В мае 1918 г. вопрос об укреплении состава ВЧК новыми работниками был специально рассмотрен на заседании ЦК РКП(б). После сообщения Ф. Э. Дзержинского об острой нехватке в ВЧК надежных товарищей Центральный Комитет партии 19 мая принял решение о соответствующем усилении Комиссии. В своем решении ЦК, в частности, признал необходимым «перевести т. Лациса из Комиссариата по внутренним делам в Чрезвычайную комиссию, поручить Свердлову переговорить с тт. Яковлевой, Стуковым для привлечения их к заведыванию отделом по борьбе с контрреволюцией при Чрезвычайной комиссии».[88] И в дальнейшем Центральный Комитет партии и Советское правительство во главе с В. И. Лениным неизменно уделяли особое внимание обеспече-

---

[86] ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, № 1145, л. 1.
[87] Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. 1, М., 1967, стр. 261.
[88] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 1, л. 13.

нию успешной деятельности ВЧК путем пополнения состава этого органа проверенными партийными кадрами. Заслушав доклад Председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, на своем заседании 5 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров признал, в частности, необходимым для усиления деятельности ВЧК и внесения в нее большей планомерности направить туда возможно большее число ответственных партийных деятелей.[89]

На заседании ЦК партии 19 мая 1918 г. в связи с выяснившейся недопустимо слабой деятельностью Революционного трибунала в Москве было решено поставить вопрос об учреждении Верховного Революционного трибунала. В этих целях ЦК тогда же поручил Я. М. Свердлову переговорить с П. И. Стучкой и Н. В. Крыленко о внесении в Совнарком в самый короткий срок надлежащего проекта постановления.[90] В соответствии с данным решением ЦК партии П. И. Стучка представил в Совет Народных Комиссаров проект положения о Революционном трибунале при ВЦИКе, который был принят на заседании СНК 22 мая с поправками В. И. Ленина, а затем 29 мая утвержден также ВЦИКом. Вскоре, 13 июня, Президиум ВЦИК утвердил состав Революционного трибунала, следственного отдела и обвинительной комиссии, в том числе 13 большевиков и 4 левых эсера.[91] С указанным выше решением ЦК большевистской партии связан, по-видимому, и представленный Центральному Комитету Н. В. Крыленко несколько позднее, 2 июля 1918 г., дополнительный список кандидатов в члены Следственной и Обвинительной комиссий при Ревтрибунале ВЦИКа. Содержавший подробную политическую и деловую характеристику 9 товарищей — известных партийных деятелей (Е. Ф. Розмирович, Н. В. Крыленко, В. Э. Кингисепп, И. В. Рабчинский, В. А. Алгасов и др.), которых предполагалось ввести в соответствующие коллегии Ревтрибунала, этот документ убедительно свидетельствует о неизменном внимании и большой работе, постоянно проводившейся Центральным Комитетом большевистской партии по укреплению состава ответственных работников центральных советских органов.[92]

Непрерывно осуществляя политическое и организационное руководство ходом советского строительства, укреплением руководящего состава важнейших органов нового аппарата управления, Совет Народных Комиссаров и ЦК большевистской партии рассматривали связанные с этим самые разные вопросы. Так, 20 июня 1918 г. коллегия Народного комиссариата путей сообщения, отклонив заявление С. Д. Маркова об освобождении его от должности члена этой коллегии, вместе с тем постановила обратиться в Центральный Комитет партии с просьбой повлиять на С. Д. Маркова, чтобы он занял пост, на который был избран. И судя по пометке «выполнено», сделанной членом коллегии НКПС Кирсано-

[89] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, л. 241.
[90] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, № 1, л. 19.
[91] См.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 416—417; Декреты Советской власти, т. II, стр. 335—339.
[92] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, № 129, лл. 12, 13.

вым в протоколе заседания, данное постановление было, вероятно, успешно реализовано.[93] Точно так же ЦК большевистской партии приходилось разбирать и всякого рода неурядицы и конфликты, нередко возникавшие в рассматриваемый период между центральными и местными советскими органами. Именно о такого рода разногласиях, явившихся, по-видимому, одним из отголосков успешно ликвидированного при активном участии ЦК партии известного конфликта между Советом Народных Комиссаров и так называемым Московским СНК, свидетельствует, в частности, направленное Центральному Комитету партии письмо наркома финансов И. Э. Гуковского от 11 июля 1918 г. «При назначении местным совдепом (имеется в виду именно Московский Совет, — *М. И.*) политических комиссаров в правительственные учреждения, — писал И. Э. Гуковский, — возникают постоянные трения как по поводу задач, возлагаемых на комиссаров, так иногда и по поводу назначаемых лиц». Ввиду этого далее вполне обоснованно предлагалось установить такой порядок, чтобы комиссары в Москве назначались лишь по согласованию с народными комиссарами соответствующих ведомств.[94]

В результате постоянного внимания ЦК РКП(б) и Совета Народных Комиссаров, В. И. Ленина к вопросам подбора и расстановки руководящих кадров, огромной организационной работы, проведенной в этой области, фактически на всех ключевых постах в системе управления Советской республики находились коммунисты. Лучших своих представителей, в которых наиболее удачно сочетались политические и деловые качества, преданность социалистической революции, организаторский талант, профессиональный опыт и знания, ленинская партия рабочего класса поставила на решающие участки государственного и хозяйственного строительства. К концу рассматриваемого периода — летом 1918 г. — коммунисты, главным образом испытанные профессиональные революционеры, лично хорошо известные В. И. Ленину и Я. М. Свердлову, составляли, как правило, большинство среди ответственных руководителей высшего звена — прежде всего народных комиссаров и членов коллегий наркоматов, а также руководителей их отделов и других крупных структурных подразделений. Так, в коллегию Народного комиссариата по продовольствию в это время входили коммунисты А. Д. Цюрупа (народный комиссар), Н. П. Брюханов (заместитель наркома), А. И. Свидерский, А. А. Юрьев, А. К. Скорняков, Л. И. Рузер и М. И. Фрумкин; [95] в коллегию Народного комиссариата финансов — коммунисты И. Э. Гуковский (нарком), Д. П. Боголепов (заместитель наркома), А. Е. Аксельрод; [96] в коллегию Народного комиссариата почт и телеграфов — коммунисты В. Н. Подбельский (нарком), В. Н. Залежский (замести-

---

[93] ЦГАНХ СССР, ф. 1884, оп. 28, № 572, л. 1. См. также, например: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, № 120, л. 21.

[94] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, № 129, л. 4.

[95] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 99, л. 436—436 об.

[96] Там же, ф. 130, оп. 2, № 353, л. 43.

тель наркома), И. В. Рабчинский;[97] в коллегию Народного комиссариата здравоохранения — коммунисты Н. А. Семашко (нарком), В. М. Бонч-Бруевич, П. Г. Дауге и др.[98] Почти целиком из известных деятелей РКП(б) и ее национальных секций состояла коллегия Народного комиссариата по делам национальностей — И. В. Сталин (нарком), Ф. А. Розинь (заместитель наркома), С. С. Пестковский, Ю. М. Лещинский, С. М. Диманштейн, В. С. Мицкевич-Капсукас, В. А. Аванесов, А. Г. Червяков, М. Вахитов, К. Кнофличек и др.[99]

Полностью большевистскими являлись по своему составу летом 1918 г. коллегии народных комиссариатов юстиции (П. И. Стучка, Д. И. Курский, М. Ю. Козловский, П. А. Красиков, Л. А. Саврасов и П. А. Чегодаев),[100] просвещения (А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, П. Н. Лепешинский, В. М. Познер, Д. Б. Рязанов и П. К. Штернберг),[101] труда (А. Г. Шляпников, Г. Ф. Федоров, В. В. Шмидт, В. П. Ногин, И. С. Ходоровский, А. Н. Падерин).[102] Целиком из коммунистов состояли в это время также Президиум ВСНХ — Г. Д. Вейнберг, В. П. Милютин, Л. Б. Красин, В. П. Ногин, Я. Э. Рудзутак, Г. И. Ломов, В. Я. Чубарь, Л. Я. Карпов, кандидаты в члены Президиума ВСНХ — А. В. Шотман, М. А. Ларин, Г. Я. Сокольников;[103] и Коллегия Народного комиссариата внутренних дел — Г. И. Петровский (нарком), И. Г. Правдин, М. Я. Лацис-Судрабс, А. П. Смирнов, И. С. Уншлихт.[104] Сохранившиеся материалы, характеризующие, например, организационную структуру и состав последнего из указанных народных комиссариатов, убедительно показывают, что весной и летом 1918 г. в Наркомвнуделе коммунисты с дореволюционным партийным стажем и опытом работы не только составляли всю его коллегию, но также занимали большинство из всех остальных ответственных должностей в аппарате комиссариата: секретариатом и канцелярией руководили С. И. Духовский и Д. Ф. Зорин, финансовым отделом — Т. В. Мешковский, отделом местного управления — В. А. Тихомирнов и А. К. Цветков-Просвещенский, инструкторским отделением — Б. А. Веселовский и В. А. Карпинский, воинским отделом — И. П. Флеровский, отделом местного хозяйства — Я. К. Берзин, управлением медицинской частью — З. П. Соловьев и т. д.[105] Такая же в общем картина наблюдалась и в остальных народных комиссариатах, в других органах советского центрального, а также местного государственного аппарата. Вот почему впоследствии В. И. Ленин с полным основанием указывал: «В каждой области

---

[97] Там же, л. 47.

[98] См.: Б. М. Потулов. В. И. Ленин и охрана здоровья советского народа. Л., 1967, стр. 76.

[99] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 353, лл. 42—42 об. и др.

[100] Там же, л. 45; там же, ф. 3524, оп. 1, № 39, л. 146.

[101] См.: И. С. Смирнов. Ук. соч., стр. 202.

[102] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 353, л. 48.

[103] Там же, ф. 3524, оп. 1, № 205, л. 493.

[104] Там же, ф. 130, оп. 2, № 353, лл. 13, 34.

[105] См.: там же, лл. 13—21 об.; ф. 3524, оп. 1, № 16, лл. 1—314.

мы завоевывали пядь за пядью и выдвигали силы рабочих, ставя своих передовых людей, которые прошли трудную школу организации управления государственной власти».[106]

И при создании советской системы управления на местах, как справедливо подчеркнул на VII экстренном съезде РКП(б) Я. М. Свердлов, большевистская партия «вложила всю душу в Советы, — через Советы и в Советах она вела главную свою работу».[107] В этом отношении весьма показательным представляется, в частности, состав прошедших весной 1918 г. губернских съездов Советов: коммунисты составили более половины (52.4%) делегатов.[108] Еще более широко ленинская партия рабочего класса была представлена в исполнительных комитетах губернских и уездных Советов. Так, на 1 ноября 1918 г. из общего количества 1665 членов 87 уездных исполкомов 12 губерний Московской области 1342 человек (80.6%) являлись коммунистами; вместе же коммунисты и сочувствующие им составляли 90% всех членов указанных исполкомов.[109] По всей стране на ответственные посты председателей и секретарей губернских, городских и уездных исполкомов, членов президиумов и заведующих основными отделами исполкомов, руководителями чрезвычайных комиссий, Красной гвардии и рабочей милиции, военкомами направлялись и ставились самые стойкие и опытные, прошедшие суровую школу революционной борьбы партийные кадры. Так, член большевистской партии с 1905 г. А. Е. Пчелин был избран и работал членом Президиума Ярославского Совета рабочих и крестьянских депутатов; член партии с 1905 г. В. М. Сивилев — членом исполкома Пермского губернского Уралсовета и заведующим отделом труда Уралсовета; член партии с 1902 г. А. Д. Юрьев — членом Уфимского губисполкома и председателем Уфимского губсовнархоза; член партии с 1905 г. П. П. Фролов — членом Самарского Совета рабочих депутатов и одним из руководителей местной Красной гвардии. Подобных примеров, разумеется, можно было бы привести множество.[110] В целом по 29 губерниям только центральной части России к концу 1918 г. из 874 членов губернских исполкомов 724 были коммунистами; из 4046 членов уездных исполкомов коммунистов насчитывалось 2625 человек.[111]

Особое внимание ЦК партии и Совет Народных Комиссаров, В. И. Ленин уделяли подбору руководителей губернских Советов. На посты пред-

---

[106] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 295.

[107] Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2, М., 1959, стр. 140.

[108] См.: М. Ф. Владимирский. Советы, исполкомы и съезды Советов, вып. II, М., 1921, стр. 6—7. — Примерно четвертую часть делегатов составляли беспартийные (23%), около пятой части приходилось на долю левых эсеров (16.8%), и всего лишь 7.7% насчитывали представители правых эсеров, меньшевиков и других мелкобуржуазных партий.

[109] Т. В. Осипова. Изменение партийного состава Советов в 1918 г. (по материалам Московской области). — В кн.: Борьба за победу и упрочение Советской власти. М., 1966, стр. 188, 189.

[110] См.: От Февраля к Октябрю, стр. 307, 317, 318, 357, 391.

[111] См.: История КПСС, том третий, книга вторая. М., 1968, стр. 54.

седателей губернских и краевых исполкомов, особенно важных в рассматриваемый период становления и упрочения Советской власти, в различных районах и областях страны были выдвинуты, как правило, хорошо известные широким массам трудящихся, пользовавшиеся среди них уважением и авторитетом испытанные коммунисты — профессиональные революционеры, активные участники трех русских революций.

Так, в рассматриваемый период Президиум исполкома Астраханского губернского Совета состоял из четырех членов большевистской партии, которые вступили в нее до 1906 г., кроме того, из семи заведующих отделами и членов исполкома шесть человек были коммунистами; в Петроградском губернском исполкоме на должностях председателя, двух его заместителей и заведующего отделом управления работали коммунисты, вступившие в ряды партии также до 1906 г. [112] Председателем Вологодского губисполкома, например, являлся член КПСС с 1904 г. М. К. Ветошкин, председателем Краевого Совета Западной Сибири и Урала — член КПСС с 1899 г. П. И. Воеводин, председателем Оренбургского Совета — член КПСС с 1905 г. А. А. Коростелев, председателем Нижегородского совета — член КПСС с 1902 г. В. Н. Лосев, председателем Северодвинского губисполкома — член КПСС с 1905 г. И. М. Шумилов.[113] Всего из 45 председателей губернских исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в 1917—1918 гг., о которых удалось собрать необходимые сведения, 39 являлись коммунистами со значительным дооктябрьским стажем, революционерами-подпольщиками с большим опытом организаторской и пропагандистской работы, и только 5 из них были членами партии с 1917 г. (у одного время вступления в партию установить не удалось).[114]

Именно поэтому впоследствии В. И. Ленин подчеркивал, что в первые годы Советской власти пролетарская политика партии определялась «громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией».[115] Между тем слой этот в период победы Октябрьской революции был действительно чрезвычайно тонок: старые испытанные революционеры, прошедшие суровую школу подпольной, нелегальной работы, составляли всего лишь около 7% общего состава партии, остальные члены большевистской партии вступили в ее ряды между февралем и октябрем 1917 г.[116] Вот почему, выступая на VIII съезде РКП(б), В. И. Ленин говорил: «Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти 17 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления

---

[112] См.: А. Ф. Стеценко. Ук. соч., стр. 32, 33.

[113] От Февраля к Октябрю, стр. 80, 92, 196, 236, 237, 386.

[114] См.: Б. М. Морозов. Ук.соч., стр. 227—232.

[115] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 20.

[116] КПСС в цифрах. — Коммунист, 1967, № 15, стр. 90; Организационно-партийная работа, вып. 1, М., 1969, стр. 124—125. См. также: В. И. Ленин и строительство партии в первые годы Советской власти, стр. 64.

страной, — никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил».[117]

Таким образом, основной состав ответственных руководителей советских центральных и местных учреждений формировался главным образом из членов большевистской партии, и прежде всего передового ее отряда — старой партийной гвардии, состоявшей из профессиональных революционеров и испытанных членов партии с большим опытом работы еще в нелегальных условиях. Однако за счет этого «страшно тонкого», по выражению В. И. Ленина, слоя невозможно было полностью удовлетворить потребность даже в работниках высшего и среднего звеньев руководителей центральных и местных советских органов, не говоря уже, разумеется, об основном составе работников нового аппарата управления страной. «Новому Советскому правительству народных комиссаров, — писала в связи с этим в один из первых же послеоктябрьских дней «Правда», — взвалившему на свои плечи тяжелое бремя переустройства жизни рабочих, солдат, крестьян и всего остального трудящегося населения на новых началах, требуются умелые и верные сотрудники во всех областях хозяйственной жизни государства».[118]

Пути формирования основного состава советских служащих в период «красногвардейской атаки на капитал»

Изучение взглядов В. И. Ленина по вопросу о том, как следовало решать проблему кадров нового аппарата управления в целом, приводит к выводу, что единственно правильный выход из создавшегося положения он видел в привлечении широких народных масс к политике большевистской партии, к активному участию в строительстве политической организации общества, пролетарского государственного аппарата. В сравнительно неблагоприятных условиях России 1917 г., экономический и культурный уровень которой был, как известно, ниже уровня большинства европейских стран, это представляло чрезвычайную сложность. Но иного пути у ленинской партии рабочего класса не было. Ибо, как писал В. И. Ленин, «...социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций».[119] Вступив на этот путь, большевистская партия твердо верила в реальность и правильность взятого ею курса. Большевики исходили из указания В. И. Ленина о том, что Советская власть располагает таким резервом, «какого нет ни у одного правительства в мире и которого не может быть ни у какого правительства в мире, кроме правительства рабочего класса».[120] Не случайно поэтому вопрос

[117] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.
[118] Правда, 4 ноября 1917 г.
[119] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 53.
[120] Там же, т. 39, стр. 362.

о том, как быстрее и наилучшим образом обеспечить практическую реализацию этой важнейшей предпосылки, на которую вождь большевистской партии неоднократно указывал еще до Октября и которая предопределила в конечном итоге успех пролетарской революции в России, все время оставался в центре внимания ленинской мысли.

В первые напряженнейшие послеоктябрьские недели у главы Советского правительства, как известно, почти не оставалось свободного времени. Когда же выпадали такие буквально считанные часы, то, по свидетельству Н. К. Крупской, поздно вечером и ночью они вдвоем немного гуляли вокруг Смольного по Неве и Ильич, по обыкновению, на ходу горячо говорил, излагая то, что его беспокоило и волновало. Теперь, передавала Н. К. Крупская мысли, особенно волновавшие тогда В. И. Ленина, когда приходилось по-новому перестраивать основы жизни десятков и десятков миллионов людей, главное заключалось в организации, в привлечении к делу организации и управления рабочих, тех слоев крестьян, которые шли за рабочим классом. «„Здесь, в области организации, — говорил он, — и начинается для нас социалистическое строительство. Но организации мы пока не имеем, а в ней — гвоздь и основа социализма.

Вот почему, по словам Владимира Ильича, „...нужно, чтобы все, что проснулось в народе и способно к творчеству, вливалось в организации, которые имеются и будут строиться в дальнейшем трудящимися массами“».[121] Эти же мысли занимали В. И. Ленина и в конце декабря 1917 г., когда в соответствии с решением ЦК партии и Советского правительства он вместе с Н. К. Крупской провел четыре дня в санатории «Халила» под Петроградом. Как известно, это время, с 24 по 27 декабря, В. И. Ленин использовал для интенсивной творческой работы. «Отдых как-то не выходил, — вспоминала впоследствии Н. К. Крупская, — ...и хоть гуляли мы каждый день, но без настоящего аппетита; думал Ильич о делах и все больше писал».[122] Написав вскоре после приезда в «Халила» заметки «Из дневника публициста», насчитывавшие около 50 пунктов-тезисов, в которых содержались «темы для разработки» по наиболее важным проблемам внутреннего и внешнего социально-политического положения, В. И. Ленин в дальнейшем написал также статьи «Запуганные крахом старого и борющиеся за новое», «Как организовать соревнование?» и «Проект декрета о потребительных коммунах»,[123] в которых разработал значительную часть намеченных в «Заметках публициста» тем и которые, по свидетельству Н. К. Крупской, «как нельзя лучше рисуют, о чем тогда особенно усиленно думал Владимир Ильич».[124]

---

[121] Н. К. Крупская. Ленин об организации дела строительства социализма. — В кн.: Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 217. См. также: Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 360—362.

[122] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 363.

[123] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 191—194, 195—205, 206—210.

[124] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине, стр. 363.

Поражающие широтой и глубиной постановки многих коренных экономических и политических вопросов переходного периода, эти статьи, в которых подводились итоги первых двух месяцев деятельности Советской власти и одновременно намечались ее перспективы, явились, как известно, одним из важнейших этапов напряженной работы ленинской мысли по выработке той самой проблемы перехода к развернутому социалистическому строительству, которая несколько позднее, весной 1918 г., нашла свое окончательное выражение в замечательном труде «Очередные задачи Советской власти». Для нашей темы особую важность представляют следующие четко сформулированные В. И. Лениным положения. Высмеивая пророчества буржуазных и мелкобуржуазных идеологов о том, что «простой народ», «простые» рабочие и крестьяне не сумеют сладить с той великой и героической задачей организационного характера, которую возложила на их плечи пролетарская революция, В. И. Ленин писал в статье «Как организовать соревнование?»: «Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой *организационной* работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, *нелепый*, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так называемые „высшие классы", только богатые или прошедшие школу богатых классов».[125] При этом В. И. Ленин не скрывал, что решение данной задачи является весьма нелегким делом, связанным с многочисленными трудностями. Об этом он говорил, например, еще 22 ноября 1917 г., выступая на Первом Всероссийском съезде моряков военного флота: «На первых шагах могут встретиться трудности, может сказаться недостаточная подготовленность. Но нужно практически учиться управлять страной, учиться тому, что составляло раньше монополию буржуазии».[126] На это же обстоятельство В. И. Ленин неоднократно обращал внимание и в статьях, написанных в «Халила».[127]

При всей своей сложности эти трудности не носили, однако, определяющего характера. Главное, определяющее состояло, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, в том, что в народе, среди рядовых рабочих и крестьян, обладающих грамотностью, знанием людей и практическим опытом, таилась масса организаторских талантов: «Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник».[128] Глубоко веря в творческие силы трудящихся масс, В. И. Ленин одну из самых главных задач партии и Советской власти видел поэтому в выявлении в народе таких организаторских талантов, в смелом выдвижении талантливых практиков-организаторов из рабочих и крестьян, в оказании им помощи в овладении труднейшим искусством управления

[125] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 198.
[126] Там же, стр. 114.
[127] Там же, стр. 194, 198.
[128] Там же, стр. 198—199; см. также стр. 195.

государством и народным хозяйством. Для этого в работе «Очередные задачи Советской власти» он призывал «как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с уменьем без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. *Только* таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления».[129] Рассматривая выявление и выдвижение из народных масс организаторов нового строительства как важнейшую организационную задачу большевистской партии, В. И. Ленин с уверенностью писал: «Их много в народе. Они только придавлены. Им надо помочь развернуться. Они *и только они*, при поддержке масс, смогут спасти Россию и спасти дело социализма».[130]

Подчеркивая громадную роль лучших представителей трудящихся масс, талантливых практиков-организаторов из рабочих и крестьян в выполнении выдвинутых пролетарской революцией труднейших организационных задач, В. И. Ленин вместе с тем указывал, что для достижения успеха на этом пути на службу социалистическому государству необходимо также привлечь старых специалистов и служащих, буржуазную интеллигенцию.

В начале XX в. проблема использования буржуазной интеллигенции в строительстве социализма, которую В. И. Ленин рассматривал как «очень важный вопрос переходного периода от капитализма к коммунизму»,[131] не была разработана в достаточной мере даже теоретически. «Когда мы в революционной программе нашей партии писали по вопросу о специалистах, мы подытоживали практический опыт нашей партии по одному из самых крупных вопросов, — говорил поэтому В. И. Ленин. — Я не помню, чтобы прежние учителя социализма, которые очень многое предвидели в грядущей социалистической революции и очень многое наметили в ней, — я не помню, чтобы они высказывались по этому вопросу».[132]

Действительно, только в первые годы Советской власти были найдены основные формы и методы успешного решения проблемы использования буржуазных специалистов и интеллигенции, доставшихся пролетарскому государству в наследство от старого общества. В практическом решении этой сложнейшей задачи большевистская партия и Советское правительство исходили из принципиально важных положений, впервые в марксистской теории разработанных В. И. Лениным, руководствовались непосредственными указаниями Председателя Совета Народных Комиссаров.

---

[129] Там же, т. 36, стр. 193—194.

[130] Там же, т. 35, стр. 205. — Чрезвычайную важность этого подчеркивал В. И. Ленин и в «Очередных задачах Советской власти» (там же, т. 36, стр. 193).

[131] Там же, т. 38, стр. 165.

[132] Там же, стр. 139.

В общем виде вывод о необходимости использования буржуазной интеллигенции в интересах социалистического строительства, рассматривавшийся В. И. Лениным как один из важнейших элементов общей проблемы преемственности культурного наследия старого, буржуазного общества при формировании нового, социалистического строя, был сделан им еще в дореволюционный период.[133] Тщательно проанализировав социальную природу интеллигенции как особой общественной прослойки, колеблющейся между основными классами общества, В. И. Ленин задолго до Октябрьской революции выдвинул перед пролетариатом задачу завоевать, привлечь буржуазных специалистов, как и широкие массы крестьянства, на свою сторону.

Принципиальная позиция большевистской партии по отношению к буржуазным специалистам, хотя и в общем виде, но достаточно определенно была сформулирована В. И. Лениным еще накануне Октября. Так, подчеркивая, что одной из первоочередных задач пролетарской революции должна явиться организация крупного производства, «исходя из того, что уже создано капитализмом», В. И. Ленин в известном труде «Государство и революция», например, прямо связывал выполнение данной задачи с обязательным использованием буржуазных специалистов и служащих, с необходимостью сведения старых квалифицированных кадров и, в частности, «государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений».[134] В другой не менее известной работе «Удержат ли большевики государственную власть?» вождь большевистской партии также совершенно четко и недвусмысленно указывал, что после взятия власти пролетариат должен будет поставить себе на службу специалистов всех областей знания, учредив при этом над ними контроль рабочих организаций.[135] «Нам нужны хорошие организаторы банкового дела и объединения предприятий... нам нужны в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода, — скажет пролетарское государство», — писал тогда В. И. Ленин.[136]

Намеченные еще в дооктябрьский период основные условия, на которых предполагалось привлечь буржуазную интеллигенцию к работе в пролетарский аппарат управления различными областями социально-экономической и научно-культурной жизни страны, в частности предоставление старым специалистам и служащим возможности выполнять привычный и посильный труд за повышенную оплату, но в интересах и под контролем представителей пролетариата, — и были провозглашены сразу же после победы пролетарской революции в качестве возможной основы соглашения новой власти со старыми квалифицированными кад-

[133] Подробнее см.: В. В. Горбунов. Ленин и социалистическая культура. (Ленинская концепция формирования социалистической культуры). М., 1972, стр. 169—212 и др.

[134] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 49.

[135] Там же, т. 34, стр. 311, 312, 320.

[136] Там же, стр. 311—312.

рами специалистов и служащих. Уже 4 ноября 1917 г. в одном из своих первых выступлений в качестве Председателя Совнаркома В. И. Ленин, выступая на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с речью о положении, программе и задачах Советского правительства, в частности, говорил: «Для производства нам нужны инженеры, и мы очень ценим их труд. Мы их будем охотно оплачивать. Мы не собираемся лишать их пока их привилегированного положения. Всякий, кто хочет работать, нам ценен, но пусть он работает не как начальник, но как равный под контролем рабочих. У нас нет ни тени озлобления против лиц, и мы приложим усилия, чтобы помочь им перейти на новое положение».[137] Опубликованный на следующий день в «Правде» отчет об этом выступлении главы Советского правительства сделал ленинский план установления сотрудничества пролетарской власти с интеллигенцией известным всему населению, в том числе всем старым специалистам и служащим. Таким образом, российской интеллигенции был официально предложен вполне реальный и достаточно безболезненный путь определения своего места в новых исторических условиях.[138] Однако, как известно, значительная, а на первых порах даже подавляющая часть старой интеллигенции и служащих отрицательно отнеслась к этим и многим другим подобным предложениям Советской власти и оказалась на стороне ее противников, приняв особенно активное участие в контрреволюционном саботаже.

Несмотря на это, большевистская партия и Советское правительство с первых дней пролетарской революции настойчиво проводили политику, направленную на всемерное привлечение буржуазной интеллигенции к сотрудничеству с рабочим классом, с широкими массами трудящихся в деле организации социалистического строительства в стране. «Саботаж был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелкобуржуазны..., — писал об этом позднее В. И. Ленин. — Озлобление рабочих и крестьян за саботаж интеллигенции неизбежно, и „винить“ если можно кого, то только буржуазию и ее вольных и невольных пособников.

Если бы мы „натравливали“ на „интеллигенцию“, нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедовали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы».[139]

Последовательное проведение Советским правительством именно такой линии в отношении старых «спецов» основывалось на ленинской постановке проблемы буржуазной интеллигенции в целом, успешное решение которой, как считал В. И. Ленин, означало по существу выполнение кардинальной задачи «как соединить победоносную пролетарскую

---

[137] Там же, т. 35, стр. 63—64.

[138] См.: А. В. Красникова. Из истории разработки В. И. Лениным политики привлечения буржуазной интеллигенции на службу Советской власти. — Вестн. ЛГУ, № 8, сер. ист., яз. и лит., вып. 2, 1970, стр. 34.

[139] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 220.

революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой».[140] Говоря иными словами, В. И. Ленин исходил из того, что строительство социализма необходимо было осуществлять именно на том культурно-экономическом фундаменте, который оставил капитализм, и при содействии тех людей, которые остались новому строю в наследство от старого общества. «...от раздавленного капитализма сыт не будешь, — указывал В. И. Ленин. — Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах».[141]

Оценка В. И. Лениным положения и роли буржуазной интеллигенции в условиях диктатуры пролетариата, его анализ практических путей использования старых «спецов» для социалистического строительства достаточно хорошо освещены в новейшей отечественной историографии, в первую очередь в исследованиях С. А. Федюкина и В. В. Горбунова.[142] Поэтому не останавливаясь подробно на ленинских высказываниях, характеризующих его точку зрения по данному вопросу в послеоктябрьский период, не боясь ошибиться, подчеркнем лишь, что и в указанных и во многих других выступлениях и печатных работах первых лет Советской власти, в той или иной мере касавшихся вопроса о допустимости использования старых специалистов и служащих, В. И. Ленин постоянно подчеркивал необходимость положительного решения принципиально важной для победы нового общественного строя проблемы буржуазной интеллигенции.[143] Лишь при таком подходе можно было действительно в полной мере учесть двусторонний характер процесса формирования социалистических отношений вообще и кадров нового аппарата управления обществом в частности, в котором как раз и состояла одна из важнейших диалектических особенностей становления социалистического строя в нашей стране. «Мы должны управлять, — говорил В. И. Ленин об этих двух сторонах единой проблемы кадров советского аппарата управления, выступая 29 марта 1920 г. на IX съезде РКП(б), — с помощью выходцев из того класса, который мы свергли — выходцев, которые пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить. Вместе с этим мы должны вербовать своих управителей из рядов своего класса».[144] Не сводя проблему «спецов» к решению отдельных, частных вопросов военной, хозяйственной и культурной жизни, В. И. Ленин неопровержимо доказал принципиальную необходимость использования пролетарским государством буржуазной интеллигенции не

---

[140] Там же, стр. 59.

[141] Там же, стр. 55.

[142] См. об этом: Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М., 1971, стр. 238—240 и др.

[143] См., например: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 202; т. 36, стр. 178; т. 37, стр. 223; т. 38, стр. 54.

[144] Там же, т. 40, стр. 253—254.

в какой-то ограниченный отрезок времени, а на протяжении всего переходного периода от капитализма к социализму, специально подчеркнув при этом особую остроту и важность, которую приобретает использование старых квалифицированных кадров в условиях такой сравнительно отсталой и бедной научно-культурными силами страны, какой являлась в то время Россия.[145] Всесторонне обоснованная ленинская политика всемерного привлечения буржуазных специалистов и служащих к социалистическому строительству, поддержанная рабочим классом страны и большевистской партией, была, как известно, закреплена в дальнейшем в новой партийной программе, разработанной В. И. Лениным и принятой VIII съездом РКП(б).[146]

Таким образом, В. И. Ленин выделил два главных источника, из которых можно было черпать новых работников для основного состава служащих советского аппарата управления. Во-первых, отбросив веками существовавший предрассудок, будто только «высшим» классам по силам управление государством, при формировании советского государственного аппарата необходимо было опереться в первую очередь на самих трудящихся — революционных рабочих и крестьян, солдат и матросов и их массовые организации. Во-вторых, наряду с этим следовало также использовать и старых служащих, специалистов, тех представителей буржуазной интеллигенции, которых удастся привлечь к строительству нового строя. В указанных В. И. Лениным направлениях и происходило в действительности решение проблемы кадров основного состава служащих советского государственного аппарата.

В начальный период после победы социалистической революции приблизительно до конца января—февраля 1918 г., т. е. в период триумфального шествия Советской власти по стране, главным, а на первых порах фактически единственным источником формирования основного состава служащих советского аппарата управления явились трудящиеся России и их массовые организации, прежде всего Советы и профсоюзы. Это определялось не только классовым характером совершившейся революции, естественной социальной опорой которой были активно участвовавшие в ее проведении и упрочении во всех районах страны революционные рабочие и крестьяне, солдаты и матросы. В значительной мере этому также способствовал развернувшийся сразу же после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде контрреволюционный чиновничий саботаж. Напряженная борьба с саботажем чиновников и служащих бывших министерств и других учреждений старого государственного аппарата явилась, на наш взгляд, одной из наиболее характерных черт данного периода. И ее развитие, временные неудачи и постепенно нараставшие успехи во многом влияли на политику ленинской партии и Совета Народных Комиссаров в данной области, на формы и

[145] См.: С. А. Федюкин. В. И. Ленин о привлечении старой интеллигенции к сотрудничеству с Советской властью. — Вопросы истории КПСС, 1970, № 1, стр. 46 и др.

[146] См.: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959, стр. 404.

методы решения проблемы кадров основного состава советских государственных служащих.

Как известно, контрреволюционный чиновничий саботаж должен был явиться, по замыслам его вдохновителей, одной из надежнейших гарантий того, что победивший пролетариат практически не сможет осуществить государственное руководство страной. «Бездействие административного аппарата, — писал, например, в те дни печатный орган чиновников столицы журнал «Трибуна государственных служащих», — более опасно для господства большевиков, чем все выступления юнкеров и Керенского, Керенского можно арестовать, юнкеров можно расстрелять из пушек, но самая хорошая пушка не может заменить плохой пишущей машинки, и самый храбрый матрос — скромного писца из какого-нибудь департамента». И не без основания заключал: «Без государственного механизма, без аппарата власти вся деятельность нового правительства похожа на машину без приводных ремней: вертеться — вертится, но работы не производит».[147] Действительно, как отмечала «Правда», саботаж в начальный период существования Советской власти являлся оружием борьбы не менее острым, чем штык или сабля.[148]

В сложных условиях, создавшихся в результате организованного контрреволюцией массового саботажа чиновников министерств и других центральных ведомств,[149] большевистская партия и Советское правительство во главе с В. И. Лениным, опираясь на повседневную поддержку масс, сумели развернуть громадную работу по созданию нового аппарата управления, способного осуществлять внутреннюю и внешнюю политику первого в истории рабоче-крестьянского государства. «Ильич стоял в центре всей этой работы, — писала впоследствии Н. К. Крупская, — организовывал ее. Это была не просто напряженная работа, это была работа, поглощавшая все силы».[150] Несмотря на огромную занятость государственными делами, глава Советского правительства часто (особенно в первые послеоктябрьские месяцы) принимал деятельное участие в решении различных вопросов, связанных с борьбой против чиновничьего саботажа и с формированием основного состава служащих советских учреждений. Так, в одном из первых же документов Управления делами СНК — за № 20 от 3 ноября 1917 г., направленном народному комиссару труда А. Г. Шляпникову, говорилось: «Председатель Совета Народных Комиссаров просит Вас принять доклад тов. Борисова и представить Совету свое заключение».[151] Речь шла о докладной записке «По вопросу о некоторых практических мероприятиях комиссариата труда», которая в числе других записок-проектов, связанных с организа-

---

[147] Трибуна государственных служащих, 11—17 ноября 1917 г., стлб. 3.

[148] Правда, 6 декабря 1917 г.

[149] Подробнее о контрреволюционном саботаже чиновников и интеллигенции см., например: Советская интеллигенция. (История формирования и роста. 1917—1965 гг.). Под ред. М. П. Кима и др. М., 1968, стр. 19—40.

[150] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 354.

[151] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 20, л. 5.

цией деятельности различных советских наркоматов,[152] поступила тогда в Совнарком В. И. Ленину. И, думается, имеются определенные основания полагать, что содержавшееся в докладной записке предложение «обратить сугубое внимание на организацию штатов для всех комиссий нового правительства» [153] и другие меры, излагавшиеся в специальном разделе об организации кадров служащих и их инструктировании, были, по-видимому, учтены руководством Народного комиссариата труда. «Советом Народных Комиссаров, — прямо свидетельствовал об этом первый нарком труда А. Г. Шляпников в 1927 г., — мне было поручено произвести набор сотрудников для организовывавшихся вновь народных комиссариатов... В Народном комиссариате труда была организована комиссия по подбору сотрудников, по их проверке и распределению по наркоматам».[154] Организовав уже в конце октября 1917 г. в расположенных в различных районах Петрограда шести пунктах запись в народные комиссариаты новых работников всех специальностей, имевших «рекомендации от своих коллективов, профсоюзных и партийных организаций»,[155] Наркомтруд в дальнейшем развернул в этом направлении энергичную деятельность. «При моей квартире, — вспоминал, например, об этом член партии с 1912 г. А. Н. Падерин, — где помещалось бюро по организации Общегородской больничной кассы, на Невском проспекте, 92, кв. 45, мы с группой товарищей, в том числе Кирилл и Нина Шутко, открыли бюро по подбору сотрудников всех наших комиссариатов для замены саботажников».[156] Для успешного подбора и инструктирования новых сотрудников для советского государственного аппарата при Народном комиссариате труда был, в частности, организован специальный организационно-инструкторский отдел «по сформированию правительственных канцелярий и снабжению их служебным персоналом»,[157] который, по всей вероятности, продолжал свою работу и в начале 1918 г. Об этом свидетельствует, например, направленное наркому труда А. Г. Шляпникову 3 января 1918 г. письмо из Управления делами Советского правительства за подписью секретаря СНК М. Н. Скрыпник, в котором говорилось: «Просим Вас незамедлительно послать с Вашей запиской в канцелярию Совета Народных Комиссаров 2-х интеллигентных работников и 2-х машинисток, партийных большевиков, из студенческой группы большевиков».[158]

При формировании руководящего состава сотрудников советского аппарата руководимые В. И. Лениным ЦК партии и Совнарком, а также

---

[152] См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2164, лл. 7—10; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 72, ч. 1, лл. 65, 66.

[153] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 20, л. 45 об.

[154] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 387, лл. 134 об.—135.

[155] Известия, 31 октября 1917 г.; Триумфальное шествие Советской власти, часть первая. М., 1963, стр. 66—67.

[156] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 199, л. 49 об.

[157] Правда, 11 ноября 1917 г.

[158] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 5.

активно помогавший им Петроградский ВРК [159] в первую очередь опирались на поддержку и содействие одного из передовых отрядов РСДРП(б) — питерских большевиков. Как отмечал 2 декабря 1917 г. в одном из своих писем на места Секретариат ЦК партии, «в Питере страшный недостаток в работниках, так как все мало-мальски опытные товарищи ушли в комиссариаты».[160] Вот что сообщалось об этом на заседании Петроградского городского комитета РСДРП(б) 29 октября в докладе представителя Рождественского райкома партии столицы: «Работников в районе нет, интеллигенция ушла работать в Смольный...».[161] О том, в каких условиях и в каком порядке комплектовались новые кадры сотрудников во вновь создававшихся органах Советской власти, можно судить по интересным воспоминаниям члена партии с 1917 г. В. П. Тыдмана, сотрудничавшего тогда в газете «Солдатская правда» и ставшего одним из первых работников Народного комиссариата труда. «29 октября 1917 г., — рассказывает В. П. Тыдман, — наш оргсекретарь В. Н. Мещеряков, почти непрерывно дежуривший в те дни в райкоме (было воскресенье), спросил меня: „Вы, кажется, изучали рабочий вопрос.[162] Хотите, я Вас направлю в новую народную комиссию труда? Министерство труда бастует и нужны работники". Я охотно согласился и тут же получил направление...».[163]

И все же можно с уверенностью полагать, что в целом преодоление контрреволюционного чиновничьего саботажа и решение проблемы основного состава кадров аппарата управления Советской власти оказалось бы, конечно, невозможным без активного участия в этом рядовых трудящихся и их массовых организаций. Лучших своих представителей направили в распоряжение Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов городской и районные Советы Петрограда, профсоюзы и фабзавкомы, Социалистический союз рабочей молодежи и студенческая организация при ПК РСДРП(б), Красная гвардия и революционные части армии и флота. Для широкого привлечения трудящихся к строительству советского государственного аппарата большое значение имело принятие Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов 17 ноября 1917 г. особого постановления, которое предлагало: «1) Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники. 2) Разделить без всякой оттяжки районные и общегородской Советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления. 3) Привлечь к каждому такому

---

[159] См.: Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы, тт. 1—3. М., 1966—1967.

[160] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б), т. II, стр. 69.

[161] ЛПА, ф. 1, оп. 1, № 2а, л. 56.

[162] В. П. Тыдман окончил высшее экономическое отделение Московского коммерческого института.

[163] Ленинградский филиал музея В. И. Ленина. Отд. рукоп. фондов. В. П. Тыдман. Как рождался наркомат труда, л. 1.

отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить таким образом силы на помощь каждому народному комиссару».[164]

При направлении в Смольный для работы в советском государственном аппарате своих сотрудников или хорошо известных им лиц организации, предприятия и революционные части армии и флота обычно снабжали их специальными рекомендациями или удостоверениями. Так, в удостоверении за № 84, выданном 3 декабря 1917 г. Я. Ю. Трею комитетом социал-демократических организаций латышских полков действующей армии, сообщалось, что «товарищ Ян Юрьевич Трей командируется в распоряжение Совета Народных Комиссаров для назначения на какую-либо должность в правительственных учреждениях». «При том доводим до Вашего сведения, — специально отмечалось далее в удостоверении, — что тов. Трей опытный и энергичный партийный работник, с первых дней революции работавший в рядах революционной социал-демократии. По своей специальности т. Трей — письмоводитель, работавший до войны в разных учреждениях».[165] Вот еще один документ — адресованное Петроградскому ВРК письмо, отправленное военно-технической комиссией при Исполкоме Совета солдатских и рабочих депутатов Кронштадта за № 299 от 5 ноября 1917 г. В нем говорилось: «При сем препровождаются писаря-специалисты в количестве семь человек, фамилии коих на обороте сего поименованы».[166]

Таким образом, на первом этапе рассматриваемого периода, примерно до конца января 1918 г., формирование основного состава сотрудников советского правительственного аппарата происходило прежде всего из представителей трудящихся и их массовых организаций.[167] Необходимо, однако, иметь в виду и следующее.

В нашей литературе высказано мнение о том, что саботаж чиновников ускорил слом буржуазного аппарата.[168] Но обычно этот правильный вывод делается без каких-либо оговорок или пояснений. Поэтому необходимо специально подчеркнуть: отсюда вовсе не следует, что саботаж должен рассматриваться чуть ли не как положительное явление, поскольку, мол, Советская власть сама стремилась к слому старой государственной машины. В действительности контрреволюционный саботаж чиновничества вынудил Советскую власть изменить порядок и сроки упразднения ряда отживших учреждений, формы и темпы их ликвидации. Он приводил к нарушению нормальной работы учреждений, повре-

---

[164] Известия, 18 ноября 1917 г.

[165] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1104, л. 4.

[166] Там же, ф. 1236, оп. 1, № 48, л. 97. — См. также: там же, № 47, л. 251; ЦПА ИМЛ, ф. 461, №№ 32995 и 34989.

[167] Подробнее о начальной истории формирования аппарата Совнаркома и народных комиссариатов см.: М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. Изд. 2. Л., 1967.

[168] См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 359; А. П. Косицын. Слом буржуазного государственного аппарата в ходе Октябрьской социалистической революции, стр. 56.

ждению или уничтожению информационного, статистического, учетно-регистрационного и других материалов, к значительным материальным потерям, что явно противоречило интересам трудящихся. Особенно серьезно, и это следует подчеркнуть, чиновничий саботаж затруднил использование Советской властью кадров старых специалистов и служащих, буржуазной интеллигенции для организации деятельности нового аппарата управления.

Как уже отмечалось, руководимые В. И. Лениным Центральный Комитет РСДРП(б) и Совет Народных Комиссаров ясно понимали, что необходимость сломать буржуазную чиновничью машину вовсе не означала неизбежность немедленной ликвидации всех звеньев и элементов старого аппарата. Прежде всего была совершенно очевидна невозможность отказаться полностью от использования старых квалифицированных кадров, т. е. буржуазной интеллигенции, специалистов и служащих. Подчеркнув еще до Октябрьской революции явно нереальный характер («это — утопия!») предположений о возможности уничтожить чиновничество «сразу, повсюду, до конца»,[169] В. И. Ленин так, в частности, пояснял это впоследствии: «Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент».[170]

Для создания нового аппарата управления, как указывал еще до победы социалистической революции В. И. Ленин, следовало максимально использовать все старые органы учета и распределения, их кадры специалистов, налаженные связи, информационные материалы, технику делопроизводства. Нельзя было сразу закрыть и ликвидировать даже такие несомненно подлежавшие уничтожению важные органы старой государственной машины непосредственного подавления и угнетения трудящихся, как военное и морское министерства, Министерство юстиции. В интересах революции и здесь необходимо было обеспечить непрерывное выполнение этими учреждениями ряда их функций, таких как снабжение многомиллионной армии и флота, осуществление работы судебных органов и т. д. Представителям нового господствующего класса требовалось время для того, чтобы вникнуть в работу учреждений, разобраться в информационном материале, накопить хотя бы минимальный опыт и приобрести соответствующие знания. Именно на это немаловажное обстоятельство немного позднее, в 20-х числах ноября 1917 г., обращалось внимание в письме первых руководителей Народного комиссариата финансов и Государственного банка В. Р. Менжинского, Д. П. Боголепова, В. В. Оболенского, Д. М. Соловей и А. Е. Аксельрода Совету Народных Комиссаров и его Председателю В. И. Ленину, где, в частности, отмечалось: «...в некоторых случаях необходимо оставлять техников дела на постах, которые они занимали раньше, и ставить рядом с ними комиссара для политического контроля».[171] Все это было чрезвы-

[169] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.
[170] Там же, т. 37, стр. 221.
[171] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, № 4795, л. 1.

чайно важно для правильной оценки того, что имелось полезного в организации и деятельности старых учреждений и что должно было быть немедленно отметено, разрушено как рутинное, «неисправимо-буржуазное», угнетательское. Вот почему первым важнейшим этапом на пути ликвидации старых и создания новых центральных органов должно было явиться подчинение всего аппарата бывших министерств поставленным революцией у руководства отдельными отраслями государственной жизни комиссиям во главе с народными комиссарами.

Именно так и происходило все в действительности. Взяв власть в свои руки, пролетариат сразу же поставил старый государственный аппарат под контроль Советов и их исполнительных органов. Народные комиссары руководствовались при этом вполне определенными указаниями Советского правительства и его главы В. И. Ленина. Как вспоминал, например, нарком просвещения А. В. Луначарский, «...Владимиром Ильичем были даны директивы — и, вероятно, не только мне — всюду, где только можно, взять интеллигентский персонал без боя, сделать это путем мягкости, некоторых уступок и разъяснения подлинной нашей политики и т. д.».[172] В полном соответствии с такой постановкой вопроса в декрете ВЦИК и СНК 9 ноября 1917 г. об учреждении Государственной комиссии по просвещению, в частности, говорилось: «Текущие дела должны пока идти своим чередом через Министерство народного просвещения. Министерство должно играть роль исполнительного аппарата при Государственной комиссии по народному просвещению».[173] С таких же позиций приступил к исполнению своих обязанностей и назначенный Советским правительством народным комиссаром финансов В. Р. Менжинский. Вот что вспоминает об этом возглавлявший с марта 1917 г. Экспедицию заготовления государственных бумаг проф. М. К. Лемке, описывая свой визит 27 октября к новому руководителю финансового дела страны и беседу с ним: «Он не напускает на себя министерского всезнайства, охотно советуется, не мечтает о немедленном преобразовании всей финансовой системы; его цель ближе и пока другая: овладеть аппаратом, чтобы потом, по мере хода дела, принять ряд мер по реформе. Сейчас самое важное — обеспечить новому правительству максимальный выпуск денежных знаков, чтобы в этом направлении страна не почувствовала никаких перемен... Беседа наша носила деловой характер, но все сказанное было просто и скромно; учите нас, мы рады учиться — говорило каждое слово тов. Менжинского».[174] То же специально отметила в своих воспоминаниях первый народный комиссар об-

---

[172] Цит. по: Нева, 1965, № 11, стр. 181.

[173] Декреты Советской власти, т. I, стр. 61—62. — Другой написанный А. В. Луначарским приказ по ведомству бывшего Министерства двора гласил: «1) Впредь до особого распоряжения всем служащим оставаться на местах...

2) Вести все дела в полном порядке...

3) Правительственные комиссары, не вмешиваясь в текущий характер дел, должны иметь за ними наблюдение...» (ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2173, л. 1).

[174] М. К. Лемке. «Они продержатся не больше 5—7 дней» (по дневнику). — Красная летопись, 1923, № 6, стр. 174.

щественного призрения А. М. Коллонтай: «Советская власть вовсе не намеревалась прижимать и гнуть чиновников и интеллигенцию. Напротив, комиссары шли занимать свои народные комиссариаты безоружные, без охраны, с парой товарищей. Думалось деловым образом принять дела».[175]

Но стремившиеся, по выражению А. В. Луначарского, «сговориться по-хорошему» с основной массой старых «спецов» и служащих, народные комиссары столкнулись, как известно, с контрреволюционным саботажем, ставшим главным препятствием на пути широкого привлечения буржуазной интеллигенции к организации новых органов управления страной. Тем не менее уже даже на первом этапе интересующего нас периода Советская власть использовала и этот важный источник (кадры старых служащих) для формирования основного состава сотрудников советских учреждений. В полной мере сознавая исключительную опасность контрреволюционного саботажа, ход борьбы с которым во многом влиял на характер и степень использования старых квалифицированных кадров, ЦК РСДРП(б) и Совет Народных Комиссаров приняли все необходимые меры для его ликвидации. При этом большевистская партия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина о том, что привлечение и использование буржуазной интеллигенции является одной из форм классовой борьбы, стремилась учитывать конкретные условия, в которых развернулась эта борьба в России. Поэтому не следует излишне прямолинейно и упрощенно, как это иногда имело место в специальной и особенно в научно-популярной литературе, изображать трудности и сам ход борьбы с саботажем, связывая его успешное преодоление лишь с заменой старых «спецов» и служащих новыми работниками из представителей революционных трудящихся и их массовых организаций.

Главная цель, которую ставила перед собой Советская власть, настойчиво и последовательно преодолевая организованный массовый саботаж чиновников и интеллигенции, состояла, как справедливо указывает С. А. Федюкин, не столько в том, чтобы заменить буржуазного специалиста пролетарием (в целом ряде областей военно-хозяйственной и научно-культурной жизни при отсутствии специальных знаний практически это могло явиться лишь временной мерой), но прежде всего в том, чтобы возвратить специалиста-саботажника на прежнюю работу, заставить его любым способом (вплоть до угрозы ареста, лишения пенсии, продовольственного пайка и т. д.) выполнять свои обязанности.[176] Именно это обстоятельство имел в виду В. И. Ленин, когда еще до Октябрьской революции писал: «Недостаточно „убрать вон“ капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадежных „сопротивленцев“) поставить их *на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.».[177]

[175] А. М. Коллонтай. Первые дни Наркомсобеса. — В кн.: Ленин в первые месяцы Советской власти. М., 1933, стр. 137.

[176] С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты, стр. 36—37.

[177] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 311.

После победы пролетарской революции эти же мысли в более развернутом виде нашли свое выражение в написанном В. И. Лениным в конце октября 1917 г. известном «Наброске правил для служащих», в котором, в частности, говорилось: «Все служащие в государственных, общественных и частно-промышленных предприятиях крупных размеров (с числом наемных рабочих не менее 5) обязуются выполнять возложенные на них дела и не покидать своей должности без особого разрешения правительства, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или профессиональных союзов».[178] Таким образом, отношение к старым «спецам» и служащим, характеризовавшее в целом общую направленность политики большевистской партии и Советской власти к буржуазной интеллигенции в переходный период, в основном заключалось, как указывал В. И. Ленин, в следующем: «„Спецы". Не только подавление сопротивления, не только „нейтрализация", но взятие на работу, принуждение служить пролетариату».[179]

В первые послеоктябрьские месяцы в преодолении чиновничьего саботажа и овладении бывшими министерствами с их сложным делопроизводством народным комиссарам и пришедшим вместе с ними в старые ведомства немногочисленным новым работникам существенную помощь оказали младшие служащие и технический персонал (курьеры, дворники, упаковщики, сторожа и т. п.). В «Обзоре деятельности Народного комиссариата финансов» Д. П. Боголепов специально отметил, например, что «очень большую роль в борьбе с саботажем сыграли младшие служащие, которые единодушно поддержали свое Рабочее правительство...».[180]

Лишь младшие служащие, технический персонал и рабочие типографии МИД не примкнули к саботажу чиновников бывшего Министерства иностранных дел и сразу же выразили готовность продолжать работу под руководством представителей новой власти. Встав на сторону революции, прослужившие много лет в бывшем МИД курьеры С. П. Денисов, Н. И. Иванов, Т. Ф. Киселев, П. Г. Махотин, Я. И. Устиненков, делопроизводители А. В. Здзеницкий и И. К. Лысенко, дворник А. К. Николаев, рабочие-печатники А. И. Иванов и Н. П. Немчинов и их товарищи сумели оказать помощь в ликвидации последствий антисоветского саботажа чиновничьих верхов; они явились и первыми незаменимыми «консультантами» по многим вопросам повседневной деятельности бывшего министерства и одними из первых наркоминдельцев, энергично выполнявшими все что требовалось.[181] С организации собраний и «консультаций» у младших служащих и обслуживающего персонала многие народные комиссары начали действительное «овладение» порученными их ведению бывшими министерствами просвещения, внутренних дел, государственного призрения и др. На сторону Советской власти, против

---

[178] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 42.

[179] Там же, т. 39, стр. 264.

[180] ЦГАНХ, ф. 2281, оп. 1, д. 1038, л. 2 об. — См. также: Правда, 14 декабря 1917 г.

[181] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 15.

контрреволюционного собатажа встали профессиональные союзы низших служащих правительственных и общественных учреждений, Всероссийский съезд младших служащих.[182] Подчеркивая большое значение поддержки, оказанной народным комиссарам в первые послеоктябрьские месяцы техническим персоналом и младшими служащими, «Правда» писала в начале декабря 1917 г., что в борьбе со злостными саботажниками «повсюду низшие служащие, подлинно пролетарские элементы, заодно с революцией».[183]

Вместе с тем не следует чрезмерно упрощенно оценивать и позицию остальных групп старых служащих и буржуазной интеллигенции, отношение которых к Октябрьской революции довольно длительное время определялось в литературе по существу однозначно — в основном лишь как отрицательное. Делалось это исходя из выдвинутой в разделе «Некоторые вопросы теории» отчетного доклада И. В. Сталина на XVIII съезде партии и утвердившейся с конца 30-х годов схемы, в соответствии с которой наиболее квалифицированная и влиятельная часть старой интеллигенции, ее «верхи», сразу же откололись от основной массы и оказались в числе активных саботажников, другая, «средняя», ее часть приняла пассивный нейтралитет, выжидая «лучших времен», а третья, главным образом рядовая часть, «присоединилась к народу и пошла за советской властью».[184] Ошибочность такого подхода в методологическом отношении, его надуманность и несоответствие тому, что было на самом деле, убедительно показаны в новейших исследованиях советских историков и философов.[185] Искусственно сконструированная, не учитывавшая всей сложности и противоречивости социальных, профессиональных, культурных, бытовых и других различий внутри интеллигенции, указанная схема предписывала проводить политический водораздел по «горизонтали», т. е. между тремя ее основными группами (высшая, средняя и низшая). Между тем в реальной действительности все обстояло гораздо сложнее и этот водораздел проходил не между группами интеллигенции, а внутри них. Правильность и обоснованность данного вывода применительно к интеллигенции и буржуазным «спецам» в целом на разнообразном материале доказана в упоминавшихся работах С. А. Федюкина и В. В. Горбунова, а также П. П. Амелина, в отношении научной и производственно-технической интеллигенции — в монографиях В. А. Ульяновской и А. В. Кольцова.[186] Специальное обращение к источникам, характеризующим политическую позицию той части буржуазной

---

[182] См.: Новая жизнь, 5 ноября 1917 г.; Газета, 22 ноября 1917 г.; Правда, 18 и 25 ноября 1917 г.; Знамя труда, 15 декабря 1917 г.

[183] Правда, 6 декабря 1917 г.

[184] XVIII съезд ВКП(б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, стр. 36.

[185] См.: С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты, стр. 26; П. П. Амелин. Интеллигенция и социализм. Л., 1970, стр. 79.

[186] См.: В. А. Ульяновская. Формирование советской научной интеллигенции. М., 1965; А. В. Кольцов. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969.

интеллигенции, которая непосредственно находилась на службе в различных ведомствах буржуазной государственной машины, также подтверждает справедливость именно такой постановки вопроса.

Уже вскоре после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде даже среди наиболее квалифицированной и влиятельной части старых специалистов и служащих нашлись сторонники честного сотрудничества с новой властью. Такими представителями лучшей части старых специалистов, стремившейся помочь Советской власти в создавшемся в Петрограде и во всей стране исключительно сложном и тяжелом положении, явились, например, генералы, адмиралы и офицеры старой армии и флота М. Д. Бонч-Бруевич, Н. М. Потапов, М. В. Иванов, С. И. Одинцов, занимавшие ответственные посты в Министерстве финансов и Государственном банке М. К. Лемке, П. М. Трохимовский и К. К. Федяевский, заведовавший Лесным департаментом Министерства земледелия бывший товарищ министра Н. Н. Фалеев.

Разумеется, на первых порах таких высококвалифицированных специалистов, которые приняли активное участие в налаживании работы народных комиссариатов, было в общем немного. Как отмечалось в «Вестнике путей сообщения» «верных нам (Советской власти, — *М. И.*) специалистов были единицы». [187] Однако вполне понятно, что значение лояльного сотрудничества с Советской властью подобных представителей «верхов» старого чиновничества определялось самим фактом, а не численностью таких чиновников. Каждый такой высококвалифицированный специалист оказывался прежде всего чрезвычайно полезным при налаживании практической деятельности советского аппарата в той или иной области государственного управления. Так, явившийся в Народный комиссариат труда действительный статский советник Соколов, служивший не только при министрах коалиционного Временного правительства Гвоздеве и Скобелеве, но еще в управлении фабричной инспекции царского министерства торговли и промышленности, откровенно заявил, что «он не видит смысла в дальнейшей забастовке» и что «он должен служить и выполнять свое дело». Как вспоминает далее член КПСС с 1917 г. В. П. Тыдман, этому титулованному чиновнику «сразу же было предоставлено место, кажется, в отделе Г. Ф. Федорова, и при его опыте и знаниях он, конечно, был очень полезен, легко ориентируясь в дебрях бастующего министерства».[188] Кроме того, необходимо отметить то, что было особенно важным в условиях ожесточенного чиновничьего саботажа, — силу примера, серьезное влияние, которое оказывал на основную массу старых служащих каждый случай такого лояльного, делового сотрудничества. Советское правительство и ЦК РСДРП(б), В. И. Ленин стремились учесть это обстоятельство. Вот почему на страницах советских и других газет и журналов этого периода нередко помещались обраще-

---

[187] Вестник путей сообщения, 1918, № 1, стр. 20.

[188] Ленинградский филиал музея В. И. Ленина. Отд. рукоп. фондов. В. П. Тыдман. Как рождался наркомат труда, л. 3.

ния, письма, заявления тех из бывших чиновников, которые, решительно став на сторону восставшего полетариата, словом и делом помогали упрочить победу революции.[189] Одним из наиболее показательных в этом отношении представляется выступление бывшего исполняющего обязанности директора департамента личного состава и хозяйственных дел МИД А. И. Доливо-Добровольского, который вскоре был привлечен к руководству правовым отделом Наркоминдела. Выступив с обращением, опубликованным в газете «Правда» и журнале «Трибуна государственных служащих», А. И. Доливо-Добровольский призвал чиновников прекратить саботаж. «Нам было предоставлено время, много дней, — заявил он, — чтобы заметить, что перед нами не кондотьеры... но фактическая власть большой народной партии».[190]

Выступившие за сотрудничество с Советской властью низшие служащие и лучшие представители старых специалистов, занимавших ответственные посты, в ряде учреждений и организаций были поддержаны также определенной, хотя первоначально и не слишком значительной, частью основного состава служащих. Так, в опубликованном в конце октября 1917 г. воззвании профсоюза торгово-промышленных служащих Петрограда, в частности, говорилось: «Как можем мы, торговые служащие, прийти на помощь Советской власти и населению? Борьбой с саботажем».[191] Состоявшееся 2 ноября многочисленное собрание служащих продовольственных органов столицы полностью присоединилось «к голосу торговых служащих Петрограда, выраженного в резолюциях делегатского совета и к голосу всех организованных питерских рабочих, выраженного в резолюции Петроградского Совета профессиональных союзов — всеми силами поддерживать новую власть — подлинную власть народа».[192] Как сообщала «Правда», уже в 10-х числах ноября под руководством народных комиссаров удалось возобновить работу ряда отделов бывших министерств труда, почт и телеграфов, торговли и промышленности, иностранных дел, государственного призрения, земледелия».[193] «С момента появления представителей Совнаркома в Министерстве земледелия, — сообщала, в частности, «Новая жизнь», — последнее покинули 3 товарища министра, управляющий канцелярией и другие высшие чины». «Средний и младший персонал, — отмечала далее газета, — за небольшим исключением остались на местах».[194] Вовсе не прекратили работу и не примкнули к чиновничьему саботажу служащие двух важнейших учреждений финансового ведомства — Экспедиции заготовления государственных бумаг, возглавлявшейся проф. М. К. Лемке,[195] и депар-

---

[189] См., например: Новые работники (подписано: чиновник В. Соколов). — Правда, 9 декабря 1917 г.

[190] Трибуна государственных служащих, 25 ноября 1917 г., стлб. 11.

[191] Октябрьский переворот. Факты и документы. Пгр., 1918, стр. 305.

[192] Правда, 3 ноября 1917 г.

[193] См.: Правда, 2, 7 и 10 ноября 1917 г.

[194] Новая жизнь, 5 декабря 1917 г. — См. также: Правда, 25 ноября 1917 г.

[195] См.: М. К. Лемке. Ук. соч., стр. 171.

тамента государственного казначейства. По свидетельству С. Голованова, с 1900 г. служившего в департаменте государственного казначейства бывшего Министерства финансов, в поддержку Советской власти здесь выступили не только младшие и средние служащие, но и многие высокопоставленные чиновники (П. М. Трохимовский, К. К. Федяевский и др.). Почти весь руководящий персонал департамента остался на своих постах, а П. М. Трохимовский был в дальнейшем назначен на должность директора департамента государственного казначейства.[196]

В некоторых бывших министерствах (продовольствия, почт и телеграфов, путей сообщения и др.) из числа старых служащих, выступивших за сотрудничество с Советской властью, были образованы организационные бюро или инициативные группы, принявшие деятельное участие в налаживании аппарата этих народных комиссариатов, формировании основного состава их работников.[197]

В полном соответствии с программными положениями, разработанными В. И. Лениным еще до Октябрьской революции, Советская власть с первых дней своего существования уделила особое внимание овладению «деловым» аппаратом бывших министерств и ведомств, и прежде всего тех из них, которые, будучи тесно связаны с синдикатами и банками, выполняли огромную массу разнообразной учетно-регистрационной работы. В первую очередь это, разумеется, относилось к собственно банковскому аппарату. Руководимый В. И. Лениным Совет Народных Комиссаров сразу же взял курс на использование кадров квалифицированных работников существовавшей финансово-банковской системы для организации органов социалистического учета и контроля. Уже в начале декабря 1917 г. в Государственном банке насчитывалось свыше 400 работников, в числе которых было много бывших чиновников.[198] К 15 декабря число работников Госбанка выросло до 500 человек; вслед за созданием в Госбанке во второй половине ноября большевистской партийной организации, состоявшей первоначально из 29 человек, на общем собрании всех сотрудников был избран центральный комитет служащих.[199] Аналогично этому были организованы и комитеты в ряде бывших частных банков, которые в соответствии с декретом ВЦИК от 14 декабря 1917 г. были национализированы и объединены с Госбанком в единый Народный банк Российской республики. К началу января 1918 г. число сотрудников в бывших акционерных банках, реорганизованных в отделения Народного банка, уже превышало 600 человек.[200] Однако формирование состава новых работников происходило в это время в основном за счет демобилизовавшихся фронтовиков и знакомых со

---

[196] С. Голованов. Страницы истории. — Финансы СССР, 1957, № 10, стр. 87, 88.

[197] См.: Известия, 21 ноября 1917; ЦГАНХ СССР, ф. 3527, оп. 1, № 31, лл. 1, 5, 7, 34; ЛПА, ф. 4000, оп. 6, д. 210, лл. 13—15; Почтово-телеграфный журнал, часть неофициальная, 1918, №№ 9—12, стр. 55—58, 102, 103.

[198] Правда, 6 декабря 1917 г.

[199] Красная летопись, 1923, № 6, стр. 342, 343.

[200] Правда, 5 января 1918 г.

счетным делом лиц, направлявшихся различными организациями, воинскими частями и предприятиями. Широкое использование в этих целях старых специалистов и банковских чиновников оказалось тогда невозможным из-за принявшего затяжной характер саботажа основной массы служащих бывших частных банков и банковских контор, организованного меньшевистско-эсеровским руководством профсоюза «Кредиттруд».[201]

Решая в процессе строительства новых государственных органов проблему формирования основного состава их работников, Советское правительство во главе с В. И. Лениным с первых же послеоктябрьских месяцев стремилось также как можно шире использовать в этих целях аппарат и кадры старых производственных объединений и разного рода регулирующих организаций, созданных российским государственно-монополистическим капитализмом в начале XX в. Как убедительно показало исследование академика А. В. Венедиктова, хозяйственно-технические и учетно-статистические аппараты многих бывших государственных особых совещаний и комитетов (по топливу, по металлу и др.) и ряда крупнейших промышленных синдикатов, таких как «Продамет», «Кровля» и др., были включены в состав новых хозяйственных органов Советской власти. Так, делопроизводство и средства упраздненных декретом Совета Народных Комиссаров Главного экономического комитета и Совета при Временном правительстве были переданы в ведение уполномоченных Совнаркома по организации Высшего экономического совещания, что явилось одним из самых первых шагов к созданию ВСНХ; аппарат распущенного Особого совещания по топливу перешел к отделу топлива ВСНХ и т. д.[202]

Особенно отчетливо это удалось проследить на примере Комитета или Особого совещания по распределению металлов («Расмеко») и акционерных обществ по продаже изделий русских металлургических заводов («Продамет») и по продаже кровельного железа («Кровля»), национализированных в январе 1918 г. Учетно-распределительные аппараты «Расмеко» и монополий «Продамет» и «Кровля», переданные в ВСНХ, были использованы при организации нового, единого и для частных и для национализированных предприятий органа по регулированию металлургической промышленности — «Продрасмет».[203] Уже на одном из первых заседаний Бюро ВСНХ, состоявшемся 13 декабря 1917 г., в одобренном Бюро докладе отдела по металлу, в частности, говорилось: «Отделом разработан подробный план снабжения предприятий металлами. Подсобным органом этого отдела является Особое совещание по металлу — „Расмеко“».[204]

---

[201] Подробнее см.: А. М. Гиндин. 1) Как большевики овладели Государственным банком; 2) Как большевики национализировали частные банки. М., 1962; З. В. Атлас. Социалистическая денежная система. М., 1969, стр. 53—73.

[202] См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 73, 74, 89; А. В. Венедиктов. Организация государственной промышленности в СССР, т. 1, Л., 1957, стр. 256, 278, 279, 297—300, 429.

[203] См.: А. В. Венедиктов. Ук. соч., стр. 297, 301 и др.

[204] ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 1, № 2, л. 4—4 об.

Характеризуя организованные государственно-монополистическим капитализмом крупнейшие тресты и синдикаты как «готовый механизм общественного хозяйничанья», В. И. Ленин еще до пролетарской революции в качестве одной из ее первоочередных практических и вполне осуществимых задач указал на необходимость, «свергнув капиталистов», тотчас же пустить в ход «освобожденный от „паразита“ высоко технически организованный механизм» трестов и других аналогичных органов.[205] Практический ход овладения и использования технического аппарата созданных российским капитализмом ряда крупных государственно-монополистических объединений подтвердил обоснованность данного указания В. И. Ленина. «Первое, на чем пришлось концентрировать внимание, — вспоминал впоследствии член КПСС с 1903 г. М. А. Савельев, направленный после победы Октябрьского вооруженного восстания в «Расмеко» в качестве комиссара Петроградского ВРК, — это во что бы то ни стало завертеть машину, пускай по-старому, дореволюционному, обычному пути... Это был первый шаг... Потом, научившись ориентироваться, перешел к следующей стадии — попыткам реорганизовать захваченный аппарат. И вот уже через какой-нибудь месяц после возобновления работ мне уже приходится командировать своего ближайшего сотрудника по „Расмеко“ тов. Уралова не более и не менее, как во Владивосток, для того чтобы хозяйским глазом посмотреть те колоссальные запасы металла, которые числятся на складах „Расмеко“ там, на берегу Тихого океана».[206] В материалах ЦПА ИМЛ сохранился интересный документ, убедительно подкрепляющий свидетельство мемуариста. Это выданное 23 декабря 1917 г. за подписью комиссара управления по снабжению металлом М. Савельева удостоверение № 113, в котором говорится: «Дано сие тов. комиссару управления Сергею Герасимовичу Кислякову-Уралову в том, что он командируется в г. Владивосток по делам службы. Всем общественным организациям и учреждениям, к которым тов. Уралов будет обращаться за содействием, прошу таковое ему оказывать».[207]

Особенно широко (и не только по сравнению с «Расмеко») Советской власти удалось использовать в интересах строительства основ социалистической экономики кадры высококвалифицированных специалистов и служащих «Продаметы». По авторитетному свидетельству того же М. А. Савельева, непосредственно руководившего национализацией этого крупнейшего в России синдиката по продаже черного металла, «аппарат, деловой аппарат „Продаметы“, как мы и ожидали, не ответил саботажем на постановление о национализации. Он продолжал свою деловую работу под начальством большевистских комиссаров, и много полезных работников перешло к нам по наследству из этого чисто капиталистического учреждения».[208] Аналогичным образом к созданию новых

[205] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 50
[206] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 384, лл. 5—5 об., 16.
[207] Там же, ф. 17, оп. 1а, № 110, л. 6.
[208] Там же, ф. 70, оп. 4, № 384, лл. 18—19.

центральных государственных органов управления текстильной промышленностью был привлечен созданный капиталистическими монополиями прежний регулирующий механизм.[209] Так особенно тесно связанный с финансово-монополистическими объединениями, синдикатами, банками, аппарат, выполнявший массу учетно-распределительной работы, вырывался из подчинения капиталистов и старых буржуазно-бюрократических государственных органов и использовался в интересах социалистического строительства.[210]

Уже на первом этапе рассматриваемого периода имели место и другие формы использования Советской властью буржуазных специалистов и известных организаторов капиталистической промышленности. Исходя из необходимости для успешного строительства и налаживания новой, социалистической экономики возможно шире усвоить достижения капитализма в области управления крупным промышленным производством, В. И. Ленин указывал, в частности, на важность установления сотрудничества с буржуазными специалистами и даже предпринимателями в форме государственно-капиталистических объединений, предприятий и т. п.: «Рабочий класс... научившийся тому, как наладить крупную, общегосударственную организацию производства, на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда... все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено».[211]

Именно в этих целях с первых же послеоктябрьских дней Советское правительство во главе с В. И. Лениным приступило к переговорам с капиталистами различных отраслей промышленности. В ноябре 1917 г. начались длительные (по апрель 1918 г.) переговоры Совнаркома с группой промышленников и инженеров во главе с А. П. Мещерским — директором-распорядителем мощного финансово-промышленного объединения «Сормово—Коломна», на металлургических, машиностроительных и прочих предприятиях которого было занято в общей сложности около 60 тыс. рабочих.[212] 13 декабря 1917 г. Бюро ВСНХ утвердило с некоторыми поправками договор о возобновлении работы на рудниках акционерного общества «Унион» (Донецкий бассейн), заключенный между отделом по топливу ВСНХ, представлявшим интересы рабочих, и предста-

---

[209] Подробнее см.: В. Я. Лаверычев. Создание центральных государственных органов управления текстильной промышленностью в 1918 г. (Из истории «Центротекстиля»). — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.

[210] См.: Л. Е. Анкудинова. Национализация промышленности в СССР. 1917—1920. Л., 1963, стр. 84, 85; К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964, стр. 165, 166; Д. А. Коваленко. В. И. Ленин об историческом опыте социалистических преобразований в промышленности Советской России (1917—1920). — В кн.: В. И. Ленин об историческом опыте Великого Октября. М., 1969.

[211] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 299.

[212] См.: П. В. Волобуев, В. З. Дробижев. Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР. — Вопросы истории, 1957, № 9.

вителями правления «Униона».[213] Капиталисты-предприниматели были привлечены к хозяйственно-деловому сотрудничеству с вновь организованными центральными органами по руководству текстильной, кожевенной и некоторыми другими отраслями легкой промышленности. Надо сказать, что этот последний опыт оказался наиболее удачным и полезным. В результате переговоров между Центральным комитетом Всероссийского профсоюза рабочих-кожевников и Всероссийским обществом фабрикантов и заводчиков кожевенного производства, проходивших под контролем Совнаркома, при активном участии В. И. Ленина 10 января 1918 г. было принято решение о создании первого госкапиталистического треста (Главка) — «Главкожа», в котором (как и во всех районных и областных комитетах по кожевенным делам) $^1/_3$ мест была предоставлена промышленникам и $^2/_3$ рабочим.[214] Аналогичные главки были организованы также в текстильной, сахарной и некоторых других отраслях легкой и пищевой промышленности.[215]

Как говорилось выше, не следует упрощать и вопрос об использовании кадров тех частей старого государственного аппарата, в отношении которых представлялось, что в ходе революции они должны быть полностью разрушены. Имеется в виду собственно карательный механизм буржуазного государства, т. е. армия, суд и соответствующие военные и судебно-полицейские учреждения, которые с позиций марксистско-ленинской теории в первую очередь подлежали обязательной ликвидации.[216] Именно в связи с этим, как известно, в отечественной литературе длительное время, особенно с середины 30-х по начало 50-х годов, и даже позднее довольно широкое распространение получила та точка зрения, что Советская власть якобы не могла использовать в своих интересах вообще никаких прежних учреждений, связанных с буржуазным военно-карательным механизмом, и, разумеется, их кадровый состав — генералов и офицеров, чиновников и специалистов соответствующих министерств и ведомств.[217]

Между тем в действительности практика борьбы за победу социалистической революции в России внесла свои коррективы. В весьма сложной обстановке, в которой оказалось только что родившееся государство Советов, далеко не все учреждения карательного аппарата свергну-

---

[213] ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 1, № 2, л. 4.

[214] См.: Э. В. Клопов. Ленин в Смольном, стр. 327—330.

[215] Подробнее об использовании Советским правительством во главе с В. И. Лениным госкапитализма в 1917—1918 гг., кроме указанной выше статьи П. В. Волобуева и В. З. Дробижева, см.: Р. М. Савицкая. Ук. соч., стр. 139—203; Л. Ф. Морозов. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической. М., 1969; Е. В. Юфирева. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969; И. Б. Берхин. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970; Б. М. Яковлев. В. И. Ленин и проблемы госкапитализма в Советской России. — Вопросы истории, 1970, № 11.

[216] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 295.

[217] Подробнее см., например: С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты, стр. 6—11.

того правительства могли быть упразднены немедленно; в интересах пролетариата некоторые из них следовало даже временно использовать. До окончательной демобилизации вооруженных сил и заключения демократического мира нужно было, например, бесперебойно снабжать войска продовольствием и одеждой, обеспечивать охрану оружия, боеприпасов, снаряжения. Кроме того, планомерная демобилизация миллионных солдатских масс также не могла осуществляться без соответствующего военного аппарата. И хотя качество выполнения такого рода функций старыми государственными учреждениями во многом, естественно, не удовлетворяло пролетариат, все же приходилось какое-то время мириться с создавшимся положением. При этом необходимо, конечно, иметь в виду, что выполнение карательными учреждениями угнетательских функций прекратилось немедленно после победы Октябрьской революции. Таким образом, в сложившейся конкретной ситуации первоочередная задача рабочего класса на начальной стадии заключалась в том, чтобы заставить военно-технический аппарат старой государственной машины продолжать выполнять всю эту необходимую работу под руководством Советской власти. Не случайно именно это подчеркивал, например, один из первых руководителей Наркомвоена К. А. Мехоношин, когда писал: «...на первых шагах приходилось думать не столько о создании нового управления, а о том, каким образом заставить впредь до создания новой организации работать по нашим заданиям старый аппарат».[218]

Удачно сочетая решительные революционные меры против активных саботажников[219] с проведением среди основной массы служащих бывших Военного и Морского министерств разъяснительной работы, руководимые В. И. Лениным ЦК РСДРП(б) и Совнарком успешно решили эту трудную задачу. Пролетарской власти удалось нейтрализовать действия антисоветски настроенной верхушки генеральского и офицерского состава и военного чиновничества и добиться выполнения служебных функций значительной частью служащих многих бывших военных ведомств.[220] Все это, а также наличие среди служащих ряда центральных военных учреждений (Генеральный штаб, интендантское, квартирное, артиллерийское управления, различные склады и т. д.) членов, а иногда даже первичных ячеек военной организации большевистской партии, обеспечило, по свидетельству К. А. Мехоношина, «сравнительно безбо-

---

[218] К. А. Мехоношин. Ук. соч., стр. 38.

[219] Направленные на освобождение военного аппарата в центре и округах, а также командного состава армейских и флотских подразделений от контрреволюционно настроенной части генералов, адмиралов и офицеров, эти мероприятия были осуществлены в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров по вопросу о чистке Военного министерства, принятом правительством 19 ноября 1917 г. по предложению В. И. Ленина (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 382).

[220] См., например: Петроградский Военно-революционный комитет, т. 2, М., 1966, стр. 130, 520, 521; там же, т. 3, 1967, стр. 620, 621, 624—627; Новая жизнь, 28 и 31 октября 1917 г.; Правда, 14 ноября и 3 декабря 1917 г.

лезненный процесс овладения руководящими органами военного министерства».[221] В результате уже в первые месяцы диктатуры пролетариата старый аппарат военного и морского ведомств продолжал функционировать. Своеобразным отражением этого явился, в частности, принятый в декабре 1917 г. декрет ВЦИК о сохранении Особого совещания по обороне государства в ведении Военного министерства впредь до образования Главного экономического Совета.[222]

Однако во главе аппарата бывших военного и морского министерств стояли теперь Коллегия народных комиссаров по военным делам, образованная на основании постановления II Всероссийского съезда Советов, и Верховная морская коллегия, избранная состоявшимся в Петрограде в 20-х числах ноября I Всероссийским съездом моряков военного флота. Генерал Н. М. Потапов, принявший на себя исполнение обязанностей начальника Генерального штаба и управляющего делами Наркомвоена с согласия руководителей главных управлений военного министерства и преобладающей части его служащих, в своем приказе от 24 ноября о вступлении в должность подчеркнул, что «общее политическое руководство остается всецело в ведении Коллегии народных комиссаров по общему управлению военным ведомством».[223] Точно так же вся работа отделов и управлений бывшего Морского министерства стала теперь осуществляться под контролем комиссаров и их помощников, специально назначенных Петроградским Военно-морским революционным комитетом и Советским правительством.[224]

Успешное овладение аппаратом военного и морского министерств ускорило вместе с тем ломку важнейших институтов и органов буржуазной карательно-бюрократической машины. Уже в конце 1917—начале 1918 г. ликвидируется институт комиссаров Временного правительства, упраздняются все старые чины и звания, вводится выборность всего командного состава и т. д. В этот же период был закрыт ряд центральных военных учреждений, под руководством которых в дореволюционной России обеспечивалось осуществление функций угнетения и подавления трудящихся масс. Так, 23 ноября 1917 г. были ликвидированы Политическое управление Военного министерства и Адмиралтейств-Совет Морского ведомства,[225] а 23 января 1918 г. — военно-окружные Советы округов и военная цензура печати.[226] Параллельно с этим проводится реорганизация и укрепление кадрового состава тех звеньев старого военного аппарата, которые были сохранены и успешно использовались

---

[221] К. А. Мехоношин. Ук. соч., стр. 34.

[222] Декреты Советской власти, т. I, стр. 171, 172.

[223] Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР, ф. Н. М. Потапова, оп. 1, д. 13, л. 1.

[224] Подробнее см.: С. С. Хесин. В. И. Ленин и организация Красного флота. — Вопросы истории, 1970, № 2.

[225] См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (далее — Собрание узаконений), 1917, № 3, ст. 48; Декреты Советской власти, т. I, стр. 130, 131, 242—245.

[226] См.: Собрание узаконений, № 18, ст. 281; № 19, ст. 294.

для организации обороны Республики Советов и строительства Красной Армии. Так, для руководства Главным Военно-техническим управлением (ГВТУ) был образован Совет из представителей ВЦИК, Наркомвоена, Центрального Совета фабзавкомов, рабочих военных заводов, служащих ГВТУ и инженерных частей фронта; во главе Главного артиллерийского управления (ГАУ) поставлен Совет из представителей специалистов и служащих ГАУ, солдат, Всероссийского комитета рабочих заводов артиллерийского ведомства.[227]

Аналогичным образом временное использование пролетариатом в интересах революции собственно старой армии также обязательно предполагало ее демократизацию, лишение власти реакционного генералитета и офицерства, введение выборности командного состава, передачу всей полноты власти солдатским комитетам. Е. Н. Городецкий, например, говоря о демократизации старой армии как о форме ее слома, приходит к следующему выводу: «Имелось в виду, что демократизация армии даст возможность реорганизовать ее управление, обновить офицерский корпус и подготовить таким образом элементы для новой, социалистической армии».[228] С. М. Кляцкин в свою очередь придерживается мнения, что Советская власть, считая нецелесообразным слепо повторять опыт Парижской Коммуны, отрицала необходимость роспуска старой армии в обстановке, когда страна находилась в состоянии войны и не располагала средствами для военной защиты. Он полагает, что большевистская партия и Советское правительство избрали формой слома старой армии ее демократизацию в сочетании с постепенной демобилизацией.[229]

Формой слома старой армии действительно явилась ее демобилизация, которая в сочетании с последовательной демократизацией осуществлялась достаточно планомерно и довольно длительное время.

Как видим, при определении судьбы старой военно-бюрократической машины ЦК РКП(б) и СНК во главе с В. И. Лениным уже на первом этапе рассматриваемого периода нашли единственно правильное в создавшихся чрезвычайных условиях решение, в должной мере учитывавшее обе стороны труднейшей задачи — и обязательность разрушения старых карательных органов, и необходимость в сложившейся конкретной ситуации использовать по возможности некоторые их элементы и формы при создании новых органов управления. Руководствуясь марксистско-ленинским учением о необходимости коренного слома эксплуататорского государства, Советская власть, последовательно осуществляя ликвидацию военного аппарата, обеспечивавшего господство буржуазии и непосредственно связанного с выполнением карательных функций, вместе с тем впервые в истории сумела практически использовать некоторые его звенья, и прежде всего военно-технический и военно-регулирующий механизм, а также соответствующие кадры военных специали-

---

[227] Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 362, 363.
[228] Там же, стр. 371.
[229] С. М. Кляцкин. Ук. соч., стр. 53.

стов и служащих, в интересах упрочения социалистической революции.[230]

Принятие решительных мер против саботажников и разгром их руководящих центров,[231] последовательное проведение разъяснительной работы через печать, на массовых митингах, собраниях служащих различных ведомств,[232] издание Советским правительством и отдельными комиссариатами ряда постановлений, расширявших права низших и средних служащих и улучшавших их материальное положение, — все это вскоре дало определенные результаты — уже во второй половине ноября—декабре 1917 г. в бывших министерствах продовольствия, просвещения, почт и телеграфов, земледелия, государственного контроля и других прежних правительственных и городских ведомствах столицы появляются целые группы сторонников прекращения саботажа и признания новой власти.[233] Это свидетельствовало о начавшемся освобождении от влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий основной массы чиновников и служащих, учителей, медицинских работников и других представителей широких слоев интеллигенции, многие из которых, как указывала тогда «Правда», по своему фактическому положению являлись «пролетариатом в воротничках».[234] Этот важный признак, характеризовавший изменение политической позиции старых специалистов и служащих бывших министерств и буржуазной интеллигенции в целом, был четко зафиксирован В. И. Лениным, который, находясь в «Халила», писал, в частности, в конце декабря 1917 г.: «Без нас не обойтись — утешают себя привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты. Их наглый расчет не оправдывается: образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала».[235]

В первый же месяц нового, 1918 г. в результате гибкой и дальновидной политики руководимых В. И. Лениным ЦК РСДРП(б) и СНК, удачно сочетавшей революционные действия против активных саботажников с проведением среди основной массы служащих и интеллигенции разъяснительной работы, а также в связи с общими успехами в распро-

---

[230] Подробнее см.: Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970, стр. 123—162 и др. — Это же обстоятельство следует несомненно иметь в виду и при характеристике столь же сложного и довольно длительного процесса ликвидации в стране старых милицейских и судебно-следственных учреждений буржуазного государства. См.: М. П. Ирошников, В. П. Портнов. Об особенностях революционного слома буржуазных карательных учреждений в России. — Правоведение, 1970, № 3.

[231] См., например: О. Ф. Соловьев. Ук. соч.; Д. Л. Голинков. Крах вражеского подполья. М., 1971.

[232] За три первых послеоктябрьских месяца, например, только Петроградским комитетом РСДРП(б) было организовано не менее 585 таких митингов и собраний (Очерки истории Ленинградской организации КПСС, часть II. Л., 1968, стр. 12).

[233] См., например: Правда, 18 ноября 1917 г. Трибуна государственных служащих, 2 декабря 1917 г., стлб. 56; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 7, л. 14.

[234] Правда, 26 ноября 1917 г.

[235] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 198.

странении и упрочении Советской власти по всей стране и крушением иллюзий, связанных с Учредительным собранием, организованный массовый саботаж государственных чиновников и служащих был ликвидирован.[236] Ликвидация саботажа чиновников, быстро расширявшееся участие ученых, педагогов, артистов, писателей, художников в работе Наркомпроса и деятельности подведомственных ему различных культурных, учебных заведений, печатных изданий и т. д.,[237] успешный ход переговоров Советского правительства с руководством отечественной Академии наук об ее сотрудничестве в деле изучения естественных богатств страны,[238] наконец, удачный опыт привлечения сравнительно многочисленной группы известных военных специалистов-генералов и офицеров старой армии к организации обороны столицы в дни наступления германских войск на Петроград в феврале 1918 г.,[239] — все эти и ряд других подобных фактов создали условия для перехода ко второму этапу формирования основного состава служащих советского аппарата управления.

Привлечение весной 1918 г. буржуазных специалистов, завершение процесса формирования основного состава советских служащих

В новых условиях, когда, по выражению В. И. Ленина, «масса саботажников» пошла «на службу»,[240] вопрос об использовании буржуазных специалистов приобретал особо важное значение. «Отсюда вытекает, что привлечение к работе буржуазной интеллигенции, — писал В. И. Ленин в марте 1918 г., — является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня».[241] Не ограничиваясь каким-либо ведомством или отдельной отраслью экономической и культурной жизни страны, принципиально положительное решение этого вопроса в целом существеннейшим образом сказалось на общей направленности деятельности Советской власти в рассматриваемый период. Более того, как уже отмечалось выше, подобная постановка проблемы использования буржуазной интеллигенции нашла свое отражение в практической деятельности партии в переходный период от капитализма к социализму — именно поэтому в принятой в марте 1919 г. VIII съездом РКП(б) новой Программе партии

---

[236] М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата, стр. 271, 272.

[237] См.: И. С. Смирнов. Ук. соч., стр. 217—219, 325 и др.; Советская интеллигенция. (История формирования и роста, 1917—1965 гг.), стр. 19—79.

[238] См.: И. С. Смирнов. Ук. соч., стр. 236—274; Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 262—282; В. И. Ленин и Академия наук. Сб. документов под ред. акад. П. Н. Поспелова. М., 1969, стр. 23—38; А. В. Кольцов. Ук. соч., стр. 34—64.

[239] А. Л. Фрайман. Революционная защита Петрограда в феврале—марте 1918 г., стр. 150, 151.

[240] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 179.

[241] Там же, т. 36, стр. 159.

вопросу о буржуазных специалистах было уделено весьма большое внимание.[242] «Вопрос о специалистах, — пояснял, в частности, В. И. Ленин на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г., — должен быть поставлен шире. Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся».[243]

Ленинский подход к решению проблемы буржуазной интеллигенции основывался на глубоком обобщении опыта пролетарской революции в первые послеоктябрьские месяцы. Исключительная важность этого была подчеркнута В. И. Лениным еще в декабре 1917 г., когда он писал: «...сейчас все дело *в практике*... наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...».[244] Блестящим образцом умения оценить изменившуюся обстановку и внести соответственно этому коррективы в политику является разработка В. И. Лениным весной 1918 г., в период «мирной передышки», очередных социальных, политических и экономических задач Советской власти. «...к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически», — указывал В. И. Ленин в мае 1918 г.[245] В советской литературе довольно обстоятельно изучена история создания известной ленинской работы «Очередные задачи Советской власти», достаточно подробно изложены и проанализированы основные положения этого программного труда.[246] Поэтому остановимся лишь на некоторых выводах В. И. Ленина — тех, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу.

Первое, на что необходимо обратить внимание, заключается, на наш взгляд, в следующем. В. И. Ленин прежде всего глубоко раскрыл конкретные особенности наступившего в развитии революции нового этапа и обосновал необходимость широкого использования буржуазных специалистов в интересах социалистического строительства и укрепления обороны Республики Советов. «Наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов, — указывал он и подчеркивал далее. — Это положение является основным для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти. Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию такого учета и контроля».[247] Иными словами, В. И. Ленин вновь обратил внимание на первостепенную важность ис-

---

[242] Там же, т. 38, стр. 165; Восьмой съезд РКП(б), стр. 399, 404 и др.
[243] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 6.
[244] Там же, т. 35, стр. 202.
[245] Там же, т. 36, стр. 383.
[246] См., например: Лениниана. Библиография произведений В. И. Ленина и литературы о нем. 1956—1967. М., 1971, т. 1, стр. 375—379.
[247] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 181—182.

пользования достижений государственного капитализма в области организационно-технического управления производством для перехода к строительству социалистического общества. Как отмечалось в докладе Председателя Совнаркома об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г., этот кардинальный вывод был сделан им еще до Октябрьской революции в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «...я говорил тогда, что государственный капитализм есть шаг к социализму; я писал это в сентябре 1917 г. и теперь, в апреле 1918 года...».[248] Поясняя, что значило бы в Советской России «обеспечение основ такого государственного капитализма», В. И. Ленин в этом же выступлении говорил: «...если бы мы имели в России его, тогда переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролированное и обобществленное, а нам-то не хватает как раз этого...».[249]

Но успешное использование наследия, оставленного крупными капиталистическими объединениями, при построении новой организации общественного производства и системы его управления в сложнейшей обстановке, когда развитие революции в Западной Европе замедлилось и запоздало, а первому пролетарскому государству приходилось принимать срочные меры к спасению от голода, разрухи и реального военного нашествия, в свою очередь могло быть осуществлено фактически лишь при условии обеспечения содействия «буржуазной интеллигенции в деле новых организационных проблем Советской власти».[250] Обстоятельно разъясняя эту мысль в первоначальном варианте работы «Очередные задачи Советской власти», В. И. Ленин, в частности, писал: «Неудивительно поэтому, что для решения практических задач социализма, когда на очередь поставлена организационная сторона его, мы необходимо должны привлечь к содействию Советской власти большое число представителей буржуазной интеллигенции, в особенности из числа тех, кто был занят практической работой организации крупнейшего производства в капиталистических рамках, и значит в первую голову — организацией синдикатов, картелей и трестов».[251] Именно в этом смысле, указывая на обязательность при социализме «движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на основе достигнутого капитализмом», В. И. Ленин в окончательном тексте своей знаменитой работы подчеркивал, что без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен.[252] И, наоборот, единственно правильный путь, на котором, по его мнению, можно было «создать мост, ведущий от старого, капиталистического — к новому, социалистическому обществу», был путь соеди-

[248] Там же, стр. 256.
[249] Там же, стр. 255.
[250] Там же, стр. 139.
[251] Там же, стр. 138.
[252] Там же, стр. 178.

нения энергии и работы трудящихся масс со знаниями и опытом буржуазной интеллигенции.[253]

Всесторонне обосновав общее, принципиальное отношение пролетариата и его государства к буржуазной интеллигенции, В. И. Ленин вместе с тем впервые в марксистской теории разработал конкретные и, как показала в дальнейшем историческая практика, наиболее действенные методы ее вовлечения в социалистическое строительство. Рассматривая использование старых специалистов как одну из форм классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры, В. И. Ленин на основе тщательного анализа социальной природы буржуазной интеллигенции, ее идеологии, привычек, образа жизни и т. д., убедительно показал необходимость дифференцированного подхода к решению проблемы в зависимости от меняющейся обстановки, а также от политической позиции различных ее слоев. Так, в первые послеоктябрьские месяцы пролетариат вел борьбу с капиталом в основном методом «красногвардейской атаки». Как пояснял В. И. Ленин, это было обусловлено тремя обстоятельствами: «во-первых, капитал *тогда* сопротивлялся по-военному... Во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план методы управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом». Наконец, в-третьих, указывал В. И. Ленин, «тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники, ибо они либо сражались в рядах Богаевских, либо имели еще возможность оказывать систематическое и упорное пассивное сопротивление *саботажем*».[254]

На новом этапе развития революции, когда в результате успешной «красногвардейской атаки» и военное, и саботажническое сопротивление буржуазии было сломлено, а пролетарская власть накопила некоторый, хотя и не слишком значительный, опыт управления страной, следовало несомненно изменить и методы классовой борьбы. «Мы побеждали методами подавления, — указывал В. И. Ленин, — мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства».[255] В связи с этим в отношении к буржуазной интеллигенции на первый план выдвигалось теперь не подавление, не насилие («Заставить работать из-под палки целый слой нельзя...»),[256] а задача убеждения и воспитания, — надо было «победить, переделать, переварить, перевоспитать ее».[257] Именно поэтому, подтвердив обязательность «красногвардейского» подавления прямых выступлений контрреволюции, В. И. Ленин сделал в статье «Очередные задачи Советской власти» кардинальный вывод: «Но мы не будем так глупы, чтобы на первое место ставить „красногвардейские“ приемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских

[253] Там же, стр. 138.
[254] Там же, стр. 177—178.
[255] Там же, стр. 178.
[256] Там же, т. 38, стр. 167.
[257] Там же, т. 41, стр. 101.

атак в основном закончена (и закончена победоносно) и когда в дверь стучится эпоха использования пролетарскою государственною властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия».[258]

Большой интерес представляют также (это уже отмечалось в литературе[259]) и указания В. И. Ленина о непосредственных способах привлечения буржуазных специалистов к сотрудничеству с Советской властью. В одном из разделов статьи, озаглавленном «Новый фазис борьбы с буржуазией», В. И. Ленин четко определил два основных способа, которые были возможны в сложившихся весной 1918 г. условиях периода «мирной передышки»: «лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-старому, по-буржуазному (т. е. за высокую плату), либо по-новому, по-пролетарски (т. е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собою подчинила и привлекла бы специалистов»).[260]

Более того, В. И. Ленин убедительно доказал, что в сложившихся в России весной 1918 г. условиях пролетарская власть, хотя и сумела победить саботаж, но обстановки, предоставляющей в ее распоряжение буржуазных специалистов, создать все же не смогла.[261] Причины, которые не дали возможности в полной мере обеспечить в первые послеоктябрьские месяцы всесторонний контроль над производством и потреблением, являвшийся главным условием «пролетарского» пути привлечения буржуазной интеллигенции, довольно хорошо освещены в литературе, и поэтому ограничимся простым их перечислением: общая социально-экономическая отсталость России, преобладание в хозяйстве страны мелкотоварного уклада, тяжелое наследие империалистической войны и сопутствовавшей ей экономической разрухи, наконец, ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов, для преодоления которого потребовалась «красногвардейская атака на капитал». Учитывая все эти обстоятельства, В. И. Ленин и выступил, как мы уже знаем, при обсуждении в ЦК РКП(б) в марте 1918 г. общего социально-политического курса на новом этапе революции за использование фактически единственно реального в создавшейся тогда конкретной ситуации пути — «буржуазного» способа привлечения старой интеллигенции и специалистов. Несколько позднее, в апреле 1918 г., он так писал об этом в статье «Очередные задачи Советской власти»: «Нам пришлось теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату „услуг“ крупнейших из буржуазных специалистов».[262]

Как известно, при утверждении курса на привлечение буржуазной интеллигенции к сотрудничеству с пролетарской властью В. И. Ленину

---

[258] Там же, т. 36, стр. 178.
[259] А. В. Красникова. Ук. соч., стр. 39.
[260] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 179.
[261] См.: там же.
[262] Там же, стр. 179, 180. — Подробнее об этом см.: А. В. Красникова. Ук. соч., стр. 40—43.

и поддержавшему его линию большинству ЦК партии и местных партийных организаций пришлось преодолеть довольно длительное и упорное сопротивление. Уже в начале 1918 г. в связи с решением создавать регулярную Красную Армию в большевистской партии выявились разногласия по вопросу об использовании в этих целях старых военных специалистов. И когда в марте 1918 г. ЦК РКП(б) организовал совещание руководящих военных работников партии под председательством В. И. Ленина, то, по свидетельству участника этого совещания А. Ф. Мясникова, многие ораторы высказались против привлечения на службу в Красной Армии старых кадровых офицеров. Подводя итоги этого совещания, В. И. Ленин решительно заявил: «Вы попросили выслушать вас, мы вас выслушали, весьма благодарны за информацию, а теперь разрешите нам, Центральному Комитету партии, вынести решение по данному вопросу, использовав, разумеется, и ваш опыт, и ваши советы».[263]

Особенно острую борьбу ЦК РКП(б) и СНК во главе с В. И. Лениным пришлось выдержать с группой «левых коммунистов», выступивших с резкими нападками на политику использования услуг буржуазных специалистов. Не понимая исторической необходимости такого шага, «левые коммунисты» расценивали ленинский курс на широкое использование старых «спецов» в армии и во всех отраслях народного хозяйства как политику «восстановления руководительства капиталистов», «бюрократической централизации Советской республики и кабинетных сделок с буржуазными и мелкобуржуазными дельцами».[264] Именно такого рода глубоко ошибочную позицию имел в виду В. И. Ленин, когда в первоначальном наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» отмечал: «Было бы до смешного нелепо, если бы в таком привлечении (буржуазной интеллигенции, — *М. И.*) усматривали бы какое-то шатание власти, какое-то отступление от принципов социализма или какой-то недопустимый компромисс с буржуазией».[265] Это же обстоятельство вновь было подчеркнуто В. И. Лениным в окончательном тексте статьи: «Удивительно ли, что некоторых „революционеров“, когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают „громить“ нас за забвение традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное?

Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма, недостает понимания того особого и особо „неприятного“ состояния, через которое неминуемо должна была

---

[263] А. Ф. Мясников. Мои встречи с товарищем Лениным. — В кн.: Ленин и Красная Армия. М., 1958, стр. 37—38.

[264] См.: Коммунист, 1918, № 1, стр. 8.

[265] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 159.

пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной...».[266]

Как убедительно показано в различных выступлениях и печатных работах В. И. Ленина, относящихся к весне 1918 г., и в подходе к кардинальной внешней проблеме — заключению Брестского мирного договора, и в решении коренных вопросов внутренней политики в своих нападках на линию ЦК РКП(б) и СНК «левые коммунисты» фактически повторяли доводы, исходившие из лагеря буржуазных и мелкобуржуазных партий. Особенно наглядно это выявилось на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г., на котором с докладом об очередных задачах Советской власти выступил В. И. Ленин. Охарактеризовав основное содержание и особенности внешней и внутренней политики пролетарского государства в условиях нового этапа социалистической революции, Председатель Совнаркома специально остановился и на значении широкого привлечения к советскому строительству буржуазных специалистов. Нужно «повести к себе на службу буржуазию и ее техников и ее буржуазных специалистов, — вновь подчеркнул В. И. Ленин, — ... их знания, их опыт и труд нам нужны, без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма».[267]

Развернувшиеся после доклада главы Советского правительства прения убедительно показали, что в образовавшемся в это время, по словам В. И. Ленина, «едином демократическом фронте» от Милюкова до Мартова действительно не было сделано сколько-нибудь серьезной попытки объективно разобраться и правильно оценить выдвинувшиеся перед пролетарским государством первоочередные задачи организации управления, дисциплины, учета и контроля.[268] С демагогической шумихой о соглашательстве «правых большевиков» и забвении ими принципов Октября, их примирении с капиталистами и преклонении перед буржуазной наукой, техникой и культурой на В. И. Ленина и ленинцев обрушились и меньшевики, и эсеры, и анархисты. Так, в который уже раз сославшись на отсутствие «созревших социальных условий» для государства российского пролетариата, Ю. Мартов вновь предсказал неминуемое превращение (теперь в результате нового курса Советской власти) пролетарской диктатуры «в диктатуру контрреволюции, ликвидирующую все завоевания демократической революции».[269] Обвинив В. И. Ленина не больше не меньше, как сначала в сознательном насаждении в стране мелкобуржуазной стихии, а затем в прямом сговоре с крупной буржуазией (разумеется, за счет пролетариата), столь же безапелляционно пророчествовал о предстоящей в ближайшем будущем

---

[266] Там же, стр. 207.
[267] Там же, стр. 263.
[268] Там же, стр. 245.
[269] Четвертый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. Протоколы и стенограммы заседаний Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва. М., 1919, стр. 226.

капитуляции Советской власти и представитель фракции эсеров центра Лихач.[270]

Левые эсеры вновь, как и при решении вопроса о Брестском мирном договоре, наглядно продемонстрировали свою двойственность и непоследовательность. Приветствуя «значительную часть практических предложений т. Ленина», выступивший от их фракции В. А. Карелин одновременно заявил: «Я понимаю, когда обсуждают эти вопросы лишь с практической стороны. Но когда все это предлагают как общую программу Советской власти, это непонятно».[271] Более того, обвинив В. И. Ленина в умолчании, скрытии оснований, на которых «будет заключено деловое соглашение с представителями буржуазии», В. А. Карелин совершенно недвусмысленно высказал точку зрения левых эсеров по этому вопросу: «...для нас ясно, что здесь политическое соглашение с определенной социальной подкладкой. Это определенный шаг назад... Против этой коалиции мы будем бороться, если даже в своей позиции нам придется остаться одним».[272]

Против ленинской линии по вопросу о привлечении буржуазной интеллигенции выступили также представитель анархистов А. Ю. Ге и один из лидеров группы «левых коммунистов» Н. И. Бухарин. Поставив под сомнение правильность и возможность осуществления выдвинутого ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным нового политического курса, А. Ю. Ге подчеркнул, что «с саботажниками не надо разговаривать так, как разговаривают большевики», и потребовал решительного применения метода насилия и репрессий по отношению к буржуазной интеллигенции: надо «наступить коленкой на грудь» каждому специалисту, приставить винтовку и предъявить ультиматум, — если он не будет работать, то пусть прощается с жизнью.[273] В плену мелкобуржуазной идеологии оказался и Н. И. Бухарин, который, признав необходимость привлечения технических сил, в то же время высказал принципиальное несогласие с точкой зрения большинства во главе с В. И. Лениным, возражал против получения старыми «спецами» высоких окладов.[274]

В своем заключительном слове Председатель Совета Народных Комиссаров показал полную несостоятельность нападок лидеров представленных во ВЦИК мелкобуржуазных партий, в выступлениях которых не было даже попытки разумной оценки сложившейся обстановки, реального учета сил, но зато можно было легко обнаружить мечту о свержении Советской власти.[275] «Все эти фразы о диктатуре и т. д., в которых все эти Мартовы и Карелины сходились, которые два раза переписываются кадетской печатью, все они ни к чему», — говорил В. И. Ленин.[276]

---

[270] См.: там же, стр. 227, 228.
[271] Там же, стр. 222.
[272] Там же.
[273] Там же, стр. 230, 231.
[274] Там же, стр. 233, 234.
[275] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 245.
[276] Там же, стр. 272.

Как известно, весной 1918 г. демагогические лозунги «левых» («левых коммунистов» и анархистов), пользовавшихся поддержкой некоторой части рабочей массы, представляли, пожалуй, наиболее серьезную опасность для повсеместного осуществления новой политики пролетарской власти в отношении буржуазных специалистов. Именно поэтому особенно резко глава Советского правительства осудил высказывания по данному вопросу А. Ю. Ге и Н. И. Бухарина, которые, не сумев понять всей сложности и своеобразия нового этапа пролетарской революции, пытались по сути дела найти решение труднейшей проблемы многочисленных кадров старых специалистов и интеллигенции с помощью «левой фразы». В. И. Ленин определил выступление А. Ю. Ге как полную нелепость, как «непонимание того, к чему винтовка служит».[277] Как серьезное политическое заблуждение охарактеризовал В. И. Ленин и выступление Н. И. Бухарина. Указав, что «гвоздь дела» состоит в отсутствии в распоряжении Советской власти должного числа первоклассных специалистов, В. И. Ленин подчеркнул, что именно поэтому нужно их найти и возможно шире привлечь к работе, хотя бы и за высокую плату. «Мы не представляем себе другого социализма, — говорил он, — как основанного на основах всех уроков, добытых крупной капиталистической культурой. Социализм без почты, телеграфа, машин — пустейшая фраза».[278]

В связи с этим нельзя не обратить внимания и на содержавшуюся в данном выступлении В. И. Ленина критику взглядов Н. И. Бухарина, взявшегося рецензировать ленинский труд «Государство и революция». Как сказал В. И. Ленин, все, что было ценного в этой в общем одобрительной рецензии, потеряло для него всякую ценность, ибо «Бухарин не увидел того, что нужно было увидеть, и это случилось потому, что он писал свою рецензию в апреле, а брал в цитатах то, что уже для апреля устарело, что является вчерашним, именно то, что нужно разбить старое государство». «Это мы уже сделали, — заключил В. И. Ленин, — это — задача вчерашнего дня, и надо идти вперед и смотреть не на прошлое, а на будущее и создавать государство коммуны; он писал о том, что уже воплощено в советских организациях, а умолчал о том, что касается учета, контроля, дисциплины».[279] Развитие событий подтвердило справедливость взглядов В. И. Ленина на роль буржуазной интеллигенции в организации нового аппарата управления, в строительстве основ социализма.

Уже в начале 1918 г. был предпринят ряд новых практических шагов, направленных на широкое привлечение старых специалистов и служащих к сотрудничеству с пролетарской властью, к участию в деятельности раз-

---

[277] Там же.

[278] Там же. — Отметив, что Н. И. Бухарин «неправ совершенно», и сообщив о намерении выступить «в печати об этом, потому что вопрос этот чрезвычайно важен» (там же, стр. 268), В. И. Ленин вскоре выполнил свое обещание, подвергнув в опубликованной 9, 10 и 11 мая 1918 г. в «Правде» работе «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности» сокрушающему критическому анализу позицию лидера «левых коммунистов» (там же, стр. 283—314).

[279] Там же, стр. 264.

личных советских учреждений. Так, в январе 1918 г., вскоре после издания декрета Совета Народных Комиссаров о всеобщей повинности по очистке снега в Петрограде и на Петроградском железнодорожном узле, народный комиссар труда А. Г. Шляпников обратился ко всем домовым комитетам и районным советам столицы со специальным, несомненно согласованным с Председателем СНК В. И. Лениным [280] разъяснением, которое свидетельствовало о стремлении Советского правительства дифференцированно подходить к проведению декрета, предоставив особые льготы для специалистов-медиков и других медицинских работников. «В интересах здравоохранения, — говорилось в разъяснении, — все врачи, фельдшеры и другой медицинский персонал действующих лазаретов, госпиталей, лечебниц и больниц подлежат освобождению от принудительного привлечения к очистке от снега улиц Петрограда и его окрестностей».[281] В феврале—начале марта несколько решений, связанных с расширявшимся использованием старых служащих, приняла Коллегия Народного комиссариата путей сообщения. В частности, в соответствии с решением коллегии от 22 февраля все привлекавшиеся для разрешения вопросов технического характера специалисты — члены Инженерного Совета бывшего министерства обеспечивались постоянной службой или периодическим вознаграждением.[282] Заслушав на своем заседании 1 марта заявление представителей служащих комиссариата, коллегия НКПС приняла постановление, достаточно ясно выражавшее ее позицию: «Вопрос о разделении служащих Комиссариата путей сообщения на вновь поступивших и старых служащих передать на разрешение Викжедора. Со своей стороны коллегия полагает, что такого деления быть не должно».[283] Примерно с таких же в общем позиций (с предпочтением, правда, для высококвалифицированных специалистов, стоявших на советской платформе) решался обычно вопрос об отношении к представителям старых служащих и интеллигенции и в других советских учреждениях. Например, рассмотрев на заседании 21 марта вопрос о приеме новых сотрудников в Комиссариат, коллегия НКВД постановила: «Из всех поступивших заявлений выбрать партийных товарищей и специалистов; направить их в те отделы, из которых поступили требования, для окончательных переговоров и прохождения двухнедельного стажа».[284]

Как мы уже знаем, в тревожные дни февраля 1918 г., когда, несмотря на мирные переговоры, германские войска начали новое наступление на революционную столицу, с особой остротой встал и вопрос о привлечении старых военных специалистов. В создавшейся угрожающей обстановке, отмечалось в «Общем очерке деятельности Высшего Военного Совета и реконструкции его», Советское правительство «признало необхо-

---

[280] Достаточно сказать, что текст «разъяснения» написан на бланке Совета Народных Комиссаров.

[281] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 8.

[282] ЦГАНХ СССР, ф. 1884, оп. 28, № 572а, л. 1а.

[283] Там же, л. 8 об.

[284] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, № 6а, л. 63.

димым вызвать в Петроград личный состав бывшей Ставки, главным образом оперативной части. Этот личный состав с всесторонним боевым и организаторским опытом, оставшийся преданным стране при всех пережитых политических переворотах, влился в образованный чрезвычайно-полномочный „Революционный комитет обороны страны и Петрограда", перед которым стояла ответственная задача собрать наличные вооруженные силы Республики, еще пригодные для боевой работы, организовать их и соответственно направить их прежде всего для защиты Петрограда и Петроградского района».[285] Опираясь на этот, а также другой положительный опыт использования старых военспецов, имевший место в первые послеоктябрьские месяцы,[286] Совет Народных Комиссаров в начале марта 1918 г. создал новый высший военный орган страны — Высший военный совет, военным руководителем которого был назначен начальник штаба Ставки верховного главнокомандующего старой армии генерал М. Д. Бонч-Бруевич, а его аппарат составили в основном генералы и офицеры штаба Ставки, согласившиеся сотрудничать с Советской властью.[287] Вскоре, в 20-х числах марта, с санкции Совета Народных Комиссаров и его Председателя В. И. Ленина Высший военный совет и другие руководящие военные органы издают ряд приказов и обращений, открывших старым военным специалистам широкий доступ в ряды Красной Армии.[288] В результате уже к осени 1918 г. в военных учреждениях, воинских частях и подразделениях Советского государства насчитывалось 526 бывших офицеров Генерального Штаба (в том числе 160 генералов и 200 полковников и подполковников), т. е. свыше трети общего количества офицеров Генштаба (1450 человек), служивших в старой армии накануне Октябрьской революции.[289] К концу 1918 г. старые военные специалисты составляли более 75% всего командного состава Красной Армии.[290]

После принятия ЦК РКП(б) и Советом Народных Комиссаров нового политического курса, провозглашенного в ленинской программной работе «Очередные задачи Советской власти», темпы и размеры использования буржуазной интеллигенции в строительстве пролетарского государствен-

---

[285] ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, № 115 (ч. 2), л. 370.

[286] Достаточно, например, сказать, что уже в добровольческий период существования Красной Армии в ее состав было привлечено, по неполным данным, около 8 тыс. бывших генералов и офицеров (История гражданской войны в СССР, т. 3, М., 1957, стр. 226).

[287] ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, № 115 (ч. 2), л. 370 об.; С. И. Аралов. В. И. Ленин и Красная Армия. М., 1958, стр. 11; Я. Зимин. В. И. Ленин и создание высших органов военного руководства Советского государства (1917—1920 гг.). — Военно-исторический журнал, 1968, № 6.

[288] Подробнее о начале осуществления ленинского плана строительства советских вооруженных сил см.: С. М. Кляцкин. Ук. соч., стр. 146—161; Ю. И. Кораблев. Ук. соч., стр. 229—270.

[289] А. М. Иовлев. Разработка и осуществление ленинской политики в отношении специалистов старой армии (1917—1920). — Вопросы истории КПСС, 1968, № 4, стр. 37.

[290] Ю. П. Петров. Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота. М., 1968, стр. 36.

ного аппарата резко возросли. «Считаю необходимым сообщить Вам для сведения, — писал, например, 10 апреля 1918 г. заведующий отделом личного состава Наркомзема руководителям других отделов этого комиссариата, — что в отдел личного состава Комиссариата земледелия в настоящий момент поступает значительное количество прошений от лиц, желающих поступить на службу в Комиссариат (агрономов, статистиков, экономистов, делопроизводителей, журналистов, чертежников и пр.)».[291] Аналогичным образом обстояло дело и в остальных наркоматах и других советских учреждениях. Более того, довольно многие из известных специалистов и организаторов капиталистического производства обращались с предложением своих услуг непосредственно к Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину. Так, например, в полученном 3 апреля письме московского юриста Н. М. Рохальского на имя В. И. Ленина говорилось: «...могу быть в данный момент весьма полезным Вам сотрудником — не на словах, а делом; а потому, предлагая свои услуги, прошу личной аудиенции».[292] В связи с этим в переписке Управления делами Совнаркома этого периода имеется немало отношений, препровождавших в тот или иной советский орган многих лиц, обратившихся к В. И. Ленину с различными деловыми предложениями. Так, в письме от 17 мая 1918 г., адресованном Председателю ВСНХ, в соответствии с полученными от В. И. Ленина указаниями Управление делами СНК обращало «серьезное внимание на это предложение».[293] «По имеющимся сведениям, — говорилось далее в письме, — инженер Владимир Павлович Казакевич большой делец и мог бы быть полезным как специалист в деле монополизации поташа. Предложение о табаке также значительно и серьезно».[294]

Вот еще лишь несколько примеров, убедительно характеризующих, на наш взгляд, проводившуюся ленинским Совнаркомом весной и летом 1918 г. последовательную политику, направленную на обеспечение возможно более широкого использования старых специалистов и служащих, буржуазной интеллигенции в интересах социалистического строительства во всех областях народного хозяйства страны. Так, 5 апреля 1918 г. Председатель СНК В. И. Ульянов (Ленин) подписал предписание всем Советам о недопустимости увольнения лесных специалистов.[295] На заседании СНК, состоявшемся 8 июля 1918 г. под председательством В. И. Ленина, Советское правительство, ассигновав ВСНХ для национализированных заводов «Сормово-Коломна» авансом в счет сметы 20 млн руб., одновременно сочло необходимым в своем постановлении по этому вопросу напомнить Председателю Президиума ВСНХ о том, что «он является

---

[291] ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 1, № 92, л. 2.

[292] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 473, л. 3. — Судя по помете управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевича на тексте данного письма («В комис[сариат] юстиции. В[ладимир] Б[онч]-Б[руевич]»), его автор был направлен в наркомат юстиции.

[293] Имеется в виду неизвестный нам текст с предложением инженера В. П. Казакевича, направленный, по-видимому, вместе с этим письмом УД СНК на рассмотрение в ВСНХ.

[294] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 64а, л. 59.

[295] Декреты Советской власти, т. II, стр. 54, 55.

ответственным за то, что инженеры и специалисты уходят со службы и ВСНХ, и подведомственных ему учреждений вследствие понижения окладов жалования», параллельно предложив как председателю ВСНХ, так и заместителю наркома труда принять срочные меры для ускорения выработки инструкций для рабочих и правлений национализированных предприятий, а также ставок для лиц, занимающих в частной промышленности руководящие должности по управлению: директора, мастера, управляющие, инженеры и пр.[296] 9 июля 1918 г. Председатель СНК В. И. Ульянов (Ленин) подписал предписание всем губернским земельным отделам привлечь агрономов и других специалистов сельского хозяйства к энергичной работе по специальности.[297]

Сохранившиеся интересные материалы Наркомпроса позволяют, на наш взгляд, с достаточной определенностью судить и о некоторых других сторонах процесса использования старых специалистов. Так, выступая на заседании Государственной комиссии по просвещению 6 апреля 1918 г., А. В. Луначарский в полном соответствии с недавно принятым (31 марта) ЦК РКП(б) известным решением о необходимости «привлекать к работе знающих, опытных, деловых людей» заявил, что «считает необходимым привлечение к работе опытных педагогов, которые могут дать Государственной комиссии ценный материал. В первую очередь должны быть привлечены лица из передового педагогического мира, близкие по своим взглядам к Советской власти».[298] Вместе с тем нарком просвещения специально обратил внимание на другое обстоятельство, представлявшее, пожалуй, особую важность в тот период. «Творчество в области педагогической, — подчеркнул он, — пока еще вообще довольно слабо, и для успешности реформ школы необходимо привлекать к делу лиц, ... считаясь лишь с их желанием работать с Советской властью и под контролем этой власти».[299]

Подобная постановка вопроса являлась несомненно отражением общей позиции Совнаркома и его Председателя В. И. Ленина. Любопытно, что этот вывод прямо подтверждается мемуарными источниками. Так, один из ответственных сотрудников Народного комиссариата просвещения В. Невский, привлеченный в Наркомпрос по рекомендации Н. К. Крупской и неоднократно встречавшийся по работе с В. И. Лениным, свидетельствует: «По поводу привлечения к ответственной работе людей беспартийных и даже прежде враждебных нашей партии (речь зашла об одном работнике Наркомпроса, бывшем эсере) Владимир Ильич сказал:

— Ну, какое нам дело, кем и чем он был раньше и что он неправильно думал. Лишь бы сейчас работал хорошо».[300] Как показывают материалы Наркомпроса, практика использования старых «спецов» пошла именно по этому пути. Особенно наглядно это видно из рассмотрения 24 апреля

[296] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, лл. 100, 101.
[297] Декреты Советской власти, т. II, стр. 629, 630.
[298] ЦГАНХ СССР, ф. 1943, оп. 1, № 33, л. 78.
[299] Там же.
[300] Известия, 18 ноября 1965. (Октябрьская страница).

1918 г. Малой государственной комиссией по просвещению вопроса о привлечении работников в дошкольный отдел. Докладывая по данному вопросу, Д. А. Лазуркина, руководившая дошкольным отделом, заявила, «что по инструкции только неответственные служащие могут быть непартийными, но среди специалистов партийных людей мало, а потому перед ней альтернатива: либо остаться без служащих, либо не считаться с партийностью».[301] В принятом по этому вопросу решении говорилось: «Предоставляется в каждом отдельном случае решать заведующему отделом самостоятельно. Кандидатов — ответственных работников представлять на утверждение Малой государственной комиссии».[302]

В рассматриваемый период так было не только в Наркомпросе, но и в большинстве остальных советских государственных учреждений. Так, по свидетельству упоминавшегося уже С. Голованова, значительная часть высших служащих бывшего министерства финансов, многие из которых состояли членами руководящих комитетов в период саботажа, «встретив примирительное отношение Советского правительства и лично В. И. Ленина ко всем желающим честно и добросовестно работать», осудила свое поведение и была восстановлена на работе. Наряду с этим руководители Народного комиссариата финансов привлекли к его деятельности многих известных ученых и практиков-специалистов, таких как А. А. Соколов, И. Х. Озеров, З. С. Каценеленбаум, Н. Н. Любимов, Н. А. Падейский и др., принявших, в частности, участие в работе образованного в 1918 г. Совещания по территориальному распределению государственных доходов и расходов.[303]

Огромную роль в расширении сотрудничества научно-технической интеллигенции с Советским государством сыграл известный ленинский «Набросок плана научно-технических работ» и связанный с его осуществлением целый ряд важнейших организационных мер. В январе 1918 г. при Наркомпросе был создан специальный отдел мобилизации научных сил на службу республике,[304] в феврале при ВСНХ учреждается Центральный совет экспертов,[305] наконец, 16 августа 1918 г. Председатель СНК В. И. Ленин подписывает декрет об образовании Научно-технического отдела (НТО) при ВСНХ.[306] Все эти мероприятия преследовали одну цель — объединить научные и технические силы страны для успешного решения неотложных экономических задач, перестройки народного хозяйства в интересах социалистического строительства. К активному участию в работе НТО, заведующим которого по рекомендации В. И. Ленина был назначен первый секретарь Совнаркома, инженер-технолог по образованию, Н. П. Горбунов,[307] в качестве экспертов и консультантов было при-

[301] ЦГАНХ СССР, ф. 1943, оп. 1, № 33, л. 90.
[302] Там же, л. 90—90 об.
[303] См.: С. Голованов. Ук. соч., стр. 88; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 9, л. 105.
[304] См.: И. С. Смирнов. Ук. соч., стр. 243.
[305] Газета, 28 февраля 1918 г.
[306] Декреты Советской власти, т. III, стр. 212—215.
[307] Э. И. Полякова. Н. П. Горбунов. — История СССР, 1968, № 5, стр. 58.

влечено около 800 ученых, инженеров и других высококвалифицированных специалистов, в том числе академики А. Н. Бах, А. Н. Крылов, А. Е. Ферсман, Н. С. Курнаков, Н. Д. Зелинский, А. Ф. Иоффе, И. М. Губкин, Д. Н. Прянишников, А. Е. Фаворский, Н. Е. Жуковский и др.[308] О значительности успехов Советской власти в привлечении старых специалистов и интеллигенции красноречиво свидетельствуют следующие цифры: примерно через год, на 26 июля 1919 г., Главное бюро учета и распределения научно-технических сил НТО ВСНХ зарегистрировало 29 122, а в 1920 г. — 50 275 специалистов, работавших на предприятиях и в учреждениях различных ведомств и народных комиссариатов.[309]

Выше уже отмечалось, что процесс использования старых квалифицированных кадров встречал немало противников, и дело не обходилось без помех и осложнений. В ходе практического осуществления курса на привлечение «деловых людей» ЦК РКП(б) и Совнаркому, В. И. Ленину пришлось не только выдержать упорную борьбу с разного рода оппортунистическими группами, но и преодолеть довольно серьезное сопротивление некоторой части партийных работников, с большим опасением и недоверием относившихся к буржуазным «спецам». Особо отчетливо это проявлялось в вопросе о «военспецах», использование которых на руководящих должностях в советских военных учреждениях и Красной Армии часто вызывало резко отрицательную реакцию даже со стороны ряда опытных партийных работников, которым, как вспоминал член партии с 1896 г. С. И. Гусев, входивший в первые годы Советской власти в число военных руководителей Республики, было весьма трудно «переломить себя».[310] Определенным показателем опасности подобного рода настроений может, в частности, служить такой интересный факт. В материалах ЦГАСА сохранилось датированное 31 мая 1918 г. письмо военного руководителя Высшего Военного Совета М. Д. Бонч-Бруевича, который обоснованно подчеркивал: «Вполне признавая, что упоминание „о контрреволюционных генералах и офицерах“ в воззваниях правительства имеет свои основания, тем не менее для пользы дела формирования необходимой армии ходатайствую о том, чтобы Правительство разъяснило народу, что наряду с контрреволюционными генералами и офицерами, изменниками вроде Скоропадского и Краснова, существуют и самостоятельно работают над созданием армии бывшие генералы и офицеры другого типа, вполне преданные России и русскому народу».[311] Как видно из пометы-резолюции, сделанной на полях этого документа другим членом ВВС — политическим комиссаром В. А. Антоновым-Овсеенко, данное ходатайство было направлено в Наркомвоен для представления в Совет Народных Комиссаров. «Огульное безоговорочное упоминание о контрреволюционных офицерах, — писал в связи с этим В. А. Антонов-Овсеенко, — безусловно

[308] В. А. Ульяновская. Ук. соч., стр. 64, 65.

[309] Там же, стр. 64; С. А. Федюкин. Советская власть и буржуазные специалисты, стр. 114.

[310] С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия, М., 1958, стр. 44.

[311] ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, № 88 (ч. 2), л. 81—81 об.

крайне вредно для дела формирования новой армии, и заявление правительства было бы желательно в указанном смысле».[312]

Еще более наглядным отражением отмеченной выше тенденции и даже, пожалуй, своеобразным логическим ее завершением явились два специальных постановления, принятые по интересующему нас вопросу в мае 1918 г. таким авторитетным советским органом, как Комиссия Совета Народных Комиссаров (Малый Совнарком). Первое из них — о регистрации ответственных сотрудников, принятое Малым СНК 19 мая, было сразу же опротестовано в Большом Совнаркоме и, как видно из разосланного во все ведомства уведомления Малого СНК от 20 мая, объявлено недействительным.[313] Еще больший интерес представляет история второго постановления. Заслушав 23 мая заявление заместителя наркома финансов Д. П. Боголепова, Малый СНК постановил: «Признать недопустимым замещение ответственных постов в правительственных учреждениях лицами, не стоящими на платформе Советской власти, и предложить всем народным комиссариатам в недельный срок отстранить таких лиц от административных должностей и об этом исполнении письменно донести».[314] Как видно из протокола утверждения постановлений Комиссии при СНК от 23 мая, Большой Совнарком и в первую очередь, конечно, его Председатель В. И. Ленин, как известно, обязательно просматривавший все материалы Малого СНК, не признали достаточно обоснованным приведенное выше решение. В принятом в связи с этим постановлении Советского правительства говорилось: «Приостановить, впредь до выяснения более точного смысла и повода этого постановления».[315] Но фактически это означало отмену решения Малого СНК: протоколы заседаний Комиссии при СНК за июнь—июль 1918 г. показывают, что, получив, по-видимому, соответствующие указания В. И. Ленина, Комиссия так и не вернулась больше к рассмотрению данного вопроса.

Этот эпизод весьма убедительно показал, по всей вероятности, Советскому правительству и его главе настоятельную необходимость принятия дополнительных мер, которые бы еще больше разъяснили и, возможно, в чем-то конкретизировали принятый партией общий курс на широкое использование «деловых людей» во всех областях советского государственного и хозяйственного строительства. Как нам представляется, именно в связи с этим 10 июня 1918 г. и было принято новое постановление Совета Народных Комиссаров, известное в литературе как постановление «О работе специалистов».[316] Заслушав доклады председателя ВСНХ и председателя Комитета государственных сооружений об утверждении состава Комитета,[317] Советское правительство, санкционировав утверждение

---

[312] Там же.
[313] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 62, л. 41 об.
[314] Там же, № 3, л. 16.
[315] Там же, л. 17 об.
[316] Ленинский сборник, XXI, стр. 132.
[317] В материалах СНК сохранилась адресованная В. И. Ленину докладная записка председателя Комитета государственных сооружений М. П. Павловича, со-

представленных кандидатур Президиумом ВСНХ (пункт первый), вместе с тем вторым пунктом постановления утвердило написанный В. И. Лениным проект, в соответствии с которым Председателю или Президиуму ВСНХ поручалось «опубликовать принципиальные основы нашей политики в деле привлечения инженеров как для работы в комиссиях специалистов, так и на административных постах, условия гласности, критики со стороны рабочих организаций и т. д.».[318] Одновременно Президиуму ВСНХ было поручено (пунктом третьим постановления, который, возможно, был также внесен В. И. Лениным) «разработать план устройства конкурса при привлечении специалистов на ответственные советские посты».[319] А на следующий день, 11 июня, утвердив Временное положение о Комитете государственных сооружений, Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина внес, в частности, в его текст важную поправку «В», совершенно четко выразившую принципиальную позицию Советского правительства по рассматриваемому вопросу. «Согласно установившемуся порядку, — гласил текст поправки СНК, — утверждается как общее правило, что при назначении ответственных лиц на советские посты соответствующие комиссариаты обязаны представлять списки этих лиц на утверждение Совета Народных Комиссаров».[320] И надо сказать, что в дальнейшем это постановление достаточно строго соблюдалось в работе Совнаркома.

Так, при утверждении 25 июня 1918 г. протокола № 61 заседания Малого СНК от 22 июня Советское правительство предписало, в частности, ВСНХ и его Химическому отделу представить список ответственных лиц «Центроцемента» и сведения о том, с какого срока он функционирует.[321] Продиктованная жизнью необходимость особого подхода к кандидатурам на ответственные посты в советском госаппарате вскоре нашла также свое выражение и в декрете СНК об оплате труда служащих и рабочих в советских учреждениях от 27 июня 1918 г. А именно, в примечании к пункту 1 первой главы декрета говорилось: «Ответственные должности и должности, требующие политического доверия, в советских учреждениях могут замещаться лицами, приглашаемыми ответственными политическими руководителями этих учреждений помимо бирж труда. Такие лица зачисляются на службу лишь по представлении ими регистрационной карточки биржи труда».[322]

Еще в первоначальном варианте труда «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин, отмечая несостоятельность опасений некоторой

держащая политическую и деловую характеристику кандидатур на посты членов Распорядительного бюро Комитета, а также список инженеров — кандидатов на должности остальных сотрудников Комитета (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 136. л. 26—26 об., и др.).

[318] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 399.

[319] Ленинский сборник, XXI, стр. 132.

[320] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 31.

[321] Там же, л. 62.

[322] Декреты Советской власти, т. II, стр. 488.

части членов партии, указывал, что «...старого положения так называемым вождям промышленности, — старого положения начальников и эксплуататоров, — этого старого положения Советская власть не даст им никогда. Прежние вожди промышленности, прежние начальники и эксплуататоры должны занять место технических экспертов, руководителей, консультантов, советчиков».[323] Несколько позднее, в мае 1918 г., в работе «О левом ребячестве и мелкобуржуазности», подробно проанализировав тезис «левых коммунистов» о том, что использование буржуазных специалистов фактически означает якобы «восстановление руководительства капиталистов», В. И. Ленин вновь подверг позицию «левых» сокрушительной критике, охарактеризовав ее как «величайший позор и полное отречение от коммунизма на деле, полный переход на сторону именно мелкой буржуазии».[324] Во-первых, разъяснял В. И. Ленин, это «руководительство» капиталистам дается Советской властью при условии контроля ее представителей за их работой, обучения рабочих на опыте таких руководителей, возможности их смещения через органы Советской власти. Во-вторых, указывал В. И. Ленин, руководство буржуазным специалистам «дается для исполнительных функций, на время работы, условия которой определены... Советской властью и ею же отменяются и пересматриваются». И, наконец, в-третьих, подчеркивалось, что само это «руководительство» поручено Советской властью капиталистам, собственно, не как капиталистам, а как специалистам-техникам или организаторам за высокое вознаграждение.[325]

Таким образом, в принципе позиция Советского правительства в отношении использования старых специалистов и буржуазной интеллигенции, как предельно четко и ясно определил ее В. И. Ленин в известной статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов», выглядела так: «Политическое недоверие к представителям буржуазного аппарата законно и необходимо. Отказ использовать их для дела управления и строительства есть величайшая глупость, несущая величайший вред коммунизму».[326] Этот важный вывод об обязательности всестороннего, разумного подхода к практическому решению данного вопроса В. И. Ленин подчеркивал неоднократно. В частности, выступая 12 марта 1919 г. с докладом о внешней и внутренней политике Совета Народых Комиссаров на заседании Петроградского Совета, он вновь указал на исключительную значимость использования для строительства новой России такого «строительного материала», как старые специалисты, буржуазная интеллигенция. «Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов, — говорил В. И. Ленин. — Но их надо поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможность контролировать их... Одновременно необходимо учиться у них. При всем этом — ни малейшей по-

---

[323] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 138.
[324] Там же, стр. 309.
[325] Там же, стр. 309, 310.
[326] Там же, т. 37, стр. 410.

литической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно».[327]

Отсутствие обобщающих данных о масштабах использования старых специалистов и служащих в советском государственном и хозяйственном аппарате определило наличие нескольких точек зрения по этой важной проблеме, различные аспекты которой в последнее время вызывают все больший интерес историков.[328] Так, указание А. Ф. Хавина о том, что в первые годы Советской власти комплектование командных кадров промышленности производилось в основном за счет старых специалистов,[329] вызвало возражения у Э. Т. Савцова.[330] Как отмечают авторы историографического очерка «Строительство социализма в СССР», Э. Т. Савцов «доказал, что процесс обновления руководящих кадров уральской промышленности был в основном завершен в 1923 г. как путем привлечения старых специалистов, так и выдвижением рабочих Урала и других районов страны». Далее Л. М. Зак, В. С. Лельчук и В. И. Погудин заключают: «Убедительная работа Э. Т. Савцова по своим наблюдениям и выводам на местном материале перекликается с результатами исследования Г. П. Андреюка,[331] предпринятого в более широких географических и хронологических рамках».[332]

Нетрудно заметить, однако, что материалы и основанные на них выводы Э. Т. Савцова и Г. П. Андреюка относятся к началу 20-х годов. Между тем в первые годы Советской власти (подчеркиваем, именно в первые, т. е. в 1918—1919 гг.) использование старых специалистов и служащих, постепенно расширяясь, действительно приобрело весьма значительные размеры, о чем убедительно свидетельствуют как уже известные в литературе данные переписи хозяйственных кадров в июле 1919 г.,[333] так и изучение материалов первой переписи советских служащих в Москве в августе 1918 г.[334] И надо полагать, не случайно, а именно в связи с этим, выступая на указанном выше заседании Петросовета 12 марта 1919 г., В. И. Ленин особо подчеркнул значение того факта, что от подавления капиталистов Советская власть перешла к их широкому исполь-

---

[327] Там же, т. 38, стр. 6—7; ср.: там же, т. 37, стр. 411.

[328] Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк, М., 1971, стр. 242.

[329] А. Ф. Хавин. Капитаны советской индустрии. 1926—1940 гг. — Вопросы истории, 1966, № 5, стр. 3.

[330] Э. Т. Савцов. К вопросу о составе и формировании руководящих кадров промышленности в 1917—1923 гг. — Сб. научн. тр. Московск. инст. нар. хоз. им. Г. В. Плеханова (Свердловский филиал), вып. 2, 1967.

[331] Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин. Ук. соч., стр. 243.

[332] Г. П. Андреюк. Выдвиженчество и его роль в формировании интеллигенции (1921—1932 гг.). — В кн.: Из истории советской интеллигенции. М., 1966.

[333] Так, старые служащие и специалисты составляли 55.8% всего социального состава членов президиумов территориальных хозяйственных органов (подсчитано на основе данных табл. 1, приведенной в статье В. З. Дробижева «Роль рабочего класса СССР в формировании командных кадров социалистической промышленности. 1917—1936 гг.». — История СССР, 1961, № 4, стр. 59).

[334] См. об этом часть третью настоящей книги.

зованию, оценив это как, «пожалуй, самое важное завоевание, достигнутое нами за год внутреннего строительства».[335] При этом, разумеется, следует иметь в виду, что ЦК РКП(б) и Совет Народных Комиссаров, В. И. Ленин различали вопросы о руководстве и управлении. «Господство рабочего класса, — подчеркивал В. И. Ленин, — в конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление — это другое дело, это — дело уменья, дело сноровки».[336] Выступив за широкое привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству, большевистская партия и Советское правительство, используя целую систему политических, правовых и других мер, твердо и последовательно руководили и направляли ход этого процесса во всех отраслях народного хозяйства, во всех звеньях нового государственного аппарата.[337]

Исключительный интерес в этом отношении представляют, на наш взгляд, материалы первой переписи советских служащих в Москве в августе 1918 г. Их изучение позволяет воссоздать вполне достоверную общую и вместе с тем исторически конкретную картину того, как непосредственно проходил процесс формирования кадров новых сотрудников в различных советских государственных учреждениях.[338]

Каковы же оказались результаты изучения распределения служащих по источнику их рекомендации в центральные советские государственные учреждения? Об этом можно судить на основании следующих таблиц (табл. 1 и 2), в которых приведены итоговые данные ответов советских служащих на вопрос анкеты о том, кем каждый из них был рекомендован в соответствующее центральное государственное учреждение («15. Кем рекомендованы на службу?»). Рассмотрим сначала табл. 1, содержащую сведения о тех 15 центральных советских учреждениях, в которых исследованию был подвергнут весь состав служащих. Первый вывод, который можно сделать, — наиболее значительной (и это сразу же бросается в глаза) оказалась та группа служащих, источником рекомендаций для которых были различные советские учреждения или их сотрудники (особенно сотрудники тех учреждений, в которые поступали рекомендуемые лица). Именно таким образом в 12 из 15 изученных учреждений, представлявших собственно все основные отрасли государственного управления, было рекомендовано около одной трети и более служащих:

---

[335] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 7.

[336] Там же, т. 40, стр. 222.

[337] Напомним, что уже на протяжении первых послеоктябрьских месяцев, как отмечалось выше, постепенно сложилась и оформилась определенная практика приема на работу в Народные комиссариаты лишь при представлении рекомендаций профсоюзных или других общественных организаций. См., например, соответствующие решения коллегий Наркомвнудела в декабре 1917 г. (ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, д. 6а, л. 3 об.), Наркомпочтеля в январе 1918 г. (ЦГАНХ СССР, ф. 3527, оп. 1, № 49, л. 44) и Наркомата Государственного контроля в феврале 1918 г. (ЦГАОР СССР, ф. 4390, оп. 2, № 54, лл. 1—3).

[338] Характеристику материалов переписи и положенной в основу их исследования методики см. в третьей части настоящей книги.

Таблица 1

Распределение всего состава служащих по источнику их рекомендации в центральные советские государственные учреждения (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «кем рекомендованы на службу?»	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК
25	ЦК РКП(б), СНК, Съездом или ВЦИК Советов, Председателем СНК В. И. Лениным, коллегией наркомата	9 0.9	1 0.5	1 0.5	28 3.6	2 0.6	1 1.5	9 0.8	—	3 0.8	14 6.3	2 1.4	—	1 0.7	3 0.6	—
26	Известным деятелем Коммунистической партии и Советского государства	100 10	2 0.9	12 6.1	48 6.1	30 9.6	14 20.3	17 1.5	36 12.5	6 1.5	22 9.9	13 9.3	14 35	14 9.7	39 8.1	11 28.9
27	Членом или организацией РКП(б)	12 1.2	—	—	180 23	9 2.9	—	5 0.4	85 29.7	—	20 9	6 4.2	2 5	—	22 4.5	2 5.3
28	Членом или организацией партии левых эсеров	1 0.1	—	—	—	4 1.3	—	5 0.4	3 1	1 0.3	—	—	—	—	7 1.4	—
29	Советским учреждением или служащим	299 29.9	119 56.2	61 31.1	346 44.3	103 32.7	21 30.4	322 27.7	95 33.2	31 7.8	65 29.2	46 33	20 50	3 2.1	235 48.6	9 23.7
30	Профессиональным союзом или организацией	34 3.4	21 9.9	5 2.5	18 2.3	10 3.2	2 2.9	21 1.8	—	25 6.3	4 1.8	2 1.4	—	3 2.1	23 4.8	—
31	Заводом, фабрикой, другим производственным предприятием или их работниками	16 1.6	4 1.9	2 1	3 0.4	3 1	—	6 0.5	10 3.5	11 2.8	—	—	—	—	6 1.2	—
32	Воинским (флотским) подразделением, военным учреждением или их служащими	12 1.2	—	1 0.5	81 10.4	4 1.3	—	10 0.9	5 1.7	40 10	6 2.7	4 2.9	1 2.5	83 57	17 3.5	1 2.6
33	Знакомым, родственником	5 0.5	1 0.5	1 0.5	10 1.3	28 8.9	1 1.5	15 1.3	7 2.4	9 2.3	4 1.8	3 2.1	1 2.5	3 2.1	6 1.2	1 2.6
34	Биржей труда	200 20	2 0.9	8 4.1	7 0.9	40 12.7	12 17.4	31 2.7	2 0.7	3 0.8	14 6.3	7 5	—	1 0.7	35 7.2	1 2.6
35	Самостоятельно, по прошению	104 10.4	46 21.7	53 26.9	25 3.2	47 15	3 4.3	277 23.9	26 9.1	167 41.9	17 7.7	24 17.1	1 2.5	4 2.9	23 4.8	10 26.4
25а	ССРМ (членом или организацией)	—	—	—	—	—	—	—	2 0.7	—	—	—	—	—	—	—
26а	Членом или партийной организацией социал-демократов интернационалистов	1 0.1	—	—	—	—	—	—	1 0.3	—	—	—	—	—	—	—
27а	ВРК, ВМРК или их работниками	—	—	—	1 0.1	—	—	—	3 1	2 0.5	—	—	—	—	1 0.2	—
28а	Неизвестно (прочерк, без ответа и т. п.)	71 7.1	6 2.8	32 16.2	31 4	27 8.6	5 7.2	137 11.8	10 3.5	38 9.5	18 8.1	4 2.9	1 2.5	8 5.5	56 11.6	—
29а	Бывшим государственным учреждением или его служащими	4 0.4	2 0.9	3 1.5	2 0.3	1 0.3	—	—	2 0.7	36 9.1	—	2 1.4	—	—	—	2 5.3
30а	Переведен из другого учреждения	20 2	—	4 2	—	2 0.6	1 1.5	23 2	—	7 1.8	3 1.4	—	—	5 3.4	1 0.2	1 2.6
31а	Рекомендован (приглашен) как специалист	18 1.8	8 3.8	11 5.6	—	3 1	2 2.9	57 4.9	—	6 1.5	5 2.3	—	—	12 8.3	1 0.2	—
32а	Общероссийским общественным учреждением, организацией, союзом или их служащими	10 1	—	—	—	1 0.3	4 5.8	—	—	—	—	1 0.7	—	—	1 0.2	—
33а	По призыву (мобилизации)	—	—	—	—	—	—	1 0.1	—	9 2.3	—	—	—	—	—	—
34а	Остался в данном учреждении	84 8.4	—	3 1.5	1 0.1	—	3 4.3	222 19.2	—	3 0.8	5 2.3	26 18.6	—	8 5.5	8 1.7	—
35а	Национальной секцией РКП(б)	—	—	—	—	—	—	1 0.1	—	—	25 11.2	—	—	—	—	—
	Всего ответило	1000 100	212 100	197 100	781 100	314 100	69 100	1159 100	287 100	397 100	222 100	140 100	40 100	145 100	484 100	38 100

Примечание. Здесь и далее в таблицах числитель — абсолютная величина, знаменатель — проценты. Табл. 1 и 2 составлены на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 205, 212, 217).

Таблица 2

Распределение руководящего состава служащих по источнику их рекомендации в центральные советские государственные учреждения
(по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «кем рекомендованы на службу»	НК внутренних дел, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам: Оперативное и Военно-топографическое управления	НК по военным делам: Управление по организации армии	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
25	ЦК РКП(б), СНК, Съездом или ВЦИК Советов, Председателем СНК В. И. Лениным, коллегией наркомата	—	—	—	—	1 / 3.3	1 / 1.1	4 / 1.3	1 / 5.6	—	—	1 / 0.5
26	Известным деятелем Коммунистической партии и Советского государства	3 / 33.35	6 / 20.7	—	1 / 5.9	2 / 6.7	15 / 16.3	21 / 6.9	3 / 16.6	7 / 17.1	10 / 37	1 / 0.5
27	Членом или партийной организацией РКП(б)	3 / 33.35	1 / 3.4	1 / 4.2	—	—	2 / 2.2	—	—	1 / 2.4	1 / 3.7	—
28	Членом или партийной организацией левых эсеров	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 / 0.5
29	Советским учреждением или служащим	1 / 11.1	8 / 27.7	—	—	2 / 6.7	30 / 32.5	61 / 20.1	10 / 55.4	19 / 46.4	8 / 29.7	3 / 1.4
30	Профессиональным союзом или организацией	—	—	5 / 20.8	2 / 11.8	1 / 3.3	2 / 2.2	16 / 5.3	—	—	1 / 3.7	1 / 0.5
31	Заводом, фабрикой, другим производственным предприятием или их работниками	—	—	—	—	—	—	1 / 0.3	—	—	—	1 / 0.5
32	Воинским (флотским) подразделением, военным учреждением или их служащими	—	2 / 6.9	8 / 33.3	8 / 47	—	—	3 / 1	—	1 / 2.4	—	—
33	Знакомым, родственником	—	—	—	—	—	1 / 1.1	—	1 / 5.6	1 / 2.4	1 / 3.7	—
34	Биржей труда	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
35	Самостоятельно, по прошению	—	1 / 3.4	1 / 4.2	—	4 / 13.3	12 / 13	33 / 10.9	—	—	3 / 11.1	8 / 3.8
25а	ССРМ (членом или организацией)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26а	Членом или партийной организацией социал-демократов интернационалистов	—	—	—	—	—	—	—	1 / 5.6	—	—	—
27а	ВРК, ВМРК или их работниками	1 / 11.1	—	—	—	—	1 / 1.1	1 / 0.3	—	—	—	—
28а	Неизвестно (прочерк, без ответа и т. п.)	—	1 / 3.4	—	1 / 5.9	10 / 33.4	8 / 8.7	19 / 6.2	1 / 5.6	3 / 7.3	3 / 11.1	2 / 1
29а	Бывшим государственным учреждением или его служащими	—	—	—	—	—	—	4 / 1.3	—	—	—	1 / 0.5
30а	Переведен из другого учреждения	1 / 11.1	1 / 3.4	—	3 / 17.6	—	3 / 3.3	11 / 3.6	1 / 5.6	—	—	4 / 1.9
31а	Рекомендован (приглашен) как специалист	—	—	3 / 12.5	1 / 5.9	1 / 3.3	4 / 4.3	25 / 8.2	—	6 / 14.7	—	—
32а	Общероссийским общественным учреждением, организацией, союзом или их служащими	—	—	—	—	—	2 / 2.2	—	—	—	—	1 / 0.5
33а	По призыву (мобилизации)	—	—	—	—	—	—	2 / 0.7	—	—	—	—
34а	Остался в данном учреждении	—	9 / 31.1	6 / 25	1 / 5.9	9 / 30	11 / 12	103 / 33.9	—	—	—	185 / 88.4
35а	Национальной секцией РКП(б)	—	—	—	—	—	—	—	—	3 / 7.3	—	—
	Всего ответило	9 / 100	29 / 100	24 / 100	17 / 100	30 / 100	92 / 100	304 / 100	18 / 100	41 / 100	27 / 100	209 / 100

Примечание. См.: там же, ед. хр. №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152.

в ВСНХ — 299 человек, или 29.9%; в главках ВСНХ «Центроторф» совместно с Нефтяным комитетом — 61 человек, или 31.1%; в НКВД — 103 человека, или 32.7%; в Наркомздраве — 21 человек, или 30.4%; в Наркомземе — 322 человека, или 27.7%; в НКИД — 98 человек, или 34.2%; в Наркомнаце — 65 человек, или 29.2%; в Наркомюсте — 46 человек, или 33% общего состава сотрудников.

В четырех учреждениях из данной группы эти показатели были еще более высокими: в ВЧК — 347 человек, или 44.4%; во ВЦИК — 236 человек, или 48.8%; в Управлении делами Совнаркома 20 человек, или 50%, а также в «Главсахаре» ВСНХ — 119 человек, или — 56.2% служащих. Несколько меньшим соответствующий показатель оказался по Ревтрибуналу ВЦИК — 9 человек, или 23.7%, и сравнительно незначительным — в Наркомате по морским делам (33 человека, или 8.3%) и Штабе Высшего Военного Совета (3 человека, или 2.1%), что, по-видимому, было связано с определенной спецификой деятельности указанных органов.[339]

Второй по представительности оказалась часть служащих, указавших, что они получили рекомендации от членов или организаций РКП(б), ее национальных секций, Социалистического Союза рабочей молодежи, а также ЦК РКП(б) или Совнаркома, Председателя СНК В. И. Ленина, коллегий наркоматов или известных деятелей партии и Советского государства. Как видно из табл. 1, соответствующие показатели образуют здесь более пеструю картину, чем в предыдущем случае. Но и сейчас довольно легко выделить три основные группы внутри этой части служащих. Как и следовало в общем ожидать, наиболее высоким процент, а соответственно и количество сотрудников, имевших рекомендации известных деятелей и членов РКП(б) или ее центральных (местных) организаций, оказался в таких важнейших советских органах, как Наркоминдел (123 человека, или 42.9%), Управление делами СНК (16 человек, или 40%), Наркомнац (81 человек, или 36.4%), Ревтрибунал ВЦИК (13 человек, или 34.2%) и ВЧК (256 человек, или 32.7%). Свыше 10% общего состава служащих были рекомендованы коммунистами и их организациями во ВЦИК (64 человека, или 13.2%), НКВД (41 человек, или 13.1%), ВСНХ (121 человек, или 12.1%), Наркомздраве (15 человек, или 21.8%), Наркомюсте (21 человек, или 14.9%) и Штабе ВВС (15 человек, или 10.4%). И наоборот, до 10% получивших подобные рекомендации насчитывалось в составе сотрудников обоих изученных главков ВСНХ (в Главсахаре — 3 человека, или 1.4%; в Центроторфе — Нефтяном комитете — 13 человек, или 6.6%), Наркомземе — 32 человека, или 2.8%, а также Наркомате по морским делам — 9 человек, или 2.3%.

Определенная часть служащих была рекомендована профсоюзами и фабзавкомами, заводами, фабриками и другими производственными пред-

[339] В приведенных выше показателях для ВЧК, НКИД и Наркомата по морским делам, кроме ответов под шифром «29» (Советским учреждением или служащим), учитывались также ответы служащих под шифром «27а», т. е. тех из них, кто был рекомендован Петроградским ВРК, ВМРК или их работниками.

приятиями, воинскими частями и учреждениями военного ведомства. В этом нетрудно убедиться, обратившись снова к табл. 1. Суммированные показатели ответов служащих, зафиксированных под шифром «30», «31» и «32», показывают следующее. Для большинства из обследованных советских учреждений (для 10 из 15) количество служащих, получивших рекомендации такого рода, насчитывало 2.5—10% всего их состава: в ВСНХ — 62 человека, или 6.2%, в Центроторфе — Нефтяном комитете — 8 человек, или 4%; в НКВД — 14 человек, или 5.5%; в Наркомздраве — 2 человека, или 2.9%; в Наркомземе — 37 человек, или 3.2%; в Наркоминделе — 15 человек, или 5.2%; в Наркомнаце — 10 человек, или 4.5%; в Наркомюсте — 6 человек, или 4.3%; в Управлении делами СНК — 1 человек, или 2.5%; в Ревтрибунале ВЦИК — 1 человек, или 2.6%. В пяти остальных учреждениях эти данные немного повышаются, составляя около 10% во ВЦИК (46 человек, или 9.5%) и несколько более того в других: в Главсахаре ВСНХ — 25 человек, или 11.8%; в ВЧК — 102 человека, или 13.1%; в Наркомате по морским делам — 76 человек, или 19.1%, и в Штабе ВВС — 86 человек, или 59.1%. Легко заметить, что повышение соответствующих показателей в последних трех органах связано в основном с вполне понятным увеличением числа служащих, рекомендованных воинскими подразделениями и учреждениями военного ведомства.

Таким образом, как убедительно показывают материалы переписи 1918 г., двумя основными направлениями, по которым шел процесс подбора кадров центрального советского государственного аппарата, являлась, во-первых, рекомендация их советскими учреждениями или служащими и, во-вторых, направление новых работников членами или организациями РКП(б). Третьим по важности каналом, по которому проходило формирование состава советских служащих, был путь их рекомендации через профсоюзы и фабзавкомы, заводы и фабрики, воинские подразделения и военные учреждения. В результате именно одним из указанных выше трех путей пришла в 13 из 15 изученных центральных советских учреждений минимум половина их сотрудников: в ВСНХ — 482 человека, или 48.2%; в Главсахаре ВСНХ — 147 человек, или 69.4%; в ВЧК — 705 человек, или 90.2%; в НКВД — 158 человек, или 51.3%; в Наркомздраве — 38 человек, или 55.1%; в Наркоминделе — 236 человек, или 82.3%; в Наркомнаце — 156 человек, или 70.1%; в Наркомюсте — 73 человека, или 52.2%; в Управлении делами СНК — 37 человек, или 92.5%; в Штабе ВВС — 104 человека, или 71.6%; во ВЦИК — 336 человек, или 71.5%, и в Ревтрибунале ВЦИК — 23 человека, или 60.5% (только в одном случае — для второго из обследованных главков ВСНХ эта цифра оказалась несколько меньшей чем обычно — 82 человека, или 41.7%). Более того, для семи, т. е. половины всех изученных учреждений, этот показатель повышается до 70%, а для трех (ВЧК, Наркоминдел и Управление делами СНК) еще выше — до 80—90% всего состава сотрудников. Лишь в двух учреждениях соответствующие показатели были существенно ниже: в Наркомземе — 391 человек, или 33.7%, и Наркомате по морские делам —

118 человек, или 29.7%. Но и в том и в другом случае это объяснялось, по-видимому, тем обстоятельством, что в составе обоих указанных наркоматов осталось довольно большое количество специалистов и служащих, служивших еще в соответствующих бывших министерствах, которые, отвечая на вопрос анкеты, или сообщили, что они «остались в данном учреждении» (в Наркомземе таких служащих оказалось 222 человека, или 19.2%), или же указали, что они поступали на службу самостоятельно (по прошению) еще до Октябрьской революции. К тому же, как мы уже знаем, и из старых служащих и специалистов в число сотрудников народных комиссариатов и других советских органов попадали лишь те кандидатуры, которые поддерживали общественные организации и против которых не возражали представители Советской власти. В связи с этим можно полагать, что с учетом приведенных в табл. 1 сведений о служащих, которые «остались в данном учреждении» или были приглашены как специалисты, рекомендованы биржей труда, переведены из других учреждений и т. д., и в народных комиссариатах земледелия и по морским делам, и во всех остальных наркоматах и других советских учреждениях общее количество сотрудников, прошедших ту или иную форму их проверки и получивших затем какое-либо направление, рекомендацию и т. п. со стороны советских органов или работников, общественных организаций, в действительности было еще более высоким.

Примерно такая же в общем картина наблюдается и в той группе центральных советских учреждений, где было проведено изучение руководящего состава служащих (табл. 2). В 8 из 11 обследованных ведомствах (Главном управлении милиции НКВД, центральном аппарате Наркомвоена и двух из его управлений, народных комиссариатах продовольствия, социального обеспечения, торговли и промышленности и труда) общее количество руководителей всех звеньев, рекомендованных на работу одним из указанных выше трех основных способов, составляло около 60% и более. Существенно меньшими оказались соответствующие показатели для двух учреждений — Наркомата путей сообщения (107 человек, или 35.2%) и Наркомата государственного контроля (6 человек, или 20%); и совсем незначительными — в Наркомате финансов — 7 человек, или 3.4% всего количества руководителей. Это, конечно, не являлось случайностью и было, по-видимому, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, именно в последних трех народных комиссариатах среди заполненных анкет руководящего состава меньше всего оказалось, к сожалению, анкет руководителей высшего звена (членов коллегий комиссариатов и т. п.), что, естественно, резко отрицательно повлияло на показатели, характеризующие число рекомендованных центральными и местными организациями, а также членами большевистской партии. Во-вторых, весьма значительную часть руководителей среднего и низшего звеньев в данных ведомствах, для выполнения обязанностей которых требовались, как правило, специальное образование или большой практический опыт, составили служащие, рекомендованные или присланные как специалисты, и особенно — старые служащие, служившие еще в соответствующих

бывших министерствах: в Наркомате госконтроля таких оказалось 10 человек, или 33.3%; в НКПС — 128 человек, или 42.1%; а в Наркомфине и вовсе подавляющее большинство — 185 человек, или 88.4% всего руководящего состава. Как видно из табл. 3, данная особенность не является исключительной для названных выше трех комиссариатов. Правильнее, видимо, сказать, что отмеченное явление, будучи характерным для всех обследованных советских учреждений, по ряду конкретных причин нашло в этих трех наркоматах наиболее развернутое выражение.

В опубликованной в июле 1918 г. замечательной работе «Великий почин» В. И. Ленин указывал: «Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплуатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу трудящихся и эксплуатируемых, а также все мелкобуржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой дисциплины, новой организации труда...».[340] Успешно выполнив в дни Великого Октября и последующий период триумфального шествия Советской власти первоначальную задачу, о которой писал В. И. Ленин, российский пролетариат в первые же послеоктябрьские месяцы взялся за осуществление и второй, главной, задачи социалистической революции, более трудной, но зато более существенной. Именно в этих целях Коммунистическая партия и Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным развернули, особенно активно с начала 1918 г., огромную и разностороннюю работу, направленную на решение ключевой в то время проблемы кадров нового аппарата управления страной. Опираясь при этом в первую очередь на испытанный авангард пролетариата — ленинскую партию рабочего класса, а также на самих трудящихся — революционных рабочих и крестьян, солдат и матросов и их массовые организации, Советская власть в соответствии с разработанной В. И. Лениным программой сумела также, как мы видели, широко использовать при формировании нового госаппарата и старых служащих, специалистов, тех представителей буржуазной интеллигенции, которых удалось привлечь к строительству нового строя.

Уже в начале июля 1918 г., т. е. к Пятому Всероссийскому съезду Советов, кардинальная проблема кадров пролетарского государства была в принципе успешно решена. Несмотря на недавний переезд советского правительственного аппарата из Петрограда в Москву, сопровождавшийся сначала значительным сокращением (при эвакуации) количества имевшихся уже сотрудников, а затем довольно сложной реорганизацией деятельности наркоматов в новых условиях, к этому времени было закончено формирование основной части служащих центрального советского аппарата управления. Как видно из материалов упоминавшейся первой переписи советских служащих, уже к началу июля 1918 г. в подавляющем

[340] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 17—18.

большинстве изученных учреждений (в 14 из 16) было принято свыше 60% всего состава работников, в том числе в 9 из них — около 70% и более.[341]

Значительные успехи были достигнуты и в организационном строительстве советской государственной системы на местах. Вот что, например, сообщалось в сводке Народного комиссариата юстиции в июне 1918 г.: «Сеть советских организаций покрыла всю страну. Губернские, уездные и городские Советы образовались и действуют повсюду; волостные, как можно заключить из анкетного материала, собранного Комиссариатом внутренних дел, — в громадном большинстве волостей; сельские, поселковые и деревенские — в сравнительно редких случаях, но численность их увеличивается с каждым днем».[342] Так, только по данным 19 губерний центральной части России, уже к маю 1918 г. здесь было образовано 1922 волостных Советов крестьянских депутатов.[343] По всей же России к середине 1918 г. насчитывалось 12 тыс. Советов (областных, губернских, городских, уездных и волостных).[344] Подчеркивая чрезвычайную важность бурного роста и дальнейшего укрепления Советов на местах, В. И. Ленин, выступая на V Всероссийском съезде Советов, говорил, что принятие Советской конституции стало возможным лишь потому, что «...Советы во всех концах страны созданы и испытаны...».[345] А уже к 1 ноября 1918 г., по сведениям Наркомвнудела, на территории 32 губерний, где существовала Советская власть, действовало 6550 органов советского государственного управления на местах, в которых работало более 100 тыс. человек.[346] В результате в составленной к этому же времени «Исторической справке об учреждении и деятельности НКВД» с полным основанием отмечалось: «Прошел год, и здание Советского государства построено. От верху до низу, от деревни и волости до центра Россия спаяна стройной системой Советов. Черновая работа по отливке форм кончена...».[347]

Так в первый год пролетарской диктатуры в России впервые в мировой истории решалась проблема кадров нового, советского аппарата государственного управления.

---

[341] См. часть третью настоящей книги.

[342] Цит. по: Советы в первый год пролетарской диктатуры. Под ред. Д. А. Коваленко. М., 1967, стр. 188.

[343] Подсчитано по: В. В. Гришаев. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М., 1967, стр. 19.

[344] Советы в первый год пролетарской диктатуры, стр. 188.

[345] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 499.

[346] Е. Г. Гимпельсон. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968, стр. 37.

[347] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, № 3, л. 13. — Подробнее о триумфальном шествии Советской власти по стране, строительстве и упрочении советской государственной системы на местах см.: И. И. Минц. История Великого Октября, т. 3. М., 1972; Советы в первый год пролетарской диктатуры; Е. Г. Гимпельсон. Ук. соч.; В. М. Селунская. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968; О. И. Чистяков. Великий Октябрь и создание Советского государства. М., 1968. стр. 42—58; Г. К. Амелин. На смену старой государственности. Горький, 1972. стр. 60—68, и др.

Часть
вторая

В.И.Ленин во главе Советского правительства

Глава 1. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНСКОГО СОВНАРКОМА В 1917—1918 гг.

Вопросы организации деятельности Совета Народных Комиссаров под руководством В. И. Ленина в первые годы Советской власти в той или иной мере рассматриваются, пожалуй, во всех без исключения работах историков и юристов по данной тематике, опубликованных как еще в 20-е годы,[1] так и в послевоенный период.[2] Определенное внимание уде-

[1] В. Н. Дурденевский. Совет Народных Комиссаров. — Советское право. 1922, № 1; С. А. Пионтковский. 1) Ленин в октябрьские дни 1917. — Молодая гвардия. 1923, № 9—10; 2) Ленин в Совнаркоме (от II до III съезда Советов). — Борьба классов, 1934, № 1.

[2] Н. А. Куликова. Деятельность Совета Труда и Обороны в период второй мирной передышки (февраль—апрель 1920 г.). — В кн.: О деятельности В. И. Ленина в 1917—1922 гг. М., 1958; М. Н. Лучкин. Организация работы Совнаркома под руководством В. И. Ленина в первые месяцы после победы Октябрьской революции. — Уч. зап. Московск. обл. пед. инст. им. Н. К. Крупской, т. 70, вып. 7. М., 1958; Е. П. Подвигина. Первые дни работы Совета Народных Комиссаров (1917 г.). — В кн.: 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Материалы научной сессии ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. М., 1958; И. В. Загоскина и Ю. А. Ахапкин. В. И. Ленин — глава первого Советского правительства. М., 1960; М. О. Малышев. В. И. Ленин — организатор Советского правительства (от II до III Всероссийского съезда Советов). — Вестник ЛГУ, сер. ист., яз. и лит., вып. 4, 1960, № 20; Ю. С. Кукушкин. К вопросу о деятельности В. И. Ленина на посту Председателя Совета Рабочей и Крестьянской Обороны (в 1918—1920 гг.). — В кн.: Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. М., 1960; Э. В. Клопов. В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров (ноябрь 1917 г.—март 1918 г.). — Вопросы истории КПСС, 1963, № 4; В. С. Орлов. В. И. Ленин и создание аппарата первого в мире рабоче-крестьянского правительства. — Вопросы истории, 1963, № 4; В. А. Любишева. Роль В. И. Ленина в организации работы Совнаркома и постановке делопроизводства. — Научно-информационный бюллетень Центрального партийного архива, 1964, № 10; М. П. Ирошников. 1) В. И. Ленин и создание рабочего аппарата Совета Народных Комиссаров (октябрь 1917—январь 1918 г.). — Советское государство и право, 1965, № 4; 2) Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин). — Вопросы истории, 1970, № 4; А. И. Апевалов, Л. Н. Талов. В. И. Ленин во главе Советского правительства (октябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). — Изв. Воронежск. гос. пед. инст., т. 80, 1968; Л. И. Антонова. Организационные формы правотворческой деятельности Совета Народных Комиссаров (1917—1922 гг.). — Правоведение, 1968, № 3; Е. И. Кореневская. Организационно-правовые формы деятельности СНК РСФСР (1917—1922 гг.). — Советское государство и право, 1968, № 7; Г. С. Калинин. Ленинский Совнарком. — Уч. зап. Всес. юр. заочн. инст., вып. XVI. М., 1969.

лено этим вопросам и в монографических исследованиях по истории создания Советского государства и деятельности Председателя СНК и СТО В. И. Ленина в первые послеоктябрьские годы.[3] Однако при этом роль В. И. Ленина в выработке основных принципов и форм деятельности Совнаркома освещалась обычно отрывочно, наряду с другими вопросами. В тех же случаях, когда данная сторона работы главы Советского правительства исследовалась специально, это делалось, как правило, или с несколько специфической правовой точки зрения, или же в основном применительно лишь к двум периодам послеоктябрьской деятельности В. И. Ленина: начальному — «периоду Смольного» и периоду 1921—1923 гг. В связи с этим представляется целесообразным более подробно рассмотреть, как на протяжении первого года пролетарской диктатуры в России под руководством В. И. Ленина складывался порядок деятельности Совета Народных Комиссаров, как постепенно оформлялась система правил, в соответствии с которыми в это время, а во многом и позднее проходила вся работа главного руководящего центра Советской власти.

Из комплекса источников, на основании которых можно характеризовать деятельность Совнаркома и Председателя СНК В. И. Ленина, особое значение имеют, естественно, протоколы его заседаний, где нашла отражение повседневная работа Советского правительства. В напряженнейшей обстановке первых послеоктябрьских дней, когда «регулярных заседаний» Совета Народных Комиссаров еще не было,[4] а только что родившееся новое правительство собиралось лишь по мере надобности и далеко не всегда в полном составе, так как все народные комиссары были предельно загружены самой разнообразной практической работой,[5] протоколы СНК, вполне понятно, не велись. О работе Совнаркома в те дни приходится поэтому судить на основании других источников — периодической печати, мемуарной литературы, изданных за это время правительственных актов. О небезуспешности такого рода изучения свидетельствует, в частности, интересное исследование Э. В. Клопова, который, опираясь на данные советских и других периодических изданий, пришел к убедительному выводу, что первое рабочее заседание Совнаркома состоялось под председательством В. И. Ленина уже 27 октября 1917 г.[6] Другим аналогичным примером может послужить помещенная через день, 29 октября, в газете «Новая жизнь» информационная заметка о представленных новому правительству двух проектах реорганизации

---

[3] См. упоминавшиеся монографии Э. Б. Генкиной, Е. Н. Городецкого, М. П. Ирошникова, Э. В. Клопова, Р. М. Савицкой, А. Т. Тихун, Б. М. Шехватова и др.

[4] См.: Ю. Ларин. У колыбели. — Народное хозяйство, 1918, № 11, стр. 16.

[5] Н. П. Горбунов. Как создавался в Октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров. — В кн.: В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти. М., 1933, стр. 104. В. Д. Бонч-Бруевич. На боевых постах февральской и Октябрьской революций. М., 1931, стр. 130.

[6] Э. В. Клопов. Первый день деятельности В. И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров (История СССР, 1961, № 2).

производства в стране. «Совет Народных Комиссаров, — сообщалось в заметке, — с е г о д н я (разрядка наша, — *М. И.*) рассматривает законопроект об организации народного хозяйства. В целях регулирования организации и контроля над сельским хозяйством, промышленностью, путями сообщения, средствами сношения и распределительным аппаратом предполагается организовать Всероссийский комитет народного хозяйства».[7] Вполне согласующееся со сведениями других источников[8] сообщение газеты «Новая жизнь» позволяет, на наш взгляд, полагать, что 29 октября 1917 г., по-видимому, состоялось или по крайней мере должно было состояться еще одно заседание Совета Народных Комиссаров, не оформленное протоколом.

Наиболее ранняя из сохранившихся записей заседаний Совнаркома была сделана секретарем СНК Н. П. Горбуновым вечером 3 ноября 1917 г. Это и есть первый известный нам протокол Советского правительства,[9] хотя, судя по тексту данной записи, приведенной в широко известных воспоминаниях Н. П. Горбунова, ее скорее можно назвать не протоколом в обычном смысле этого слова, а лишь кратким изложением доклада на заседании СНК прибывшего из Москвы В. П. Ногина о происходивших там событиях и его предложений, а также выступлений В. И. Ленина и В. П. Милютина. Объяснялось это весьма просто — тем, что, как вспоминал впоследствии сам Н. П. Горбунов, вначале он вовсе не имел представления о секретарских обязанностях, и в частности о том, как нужно вести протоколы, и лишь после «консультации» с кем-то из народных комиссаров (кажется, с Н. П. Авиловым-Глебовым) справлялся затем с этой работой уже без особых затруднений. Начиная с заседания, состоявшегося 15 ноября (к которому относится протокол СНК № 1а), по свидетельству того же Н. П. Горбунова, заседания Советского правительства «происходили уже регулярно, почти каждый день, а то и по два раза в день».[10] Это нашло, естественно, отражение и в протоколах СНК, которые с этого времени велись теперь постоянно на каждом заседании правительства.

Особую ценность этим протоколам[11] придает то обстоятельство, что в их составлении деятельное участие принимал фактически сам Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин, который руководил работой Советского правительства на всех заседаниях, где он присутство-

---

[7] См.: Новая жизнь, 29 октября 1917 г.

[8] См., например: М. Ж и в о т о в. Владимир Ильич и плановое управление промышленностью. — Экономическая жизнь. 25 января 1924 г., № 95.

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 1; ф. 2, оп. 1, № 4664. — Как известно, подлинники протоколов СНК хранятся в ЦПА ИМЛ (ф. 2 и 19, оп. 1), а их копии за интересующий нас период и последующее время находятся в ЦГАОР СССР (ф. 130, оп. 1 и 2).

[10] См.: Н. П. Г о р б у н о в. Ук. соч., стр. 104, 105—107, 110, 111.

[11] Первое время протоколы Советского правительства обычно вели секретари СНК Н. П. Горбунов, М. Н. Скрыпник и Е. К. Кокшарова, затем (с начала 1918 г.) в их подготовке в рассматриваемый период участвовали также Л. А. Фотиева (в первую очередь), Я. Ш. Агранов, М. А. Авилова и Д. А. Цырлин.

вал, формулировал рассматривавшиеся вопросы, принятые решения и постановления («...если только Ленин председательствовал, — свидетельствует, в частности, Е. К. Кокшарова, — то ... все решения сформулированы им обязательно»),[12] а затем, как правило, просматривал и подписывал их.[13]

Указания и требования В. И. Ленина, его постоянный и внимательный контроль за составлением протоколов СНК определили не только чрезвычайную тщательность их подготовки, но и некоторое своеобразие — исключительную краткость и лаконичность как формулировок, так и самой протокольной записи, в которой, помимо времени заседаний и состава их участников, отмечались только внесенные в повестку вопросы, фамилии их докладчиков и принятые правительством соответствующие решения. По воспоминаниям сотрудников рабочего аппарата Совнаркома, непосредственно занимавшихся ведением его протоколов, можно достаточно определенно судить о требованиях, предъявлявшихся В. И. Лениным к составителям протоколов заседаний СНК, и о порядке их подготовки. Так, по свидетельству Е. К. Кокшаровой, «Владимир Ильич требовал, чтобы протоколы сразу оформлялись и сразу давал формулировки. Оригиналом считался тот самый, который был составлен на самом заседании. Владимир Ильич не любил никаких черновиков и никаких дополнительных записей. Он просил записывать только то, что он формулировал. Если иногда для себя записываешь на заседании Совнаркома (чтобы лучше потом составить протокол), то обязательно получаешь от Владимира Ильича замечание... „Записывайте только то, что подлежит внесению в официальном порядке“».[14] Этот же момент специально отметила и М. Н. Скрыпник: «Я присутствовала на заседаниях Совнаркома, вела записи, которые и не полагалось вести, о чем мне сделал замечание Владимир Ильич».[15]

Разумеется, все это не являлось случайностью, а было связано с рядом обстоятельств и «внешнего» (напряженнейшая обстановка послеоктябрьских месяцев то и дело требовала принятия в кратчайшие сроки

---

[12] Стенограмма беседы с группой бывших сотрудников секретариата В. И. Ленина и группой работников коммутатора 5 июля 1946 г. Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине, л. 9. (Далее: Стенограмма беседы... 5 июля 1946 г.). Приведенные выше слова не следует, конечно, понимать буквально, т. е. в том смысле, что В. И. Ленин являлся единоличным автором всех решений СНК. Как пояснила в беседе с автором Е. К. Кокшарова, в данном случае она стремилась подчеркнуть исключительную роль В. И. Ленина как председательствующего на заседаниях правительства, который (независимо от того, кто докладывал тот или иной вопрос или предлагал какой-либо проект постановления) неизменно подводил итоги прениям, выступая с заключительным резюме от имени Совнаркома.

[13] Е. К. Кокшарова. Воспоминания о работе вторым секретарем Совнаркома в 1917—1918 гг. ЛПА, ф. 4000, оп. 5, д. 2225, л. 6. — См. также об этом: А. М. Коллонтай. Ленин в Смольном. — В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, стр. 220.

[14] Стенограмма беседы... 5 июля 1946 г., л. 5.

[15] Там же, л. 12.

решительных революционных мер в самых различных областях государственной жизни страны), и «внутреннего» (крайняя малочисленность и неопытность первых сотрудников рабочего аппарата Совнаркома) характера. Поэтому представляется вполне логичным, что, возглавив Советское правительство, В. И. Ленин, чьи указания (устные или письменные, все равно) являлись, как известно, образцом четкости, ясности и краткости, сразу же постарался внести в повседневную практику работы Совета Народных Комиссаров предельно деловой, экономичный и, если можно так сказать, «телеграфный стиль» фиксирования рассмотренных правительством вопросов,[16] при котором не допускалось ничего лишнего, уводящего от существа дела, все было подчинено главной цели — максимально обеспечить успешную реализацию принятых Совнаркомом решений, обязательно указав для этого все необходимые меры и ответственных за их практическое выполнение лиц.

О специфике протокольных записей заседаний СНК интересующего нас периода по сравнению с протоколами последующих лет ценные сведения содержат и воспоминания некоторых других работников аппарата Советского правительства. Как справедливо отмечает М. А. Авилова, «нельзя говорить вообще о протоколах... нужно брать годы. По одному было организовано в октябре и в марте (в марте 1918 г., — *М. И.*) — там были протоколы, написанные от руки, не всегда машинистка печатала... С переезда в Москву до осени 1919 г. тоже могли быть разные нюансы в протоколах, а именно — до осени 1919 г. стенографисток не было, стенографических развернутых записей не было... до этого они (протоколы, — *М. И.*) записывались, а потом переписывались на машинке и наутро протоколы Владимир Ильич подписывал целиком».[17] С ранней весны и особенно с лета 1918 г., по свидетельству М. А. Авиловой, хотя и «имелись записи не стенографические и не журнальные», но уже выработался «особый порядок, очень хорошо сорганизованный, а именно... каждое постановление... сейчас же записывалось: „слушали“, „постановили“, и вопрос был уже готов... Владимир Ильич обычно диктовал это постановление сам, и секретарь записывал; эти

---

[16] Как известно, и в дальнейшем, на протяжении всей своей послеоктябрьской деятельности, В. И. Ленин неизменно требовал возможно более краткого, сконцентрированного письменного изложения любых предложений и материалов, направлявшихся в Совет Народных Комиссаров или лично к нему. «Пишите кратко, телеграфным стилем, выделяя особо приложения, если надо, — подчеркивал он, например, в письме начальнику ЦСУ при ВСНХ И. К. Ежову от 27 сентября 1921 г. — Длинного я вовсе не прочту, наверное.

Если есть *практические* предложения, выделить их в особый листок, архикраткий, *как телеграмму*, с копией секретарю» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 218).

[17] Стенограмма совещания группы бывших сотрудников секретариата В. И. Ленина 18 мая 1946 г. Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине, л. 9. (Далее: Стенограмма совещания... 18 мая 1946 г.). — Судя по сведениям имеющейся в ЦПА ИМЛ картотеки протоколов СНК за 1917—1922 гг., впервые В. И. Ленин подписал протокол заседания Совнаркома от 18 марта 1918 г.

записи сейчас же относились в машинописное бюро, там машинистки эти листки печатали, и протокол к концу заседания был готов.[18] Обычно утром Владимир Ильич еще раз прочитывал этот протокол».[19]

Как видим, в рассматриваемый период подробные, развернутые записи заседаний Совнаркома не велись. Не производилось также стенографирование заседаний правительства.[20] В связи со всеми этими обстоятельствами в протоколах СНК 1917—1918 гг. и не были зафиксированы, к сожалению, ни выступления докладчиков по внесенным в повестку вопросам, ни происходивший, как правило, по ним обмен мнениями между участниками заседания, ни выступления, реплики и заключительное слово руководившего работой Советского правительства В. И. Ленина. Однако повседневная практика чрезвычайно интенсивной деятельности Совета Народных Комиссаров, предельно насыщенные повестки заседаний которого нередко включали в себя до нескольких десятков самых разных вопросов, невольно вынуждала секретарей СНК делать черновые записи и обозначения пунктов рассматривавшейся повестки, различных формулировок правительственных резолюций и т. д. В значительной мере этому способствовало и известное своеобразие председательской манеры и речи В. И. Ленина. Вот что об этом пишет в своих воспоминаниях Л. А. Фотиева: «Протокольные постановления СНК чаще всего диктовал В. И. Ленин. Обычно он очень быстро проговаривал сложившуюся у него формулировку и, закончив, спрашивал: „Записали?“ или „Успели записать?“ — и тотчас же требовал материалы по следующему вопросу. Записывать было трудно, стенографистки не было. Внимание и память напрягались до последней степени, но я ни разу не решилась сказать Владимиру Ильичу, что своим вопросом он сбивает меня. Обычно я успевала записать только начальные буквы каждого слова скороговорки Владимира Ильича. „Расшифровку“ этой записи приходилось откладывать до конца заседаний».[21]

---

[18] Как отмечает также М. А. Авилова, нередко во время заседаний Совнаркома эти листки, напечатанные на машинке, представлялись на утверждение Владимиру Ильичу, который делал на них соответствующие пометки, вносил при необходимости тут же исправления (там же, л. 11).

[19] Там же, л. 10.

[20] Хотя уже 28 февраля 1918 г., в связи с возникновением вопроса «о необходимости стенографирования прений», Совет Народных Комиссаров поручил секретариату найти стенографистку (см.: ЦГАОР, СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 157), за весь интересующий нас период была составлена, по-видимому, одна единственная стенограмма заседания Советского правительства от 4 марта 1918 г. (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 411—414, 493; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, № 5432; Э. В. Клопов. Ленин в Смольном. М., 1965, стр. 19.). И лишь с осени 1919 г., когда, по словам М. А. Авиловой, чрезвычайно разрослись и усложнились вопросы, рассматривавшиеся СНК, был установлен новый порядок стенографирования его заседаний. «Товарищ Сталин, — рассказывает об этом М. А. Авилова, — поставил вопрос, что нужно поискать стенографистку». Стенографистка была найдена в Московском Совете, и Владимир Ильич, по словам Авиловой, решил допустить ее на заседания Совнаркома, «потому что это была своя — Софья Борисовна Бричкина» (Стенограмма совещания ... 18 мая 1946 г., л. 12).

[21] Л. А. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, стр. 145.

Таким образом, как видно из воспоминаний Е. К. Кокшаровой, М. Н. Скрыпник и Л. А. Фотиевой, первоначально разного рода черновые, пояснительные записи делались составителями протоколов СНК, если можно так выразиться, «для себя». Но в дальнейшем, по мере того как деятельность Совнаркома все более налаживалась и входила в определенное русло, постепенно сложилась такая практика фиксирования хода заседаний СНК, при которой (судя как по воспоминаниям очевидцев, например, упоминавшейся уже М. А. Авиловой, так и по самим протоколам СНК и имеющимся к ним материалам) вносившиеся В. И. Лениным или кем-либо из участников заседания проекты постановления правительства по тому или иному пункту повестки дня сначала, по-видимому, записывались на отдельных листках и лишь затем, после обсуждения и принятия Совнаркомом соответствующих решений, обычно переписывались «начисто», с учетом внесенных поправок, секретарями, ведущими протокол, а также перепечатывались на машинке.

Вот почему наряду с собственно протоколами СНК для изучения деятельности Советского правительства и его главы В. И. Ленина весьма важное значение имеют также разнообразные материалы, сохранившиеся в приложениях к каждому из протоколов. Это прежде всего различные ленинские документы, проекты (в том числе и черновые) постановлений и декретов СНК, докладные и пояснительные записки, финансовые документы, письма и отношения народных комиссариатов и других ведомств, справки, заключения и иные материалы всякого рода комиссий и т. д. Изучение и сопоставление всех этих документов со сведениями, которые содержат протоколы Совнаркома (содержание вопроса, кто являлся докладчиком, и, наконец, принятое постановление), обычно позволяют с достаточной определенностью судить об авторстве первоначального текста того или иного правительственного решения или декрета, характере участия в его разработке других лиц, значительности и последовательности внесенных в окончательный текст изменений и дает, таким образом, богатейший материал для исследования многих важных вопросов истории первых лет Советского государства, деятельности его основателя и руководителя В. И. Ленина.[22] В связи с этим нельзя не обратить внимание на настоятельную необходимость практического решения, наконец, давно уже назревшего вопроса о научной публикации этого уникального источника для изучения внутренней и внешней политики Советского правительства. Исключительную важность осуществления такого издания несомненно трудно будет переоценить хотя бы уже потому, что в силу несовершенства средств и способов воспроизведения протоколов заседаний первого Советского правительства в начальный период его существования уже в настоящее время эти протоколы, и особенно черновые материалы к ним, в определенной части представляют

[22] Примером успешного исследовательского анализа этого первоклассного источника может послужить интересная статья В. А. Шишкина «Протоколы СНК РСФСР 1918—1920 гг. как источник по истории советской концессионной политики» (Исторические записки, 88. М., 1971).

собой угасающие тексты, которые довольно часто расшифровываются с большим трудом, а иногда (особенно при существующей практике пользования в основном лишь их микрофильмами) и вовсе не поддаются прочтению.

После этих замечаний, позволяющих, думается, несколько более отчетливо представить некоторые особенности протоколов Совнаркома рассматриваемого периода, попробуем теперь проследить по ним, как строилась и какими правилами регламентировалась деятельность Советского правительства, в каких основных формах она протекала и какова была во всем этом организующая роль В. И. Ленина.

Основные формы работы Большого Совета Народных Комиссаров

В первые послеоктябрьские недели, когда только что возникшая Советская власть лишь начинала свое триумфальное шествие по стране, как вспоминал член КПСС с 1917 г., представитель советского Украинского правительства в Совете Народных Комиссаров В. П. Затонский, порядки были особенные. «Бурная стихия революции чувствовалась во всем и во всех. Комиссариаты помещались в отдельных комнатах Смольного, все дела вершились в кабинете Ильича или в Совнаркоме. Никаких малых совнаркомов и прочих предварительных комиссий, фильтрующих декреты и постановления, не было. Дела возникали и утверждались тут же, на общих больших заседаниях, и непосредственно... из Красной комнаты (зал заседаний Совнаркома) направлялись ... на телеграф для распространения — всем, всем, всем».[23] Об этом же свидетельствует Д. П. Боголепов, который в качестве заместителя наркома финансов постоянно присутствовал, как мы уже знаем, на заседаниях Советского правительства: «Никаких повесток на заседаниях Совнаркома в это время не посылалось... Повестка заседания составлялась тут же, на месте секретарем Совнаркома т. Горбуновым, причем в Совнаркоме в это время, наряду с вопросами принципиального значения, разрешались нередко весьма мелкие дела».[24] Все это, естественно, серьезно затрудняло деятельность Советского правительства, которое в силу отмеченных обстоятельств сразу же оказалось загруженным огромной массой самых разнообразных государственных дел.

Неудивительно, что уже в ноябрьские дни Совет Народных Комиссаров принимает первые решения, направленные на установление в его работе должного порядка и организованности. Наиболее раннее постановление СНК, посвященное вопросу о месте и времени его заседаний, относится к 15 ноября 1917 г. «Совет Нар. Ком. остается в Смольном, —

[23] В. П. Затонский. На заре Красной армии. — В кн.: Гражданская война 1918—1921 гг. (в трех томах), т. 1. Под ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. М., 1928, стр. 1.

[24] Д. П. Боголепов. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции. — Пролетарская революция, 1925, № 4, стр. 159.

говорилось в постановлении, — Народные комиссары переносят свою работу в соответствующие министерства, назначая там определенные часы своего присутствия. К вечеру комиссары собираются в Смольном для совещания и для осуществленияконтакта с другими демократическими организациями».[25] Через несколько дней, 20 ноября, при рассмотрении вопроса об организации финансового отдела при СНК впервые встал и вопрос о «внутреннем уставе» правительства в целом. В принятом постановлении (а также его первоначальном наброске) отмечалось, что внутренняя конституция Совета Народных Комиссаров предполагает два учреждения — сметную и исполнительную комиссии. Соответствующие пункты внутреннего устава СНК было предложено передать для обсуждения в ЦИК.[26] Однако 30 ноября Советское правительство приняло по внесенному П. И. Стучкой вопросу о конституции заседаний правительства новое постановление, в котором указывалось: «Писаной „конституции" не устанавливать. Разъяснить членам коллегий при комиссариатах, что обычно на заседаниях Совета Народных Комиссаров присутствуют представители тех комиссариатов, которых касается обсуждаемое дело».[27]

В исключительно сложных и напряженных условиях того времени Совет Народных Комиссаров счел тогда, по-видимому, нецелесообразной и несколько преждевременной строгую и точную фиксацию во многом еще не установившейся практики своей работы, продолжавшейся всего лишь около месяца. Вместе с тем, как видно из текста постановления, Советское правительство признало необходимым решить один из самых, пожалуй, неотложных из всех вопросов «внутреннего устройства», а именно вопрос о составе участников своих заседаний. По свидетельству члена КПСС с 1902 г. П. И. Лебедева-Полянского, ставшего после Октябрьской революции одним из руководителей Наркомпроса, в первое время «члены коллегий наркоматов (и, надо полагать, не только они, — *М. И.*) допускались на заседания СНК довольно свободно».[28] Поэтому введение твердого порядка, в соответствии с которым, кроме членов Советского правительства — народных комиссаров, управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича и секретарей СНК, в заседаниях Совета Народных Комиссаров разрешалось участвовать лишь докладчикам по вопросам повестки дня, а также вызывавшимся в случае надобности специалистам и представителям тех ведомств, которых касалось обсуждаемое дело, несомненно, существенно способствовало приданию необходимой организованности его работе. Таким образом, как уже отмечалось в литературе, первые попытки выработать и зафиксировать «внутреннюю конституцию» Совета Народных Комиссаров в целом в конце 1917 г. не были завершены.[29] За это время Совнаркомом не был принят какой-то единый нормативный акт, оформивший всю структуру и порядок деятельности

---

[25] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 1, л. 1.
[26] См.: там же, л. 9; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 5, л. 11.
[27] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 1, л. 22 об.
[28] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 381, л. 17 об.
[29] Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 157.

правительства и его аппарата. Однако, как увидим далее, Совет Народных Комиссаров, и особенно его Председатель В. И. Ленин, уже в первоначальные месяцы существования Советской власти предприняли в этом направлении ряд шагов, притом весьма существенных.

Прежде всего отметим, что в развитие приведенного выше решения от 30 ноября Совнарком принял в дальнейшем несколько новых постановлений, еще более уточнивших круг и компетенцию участвующих в его заседаниях лиц. Особым декретом 5 декабря народному комиссару по государственному контролю было предоставлено в СНК право решающего голоса по вопросам политического характера и совещательного — по вопросам финансово-экономического характера.[30] 23 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил написанный В. И. Лениным проект постановления о том, что при отсутствии наркомов на заседании правительства должны присутствовать их заместители с правом решающего голоса при условии, если они назначены постановлением СНК из состава членов коллегии соответственных комиссариатов.[31] 21 февраля, рассмотрев вопрос о мерах, направленных против проникновения в буржуазную печать сообщений, не подлежащих оглашению, Советское правительство решило принять более строгие меры для того, чтобы никто из посторонних не мог проникнуть в помещение Управления делами СНК, и в особенности в зал его заседаний. «На заседание Совета Народных Комиссаров, — говорилось во втором пункте постановления, — допускать лишь тех лиц, которые приглашены на специальные вопросы, их касающиеся, и по рассмотрении таковых просить немедленно удалиться».[32]

Все эти постановления СНК в дальнейшем строго соблюдались. И прежде всего благодаря тому, что Председатель СНК постоянно следил за точным и неуклонным выполнением решений правительства по вопросу о составе участников его заседаний. Об этом убедительно свидетельствует, например, написанная В. И. Лениным несколько позднее (в марте—апреле 1918 г.) первому секретарю СНК Н. П. Горбунову специальная записка, в которой говорилось: «Здесь сидят, видимо, лица, приглашенные на *иной* вопрос.

Выгонять их не надо.

Но Вам и другим секретарям объявляю выговор: сто раз говорено, что приглашать можно *лишь* на соответственный вопрос».[33]

Наряду с определением круга лиц, которые допускались к участию в заседаниях Совета Народных Комиссаров, уже в ноябре—декабре 1917 г.

---

[30] Декреты Советской власти, т. I, М., 1957, стр. 180.

[31] Ленинский сборник, XXXV, стр. 15. — В точном соответствии с этим решением СНК, разосланном вскоре во все народные комиссариаты (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 352, л. 9), и поступали руководители центральных советских учреждений. См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 59, л. 29.

[32] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 138.

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 54. — В направленной В. И. Ленину, по-видимому, в ходе заседания СНК ответной записке Н. П. Горбунов пояснял: «Кроме Альтфатера (эта фамилия зачеркнута, — *М. И.*), Попова, посторонних нет» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, № 5583, л. 2).

были в принципе решены и многие другие, первостепенные вопросы организации работы Советского правительства. Как уже отмечалось, первое время повестки заседаний Советского правительства были перегружены массой различных вопросов, в значительной части складывались по сути дела стихийно и включали не только важные проблемы общегосударственного характера, но и такие, которые не имели принципиального значения. К тому же в связи с отсутствием опыта государственной работы многие вопросы, вносившиеся народными комиссарами или другими советскими руководящими деятелями, весьма часто не были должным образом подготовлены. Вот почему в первые же послеоктябрьские недели стала очевидной настоятельная необходимость разработать прежде всего порядок подготовки заседаний Совнаркома. Первый шаг в этом направлении был сделан 20 ноября 1917 г., когда, заслушав доклад П. Е. Дыбенко о назначении комиссии для расследования состояния дел в транспортной флотилии, Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина принял следующее постановление: «По всем делам, требующим известного соглашения или обсуждения различными ведомствами, входить в контакт с этими ведомствами, помимо Сов. Нар. Ком., через В. Д. Бонч-Бруевича и Н. П. Горбунова».[34] По достаточно частному, конкретному вопросу здесь, по-видимому, впервые был сформулирован, хотя и в общей форме, важный принцип необходимости согласования вносившихся на рассмотрение СНК вопросов с другими советскими ведомствами. Причем организационно-техническая сторона подобных контактов должна была осуществляться при содействии указанных выше руководителей Управления делами правительства.

Примерно через месяц (не позднее 16 декабря 1917 г.), опираясь на накопленный уже определенный опыт практической работы Совета Народных Комиссаров и придавая большое значение вопросу правильной ее организации, В. И. Ленин пишет известные правила «о том, как ставить вопросы на повестку», т. е. правила подготовки и документирования заседаний Совнаркома: «От каждого комиссара, вносящего какой бы то ни было вопрос в порядок дня Совета Народных Комиссаров, требовать предварительного *письменного* заявления с указанием:

а) в чем состоит вопрос (кратко) [это указание не может ограничиться одной ссылкой («о том-то»), а должно состоять в *изложении содержания* вопроса]

б) что именно предлагается Совету Народных Комиссаров? (дать деньги; принять *такую-то* резолюцию и т. п. точные указания, *чего* хочет вносящий вопрос)

в) затрагивает ли данный вопрос ведомства других комиссаров? каких именно? есть ли от них письменные заключения?».[35] На заседании СНК

---

[34] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 1, л. 9.

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 384. — В связи с этим Н. П. Горбунов сразу же направил народным комиссарам и другим советским государственным деятелям специальное письмо, в котором просил их при внесении какого бы то ни было вопроса в порядок дня заседания Совета Народных Комиссаров пред-

18 декабря по п. 8 повестки дня о порядке внесения вопросов в порядок дня заседания правительства было принято постановление, утвердившее эту инструкцию В. И. Ленина, а также предложение Н. П. Горбунова закрывать повестку за полчаса до начала назначенного заседания.[36]

Позднее (в апреле 1918 г.) в Москве В. И. Ленин напомнил сотрудникам Секретариата СНК об этом постановлении и снова указал им, «что на повестку они не должны ставить вопросы без затребования от докладчика (или от вносящего вопрос) *подписки*:

1) запрошено ли ведомство фин[ансов] (К[омисса]риат Фин[ансов]+Контр[оль]), если дело касается расходов и ассигнований.

2) запрошены ли ведомства, *соприкасающиеся* с тем вопросом, о коем идет речь».[37] В соответствии с требованием главы Советского правительства («Все секретари должны подписаться здесь, что читали это»), в тот же день, 26 апреля, с приведенными выше указаниями В. И. Ленина ознакомились (и расписались в этом) пять секретарей Совета Народных Комиссаров: Н. П. Горбунов, Л. А. Фотиева, Я. Ш. Агранов, Д. А. Цырлин и Е. К. Кокшарова.[38] Небезынтересно, по-видимому, привести и сохранившееся в материалах к протоколу СНК от 26 апреля адресованное В. И. Ленину пояснительное письмо Н. П. Горбунова, в котором последний излагал обстоятельства, вызвавшие отмеченные Председателем Совнаркома упущения в работе сотрудников секретариата правительства. «Владимир Ильич, — сообщал Н. П. Горбунов. — Вопросы попадают на повестку без требуемых заключений только в том случае, если вносятся в порядке спешности во время заседания. Мы не имеем права снимать их в этом случае с повестки, но не можем и отвечать за правильность их внесения. Ваше замечание Елизавете Константиновне (Кокшаровой, — *М. И.*), которая ответственна за составление повестки, было сделано именно по поводу неправильно внесенного в „порядке спешности“ вопроса Пестковским „Разъяснение закона о мобилизации беженцев и жителей оккупированных местностей“. Елизавета Константиновна при всем желании снять этот вопрос с повестки сделать этого не имела права».[39]

Вместе с другими указаниями главы Советского правительства приведенная выше ленинская инструкция легла в основу всей повседневной деятельности Совета Народных Комиссаров. Таким образом, уже в конце 1917 г. Председателем СНК В. И. Лениным был установлен твердый порядок, в соответствии с которым внесение любого вопроса, и в том числе проекта постановления или декрета, на рассмотрение правительства должно было отвечать целому ряду требований. «Необходимым в подго-

варительно представлять об этом письменные заявления, составленные в соответствии с подготовленными В. И. Лениным правилами. Подробнее см. об этом: Э. В. Клопов. В. И. Ленин и организация деятельности Совета Народных Комиссаров, стр. 13—14.

[36] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 29, л. 22; ЦГАОР, ф. 130. оп. 1. д. 1, л. 43 об.

[37] Ленинский сборник, XXI, стр. 96—97.

[38] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, № 6408, л. 1.

[39] Там же, ф. 19, оп. 1, № 147, л. 46.

товке дела для обсуждения, — свидетельствует Л. А. Фотиева, — Владимир Ильич считал: представление краткой объяснительной записки (не более 2—3 страниц), сформулированного проекта решения СНК или СТО и отзывов о нем всех заинтересованных ведомств, а также контрпроекта в случае несогласия какого-либо ведомства. Материалы должны были заблаговременно рассылаться секретариатом всем членам Совнаркома».[40]

Как видим, от народных комиссаров или других руководителей советских ведомств прежде всего требовалось предварительное внесение вопроса в письменной форме в повестку заседания СНК. Как правило, это оформлялось в виде записки или письма в секретариат Совета Народных Комиссаров. Такова, например, записка заместителя народного комиссара по делам торговли и промышленности М. Г. Бронского, по-видимому, от 21 апреля 1918 г.: «Предлагаю поставить на повестку дня завтрашнего заседания Совнаркома проект декрета о национализации внешней торговли».[41] При этом довольно часто наркомы и другие советские руководящие работники стремились предварительно переговорить с Председателем СНК В. И. Лениным и заручиться его согласием, гарантировавшим, разумеется, внесение вопроса в повестку и, как правило, его положительное решение. «Уважаемая Лидия Александровна, — обращался, например, к Л. А. Фотиевой народный комиссар государственного контроля К. Г. Ландер. — С согласия Владимира Ильича завтра просьба включить в повестку: 1) Декрет о мобилизации управления Мурманской жел. дороги. 2) Доклад комиссии по обследованию Центротекстиля. 3) Доклад комиссии по обследованию Льняного комитета. 4) Об изменении порядка ликвидации претензий к казне. 5) Об учете имущества Республики. . .».[42]

Как отмечалось выше, представленные в Совет Народных Комиссаров материалы по любому вопросу обязательно должны были заранее направляться членам Советского правительства. Так, рассмотрев 20 апреля 1918 г. вопрос о присылке комиссариатам проектов декретов, Совет Народных Комиссаров постановил возобновить принятое ранее решение правительства печатать все проекты декретов и рассылать их всем комиссариатам для рассмотрения до внесения в Совнарком.[43] «Управление делами Совета Народных Комиссаров считает необходимым напомнить Вам о том, — говорилось в другом разосланном во все народные комиссариаты отношении, — что по постановлению Совета Нар. Ком. материалы на повестку как Большого, так и Малого Совета во избежание задержек должны присылаться в количестве не менее трех экземпляров; в противном случае материалы будут возвращаться обратно».[44] Заключительные

---

[40] Л. А. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина, стр. 99.
[41] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 101, л. 36.
[42] Там же, ф. 19, оп. 1, № 157, л. 46.
[43] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 295.
[44] Там же, № 355, л. 4. — Сохранившееся среди материалов не позднее 26 ноября 1918 г., это письмо Управления делами СНК, к сожалению, не датиро-

слова приведенного текста не являлись формальным предостережением, они отражали реальную действительность работы Советского правительства. Так, в письме секретаря СНК от 7 мая 1918 г. Ю. Ларину говорилось: «Напоминаем о постановлении Сов. Нар. Ком. 2-го мая с. г. отложить рассмотрение вопроса о лесах и поручить Вам позаботиться о немедленном напечатании в достаточном количестве экземпляров докладной записки и проекта декрета о лесах для ознакомления с этим материалом всех членов Совета».[45] Указанное требование постоянно соблюдалось в практике работы Совнаркома. «Препровождая при сем 50 экз. проекта декрета о реорганизации Комиссариата по продовольствию и местных продовольственных органов, — сообщалось, например, в отношении от 21 мая 1918 г., подписанном наркомом продовольствия А. Д. Цюрупой, — прошу внести проект в срочном порядке на рассмотрение Совнаркома 22 сего мая, как то постановлено в заседании Совнаркома 20 мая с. г.; причем сообщаю, что вышеозначенный проект декрета разослан во все народные комиссариаты, в т. ч. в комиссариат юстиции и в Высший совет народного хозяйства».[46] 11 июня 1918 г. специальным постановлением Совета Народных Комиссаров секретарю СНК было поручено вывешивать списки разосланных и розданных комиссариатам декретов.[47]

Но, пожалуй, наибольшее внимание уделялось согласованию вопросов, вносившихся на рассмотрение Совета Народных Комиссаров. В первую очередь это относилось к вопросам, так или иначе связанным с финансовыми ассигнованиями. Как вспоминает Д. П. Боголепов, первоначально Председателю Совнаркома В. И. Ленину «приходилось вести упорную борьбу за введение хотя бы элементарной правильности в ведении финансовых дел. Государственного бюджета в это время не было, так как Временное правительство за восемь месяцев своего существования не удосужилось его рассмотреть и утвердить: кроме того, он все равно никуда бы не годился при изменившейся ценности денег и совершенно изменившемся строе государственной жизни. С другой стороны, многие товарищи совершенно не считались с бюджетными формальностями, считая их буржуазными предрассудками, и Владимиру Ильичу приходилось в Совете Народных Комиссаров вести упорную борьбу за соблюдение норм, необходимых и для Советского государства».[48]

Как мы уже видели, в соответствии с принятой СНК еще в декабре 1917 г. ленинской инструкцией по любым вопросам, связанным с финансовыми ассигнованиями, необходимо было иметь заключение народных комиссариатов финансов и государственного контроля. Это принципиаль-

---

вано. Но, судя по подписи — «правитель канцелярии», должность которого появилась в штате УД СНК лишь во второй половине мая 1918 г. (там же, оп. 2, № 387, л. 6), оно скорее всего относится к лету 1918 г.

[45] Там же, № 352, л. 164.

[46] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 123, л. 11.

[47] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 30.

[48] Д. П. Боголепов. Воспоминания о В. И. Ленине. — В кн.: О Ленине. Книга IV. М.—Л., 1925, стр. 117.

ное положение получило в ходе последующей работы Советского правительства в рассматриваемый период дальнейшее развитие и конкретизацию. Так, в подписанном В. И. Лениным специальном циркуляре Совета Народных Комиссаров о порядке назначения сверхсметных кредитов советским ведомствам от 2 марта 1918 г., в частности, подчеркивалось, что «никакой новый расход, не предусмотренный сметами, не может быть произведен без испрошения на то кредита через Совет Народных Комиссаров по предварительному соглашению ведомств с комиссариатами по финансам и государственному контролю».[49]

В мае 1918 г. был окончательно определен порядок представления заключений по сметам и по отпускам авансов в счет утвержденных смет для приступа к работам или к заготовительным операциям. Советское правительство дважды рассматривало этот вопрос — первоначально 4 мая, когда председатель Центральной коллегии государственного контроля Д. А. Виноградов представил в Совнарком проект соответствующего декрета,[50] поддержанный Народным комиссариатом юстиции в лице заместителя наркома Д. И. Курского.[51] Однако на заседании СНК 4 мая было решено отложить обсуждение внесенного проекта. Причиной этого (в полном соответствии, заметим, с упомянутой ленинской инструкцией и общим содержанием самого проекта) явилось отсутствие надлежащего заключения со стороны руководства Комиссариата финансов. В связи с этим СНК предложил Д. А. Виноградову срочно снестись по этому вопросу с наркомом финансов И. Э. Гуковским, а если его приезд задержится, обратиться в Финансовую комиссию при ЦИК.[52] Предложенное СНК согласование с Наркомфином, по-видимому, потребовало некоторого времени, после чего 17 мая Совет Народных Комиссаров окончательно утвердил указанный выше проект декрета. Одновременно комиссариатам государственного контроля и финансов было предложено реорганизовать свое представительство в Комиссии смет при ВСНХ таким образом, чтобы в нее входили люди, имеющие экономическую подготовку.[53]

Безусловная необходимость наличия официального заключения Наркомфина по всем вопросам финансового характера была специально подтверждена Совнаркомом 26 июля, когда обсуждался проект декрета об объединении финансовой политики Советской власти. Представленный в СНК Наркомфином для устранения противоречий и параллелизма, этот проект предусматривал, чтобы все финансовые мероприятия различных советских учреждений, «издаваемые как в порядке законопроектов, так и в порядке управления», перед внесением их в СНК представлялись на рассмотрение коллегии Народного комиссариата финансов.[54]

---

[49] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, № 63, л. 35.
[50] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 109, л. 17.
[51] Там же, л. 17—17 об.
[52] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 357.
[53] Там же, л. 404. — См., кроме того: там же, № 56, л. 85.
[54] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 147, л. 42.

Признав нецелесообразным издавать по данному вопросу особый декрет, Советское правительство отклонило проект Наркомфина. Вместе с тем, ссылаясь на прежние свои решения, Совнарком вновь подтвердил, что ни одно постановление финансового свойства не может обсуждаться в СНК без предварительного заключения Коллегии комиссариата финансов.[55] При спешности посылаемого в Наркомфин проекта соответствующий комиссариат обязывался указать его срочность и в случае задержки доводить до сведения Советского правительства.[56]

Помимо необходимого согласования с Наркомфином и, конечно же, с заинтересованными ведомствами,[57] при внесении вопросов на рассмотрение Совета Народных Комиссаров в рассматриваемый период большое внимание также уделялось их согласованию с комиссариатами юстиции [58] и особенно государственного контроля. Из сохранившихся материалов к протоколам Совнаркома и его переписки хорошо видно, как неуклонно выполнялось приводившееся выше постановление правительства, обязывавшее все советские ведомства строго исполнять известную ленинскую инструкцию. Ограничимся двумя лишь примерами. Так, в письме УД СНК за подписью Е. К. Кокшаровой от 3 мая 1918 г., адресованном в Народный комиссариат юстиции, говорилось: Возвращая при сем Ваше отношение от 2 мая 1918 г. за № 3137, просим представить заключение по данному вопросу комиссаров финансов и государственного контроля, без чего вопрос не может быть внесен в повестку заседания Совета Народных Комиссаров».[59] В другом случае, 28 мая 1918 г., отвечая на вопрос наркома просвещения А. В. Луначарского, внесены ли для рассмотрения в СНК проекты декретов о передаче в ведение Наркомпроса всех учебных заведений и о запрещении продажи и вывоза за границу предметов искусства и старины (эти вопросы были рассмотрены Советским правительством 30 и 31 мая 1918 г.), кто-то из секретарей Совнаркома в ответной записке писал: «Анатолий Васильевич! Не нужно ли по этим новым вопросам заключения каких-либо комиссаров, например, финансов и контроля? Тогда можно бы сейчас передать, а то будет задержка, мы не имеем права (согласно инструкции СНК) ставить на повестку без за-

---

[55] Вот что в связи с этим говорилось, например, в письме секретаря СНК Е. К. Кокшаровой в Народный Комиссариат государственного контроля от 18 июля 1918 г.: «В ответ на Ваше отношение за № 3295 сообщаю, что заключение Народного комиссариата финансов нами еще не получено. По получении такого проект декрета будет внесен на повестку заседания Совета Народных Комиссаров» (ЦГАОР СССР, ф. 4390, оп. 2, № 145, л. 10).

[56] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 147, л. 43.

[57] «Доводим до Вашего сведения, — сообщалось, например, в письме УД СНК от 29 апреля 1918 г., разосланном во все народные комиссариаты, — что Совет Народных Комиссаров в заседании от 20 апреля с. г. постановил напомнить всем ведомствам, что утверждение окладов содержания служащим должно проходить через народный комиссариат труда» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 56, л. 58).

[58] Подробнее см.: М. П. Ирошников. Становление Советского декрета (Вспомогательные исторические дисциплины, VI. Л., 1974).

[59] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 149, л. 68.

ключения, а если бы и поставили, то СНК постановил бы передать на соответствующее заключение».[60]

Заключения заинтересованных в решении вносившегося в СНК вопроса народных комиссариатов и других ведомств, как правило, сообщались в письменной форме, в виде специальных отношений.[61] Но нередко (обычно в срочных случаях) это делалось и путем соответствующих резолюций («Поддерживаю», «Согласен», «Препятствий не встречаю» и т. п.) на самом тексте проекта постановления или декрета.[62] В необходимых случаях к вносившимся на рассмотрение СНК проектам постановлений или декретов прилагались пояснительные или докладные записки и другие справочные материалы (справки, переписка, протоколы и т. д.).[63]

Порядку составления Секретариатом СНК повесток заседаний Советского правительства было посвящено, наконец, еще одно, специальное постановление, принятое позднее, к концу рассматриваемого периода (7 августа 1918 г.). Текст этого постановления Совета Народных Комиссаров, в основу которого были несомненно положены соответствующие более ранние решения СНК, а также приводившиеся выше указания В. И. Ленина, гласил: «Повестку СНК закрывать за сутки до назначения заседания СНК и никаких, даже экстренных, вопросов на нее не принимать. Экстренные вопросы, не внесенные в повестку, принимать к слушанию по личному заявлению членов СНК на самом заседании Совета и по его решению. Повестку рассылать во все Народные Комиссариаты утром того дня, на которое назначено данное заседание. Поручить всем наркомам довести до сведения всех специалистов и экспертов, вызываемых ими на заседания СНК, чтобы они во избежание потери времени не „ждали“ момента слушания своего вопроса в Совете, за час до начала заседания созванивались с Секретариатом Совета и узнавали, будут ли фактически слушать их вопросы в данный день».[64]

Как мы уже видели, сама процедура заседаний Совета Народных Комиссаров первых послеоктябрьских месяцев не была точно и все-

---

[60] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 126, л. 59.

[61] Так, в направленном в СНК письме за подписью товарища наркома труда Г. Ф. Федорова от 4 июня 1918 г. говорилось: «Препровождая при сем смету расходов Академии наук на 1918 год, Народный комиссариат труда не встречает препятствий к утверждению в части ее, относящейся к содержанию личного состава» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 154, л. 44).

[62] См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 19, л. 14; № 154, лл. 130, 132, 133; Декреты Советской власти, т. I, стр. 256.

[63] Так, к внесенному в Совнарком 26 апреля 1918 г. президиумом ВСНХ проекту декрета о комитете государственных сооружений были приложены совместное отношение правительству от комитета хозяйственной политики и комиссии смет ВСНХ и протокол заседания последней от 20 апреля 1918 г. (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 105, лл. 20—24 об.). Справочные материалы были, например, представлены к заседанию СНК 4 декабря 1918 г., на котором обсуждался декрет об отпуске 448 000 руб. для выплаты заработной платы рабочим Гостипографии (Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 239).

[64] Декреты Советской власти, т. II, 1964, стр. 570—571.

сторонне регламентирована каким-либо одним специальным документом. Однако, основываясь на разнообразных материалах, отложившихся в процессе деятельности СНК, а также многочисленных воспоминаниях очевидцев, можно вполне определенно судить о постепенно сложившемся под руководством В. И. Ленина порядке проведения его заседаний, который вкратце [65] выглядел следующим образом.

Первый советский нарком здравоохранения Н. А. Семашко вспоминал впоследствии. «Спешишь попасть на заседание минута в минуту без всякого опоздания. Владимир Ильич сам был точен, как часовая стрелка, такой же точности он требовал от всех нас...».[66] Опоздание на заседание Совнаркома В. И. Ленин рассматривал как нарушение рабочей дисциплины и недопустимую потерю времени.[67] В целях более точного начала заседаний и экономии времени СНК 29 декабря по п. 11 повестки дня (об открытии заседания Совета в точно назначенное время) принял специальное постановление, которым был установлен штраф для опоздавших на заседания на полчаса и час в размере соответственно 5 и 10 рублей. Освобождались от штрафа лишь те народные комиссары, которые заранее представляли секретарю Совета соответствующие заявления с точным указанием причин опоздания или неявки.[68] В материалах к протоколу № 36 СНК сохранилось уведомление секретаря Совета Н. П. Горбунова о принятии этого постановления с пометками об ознакомлении с его содержанием народных комиссаров А. В. Луначарского, В. Р. Менжинского, Г. И. Петровского и др.[69] Из этого же источника (протоколов СНК и материалов к ним) видно, что в соответствии с установленным порядком принимавшие участие в работе правительства народные комиссары расписывались на особых «присутственных» листках,[70] а секретари СНК в письменной форме сообщали В. И. Ленину о всех, кто прибыл по тому или иному вопросу,[71] и запрашивали разрешение Председателя СНК на их присутствие при рассмотрении соответствующего пункта повестки заседания.[72] Несколько позднее, 10 августа 1918 г., Совнарком принял еще одно постановление, которое было специально посвящено вопросу о неявке на заседание правительства кого-либо из до-

---

[65] Далее рассматривается в основном организационно-процедурная сторона этого порядка; общую же характеристику заседаний СНК и председательской деятельности В. И. Ленина см. в следующей главе настоящей книги.

[66] Н. А. Семашко. Ильич ведет заседание. — Известия, 14 февраля 1960 г.

[67] См.: М. Н. Скрыпник. Воспоминания об Ильиче. М., 1965, стр. 39; Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 г. — В кн.: О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы. М., 1963, стр. 310.

[68] Так, народный комиссар просвещения А. В. Луначарский в связи с этим сообщал, например, в конце декабря 1917 г. секретарю Совнаркома: «Следующие вечера заняты у меня нуждами агитации и лекциями — 31 декабря, 2 января, 4 января, 7 января, 10 января, 14 и 17 января» (ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2173, л. 5).

[69] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 36, л. 15.

[70] См., например, там же, № 67, л. 8.

[71] Там же, № 43, л. 3; № 93, л. 58; № 121, л. 26.

[72] Там же, № 164, л. 104; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 9, № 73, л. 31.

кладчиков или народных комиссаров. «Те вопросы, — говорилось в постановлении, — по которым докладчик не является, несмотря на извещения, снимаются с повестки и должны вноситься снова. Предложить всем народным комиссарам в случае, если они не могут быть на заседании, присылать своих заместителей или членов коллегии».[73]

Ознакомление с вопросами повестки заседания, заранее составленной секретарем СНК, являлось, как правило, первоначальным моментом работы Совета Народных Комиссаров, и особенно его Председателя В. И. Ленина. Снятие вопросов или дополнение повестки, как и изменение ранее принятого порядка очередности в рассмотрении ее пунктов, осуществлялось в первую очередь В. И. Лениным, а также по инициативе участников заседания. Все это вызывалось, понятно, разными причинами, и прежде всего чрезвычайными условиями обстановки, которая выдвигала на первый план то одни, то другие вопросы. В связи с этим Председатель СНК В. И. Ленин дополнял повестку почти каждого заседания правительства вопросами, требовавшими своего незамедлительного решения. Так, на повестке дня заседания 20 ноября 1917 г. В. И. Ленин делает пометки, дополняя ее пунктами: о положении дел в Оренбургской губернии (в связи с контрреволюционным мятежом Дутова), об отсрочке созыва Учредительного собрания, об обращении к мусульманам (ввиду чрезвычайной важности этого акта было решено «напечатать его в миллионах экземпляров на языках мусульман Востока и России») и др.[74]

Утверждение повесток заседаний СНК, до предела насыщенных многочисленными и разнообразными вопросами, было весьма сложным и трудоемким делом, требовавшим много времени. Председатель СНК проделывал громадную работу по предварительному ознакомлению с повесткой дня, намеченной на ближайшее заседание правительства. Это хорошо видно, в частности, на примере хода подготовки повестки заседания СНК, первоначально намечавшейся на 22 января 1918 г. Тщательно выправив эту повестку, в которую было внесено 50 (!) вопросов, В. И. Ленин сделал на полях пометки против 16 ее пунктов, предложив направить в Малый СНК вопросы пп. 7, 18, 19, 23, 24, 25, 29, отклонить или вернуть пп. 9, 14, 16, 17, 21, 28, 31. В двух случаях ленинские пометки относились к существу внесенных вопросов: п. 38 «О разрешении „Известиям“ печатать объявления (Свердлов)» было предложено соединить с п. 23 («слиянии „Известий“ с „Газетой“ правительства»), а в п. 42 «О Комиссариате по демобилизации (Подвойский)» была уточнена его формулировка: не Комиссариата, а Отдела демобилизации.

---

[73] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 198.

[74] В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 4, стр. 149; Декреты Советской власти, т. I, стр. 115. — О дополнениях и изменениях, внесенных В. И. Лениным в повестки заседаний СНК 23, 24, 25, 30 ноября и 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 13 декабря 1917 г., см.: В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 4, стр. 150, 154, 156, 157; № 5, стр. 135, 138; № 6, стр. 135, 138, 140, 142, 144, 146, 149.

Одновременно В. И. Ленин пополнил повестку еще одним, новым пунктом 51 о национализации речного и торгового флота.[75] По-видимому, в течение 22 или 23 января В. И. Ленин, вновь вернувшись к данной повестке, опять подверг ее значительному сокращению (в тексте, представленном Совнаркому 23 января, насчитывалось уже только 14 пунктов) [76] и перенес ряд вопросов (о кредитах по Морскому министерству, об отделе законодательных предположений, о календаре и др.) на следующее заседание СНК 24 января, где они и были рассмотрены.[77] О большом внимании Председателя СНК к этой важной стадии работы правительства, его постоянном контроле за тщательным и правильным составлением повестки заседаний Совнаркома красноречиво свидетельствует пометка, сделанная кем-то из секретарей СНК на тексте внесенного 28 января 1918 г. Наркомвоеном проекта декрета о передаче всех организаций, ведающих делами о военнопленных, в Отдел по демобилизации армии. «Выяснить, — значилось в пометке, — ибо вопрос, говорит Владимир Ильич, уже был решен».[78] Именно так и было на самом деле. Вопрос о военнопленных рассматривался правительством 23 января, когда СНК принял необходимое постановление, в соответствии с которым и был затем утвержден указанный выше декрет.[79]

Решение Совета Народных Комиссаров о переносе рассмотрения вопроса или проекта декрета на другое заседание обычно диктовалось необходимостью уточнения или выяснения тех или иных обстоятельств по делу, отсутствием на заседании нужных для решения вопроса лиц или документов. «Ставится на обсуждение какой-нибудь проект, — вспоминает С. С. Пестковский, — зоркий глаз Ильича всегда замечает, отсутствует ли представитель какого-нибудь заинтересованного ведомства. Если кто-нибудь отсутствует, вопрос обязательно откладывается, а Ильич распоряжается вызвать по телефону заинтересованных людей. Я не помню ни одного случая, чтобы какой-нибудь декрет или даже второстепенный вопрос разбирался в отсутствие кого-либо из заинтересованных».[80] Перенос рассмотрения вопросов, стоявших в повестке последними пунктами, на другой день часто вызывался простой нехваткой времени.[81]

Дальнейшая судьба утвержденного в повестке дня СНК вопроса в общих чертах была обычно такова: после его рассмотрения (т. е. после сообщения докладчика и последующего обмена мнениями членов правительства) Совет Народных Комиссаров выносил решение о принятии (утверждении) с учетом сделанных поправок и дополнений соответ-

---

[75] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 54, лл. 53—55.
[76] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 63—66.
[77] Там же, лл. 74—76.
[78] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 59, л. 37.
[79] См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 398, 399, 444, 445.
[80] С. Пестковский. Из воспоминаний о Ленине. — Молодая гвардия, 1924, № 2—3, стр. 101—102.
[81] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 1, лл. 16, 25, 32, 40 об.

ствующего проекта постановления или декрета, текст которого затем подписывался его Председателем В. И. Лениным.[82] Именно таким образом, без последующей доработки, был принят целый ряд постановлений Советского правительства.[83] Однако, как правило, Совет Народных Комиссаров далеко не сразу принимал окончательное решение по рассматривавшимся вопросам. Во многом это было связано с установившимся в деятельности Советского правительства уже с первых недель его существования важным принципом обязательного согласования вносившегося вопроса со всеми заинтересованными комиссариатами и другими учреждениями, что несомненно существенно способствовало всестороннему его обсуждению и правильному решению. Именно на этой основе в повседневной практике Совета Народных Комиссаров получило такое широкое применение создание различных (постоянных, чрезвычайных и рабочих) комиссий, задачи и компетентность которых, равно как и их численность и персональный состав, определялись правительством в каждом отдельном случае.

Одна из первых, по-видимому, постоянных комиссий Совета Народных Комиссаров в рассматриваемый период была создана на заседании СНК 27 ноября 1917 г., когда по предложению В. И. Ленина было решено составить особую комиссию для обсуждения основных вопросов, связанных с проведением в жизнь социалистической финансово-экономической политики Советского правительства.[84] В качестве постоянной комиссии при Совнаркоме была также организована в начале декабря 1917 г. (и в этом случае по инициативе В. И. Ленина) и действовала в дальнейшем Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК).[85] В качестве постоянной комиссии Совета Народных Комиссаров действовал и образованный также в первые послеоктябрьские месяцы Малый Совнарком, о работе которого мы в дальнейшем расскажем несколько подробнее. Сейчас же отметим лишь тот небезынтересный факт, что именно Комиссии при СНК (или Малому СНК, как его было принято тогда называть) было, в частности, предоставлено в начале июля 1918 г. право окончательного решения вопросов на время перерыва заседаний Совета Народных Комиссаров в связи с работой V Всероссийского съезда Советов. В принятом по этому поводу постановлении Советского правительства от 8 июля говорилось: «На ближайшие дни, пока не кончится съезд Советов, Комиссии при Сов. Нар. Ком. предоставить право окончательного утверждения вопросов, при условии, что 1) спешность вопро-

---

[82] См., например: Декреты Советской власти, т. I, стр. 109, 185, 240, 255, 256, 279, 281, 288, 289.

[83] Там же, стр. 107—109, 113—115, 130, 131, 148—151 и др. — Точно так же принимались обычно предложения о назначении на какую-либо должность или увольнении с нее. См., например: Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 141, 142, 220, 221, 259, 260 и др.

[84] См.: Ленинский сборник, XXI, стр. 107, 108.

[85] ЦПА ИМЛ, ф. 18, оп. 1, № 21. л. 4; П. Г. Софинов. Очерки истории ВЧК. М., 1960, стр. 18.

сов в каждом отдельном случае установлена единогласным постановлением всей Комиссии, 2) решение по этим вопросам будет вынесено единогласно всей Комиссией».[86]

В тревожной обстановке февральских дней 1918 г., вызванной наступлением германских войск на революционный Петроград, на заседании 20 февраля Совет Народных Комиссаров образовал, как уже отмечалось, из своего состава «для создания непрерывности работ» и «на началах ответственности перед ним» новый чрезвычайный орган — Временный Исполнительный Комитет из 5 человек во главе с Председателем СНК В. И. Лениным.[87] В соответствии с данным постановлением Временный Исполком СНК в эти дни вел текущую работу между заседаниями Советского правительства. 21 февраля Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина заслушал, в частности, доклад представителя от левых эсеров В. А. Карелина о деятельности Временного исполкома и, как видно из протокола СНК, после общей дискуссии постановил объявить перерывы для совещания по фракциям (большевиков и левых эсеров) ввиду выявившихся разногласий по вопросу о переговорах с союзными державами о снабжении страны продовольствием и военным снаряжением.[88] Назавтра, 22 февраля, вопреки отрицательной позиции «левых коммунистов», солидаризировавшихся фактически с левоэсеровскими лидерами, ЦК РСДРП(б) признал необходимым вооружение и снаряжение Красной Армии всеми необходимыми средствами, в том числе и путем приобретения их у капиталистических государств, при сохранении полной независимости внешней политики.[89] В тот же день вопрос о приобретении оружия и продовольствия у держав Антанты (Англии и Франции) был снова поставлен и положительно решен и на заседании Совета Народных Комиссаров.[90]

В наступивший весной 1918 г. период «мирной передышки», когда Советская власть получила возможность вплотную приступить к ликвидации тяжелого наследия войны — промышленно-транспортной разрухи и весьма обострившегося продовольственного и топливного положения, ЦК РКП(б) и СНК, В. И. Ленин уделяли, естественно, особое внимание преобразованию экономики страны на социалистических началах, коренной реорганизации управления всей ее хозяйственной жизни. Именно в связи с этим, рассмотрев 20 мая вопрос о заготовке топлива средствами железных дорог, докладчиком по которому выступил П. А. Кобозев, Совет Народных Комиссаров признал необходимым «для осуществления диктаторских мер в вопросах о топливе и продовольствии и для объединения экономической политики» образовать особую комиссию. В состав этой комиссии, которую было решено назвать экономической, Совнарком

---

[86] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, лл. 102, 103.
[87] См.: Ленинский сборник, XXI, стр. 98.
[88] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 139.
[89] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958, стр. 206—208.
[90] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 361—364, 488, 489.

включил П. А. Кобозева (от НКПС), А. Д. Цюрупу (от Наркомпрода) и председателя ВСНХ,[91] а также (с совещательным голосом) представителя Народного комиссариата государственного контроля, которым, по-видимому, был вскоре назначен А. В. Галкин.[92] Одновременно СНК сделал необходимые указания об основных направлениях, в которых надлежало действовать экономической комиссии, а также о характере ее повседневной работы и взаимоотношений с народными комиссариатами. «Как одну из основных мер, — говорилось в постановлении СНК, — наметить слияние всех аппаратов по добыче топлива и абсолютный централизм. Комиссия обязана приглашать на свои заседания представителей всех ведомств, интересы которых будут затронуты выдвигаемыми вопросами. Комиссариаты со своей стороны обязаны посылать своих представителей по первому требованию комиссии».[93] Через день, 22 мая, в соответствии с предложением представителя вновь образованной комиссии П. А. Кобозева Совет Народных Комиссаров постановил три раза в неделю (по понедельникам, средам и пятницам) ставить в повестке дня заседаний «преимущественно экономические вопросы».[94] В направлении, определенном Совнаркомом, и протекала в дальнейшем деятельность экономической комиссии СНК, соответствующие постановления которой (к сожалению, в протоколе заседания СНК они не раскрыты) были, в частности, утверждены Советским правительством 25 мая 1918 г.[95] В материалах Совнаркома рассматриваемого периода сохранился еще один документ, свидетельствующий, во-первых, о довольно широком круге вопросов, решением которых занималась экономическая комиссия СНК, а во-вторых, об участии в ее практической работе главы Советского правительства. Это подписанное Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным удостоверение за № 3082 от 28 мая 1918 г., в котором говорилось: «На основании постановления экономической комиссии, наделенной 20 мая Советом Народных Комиссаров диктаторскими полномочиями, поручается Народному комиссариату почт и телеграфов срочно установить радиостанцию в Баку и несколько радиостанций по Волге для сношения с Москвой и Петроградом. Ввиду изложенного прошу оказывать предъявителю сего инженеру Александру Сергеевичу Грамматчикову под страхом самой строгой ответственности всякое содействие ввиду необходимости в срочном порядке произвести установку указанных выше радиостанций».[96]

В качестве чрезвычайных комиссий, созданных Советом Народных Комиссаров для выполнения специальных ответственных заданий на определенный, обычно не слишком продолжительный срок, были образованы и действовали, например, организованная СНК 7 декабря 1917 г. при

---

[91] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 409, 410.
[92] См.: там же, ф. 4390, оп. 2, № 145, л. 25.
[93] Там же, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 410.
[94] Там же, л. 417.
[95] Там же, л. 427.
[96] Там же, № 365, л. 89.

обсуждении вопроса «о координации военно-революционных действий» комиссия из представителей трех народных комиссариатов — военного, морского и внутренних дел,[97] учрежденная декретом СНК от 30 января 1918 г. Всероссийская междуведомственная чрезвычайная комиссия по охране дорог,[98] утвержденная 31 января 1918 г. по проекту В. И. Ленина Чрезвычайная комиссия по продовольствию,[99] образованные декретом СНК от 22 февраля 1918 г. Чрезвычайная комиссия по разгрузке Петрограда и затем постановлением от 4 марта 1918 г. Центральная коллегия по разгрузке и эвакуации Петрограда,[100] а также постановлением СНК от 25 февраля 1918 г. Чрезвычайная комиссия по разгрузке Архангельского порта [101] и, наконец, учрежденное декретом СНК от 13 апреля 1918 г. специальное междуведомственное совещание для разрешения вопросов, связанных с заключением и проведением в жизнь Брестского мирного договора.[102]

При необходимости для осуществления задач проверки и специального расследования фактических обстоятельств того или иного дела Совет Народных Комиссаров создавал следственные комиссии.[103]

Но особенно часто несомненно на заседаниях Совнаркома создавались рабочие, или временные, комиссии. Это делалось почти неизменно во всех случаях, когда вынесение окончательного постановления по рассмотренному вопросу откладывалось и правительство принимало предварительное решение, направленное на доработку вопроса или текста проекта декрета по существу или редакционного характера. При этом Совнарком обычно поручал подготовить или доработать должным образом вопрос (или проект постановления) комиссии, специально для этого образовывавшейся и состоявшей, как правило, из автора первоначального проекта, народных комиссаров, а также специалистов и представителей различных ведомств и организаций. Так, 23 января 1918 г. после обсуждения вопроса о демобилизации промышленности Совет Народных Комиссаров решил, в частности, образовать комиссию из представителей военного и морского ведомств, комиссариатов труда, торговли и промышленности, путей сообщения и ВСНХ, которой было поручено в недельный срок представить на утверждение правительства проект постановления о том, «какие предметы военного снаряжения должны быть вырабатываемы и каким процентом по отношению к производству военного времени, и какие предметы военного снаряжения более не должны вырабатываться». Одновременно этой же комиссии (ее созыв был возложен на Народный комиссариат труда) было поручено организовать деловой центр при участии рабочих

---

[97] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 21, л. 4.
[98] Декреты Советской власти, т. I, стр. 452—454.
[99] Там же, стр. 459, 460.
[100] Там же, стр. 495, 521—522.
[101] Там же, стр. 570, 571.
[102] Там же, т. II, стр. 102, 103.
[103] См., например: Ленинский сборник, XXI, стр. 114, 115; Декреты Советской власти, т. I, стр. 141.

организаций для собирания заказов и распределения их по заводам.[104] Точно так же в практике рассмотрения Совнаркомом новых правительственных актов широкое применение получило направление их проектов на дополнительное обсуждение комиссий из представителей всех заинтересованных ведомств и организаций. Так, в протоколе СНК от 7 июня 1918 г. по докладу наркома труда А. Г. Шляпникова о декрете об отпусках (п. 3 повестки заседания) читаем: «Передать проект на дополнительное обсуждение специальной комиссии из представителей комиссариатов труда, контроля, юстиции и Всероссийского совета профессиональных союзов».[105] Часто после обсуждения Совнаркомом проектов вносившихся постановлений или новых правительственных актов они передавались в такого рода комиссии для доработки отдельных вопросов их содержания, а также для окончательного редактирования текста уже принятых в основном проектов.[106]

Для согласования же и окончательной выработки текста рассматривавшихся в Совете Народных Комиссаров проектов таких постановлений или декретов, в отношении которых между различными заинтересованными наркоматами, ведомствами и общественными организациями или между партийными фракциями, входившими в состав СНК и ВЦИК, имелись расхождения, нередко создавались согласительные комиссии. Так, рассмотрев 11 декабря 1917 г. доклад заместителя наркома финансов А. Е. Аксельрода о штатах служащих правительственных учреждений, Совнарком постановил: «Поручить т. Боголепову составить согласительную комиссию из представителей комиссариатов труда, финансов, профсоюза служащих в гос. учреждениях и представителя заинтересованного союза низших служащих».[107]

Создавая различные комиссии для доработки тех или иных вопросов или проектов декретов, Совет Народных Комиссаров и его Председатель В. И. Ленин не только определяли в основных чертах задачи каждой из таких комиссий, но и неизменно направляли их деятельность, осуществляли необходимый контроль за ходом выполнения поручений правительства. Так, заслушав 7 июня 1918 г. доклад специалистов о технической и экономической целесообразности передачи шоссейных дорог в ведение

---

[104] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 54, л. 47 об. — Другим примером может послужить решение Совнаркома по внесенным в заседание правительства 13 декабря 1917 г. двум проектам декретов о спекуляции и борьбе с контрреволюцией, в котором говорилось: «Ввиду неразработанности представленных проектов передать их т. Бонч-Бруевичу для вручения их автору. Просить автора этих проектов пересмотреть их совместно с комиссаром юстиции и внести их вторично в СНК» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 1, л. 37 об.).

[105] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 17.

[106] См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 92, 148 и др.

[107] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 35 — С работой согласительных комиссий связано также, например, принятие таких важных актов Советской власти, как декрет о праве отзыва делегатов и договор с Финляндской социалистической рабочей республикой (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 392, 393; Декреты Советской власти, т. I, стр. 120).

ВСНХ, в заключительном пункте своего постановления СНК указал: «...работы согласительной междуведомственной комиссии продолжать с целью выработки подробных правил передачи. Комиссии назначить 2-недельный срок».[108]

В интересах обеспечения возможно более четкой и результативной работы правительственных комиссий Совнарком, рассмотрев 15 января проект положения о законодательном совете морского ведомства, принял, в частности, особое постановление, которое гласило: «При назначении Советом Народных Комиссаров специальных междуведомственных комиссий немедленно устанавливается срок для выработки решений такой комиссии. Участие представителей соответственных ведомств обязательно, и за неприбытие их на заранее назначенное заседание ответственность падает на руководителей соответствующих ведомств. О каждом неприбытии доводится до сведения Совета Народных Комиссаров».[109] 26 апреля 1918 г., утвердив протокол заседания Комиссии при СНК от 24 апреля, Советское правительство сочло необходимым одновременно специально внести в текст принятого постановления следующее немаловажное разъяснение: «К пункту 14 заметить, что в случае, когда Совет Народных Комиссаров не указывает на лицо, которому предлагается то или иное поручение, по обсуждаемому конкретному вопросу подразумевать под этим лицом докладчика по этому вопросу, вменяя ему в обязанность доводить до сведения Совета Народных Комиссаров об исполнении возложенного на него поручения».[110]

И надо сказать, что в дальнейшем Советское правительство и его глава В. И. Ленин строго следили за выполнением установленного общего порядка работы комиссий СНК. В частности, заслушав 1 июня 1918 г. заключение комиссии, назначенной 28 мая по вопросу об ассигновании Лесному отделу Архангельского Совета 3 млн руб., Совет Народных Комиссаров постановил: «Поставить на вид тов. Ларину и Главлесу, что заключение комиссии должно быть подписано всеми членами комиссии, что на заседание для обсуждения заключения комиссии должны явиться все члены комиссии и что промедление всецело записывается на счет членов комиссии, не исполнивших этих требований».[111] 26 июня 1918 г., рассмотрев доклад комиссии по вопросу о создании фонда по обеспечению семейств лиц, призванных на военную службу, составленной 22 июня из представителей комиссариатов труда, социального обеспечения, военного и финансов, Советское правительство поставило на вид комиссии неточное исполнение ею постановления Совета Народных Комиссаров.[112]

---

[108] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, лл. 17—18.
[109] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 47, л. 10.
[110] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 315.
[111] См.: там же, № 2, л. 1; № 56, л. 137.
[112] По-видимому, данное постановление было вызвано тем, что комиссия успела подготовить к 26 июня лишь доклад, а не проект соответствующего декрета, как об этом говорилось в решении СНК 22 июня (см.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, лл. 62, 70).

Как уже отмечалось, видную роль в руководстве деятельностью различных комиссий СНК и в их непосредственной работе играл В. И. Ленин, который постоянно был в курсе всех дел, всех готовившихся к рассмотрению вопросов, к нему сходились информационные и деловые нити от всех без исключения постоянных и временных комиссий правительства. Именно «для сведения» В. И. Ленина в первую очередь поступали обычно протоколы заседаний комиссий и их заключения,[113] к Председателю Совнаркома изо дня в день обращались за советом и поддержкой с самыми разными просьбами и вопросами, связанными с выполнением заданий правительства, ответственные руководители, члены комиссий СНК и заинтересованные в их работе ведомства и лица. Ограничимся двумя лишь примерами. Так, 17 июля 1918 г. к Председателю СНК обратился нарком почт и телеграфов В. Н. Подбельский. «Владимир Ильич, — писал он, — наша комиссия по выработке декрета о радиотехническом совете еще заседает: вчерашний проект пришлось перерабатывать коренным образом. Мы просим поэтому заслушать этот проект в следующем заседании».[114] Эта просьба была признана В. И. Лениным достаточно обоснованной и удовлетворена. В результате проект декрета о централизации радиотехнического дела, окончательный текст которого В. И. Ленин просмотрел и отредактировал, был рассмотрен и утвержден Совнаркомом 19 июля 1918 г.[115] На другой день, 20 июля, к В. И. Ленину поступило заявление инженера-технолога П. А. Козьмина, назначенного после Октябрьской революции членом коллегии Наркомпрода и комиссаром по снабжению деревни сельскохозяйственными машинами. В письме сообщалось: «Ввиду того, что следственная комиссия по делу сельскохозяйственного машиноснабжения состоит из служащих ВСНХ и одного представителя Комиссариата юстиции, среди которых нет ни одного инженера в качестве равноправного члена комиссии (комиссия состоит из 2 лиц от ВСНХ, обоих юристов, из коих один бывший судебный следователь), я прошу пополнить следственную комиссию ответственным представителем от ВСНХ с инженерным цензом и стажем, а также партийным (коммунистом) товарищем».[116] Председатель Совнаркома тотчас же сделал указание Президиуму ВСНХ о необходимости в интересах всестороннего обследования дела по сельскохозяйственному машиностроению создать комиссию из представителей ВСНХ и Комиссариата юстиции согласно постановления Совета Народных Комиссаров от 20 июня 1918 г. Считая необходимым ускорить работу комиссии и сделать ее более всесторонней, В. И. Ленин предложил также обязательно пополнить ее состав ответственным инженером ВСНХ, указав в качестве наиболее подходящего кандидата инженера А. В. Винтера, члена коллегии отдела топлива и Главного торфяного комитета, имевшего многолетний стаж прак-

---

[113] См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2202, лл. 6—6 об
[114] Там же, ф. 19, оп. 1, № 158, л. 98.
[115] См.: Декреты Советской власти, т. III, стр. 61, 62.
[116] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 161, л. 54.

тической инженерной работы.[117] Более того, в тот же день, 20 июля, В. И. Ленин лично внес приведенное выше ходатайство П. А. Козьмина на рассмотрение Совнаркома, который на этом же заседании постановил считать вопрос исчерпанным ввиду включения в состав комиссии соответствующего специалиста-инженера.[118]

Очень часто В. И. Ленин лично принимал деятельное участие в работе самых различных комиссий, образовывавшихся Советом Народных Комиссаров. Так, в ночь с 27 на 28 октября 1917 г. в связи с наступлением контрреволюционных войск Керенского—Краснова ЦК РСДРП(б) и Совнарком создали специальную комиссию во главе с В. И. Лениным для непосредственного руководства всей работой по обороне Петрограда от мятежников.[119] На заседании СНК 5 декабря 1917 г. при обсуждении вновь возникшего вопроса о взаимоотношениях Советской власти и Украинской Рады Совнарком поручил комиссии с участием В. И. Ленина (образованной по украинскому же вопросу на заседании 3 декабря) принять соответствующие меры и обратиться с воззваниями к украинскому народу и солдатам. В принятом постановлении далее говорилось: «Считать комиссию полномочной действовать от имени Совета Народных Комиссаров».[120] Последнее решение правительства не носило какой-то особый, исключительный характер. Из протоколов СНК видно, что правительственные комиссии довольно часто (особенно в тех случаях, когда в их состав включался В. И. Ленин) наделялись особыми полномочиями, в соответствии с которыми единодушно принятое решение комиссии не требовало уже последующего утверждения Совнаркома. Так, обсудив на упоминавшемся уже заседании 5 декабря 1917 г. проекты положения и инструкции о волостных комитетах, Советское правительство постановило: «Назначить комиссию в составе товарищей Ленина, Сталина, Колегаева, как автора проектов, и Шлихтера для их рассмотрения. В случае достижения этой комиссией единогласного соглашения об окончательной редакции этих проектов считать их утвержденными Советом Народных Комиссаров».[121] Точно так же, например, рассмотрев 23 марта 1918 г. вопрос о постройке узкоколейных продовольственных дорог для обеспечения Москвы хлебом и включив персонально В. И. Ленина в образованную для разработки этого вопроса комиссию из представителей народных комиссариатов продовольствия, финансов, путей сообщения и государственного контроля, Советское правительство также специально оговорило в принятом постановлении, что данная комиссия может решать вопросы от имени Совета Народных Комиссаров, если придет к единогласному решению.[122]

---

[117] Там же, л. 55.

[118] См.: там же, л. 57; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 137.

[119] В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 2, стр. 168.

[120] Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 235, 236.

[121] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, л. 30 об.

[122] Там же, оп. 2, № 1, л. 180.

Но, вне всякого сомнения, наибольшее внимание и время уделял В. И. Ленин одной постоянной комиссии Советского правительства — Малому Совнаркому. Уже само создание Малого СНК было неразрывно связано с указаниями и требованиями В. И. Ленина и принятым в соответствии с ними рядом постановлений Совета Народных Комиссаров, посвященных определению круга вопросов, решение которых могло и должно было осуществляться без рассмотрения их Советским правительством. Попытки разгрузить в этом отношении Совет Народных Комиссаров от громадного числа сравнительно небольших, второстепенного характера вопросов, нередко к тому же бесспорных, были предприняты с первых же дней работы нового правительства. Так, заслушав на заседании 15 ноября 1917 г. доклад В. Д. Бонч-Бруевича по вопросу издания официальной газеты с объявлениями в типографии «Русской воли», Советское правительство постановило предоставить решать данный вопрос соответствующим ведомствам. Небезынтересно привести сохранившуюся в материалах к протоколу этого заседания СНК первоначальную секретарскую запись данного постановления: «Тов. А. В. Луначарский предлагает подобные вермишельные вопросы на заседание Сов. Нар. Комиссаров не вносить, а решать их в соответствующих ведомствах».[123]

Рассмотрев 19 ноября заявление комиссара по делам беженцев о безработице среди печатников и типографских рабочих в связи с закрытием буржуазных газет и о необходимости организации общественных работ, Совет Народных Комиссаров принял следующее решение: «Передать вопрос и заявление в комиссариат по внутренним делам и сделать указание тов. Горбунову впредь направлять подобные дела на предварительное рассмотрение в соответствующие комиссариаты».[124] 27 ноября Совнарком принял аналогичное постановление по внесенному П. Е. Дыбенко проекту положения о полковых комитетах интендантских продовольственных магазинов и учреждений Петрограда и его окрестностей: «Направить проект положения на утверждение в Комиссариат по военным делам и предложить секретарю Совета тов. Горбунову впредь отсылать подобные дела по соответствующим ведомствам, не загромождая ими Совета Народных Комиссаров».[125]

Как видим, в каждом из приведенных постановлений, принятых по различным конкретным поводам, прослеживается один и тот же мотив — оградить Советское правительство от рассмотрения не носящих принципиального характера вопросов.

Первым постановлением СНК, устанавливавшим определенный порядок рассмотрения второстепенных вопросов, было решение СНК от 20 ноября о порядке удовлетворения финансовых требований, в котором

---

[123] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 1а, лл. 2—3.
[124] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, л. 7.
[125] Там же, № 1, л. 18 об.

говорилось: «Все финансовые требования направляются в соответствующее министерство, потом в казначейство, далее в Министерство финансов, в госконтроль, и только после этого в Совет Народных Комиссаров».[126] В соответствии с этим решением внесенные 25 ноября проекты трех декретов (об отмене косвенного налога, о введении поимущественного налога, о введении налога на расточительство), были переданы на рассмотрение наркомата финансов. СНК снова указал, что будет обсуждать все проекты «только по рассмотрении их в соответствующих ведомствах; в частности, подобные только что заслушанным — по предварительном рассмотрении в коллегиях финансовой и экономической».[127] Через два дня Совет Народных Комиссаров, рассмотрев вопрос об отпуске ссуды в 250 тыс. руб. газете «Деревенская Беднота», вновь отметил в своем постановлении: «Впредь разрешать подобные мелкие дела вермишельного характера ведомственным путем. Поручить секретарю Совета Горбунову отметать все подобные дела и не ставить их на повестку».[128]

Порядок решения таких второстепенных вопросов стоит отдельным пунктом (№ 2) на заседании правительства 4 декабря, по которому принимается специальное постановление: «Бесспорные вопросы, касающиеся финансов, решаются народными комиссарами соответствующего ведомства, финансов, госконтроля и вносятся в СНК за соответствующими подписями для утверждения, без дальнейшего рассмотрения».[129] Этим решением Совнарком поручил рассмотрение подобного рода вопросов так называемой вермишельной комиссии, деятельность которой в дальнейшем явилась предметом обсуждения СНК 18, 23 и 30 декабря 1917 г.

На заседании СНК 23 декабря было решено образовать постоянный состав этой комиссии из представителей комиссариатов труда, военного и продовольствия.[130] «Возникла необходимость, — вспоминает Е. К. Кокшарова, — образовать подготовительную комиссию — вермишельную комиссию (как ее называли члены Совнаркома) для предварительного рассмотрения вопросов. Эта комиссия в составе народных комиссаров труда, военного и продовольствия уже тогда называлась Малым Совнаркомом».[131] Однако через неделю, 30 декабря, учитывая перегруженность народного комиссара Н. И. Подвойского, являвшегося членом комиссии от Наркомвоена, СНК принял решение заменить его народным комиссаром местного самоуправления В. Е. Трутовским. Тогда же, 30 декабря, в постановлении Совнаркома «вермишельная» комиссия была прямо на-

---

[126] Там же, № 2, л. 9 об.

[127] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 1, л. 9 об.

[128] В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 4, стр. 161.

[129] ЦГАОР СССР, ф.130, № 1, л. 26. — В связи с этим, например, на представленном в СНК отношении Наркомпроса от 12 декабря об утверждении дополнительной сметы расходов этого комиссариата за ноябрь 1917 г., кем-то из сотрудников Управления делами СНК сделана следующая пометка: «Вермиш[ельным] порядком. Нужны подписи Менжинского и Эссена» (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, д. 32989).

[130] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, лл. 53—53 об.

[131] Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 г., стр. 311.

звана Малым Советом. СНК, в частности, постановил: «Секретарем Малого Совета назначается секретарь Большого Совета тов. Н. Горбунов с оставлением его в должности секретаря Большого Совета».[132]

О начальном периоде существования Малого СНК и роли В. И. Ленина в его деятельности ценные воспоминания в августе 1933 г. написал Д. П. Боголепов, который, хотя и не входил первое время в состав Малого Совета, но присутствовал на многих его заседаниях, так как ему «в качестве члена Наркомфина, ведавшего как раз денежными вопросами... очень часто приходилось давать заключения по подобным делам».[133] «Совершенно неверно мнение, — подчеркивает Д. П. Боголепов, — что Малый Совнарком возник впервые в марте 1918 г.; тогда он был только восстановлен, так как первый действительно самый начальный период его деятельности относится приблизительно к декабрю 1917 г.».[134] «Самое его основание, — говорится далее в воспоминаниях, — было вызвано тем обстоятельством, что Большой Совнарком желал избавиться от „вермишели“, как ... принято было и при Советской власти называть мелкие дела... Но совершенно ясно, что подобные „вермишельные“ вопросы нужно было все же где-нибудь разбирать и притом таким путем, чтобы они не ускользнули целиком от контроля Б. СНК или по крайней мере его председателя. Поэтому и было решено в декабре 1917 г. создать под председательством тов. Шляпникова Малый Совет Народных Комиссаров для разбора мелких вопросов». «Этот Малый Совет, — продолжает далее Д. П. Боголепов, — насколько я припоминаю, заседал всего один раз в неделю, по средам, и повестка его слагалась преимущественно из тех вопросов, которые снимались за их „вермишельностью“ с повестки Большого СНК».[135]

В составе Малого СНК, первоначально включавшего в себя представителей Комиссариатов труда, продовольствия и местного самоуправления (вместо Комиссариата военных дел), в дальнейшем, по-видимому, произошло новое изменение: представитель Наркомпрода был заменен

---

[132] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, л. 58 об.

[133] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком. Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, ф. воспоминаний о В. И. Ленине, л. 2.

[134] Обращение к протоколам Совнаркома позволяет несколько уточнить свидетельство Д. П. Боголепова. По-видимому, возникновение Малого СНК относится уже к первому месяцу деятельности Советского правительства, т. е. к ноябрю 1917 г. Во всяком случае, как справедливо отметил В. С. Орлов, первое указание на его существование имеется в протоколе заседания Совета Народных Комиссаров № 4 (пункт 5 повестки заседания) от 19 ноября 1917 г. (см.: В. С. Орлов. Ук. соч., стр. 26). В этом принятом Совнаркомом по докладам И. В. Сталина «О торговле с Финляндией и о Финляндской валюте» и члена Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии Потяева «О валюте и мерах, ведущих к урегулированию финансовых отношений с Финляндией» решении говорилось: «...выяснить вопрос о Финляндской валюте, о кредитах Финляндских казначейств в кредитной канцелярии... и по выяснении предложить на разрешение Малому СНК. Принципиального возражения просьба Областного комитета о выдаче валюты со стороны СНК не встречает» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, л. 7).

[135] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком, лл. 1—2.

представителем Комиссариата финансов. Во всяком случае на первых трех из запротоколированных заседаний Малого СНК, помимо А. Г. Шляпникова и кого-либо из представителей левых эсеров (В. Е. Трутовский, И. З. Штейнберг и др.), третьим непременным участником был всегда представитель Наркомфина (В. Р. Менжинский, Д. П. Боголепов или А. Е. Аксельрод).[136] Протоколы с решениями Малого СНК передавались на утверждение Совета Народных Комиссаров и в основной своей части (хотя нередко и с поправками), за исключением отдельных пунктов, обычно утверждались. Однако в целом деятельность первого состава Малого СНК далеко не удовлетворяла тем требованиям, которые к ней предъявлялись. «Не говоря уже о том, что он заседал всего один раз в неделю, — пишет Д. П. Боголепов, — часто его вопросы снова вносились на заседания Большого СНК и облегчение в работе последнего было, таким образом, незначительно».[137] Объяснялось это как отсутствием строго постоянного состава Малого СНК, так и тем, что участники его заседаний нередко сами не считали себя достаточно правомочными для решения тех или иных вопросов. Поэтому 7 января 1918 г. специальным постановлением правительства, принятым в связи с пассивностью Малого Совнаркома, всем народным комиссарам предлагалось присылать в последний для деловой работы членов коллегий, а народные комиссары, — члены Малого СНК или их заместители обязывались присутствовать на его заседаниях.[138]

Спустя два дня, 9 января, состоялось первое запротоколированное заседание Малого Совета Народных Комиссаров. В числе трех вопросов, заслушанных на этом заседании, на котором присутствовали А. Г. Шляпников, В. Р. Менжинский и В. Е. Трутовский, был и вопрос о «способе работы Малого Совета». Принятое по этому вопросу постановление, отражая особенности деятельности Малого Совета, наглядно показывало, как повлияли на выработку порядка его работы требования главы Советского правительства В. И. Ленина и установившаяся уже к этому времени практика деятельности Совета Народных Комиссаров. В постановлении говорится: «Считать заседание правомочным, если присутствуют двое из трех членов Малого Совета. Закрывать повестку дня за 48 часов до объявленного начала заседания, предоставляя, однако, право в случае экстренности вносить вопросы во время самого заседания. Требовать при внесении вопросов подробной исчерпывающей докладной записки с предоставлением всего фактического материала, касающегося вносимого вопроса. Считать необходимым присутствие на заседании докладчика и

---

[136] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 3, лл. 1, 4, 5.

[137] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком, л. 2.

[138] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 12. — В соответствии с данным решением правительства Управление делами СНК тотчас же разослало всем руководителям народных комиссариатов приглашение принять участие в заседании Малого Совета 9 января и намеченный текст повестки его работы в этот день (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 65).

представителей тех ведомств, которых касается обсуждаемый вопрос; в случае отсутствия докладчика и представителей заинтересованных ведомств, а также непредставления достаточно полной докладной записки и фактического материала — снимать вопрос с обсуждения, перенося его в конец заседания. Заседать не реже трех раз в неделю, определяя день и час следующего заседания в конце каждого заседания».[139]

Однако и постановление Большого Совнаркома от 7 января 1918 г., и последовавшее за ним решение Малого СНК от 9 января оказались, как известно, принятыми накануне таких ответственнейших событий, как напряженные переговоры о заключении Брестского мирного договора, связанное тесно с ними выступление против ленинской линии ЦК РКП(б) и Совнаркома «левой» оппозиции и, наконец, вызванный надвигавшейся военной опасностью переезд Советского правительства в Москву. Все это, разумеется, сказалось на деятельности Малого СНК, отодвинув его на время еще больше в тень. И ранее заседавший, как мы уже видели, не слишком аккуратно, в это время Малый СНК, по выражению Д. П. Боголепова, «и вовсе заглох или по крайней мере впал в состояние анабиоза». Достаточно сказать, что вместе с упоминавшимся уже заседанием от 9 января за весь последующий период пребывания Советского правительства в Петрограде состоялось всего 11 запротоколированных заседаний Малого СНК, последнее из которых относится к 8 марта 1918 г.[140]

Лишь в конце марта 1918 г., когда полностью наладилась после переезда в Москву и вошла в свою обычную колею деятельность Совета Народных Комиссаров, возобновилась и работа Малого СНК. Во многом это было связано, по-видимому, и с позицией Председателя СНК В. И. Ленина. Как свидетельствует тот же Д. П. Боголепов, утвержденный Советским правительством 30 марта заместителем народного комиссара финансов специально «для участия в заседаниях Совета, а также по другим делам» [141] и поэтому особенно часто общавшийся с Председателем СНК в рассматриваемый период, В. И. Ленин, учитывая не совсем удачный опыт первоначальной деятельности Малого Совнаркома, хотел теперь заранее обеспечить такой порядок его работы и персональный состав, которые «позволили бы ему осуществить свое руководство с возможно меньшей затратой сил». По мнению В. И. Ленина, для этого, пояснял далее Д. П. Боголепов, — «прежде всего Малый Совет должен был быть работоспособным, а во-вторых, достаточно авторитетным, чтобы самостоятельно решать мелкие дела и только в наиболее важных случаях возвращать их на разрешение Большого Совнаркома. Правда, и во „втором издании“ Малый Совет должен был все свои протоколы представлять на утверждение Большого Совнаркома, и лишь через довольно большой промежуток времени он получил право самостоятельно решать дела, не внося

[139] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 3, л. 1.
[140] Там же, лл. 1—9.
[141] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 210.

их каждый раз на рассмотрение Большого Совнаркома, но давая их на подпись его Председателю».[142]

Изложенные требования и нашли свое воплощение в подготовленном Д. П. Боголеповым, несомненно в соответствии с указаниями Председателя СНК В. И. Ленина, проекте документа «О создании Малого Совнаркома», который был утвержден Советским правительством (как это видно из собственноручной пометки В. И. Ленина) на заседании 26 марта 1918 г. при рассмотрении вопроса об организации Малого Совета.[143] Первый пункт данного постановления Совнаркома прежде всего четко определил компетенцию Малого СНК, на который возлагалось рассмотрение «мелких дел, не вызывающих принципиального обсуждения». Не менее ясно были также указаны (несомненно с учетом имевшегося уже опыта) основные принципы организации и работы Комиссии СНК, и особенно ее взаимоотношений с Большим Совнаркомом. Этим вопросам были посвящены третий и четвертый пункты постановления:

«3. Комиссия заседает не менее трех раз в неделю и ее постановления утверждаются в ближайшем заседании Советом Народных Комиссаров в начале заседания перед решением других вопросов.

4. Вопросы решаются простым большинством, по требованию одного из членов вопрос может быть перенесен на рассмотрение Совета Народных Комиссаров в виде особого вопроса». Наконец, еще один (второй по порядку) пункт постановления определил круг лиц, которые могли быть включены в состав Малого СНК («2. Члены Комиссии назначаются из числа народных комиссаров и их помощников в количестве 4 человек»).[144]

Утвердив на этом же заседании 26 марта 1918 г. членами Малого Совета И. Г. Правдина (от НКВД), Д. П. Боголепова (от Наркомфина), М. Ю. Козловского (от Наркомюста), а также Слободчикова,[145] Совет Народных Комиссаров и его Председатель В. И. Ленин в последующем неоднократно возвращались к вопросу о личном составе Комиссии СНК, с полным основанием усматривая в правильном его решении одно из основных условий успешной работы Малого СНК. Так, уже 1 апреля 1918 г. в связи с отъездом из Москвы И. Г. Правдина, в соответствии с просьбой, поступившей от него на имя В. И. Ленина, его заместителем в Малом СНК был утвержден член коллегии НКВД М. Я. Лацис.[146] На этом же заседании при утверждении протокола Комиссии СНК (от 1 же апреля) Советское правительство предложило «членам Комиссии при Совете Народных Комиссаров наметить себе заместителей из среды своих коллегий».[147]

---

[142] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком, л. 5.
[143] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 82, л. 23.
[144] Ленинский сборник, XXXV, стр. 18.
[145] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 82, л. 4.
[146] Там же, № 84, л. 32.
[147] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 216.

В апреле же 1918 г. произошел инцидент, послуживший поводом к дальнейшему уточнению круга лиц, которые имели право участвовать в работе Малого СНК. А именно, не позднее 27 апреля к Председателю Совнаркома поступило заявление наркома труда А. Г. Шляпникова, в котором, в частности, говорилось: «Дорогой Владимир Ильич! Препровождаю при сем письменнный протест члена коллегии нашего комиссариата. Прошу сделать разъяснение и внушение Комиссии Совета Народных Комиссаров на недопустимость поведения членов ея по отношению к представителям коллегии. Сама Комиссия является учреждением межведомственным и лично назначенные в нее не имеют права не допускать товарищей и объявлять заседание закрытым...».[148] Как видно из текста письма и протоколов СНК, существо дела заключалось в протесте члена коллегии Наркомтруда А. Н. Падерина, который не был допущен на заседание Малого Совнаркома. По указанию В. И. Ленина протест А. Н. Падерина был срочно включен в повестку дня заседания правительства 27 апреля, на котором было решено пригласить на следующее заседание СНК, в понедельник 29 апреля, М. Я. Лациса, М. Ю. Козловского, Д. П. Боголепова и выяснить мотивы недопущения А. Н. Падерина на заседание Комиссии при Совете Народных Комиссаров.[149] По существу протест А. Н. Падерина по поводу действий Комиссии при СНК был рассмотрен 30 апреля. Советское правительство постановило считать протест исчерпанным заявлением М. Я. Лациса.[150] Вместе с тем Совет Народных Комиссаров подтвердил свое постановление от 7 января 1918 г., указав, что на заседании Комиссии при СНК секретари и все члены Совнаркома имеют право присутствовать с правом совещательного голоса, а также имеют право вносить свои заявления в протокол заседания Комиссии.[151] Вскоре, 10 мая 1918 г., представитель Народного комиссариата труда А. Н. Падерин был утвержден Советом Народных Комиссаров членом Комиссии при СНК.[152]

Об окончательном составе Малого Совнаркома, сложившемся весной 1918 г. и постоянно действовавшем затем на протяжении рассматриваемого периода, можно вполне определенно судить на основании одного интересного документа. Это датированный 12 июня 1918 г. список ответственных деятелей Совета Народных Комиссаров, подготовленный, по всей вероятности, Информационным бюро УД СНК и хранящийся среди различных справочных материалов (перечни отделов, списков ответственных работников и т. п.) народных комиссариатов и других государственных органов, составленных после переезда Советского правительства из

---

[148] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 106, л. 177.

[149] Там же, № 105, л. 5.

[150] Содержание заявления в протоколе, к сожалению, не приведено.

[151] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 106, л. 5; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 352, л. 187.

[152] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 388. — 5 июня 1918 г. СНК утвердил заместителями А. Н. Падерина в Малом СНК В. В. Шмидта и Г. Ф. Федорова (там же, оп. 2, № 2, л. 9).

Петрограда в Москву. Ввиду несомненного интереса этого документа приведем весь его текст:

«Совет Народных Комиссаров

Адрес: Кремль, здание Судебных установлений, тел. 3-64-75.
Председатель Совета Народных Комиссаров:
Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Служебн. тел. 3-61-82, 3-61-50.

Члены Большого Совета —
Все народные комиссары.
Члены Малого Совета:

1) Мечислав Юльевич Козловский — Служ. адрес: Ильинка, 21; тел. 5-85-22. Часы приема: с 1 до 3 час. Личный адрес: гостин. «Метрополь», комн. лит. XIV, тел. 5-29-00 и доб. лит. XIV.
2) Мартин Янович Лацис-Судрабс — Служ. адрес: Настасьинский пер., 3; тел. 3-75-52. Часы приема: с 10 до 3 час. Личный адрес: там же, тел. 4-46-39.
3) Александр Николаевич Падерин — Служ. адрес: Солянка, 12/14; тел. 8-72-71 и доб. 83. Часы приема: с 10 до 4 час. Личный адрес: гост. «Националь», комн. 127, тел. 2-06-82.
4) Дмитрий Александрович Виноградов — Служ. адрес: Тверской бульвар, 15-а; тел. нет. Личный адрес: гост. «Красный флот», комн. 23; тел. 3-67-00. Замест[итель] Галкин.

Часы и место периодических заседаний:
Кремль, здание Судебных установлений, комн. №№ 41—42».[153]

Таким образом, в официальный состав Малого СНК летом 1918 г. по-прежнему входило 4 представителя различных народных комиссариатов: юстиции — М. Ю. Козловский, обычно председательствовавший на заседаниях Малого СНК;[154] внутренних дел — М. Я. Лацис; труда — А. Н. Падерин и государственного контроля — Д. А. Виноградов. Однако следует признать, что в действительности число членов Малого СНК, постоянно участвовавших в его работе в это время, было несколько бóльшим. Так, уже в приведенном выше документе в качестве заместителя Д. А. Виноградова указан А. В. Галкин, назначенный постановлением Совнаркома 23 мая 1918 г. полноправным членом Комиссии при СНК от этого же комиссариата.[155] Как видно из относящихся к весне и лету 1918 г. протоколов заседаний Малого Совнаркома, почти в каждом из них участвовали А. Г. Правдин, Г. Ф. Федоров и особенно Д. П. Боголепов, а также член коллегии Наркомфина Ф. А. Земит, назначенный 11 июня 1918 г. СНК (по всей вероятности, по предложению В. И. Ле-

---

[153] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 353, л. 49.

[154] Позднее, примерно с начала октября 1918 г., М. Ю. Козловский вместе с А. В. Галкиным уже вполне официально выполняли по очереди обязанности председателя Малого Совета (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 364, л. 24).

[155] Там же, № 1, л. 423.

нина) вторым заместителем Д. П. Боголепова в Малом Совете (первым являлся А. Е. Аксельрод).[156] Этот же источник (протоколы Малого СНК) неоспоримо свидетельствует, что именно в данный период в работе Комиссии при СНК стали принимать активное участие многие народные комиссары и их заместители (А. В. Луначарский, М. Г. Бронский, С. П. Середа, В. И. Невский, С. С. Пестковский, М. Н. Покровский, А. Н. Винокуров, Г. И. Петровский и др.), целый ряд членов коллегий народных комиссариатов и других советских руководящих деятелей (Н. В. Крыленко, В. Я. Чубарь, Ф. В. Ленгник, В. М. Альтфатер, В. М. Познер, П. П. Малиновский, А. В. Шотман, С. Н. Шевердин и др.), а также руководители рабочего аппарата Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич и Н. П. Горбунов.[157] Таким образом, упоминавшееся выше постановление Советского правительства от 30 апреля 1918 г., направленное на то, чтобы Малый СНК не превратился в замкнутую коллегию, а стал достаточно представительным и авторитетным органом, чтобы в его работе возможно более широко участвовали руководители всех народных комиссариатов и других центральных ведомств, было успешно реализовано.

В полном соответствии с решениями Совета Народных Комиссаров и требованиями его Председателя В. И. Ленина строилась и проходила в это время и сама практическая работа Малого СНК. Заседая почти ежедневно,[158] а не раз в неделю, как это было в первые послеоктябрьские месяцы, Комиссия при Совнаркоме, по авторитетному свидетельству Д. П. Боголепова, успевала теперь «решать целую кучу дел, причем у нас установился обычай просматривать повестку Большого Совнаркома и снимать из нее и переносить в повестку Малого Совнаркома дела, которые мы считали слишком мелкими для Большого Совнаркома».[159] Подобная практика, существенно облегчавшая работу Советского правительства и позволявшая ему сосредоточить внимание на решении самых важных государственных вопросов, имела место, разумеется, с ведома, а часто и по непосредственному поручению Большого СНК и В. И. Ленина. Так, в принятом 12 августа 1918 г. Советом Народных Комиссаров постановлении о переносе следующего заседания СНК с 13-го на 14 августа, например, прямо говорилось: «Поручить Комиссии при СНК разработать все вопросы, поступившие на повестку Сов. Нар. Ком., и отобрать те из них, которые могут быть разрешены ею; освободить таким образом повестку Совета от вермишели».[160]

---

[156] См.: там же, № 65, лл. 30, 31.

[157] Обязанности секретарей Малого СНК в рассматриваемый период выполняли Я. Ш. Агранов и Л. Я. Озеревская (там же, № 3, лл. 20, 51, 52, 56 и др.; № 364, л. 24).

[158] После переезда в Москву Малый СНК собирался обычно за 2 — 3 часа до заседания Большого Совнаркома, в том же помещении здания Судебных установлений Кремля, где работало Советское правительство во главе с В. И. Лениным.

[159] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком, л. 6.

[160] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 201.

Основная масса дел, рассматривавшихся Малым СНК, была так или иначе связана с финансовыми и сметно-бюджетными вопросами, которые в связи с этим, как правило, снимались с повестки Большого Совнаркома. При этом Комиссия при СНК не только решала те или иные конкретные дела, но и принимала в необходимых случаях (по собственной инициативе или по поручению Большого СНК) постановления общего характера, определявшие порядок решения такого рода вопросов. Так, 20 апреля 1918 г., утвердив решение Малого Совета по вопросу о смете Народного комиссариата внутренних дел, Советское правительство одновременно поручило члену Малого СНК Д. А. Виноградову «созвать Комиссию для выработки правил составления смет», известив об этом все ведомства ввиду важности вопроса.[161] 5 июня 1918 г., заслушав сообщение «о порядке рассмотрения вопросов об ассигнованиях, поставленных в порядке сегодняшнего заседания Комиссии при Совнаркоме», Малый СНК принял следующее постановление: «Все ходатайства об ассигнованиях передать в Комиссариаты финансов и гос. контроля на справку и для заключения по ним в течение 24 часов, обязав все ведомства, вносящие ходатайства об ассигнованиях, представлять таковые со всеми приложениями и соответствующими заключениями в Совнарком, в количестве не менее 3 экз.».[162]

Следует подчеркнуть, что предметом рассмотрения Малого СНК «второго состава» являлись не только финансовые и сметно-бюджетные дела, а также дела, связанные с конфискацией имущества тех или иных предприятий, но и многие из внесенных в Совет Народных Комиссаров проектов декретов, постановлений, положений,[163] просьбы и жалобы советских и хозяйственных органов, различных организаций и отдельных лиц, многочисленные, особенно конфликтные, вопросы, связанные с деятельностью народных комиссариатов и других советских учреждений.[164] Так, рассмотрев 9 мая 1918 г. ходатайство наркома юстиции П. И. Стучки о выделении для нужд Наркомюста 40 комнат в здании Судебных установлений в Кремле, Комиссия при СНК поручила коменданту Кремля выполнить эту просьбу. Одновременно было решено образовать при Малом Совете специальную комиссию из представителей народных комиссариатов внутренних дел, финансов и юстиции для урегулирования довольно острого тогда вопроса о распределении помещений в Москве между наркоматами, предоставив этой комиссии право реквизиции необходимых помещений по соглашению с жилищным отделом Московского городского Совета.[165] 23 мая 1918 г., рассмотрев изложенное В. И. Невским ходатайство Народного комиссариата путей сообщения, Малый

---

[161] Там же, № 1, л. 296.

[162] Там же, № 3, л. 28.

[163] См.: Декреты Советской власти, т. II, 1959, стр. 34—37, 47, 52—55, 70, 71, 97—101, 114, 116, 144, 148 и др.

[164] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 3, лл. 67—67 об., 69—71, 72 об., 80 об., 82 об., 88, 89 и др.

[165] Там же, лл. 11, 12.

СНК предложил Комиссариату внутренних дел выработать временное положение о правах и обязанностях совдепов, а Комиссариату путей сообщения — в кратчайший срок выработать ряд мер, направленных к прекращению бесчинств на железных дорогах, представив соответствующий проект на утверждение Совета.[166]

Значительная работа, которую осуществляла теперь Комиссия при СНК по предварительному просмотру многочисленных проектов декретов и постановлений Советского правительства, по разгрузке его повесток от разного рода второстепенных вопросов, высоко ценилась Председателем Совета Народных Комиссаров. «Владимир Ильич — отмечает в своих воспоминаниях член КПСС с 1908 г. Н. А. Милютин, — хотя порой и крепко поругивал Малый Совнарком, но все же говорил: „Это мой первый помощник". А иногда, иронизируя над работой совнаркомовского аппарата, прибавлял: „Это мое исправление управления делами Совнаркома"».[167]

Уже начиная с 20-х чисел января 1918 г. все протоколы заседаний Малого Совнаркома регулярно рассматривались и утверждались Советом Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным, который внимательно следил за работой Комиссии СНК и направлял ее. В целях обеспечения наряду с должным контролем и возможной защиты решений Малого СНК, 30 апреля 1918 г. Советское правительство признало необходимым, чтобы при утверждении протоколов Комиссии при СНК присутствовал докладчик по вопросам, обсуждавшимся в данном заседании, или председатель Комиссии.[168]

Именно в постоянном и тщательном просмотре протоколов и утверждении постановлений Малого СНК и проявлялось прежде всего руководство его деятельностью со стороны Советского правительства и особенно его главы В. И. Ленина.[169] Как видно из протоколов Большого СНК и материалов утверждений протоколов заседаний Комиссии при Совете Народных Комиссаров, ее постановления (или их отдельные пункты) при этом довольно часто уточнялись, дополнялись и конкретизировались, подвергались переработке по существу или редакционной правке. В необходимых случаях Советское правительство не останавливалось даже перед отменой решений Комиссии при СНК.[170]

В. И. Ленин был, как свидетельствует Д. П. Боголепов, фактически несменяемым руководителем Малого Совета, не имевшего своего постоянного председателя. «Является просто удивительным, — пишет Д. П. Боголепов, — что столь мелкие дела, а именно только такие дела и были избранной специальностью Малого Совета, брали так много внимания и са-

---

[166] Там же, лл. 16 об., 17.

[167] Н. А. Милютин. По заданиям Ленина. — В кн.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4. М., 1969, стр. 193.

[168] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 106, л. 2.

[169] См.: Стенограмма беседы... 5 июля 1946 г., л. 5; Л. А. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина, стр. 101.

[170] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 3, л. 43; № 2, л. 82.

мого тщательного наблюдения со стороны т. Ленина, у которого как будто и без того было достаточно дел и забот. Впоследствии мне часто приходилось беседовать с тов. Цюрупой, и он прямо удивлялся этой особенности тов. Ленина вникать в самые мелкие, можно даже сказать мельчайшие дела».[171] Достаточно сказать, что уже весной 1918 г. начинает складываться практика утверждения протоколов Малого СНК и его постановлений от имени Советского правительства В. И. Лениным.[172] Следует подчеркнуть, что, несмотря на свой исключительный авторитет, Председатель Совета Народных Комиссаров подписывал их лишь при наличии единогласного решения Малого СНК. В соответствии с этим, например, обсудив 2 июля 1918 г. проект декрета о конфискации царского имущества, Советское правительство постановило: «Поставить на завтрашнюю повестку Комиссии при Совете Народных Комиссаров и в случае единогласного решения Комиссии поручить Председателю Сов. Нар. Ком. утвердить декрет от имени Совета Нар. Комиссаров».[173] Если же этот важнейший принцип, неизменно соблюдавшийся, как мы уже видели, и в практике других, постоянных и временных, комиссий Советского правительства, не был соблюден и кто-либо из членов Комиссии при СНК или других участников заседания выступал с обоснованными возражениями, а также в случае своего личного несогласия, В. И. Ленин вносил данный вопрос на обсуждение Большого Совнаркома.[174]

Таким образом, хотя в общем Малый СНК проводил, разумеется, правильную линию и большинство его постановлений утверждалось обычно Советским правительством без особых осложнений, в тех сравнительно немногочисленных случаях, когда, по выражению того же Д. П. Боголепова, его члены «несколько зарывались и, чувствуя себя законодателями, шли дальше того, что было безусловно необходимо, над ними все время тяготела рука Большого Совнаркома, и в особенности его председателя тов. Ленина».[175] Один из подобных случаев уже отмечался выше. Имеется в виду принятое Комиссией при СНК 23 мая 1918 г. по предложению Д. П. Боголепова (п. 2 повестки дня) постановление о признании недопустимым замещения ответственных постов в правительственных учреждениях лицами, не стоящими на платформе Советской власти, и вынесенное тогда же решение Комиссии предложить всем народным комиссариатам в недельный срок отстранить таких лиц от административных должностей.[176] На этом же заседании Комиссия при СНК приняла по собственной инициативе еще несколько постановлений. Вот соответствующие пункты из протокола данного заседания Малого СНК:

---

[171] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком, лл. 6, 16.

[172] Впервые Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин) подписал протокол № 13 заседания Малого СНК от 28 марта 1918 г. после утверждения его на состоявшемся под председательством В. И. Ленина заседании Большого Совнаркома 29 марта 1918 г.

[173] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 97.

[174] См.: Л. А. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина, стр. 101.

[175] Д. П. Боголепов. Ленин и Малый Совнарком, л. 16.

[176] См. стр. 151 настоящей книги.

«Слушали:	Постановили:
3. О членах руководящих учреждений кадетской партии.	3. Ввиду явно контрреволюционной и предательской деятельности руководителей партии кадетов на Украине и явной солидарности с ними центральных органов кадетской партии в Великороссии — объявить членов Центрального комитета и других руководящих органов кадетской партии вне закона и предписать Комиссии Дзержинского немедленно их арестовать.
4. О членах руководящих органов партий правых эсеров и меньшевиков.	4. Ввиду состоявшегося секретного постановления Центрального комитета правых с.-р. занимать ответственные посты в Красной Армии и явно предательской деятельности меньшевиков на Кавказе, Петрограде и в других местах объявить членов партий правых с.-р. и меньшевиков врагами народа и предписать Комиссии Дзержинского подвергнуть аресту членов руководящих органов этих партий».[177]

Весьма любопытно и показательно, на наш взгляд, проследить отношение Большого Совнаркома к данным постановлениям Комиссии при СНК и, следовательно, их окончательную судьбу. Обратившись к протоколу проходившего под председательством В. И. Ленина заседания Совета Народных Комиссаров 24 мая 1918 г., на котором происходило утверждение интересующих нас решений Малого СНК, читаем следующее:

«К п. 2-му. Приостановить, впредь до выяснения более точного смысла и повода этого постановления.

К п. 3-му. Отклонить, подтвердив старое постановление о кадетах,[178] передать в Комиссию Дзержинского для систематического и постепенного выполнения...

К п. 4-му. Не объявляя врагами народа, передать в Комиссию Дзержинского для систематического и подготовительного выяснения».[179] Принятые Советским правительством поправки и дополнения к приведенным выше решениям Комиссии СНК говорят сами за себя и не нуждаются в пространных комментариях.

---

[177] Цит. по: Д. П. Боголепов. О работе в Малом Совнаркоме. Подготовлено к печати Р. З. Юницкой. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 10, стр. 140—141.

[178] Имеется в виду принятый СНК еще 28 ноября 1917 г. декрет об аресте вождей гражданской войны против революции (Декреты Советской власти, т. I, стр. 161, 162).

[179] Цит. по: Д. П. Боголепов. О работе в Малом Совнаркоме. — Вопросы истории КПСС, 1967, № 10, стр. 141.

Весьма показательны в этой связи и принятые немного позднее, в августе 1918 г., некоторые другие постановления Совета Народных Комиссаров, в которых вновь совершенно четко указывалось на строго определенные пределы компетенции Малого СНК. Первое из этих постановлений относится к 12 августа, когда, рассмотрев 11-м пунктом повестки дня вопрос о перенесении заседания Совнаркома с 13 на 14 августа, Советское правительство под председательством В. И. Ленина одновременно поручило Комиссии при Совете Народных Комиссаров разработать все вопросы, поступившие на повестку СНК и отобрать те из них, которые могли быть разрешены ею, освободив таким образом повестку Большого Совета от «вермишели».[180] Спустя несколько дней, 16 августа, Советское правительство постановило «отклонить, как вопрос, не подлежащий рассмотрению Совета Народных Комиссаров», внесенный 3-м пунктом в повестку заседания вопрос об ассигновании 2 022 790 руб. на перестройку и ремонт имения Кузьминки для размещения в нем Ветеринарного института.[181] Но, пожалуй, наибольший интерес представляет постановление Большого Совнаркома от 21 августа, принятое при утверждении протокола № 99 заседания Комиссии при СНК от 20 августа 1918 г. На этом заседании Малый Совнарком, рассмотрев поставленный А. В. Галкиным вопрос о предоставлении Малому Совету права приводить в исполнение те его постановления, которые не решают вопроса по существу, постановил: «Разрешить Малому Совету приводить в исполнение, не выжидая утверждения Большого Совета, те из его постановлений, которые не имеют характера решительных, т. е. не решают вопроса окончательно».[182] При утверждении этого пункта постановления Комиссии при СНК Советское правительство и его глава В. И. Ленин сочли необходимым еще более определенно подчеркнуть строгую ограниченность решений Малого СНК, не требующих немедленной санкции Большого Совнаркома. Это было достигнуто весьма существенным уточнением формулировки приведенного выше пункта постановления Малого СНК, который в окончательной редакции стал выглядеть следующим образом: «считать все решения Комиссии при Совете Народных Комиссаров, касающиеся только движения дела, подлежащими немедленному решению без внесения на утверждение в Совет Народных Комиссаров».[183] Приведенные решения Советского правительства представляют собой яркий образец того, как умело и гибко осуществлял в необходимых случаях по отношению к Малому СНК свою руководящую и направляющую роль Большой Совнарком во главе с В. И. Лениным.

---

[180] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 201.
[181] Там же, л. 211.
[182] Там же, № 3, л. 80 об.
[183] Там же, № 2, л. 218.

Глава 2. О СОДЕРЖАНИИ И СТИЛЕ ЛЕНИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА

Первый секретарь Совнаркома, впоследствии академик, Н. П. Горбунов писал вскоре после смерти В. И. Ленина в «Правде»: «Я думаю, что чрезвычайно полезно будет заняться специальным изучением того, как работал Владимир Ильич, как из отдельных фактов и отдельных его мероприятий им постепенно вырабатывались важнейшие политические решения, являвшиеся поворотными пунктами нашей политики. Необходимо, чтобы в институте Ленина были собраны, приведены в систему и изучены все записки и заметки, характеризующие его работу, делавшиеся им часто на клочках бумаги, материалы от лиц, так или иначе соприкасавшихся в работе с Владимиром Ильичем и получавших от него непосредственно различные поручения. Институт Ленина в числе других своих работ должен обратить особое внимание на то, чтобы метод работы Владимира Ильича сделать широким достоянием».[1] Эти слова Н. П. Горбунова сохраняют свою актуальность и сейчас.

Как работал Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин)? Каковы были практические приемы и методы, с помощью которых осуществлял он руководство своими соратниками и сотрудниками советского правительственного аппарата? Что было наиболее характерно и чем отличалась в указанных отношениях государственная деятельность В. И. Ленина? Для всестороннего исчерпывающего ответа на все эти вопросы необходимо систематическое углубленное изучение замечательного опыта ленинского государственного руководства, основных форм и стиля повседневной работы первого Председателя Совета Народных Комиссаров. Вот что совершенно справедливо отметил в связи с этим в одной из своих статей в 1969 г. известный советский публицист Эрнст Генри: «Что он (В. И. Ленин, — *М. И.*) совершил, знают все в мире: главная часть современной истории так или иначе связана с его делами и их последствиями. Что он думал, что написал, как боролся, как побеждал — тоже общеизвестно. Но о стиле его повседневной работы на посту главы государства, о том, как, сидя за письменным столом в своем кабинете, он час за часом делал свое дело, чего как руководитель

[1] Н. П. Горбунов. Как работал Владимир Ильич. — Правда, 27 февраля 1924 г.

требовал от себя и других, знают гораздо меньше. Я думаю, нельзя считать, что среди множества ленинских тем эта тема — сравнительно второстепенного значения. Для многих, очень многих она несомненно представляет огромный и даже непосредственный личный интерес. Знать не только, что говорил, что строил и предвидел Ленин, но и как он работал, важно в особенности для каждого творческого человека».[2] Всестороннее исследование и анализ того, что получило название «ленинский стиль работы», действительно имеет исключительное и непреходящее значение, так как в разнообразнейших материалах повседневной государственной практики Председателя Совнаркома В. И. Ульянова (Ленина) оказались запечатленными не просто характерные и поучительные черты видного политического лидера, но и первый в мировой истории, и во многих отношениях поистине образцовый, опыт государственной деятельности выдающегося руководителя нового, пролетарского, социалистического типа. «Изучая метод работы Ленина, — писала Н. К. Крупская, — мы лучше начинаем понимать и самого Ленина, и всю значительность его работы».[3]

Разумеется, даже в рамках целой книги невозможно достаточно полно раскрыть все стороны и аспекты ленинского организационно-практического руководства внешней и внутренней политикой Республики Советов. Вот почему в данной главе нашей работы преследуется значительно более скромная цель — попытаться хотя бы вкратце охарактеризовать основные направления, по которым развернулась после победы Октябрьской революции многогранная государственная деятельность В. И. Ленина, обратив при этом внимание на наиболее характерные особенности стиля повседневной работы главы первого рабоче-крестьянского правительства России.

В. И. Ленин и народные комиссариаты

После победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде В. И. Ленин сначала в Смольном, а затем в Московском Кремле изо дня в день вел поистине титаническую теоретическую, политическую и организаторскую работу. «Все, что касалось Советского государства, России, партии, должно было проходить через его голову, — с почтительным удивлением констатировала германская газета «Франкфуртер Цайтунг». — Важнейшие правительственные постановления, длинные тезисы для дискуссии на партийных съездах, полемические брошюры... все это он писал сам. Положительно нельзя не изумляться, что этот человек сумел выработать себе столь ясное понимание текущей политики и столь твердую уверенность и глазомер в своей колоссальной исторической работе».[4] При этом, как справедливо подметил Д. И. Курский, собственно сочинения В. И. Ленина (несмотря на их громадный объем) составляли «лишь $^1/_{20}$ его работы, его наследства. Главная часть его творчества происходила

[2] Э. Генри. Заметки по истории современности. М., 1970, стр. 393.
[3] Н. К. Крупская. Будем учиться у Ленина. М., 1933, стр. 4.
[4] Германская печать о Ленине. — В кн.: Великий учитель. Ленинская хрестоматия. Л., 1924, стр. 310.

повседневно в телефонных разговорах, в личных указаниях, в коротеньких записках, где несколько строчек являлись иногда ясным и сжатым трактатом программного вопроса».[5]

Это было действительно так. Председатель Совета Народных Комиссаров, говорилось в датированном 30 октября 1918 г. удостоверении Управления делами Совнаркома, — «является ответственным работником в Совете, занимается усиленным умственным трудом и работает неограниченное число часов. Поэтому Управление делами Совета Народных Комиссаров находит нужным перевести Владимира Ильича Ленина во 2-ю категорию для получения продовольственных карточек».[6] Так было не только осенью 1918 г., но и во все последующие и предыдущие месяцы, на протяжении всего рассматриваемого периода. Вот, например, свидетельство корреспондента шведской газеты «Фолькетс Дагблад Политикен», получившего 20 января 1918 г. интервью у главы Советского правительства: «Чувствует себя прекрасно, несмотря на огромное бремя работы, которое почти не оставляет ему времени для сна. У меня есть только одна мечта, сказал он, отдохнуть хотя бы полчаса».[7]

Вождь социалистической революции В. И. Ленин явился прежде всего вдохновителем и руководителем успешной защиты ее завоеваний на фронтах гражданской войны, главным организатором строительства рабоче-крестьянской Красной армии и побед Республики Советов над внутренней контрреволюцией и империалистической интервенцией.[8]

Как вспоминает одна из первых сотрудниц аппарата Совнаркома М. И. Гляссер, с начала гражданской войны кабинет В. И. Ленина стал «„главным штабом“ всех военных действий. На его столе почти всегда лежали военные карты...[9] Он требовал подробнейших донесений обо всех деталях операций, рассылал десятки телеграмм на все фронты, созывал (иногда по ночам) комиссии и совещания для разрешения тех или иных военных вопросов.[10] С первых послеоктябрьских дней, когда в боях с вой-

---

[5] Д. И. Курский. Творческая сила Ленина. — В кн.: Великий учитель, стр. 343.

[6] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 365, л. 217.

[7] Ленинский сборник, XXXVII. М., 1970, стр.67.

[8] См.: Н. Ф. Кузьмин. В. И. Ленин во главе обороны Советской страны. М., 1958; С. М. Кляцкин. На защите Октября. 1917—1920 гг. М., 1965; В. И. Ленин и советские вооруженные силы. М., 1969; Д. М. Гринишин. О военной деятельности В. И. Ленина. Киев, 1970; Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970; Н. Н. Азовцев. В. И. Ленин и советская военная наука. М., 1971, и др.

[9] В материалах Совнаркома сохранился небезынтересный документ — письмо управляющего делами и секретаря СНК в магазин штаба Московского военного округа от 23 марта 1918 г. В этом письме, написанном несомненно по поручению Председателя Совнаркома, предлагалось «немедленно выдать под расписку подателю сего следующие настенные карты: 1) Украины; 2) Кавказа; 3) Средней Азии; 4) Сибири; 5) Крыма; 6) Европейской России; 7) Азиатской России. Масштаб должен быть достаточно крупный, чтобы можно было находить крупные поселки, станицы и пр.» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 125).

[10] М. И. Гляссер. Как работал Владимир Ильич. — В кн.: О Ленине. Воспоминания, кн. IV. М.—Л., 1925, стр. 184.

сками Керенского—Краснова на Пулковских высотах решалось, быть или не быть Советской власти, В. И. Ленин непосредственно контролировал и направлял деятельность руководства Народных комиссариатов по военным и морским делам, командующих вооруженными силами республики на всех фронтах, систематически получая в этих целях всю необходимую информацию (оперативные и политические сводки, информационные бюллетени, доклады и т. д.).[11] Так, 22 декабря 1917 г. секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов в своем письме в Наркомат по военным делам, сообщив о получении секретной суточной информационной сводки за № 5 от 13 декабря и подтвердив необходимость присылки таких сводок в дальнейшем, писал: «Желательно отчетливые оттиски, чтобы не затруднять Председателя Совета чтением их».[12] В другом письме Управления делами Совнаркома от 26 июля 1918 г., адресованном Отделению связи и информации при Оперативном отделе Наркомвоена, говорилось: «В ответ на ваше отношение от 13 июля с. г. Управление делами Совета Народных Комиссаров уведомляет, что бюллетени получаются нами аккуратно. Просим и в дальнейшем посылать их для сведения Владимиру Ильичу».[13] Регулярно представлял Председателю Совнаркома подробные доклады об обстановке на фронтах, а также по вопросам комплектования новых частей Красной армии, снабжения ее оружием, боеприпасами, продовольствием начальник Оперативного отдела (Оперода) Наркомвоена С. И. Аралов. «Владимир Ильич подходил к карте России..., — вспоминал впоследствии об этом С. И. Аралов, — и я показывал и объяснял, что произошло на фронтах за прошедшие сутки или более продолжительное время. Владимир Ильич требовал подробных объяснений причин неудач, отступлений, спрашивал, что нами предпринято для исправления создавшегося положения, посланы ли подкрепления. Тут же он давал указания, советы, критиковал нас...

Военные доклады, которые мы делали Ленину, обсуждение им обстановки, его указания показывали, какое исключительно важное значение придавал он борьбе на фронтах гражданской войны, как много времени уделял он военным делам, и нам было ясно, что главное, основное руководство Красной Армией и ее борьбой принадлежало Владимиру Ильичу Ленину».[14]

«Грандиозная», по выражению главнокомандующего вооруженными силами Республики в 1919—1924 гг. С. С. Каменева, осведомленность в положении на фронтах, во всех планах и мероприятиях Наркомвоена, глубокое понимание военного дела позволяли Председателю Совнаркома быстро принимать необходимые, нередко единственно правильные решения по сложнейшим и ответственнейшим вопросам строительства и дея-

---

[11] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, №№ 1111 и 1112; В. Д. Поликарпов. Доклады В. А. Антонова-Овсеенко в Совнарком (декабрь 1917—январь 1918 г.). — Военно-исторический журнал, 1973, № 3, стр. 67—75.

[12] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 15, л. 5.

[13] Там же, оп. 2, № 347, л. 247.

[14] Ленин и Красная армия. М., 1958, стр. 24—25.

тельности Красной Армии, вовремя обращать особое внимание на тот фронт, который в данный момент имел первостепенное значение для Республики Советов. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести выдержки из нескольких документов, относящихся к августу 1918 г., когда вся судьба революции зависела от успешных действий Красной Армии на Восточном фронте против поднявших антисоветский мятеж частей чехословацкого корпуса и так называемых Народной и Сибирской армий, сколоченных эсеро-меньшевистским правительством Поволжья — Комитетом членов учредительного собрания (Комуч) и контрреволюционным Временным Сибирским правительством.

11 августа 1918 г. Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин указал Высшему военному совету Республики на необходимость всячески усилить Восточный фронт. Для этого В. И. Ленин предложил разработать план снятия с Западного фронта всех боеспособных частей и в кратчайший срок провести его в жизнь.[15] Указание Председателя Совнаркома было немедленно выполнено. «Согласно предписания от 11 августа Председателя Совнаркома и личных его указаний по телефону 12 августа сего года, — докладывали руководители Высшего военного совета во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем 13 августа, — с участков завесы Северного и Западного фронтов еще 11 августа сделано срочное распоряжение о снятии всех боеспособных частей для отправки на Восточный фронт».[16]

В эти напряженные дни В. И. Ленин не забывал и о нуждах других фронтов, в кольце которых оказалась Республика Советов, заботился об их усилении. Так, получив 9 августа докладную записку руководителей Северного фронта М. С. Кедрова и А. В. Эйдука, содержавшую перечень необходимых для нужд фронта подкреплений, военного снаряжения и боеприпасов, В. И. Ленин написал об этом особое предписание Высшему военному совету, обязав его военного руководителя дать немедленный ответ.[17] В тот же день, 9 августа 1918 г., М. Д. Бонч-Бруевич доложил Председателю Совнаркома о принятых в соответствии с этим указанием мерах.[18] Параллельно с упоминавшимся предписанием В. И. Ленин счел необходимым принять и другие меры, направленные к скорейшему и успешному выполнению просьб руководства Северного фронта. «Согласно приказания Председателя Совнаркома, — говорилось в телефонограмме № 202 от 12 августа заместителя наркома путей сообщения Волковского, переданной всем перечисленным в докладе М. Д. Бонч-Бруевича ответственным руководителям, — прошу оказывать мне и уполномоченным на то товарищам Якушко, Шилову, Севидскому и Рутелегскому полное содействие в получении подрывного имущества, вооружения и продовольствия по заверенному мною требованию в складах и базах Военного комис-

[15] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 146; А. П. Ненароков. Восточный фронт. 1918. М., 1969, стр. 117 и др.

[16] ЦПА ИМЛ, ф. 5, вр. оп., № 149.

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 141, 441.

[18] ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, № 115, ч. 1, л. 64.

сариата для формирования головных поездов, срочно отправляющихся на фронт».[19]

Громадная работа по организации защиты социалистического отечества и разгрома белогвардейцев и интервентов была лишь одним из многих участков государственной деятельности В. И. Ленина. Как отмечала А. И. Ульянова-Елизарова, В. И. Ленину, под руководством которого в первые годы Советской власти молодая Республика Советов приступила к осуществлению строительства основ социализма, «пришлось самому направлять работу во всех отраслях — начиная с военной и кончая продовольческой или просвещенской».[20] В каждом из народных комиссариатов, заменивших ликвидированные революцией старые министерства, писал М. С. Кедров, «руками Ильича закладывался фундамент, на котором в дальнейшем комиссариат строился и развивался».[21]

Убедительным свидетельством этому является, например, история создания и деятельности одного из важнейших советских наркоматов — Народного комиссариата по иностранным делам. С момента своей организации Наркоминдел находился под постоянным и внимательным наблюдением и контролем В. И. Ленина, который осуществлял огромную и самую разностороннюю работу по руководству внешнеполитическим курсом Республики Советов, учил советских дипломатов твердо и последовательно отстаивать интересы первого в мире государства рабочих и крестьян.[22] К Председателю Совнаркома непрерывно шли многочисленные письма и телеграммы из Стокгольма и Лондона, Христиании и Брест-Литовска, Гельсингфорса и Берлина, поступали доклады и донесения В. В. Воровского, Я. С. Ганецкого, А. А. Иоффе, Я. А. Берзиня, М. М. Литвинова, Л. М. Карахана и других советских дипломатических представителей, поддерживавших с В. И. Лениным постоянную связь и обращавшихся к нему по всем важным внешнеполитическим вопросам.[23] Так, 31 декабря 1917 г. Председателю СНК была направлена переданная из Стокгольма В. В. Воровским просьба представителя Финляндии о разрешении соеди-

---

[19] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 32542.

[20] А. И. Ульянова-Елизарова. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич. Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7, т. 41, ч. 1, стлб. 323—324.

[21] Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 2. М., 1957, стр. 103.

[22] См.: История внешней политики СССР, ч. 1. 1917—1945 гг. Под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1966; М. И. Трушт. 1) Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963; 2) Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. День за днем. М., 1967; В. И. Ленин и советская внешняя политика. Под ред. В. Г. Трухановского. М., 1969; А. О. Чубарьян. В. И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972; С. И. Блинов. Внешняя политика Советской России. Первый год пролетарской диктатуры. М., 1973.

[23] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 55 [журнал регистрации входящей корреспонденции, поступившей в Совнарком с 23 ноября 1917 по 9 января 1918 г.], лл. 10, 13—13 об., 33 об., 39 об., 46 об., 49 об., 51, 52, 53—53 об., 60, 76, 79 об., 80 об., 81 об., 83 об. и др.; оп. 2, № 1150, лл. 1—3 и 4—5 [письма В. И. Ленину от А. А. Иоффе из Берлина от 26 июня и от Я. А. Берзиня из Швейцарии от 29 июня 1918 г.].

нить прямым проводом (по льду) Хапаранда с Торнео.[24] В тот же день в Стокгольм был послан ответ на переданную также В. И. Ленину предыдущую телеграмму-запрос В. В. Воровского от 29 декабря о банке,[25] через который в распоряжение нашего посла в Швеции Советское правительство выделило незадолго перед этим необходимые ассигнования «для организации заграничного представительства Российской республики и связанные с этим расходы».[26]

Внимательно изучая сообщения и донесения советских дипломатов, всю разнообразную внешнеполитическую информацию, глава первого Советского правительства, тщательно анализируя международное положение страны, повседневно направлял советскую внешнюю политику. По словам наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, он находился «почти в непрерывном контакте» с В. И. Лениным по всем внешнеполитическим вопросам. «В первые годы существования нашей республики, — вспоминал Г. В. Чичерин, — я по нескольку раз в день разговаривал с ним по телефону, имея с ним иногда весьма продолжительные телефонные разговоры, кроме частых непосредственных бесед, и нередко обсуждал с ним все детали сколько-нибудь важных текущих дипломатических дел. Сразу схватывая существо каждого вопроса и сразу давая ему самое широкое политическое освещение, Владимир Ильич всегда в своих разговорах делал самый блестящий анализ дипломатического положения, и его советы (нередко он предлагал сразу самый текст ответа другому правительству) могли служить образцами дипломатического искусства и гибкости».[27] Ярким образцом «неподражаемого политического реализма», по выражению Г. В. Чичерина, и дипломатического мастерства явилась, как известно, разработанная и осуществленная под руководством В. И. Ленина принципиальная линия настойчивой и последовательной борьбы за выход Советской России из империалистической войны и заключение мира. Ленинские документы этого напряженнейшего периода (октябрь 1917—март 1918 г.) — многочисленные выступления на заседаниях ЦК партии, Совнаркома и перед трудящимися страны, целый ряд статей, инструкций, телеграмм и других указаний советским дипломатам — неоспоримо свидетельствуют о выдающейся роли вождя революции в практическом обеспечении только что родившемуся пролетарскому государству жизненно необходимой мирной передышки.[28]

Председатель Совнаркома непосредственно направлял все важнейшие внешнеполитические действия и переговоры Советской республики как

---

[1] Там же, л. 64 об.

[2] Там же, л. 54 об.

[3] Подробнее см.: М. П. Ирошников. Из истории организации Народного комиссариата иностранных дел. — История СССР, 1964, № 1, стр. 115.

[4] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, М., 1969, стр. 483—484.

[5] Подробнее см.: А. О. Чубарьян. Брестский мир. М., 1964; Д. В. Озноби-шин. От Бреста до Юрьева. Из истории внешней политики Советской власти. 1917-1920 гг. М., 1966; В. С. Васюков. Предыстория интервенции. Февраль 1917-март 1918. М., 1968; Г. Л. Никольников. Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики. (Брестский мир от заключения до разрыва). М., 1968.

с дипломатическими, так и с полуофициальными представителями иностранных государств, представителями буржуазных деловых кругов. «Владимир Ильич, — обращался, например, не позднее 27 апреля 1918 г. к Председателю СНК один из членов советской делегации Д. З. Мануильский. — В связи с мирными переговорами с Киевской радой мы бы хотели представить Вам заключение делегации и выслушать Ваши директивы. Завтра нам придется выехать в Курск. Мы ждем Вас в Вашем кабинете».[29] В тот же день, 27 апреля 1918 г., В. И. Ленин принял участие в совещании членов делегации РСФСР для ведения переговоров с Украинской Центральной Радой об основах мирного договора с Украиной,[30] а в дальнейшем, после того как 29 апреля советская делегация прибыла в Курск, ежедневно говорил с ней по прямому проводу.[31]

Под руководством В. И. Ленина и при его личном участии происходило налаживание политических, экономических и культурных связей Советской России со странами Западной Европы и Востока, Скандинавии и США.[32] Председатель Совнаркома уделял большое внимание подбору состава советских делегаций, направляемых на международные конференции или для ведения двусторонних переговоров с различными странами, активно участвовал в разработке необходимых дипломатических документов и акций, как правило, лично инструктировал советских дипломатов об их задачах, внимательно следил и умело направлял ход переговоров. Весьма показательна в этом отношении записка В. И. Ленина заместителю наркома торговли и промышленности М. Г. Бронскому, который должен был выступить с докладом на совещании по вопросу об условиях возобновления экономических отношений между Советской Россией и Германией, состоявшемся 15 мая 1918 г. в Москве: «Т. Бронский!

Итак, у нас условлено *точно*, что

(1) на завтрашнем совещании с немцами Вы **первый** берете слово (до Вас *никто* из русских),

(2) что Вы сначала читаете тезисы (потом речь, как доклад, как комментарий),

(3) что тезисы Вы мне *завтра* перед собранием (т. е. утром *до 2 часов*: я позже уеду) показываете.

Это архиважно. Это директива ЦК и СНК. Это обязательно».[33]

И в дальнейшем Председатель Совнаркома постоянно интересовался ходом советско-германских переговоров. 16 мая В. И. Ленин принимает

---

[29] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 469, л. 3.

[30] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 696.

[31] См.: Ленинский сборник, XVIII, стр. 65; XXXVII, стр. 80.

[32] См.: С. Ю. Выгодский. У истоков советской дипломатии. М., 1965; А. А. Ахтамзян. Ленин и советская дипломатия. М., 1966; А. С. Бахов. На заре советской дипломатии. М., 1966; М. И. Труш. Ук. соч.; Л. О. Чубарьян. Ук. соч.; Ленинская внешняя политика советской страны. 1917—1924. Под ред. М. А. Харламова, А. Е. Иоффе и др. М., 1969; Р. Ш. Ганелин. Россия и США. 1914—1917. Л., 1969; В. А. Шишкин. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л., 1969; Л. А. Гвишиани. Советская Россия и США. 1917—1920. М., 1970.

[33] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 74.

германского представителя в Москве графа В. Мирбаха; 31 мая дает указание проинформировать членов советской делегации, едущей в Берлин, об итогах переговоров с Мирбахом; 2 июня принимает участие в совещании членов делегации и пишет письмо полномочному представителю РСФСР в Германии А. А. Иоффе относительно целей переговоров.[34]

Основатель Советского государства и автор исторического декрета о мире, сформулировавший и научно обосновавший в своих трудах и многих актах Советского правительства основные принципы социалистической внешней политики, в том числе принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, В. И. Ленин всегда, при решении любых, больших и малых дипломатических вопросов выступал как подлинный руководитель принципиально новой внешней политики и дипломатии первого в мире социалистического государства, с момента его создания неизменно направленных на обеспечение и укрепление мира и дружбы между всеми народами.

Из всей массы государственных вопросов в центре внимания В. И. Ленина как Председателя Совета Народных Комиссаров, под постоянным его наблюдением и контролем всегда были особенно актуальные, наиболее существенные в данный момент проблемы, имевшие первостепенное, жизненно важное значение для судеб революции и первого пролетарского государства. Такой важнейшей проблемой стал в России весной и летом 1918 г., вызванный четырехлетней войной и связанной с ней хозяйственной разрухой продовольственный кризис, серьезно обострившийся в результате военной интервенции и экономической блокады, организованных международным империализмом против Республики Советов.

С первых же дней после Октябрьской революции В. И. Ленин внимательно следит за состоянием продовольственного положения страны, и прежде всего в Петрограде, Москве и других крупных промышленных центрах, вникая во все детали снабжения их хлебом и другими продуктами. По указанию Председателя Совнаркома, к нему регулярно поступали необходимые материалы по продовольственному делу (телеграммы, сводки и т. п.). По воспоминаниям М. Н. Скрыпник, информации о движении продовольственных грузов он требовал и утром, и вечером; «все донесения со всех концов Ильич сам лично зачитывал, не пропуская ни одной телеграммы».[35] В. И. Ленин работал так, свидетельствует М. И. Гляссер, «как будто за каждый пуд хлеба или вагон дров, застрявшие в пути по чьей-нибудь халатности, он сам лично отвечал, и требовал того же от других... Он заказывал себе справки о количестве заготовленного где-нибудь в Сибири или на Кавказе и подвезенного к крупным промышленным центрам хлеба или топлива, сам подсчитывал и делал расчеты — как их распределить и на сколько хватит, созывал ежедневные совещания для изыскания всяких экстренных мер и увязки работы от-

---

[34] См.: В. И. Ленин и советская внешняя политика, стр. 90.

[35] М. Н. Скрыпник. 1) Ильич в Смольном. Харьков, 1925, стр. 11—12; 2) Воспоминания об Ильиче (1917—1918). М.—Л., 1927, стр. 47.

дельных ведомств».[36] 14 января 1918 г. Председатель Совнаркома составил образец сводки о поступлении хлебных грузов, которая должна была ежедневно представляться ему к 12 часам дня Народным комиссариатом продовольствия и Петроградской городской продовольственной управой. Сводка должна была содержать данные по следующим пунктам: 1) находится вагонов хлеба к такому-то числу; 2) прибыло за сегодня; 3) находится в пути на расстоянии не свыше 100 верст от Петрограда; 4) на расстоянии 100—300 верст от Петрограда; 5) на расстоянии 300—1000 верст от Петрограда.[37]

В первые же послеоктябрьские месяцы, как вспоминает А. Д. Цюрупа, ленинская мысль «упорно работала над вопросом о хлебной монополии как единственно возможном и правильном разрешении продовольственного вопроса в сложившихся условиях». «В январе 1918 г., — продолжает далее А. Д. Цюрупа, — на заседании чрезвычайной комиссии по продовольствию и транспорту мне был передан проект декрета „О заготовках хлеба“, написанный рукой В. И. Ленина... С этого момента Владимир Ильич твердо, решительно и неуклонно проводил хлебную монополию и ту продовольственную политику, которая осуществлялась в течение 18, 19 и 20 годов. Можно категорически утверждать, что именно он, Владимир Ильич, установил продовольственную политику, проводившуюся в течение первых трех лет существования Советской власти... Мы, продовольственники, были лишь исполнителями, облекавшими его указания в форму практических мероприятий».[38]

В сложнейшей обстановке весны 1918 г., когда выявилась недостаточность организованных Наркомпродом заготовок хлеба в деревне в обмен на промышленные товары,[39] ЦК РКП(б) и Совнарком во главе с В. И. Лениным незамедлительно разработали и осуществили решительные меры, позволившие обеспечить продовольствием городское население, промышленные районы страны и ее вооруженные силы. «Мы великолепно знаем, что не проходило недели и даже дня, — подчеркивал В. И. Ленин на V Всероссийском съезде Советов, — когда мы в Совете Народных Комиссаров не были бы заняты вопросом о продовольствии, когда тысячи предположений, распоряжений, декретов исходили от нас и когда мы не ставили бы вопроса, как бороться с голодом».[40] В основе принятых ЦК РКП(б) и Советским правительством чрезвычайных мер лежали четко сформулированные В. И. Лениным три основных лозунга: «централизация продовольственного дела, объединение пролетариата, организация дере-

---

[36] М. И. Гляссер. Как работал Владимир Ильич, стр. 184.

[37] Ленинский сборник, XVIII, стр. 211.

[38] А. Д. Цюрупа. Владимир Ильич и продовольственная политика. — Экономическая газета, 25 января 1924.

[39] О различных причинах неудачи товарообмена, и в частности сопротивлении Советской власти кулачества см.: Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М., 1968, стр. 148—149; М. И. Давыдов. Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны. 1917—1920. М., 1971, стр. 62—72.

[40] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 505.

венской бедноты».[41] Выдвинутые и разработанные во многих написанных В. И. Лениным статьях и документах, в различных его выступлениях этого периода, эти кардинальные положения нашли воплощение в принятых Совнаркомом и ВЦИК целом ряде важнейших декретов и постановлений по продовольственному вопросу.

Первым из них явился декрет ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию, известный в литературе как декрет о продовольственной диктатуре, разработка проекта которого проходила при активном участии В. И. Ленина, в соответствии с предложенными им инструкциями.[42] Для осуществления декрета, подтвердившего незыблемость хлебной монополии Советской власти и введенных ею твердых цен, а также установившего строгий порядок, по которому владельцы хлеба обязаны были сдавать советским продовольственным органам все излишки, за исключением количества, требующегося для посева и питания до следующего урожая, необходимо было максимально упорядочить работу аппарата Наркомпрода в центре и на местах, обеспечить четкую централизацию продовольственного дела. Еще в начале 1918 г. принципиальная и последовательная позиция главы Советского правительства В. И. Ленина («он был тверд и далек от уступок», — вспоминает Д. П. Малютин) [43] обеспечила провал попыток «громановской компании» — группы представителей старых продовольственных служащих взять в свои руки руководство всем продовольственным аппаратом и выступить в роли своеобразного продовольственного «посредника».[44] В результате неоднократного рассмотрения Центральным комитетом партии и Советом Народных Комиссаров сложного вопроса об организации руководства продовольственным делом в стране 25 февраля 1918 г. был утвержден окончательный состав коллегии Наркомпрода во главе с А. Д. Цюрупой.[45]

В дальнейшем в связи с серьезным обострением продовольственного положения в стране Центральный Комитет большевистской партии и Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным приняли также новые меры по реорганизации структуры и укреплению всех звеньев Народного комиссариата по продовольствию в центре и на местах, пополнению его руководства испытанными работниками, а также оказанию всемерной помощи Наркомпроду со стороны других комиссариатов. 27 мая 1918 г. принимается декрет ВЦИК и СНК о реорганизации Народ-

---

[41] Там же, стр. 412.

[42] См.: Ленинский сборник, XVIII, стр. 80—88; Декреты Советской власти, т. II, стр. 261—267.

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 382, лл. 32 об.—33.

[44] Подробнее см.: Ю. К. Стрижков. В. И. Ленин — организатор и руководитель борьбы за создание советского продовольственного аппарата (октябрь 1917—май 1918 г.). — В кн.: Борьба за победу и укрепление Советской власти. М., 1966; Хлеб и революция. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского правительства в 1917—1922 гг. Составитель сборника А. С. Изюмов, авторы вступительной статьи Ю. А. Поляков и Ю. К. Стрижков. М., 1972.

[45] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 69, л. 1.

ного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов. В соответствии с декретом на Наркомпрод возлагалась ответственная роль главного советского органа по заготовке и снабжению населения страны всеми товарами первой необходимости, по всей стране вводилась строго централизованная структура продовольственного аппарата во главе с Наркомпродом.[46] 29 мая Совет Народных Комиссаров утвердил как постановление правительства предложение В. И. Ленина об объединении всех усилий отдельных органов и учреждений с общими силами Наркомпрода.[47]

Одновременно с этим ЦК РКП(б) постановил направить возможно большее число коммунистов в продовольственные органы.[48] «Мы решили ограбить все комиссариаты, — писал 22 июня 1918 г. В. И. Ленин, — чтобы усилить экстренно *Комиссариат продовольствия* хотя бы на 2—3 месяца, ибо иначе можно околеть».[49]

13 июля по предложению В. И. Ленина в Коллегию Наркомпрода были также введены А. А. Юрьев, Л. Н. Скорняков и М. И. Фрумкин.[50] 16 июля, также по предложению главы Советского правительства, Н. П. Брюханов был назначен заместителем наркома по продовольствию с предоставлением ему права голоса в Совнаркоме при отсутствии А. Д. Цюрупы.[51] Еще через несколько дней, 23 июля, заслушав доклад Н. П. Брюханова о продовольственном положении, Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина постановил «назначить тт. Владимирова, Ломова-Оппокова, Смирнова из ВСНХ, Смирнова из НК по внутренним делам, Бронского, Вахитова, Пайкеса, Лепешинского, Правдина, Харлова в распоряжение нар. ком. по продовольствию».[52] Наряду с указанными персонально работниками из ВСНХ, комиссариатов внутренних дел, торговли и промышленности, по делам национальностей, государственного контроля, земледелия Советское правительство поручило тогда же всем народным комиссариатам дополнительно выделить работников из своего состава для усиления Наркомата по продовольствию и Военного наркомата. Одновременно Совнарком рекомендовал (через В. П. Ногина) Центральному Совету профсоюзов принять деятельное участие в организации продовольственных экспедиций, а М. Г. Бронскому поручил организовать Московскую таможню для выявления продовольственных запасов.[53]

Наделенный во всей своей деятельности чрезвычайными полномочиями, Наркомпрод должен был, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, прежде всего опираться на поддержку рабочего класса и деревенской бедноты. Уже 9 мая 1918 г. Совнарком принимает по инициативе

---

[46] Декреты Советской власти, т. II, стр. 307—312.
[47] Ленинский сборник, XVIII, стр. 102—103; Декреты Советской власти, т. II, стр. 347, 348.
[48] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 82.
[49] Там же, стр. 105.
[50] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 115.
[51] Там же, л. 125.
[52] Там же, л. 141.
[53] Там же, лл. 141, 142.

В. И. Ленина постановление о мобилизации рабочих в помощь деревенской бедноте на борьбу с голодом.[54] В тот же день на заседании ВЦИК А. Д. Цюрупа сообщил о начале организации массовых продовольственных отрядов.[55] В конце мая ЦК РКП(б) одобрил новый важный документ — ленинские «Тезисы по „текущему" моменту», в соответствии с которыми 28 мая Совет Народных Комиссаров принял основные положения продовольственной политики, а 29 мая утвердил обращение Советского правительства к населению о борьбе с голодом.[56] Логическим завершением, наконец, майских мероприятий Советской власти в области продовольственного дела явился разработанный также при непосредственном участии В. И. Ленина декрет ВЦИК и СНК об организации и снабжении деревенской бедноты от 11 июня 1918 г. Практически воплотив ленинскую идею об объединении крестьян-бедняков для борьбы с кулачеством на продовольственном фронте, этот декрет, предусматривавший создание Советами на местах комитетов бедноты, сыграл важную роль в преодолении в стране продовольственного кризиса.[57]

Непрерывно осуществляя политическое и организационное руководство ходом борьбы за хлеб, В. И. Ленин постоянно поддерживал письменную и телеграфную связь с местными партийными и советскими организациями, с уполномоченными ЦК РКП(б) и СНК, направленными в наиболее богатые продовольствием районы страны, направлял их работу, оказывал необходимое содействие в организации и деятельности продотрядов. Достаточно сказать, что только в мае—августе 1918 г. Председателем Совнаркома было отправлено руководящим работникам продовольственных органов страны более 80 различных документов, из них 33 телеграммы.[58] Все это и позволило А. Д. Цюрупе, ближайшему помощнику В. И. Ленина по руководству продовольственным фронтом в тот напряженный период, с полным основанием написать, что «благодаря именно его (В .И. Ленина, — *М. И.*) безоговорочной решительности, его политическому и нередко организационному руководству было сделано то, что было сделано, и что в труднейшую эпоху, переживавшуюся Советской властью, продовольственный вопрос разрешался так, как он разрешался. Без его активного и непосредственного участия в разрешении стоявших в порядке дня острейших и сложнейших продовольственных задач проблема снабжения страны не получила бы разрешения и, может быть, тру-

---

[54] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 319; Ленинский сборник, XVIII, стр. 88.

[55] Четвертый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов [протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва]. М., 1919, стр. 249—250.

[56] Ленинский сборник, XVIII, стр. 92—101; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 374—376; Декреты Советской власти, т. II, стр. 348—354.

[57] См.: Ленинский сборник, XVIII, 108—114; Декреты Советской власти, т. II, стр. 412—420.

[58] См.: А. М. Конев. Из истории деятельности В. И. Ленина по преодолению продовольственного кризиса (весна и лето 1918 г.). — Вопросы истории КПСС, 1971, № 8, стр. 71.

дящиеся не вынесли бы обрушившихся на них продовольственных испытаний».[59]

Но каким бы тяжелым ни было положение, В. И. Ленин всегда находил время и силы для организации и руководства строительством фундамента нового социалистического общества. «Точно так же, как история нашей партии является одновременно историей и жизни Владимира Ильича, — справедливо отмечал Г. Крумин, — и хозяйственное строительство советских республик во всем его многообразии, даже в деталях, во всех отраслях работы сливается с личностью Ильича... Владимир Ильич определял не только основные линии экономической политики, он определял и политику партии в отдельных отраслях хозяйства. Наша продовольственная политика (хлебная монополия и т. д.), сельскохозяйственная политика, промышленная политика, финансовая и т. д. — все исходит от Владимира Ильича».[60]

Так, как уже отмечалось, именно под руководством В. И. Ленина Совет Народных Комиссаров сумел установить полный контроль над деятельностью бывшего министерства финансов и его многочисленных органов, Российским государственным банком и объединенными с ним частными банками и сберкассами, аннулировал дореволюционные долги царского и Временного правительств, провел национализацию страхового дела. Уже в конце ноября 1917 г. Председатель СНК провел, по свидетельству члена КПСС с 1917 г. Д. М. Соловей, назначенного главным контролером Государственного банка,[61] совещание руководящих банковских работников и, ознакомившись с состоянием дел, дал ряд советов и указаний, существенно способствовавших успешному преодолению саботажа чиновников, налаживанию работы госбанка и улучшению снабжения деньгами фабрик, заводов и других предприятий, учреждений, частей армии и флота.[62] В первые же послеоктябрьские месяцы Председатель Совнаркома проявил большой интерес к состоянию бюджетного дела страны. В конце декабря 1917 г. бюджетный отдел Наркомфина составил справку о перспективах поступлений доходов в 1918 г., которая была отправлена в Смольный В. И. Ленину. Когда же в Наркомфине были разработаны своды общих итогов росписи общегосударственных доходов и расходов республики на январь—июнь и на июль—декабрь 1918 г., то и эти первые советские бюджеты были представлены Предсе-

---

[59] А. Д. Цюрупа. Владимир Ильич и продовольственная политика. — Подробнее о роли В. И. Ленина в руководстве советской продовольственной политикой в рассматриваемый период см.: Ленинский сборник, XVIII, стр. 71—236; сборник «Хлеб и революция», а также указанные выше работы Ю. К. Стрижкова, М. И. Давыдова и А. М. Конева.

[60] Г. Крумин. В. И. Ленин и хозяйственное строительство Советских республик. — Экономическая газета, 25 января 1924.

[61] См.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 25, л. 45; Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 123.

[62] Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине. Стенограмма беседы заведующего ЦПА ИМЛ с Д. М. Соловей 28 июня 1946 г., л. 3.

дателю Совета Народных Комиссаров и после рассмотрения правительством им утверждены.[63]

Постоянное внимание В. И. Ленина к вопросам финансов и финансовой политики наглядно характеризует, например, и относящийся к весне—лету 1918 г. ряд его распоряжений-писем, телеграмм и других документов, связанных с деятельностью важнейшего финансового органа страны — Экспедиции заготовления государственных бумаг, которая в соответствии с постановлением Советского правительства была в это время эвакуирована из Петрограда в Пензу.[64] «Вслед за получением вчера Вашего совершенно секретного предписания от 21 мая с. г. за № 2829, — докладывал, в частности, Председателю Совнаркома управляющий Экспедицией проф. М. Лемке в письме от 26 мая 1918 г., — мною было собрано минимальное по своему составу административно-техническое совещание (разумеется, в присутствии представителя фабричной организации), которому и было предложено на обсуждение приведение в исполнение предписанных Вами мер. Посланный мною 23 мая с. г. на имя секретаря Совета Народных комиссаров секретный печатный „План работ по дальнейшей эвакуации экспедиции“ совершенно совпадает с данными Вами также совершенно секретными указаниями от 8 мая с. г. за № 2278 и вполне гарантирует своевременное и точное их исполнение».[65] Все эти и другие многочисленные документы, а также воспоминания финансовых работников того времени убедительно показывают, что на протяжении всего рассматриваемого периода именно под руководством В. И. Ленина, при самом активном и непосредственном его участии разрабатывались основы советской банковой и финансовой политики, происходило формирование и укрепление финансового аппарата пролетарского государства, первой в мире социалистической денежной системы.[66]

Особое внимание уделял В. И. Ленин успешному развитию отечественной науки и техники, оказанию всемерной поддержки ученым-новаторам, всестороннему изучению и освоению природных богатств страны. В первую очередь благодаря государственно-организаторской деятельности В. И. Ленина были созданы необходимые условия для быстрого научно-технического прогресса, для того, чтобы с самого начала отечественная наука и техника решали как важнейшие теоретические проблемы, так и практические вопросы, связанные с текущими потребностями народного

---

[63] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2202, лл. 34—42; С. Голованов. Страницы истории. — Финансы СССР, 1957, № 10, стр. 89—91; Декреты Советской власти, т. III, стр. 5—6.

[64] См., например: Ленинский сборник, XXXVII, стр. 71, 73; ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 29, лл. 26, 45; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 72, ч. 1, лл. 177—178; № 352, лл. 49, 53; № 347, лл. 190, 203.

[65] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 141, л. 206.

[66] См.: Ленинский сборник, XXI, стр. 152—183; XXXVII, стр. 75, 77 и др.; ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, №№ 2210, а также: З. В. Атлас. Социалистическая денежная система. М., 1969; И. Д. Злобин. В. И. Ленин о финансах и финансовой политике социалистического государства. М., 1970.

хозяйства.[67] Именно благодаря непосредственному участию Председателя Совнаркома и его неизменной помощи, писал Н. П. Горбунов, — «было положено основание и дан ход таким начинаниям, как например радиотелефонное строительство... использование горючих сланцев и сапропелей, механизация дровяных заготовок, изготовление в России химически чистых реактивов, исследование Курской магнитной аномалии, орошение Муганских голодных степей, тепловозы, Волховское строительство, электропахота, учреждение Государственного электротехнического исследовательского института, образование электротехнического факультета Московского высшего технического училища, сельскохозяйственная выставка. Нет почти ни одного начинания в Советской России в области научно-технических работ, которое бы не было связано с именем Владимира Ильича».[68]

В результате гражданской войны и интервенции в конце 1917—начале 1918 г. центр страны оказался, как известно, отрезанным от районов — главных поставщиков нефти и угля. В условиях, когда топливный кризис приобрел угрожающие размеры, В. И. Ленин развернул напряженную работу по организации и использованию в народном хозяйстве местных энергетических ресурсов — «непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего».[69] «В бурном, богатом событиями 1917 году я ярко помню только одно свидание с Владимиром Ильичем, в ноябре, в Смольном... — вспоминал активный участник революционного движения в России (агент ленинской «Искры»), крупный специалист-торфяник И. И. Радченко. — Владимир Ильич чрезвычайно приветливо встретил меня. Стал расспрашивать, где я был эти годы, чем занимался. Обрадовался, узнав, что я работал по торфу и знаю это дело. Он сразу оценил этот вид топлива как более доступный при данных обстоятельствах, чем далекий донбасский уголь и бакинская нефть. На мой вопрос, не могу ли я быть лучше использован для революции на какой-нибудь другой работе, он настаивал, чтобы я остался на торфу, на топливном фронте, чрезвычайно важном, как один из немногих советских специалистов».[70] Поддержав инициативу И. И. Радченко об организации торфяного дела в Московской губернии и строительстве электростанций на торфе, Председатель Совнаркома выдвинул его на пост начальника созданного в апреле 1918 г. нового топливного главка — Главторфа. 20 апреля Председатель Совнаркома подписал два важных акта, принятые правительством, — Положение о Главном торфяном ко-

[67] См.: Ленин и Академия наук. Сб. документов под ред. акад. П. П. Поспелова. М., 1969; А. В. Кольцов. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л., 1969; Ю. С. Мелещенко, С. В. Шухардин. Ленин и научно-технический прогресс. Л., 1969.

[68] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, 1969, стр. 435—436.

[69] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 231.

[70] И. И. Радченко. В. И. Ленин — вождь на хозяйственном фронте. — В кн.: Ленин на хозяйственном фронте. М., 1934, стр. 8—9.

митете и декрет о разработках торфяного топлива в стране.[71] Вскоре на Шатурских болотах, где развернулись основные работы по добыче торфа, по постановлению Советского правительства под руководством А. В. Винтера, принятого В. И. Лениным в Кремле вместе с И. И. Радченко, началось строительство первой по плану ГОЭЛРО Шатурской электростанции на торфе.[72] Еще раньше, в феврале 1918 г., по указанию Председателя Совнаркома в район подмосковного угольного бассейна выехала группа специалистов для выбора строительной площадки будущей Каширской ГРЭС.[73] В начале того же 1918 г. по предложению В. И. Ленина проф. Г. О. Графтио срочно разработал смету строительства Волховской ГЭС. После рассмотрения при участии главы Советского правительства вопросов электрификации Петрограда и Москвы с прилегающими к ним районами сначала в ВСНХ (18 и 22 марта), а затем в Совнаркоме (22 апреля), а также после личного доклада автора проекта проф. Г. О. Графтио В. И. Ленину 13 июля Председатель Совнаркома, несмотря на серьезные финансовые трудности, подписал постановление правительства об отпуске авансом средств в сумме 17.1 млн руб. для Волховского строительства на второе полугодие 1918 г. Этим постановлением предусматривалось также выделение 60 тыс. долларов для приобретения гидротурбин и генераторов в США. 200 тыс. руб. выделялось специально в распоряжение Комиссии по возмещению убытков и передаче земель Волховскому строительству. Наконец, этим же постановлением СНК Управлению работ на реке Волхов было поручено приобрести у различных ведомств необходимые машины и оборудование.[74] Так в «тяжелое время, в грозу и бурю», по образному выражению Г. О. Графтио, началось сооружение первенца советской гидроэнергетики — Волховской ГЭС, «главным прорабом» строительства которой, по словам члена КПСС с 1914 г., руководившего в 1918 г. профсоюзом строительных рабочих страны, Н. П. Богданова, — по праву можно назвать В. И. Ленина.[75] Напомним, что это было время, когда в ожесточенных боях на фронтах гражданской войны решалась судьба Советской республики. И в этот напряженнейший период В. И. Ленин, непрерывно осуществляя руководство обороной страны Советов, в то же время думал о ее будущем и последовательно направлял строительство экономических основ социалистической России.

Вопросы внешней политики и национально-государственного строительства, ликвидация разрухи, голода, топливного кризиса и восстановление народного хозяйства, организация советского здравоохранения и развертывание культурного строительства, развитие отечественной науки и освоение природных богатств страны, разработка и осуществление знаме-

[71] Декреты Советской власти, т. II, стр. 144—150.

[72] См.: А. А. Новикова. Письма И. И. Радченко В. И. Ленину. — История СССР, 1970, № 1, стр. 83.

[73] В. Ю. Стеклов. В. И. Ленин и электрификация. М., 1970, стр. 72.

[74] См.: там же, стр. 95—99; Б. А. Галин. В грозу и бурю. М., 1967.

[75] «Вижу Россию электрической...». — Правда, 14 ноября 1969 г.

нитого плана ГОЭЛРО, названного В. И. Лениным «второй программой партии», — трудно, пожалуй, даже невозможно хотя бы перечислить все самые разнообразные вопросы, которые приходилось решать Председателю Совнаркома и которые постоянно находились в поле его зрения. «Вся страна была у него перед глазами, — вспоминал впоследствии заместитель управделами Совета Труда и Обороны по вопросам экономического и хозяйственного строительства В. А. Смольянинов, — он каждую минуту чувствовал биение ее сердца.

— Что слышно с Каширой? — спрашивал он меня поутру. — Как идет строительство? Прибыли ли трансформаторы из Швеции? А как дела на Волхове и в Шатуре?

План ГОЭЛРО Владимир Ильич всегда держал под руками. Он хотел, чтобы электричество быстрее входило в жизнь, в быт народа».[76] И не только электричество.

Надежно оградив от влияния церкви школу и другие учебные заведения, объявив общенародным достоянием музеи и библиотеки, театры, печать и все иные культурные ценности, руководимое В. И. Лениным Советское правительство, Народный комиссариат просвещения сразу же приступили к организации громадной работы по ликвидации тяжелейшего наследия буржуазно-помещичьего строя — неграмотности, начали строить советскую социалистическую культуру.[77] «Владимир Ильич... остро и ясно сознавал абсолютную первоклассность и первозначительность вопросов народного образования, — писал А. В. Луначарский. — Нечего и говорить, что влияние его было достаточно могучим, чтобы эти воззрения его нашли полностью отражение в политике Советской власти».[78]

Вот лишь несколько фактов. С самого начала своей деятельности Совет Народных Комиссаров, — свидетельствует Н. К. Крупская, — не жалел денег на народное образование: уже на 1918 год на это было ассигновано в 9 раз больше, чем при Временном правительстве и в 18 раз больше, чем в последний раз при царской власти.[79] 2 августа 1918 г. Советское правительство утвердило написанный В. И. Лениным проект постановления, в котором говорилось: «С. Н. К. поручает К[омисса]-риату Н[ародного] просв[ещения] подготовить немедленно ряд постановлений и шагов для того, чтобы в случае если число желающих поступить в высшие учебные заведения превысит обычное число вакансий, были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможности

---

[76] Наш Ильич. Москвичи о Ленине. М., 1969, стр. 333.

[77] См.: М. П. Ким. 40 лет советской культуры. М., 1957; И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. М., 1960; В. В. Горбунов. Ленин и социалистическая культура. М., 1972; КПСС во главе культурной революции. М., 1972; Ленин и культурная революция. Хроника событий. 1917—1923. Под ред. чл.-корр. АН СССР М. П. Кима. М., 1972; В. А. Куманев. Революция и просвещение масс. М., 1973.

[78] А. В. Луначарский о народном образовании. М., 1958, стр. 21.

[79] Н. К. Крупская. Год работы Народного комиссариата просвещения. — Вестник народного просвещения союза коммун Северной области, № 6—8, октябрь—ноябрь 1918 г., стр. 31.

учиться для всех желающих, и никаких не только юридических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии». В соответствии со сделанной на рукописи, по-видимому, по указанию В. И. Ленина, пометкой Н. П. Горбунова («Опубликовать рядом с декретом о правилах приема в высшие учебные заведения») приведенный выше ленинский текст был опубликован вместе с указанным декретом в «Известиях ВЦИК» от 6 августа 1918 г.[80]

Придавая большое значение для осуществления планов народного просвещения организации по всей стране широкой сети массовых библиотек, В. И. Ленин уже в конце 1917 г.—начале 1918 г. неоднократно обращал внимание Совнаркома и Наркомпроса на необходимость организации библиотечного дела по-новому. 26 апреля 1918 г. Советское правительство, заслушав доклад об организации центрального управления архивами и библиотеками, постановило образовать специальную комиссию «для разработки детального проекта организации управления архивами, а также в особенности проекта реорганизации всего библиотечного дела по швейцарско-американской системе». Однако темпы работы комиссии явно не удовлетворяли Председателя Совнаркома. 7 июня 1918 г. во время обсуждения в СНК «Положения о социалистической академии наук» В. И. Ленин пишет следующее постановление, утвержденное правительством: «С. Н. К. ставит на вид К[омисса]риату Н[ародного] Пр[освещения] недостаточность его забот о правильной постановке библиотечного дела в России и поручает К[омисса]риату немедленно принять самые экстренные меры, во-1-х, для централизации библиот[ечного] дела в России, во-2-х, для введения швейц[арско]-амер[иканской] системы.

К[омисса]риату Н[ародного] Пр[освещения] предлагается 2 раза в месяц давать отчет в СНК о том, что практически сделано им в этой области».[81] Немного позднее, 21 июня, по распоряжению главы Советского правительства в Наркомпрос был направлен другой небезынтересный документ. «Препровождая при сем отношение Академии наук в Совет Народных Комиссаров за № 988 от 7 июня с. г., — говорилось в письме за подписями секретаря и правителя канцелярии УД СНК, — сообщаем мнение Председателя Совета Народных Комиссаров о желательности превращения Петроградской духовной академии из оплота клерикализма в орган, способный объективно, научно заняться анализом и изучением всяких религий. О последующем не откажите поставить в известность Управление делами Совета Народных Комиссаров и Академию наук».[82] В конце того же месяца к первому секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову поступил еще один достаточно выразительный документ.

[80] Ленинский сборник, XXI, стр. 211; Декреты Советской власти, т. III, стр. 138—141.

[81] Ленинский сборник, XXI, стр. 207—208.

[82] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 197, л. 72.

«Дорогой товарищ, — со свойственной ему эмоциональностью писал народный комиссар просвещения А. В. Луначарский. — Покорнейше прошу Вас не только позаботиться о том, чтобы прилагаемое ходатайство, близкое между прочим и сердцу Владимира Ильича, было рассмотрено в Малой комиссии (т. е. Малом СНК, — *М. И.*), как можно скорее, но и о том, чтобы оно приведено было в исполнение немедленно... Вопиет к небу тот факт, что мы до сих пор не получили 670 тыс. руб., ассигнованных Совнаркомом на июнь месяц для подкорма голодающих детей на наших городских площадках. Умоляю Вас со своей стороны содействовать возможно скорейшему переводу соответствующей суммы на текущий счет тов. Антоновой, нынешней заведующей областн. дошкольным отделом...». Можно не сомневаться, что Наркомпрос и голодающие дети красного Петрограда получили необходимую им поддержку Председателя Совнаркома и его секретариата — на тексте письма А. В. Луначарского один из секретарей Совнаркома сделал пометку: «Исп[олнено], т. е. послано в Госуд[арственное] Казнач[ейство] за № 4756. 29/VI».[83] Сколько было таких и многих других важных государственных дел, которые удавалось «двинуть» при поддержке, по указаниям В. И. Ленина! Совершенно очевидно, что не было ни одного сколько-нибудь значительного начинания в сфере государственной и общественно-политической жизни страны в первые годы Советской власти, у истоков которого не стоял бы В. И. Ленин. Приведем еще лишь один пример.

«Мы, врачи, которым пришлось взяться за дело организации советской медицины, — вспоминает один из руководителей Врачебно-санитарного отдела Петроградского Военно-революционного комитета А. Н. Винокуров, — представляли себе такой централизованный медицинский орган в виде «Комитета по охране народного здоровья». «По этому вопросу тт. Барсуков, Вегер и я, — пишет А. Н. Винокуров, — были у Владимира Ильича, который... решительно высказался против немедленной организации централизованного бюрократического аппарата. Он указал, что прежде необходимо создать врачебные коллегии при центральных учреждениях, заменив ими старые медицинские управления, укрепив их медицинскими силами, создать на местах при Советах медицинские отделы вместо старой земской медицины, постараться отколоть от медицинского Пироговского общества, объединявшего главным образом земские и городские врачебные силы, левую революционную его часть и опереться на нее как в борьбе с контрреволюционными врачами, так и в создании советской медицины».[84]

В соответствии с указаниями В. И. Ленина и был решен вопрос о создании Народного комиссариата здравоохранения. Продолжая вести разъяснительную работу среди врачей и других медицинских работников, медики-большевики из Врачебно-санитарного отдела Петроградского

[83] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2174, лл. 8—8 об.

[84] Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ, фонд воспоминаний о В. И. Ленине. А. Н. Винокуров. Ленин как руководитель СНК и Малого совета, л. 3.

ВРК уже в конце 1917—начале 1918 г. успешно осуществили указание В. И. Ленина о необходимости заменить старые медицинские управления ряда центральных ведомств новыми советскими врачебными коллегиями и явились ядром образовавшегося 22 декабря 1917 г. Временного Совета врачебных коллегий. Официально оформленный декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина от 24 января 1918 г. Совет врачебных коллегий проделал в дальнейшем значительную работу по ликвидации различных старых бюрократических медицинских учреждений, занявших контрреволюционную позицию, и привлечению на сторону Советской власти основных медицинских сил страны. И вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, 24 мая 1918 г., Совет врачебных коллегий заслушал на своем заседании сообщение доктора В. М. Бонч-Бруевич о ее разговоре, как представителя Совета с Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным по вопросам медицины и санитарии и о преобразовании Совета врачебных коллегий в Комиссариат народного здравоохранения.[85] А через полтора месяца, после неоднократного рассмотрения Советским правительством представленных Советом врачебных коллегий докладной записки и проекта декрета о создании Наркомздрава, 11 июля 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении Народного комиссариата здравоохранения, объединившего в своем ведении все отрасли медицинско-санитарного дела в стране и развернувшего обширную деятельность по охране здоровья трудящихся Республики Советов.[86]

Рабочий день Председателя СНК

Колоссальный объем, исключительная насыщенность и чрезвычайное многообразие повседневной государственной деятельности главы первого Советского правительства общеизвестны. Ярким свидетельством громадной работы, которую изо дня в день вел основатель и руководитель первого в мире социалистического государства, является Архив В. И. Ленина, восстановленный многолетними усилиями научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.[87]

Профессор М. И. Авербах, который впоследствии лечил В. И. Ленина, писал, что рабочий день Председателя Совнаркома в первые годы Советской власти был не шестичасовым днем интеллектуального работника и не восьмичасовым днем работника физического труда.[88] Как и до победы пролетарской революции, в послеоктябрьский период у В. И. Ле-

[85] ЦГА РСФСР, ф. 482, оп. 1, № 1а, л. 46.

[86] См.: Декреты Советской власти, т. III, стр. 3—5; Б. М. Потулов. В. И. Ленин и охрана здоровья советского народа. Л., 1967; Ленинские декреты по здравоохранению. Составитель А. И. Нестеренко. Под ред. Ю. А. Ахапкина. М., 1970.

[87] См.: Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970; В. А. Любишева. Воссоздание архива Председателя Совнаркома В. И. Ленина. — Вопросы истории, 1969, № 4; Ю. А. Ахапкин. Организация ленинского архива. — Вопросы истории, 1970, № 3.

[88] М. И. Авербах. Воспоминания о В. И. Ленине. — В кн.: Великий учитель. Ленинская хрестоматия. Л., 1924, стр. 380, 381.

нина общественная и личная жизнь составляла как бы одно целое, без остатка отдавал он все свое время государственной работе, борьбе за утверждение нового, социалистического строя.

Почти каждодневно Председатель Совета Народных Комиссаров был занят напряженной работой на заседаниях, которых нередко бывало по нескольку в день, неослабным контролем за деятельностью всех важнейших ведомств и другими многочисленными делами, связанными с решением самых различных вопросов государственной жизни страны. Вот что писал об этом, например, корреспондент американской газеты «Кристчен сайенс монитор» д-р Мак Брайд, посетивший Россию в первые годы после победы Октябрьской революции и принятый В. И. Лениным: «Он работает от 15 до 18 часов в день, получая отчеты, находясь в курсе положения всей России; посещает совещания, читает лекции, готов дать каждому пользоваться своими знаниями, независимо от того, кто это».[89] В. И. Ленин просматривал текущие бумаги и корреспонденцию, делал пометки, писал резолюции и телеграммы, принимал многочисленных посетителей, разговаривал по телефону, давал распоряжения во все народные комиссариаты, знакомился с повесткой и материалами к предстоящим заседаниям Советского правительства и его постоянных комиссий — Малого Совнаркома и образованного осенью 1918 г. Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, давал необходимые указания и поручения работникам правительственного аппарата.

И в то же время Председатель Совнаркома успевал вести напряженную творческую работу, разрабатывая пути и методы строительства новой, социалистической России, развивая учение о Советском государстве — главном орудии социалистических преобразований в стране. О чрезвычайной интенсивности научно-теоретической деятельности В. И. Ленина в бурные месяцы 1917 и 1918 гг. убедительно свидетельствуют целые тома его сочинений. Достаточно сказать, что всего за время подготовки Октябрьской революции и первые годы Советской власти, т. е. только за шесть лет, В. И. Ленин создал около шести тысяч произведений.[90] В вошедших в сокровищницу марксизма-ленинизма трудах, таких как «Черновой набросок проекта программы партии», «Очередные задачи Советской власти», «О демократизме и социалистическом характере Советской власти», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», «Великий почин», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «О продовольственном налоге», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и других работах

---

[89] Комсомольская правда, 24 августа 1966 г. (Страницы ленинианы). См. также об этом: А. Р. Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 40—41.

[90] И. С. Смирнов. Вклад в лениниану [рецензия на опубликованный ИМЛ при ЦК КПСС в 1959—1963 гг. трехтомный «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина»]. — Известия, 5 января 1964 г.

В. И. Ленин научно обосновал и изложил задачи пролетарского государства в строительстве социализма, показал коренное отличие Советской власти от буржуазно-парламентарной республики, дал исчерпывающий анализ сущности и характерных черт Советского государства, раскрыл его неразрывную связь с трудящимися массами и руководящую, направляющую роль Коммунистической партии, разработал ценнейшие положения о закономерностях и этапах развития Советской социалистической государственности. Глубоко и всесторонне разработанные В. И. Лениным теоретические и практические вопросы социалистического строительства, учение о советской социалистической демократии как демократии принципиально нового, высшего типа стали программой действий для Коммунистической партии и советского народа.[91]

«Всякий раз, когда перебираешь в памяти напряженность и активность работы Владимира Ильича, его кипучую энергию, которую он проявлял в столь разнообразных областях работы, энергию, которая заражала всех его окружающих и, казалось, не знала покоя никогда, — тогда удивляешься и спрашиваешь себя: те ли 24 часа заключали в себе сутки жизни Владимира Ильича, что и наши? Ведь подумать только: Владимир Ильич так активно руководил Политбюро ЦК, Совнаркомом, СТО, работой Малого Совнаркома, непосредственно вникал и руководил важнейшими отраслями государственной жизни, принимал активное участие в работе Наркоминдела, Наркомвоенмора, Наркомпрода, ВСНХ, Госплана, топливных учреждений, научных институтов и ряда других органов»,[92] — писал Я. И. Гиндин, один из ветеранов большевистской партии, в первые годы Советской власти член Малого Совнаркома. В справедливости этих слов легко убедиться, если привести из Биографической хроники жизни и деятельности В. И. Ленина, подготовленной сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, перечень проделанного Председателем Совета Народных Комиссаров в один из его обычных и отнюдь не самых напряженных по сравнению с другими рабочих дней в Смольном, продолжавшихся, как правило, далеко за полночь.

Этот день, 18 ноября 1917 г., как и всегда, начался с просмотра газет и корреспонденции. И как обычно Председателя Совнаркома ожидали на письменном столе горы бумаг. Свежие выпуски газет, заграничные издания, телеграммы, сводки наркоматов. Здесь, как в фокусе, сходились важнейшие вопросы жизни страны — военные, экономические, дипломатические, культурные. И казалось невозможно сразу разобраться в этом

---

[91] Подробнее об этом см.: В. И. Ленин — великий теоретик. Изд. 2. М., 1970; В. Я. Зевин. Труды В. И. Ленина — неиссякаемый источник революционной мысли и революционного действия. М., 1971; П. Н. Федосеев. Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1972, а также: Лениниана, том I. Произведения В. И. Ленина и литература о них. М., 1971.

[92] Я. И. Гиндин. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1933, стр. 44. — Нельзя не отметить, что при всем этом Председатель Совнаркома не только деятельно участвовал, но нередко и официально входил в состав членов некоторых важнейших советских органов, таких как например образованная в марте 1918 г. Комиссия по внешней торговле при ВСНХ (ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 5, № 22, лл. 5—6).

потоке деловых бумаг и быстро принять необходимое и правильное решение. Но секретари Совнаркома, покидая кабинет В. И. Ленина после доклада о срочных делах и о выполнении сделанных накануне распоряжений, знали: через несколько часов все будет прочитано и испещрено карандашными пометками, подчеркиваниями, восклицательными и вопросительными знаками. Умение В. И. Ленина мгновенно схватывать содержание газетной статьи, письма или документа, едва бросив на них взгляд, было действительно удивительным. «Если бы не видеть десятки и сотни раз это изумительное чтение документов, то, право, и поверить было бы невозможно, — отмечал управляющий делами Советского правительства В. Д. Бонч-Бруевич. Надо было обладать той изумительной изощренной памятью, мгновенностью восприятия, какая была у Владимира Ильича...».[93]

Утром 18 ноября в соответствии с указаниями, полученными сотрудниками аппарата Совнаркома от В. И. Ленина, от его имени была отправлена срочная телеграмма Подольскому Совету, в которой сообщалось, что право роспуска городских дум и организации выборов в новые думы предоставляется местным Советам. В первой же половине дня В. И. Ленин принимает руководящих работников Народного комиссариата по продовольствию П. А. Козьмина и А. С. Якубова и беседует с ними о положении дел в комиссариате; подписывает несколько документов о новых назначениях на ответственные посты в советском правительственном аппарате. В течение этого же дня (до 17 часов) В. И. Ленин принимает участие в работе Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, дважды выступив в ходе заседания, а затем с заключительным словом по аграрному вопросу. Возвратившись в Смольный, В. И. Ленин пишет затем в связи с заданным ему на заседании съезда вопросом о социализации земли статью «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Письмо в редакцию „Правды“». На следующий день эта статья была опубликована.

А в 19 часов все того же 18 ноября В. И. Ленин в качестве председательствующего открыл очередное заседание Совета Народных Комиссаров. Он пишет проект постановления об окладах высшим чиновникам и служащим и размерах вознаграждения народным комиссарам; вносит исправление в проект декрета о Петроградском телеграфном агентстве и подписывает его. В чрезвычайных условиях первых послеоктябрьских месяцев на заседаниях Совнаркома обычно рассматривалось, как уже отмечалось, до 20, а то и более вопросов. Вот и в этот день в повестку заседания правительства было включено около 20 различных вопросов государственной и хозяйственной жизни страны: проект декрета о Высшем экономическом совещании, о национализации заводов Донецкого района, о квартирном законе, о письме Центральной комендатуры рабочей Красной гвардии, положение о Комитете по народному здравоохранению, о реквизиции сельскохозяйственных машин и орудий, просьба Казачьего

[93] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1969, стр. 235—236.

комитета об ассигновании средств на издание органа трудового казачества, проекты декретов о гражданском браке и о расторжении брака, и др. При обсуждении внеочередного заявления П. Е. Дыбенко о реквизиции продовольствия морского ведомства Совет Народных Комиссаров поручает ему расследовать этот вопрос и в случае необходимости обратиться за содействием к В. И. Ленину.[94]

По строго заведенному порядку проходил несколько месяцев спустя, 14 мая 1918 г., в Московском Кремле и другой рабочий день Председателя Совнаркома. После ознакомления с телеграммами и сводками, поступившими за ночь, просмотра текущей почты и утренних газет В. И. Ленин, отдав сотрудникам Управления делами СНК необходимые распоряжения, составляет план своего доклада о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета. Затем глава Советского правительства написал письмо председателю Бакинского Совета С. Г. Шаумяну, в котором, выразив удовлетворение его твердой и решительной политикой, советовал «соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением»; пишет записку заместителю народного комиссара торговли и промышленности М. Г. Бронскому, содержавшую указания о порядке выступлений советских представителей на заседании русско-германской торговой комиссии по возобновлению экономических отношений между Россией и Германией 15 мая 1918; пишет письмо руководителю американской миссии Красного креста в России полковнику Рэймонду Робинсу, в котором выражает надежду на то, что прилагаемый к письму предварительный «План развития экономических отношений между Советской Россией и Соединенными Штатами Америки, разработанный Комиссией по внешней торговле при ВСНХ» окажется полезным Робинсу при его беседах в министерстве иностранных дел (Государственном департаменте) США и с американскими специалистами по экспорту.

В течение этого же дня Председатель Совнаркома просматривает гранки своей статьи «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)», написанной в 1914 г. для Энциклопедического словаря Гранат и выходящей отдельной брошюрой в издательстве «Прибой», и пишет предисловие к брошюре; выступает с докладом о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета и представителей профессиональных союзов и заводских комитетов. А поздно вечером все того же 14 мая В. И. Ленин, как и обычно, председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров, на котором обсуждались проект «Основного закона о лесах», декрет об обеспечении средствами Северной области, положение об отделе законодательных предположений и кодификации Народного комиссариата юстиции и другие вопросы.[95] И так изо дня в день, из месяца в месяц.

---

[94] В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 3, стр. 157, 158.

[95] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 702, 703.

Осуществляя руководство деятельностью Советского правительства, В. И. Ленин постоянно председательствовал на всех заседаниях Совета Народных Комиссаров, которые в рассматриваемый период происходили почти ежедневно и продолжались обычно до 2—3 часов ночи.[96] Используя терминологию современной социологической науки,[97] можно с уверенностью утверждать, что именно удивительное умение и искусство выдающегося лидера этих ответственных совещаний — В. И. Ленина — сыграло исключительную роль во всей повседневной работе первого Советского правительства. Весьма показательно, что 24 декабря 1917 г. на первом же из считанных заседаний Совнаркома, проходивших без В. И. Ленина, который, как известно, по решению ЦК партии и СНК находился в эти дни в «Халила», сразу же встал вопрос о том, можно ли считать данный состав Совета полномочным. Положительно ответив на данный вопрос, Совнарком вместе с тем достаточно выразительно постановил «откладывать те из вопросов, которые будут признаны кем-либо из народных комиссаров, присутствующих на заседании, слишком важными для разрешения в данном составе».[98]

Точно так же 27 марта 1918 г., когда из-за участия в работе президиума ВСНХ В. И. Ленин не смог присутствовать на заседании правительства,[99] Совнарком принял следующее предложение Я. М. Свердлова к порядку ведения заседания: «Обсуждать, ввиду малочисленности [100] собрания, лишь наиболее важные вопросы, не терпящие отлагательств».[101]

«Владимир Ильич был выдающийся председатель, — вспоминал Я. И. Гиндин. — Открывая заседание, Владимир Ильич наскоро пробегал повестку, спрашивал о снимаемых вопросах, ставил всегда на краткое обсуждение все заявления к порядку дня... По снятым вопросам он сейчас же поручал секретариату, сидевшему по правую руку от него за отдельным столиком, отпустить вызванных докладчиков, по дополнительным, если надо, вызвать... После этого Владимир Ильич приступал к обсуждению отдельных вопросов, причем в начале обсуждения он первым долгом интересовался, присутствуют ли все заинтересованные стороны и есть ли у всех членов Совнаркома соответствующие материалы. Регламент был всегда очень строгий, хотя, конечно, менялся в зависи-

---

[96] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 369, л. 20.

[97] Е. Манучарова. Деловые совещания. — Неделя, 9—15 августа 1971, стр. 2—4.

[98] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, л. 55.

[99] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 686.

[100] Небезынтересно отметить, что помимо Я. М. Свердлова и И. В. Сталина, который, как и 24 декабря 1917 г., исполнял обязанности председательствующего, на этом заседании правительства присутствовало еще 11 народных комиссаров и членов коллегий различных народных комиссариатов.

[101] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 200.

мости от характера вопросов. Сам Владимир Ильич высказывался чаще всего последним».[102]

Председательствуя на заседаниях Совета Народных Комиссаров, глава первого Советского правительства вел чрезвычайно большую и разнообразную работу, интенсивность которой была такова, что, по оценке лечивших впоследствии В. И. Ленина врачей, «он вел, собственно, во время одного заседания два или три».[103] Вот как это выглядело в красочном описании члена коллегии Наркомпрода Л. И. Рузера, который, присутствуя почти ежедневно на заседаниях Совнаркома в 1918 г., по собственному признанию, часто увлекался тем, что следил, как работает В. И. Ленин, «как он делает за раз три дела». «Во-первых, — рассказывает Л. И. Рузер, — он ведет собрание, но ведет его самым настоящим образом. Строго следит за порядком, за оратором, за временем, которое ему уделяется, за курением. В то же время он принимает самое живое участие в прениях по каждому вопросу. Очень редко бывало, чтобы Владимир Ильич не выступил по какому-нибудь вопросу с основательным разбором его и совершенно определенным мнением.

Для этого ему, конечно, нужно было внимательно слушать каждого оратора и раздумывать над его доводами. Все это не мешало ему делать третьего дела. Он всегда в то же время либо брал какую-либо канцелярскую справку для обсуждаемого вопроса, либо доставал энциклопедический словарь, атлас или другую книгу и вооружался данными для дискуссии. Часто он корректировал тут же, на заседании, свои статьи или речи, продолжая по-прежнему вести собрание... Но было еще одно дело, которым он занимался среди всех своих работ на заседаниях Совнаркома. Это его знаменитые записки. Переписываясь записками с наркомами, он тут же на заседаниях часто двигал какое-нибудь дело, касающееся какого-либо комиссариата или отдельного товарища».[104]

В самом деле, при обсуждении на заседании Совета Народных Комиссаров того или иного вопроса В. И. Ленин прежде всего строго следил за точным выполнением, как докладчиками, так и выступавшими в прениях, установленного регламента. Любителям пространных выступлений Председатель Совнаркома, поглядывая на часы, постоянно напоминал: «Тут, товарищи, не митинг; агитацией заниматься нечего, нужно говорить только дело».[105] И с досадой посматривал на докладчика, прикрывавшего общими словами свое неумение деловым образом подойти к вопросу. При протоколах СНК сохранилось большое количество листков со сделанными В. И. Лениным записями фамилий участников заседаний и пометками против каждой из них о времени начала и конца выступления.[106]

---

[102] Я. И. Гиндин. Ук. соч., стр. 15—16.

[103] А. И. Елизарова. Страничка воспоминаний о Владимире Ильиче в Совнаркоме. — Пролетарская революция, 1929, № 11, стр. 89.

[104] Л. Рузер. Из воспоминаний об Ильиче. — В кн.: О Ленине. Воспоминания, кн. II. М., 1925, стр. 126—127.

[105] Н. Л. Мещеряков. Из воспоминаний о Ленине. — Печать и революция, кн. 2. М., 1924, стр. 12—13.

[106] См., например: И. В. Загоскина и Ю. А. Ахапкин, ук. соч., стр. 41.

«При Ленине в Совнаркоме было дельно и оживленно, — вспоминал А. В. Луначарский. — Уже при нем утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что самое время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую минуту».[107] Как видно из протоколов Совета Народных Комиссаров, на его заседании 15 ноября 1917 г. рассматривалось 20 вопросов, 16 ноября — 23 вопроса, 19 ноября — 27 вопросов, 16 декабря — 21 вопрос, 19 декабря — 17 вопросов, 9 января 1918 г. — 34 вопроса, 29 января — 22 вопроса и т. д. В результате только за первые два месяца деятельности Советского правительства (в ноябре—декабре 1917 г.) на 37 его заседаниях под руководством В. И. Ленина было рассмотрено свыше 460 различных вопросов политической, военной, экономической и культурной жизни страны.[108]

Внимательно слушая докладчиков и выступавших в прениях, поддерживая строгий порядок на заседаниях правительства,[109] В. И. Ленин в то же время успевал прочитывать и принимать решения по самым различным документам, писать свои маленькие, всем хорошо знакомые записочки, в которых советовался с членами ЦК партии и Совнаркома, другими советскими, партийными работниками и специалистами, запрашивая их мнение, делал предложения и указания по решению обсуждавшихся и других вопросов. Так, в связи с докладом Ф. Э. Дзержинского о мерах борьбы с саботажниками и контрреволюционерами, заслушанном на заседании Совнаркома 7 декабря 1917 г., В. И. Ленин обратился к нему с запиской, написав проект соответствующего декрета. Советуясь с Ф. Э. Дзержинским по этому поводу, В. И. Ленин, в частности, писал: «Нельзя ли двинуть *подобный* декрет: *О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками...*».[110] Запрашивая в конце августа 1918 г. мнение заместителя наркома продовольствия Н. П. Брюханова по докладной записке о результатах обследования состояния дел по заготовке карто-

---

[107] Таким был Ленин. М., 1965, стр. 390.

[108] См.: Н. П. Горбунов. Воспоминания о Ленине. М., 1933, стр. 18; Е. П. Подвигина. Ук. соч., стр. 129.

[109] Разговаривать на заседаниях Совнаркома не разрешалось. И В. И. Ленин неизменно следил за точным соблюдением установленного им порядка. Известна, в частности, собственноручная записка В. И. Ленина по этому вопросу, адресованная секретарю СНК Л. А. Фотиевой: «Вас не „забили", а слишком с Вами мягки.

1) Возьмите подписку со всех секретарей, что во время заседаний СНК только записки подавать, а разговаривать запрещено.

2) Повесьте такое же объявление в секретарской» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 54). В другом случае В. И. Ленин написал Л. А. Фотиевой во время заседания Совнаркома 3 июня 1918 г.: «Если Вы и Горбунов будете болтать на заседании, я вас поставлю в угол обоих» (Ленинский сборник, XXXVII, стр. 86).

[110] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 156, 468—469.

феля (этот вопрос был рассмотрен Совнаркомом 28 августа), В. И. Ленин писал: «Ваше заключение?

Не внести ли это в СНК?

Или Вы это приказом по Компроду проведете?».[111]

Очень часто при помощи тех же записок Председатель Совнаркома тотчас же выяснял или уточнял заинтересовавшие его аспекты или практическую сторону вопросов, обсуждавшихся правительством. Примером такого рода может, в частности, послужить переписка, которая велась В. И. Лениным на заседании Совнаркома 31 июля 1918 г. с одним из специалистов по поводу проекта разработки и использования горючих сланцев Петроградской губернии. Отвечая, по-видимому, на ленинскую записку, последний сообщал: «Владимир Ильич! Я делал свой инженерный дипломный проект у проф. Соколова. Читать литературу мне приходилось довольно основательно, но о практических применениях сланцев для получения цемента во вращающихся печах я не встречал». Под этим текстом на новый, уточняющий вопрос В. И. Ленина о времени подготовки дипломного проекта Председатель СНК тут же получил следующий ответ: «1917, перед февральской революцией и продолжал в том же году перед Октябрьской революцией, в сентябре».[112]

Как видно из протокола этого заседания СНК, Советское правительство постановило отпустить в распоряжение Отдела топлива ВСНХ для Петроградского комитета по топливу на второе полугодие 1918 г. авансом 15 млн руб. на устройство рудников и заводов для добычи горючих сланцев и перегонки их в мазут и масла, а также для утилизации остатков производств в цементном и керамическом деле и производства дальнейших опытов по эксплуатации сланцев. В то же время (и, думается, не без учета приведенной выше переписки) председателю ВСНХ было предложено образовать особую комиссию из специалистов и практиков (с обязательным включением в нее одного представителя от специалистов, оспаривающих возможность практического использования при имевшемся состоянии техники горючих сланцев для технического использования) для проверки всех произведенных опытов по применению горючих сланцев.[113]

Это, по удачному выражению Е. Д. Стасовой, редкостное умение В. И. Ленина «раздваивать и даже разтраивать свое внимание»[114] неизменно вызывало удивление участников заседаний Советского правительства, а иногда даже казалось неправдоподобным, особенно тогда, когда, взяв слово, Председатель Совнаркома с поразительной точностью и остротой отмечал важные для обсуждаемого вопроса положительные и отрицательные стороны доклада и последующих выступлений.[115] И можно

---

[111] Ленинский сборник, XXXVII, стр. 103.

[112] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 169, л. 18.

[113] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, лл. 159, 160.

[114] ЛПА, ф. 4000, оп. 5, № 122, л. 83.

[115] См., например, об этом: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, М., 1969, стр. 137.

только присоединиться к тому, что совершенно справедливо отметил в своих воспоминаниях один из ветеранов большевистской партии Н. Л. Мещеряков: «Была сделана колоссальная ошибка, что в Совнаркоме не стоял фонограф и не присутствовала стенографистка, чтобы записывать речи Ленина. Стенографировались только его большие речи на больших собраниях. Между тем эти маленькие речи по три-пять минут были очень блестящими речами, полными содержания; в них Ленин часто вкладывал больше того, что он вкладывал в большую речь. Если бы все это записывалось, то мы имели бы богатую сокровищницу. Но все это пропадало, а вспоминать эти многочисленные речи, конечно, нет никакой возможности. Такая же судьба постигла его записки, которых он писал множество. Эти записки или тут же разрывались, по старой конспиративной привычке, или клались в карман и там затирались, или просто терялись. Большая часть записок, к сожалению, потеряна».[116]

Как опытный капитан, быстро и уверенно вел В. И. Ленин заседания Совнаркома сквозь «рифы» неясностей, споров и противоречий. «С первого же момента заседания, — писал Д. И. Курский, — понимаешь и видишь, что руль в исключительно надежных руках, что, дав высказаться делом там, где это нужно, товарищ Ленин уже изумительно точно сформулирует постановление, а если видит, что ораторы не схватывают сути или уклоняются от правильного пути, товарищ Ленин берет слово, и нужно было видеть, как мастерски он поворачивал вопрос, как глубоко обосновывал свое предложение».[117] Эту же черту, весьма характерную для ленинского стиля работы, особо отметил также С. С. Пестковский, в те годы заместитель наркома по делам национальностей: «Ленин... всегда умел повернуть дискуссию на конкретные рельсы. Если докладчик или кто-либо из выступавших „плавал“, Ленин всегда „умел повернуть руль к пристани“».[118]

Яркое описание того, как своеобразно и умело В. И. Ленин руководил работой Советского правительства, оставил первый народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко: «Во время дебатов Владимир Ильич любил прислушиваться, „что скажут другие“. Внимательно прищурив один глаз и сверля другим, он пристально слушал оратора, неумолимо одергивая многословных. Иногда охотников выступать по какому-либо докладу не находилось. Тогда Владимир Ильич любил „вызывать“... И потом как председатель резюмировал. В этом резюме тоже было нечто чрезвычайно характерное и замечательное. Обычно многие председатели

---

[116] Н. Л. Мещеряков. Из воспоминаний о Ленине, стр. 13. — «Кто не получал этих ильичевских записочек, которые он писал и вне заседаний, — пишет об этом также член КПСС с 1905 г. В. Миллер, — и которые развозились самокатчиками во всякое время дня и ночи» (В. Миллер. Председатель Совнаркома. — Новый мир, 1958, № 11, стр. 168).

[117] Д. И. Курский. Как работал тов. Ленин (Наброски). — Гудок, 26 января 1924 г.

[118] Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, фонд воспоминаний о В. И. Ленине. С. С. Пестковский. Ленин в период 1917—1920 гг., л. 16.

„обкрадывали“ ораторов: у одного возьмут одно, у другого — другое и вносят предложения, могущие объединить возможно большее число участников. У Ленина выходило не так: он давал не компромиссную, а резкую и определенную установку. И речи ораторов давали ему материал лишь для большей аргументации его предложения. . .».[119]

При этом В. И. Ленин, пользовавшийся, как известно, исключительным авторитетом, никогда не навязывал участникам заседания своего мнения, всегда следовал принципу коллективности руководства. «Владимир Ильич никогда не решал вопросы, в которых был заинтересован и коллектив, единолично, как Председатель Совнаркома. Он поощрял инициативу каждого работника, не давил своим авторитетом, а убеждал. Лесть, подхалимство, угодничество были немыслимы в окружении Ленина. На заседаниях Совнаркома или Совета Обороны все выступавшие свободно высказывали свои мнения по обсуждавшимся вопросам. Вопросы решались голосованием. Нередко происходили ожесточенные споры; случалось, что большинством членов СНК принималось решение, с которым Владимир Ильич не был согласен. Он безоговорочно подчинялся большинству. Однако, если вопрос имел принципиальное значение, Ленин, действуя в рамках партийных и советских норм, продолжал отстаивать свое мнение, переносил вопрос в высшую инстанцию, во ВЦИК, в Политбюро, на пленум ЦК и иногда доходил до съезда партии», — вспоминает Л. А. Фотиева.[120]

Все это определяло одну из важнейших и, пожалуй, наиболее характерных особенностей стиля деятельности первого Советского правительства: четкая организованность и строгий деловой порядок в работе руководимого В. И. Лениным Совнаркома неизменно сочетались со свободной творческой обстановкой, удачно обеспечивавшей при решении государственных дел и подлинный коллективизм, и всемерное использование знаний, опыта, таланта всех без исключения участников его заседаний. «Ленин был для нас высшим авторитетом, но он всегда поощрял инициативу каждого работника, отстаивавшего свою точку зрения, — писал Г. И. Петровский. — Каждый из нас знал, что Владимир Ильич всегда внимательно выслушает его и признает его правоту, если он обоснует свою точку зрения неопровержимыми аргументами».[121]

Сыграв поистине выдающуюся роль в последовательном проведении принципа коллективности руководства в повседневной работе первого Советского правительства, В. И. Ленин всей своей деятельностью на ответственнейшем посту Председателя Совнаркома неизменно показывал блестящий образец партийного, коллегиального подхода к решению любых вопросов государственной жизни страны, умения всегда учесть и опереться на компетентное мнение соответствующих советских и партийных органов и работников. Так, в подписанном Председателем Совнар-

---

[119] Н. А. Семашко. Ильич ведет заседание. — Известия, 14 февраля 1960 г.
[120] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, стр. 122.
[121] Г. И. Петровский. Великое начало. М., 1957, стр. 30.

кома удостоверении от 8 декабря 1917 г., выданном В. А. Антонову-Овсеенко, говорилось, что он «с согласия главковерха Крыленко, комиссара Подвойского и всей коллегии по военным делам (разрядка наша, — *М. И.*) уполномачивается для общего руководства операциями против калединских войск и их пособников».[122] При всем своем колоссальном авторитете и широте партийных и государственных полномочий В. И. Ленин никогда не решал единолично вопросов, которые должны были решаться коллективно. «Я не могу идти против воли и решения коллег по Совету»,[123] ответил он, в частности, в письме М. Ф. Андреевой. «Без созыва Политбюро я не могу дать никакого ответа»,[124] — писал В. И. Ленин И. В. Сталину, который запрашивал указания в связи с угрозами Советскому Азербайджану со стороны интервентов и белогвардейцев. Весьма показательно в связи с этим свидетельство японского журналиста Р. Накахиры о том, что когда он принес в секретариат запись интервью, взятого накануне у Председателя Совнаркома, «Ленин прочитал ее очень внимательно, сделал поправки. Например, он вычеркнул такие выражения, как „Ленин решил“, „Ленин отказал“. Как мне сказали потом, он заметил при этом, что решает или отказывает не Ленин. Все вопросы решает рабоче-крестьянское правительство».[125]

О скромности и тактичности В. И. Ленина, его внимательном отношении к мнению членов Совнаркома и других участников заседаний правительства, об удивительном его умении четко организовать подлинно коллективное, глубокое и всестороннее обсуждение узловых проблем государственной жизни и быстро найти необходимое решение свидетельствуют многочисленные документы и очевидцы. Один из последних, А. А. Андреев писал: «Ясность мысли, быстрая ориентировка во всех вопросах, принципиальность, строгое соблюдение норм товарищеской, коллективной работы, необыкновенная чуткость, способность быстро уловить, что правильно, а что неправильно, смелость и широта его подхода ко всем вопросам, необыкновенная способность быстро все взвесить, учесть все обстоятельства, умение привлечь внимание к самому важному — таков в общих чертах был Ленин на заседаниях, в деловой обстановке».[126]

В обстановке творческого энтузиазма и подлинной принципиальности, исходившей от В. И. Ленина, каждый из присутствовавших на заседании правительства, будь то народный комиссар или кто-либо из приглашенных по какому-то вопросу, вносил свой посильный вклад в дружную коллективную работу Советского правительства. «Работали в Совнаркоме споро, работали бодро, работали с шутками, — вспоминал А. В. Луначарский. — Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол

---

[122] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1104, л. 30.
[123] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 49.
[124] Там же, т. 52, стр. 14.
[125] Р. Накахира. Год в Красной России. — Известия, 21 января 1967 г.
[126] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2. М., 1957, стр. 48.

крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками ли самого председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро, быстро текла река докладов, обмена мнений, решений».[127]

О роли В. И. Ленина в правотворческой деятельности Совнаркома

По образному выражению Джона Рида, от Смольного (а затем и Московского Кремля), где под руководством В. И. Ленина работало первое Рабочее и Крестьянское правительство России — Совет Народных Комиссаров, словно от перегруженной током динамо-машины, во все концы летели искры. Ими были знаменитые декреты Советской власти, размноженные в сотнях тысяч экземпляров, расклеенные на всех стенах, с поразительной быстротой распространявшиеся по всей стране, ставшие олицетворением происшедших в октябре 1917 г. в России событий, потрясших весь мир.

Как и само рождение Советского государства, первые его шаги в области законодательства были неразрывно связаны с именем В. И. Ленина. Неудивительно, что нельзя, пожалуй, назвать книгу или статью о Великой Октябрьской социалистической революции и начальном периоде существования новой, пролетарской власти, где бы в той или иной степени не говорилось о принятых под руководством В. И. Ленина первых основополагающих советских декретах.

Уже начиная с 20-х годов различные аспекты темы «В. И. Ленин и советское правотворчество» стали предметом не только мемуарного и публицистического, но и специального рассмотрения в отечественной историко-правовой литературе.[128] Немало сделано в научном исследовании этой проблемы в послевоенный период, особенно в освещении кардинальных вопросов ленинского учения о праве и законности при социализме, разработанных В. И. Лениным основных принципов советского законодательства.[129] Более или менее полное рассмотрение получили в литера-

[127] Таким был Ленин, стр. 391.

[128] Об этом см.: М. П. Ирошников. Изучение начального советского законодательного акта. (Конец 1917 г.—начало 30-х годов). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. 1. Л., 1968; Теория государства и права. Библиография. 1917—1968. Составитель М. Н. Кулажников. М., 1969; Н. Я. Куприц. Из истории науки советского государственного права. М., 1971.

[129] См., например: Вопросы Советского государства и права. 1917—1957. М., 1957; М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1959; изд. 2, М., 1966; Д. А. Керимов. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960; В. М. Чхиквадзе. Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина. М., 1960; В. И. Ленин о государстве и праве. Л., 1961; В. М. Шапко. В. И. Ленин — создатель социалистической законности. М., 1965; А. И. Денисов. В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве. М., 1969; А. Я. Берченко. Ленинские принципы советского права. М., 1970; В. М. Курицын. Переход к НЭПу и революционная законность. М., 1972, и др.

туре вопросы о том, что́ представляли собой ленинские декреты Октября, каково было содержание и значение важнейших из них для становления отдельных отраслей советского права и всей его системы в целом.[130]

Вместе с тем нельзя не признать справедливость высказанного сравнительно недавно на страницах журнала «Советское государство и право» замечания о том, что советские историки и правоведы все еще мало пишут о В. И. Ленине как юристе, не раскрыли еще должным образом, как в ходе становления советского законодательства и нового, пролетарского, правопорядка проявилось то обстоятельство, что первый Председатель Совнаркома являлся широко эрудированным юристом, имевшим юридическое образование, засвидетельствованное дипломом I степени Петербургского университета, и некоторый стаж работы по специальности в Самарской и Петербургской адвокатурах.[131]

В самом деле, только в последние годы появилось несколько работ — небольших по объему статей и брошюр, в которых кратко рассматривается роль В. И. Ленина как организатора и руководителя законодательной деятельности Советского государства.[132] И хотя в связи со 100-летним ленинским юбилеем были опубликованы и первые значительные труды, посвященные анализу различных сторон деятельности В. И. Ленина в области советского государственно-правового строительства и ха-

---

[130] См.: Сорок лет советского права (1917—1957), т. I. Период строительства социализма. Л., 1957; Г. Н. Голиков. Революция, открывшая новую эру. М., 1967; История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967 (изд. 2); История Советского государства и права, книга первая. Становление советского государства и права (1917—1920 гг.). М., 1968; Развитие кодификации советского законодательства. М., 1968; Е. А. Луцкий. Источники ленинского декрета «О земле». Автореф. докт. дисс. М., 1970 и др. — Особо следует отметить систематическую публикацию статей по истории начального советского законодательного акта в осуществляемом под редакцией С. Н. Валка издании «Вспомогательные исторические дисциплины» (тт. I—VI, Л., 1968—1974).

[131] Е. А. Скрипилев, В. П. Портнов. Создание Советского правительства. — Советское государство и право, 1967, № 7, стр. 124. О страницах биографии В. И. Ленина, связанных с его деятельностью в 1891—1895 гг. в качестве помощника присяжного поверенного см.: И. Крылов, А. Бланк. Деятельность В. И. Ленина в адвокатуре. — Советская юстиция, 1960, № 4; В. Шалагинов. Защита поручена Ульянову. Новосибирск, 1967; И. Б. Стерник. В. И. Ленин — юрист. Ташкент, 1969.

[132] См.: И. В. Загоскина, Ю. А. Ахапкин. В. И. Ленин — глава первого Советского правительства. М., 1960; М. П. Ирошников. 1) Первые декреты в Совете Народных Комиссаров. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963; 2) Декреты Великого Октября. М., 1967; 3) В. И. Ленин — глава первого Советского правительства. М., 1970; 4) В. И. Ленин — организатор и руководитель правотворческой деятельности Советской власти (В. И. Ленин — выдающийся государственный деятель и юрист. Тезисы докладов теоретической конференции. Л., 1970); А. С. Шляпочников. В. И. Ленин о законодательной деятельности и значении стабильности советских законов. — Социалистическая законность, 1967, № 10; И. Б. Стерник. В. И. Ленин о правотворческой работе. — Советское государство и право, 1968, № 7; А. В. Мицкевич. Роль В. И. Ленина в создании советского права. — Советское государство и право, 1969, № 3; М. С. Васикова, А. Н. Иодковский. Создатель советского законодательства. Ташкент, 1971.

рактеристике значения этого ленинского наследия в современных условиях,[133] совершенно очевидно, что дальнейшее углубленное исследование выдающейся роли В. И. Ленина в создании и развитии советского правотворчества продолжает оставаться одной из самых актуальных задач наших юристов и историков.

В настоящем разделе невозможно, разумеется, достаточно полно и всесторонне охарактеризовать все значение В. И. Ленина для законодательной, правотворческой деятельности Советского государства. Поэтому автор ограничил свою задачу кратким изложением нескольких основных вопросов, понимание и учет которых, по его мнению, принципиально важны для осуществления в дальнейшем (в полной мере это, очевидно, можно сделать лишь в специальных крупных монографических и коллективных исследованиях обобщающего характера) развернутого и более или менее исчерпывающего освещения громадной теоретической и практической деятельности В. И. Ленина, непосредственно связанной с возникновением и развитием права первого в мире социалистического государства.

При изучении истории советского законодательства интересующего нас периода, и в частности для успешного выяснения сущности и главных особенностей начального советского законодательного акта первостепенное значение имеют высказывания В. И. Ленина о советских декретах первых лет существования в России пролетарской власти.

Уже в докладе о текущем моменте, с которым Председатель Совнаркома выступил на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона 29 октября 1917 г., была подчеркнута прежде всего принципиально новая классовая сущность декретов Советской власти, законов, которые из орудия угнетения и подавления трудящихся и эксплуатируемых масс стали важнейшим средством подавления эксплуататоров и социального освобождения трудового народа. Воплощая основные требования трудящихся масс, являясь результатом их революционного творчества, первые же декреты Октября стали неопровержимым доказательством того, что Советская власть взяла свою политику «у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городах».[134] Через несколько дней, 4 ноября 1917 г., выступая с ответом на запрос левых эсеров на заседании ВЦИК Советов, В. И. Ленин вновь обратил внимание на это чрезвычайно важное обстоятельство. Как подчеркивалось в его выступлении, «издавая законы, идущие навстречу чаяниям и надеждам широких народных масс, новая власть ставит вехи по пути развития новых форм жизни». Тогда же В. И. Ленин указал и на другую отличи-

---

[133] В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве. Под ред. В. М. Чхиквадзе и Б. Н. Топорнина. М., 1969; Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства. Отв. ред. С. Н. Братусь, И. С. Самощенко. М., 1969; В. И. Ленин о демократии и законности. Под ред. Ф. И. Калинычева, А. Л. Недавнего и Н. Т. Савенкова. М., 1970; Ленинский декрет «О земле» и современность. Отв. ред. Г. А. Аксененок, В. М. Чхиквадзе. М., 1970.

[134] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 37.

тельную особенность первых советских законодательных актов, органически связанную с их классовой сущностью. Имея принципиально новое социальное назначение, советские декреты получили возможность действовать не только как правовые нормы, но и в качестве формы пропаганды. Вот почему, выражая политику большевистской партии и Советской власти, они были направлены не только на отмену старого, буржуазного права и на установление и регулирование новых, социалистических отношений, но также и на то, чтобы завоевать доверие и вызвать «живое творчество масс... основной фактор новой общественности».[135]

Об этих характернейших чертах декретов Советской власти В. И. Ленин неоднократно высказывался и в других своих работах и выступлениях. Более того, как справедливо отметил Н. В. Крыленко, в трудах В. И. Ленина имеются вполне определенные указания на три основные этапа, которые последовательно прошла история советского законодательного творчества: 1) революционного правотворчества снизу; 2) концентрации законодательной власти и ее нормирующей роли; 3) устойчивого планового законодательства.[136] Как видим, по мере развития пролетарской революции в разные ее периоды в зависимости от различных факторов, в частности, от изменения внутренней и внешней обстановки, от появления в ходе советского строительства новых задач, на первый план выступала то одна, то другая сторона советского законодательного творчества.

Еще задолго до Октябрьской революции В. И. Ленин писал, что в революции народная масса «сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право...».[137] Начавшийся еще до победы пролетарской революции в России период революционного правотворчества народных масс [138] продолжался и получил наибольшее, пожалуй, развитие в исторические октябрьские дни 1917 г. и в последующие месяцы (примерно по февраль 1918 г.) триумфального шествия Советской власти по всей стране. Это был период «красногвардейской атаки на капитал», когда необходимо было «политически рисовать» великие задачи, «чтобы народу показать, как и что мы хотим строить, какие новые и невиданные вещи».[139] Для правильного понимания особой роли, которую играли декреты Советской власти в этот начальный период ее существования, чрезвычайную важность представляет оценка, данная им в выступлениях В. И. Ленина

---

[135] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 56—57.

[136] Н. В. Крыленко. Ленин о суде. М., 1934, стр. 256—257.

[137] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 321, а также стр. 350.

[138] См.: А. И. Королев. 1) Роль народного правотворчества в возникновении советского права. — Правоведение, 1958, № 1; 2) Ленинские идеи о государственно-правовом творчестве трудящихся масс в России. — Правоведение, 1970, № 2; Ю. С. Токарев. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март—октябрь 1917 г.). Л., 1965; Н. И. Васильева. Нормотворческая деятельность Советов в дооктябрьский период. Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

[139] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 169.

на VIII и XI партийных съездах. На VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин впервые остановился на характеристике советских декретов, когда он выступал с отчетом Центрального Комитета партии. «Мы помним, — говорил он тогда, — как в Смольном мы проводили зараз по 10 и 12 декретов. То было проявлением нашей решимости и желания пробудить опыт и самодеятельность пролетарских масс».[140] В другом случае, в докладе о работе в деревне, сделанном на заседании того же съезда 23 марта 1919 г., В. И. Ленин вновь отметил эту важную особенность первых советских декретов: «Эти декреты, которые практически не могли быть проведены сразу и полностью, играли большую роль для пропаганды».[141] Второй раз В. И. Ленин подробно охарактеризовал первые декреты Советской власти в политическом отчете ЦК РКП(б), сделанном им 27 марта 1922 г. на XI партийном съезде. «У нас была полоса, — прямо указывал он, — когда декреты служили формой пропаганды». И далее пояснял: «Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны...».[142]

Решающие победы пролетарской революции в России в период «красногвардейской атаки на капитал», быстрое распространение власти Советов по всей стране в конце 1917—начале 1918 г. явились неопровержимым доказательством правильности ленинской политики большевистской партии и Советской власти. Все это свидетельствовало также и о несомненном успехе такой удачно найденной Совнаркомом во главе с В. И. Лениным формы советского законодательства, как декреты, которые звали рабочие и крестьянские массы на защиту революции, пробуждали их инициативу и самодеятельность в строительстве основ новой жизни. В связи с этим небезынтересно привести красноречивое признание одного из «левых коммунистов» В. В. Оболенского (Н. Осинского), который уже осенью 1918 г. следующим образом оценивал роль первых декретов Октября и отношение к их изданию В. И. Ленина: «Теперь я думаю, что тов. Ленин понимал дело, так сказать, всерьез. Декларативное, декретное законодательство имеет огромное значение в острые периоды революции. Этого не понимали в свое время не только меньшевики, но и многие из большевиков... Только „демократический кретин“ Каутский мог думать, что

---

[140] Там же, т. 38, стр. 141.
[141] Там же, стр. 198.
[142] Там же, т. 45, стр. 111.

„смешно" сперва объявлять национализацию производства, а потом проводить ее на деле. В моменты массового штурма на капитал необходимо провозглашать в виде декрета цель, к которой массы должны стремиться...».[143] Как показало развитие исторических событий, в первый послеоктябрьский период декреты Советской власти действительно помогли привлечь всех трудящихся России на сторону восставшего пролетариата и этим «одним ударом *удесятерить*»[144] силы пролетарского государства и обеспечить победу Октябрьской революции.

Переход от периода «красногвардейской атаки на капитал» к периоду «основного строительства», когда вместо выполненной в основных чертах задачи завоевания власти на первый план выдвинулась, как указывал В. И. Ленин, задача организации управления Советским государством,[145] существенным образом повлиял как на общий характер и направленность советского законодательства, так и на содержание и форму самих декретов.

Нетрудно заметить, что если раньше, в первые послеоктябрьские месяцы, советские декреты были обращены преимущественно к революционным трудящимся России и к их массовым организациям, в первую очередь органам их классового представительства — Советам, то с весны 1918 г., особенно после опубликования ленинской работы «Очередные задачи Советской власти», наряду с рабочими, солдатскими и крестьянскими массами другим главным адресатом советских декретов становятся (и постепенно во все более возрастающем количестве) различные исполнительные органы и учреждения советского центрального и местного государственного аппарата. Достаточно напомнить, например, об изданной уже в первые весенние месяцы 1918 г. серии соответствующих декретов и постановлений, среди которых, в частности, можно указать декрет о централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности от 23 марта, декрет об управлении водным транспортом на Волге от 26 марта, Временное положение об управлении Балтийским флотом от 29 марта, декрет о порядке командирования народными комиссариатами своих комиссаров и агентов на места от 6 апреля, декрет об организации управления почтово-телеграфным делом от 16 апреля, а также целый ряд других законодательных актов об организации и деятельности различных ведомств и звеньев советского аппарата управления во всех без исключения областях социально-экономической жизни страны.[146]

С появлением в ходе советского строительства весной 1918 г. новых задач несколько изменился и сам характер декретов пролетарского государства. Выполнив в основном задачу завоевания государственной власти, когда особенно важно было агитационно-пропагандистское значение дек-

---

[143] В. Оболенский. Из первых дней Высшего совета народного хозяйства. — Народное хозяйство, 1918, № 11, стр. 14.

[144] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 313.

[145] Там же, т. 36, стр. 129.

[146] См.: Декреты Советской власти, т. II, стр. 12—21, 24—28, 31—34, 58—60, 106—110 и др.

ретов, теперь большевистская партия и Советская власть стремятся подчеркнуть конкретно-нормирующую, собственно юридическую сторону советских законодательных актов, усилить их роль как правового регулятора в решении важнейших организационно-практических задач социалистического строительства.[147] Именно это обстоятельство (немаловажное, разумеется, и для выяснения специфики советского декрета периода мирной передышки 1918 г.) имел в виду В. И. Ленин, когда, выступая на VIII партийном съезде, следующим образом характеризовал декреты Советской власти этого времени: «Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: „Рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!". Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. *Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому, практическому делу.* Вот что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет. Но в них есть материал для практического дела, и задача декрета состоит в том, чтобы научить практическим шагам те сотни, тысячи и миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти».[148]

Как видим, для декретов 1917—1918 гг., устанавливавших новый, пролетарский правопорядок во всех областях социально-экономической жизни страны, было характерно не только то, что, как уже отмечалось, они являлись правовым выражением политики большевистской партии и Советской власти.[149] Декреты первых послеоктябрьских лет представляли собой, как указывал В. И. Ленин, особую, своеобразную форму советского законодательства. Их издание было теснейшим образом связано в первую очередь с принципиально новым классовым характером Советской власти, опиравшейся на революционный подъем и поддержку рабочего класса и трудящегося крестьянства России, а также с особыми условиями периода становления первого в истории пролетарского государства. Являясь законодательными актами, основной формой выражения воли победившего в революции пролетариата, декреты Советской власти в чрезвычайных условиях того времени служили также важнейшим средством привлечения на ее сторону широких народных масс города и деревни. Выражая основные программные положения большевистской партии, они одновременно были революционными законами, намечавшими вехи в строительстве социализма, и важнейшей формой пропаганды идей социалистической революции.

Из приведенной характеристики сущности и особенностей первых советских декретов, основанной на ленинской их оценке, и следует, по-видимому, исходить прежде всего при изучении истории начального советского законодательства. И это вполне понятно: именно взгляды В. И. Ленина на классовый характер и содержание нового революционного права,

---

[147] См. об этом: Н. В. Крыленко. Ук. соч., стр. 258; П. И. Стучка. Ленин и революционный декрет. — В кн.: Революционная роль Советского права. М., 1934, стр. 93.

[148] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 199.

[149] См. об этом стр. 49—52 настоящей книги.

на творческую его роль в осуществлении задач пролетарской революции и социалистического строительства самым существенным образом сказались, естественно, и на организации, и на общей направленности советского правотворчества, и на самом издании знаменитых декретов Октября и первых послеоктябрьских лет.

Материалы Полного собрания сочинений В. И. Ленина, «Ленинских сборников» и целого ряда других относящихся к лениниане важнейших изданий ИМЛ при ЦК КПСС, протоколы заседаний Совнаркома и ВЦИК Советов интересующего нас периода, обширная мемуарная литература и, наконец, сами декреты Советской власти[150] убедительно показывают далее, что первоначальное законодательство Советского государства не только во многом отражает правовые воззрения В. И. Ленина, — само его возникновение и развитие в 1917—1922 гг. происходило под непосредственным ленинским руководством. Остановимся на некоторых наиболее важных, на наш взгляд, направлениях, по которым в этой области протекала работа Председателя Совнаркома В. И. Ульянова (Ленина).

В первую очередь следует, пожалуй, отметить, что именно указания и требования В. И. Ленина сыграли решающую роль в выработке и утверждении основных организационных форм правотворческой работы Совета Народных Комиссаров.[151]

В деятельности первого Советского правительства с момента его возникновения последовательно проявлялось соединение законодательных и исполнительных функций — одна из важнейших особенностей Советов как принципиально нового государственного аппарата, которая была отмечена В. И. Лениным еще до победы Октябрьской революции.[152] Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что именно под руководством В. И. Ленина в острой борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными партиями большевики сумели отстоять за Советом Народных Комиссаров само право издания революционных декретов.[153] В результате именно возглавляемый

---

[150] В настоящее время опубликовано шесть томов издания «Декреты Советской власти», включающие советские законодательные акты начиная с Великой Октябрьской социалистической революции и по декабрь 1919 г., снабженные тщательными научными комментариями и обширным справочным аппаратом. В томах этой важнейшей документальной серии осуществлено критическое издание советских декретов, прослежена, по возможности, история выработки каждого из них, отмечена вся работа В. И. Ленина над этими историческими документами. Все это делает «Декреты Советской власти» ценнейшим источником для характеристики деятельности первого Председателя СНК в области советского законодательства.

[151] Подробнее см. стр. 167—208 настоящей книги, а также нашу статью «Становление советского декрета» (в кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. VI. Л., 1974).

[152] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 304, 305.

[153] См.: К. Г. Федоров. ВЦИК в первые годы Советской власти (1917—1920). М., 1957; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Н. В. Рубан. Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917—1918 г.). М., 1968; П. И. Соболева. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; Т. А. Сивохина, М. И. Стишов. В. И. Ленин и мелкобуржуазная оппозиция во ВЦИК (октябрь 1917—июль 1918 г.). — В кн.: В. И. Ленин

В. И. Лениным Совнарком, выполнявший всю основную работу по управлению Советской Россией, организации борьбы с контрреволюцией и развертыванию социалистического строительства, издал наибольшее число декретов и постановлений по всем коренным вопросам социально-экономической жизни страны. Только за период от победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде до принятия Конституции РСФСР 1918 г. Советом Народных Комиссаров было принято около 600 декретов, постановлений, обращений к населению и других правительственных актов (не считая постановлений о назначениях и большинства постановлений о финансовых ассигнованиях), в то время как на заседаниях ВЦИК Советов и его Президиума за этот же период было принято 109 декретов, постановлений и других законодательных актов.[154] Вот почему, выступая на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 г. с докладом о разработке Конституции РСФСР, Я. М. Свердлов подчеркивал: «Мы не делали логических выводов о структуре власти, но много и неоднократно с трибуны ЦИК говорилось о том, что рассчитывают на ЦИК как на орган законодательный, а Совет Народных Комиссаров — орган исполнительный. И каждый из вас, если внимательно следил за деятельностью Советской власти, заметил, что такое разделение властей исполнительной и законодательной не соответствует деятельности Советской республики. Совет Народных Комиссаров — это непосредственный орган власти как таковой: и законодательный, и исполнительный, и административный».[155] В связи с этим в изданной ВЦИК Советов в 1918 г. массовым тиражом работе В. А. Карпинского специально разъяснялось, что Совнарком «имеет право и законодательствовать, и управлять. Но за всю свою деятельность он ответственен перед Центральным Исполнительным Комитетом и Всероссийскими съездами Советов».[156] Следует отметить, что деятельность ленинского Совнаркома по разработке и изданию новых, революционных законов была теснейшим образом связана с работой ВЦИК, который в периоды между съездами Советов являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом рабоче-крестьянской власти в стране. Многие из декретов и постановлений Совнаркома были приняты во исполнение и развитие решений Всероссийских съездов Советов и законодательных актов ВЦИК. С другой стороны, важнейшие из проектов декретов, обсуждавшихся Совнаркомом, направлялись обычно на рассмотрение во ВЦИК.[157]

и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. М., 1973 и др.

[154] См.: Советское государство — год первый. М., 1973, стр. 63; Г. С. Калинин. Ленинский Совнарком, стр. 101, 102.

[155] Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2, М., 1959, стр. 161.

[156] В. А. Карпинский. Что такое Советская власть и как она строится. Изд. 2. М., 1918, стр. 30.

[157] Подробнее см.: Д. А. Керимов. Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955; К. Г. Федоров. Ук. соч.; А. С. Покровский. Значение протоколов Президиума ВЦИК для изучения государственного строительства (ноябрь 1917—июль 1918 г.). — В кн.: Источниковедение истории советского обще-

Исключительную роль сыграл В. И. Ленин не только в организации законодательной деятельности пролетарской власти, но и в практическом издании советских декретов — и как ведущий автор, и как инициатор написания и принятия многих из них, и как Председатель Совета Народных Комиссаров, непосредственно руководивший обсуждением всех рассматривавшихся правительством вопросов и проделавший также огромную работу по редактированию и исправлению проходивших через Совнарком проектов декретов. По образному выражению известного советского юриста А. Г. Гойхбарга, работавшего в первые послеоктябрьские годы на ответственных должностях сначала в Наркомюсте, а затем в Малом Совнаркоме, на всем советском законодательстве с конца 1917 г. по начало 1922 г. имеется не только подпись В. И. Ленина, но и отпечаток всей его гениальнейшей личности.[158]

Н. К. Крупская писала в своих воспоминаниях, что в напряженнейшие месяцы 1917—1918 гг. В. И. Ленин работал «усиленно над декретами, которые ложились в основу вновь создаваемого Советского государства».[159] Действительно, как известно, именно В. И. Лениным собственноручно написаны проекты многих основополагающих законодательных актов Советской власти, начиная с исторических документов Второго Всероссийского съезда Советов — обращения съезда о победе Октябрьской революции и ее ближайших задачах, декретов о мире, о земле, об образовании Советского правительства.

Председатель Совета Народных Комиссаров явился также автором и инициатором издания ряда важнейших декретов, направленных одновременно на окончательный разгром внутренней контрреволюции и иностранных интервентов и повсеместное упрочение Советов как государственной власти, как органов диктатуры пролетариата. Таковы, например, обращение — радиограмма армии и флоту от 9 ноября 1917 г. об отстранении генерала Духонина от исполнения обязанностей верховного главнокомандующего; направленное (не позднее 10 ноября) Петроградскому Военно-революционному комитету предписание «О принятии решительных мер к искоренению спекуляции и саботажа»; написанные В. И. Лениным в конце 1917—начале 1918 г. проекты известных постановлений и декретов «О праве отзыва делегатов», «Об аресте вождей гражданской войны против революции», «О признании контрреволюционными попыток со стороны кого-либо или каких-либо учреждений присвоить себе функции государственной власти», «О роспуске Учредительного собрания», «О порядке приема на службу саботажников» и «Социалистическое отечество

ства. М., 1964; И. Н. Кузнецов. Законодательная и исполнительная деятельность высших органов власти. М., 1965; В. М. Клеандрова. Организация и формы деятельности ВЦИК (1917—1924 гг.). М., 1968; Ю. А. Тихомиров. Власть и управление в социалистическом обществе. М., 1968, стр. 72—74 и далее; А. Ф. Шебанов. Форма советского права. М., 1968 и др.

[158] А. Г. Гойхбарг. В. И. Ленин и советское право. — Советское право, 1924, № 2 (8), стр. 5.

[159] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968, стр. 360.

в опасности»; относящиеся к весне и лету 1918 г. «Предписание Президиума ВЦИК всем Советам руководствоваться положениями, изложенными в тезисах В. И. Ленина об очередных задачах Советской власти» и «Предписание Председателя СНК всем районным комитетам РКП(б), всем районным Советам, всем штабам Красной армии в связи с убийством германского посла» и многие другие ленинские документы.[160]

Уже в знаменитых декретах Второго съезда Советов нашли свое выражение главные принципы ленинской национальной политики рабоче-крестьянской власти, отвечавшей коренным интересам всех народов России. Под непосредственным руководством В. И. Ленина осуществлялось советское национально-государственное строительство в конце 1917—1918 гг. Основные положения ленинской программы большевиков по национальному вопросу были воплощены в «Декларации прав народов России», опубликованной Совнаркомом 3 ноября 1917 г. за подписями В. И. Ленина и наркома по делам национальностей И. В. Сталина.[161] В течение декабря Совет Народных Комиссаров принял три ленинских документа, посвященных чрезвычайно важному для Советской республики вопросу взаимоотношений с украинским народом и Центральной Радой.[162] После провозглашения в конце 1917 г. при непосредственном участии В. И. Ленина государственной независимости Финляндии глава Советского правительства составил (в феврале 1918 г.) проекты двух постановлений и директив Совнаркома, связанных с договором с Финляндской республикой.[163] 22 апреля 1918 г. Председатель Совнаркома написал и направил телеграмму-приветствие съезду Советов Туркестанского края о поддержке автономии Туркестана на советских началах.[164]

В. И. Ленину принадлежит также авторство проектов многих других декретов Советской власти, ставших важнейшими этапами на пути осуществления социалистических преобразований в экономике России. Уже 27 октября Совет Народных Комиссаров, рассмотрев предложение совещания работников профсоюзов и фабзавкомов по вопросу о рабочем контроле, одобрил в принципе написанный В. И. Лениным проект. И после утверждения «Положения о рабочем контроле» 14 ноября ВЦИК в соответствии с этим важнейшим законодательным актом Советской власти во всех промышленных, транспортных, торговых и других предприятиях был введен рабочий контроль над производством, куплей-продажей продуктов и сырья, а также финансовой стороной деятельности предприятий, который способствовал созданию необходимых условий для национализации промышленности.[165] А ровно через месяц, 14 декабря

[160] См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 63—65, 71, 115—120, 161, 162, 323, 324, 329—336, 458, 459, 490, 491 и др.; т. II, стр. 225—232, 529, 530 и др.

[161] Декреты Советской власти, т. I, стр. 39—41. Подробнее см.: Г. П. Макарова. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы Советской власти. 1917—1920 гг. М., 1969.

[162] Декреты Советской власти, т. I, стр. 174—180, 263—265, 303—307.

[163] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 392, 393.

[164] Декреты Советской власти, т. II, стр. 162, 163.

[165] Там же, т. I, стр. 77—85.

1917 г., на заседании ВЦИК были приняты декреты о национализации банков и ревизии сейфов, в основу которых, так же как и принятого несколько позднее (в январе 1918 г.) декрета об аннулировании всех внешних и внутренних государственных займов, заключенных царским и Временным правительствами, и других важнейших советских декретов в области экономики, был положен ленинский «Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и необходимых в связи с этим мерах».[166]

В конце декабря 1917 г. В. И. Лениным были также написаны тезисы и проект декрета о потребительских кооперативных организациях, которые легли в основу принятого ВЦИК и СНК в апреле 1918 г. соответствующего декрета.[167] По составленному В. И. Лениным проекту 23 января 1918 г. Советское правительство принимает декрет о национализации торгового флота.[168] К весне и лету 1918 г. относится создание В. И. Лениным нескольких принципиально важных документов по коренным вопросам продовольственной политики. Таковы, в частности, постановление Совнаркома по вопросу о самостоятельных хлебозаготовках от 1 июня и известные «продовольственные тезисы» от 2 августа, на основе которых Советом Народных Комиссаров был принят затем целый ряд декретов и постановлений — о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций, о твердых ценах на хлеб, об обязательном товарообмене и т. д.[169]

Наряду с политическими и экономическими преобразованиями В. И. Ленин уделял особое внимание тому, чтобы при помощи первых же своих декретов Советское правительство приступило к проведению в жизнь важнейших мероприятий в социальной области, направленных на удовлетворение насущных нужд и улучшение материального положения трудящихся, на повышение их общеобразовательного и культурного уровня. Так, уже 23 ноября 1917 г. Совнарком принимает проект декрета об отмене права частной собственности на городские недвижимости. Проект этого декрета, в котором нашли свое отражение написанные В. И. Лениным «Тезисы закона о конфискации домов с сдав[аемыми] в наем квартирами», на следующий день был передан во ВЦИК, где он и был позднее утвержден. Местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов получали право переселения трудящихся из трущоб в квартиры домов, принадлежавших прежде буржуазии и помещикам. 16 декабря Совнарком утвердил декрет, запрещавший совершение каких бы то ни было сделок с недвижимостью и землей в городах.[170] А вот другой пример: 2 августа 1918 г. при утверждении проекта декрета о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР Совет Народных Комиссаров по инициативе В. И. Ленина утвердил написанный им проект постановления о преимущественном приеме в вузы представителей про-

---

[166] Там же, стр. 225—231.
[167] Там же, т. II, стр. 77—93.
[168] Там же, т. I, стр. 391—397.
[169] См.: там же, т. II, стр. 379—382; т. III, стр. 563—568 и др.
[170] Там же, т. I, стр. 132—137, 240.

летариата и беднейшего крестьянства, опубликованное рядом с текстом декрета.[171]

Среди декретов, подготовленных лично Председателем Совнаркома, особое место занимают обращения и воззвания к рабочим и работницам, матросам и солдатам, крестьянам и служащим. Придавая исключительно важное значение революционному творчеству масс, В. И. Ленин в 1917—1918 гг. неоднократно выступает со специальными обращениями к трудящимся России, разъяснявшими все основные мероприятия Советской власти, указывавшими пути к их практическому осуществлению на местах, призывавшими рабочих, солдат и крестьян еще теснее сплотиться вокруг своего правительства, вокруг своих Советов. Особенно ярко и доходчиво об этом говорилось в широко известном обращении Председателя Совнаркома «К населению» от 5 ноября 1917 г. «Товарищи трудящиеся! — писал В. И. Ленин. — Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы».[172]

Являясь автором целого ряда важнейших актов Советской власти, В. И. Ленин в то же время был главным инициатором издания и многих других декретов, часто выступая с предложениями и рекомендациями по самым различным вопросам государственной политики. Обычно, выдвигая предложение о принятии Советским правительством нового декрета или постановления, В. И. Ленин поручал подготовку текста его проекта кому-либо из членов Совнаркома или из числа других ответственных советских руководителей. Об этом свидетельствуют многочисленные ленинские документы и другие источники. Вот всего лишь три примера, относящиеся к концу 1917 г. Так, в ноябре 1917 г. по инициативе В. И. Ленина, собственноручно написавшего текст соответствующего постановления, Совнарком поручил В. В. Оболенскому, В. М. Смирнову и М. А. Савельеву «вести работы по организации Высшего экономического совещания» и по подготовке проекта декрета о Высшем Совете народного хозяйства.[173] В ноябрьские же дни Председатель Совнаркома поручил работавшему в Народном комиссариате по делам национальностей известному армянскому поэту Ваану Теряну подготовить первоначальный проект декрета о самоопределении Западной (Турецкой) Армении и составить докладную записку по этому вопросу.[174] 7 декабря В. И. Ленин написал Ф. Э. Дзержинскому известную записку, непосредственно связанную с созданием ВЧК, в которой в семи пунктах наметил необходимые экстрен-

---

[171] Там же, т. III, стр. 137—141.

[172] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 66; Декреты Советской власти, т. I, стр. 49.

[173] См.: Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 77, 78, 223—226; Декреты Советской власти, т. I, стр. 73—74.

[174] См.: С. Алиханян. — Литературная Армения, 1967, № 4, стр. 57—58; Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 393—394.

ные меры для успешной борьбы с контрреволюционерами и саботажниками, и предложил в связи с этим разработать специальный декрет.[175]

Являясь инициатором или поддерживая предложение какого-либо советского ведомства или работника об издании нового законодательного акта, В. И. Ленин в необходимых случаях лично выступал в качестве докладчика при рассмотрении данного проекта в Совете Народых Комиссаров. Так, на заседании Советского правительства 16 июля 1918 г. В. И. Ленин выступил первым докладчиком по вопросу о способах проведения национализации тканей в РСФСР (с содокладами по этому вопросу выступили также от Центротекстиля ВСНХ Я. Э. Рудзутак и от Закупочного бюро Любинский). Через день, 18 июля, проект декрета о монополии на ткани, подготовленный согласно тезисам, принятым правительством 16 июля, был утвержден Советом Народных Комиссаров с внесенными В. И. Лениным поправками.[176]

При этом каждый из руководителей народных комиссариатов и других советских ведомств, выступавших с проектами нового декрета, знал, что Председатель Совнаркома всегда будет строго и придирчиво анализировать новый законопроект и вместе с тем можно всегда рассчитывать на его прочную поддержку, если только принятие декрета действительно отвечает интересам пролетарской революции. Именно так было, например, при принятии и проведении в жизнь майско-июньских «продовольственных» декретов и постановлений 1918 г., которые приходилось осуществлять в напряженной борьбе на два фронта. Введение продовольственной диктатуры встретило, с одной стороны, резкую критику группы руководящих деятелей Московской и Северной областных продовольственных организаций. Так, еще при обсуждении декрета о чрезвычайных полномочиях Наркомпрода на заседании Совнаркома 9 мая с содокладом от областных продорганизаций выступил А. И. Рыков, заявивший, что диктатура излишня, необходимо лишь изменение продовольственной политики.[177] Когда же СНК, отклонив выводы содоклада А. И. Рыкова, почти единогласно (при одном воздержавшемся) принял проект с рядом поправок, внесенных В. И. Лениным, и передал его во ВЦИК, то здесь декрет вновь подвергся ожесточенным нападкам лидеров меньшевиков и левых эсеров, обвинивших Советское правительство не больше, не меньше, как в разложении «всех продовольственных организаций, всех тех аппаратов, которые могли наладить или способствовать налаживанию продовольственного дела» (меньшевик Н. Суханов), в «объявлении вооруженной войны крестьянству» (меньшевик Ф. И. Дан), и совершенно откровенно заявивших, что «мы также решительно возражаем против продовольственной диктатуры, как возражаем против диктатуры вообще» (левый эсер

---

[175] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 156—158, 468—469. Об этом ленинском документе см. также: Записки Института Ленина, II, М., 1927, стр. 38.

[176] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, № 31442, лл. 1—6; ЦГАОР СССР, ф. 130, п. 2, № 2, лл. 121—123, 132; Декреты Советской власти, т. III, стр. 49—52.

[177] Ленинский сборник, XVIII, стр. 81.

В. А. Карелин).[178] Даже после окончательного утверждения и опубликования декрета, когда в результате принятых в соответствии с ним экстренных мер появились первые признаки некоторого смягчения продовольственного кризиса, противники введения продовольственной диктатуры не успокоились. Вот авторитетное свидетельство самого А. Д. Цюрупы, который, докладывая В. И. Ленину о положении с продовольствием вскоре после принятия известного декрета СНК от 27 мая, в частности, писал: «Диктатура встречена возмущением в рядах московских и северных продовольственников...[179] Последние два дня идет лихорадочная работа по организации дела. В Петроград стали поступать хлеба. На колесах для Питера 200 вагонов. Призрак голода несколько побледнел».[180] И когда в конце заседания Советского правительства 3 июня 1918 г. А. И. Рыков и Ю. Ларин вновь поставили вопрос об изменении продовольственной политики, твердо и последовательно осуществлявшейся Наркомпродом, именно благодаря В. И. Ленину в первую очередь было принято принципиально важное постановление, в котором говорилось, что «Совет Народных Комиссаров утверждает политику Комиссариата продовольствия как политику Совета Народных Комиссаров и подчеркивает, что всякие требования самостоятельных закупок и изменения твердых цен являются подрывом единственно правильной революционной политики».[181]

Огромную работу проделал также В. И. Ленин по непосредственному редактированию, написанию замечаний и отзывов на поступавшие к нему лично и на проходившие через Совет Народных Комиссаров проекты декретов. Свои поправки и указания — и по существу вносившихся законопроектов, и в отношении содержавшихся в них юридических формулировок — и, наконец, поправки собственно редакционного характера, связанные с исправлением стилистических и грамматических ошибок в тексте проектов декретов, В. И. Ленин делал, можно сказать, на протяжении всего своего рабочего дня — и во время предварительного просмотра постоянно поступавших на имя Председателя СНК самых разнообразных материалов из народных комиссариатов и других советских ведомств, и в ходе самих заседаний Советского правительства. Как с полным основанием подчеркивал в связи с этим А. Г. Гойхбарг, «ни один более или менее важный законопроект Советской власти с конца 1917 г. по начало 1922 г. (когда В. И. сразила болезнь) не мог миновать

---

[178] См.: Четвертый Всероссийский съезд... Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва, стр. 253, 256, 257.

[179] В направленной в эти дни в Совнарком, В. И. Ленину резолюции совместного заседания представителей Московского и Северного областного продовольственных комитетов и Московского городского комитета областного комиссариата по продовольствию продовольственная диктатура была признана «совершенно нежелательной и крайне вредной», предлагалось ввести самостоятельные закупки, пересмотреть все установленные Советской властью твердые цены и планы снабжения (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2165, лл. 14, 15).

[180] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2165, лл. 10—10 об.

[181] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 8.

внимания Владимира Ильича при окончательном его утверждении. Но этого мало. Почти в разработке всех важнейших проектов, которые проходили через комиссии, В. И. редко не принимал непосредственного и активного участия».[182]

Первостепенное внимание В. И. Ленин уделял принципиально важным вопросам социально-политического содержания и направленности законопроектов. Неудивительно, что поправки Председателя СНК всегда выделяли политическую сущность и значение советских декретов. Так, к началу текста проекта декрета об упразднении Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков, предложенного В. Р. Менжинским и принятого Совнаркомом 25 ноября 1917 г., В. И. Ленин приписал всего лишь одну фразу, которая, однако, существенно дополнила содержание и определила место этого акта среди других декретов Советской власти: «Во исполнение декретов о земле и об уничтожении сословных учреждений постановляется...».[183] Показательным примером стремления В. И. Ленина придать законодательному акту вполне определенную классовую направленность является сделанная им приписка заключительного абзаца к тексту проекта декрета о введении всеобщей трудовой повинности по очистке снега в Петрограде и Петроградском железнодорожном узле: «В первую голову привлекаются к всеобщей трудовой повинности лица, не занятые производительным трудом».[184] Точно так же, когда в апреле 1918 г. в Совнарком поступил проект декрета о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами, В. И. Ленин внес в его текст следующее характерное дополнение: «Основным принципом распределения сельскохозяйственных машин и проч. должно быть, с одной стороны и в первую голову, обеспечение интересов сельскохозяйственного производства, обработки всей земли и повышения производительности сельского хозяйства, а с другой стороны, снабжение сельскохозяйственными машинами и проч., прежде всего трудящейся и беднейшей части сельского населения; причем общей целью должно быть обеспечение правильного и достаточного получения хлеба всем населением государства».[185] Неоднократно в этих же целях В. И. Ленин существенно уточнял имевшуюся в проектах некоторых декретов (например, о Петроградском телеграфном агентстве, о введении всеобщей трудовой повинности по очистке снега) формулировку названия Советов рабочих и солдатских депутатов словом «крестьянских». Этим ленинским дополнением, носившим принципиальный характер и имевшим политическое значение, подчеркивался совершенно определенный характер Советской власти, основанной на прочном союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства.[186]

Вместе с тем, когда это было необходимо, В. И. Ленин решительно выступал против принятия Советским правительством неверных в своей ос-

---

[182] А. Г. Гойхбарг. Ук. соч., стр. 4.
[183] Декреты Советской власти, т. I, стр. 148—151.
[184] Там же, стр. 280—282.
[185] Там же, т. II, стр. 169—172.
[186] Там же, т. I, стр. 109—110, 280—282.

Демонстрация на улицах города в честь переезда Советского правительства из Петрограда в Москву. 1918 г., 12 марта. Москва. Фото. Музей истории и реконструкции Москвы.

В. И. Ленин в группе сотрудников аппарата Совета Народных Комиссаров. 1918 г., не ранее 17 октября. Москва.
Фото. ЦПА ИМЛ и Ленинградский государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции.

Слева направо: П. Д. Дмитриев, М. А. Авилова, Я. Ш. Агранов, Л. Я. Озеревская, Л. А. Фотиева, В. И. **Ленин**, В. Д. Бонч-Бруевич, А. П. Кизас, Разовская (*1-й ряд*); П. А. Половинкин, Е. С. Лепешинская, **М. И. Гляссер**, М. А. Володичева, Б. Я. Беленькая, А. В. Ефимова, П. А. Жильцова, А. А. **Федорова**, Н. С. Лепешинская, (фамилия не установлена), А. С. Аллилуева (*2-й ряд*), (фамилия не установлена), С. В. Глотов, Гуковская (Котова), К. И. Митрофанова, **М. Н. Лядова**, Э. М. Вовшина, (фамилия не установлена), Т. Б. Соколова, Н. Н. Мицкевич (*3-й ряд*); С. Семенов, М. А. Лебедева, А. Ф. Федоров, С. Ф. Чертковский, (фамилия не установлена), Н.Н. Лядов (*4-й ряд*).

нове или же требовавших кардинальной переделки актов. Приведем лишь один, но достаточно показательный пример. 30 марта 1918 г. народным комиссаром юстиции П. И. Стучкой был внесен на утверждение Совета Народных Комиссаров первоначальный проект декрета о революционных трибуналах, в котором, в частности, был поставлен вопрос об отмене декрета о трибуналах печати. В своем письме членам коллегии Комиссариата юстиции, направленном также в копии Председателю ВЦИК, В. И. Ленин признал представленный коллегией Наркомюста проект совершенно неправильным и подлежащим коренной переделке. Он подчеркнул, что нельзя отменять декрет о трибуналах печати без предварительного обобщения и обсуждения результатов их работы, как и недопустимо учреждение должности единоличного «трибуна», стоящего вне коллегии Комиссариата. «Вместо обращения внимания на реформы учреждений, — писал В. И. Ленин, — реформы мелкие или почти словесные («трибун»), надо обратить внимание на практические результаты работ коллегии юстиции в деле создания действительно революционного, скорого и беспощадно строгого к контрреволюционерам, хулиганам, лодырям и дезорганизаторам суда».[187] При обсуждении этого проекта декрета на заседании правительства было принято предложенное В. И. Лениным постановление о коренной переработке проекта Комиссариата юстиции. Вскоре проект декрета о революционных трибуналах был переработан в соответствии с указаниями В. И. Ленина и утвержден на заседании Совнаркома 4 мая 1918 г.[188]

Во всех случаях правка В. И. Ленина была направлена на усиление роли Советов как органов диктатуры пролетариата. Так, в проекте декрета об отпуске 200 млн руб. кредита в распоряжение Междуведомственной комиссии для выдачи займа городам и земствам, принятого 18 декабря 1917 г., им был внесен новый пункт о том, что органы местного самоуправления при постановке вопроса о кредитовании обязаны представлять «заключение местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Этим подчеркивалось особое положение Советов, являвшихся единственной руководящей властью на местах.[189] Аналогичным образом подчеркивали ведущую роль Советов и ленинские поправки к внесенному Наркомюстом в апреле 1918 г. проекту декрета об отмене права наследования. В трех его пунктах вместо местных учреждений, непосредственно ведавших имуществами, Председателем СНК всюду были поставлены Советы.[190]

Примечательна история выработки окончательного текста декрета о конфискации имущества акционерного общества Богословского горного округа, единогласно принятого Советом Народных Комиссаров 6 декабря 1917 г. Проект этого декрета (его текст написан П. И. Стучкой,

---

[187] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 210.

[188] См.: Ленинский сборник, XXI, стр. 219—221; Декреты Советской власти, т. II, стр. 231—234.

[189] Декреты Советской власти, т. I, стр. 256, 257.

[190] Там же, т. II, стр. 186—187.

с припиской А. Г. Шляпникова) В. И. Ленин дополнил заключительным абзацем: «Порядок управления делами общества в Петрограде и условия передачи отдельных заводов, предприятий и отраслей во временное ведение местных Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений будут определены особыми постановлениями народного комиссара торговли и промышленности».[191] Это существенное дополнение В. И. Ленин написал, по-видимому, в ходе обсуждения проекта декрета на отдельном листке, представлявшем собой одну из деловых записок, которые, как уже отмечалось, Председатель СНК в большом количестве получал обычно во время заседаний правительства. Ленинская поправка оказалась исключительно удачной: внесенный им в проект декрета новый текст, установивший, что распоряжение конфискованными предприятиями будет осуществляться Советской властью в лице ее местных и центральных органов, в неизменной редакции стал обязательной частью почти всех издававшихся впоследствии аналогичных актов.[192]

Как правильно подметил А. В. Луначарский, В. И. Ленин, юрист по образованию, всегда тяготел к точности формулировок, достигнутых юридической наукой. «Когда было у нас сильное поветрие против юристов, — вспоминал нарком просвещения, — которые представлялись нам адвокатами дьявола, присяжными защитниками капитала и обладателями испорченных мозгов, наполненных псевдотрадициями, Владимир Ильич требовал кодификаторов, специалистов юристов, требовал юридических формулировок. Мы удивлялись и говорили: „На что нам их красные слова, мы и сами напишем“, — его это не удовлетворяло, и в общем его товарищеская жгучая насмешка часто не одобряла формальной стороны нашей законодательной деятельности. „Ну каким языком это написано, это неточно“, — говорил он. У него было пристрастие к формулировкам юридического типа, и Владимир Ильич был мастером их. Эта сторона — „физическая сила мозга“ — казалась ему одной из очаровательнейших и нужнейших».[193] Вот только два примера из поистине бесчисленных поправок, многие из которых вносились Председателем Совнаркома именно с этой точки зрения.[194]

Так, статья 1 известного декрета о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января 1918 г. первоначально гласила: «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики». Совершенно по-иному сформулировав это принципиально важное положение («Церковь отделяется от государства»), В. И. Ленин далее вставил в текст

---

[191] Там же, т. I, стр. 186—188; Декреты Октябрьской революции, т. I, стр. 245—247.

[192] См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 194—196, 233—234, 291—293 и др.

[193] А. В. Луначарский. Ленин — ученый и публицист. Неделя, 9—15 января 1966 г., стр. 3.

[194] Достаточно сказать, например, что только при рассмотрении проекта декрета о суде № 2, представленного в январе 1918 г. Наркомюстом, В. И. Ленин предложил поправки к 12 из 39 пунктов его текста (см.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 463—474).

проекта весьма существенное примечание: «всякое указание на религиозную принадлежность или непринадлежность граждан устраняется». В соответствии со статьей 13 этого же проекта, объявлявшей все имущества существовавших в России церковных и религиозных обществ народным достоянием и устанавливавшей, что порядок учета, хранения и хозяйственного распоряжения зданиями или предметами, специально предназначенными для богослужения, определяется постановлениями местной или центральной государственной власти, В. И. Ленин по-иному перередактировал и этот пункт декрета: «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».[195] В другом случае, в своих замечаниях-инструкции по поводу переработки проекта неоднократно упоминавшегося уже декрета о продовольственной диктатуре В. И. Ленин, в частности, писал: «... 5) юридически точнее формулировать новые права комиссара продовольствия, ... 9) точно определить отношение делегаткомов к губпродкомам и права и обязанности первых в ведении продовольственных работ».[196]

С особым отношением В. И. Ленина к соблюдению надлежащей юридической стороны советских законодательных актов была связана не только каждодневная напряженная работа Председателя Совнаркома над текстами проектов декретов, но и неизменное его внимание к обеспечению должного организационно-правового порядка в деятельности Советского правительства. Об этом убедительно свидетельствует как принятие Советом Народных Комиссаров под руководством В. И. Ленина целого ряда специальных решений,[197] так и многочисленные постановления СНК по самым различным вопросам. Так, принятое Совнаркомом 20 июля 1918 г. постановление по заявлению В. И. Ленина о неисполнении М. Г. Бронским поручения СНК от 13 мая о созыве комиссии для выработки проекта нормального концессионного договора с иностранными компаниями и предпринимателями, в частности, специально предписывало пополнить состав этой комиссии «еще двумя специалистами, один из которых должен быть обязательно юрист».[198]

Исключительную важность, как уже отмечалось, В. И. Ленин придавал пропагандистской роли декретов. Поэтому особое внимание при редактировании проектов декретов, рассматривавшихся Советом Народных Комиссаров, В. И. Ленин уделял тому, чтобы их содержание излагалось достаточно четко, ясно и понятно. Обстоятельность и популярность в изло-

---

[195] См.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 371—374.

[196] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 316—317, 607.

[197] Достаточно, например, сказать, что в соответствии с январским декретом о редактировании и печатании законодательных и правительственных актов (см.: Декреты Советской власти, т. I, стр. 448, 449) уже с весны 1918 г. на заседаниях СНК с правом совещательного голоса постоянно присутствовал, принимая необходимое участие в работе правительства, дежурный кодификатор — известный деятель большевистской партии, опытный юрист А. И. Хмельницкий.

[198] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 137.

жении содержания, а также наличие введения, разъяснявшего населению цели и значение издаваемых актов, В. И. Ленин считал необходимыми качествами декрета. «Принимается Совнаркомом какой-нибудь декрет. Во время его редакции Ильич, — вспоминает С. С. Пестковский, — всегда весьма зорко следит за тем, чтобы декрет был ясен и недвусмыслен даже для малограмотного читателя».[199] Наиболее показательной в этом отношении представляется работа Председателя Совнаркома над текстом декрета об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии от 15 января 1918 г.[200]

Нет необходимости продолжать перечень советских законодательных актов, так или иначе связанных с именем В. И. Ленина. Это вполне понятно: хотя приведенные примеры непосредственного авторского, редакторского или какого-либо иного участия Председателя Совнаркома в разработке и принятии советских декретов составляют, разумеется, лишь небольшую часть соответствующей повседневной его работы, они весьма характерны и достаточно показательны для всей многогранной деятельности В. И. Ленина в области советского правотворчества.

О громадном объеме законодательной работы Председателя Совета Народных Комиссаров, ее поистине революционном размахе наглядно свидетельствуют следующие цифры. Только за время с ноября 1917 по начало марта 1918 г. сохранились ленинские рукописи 47 проектов и 36 рукописей проектов постановлений и декретов с правкой В. И. Ленина.[201] За период же от Второго Всероссийского съезда Советов и до принятия первой Конституции РСФСР 10 июля 1918 г. В. И. Ленин собственноручно написал, а также отредактировал, дополнил или исправил около 150 проектов советских законодательных актов.[202] При этом следует иметь в виду, что В. И. Ленин являлся также автором многочисленных решений и постановлений Советского правительства — и по текущим вопросам его деятельности, и по самым разным вопросам социально-экономической жизни страны, — которые обычно диктовались Председателем Совнаркома секретарям по ходу заседания.[203]

Не исключено, что наряду с такого рода ленинскими документами, сохранившимися, по-видимому, лишь в секретарской записи, в материалах к протоколам Совнаркома имеются и пока еще неизвестные ленинские черновики и наброски других декретов и постановлений правительства. Поэтому следует признать, что даже такое фундаментальное издание, как «Декреты Советской власти», все же не в полной мере отра-

---

[199] С. С. Пестковский. Из воспоминаний о Ленине. Молодая гвардия, 1924, № 2—3, стр. 101—102.

[200] Подробнее см.: А. Л. Фрайман. Ленинский декрет об организации Красной Армии. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, стр. 100—109.

[201] См.: Э. В. Клопов. Ленин в Смольном, стр. 72—74.

[202] Примерный подсчет произведен по: Декреты Советской власти, тт. I и II.

[203] См., например: Э. В. Клопов. Ленин в Смольном, стр. 74; М. П. Иршников. Создание советского центрального государственного аппарата, стр. 29—30, 125—126; И. Б. Стерник. В. И. Ленин о правотворческой работе, стр. 90.

жает, вероятно, рассматриваемую сейчас сторону деятельности В. И. Ленина. И, по-видимому, только после научного издания протоколов Совета Народных Комиссаров начальных лет Советской власти и материалов к ним, а также после достаточно полного выяснения того, какие из советских декретов были разработаны по инициативе и в соответствии с указаниями В. И. Ленина (хотя бы их текст и не имел непосредственной ленинской правки), появится, пожалуй, возможность более или менее всесторонне восстановить всю громадную законотворческую работу основателя Советского государства.

«Огромное влияние Владимира Ильича на ход и развитие советского права, — справедливо отмечал А. Г. Гойхбарг, — объясняется не только тем, что он был председателем Совнаркома, через который проходило советское законодательство. Владимир Ильич входил в детали и мельчайших проектов. Он, утверждая постановления Малого Совнаркома, составлявшие по численности 90% всех издаваемых Совнаркомом законов, никогда не пропускал чего-либо неясного, непонятного самым широким массам; всегда требовал, чтобы соответственные мероприятия были согласованы с представителями близких к жизни мест, чтобы учитывался опыт наиболее близких к этой области работников».[204] Как свидетельствуют материалы, опубликованные в первых двух томах «Декретов Советской власти», только за период от победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и до принятия первой Советской конституции 10 июля 1918 г. как Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин подписал или утвердил (включая постановления о назначениях, увольнениях и об ассигнованиях) около 700 различных актов Советской власти.[205] «А надо сказать, что Владимир Ильич, — подчеркивал П. И. Стучка, — всегда действительно и внимательно читал то, что подписывал».[206]

Обобщением революционного опыта социалистических преобразований за первые месяцы Советской власти явилась созданная В. И. Лениным «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа»[207] — один из самых значительных, по определению Я. М. Свердлова, документов в мировой истории, суммировавший положение трудящегося человека в социалистическом обществе.[208] Ленинская «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» без каких-либо изменений была включена в дальнейшем в текст первого основного закона победившего пролетарского государства — Конституции РСФСР 1918 г., принятой 10 июля V Всероссийским съездом Советов. Разработка других разделов проекта Конституции также осуществлялась в соответствии с указаниями и при непосредственном участии Председателя Совнаркома. Деятельность образованной ЦК РКП(б) специальной комиссии во главе

---

[204] А. Г. Гойхбарг. Ук. соч., стр. 3.
[205] Примерный подсчет произведен по: Декреты Советской власти, тт. I и II.
[206] П. И. Стучка. Ленин и революционный декрет, стр. 90.
[207] Декреты Советской власти, т. I, стр. 314—323.
[208] Я. М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2, М., 1959, стр. 104—105.

с В. И. Лениным для рассмотрения проекта имела несомненно решающее значение для успешного создания первой Конституции Республики Советов.[209]

Все вышеизложенное убедительно подтверждает строки из известного письма Н. К. Крупской от 20 июня 1930 г. члену дирекции Института Ленина В. Г. Сорину по поводу биографии В. И. Ленина, и в частности его роли в законодательной деятельности первых лет Советской власти: «Нельзя сказать: „Ленин «принимает участие» в издании ряда декретов“. Декреты в то время принимались под руководством Ленина, это были решающие декреты».[210]

Действительно, поистине беспримерная по насыщенности и масштабу деятельность В. И. Ленина по разработке и изданию декретов и постановлений пролетарской власти означала создание основ как многих специальных отраслей социалистического законодательства (конституционного, гражданского, трудового, земельного, уголовного и др.), так и всей советской правовой системы в целом. Принятые в 1917—1918 гг. под руководством и при активнейшем личном участии Председателя Совнаркома многочисленные декреты Советской власти стали в ее руках важнейшим орудием, с помощью которого проходила ликвидация всех форм социального и национального угнетения, осуществлялся слом буржуазно-помещичьей государственной машины и создавался одновременно с этим пролетарский аппарат управления, устанавливался новый, социалистический правопорядок.[211] Все это позволило VI Всероссийскому Чрезвычайному съезду Советов с полным основанием констатировать в особом постановлении «О точном соблюдении законов», принятом 8 ноября 1918 г. по инициативе и на основе тезисов В. И. Ленина: «За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян в России».[212]

Прием, переписка и выступления Председателя СНК

Параллельно с руководством деятельностью Советского правительства В. И. Ленин просматривал огромную корреспонденцию и отвечал на

---

[209] Подробнее см.: Советы в первый год пролетарской диктатуры, стр. 314—321; История Советского государства и права, т. I, стр. 302—314; а также новейшие исследования: А. И. Лепешкин. Первая Конституция социалистического государства. — Советское государство и право, 1968, № 7; В. М. Гришин, М. И. Куличенко. Проблемы национально-государственного строительства в первой Советской Конституции. — Вопросы истории КПСС, 1968, № 7; О. И. Чистяков. Великий Октябрь и создание Советского государства. М., 1968; А. В. Королев. К истории создания Конституции РСФСР 1918 года. — Вопросы истории, 1972, № 10, и др.

[210] Исторический архив, 1957, № 2, стр. 34.

[211] Подробнее см., например: Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства. М., 1969.

[212] Декреты Советской власти, т. III, стр. 537.

сотни писем, поступавших на его имя со всех концов страны и из-за рубежа, участвовал в работе проходивших в Петрограде и Москве различных митингов и собраний, конференций и съездов массовых организаций трудящихся, выступал с речами и докладами на заводах, фабриках и в воинских частях, принимал многочисленных посетителей.

Неразрывная связь с массами, повседневное общение с трудящимися были одной из самых характерных особенностей ленинского стиля государственного руководства, важнейшим принципом, которому неизменно следовал Председатель Совета Народных Комиссаров. Советское государство было создано волей и во имя интересов трудового народа. И глава первого в мире рабоче-крестьянского правительства считал первейшей обязанностью каждого коммуниста и особенно руководителя знать нужды, мысли и чаяния масс.

«Жить в *гуще*.

Знать *настроения*.

Знать *в с е*.

Понимать массу.

Уметь подойти.

Завоевать ее ***абсолютное*** доверие.

Не оторваться руководителям от руководимой массы, авангарду от всей армии труда», — такие задачи ставил В. И. Ленин перед членами партии, перед работниками советского госаппарата.[213]

Прочная, постоянная связь с трудовым народом, эта, пожалуй, одна из наиболее отличительных черт В. И. Ленина как государственного деятеля нового типа, являлась не только наиболее полным выражением пролетарского демократизма. Эта принципиально важная особенность ленинского стиля руководства самым существенным образом была связана с научно-творческим характером всей революционной и государственной деятельности В. И. Ленина, который, как известно, при решении любых, теоретических или практических, вопросов всегда стремился выявить «*всю* совокупность» относящихся к ним данных, «*без единого* исключения».[214] «**Факты** и **факты**», — подчеркивал В. И. Ленин в одном из своих писем в 1917 г.[215] Именно поэтому, в частности, в различных ленинских документах послеоктябрьского периода (письмах, телеграммах, записках и т. д.) все время отмечалось исключительное значение для правильного руководства наличия всесторонней информации, обязательная необходимость для принятия обоснованных решений опираться на точные и бесспорные факты. «Прошу сообщить все факты», «дайте информацию», «сообщайте чаще и подробнее», «шлите подробные данные», «соберите все необходимые материалы», — постоянно требует Председатель Совнаркома при рассмотрении Советским правительством самых разных вопросов, в телеграммах и письмах, адресованных на места.

---

[213] Ленинский сборник, XXXVI, стр. 389.

[214] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 351.

[215] Там же, т. 49, стр. 450.

Об этом убедительно говорят многочисленные мемуарные свидетельства, сохранившиеся документы. Вот два из таких документов. 29 августа 1918 г. В. И. Ленин писал члену коллегии Наркомвоена М. С. Кедрову, направленному ЦК партии и СНК в мае того же года на Север для организации обороны края: «т. Кедров! Вы мало сообщаете фактического. Присылайте *с каждой оказией* отчеты.

Сколько сделано фортификационных работ?

По какой линии?

Какие пункты ж.-д. *обеспечены* подрывниками, чтобы в случае движения англо-французов большими силами мы взорвали и разрушили *серьезно* **такое-то** (какое именно, надо дать отчет, и где именно) мостов, верст железных дорог, проходов среди болот и т. д. и т. п.

Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость или нерадение. Привет! Ленин».[216] Столь же характерное в интересующем нас отношении ленинское письмо было также, например, направлено 18 сентября 1918 г. в редакцию «Правды». «Податель тов. Михаил Николаевич *Санаев*, председатель Сергачского уездного комитета партии (и член исполкома), рассказывает очень интересный материал о классовой борьбе в деревне и комитетах бедноты, — писал В. И. Ленин. — Крайне важно, чтобы именно такой *фактический* материал с мест появился в газете (а то чересчур много «общих» рассуждений). Очень прошу записать со слов товарища и напечатать».[217]

Обширнейшая переписка, систематические встречи с рабочими и крестьянами, учеными и деятелями культуры, партийными, советскими, хозяйственными и военными работниками, многочисленные выступления на собраниях и митингах трудящихся были, таким образом, для В. И. Ленина не только средством органической связи с массами, но одновременно и важнейшим источником разнообразнейшей информации, тщательный анализ которой позволял принимать необходимые и самые верные решения. Постоянно стремясь «знать *все*»,[218] В. И. Ленин мастерски использовал все без исключения существовавшие в рассматриваемый период возможности получения информации.[219] «Конечно, имея за плечами университетское образование, много томов собственных сочинений, побывав во многих странах в годы эмиграции, Ленин теоретически знал несравненно больше тамбовского крестьянина, — писал об этой особенности ленинского стиля руководства А. Р. Вильямс. — Но, с другой стороны, крестьянин, прошедший тяжелую трудовую и жизненную школу, мог поделиться с Лениным своим богатым практическим опытом. Этот крестьянин накопил в себе народную мудрость. Все это

---

[216] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 172.

[217] Там же, стр. 181.

[218] Там же, т. 44, стр. 497.

[219] См., например: Г. П. Фонотов. Роль библиотечно-библиографической информации в творческой деятельности В. И. Ленина. Автореф. канд. дисс. Л., 1972.

крайне интересовало Ленина. Как все истинно великие люди, Ленин понимал, что даже у самого неграмотного человека можно кое-чему научиться. Таким образом он получал информацию из различных мест и от самых разных людей. Тысячи собранных фактов он тщательно отбирал, взвешивал и анализировал... Ему не приходилось строить догадок о том, что думают и чувствуют сибирский крестьянин, красноармеец или донской казак. Он прекрасно знал чувства и мысли петроградского литейщика, волжского грузчика или московской работницы».[220] Неудивительно, что именно такие формы государственной работы, как прием многочисленных, самых различных посетителей, переписка, выступления перед трудящимися, — все, чему В. И. Ленин придавал столь важное значение, вполне закономерно заняли одно из центральных мест в деятельности Председателя Совета Народных Комиссаров.

Первые послеоктябрьские месяцы были, по образному выражению М. Н. Скрыпник, «временем неудержимого паломничества к Ленину», популярность которого и влияние на народные массы России резко возросли даже по сравнению с весной 1917 г., когда, по сообщениям корреспондентов газеты «Нью-Йорк таймс», в стране у всех на устах уже было одно имя — Ленин.[221] С разных концов необъятной России нескончаемой чередой шли представители местных Советов и организаций РСДРП(б), многочисленные крестьянские ходоки и, конечно, делегации рабочих, служащих и солдат, выполнявших поручения своих предприятий, учреждений и воинских частей. «Дано сие удостоверение инженеру Центральной телефонной сети Филиппу Павловичу Кушкину и члену правления Совета Петроградской центральной телефонной сети тов. Меньшикову, — говорилось, например, в документе, выданном 22 декабря 1917 г., — в том, что они делегированы к народному комиссару гражданину Ленину для выяснения принятия мер о правильном функционировании Центральной телефонной станции».[222] Вот еще лишь два из многочисленных других документов, сохранившихся в архиве Секретариата и приемной Председателя Совнаркома. «Дорогой Владимир Ильич! — писал 1 июля 1918 г. направленный ЦК РКП(б) и СНК незадолго перед этим на юг страны для организации сбора продовольствия народный комиссар труда А. Г. Шляпников.[223] — Препровождаю в Москву представителей Ставропольской губернии. Прошу заслушать о положении дел и оказать содействие в получении средств и некоторых предметов, необходимых для Ставропольской губернии».[224] Через несколько дней, 10 июля, с аналогичным письмом к Председателю СНК обратился нарком земледелия С. П. Середа: «Товарищ Владимир Ильич! Очень прошу Вас принять

---

[220] А. Р. Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции, стр. 69.

[221] См.: А. Ахтамзян. Знаменательные страницы. — За рубежом, 17—23 апреля 1970, стр. 8.

[222] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1104, л. 13.

[223] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 82.

[224] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 483, л. 16.

по делу т. Колданова, военного комиссара Рязанской губернии, члена губсовдепа».[225]

В Совнарком, к В. И. Ленину приезжали не только партийные и советские работники, крестьянские ходоки и делегации рабочих, служащих и солдат-фронтовиков. В приемную главы первого Советского правительства приходили также представители буржуазии, интеллигенции, корреспонденты отечественных и зарубежных газет, политические и общественные деятели других стран, иностранные дипломаты. «С первых дней установлен был такой порядок, — свидетельствует Е. К. Кокшарова, — что каждый посетитель, получивший пропуск в Смольный, мог свободно зайти в помещение Совета Народных Комиссаров, чтобы заявить о своей просьбе или жалобе. Это было указание Владимира Ильича».[226] Чрезвычайно показательна в этом отношении телеграмма, посланная из Кремля 22 апреля 1918 г. председателю Совета рабочих депутатов города Сергач, обратившемуся к В. И. Ленину с просьбой выслушать срочный и важный доклад. Немедленный ответ главы первого Советского правительства (заметим, кстати, что это был день рождения В. И. Ленина) был предельно красноречив: «Сергач. Председателю Совдепа... Если экстренно и важно, доклад приму всегда. Ленин».[227]

Вместе с тем при всей доступности главы первого Советского правительства реально рассчитывать на прием у В. И. Ленина могли лишь те, кто мог обосновать необходимость личной встречи или были вызваны по какому-либо вопросу к Председателю Совнаркома. В соответствии с инструкциями Председателя Совнаркома в Управлении делами первого Советского правительства был установлен строгий порядок, по которому работники приемной и секретариата «предварительно беседовали с каждым, кто стремился попасть к Ильичу, и докладывали Ленину результаты беседы,[228] после чего он сам решал, будет ли лично принимать человека, или его следует направить в то или иное учреждение, к тому или иному товарищу».[229] Так, отвечая на письмо гражданки Д. Сальмовой от 12 июня 1918 г. из Москвы (Рождественка, д. 12, кв. 20), Управление делами Совнаркома сообщало, например, 8 июля, что «тов. Ленин не может лично Вас принять, так как он очень занят, но если Вы хотите выяснить некоторые вопросы, касающиеся местной Советской власти, то Вы можете обменяться мнением с тов. Владимирским в Народном комиссариате внутренних дел, а все партийные вопросы можете разрешить в Центральном Комитете партии у тов. Стасовой».[230] В результате, свидетельствует П. Д. Мальков, — «несмотря на

[225] Там же, № 467, л. 10. См. также: ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 463, лл. 2, 4; № 469, лл. 2, 11; № 473, л. 1; № 483, л. 29 и др.

[226] Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году, стр. 309.

[227] Цит. по: В. Листов, Ю. Шарапов. Апрельским утром в Кремле. — Известия, 18 апреля 1970.

[228] См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 483, лл. 2, 14—14 об.

[229] П. Мальков. Записки коменданта Кремля. М., 1967, стр. 137.

[230] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 62, л. 4.

огромный поток посетителей, в приемной Ленина никогда не бывало толкучки, никогда люди подолгу не ждали».[231]

Добиваясь четкой и слаженной работы приемной Советского правительства, требуя внимательного отношения к каждому ее посетителю, сам Председатель Совнаркома проводил прием в точно назначенное время, причем продолжительность каждой беседы, как правило, строго регламентировалась. Вспоминая об этом, один из руководителей Наркомюста в 1917—1918 гг. П. А. Красиков рассказывал, например, впоследствии: «Я аккуратно посещал все заседания Совнаркома, и стоило мне написать записочку Владимиру Ильичу, что мне хотелось бы повидать его минут на пять, чтобы поговорить по тому или иному делу, и он говорил: приходите к такому-то часу. Попасть к нему можно было очень свободно, но если зайдешь к нему на три минуты, то уж точно только на три».[232] При этом сотрудники Управления делами правительства обычно заранее, как этого требовал В. И. Ленин, извещали приглашенных по телефону или письменно о дне и часе приема,[233] согласовывали в необходимых случаях возможные изменения времени встречи с Председателем Совнаркома. «Уважаемые товарищи, — говорилось, в частности, в письме из Управления делами СНК делегации союза кожевников от 3 апреля 1918 г. — Председатель Совета Народных Комиссаров Н. Ленин (Ульянов) назначил Вам прием в $7\frac{1}{2}$ часов вечера сегодня 3 апреля. Если Вы можете точно быть в этом часу, будьте добры предупредите Управление делами по телефону № 3-64-75 не позднее 7 часов вечера».[234]

Встречам и беседам с представителями трудящихся России В. И. Ленин придавал первостепенное значение. Неудивительно, что среди посетителей в приемной Советского правительства всегда преобладали рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, которых Председатель Совнаркома принимал особенно охотно и часто. «Ленин сам тысячами нитей был связан с широчайшими массами рабочих и крестьян, — вспоминает работавший в то время в экспедиции и приемной Совнаркома Б. Коротков. — По разговору с отдельными рабочими и крестьянами умел он почувствовать, узнать, о чем думает народ, чем он живет, в чем нуждается».[235] Поэтому так настойчиво стремились попасть на прием именно к Председателю Совета Народных Комиссаров десятки и сотни простых людей. И именно поэтому рабочий кабинет В. И. Ленина в Смольном (а затем и в Кремле), по меткому определению А. Р. Вильямса, действительно был «величайшей в мире приемной».

Только по неполным данным хроники «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина» с 26 октября 1917 г. по август 1918 г., приведенной

---

[231] П. Мальков. Ук. соч., стр. 137.

[232] Цит. по: Ю. Амиантов, Г. Хаит. Товарищ «Музыкант». К 100-летию со дня рождения П. А. Красикова. — Известия, 8 октября 1970.

[233] См., например: Ленинский сборник, XXXVII, стр. 96.

[234] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 130.

[235] Ленин — вождь Октября. Л., 1956, стр. 283.

в конце 35—37 томов Полного собрания сочинений, таких встреч и бесед (без учета различных встреч и бесед, имевших место в ходе работы ЦК РКП(б), Совнаркома, ВЦИК Советов и, разумеется, самих этих заседаний, а также партийных и советских съездов и конференций) насчитывается за последние дни октября 1917 г. — 36, в ноябре — 76, декабре — 42, январе 1918 г. — 22, феврале — 8, марте — 16, апреле — 17, в мае — 21, июне — 19, июле — 23 и, наконец, в августе — 16. Нетрудно заметить, что наибольшее (ежемесячное) количество посетителей приемной Председателя Совнаркома приходится на конец 1917 г. Следует, однако, иметь в виду, что именно за эти месяцы мы располагаем сравнительно подробными данными, подсчитанными по материалам единственно опубликованного пока ИМЛ при ЦК КПСС известного научно-справочного издания «В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти. Биографическая хроника».[236] За 1918 г., как, впрочем, и за последующие годы, имеются пока лишь далеко не полные сведения, полученные на основе упоминавшейся уже краткой хроники «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина». Между тем, учитывая широко развернутые Институтом марксизма-ленинизма поиски пока не найденной части ленинского наследия, а также связанных с именем В. И. Ленина других документов и материалов, можно с уверенностью полагать, что после подготовки и опубликования ИМЛ продолжения развернутой хроники жизни и деятельности основателя Советского государства в послеоктябрьский период соответствующие показатели за интересующие нас месяцы 1918 г., несомненно, существенно возрастут. Но и по имеющимся в настоящее время далеко не полным, повторяем, данным, общее число различных встреч и бесед Председателя Совнаркома за десять с небольшим месяцев первого года его деятельности достигает внушительной цифры — 296.[237]

Вот лишь некоторые из таких встреч в ноябре 1917 г. 1 ноября В. И. Ленин принимает вызванного из Гельсингфорса капитана 1-го ранга М. В. Иванова; 2 ноября беседует с И. С. Вегером, комиссаром сводного отряда, сформированного в помощь московским рабочим, перед отправкой отряда в Москву; 3 ноября более часа беседует с балтийскими моряками, направляемыми Петроградским ВРК агитаторами на Черноморское побережье и в южные губернии; 4 ноября принимает сначала делегата II Всероссийского съезда Советов П. М. Быкова, отправляю-

[236] Вместе с тем необходимо также специально оговориться, что как эти, так и последующие подсчеты следует все же признать приблизительными, так как в бурной обстановке первых месяцев революции фиксировались, конечно, далеко не все многочисленные посещения приемной Председателя Совета Народных Комиссаров.

[237] Подсчитано автором по материалам Полного собрания сочинений В. И. Ленина (тт. 35—37) и биографической хроники «В. И. Ленин в первые месяцы Советской власти» (Вопросы истории КПСС, 1960, №№ 2—6; 1961, №№ 1—2). При этом, напоминаем, не учитывалось участие В. И. Ленина в многочисленных заседаниях ЦК РКП(б) Совнаркома, ВЦИК Советов, партийных и советских съездов и конференций, а также различные встречи и беседы, имевшие место в ходе их работы.

щегося на Урал, затем — председателя революционного штаба Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов А. С. Киселева. В ночь с 5 на 6 ноября Председатель Совнаркома принял делегацию конференции работниц Петрограда и его окрестностей; 8 ноября — представителей ученых — академиков А. А. Шахматова и С. Ф. Ольденбурга, профессоров А. В. Васильева и Н. И. Кутлера; в тот же день — делегата общего схода крестьян Гутовской волости (Лепельский уезд Витебской губернии) И. И. Дукова. В первых же числах ноября (не позднее 9 ноября) на приеме у В. И. Ленина побывал Г. И. Петровский, направленный партийными и советскими организациями Донбасса; 10 ноября — представитель большевиков г. Буя (Костромская губерния) Н. И. Налетов; 12 ноября — делегаты 49-го армейского корпуса. 15 ноября Председатель Совнаркома дал первое интервью иностранному корреспонденту (агентства «Ассошиэйтед Пресс») Г. М. Ярросу. 22 ноября В. И. Ленин принял делегатов Льговского Совета рабочих и солдатских депутатов (Курская губерния), в 20-х числах ноября — шведских социалистов Цета Хеглунда и Карла Чильбума, 26 ноября — делегацию оренбургских железнодорожников, в конце ноября — группу моряков-балтийцев, тогда же беседует в присутствии Я. М. Свердлова с представителем Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов В. А. Воробьевым, принимает представителей левого крыла Чрезвычайного съезда рабочих, мастеровых и служащих Николаевской железной дороги.[238]

Таких встреч было множество, и во всех случаях Председатель Совнаркома внимательно выслушивал обращавшихся к нему за помощью и советом, выяснял существо вопроса и сразу же принимал практические меры для быстрейшего его решения. «Из кабинета Ленина, — свидетельствует Л. А. Фотиева, — приглашенные им для беседы или пришедшие со своими вопросами товарищи выходили почти всегда радостно возбужденные, с сияющей улыбкой на лице. За пять лет работы около Ленина я не помню случая, чтобы из кабинета его вышел товарищ хмурый, недовольный или обиженный, даже в том случае, если Ленин его побранил, ибо каждый знал, что Лениным руководят интересы дела, а не какие-либо личные симпатии или антипатии».[239] Вот всего лишь два примера. Приняв 26 ноября 1917 г. делегацию оренбургских железнодорожников, В. И. Ленин беседует с ними о задачах борьбы с контрреволюционным мятежом Дутова и затем делает следующее распоряжение руководителям Наркомвоена Н. И. Подвойскому и В. А. Антонову-Овсеенко:

«В Штаб (Подвойскому или Антонову)

Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить

[238] См.: В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 2, стр. 176, 177, 179, 180; № 3, стр. 143, 145, 147, 152; № 4, стр. 159; № 5, стр. 137.

[239] Л. А. Фотиева. Таким был Ленин. — Известия, 3 июня 1969 г.

практически поскорее. А мне черкнуть, как решите.[240] Выполняя указание Председателя Совнаркома, руководство Наркомвоена тотчас же направило на борьбу с дутовщиной значительные воинские силы. Об этом свидетельствует ответ В. А. Антонова-Овсеенко, написанный на обороте ленинской записки: «1) Мною вызвана в Петроград стрелковая дивизия, которую немедленно направляют в Сибирь. 2) Завтра идет первый эшелон человек в 400 (матросы и красногвардейцы), 17-й Сибирский полк уже в пути в Питер, ожидаю сегодня-завтра здесь. 3) В Москву посылаю нарочного настаивать на посылке в том же направлении войск. 4) Остановлена посылка из Сибири маршевых рот. 5) Красноярску телеграфно дано предписание о помощи и связи с другими гарнизонами. 6) Завтра один из полков Петрограда получит предписание идти в Сибирь».[241] Точно так же, когда в связи с тяжелым продовольственным положением летом 1918 г. из Вышнего Волочка к В. И. Ленину была направлена делегация в составе 17 человек, Председатель Совнаркома, приняв делегатов 7 июня 1918 г.,[242] внимательно отнесся к нуждам вышневолоцких рабочих. В соответствии с указанием В. И. Ленина А. Д. Цюрупе уезду было вскоре оказана реальная помощь продовольствием.[243] Одновременно, в связи с жалобой некоторых членов делегации на руководителей вышневолоцкого уезда, глава Советского правительства сделал необходимое распоряжение заместителю наркома внутренних дел А. П. Смирнову: «Податели интересуются вопросом о выборах в Советы. Я говорил им, что право отзыва представителей своих они имеют всегда. Объясните им Ваш опыт и дайте указания».[244]

К нуждам и просьбам трудящихся В. И. Ленин был особенно внимателен и чуток. При непосредственном содействии Председателя Совнаркома рабочие и служащие многих заводов, фабрик и других предприятий и учреждений страны (в их числе были, например, рабочие и служащие Металлического завода и заводов «Анчар» и арматурно-электрического общества в Петрограде, Енакиевского завода, Государственной типографии и Экспедиции заготовления государственных бумаг) получили в то трудное время необходимую денежную помощь. По личному указанию В. И. Ленина в соответствии с просьбой рабочих-путиловцев в прекрасном особняке с садом на Рижском проспекте (ныне проспект Огородникова) Петрограда была вскоре открыта первая в стране заводская музыкальная студия для детей рабочих.[245] В первые месяцы

---

[240] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 10.

[241] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 16, л. 1 об. См. также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 404.

[242] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 712.

[243] Там же, т. 50, стр. 91—92; Ленин и Тверской край. М., 1969, стр. 45—46, 225—229.

[244] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 92.

[245] См.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, лл. 30—31, 38, 44; В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 5, стр. 135, 138; № 6, стр. 137; 1961, № 2, стр. 131; Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих. Л., 1956, стр. 296—300, 305—308, 316—318.

Советской власти, вспоминает, например, член КПСС с 1903 г. И. В. Глебов-Дубровин, — «мне приходилось бывать у Владимира Ильича вместе с рабочими, приезжавшими из южных городов России: Одессы, Мариуполя, Екатеринослава просить отпуска ассигнований на заводско-фабричное производство, останавливавшееся из-за отсутствия средств. Во всех случаях Ильич проявлял к этому делу самое серьезное участие и внимание и всегда разрешал отпуск ассигнований рабочим».[246]

Столь же часто, как и делегации рабочих, в приемной самого «главного большевика» (как тогда называли В. И. Ленина многие крестьяне), можно было встретить крестьянских ходоков, приходивших с наказами и просьбами своих односельчан из разных районов и губерний страны, настойчиво стремившихся повидать главу первого Советского правительства, получить от него лично совет, как действовать в дни великих перемен.

В числе многих посетителей приемной Совнаркома, обращавшихся к В. И. Ленину с просьбами и жалобами по личным делам, пришел 31 октября 1917 г. в Смольный один крестьянин (его фамилия, к сожалению, осталась неизвестной), просивший о выплате ему денежной компенсации за лошадь, реквизированную на военные нужды незадолго перед февральской революцией. По ленинской записке, адресованной А. М. Коллонтай, этому крестьянину было выдано первое пособие из Народного комиссариата по социальному обеспечению.[247] 5 ноября 1917 г. В. И. Ленин принял делегацию Совета г. Сердобска (Саратовская губерния). После беседы с главой Советского правительства членам этой делегации Ф. Сидякину, А. Климову и А. Шишкину в соответствии с собственноручной запиской В. И. Ленина, адресованной В. Д. Бонч-Бруевичу и Н. П. Горбунову («Дайте подателям *всю* литературу и мое письмо. Ленин»),[248] вместе с протоколом беседы[249] был вручен экземпляр ответа Председателя Совета Народных Комиссаров на запросы крестьян о переходе власти к Советам и о задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов. В нем говорилось: «В ответ на многочисленные запросы крестьян разъясняется, что власть в государстве перешла отныне всецело в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Помещичья собственность на землю II Всероссийским съездом Советов отменена... все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки Советов крестьянских депутатов... Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки».[250] Отпечатанный на машинке и подписанный собствен-

---

[246] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 4, № 377, лл. 82, 87 об.; см. также: С. Романов. Дело Ленина живет в свершениях народа. — Правда, 20 июня 1969 г.

[247] В. И. Ленин... Биографическая хроника. — Вопросы истории КПСС, 1960, № 2, стр. 175.

[248] Ленинский сборник, XXI, стр. 273—274.

[249] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 483, л. 15. Подробнее см.: Э. В. Клопов. Ленин в Смольном, стр. 88—90.

[250] Декреты Советской власти, т. I, стр. 46—47.

норучно В. И. Лениным текст «Ответа» (его подлинник предназначался для крестьян и гарнизона г. Режицы и его уезда Витебской губернии) в дальнейшем обязательно выдавался на руки всем крестьянским ходокам, обращавшимся в приемную Председателя Совнаркома.[251] «Крестьяне-ходоки, — вспоминает М. Н. Скрыпник, — повидавшие Ленина и услышавшие от него мудрые советы, считались тогда первыми людьми на селе. К таким ходокам-крестьянам текла рекой сермяжная деревня — послушать человека, „который был у Ленина и говорил с ним“».[252]

Столь же чуткого и внимательного отношения к каждому из посетителей, яркий пример которого неизменно показывал сам В. И. Ленин, такого же быстрого и ясного ответа на все интересовавшие посетителей вопросы постоянно требовал Председатель Совнаркома от каждого сотрудника Управления делами правительства, и в первую очередь от работников его секретариата и приемной. В этих целях в Управлении делами СНК уже в самые первые месяцы его работы составлялись графики ежедневных дежурств сотрудников. В материалах ЦПА ИМЛ сохранился один из таких графиков, а точнее, по-видимому, его черновой текст, имевший следующий заголовок: «Дежурство принимающих просителей в Совете Народных Комиссаров». Из этого документа (он был составлен на вторую декаду декабря 1917 г.), в частности, видно, что в эти дни дежурство в приемной СНК начиналось с 10 или 11 часов утра и осуществлялось обычно двумя сотрудниками.[253] Отсутствие в графике указания на время окончания дежурств вполне объяснимо. Как известно, прием посетителей в Смольном в то время осуществлялся на протяжении всего дня и часто продолжался до позднего вечера.

Постепенно, по мере налаживания деятельности Советского правительства, были предприняты новые меры по дальнейшей, еще более четкой организации работы и приемной Председателя СНК. В январе 1918 г. Справочному бюро Смольного (комната № 7) было предложено «выдавать пропуска в Управление делами Совета Народных Комиссаров, комната № 81, только с 12 часов дня до 5 часов вечера». «В прочие же часы, — говорилось далее в предписании Управления делами СНК, — выдавать исключительно только в самых экстренных случаях, не терпящих отлагательства на следующий день, по тщательно проверенным мандатам».[254] Тогда же, в январе, на стенах комнат, занятых Управлением делами СНК, появились отпечатанные типографским способом небольшие плакаты: «Просят по окончании строго деловой беседы не задерживаться, освобождая немедленно место следующим посетителям».[255] Наконец,

---

[251] См., например: Д. Новоплянский. Трое у Ленина. Рассказ о крестьянах, которых в ноябре 1917 г. принял Владимир Ильич. — Правда, 22 ноября 1969 г.

[252] М. Н. Скрыпник. Воспоминания об Ильиче, стр. 16. Об этом см. также: А. Лазебников. Их знал Ильич. М., 1967, стр. 66—79.

[253] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, № 32989.

[254] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 66.

[255] Там же, л. 18.

В. И. Ленин произносит речь с трибуны на Красной площади в день празднования 1-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции после открытия мемориальной доски, установленной в память павших за мир и братство народов. 1918 г., 7 ноября. Москва. Фото. ЦПА ИМЛ.

98
17

1. Имя. . . Владимир
2. Отчество. . . . . Николаевич
3. Фамилія. . . . . Залежскій
4. Какой Комиссаріат. Почт. и Телеграфов.
5. Занимаемая должность Заместитель Народнаго Комиссара
6. Сколько лѣт служите. С октября 1917 г.
7. Принадлежите-ли к полит. партіи. Большевик
8. К какой. . . . . .
9. Когда поступили в партію. В партии с 1902 года
10. Какой сочуствуете. ——————
11. Подвергались-ли репрсссіям за политическія дѣла. да
12. Сколько времени сидѣли в тюрьмѣ. Около 6 лет.
13. В ссылкѣ. Был в 3х ссылках, из которых бѣжал 5 раз
14. На каторгѣ. ——————
15. Работали-ли раньше в Совѣтских учрежденіях. да
16. В каких. Областной Комитет Армии Флота и Рабочих Финляндии
17. Сколько времени. С апреля 1917 года
18. Служите в Комиссаріатѣ из-за сочуствія Совѣтской власти или по другой причинѣ. По распоряжению Ц.К. партии.

Подпись Залежскій

Анкета В. Н. Залежского. 1918 г., август. Москва. Фото. ЦГАОР СССР.

14 февраля 1918 г. последовало специальное распоряжение первого секретаря СНК Н. П. Горбунова, оформившее в целом весь порядок работы приемной Советского правительства. В письме, адресованном секретарю по приему И. В. Духвинскому и в приемную Управления делами Совнаркома, Н. П. Горбунов предложил: «1) В двухчасовой срок представить мне расписание дежурств секретарей приемной. 2) Завести особую книгу, в которой расписываться секретарям, по их приходе. 3) Книгу доставлять мне на просмотр 2 раза в день — в 12 часов 15 минут и второй раз — 15 минут после назначенной второй смены.[256] 4) Заведывание этой книгой находится у Елизаветы Константиновны (Кокшаровой, — *М. И.*). 5) Двери приемной открывать ровно в 12 часов дня. До этого времени держать их на запоре. 6) С этого же часа начать пользоваться талонными книжками и представлять их мне ежедневно по уходе со смены (талонные книжки должны быть именные)».[257]

Обилие источников (и в первую очередь воспоминаний очевидцев) о самых разнообразных встречах Председателя Совнаркома В. И. Ленина с крестьянскими ходоками, делегациями рабочих и солдат-фронтовиков, советскими и партийными работниками, представителями интеллигенции и других кругов населения, деятелями международного рабочего движения, иностранными журналистами и дипломатами должно несомненно послужить основой для специального, до сих пор, к сожалению, не осуществленного в достаточной мере изучения. Первые шаги, сделанные в этом направлении за последние годы, в основном усилиями журналистов, занимающихся ленинской темой,[258] показывают, что настало время обобщить весь этот обширнейший материал. И, надо полагать, в недалеком будущем исследователи вплотную займутся всесторонним изучением истории связей и контактов основателя Советского государства с трудящимися России — этой ценнейшей и неотъемлемой части Ленинианы. Но один и, пожалуй, главный вывод можно, не боясь ошибиться, сделать уже сейчас. Рассмотренная сторона деятельности В. И. Ленина, всегда умевшего найти в своем заполненном до отказа рабочем дне время для приема многочисленных посетителей, и прежде всего представителей трудящихся России, является замечательным образцом реального воплощения главой первого Советского правительства сформулированных им важнейших принципов связи с массами.

Наряду с приемом посетителей чрезвычайно важное место в повседневной деятельности Председателя Совнаркома занимала также переписка с местными советскими и партийными организациями, различными учреждениями и ведомствами, предприятиями и отдельными лицами. Лишь известная пока переписка В. И. Ленина за пять послеок-

---

[256] «За двукратное опаздывание, — говорилось в также собственноручно сделанном Н. П. Горбуновым к этому пункту примечании, — без представления уважительных объяснений налагается штраф в размере 5 рублей».

[257] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 70.

[258] См., например: А. Ростков. Ходоки. М., 1964; П. Шелест. По следам ходоков. М., 1967.

тябрьских лет составляет, по подсчетам Э. Б. Генкиной, свыше 3600 документов, т. е. примерно 720 писем в год, около 60 писем в месяц, в среднем два письма ежедневно.[259] Количество же писем, телеграмм, записок и прочей корреспонденции, полученной главой первого Советского правительства от его соратников, трудящихся России и из-за рубежа, исчисляется многими тысячами. Достаточно сказать, что только за десять лет, с 1960 по 1970 г., было опубликовано более 60 книг, в которых собраны адресованные на имя В. И. Ленина различные письма и телеграммы. А ведь помимо этого вышли в свет сотни публикаций в газетах и журналах...[260]

Собранная в настоящее время воедино и почти полностью опубликованная в десяти последних томах 5-го издания сочинений В. И. Ленина (тт. 46—55), пять из которых (тт. 50—54) относятся к периоду 1917—1923 гг., ленинская переписка, этот уникальный по своему значению источник для изучения, в частности, и государственной деятельности Председателя Совнаркома в последние годы был впервые подвергнут специальному анализу и обобщению. Вместе с тем уже Г. Д. Обичкин и М. Я. Панкратова, авторы первого в советской литературе и весьма ценного труда обобщающего характера, посвященного переписке В. И. Ленина, сочли необходимым признать, что его объем не позволил «подробно раскрыть содержащийся в переписке материал. Да и вряд ли можно это сделать в одной книге».[261] С этим выводом солидаризировалась и автор другой специальной работы по данной теме Э. Б. Генкина, которая справедливо отметила: «Действительно, охватить и даже обозреть все стороны огромной по своему значению и масштабам ленинской переписки, в одной, даже сравнительно большой по объему книге, конечно, невозможно. Это дело многих и длительных исследований».[262] Вполне понятно, что в рамках настоящего раздела преследуется еще более скромная цель — вкратце рассмотреть наиболее характерные черты, присущие переписке Председателя Совнаркома интересующего нас периода.

1917—1918 гг. стали для В. И. Ленина одним из периодов особенно интенсивной переписки. Разумеется, это не было случайным: ведь именно эти годы явились напряженнейшим временем сначала непосредственной подготовки, а затем проведения и упрочения в России пролетарской революции. В революционный Петроград, в Смольный, а с весны 1918 г. в Московский Кремль, на имя В. И. Ленина нескончаемым потоком шли с мест телеграммы и письма, запросы и ходатайства от советских и пар-

---

[259] Э. Б. Генкина. Государственная переписка В. И. Ленина. М., 1970, стр. 4.

[260] И. Б. Брайнин. Штрихи к портрету Ильича (о письмах к В. И. Ленину). — Новый мир, 1971, № 4, стр. 255.

[261] Г. Д. Обичкин, М. Я. Панкратова. Письма Владимира Ильича Ленина. По страницам Полного собрания сочинений. М., 1968.

[262] Э. Б. Генкина. Государственная переписка В. И. Ленина, стр. 5. — Первые из новых таких работ уже вышли в свет: это интересные книги Г. М. Дейча «Твой В. Ульянов. В. И. Ленин в письмах к родным» (Л., 1971) и И. Брайнина, Ю. Шарапова «Москва, Кремль, Ленину» (М., 1972).

тийных органов, с митингов и собраний, от общественных и национальных организаций, предприятий и воинских частей, учреждений и отдельных граждан — солдаток и учащихся, крестьян и интеллигентов, рабочих и военнослужащих.[263] Менее чем за полтора месяца, начиная с 23 ноября и до конца 1917 г., в адрес Совнаркома поступило 1741 различного рода корреспонденций.[264] Больше всего среди адресованной главе Советского правительства огромной корреспонденции было писем трудящихся — сотен и тысяч простых рабочих и служащих, крестьян, солдат и матросов, безгранично веривших В. И. Ленину и видевших в нем надежного защитника интересов трудового народа.

В этих письмах, выражавших доверие и поддержку масс своему, рабоче-крестьянскому правительству, наряду с приветствиями высказывались различные предложения, направленные на всемерное укрепление власти Советов. «Привет Вам, товарищ Ленин, от имени граждан с. Мелового, — писал, например, Председателю Совнаркома 14 апреля 1918 г. бывший солдат Данило Греховодов, крестьянин села Мелового Богатинской волости Курской губернии. — Мы видим, товарищ Ленин, шаги Вашей деятельности. Мы видим, что Вы действительно стоите за освобождение бедных крестьян... Раньше мы не знали, кто такие большевики, оказывается что мы, крестьяне, — все — большевики...».[265] Некто Соломон Борисович Розенкранц, приехавший в Москву в редакцию газеты «Коммерческий телеграф», обратился 7 июля 1918 г. к главе Советского правительства со следующим предложением: «Высокоуважаемый Владимир Ильич! Находясь случайно в Москве и желая сделать Вам обстоятельный доклад по величайшему для Советской власти продовольственному вопросу, прошу Вас принять и выслушать меня. Я желаю укрепить Советскую власть, и Вы убедитесь в этом, выслушав меня».[266]

Представляет интерес одно из ответных писем, направленное по указанию В. И. Ленина секретариатом СНК 18 апреля 1918 г. М. К. Сыромятникову, который в числе многих прислал на имя Председателя СНК свои скромные пожертвования для укрепления Советской власти. В письме, в частности, говорилось: «Председатель Совета Народных Комиссаров благодарит Вас за Ваши добрые пожелания и пожертвования Ваши...».[267] Многие из писем, поступавшие к В. И. Ленину, содержали

---

[263] См., например: Товарищу Ленину. М., 1960; изд. 2. М., 1969. Составители В. В. Аникеев, Н. В. Бычкова, Н. С. Зелов; Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1966. Составители К. Ф. Богданова и А. П. Якушина. Под ред. В. В. Аникеева и А. А. Соловьева; Профсоюзы — В. И. Ленину. М., 1969. Составители Субботин Д. Т., Новопашин И. Г., Терентьева Л. И. и Хвостенкова Н. М.; Сердцем и именем. Письма молодежи В. И. Ленину. М., 1969. Составители В. Десятерин, Т. Каменева. Редактор А. Холодков; Из глубины сердец. Сборник писем военнослужащих Красной Армии В. И. Ленину. 1917—1924. Введение маршала Советского Союза А. И. Еременко, составители Д. Куртов и Ю. Геллер. М., 1970.

[264] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 54, лл. 1—42 об.; там же, № 55, лл. 1—67.

[265] Товарищу Ленину. Письма трудящихся В. И. Ленину. М., 1969, стр. 28—29.

[266] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 473. л. 6.

[267] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 64а, л. 44.

самые разнообразные вопросы и просьбы. И приходилось только удивляться, вспоминал один из сотрудников Совнаркома И. В. Духвинский-Осипов, когда В. И. Ленин, очень интересовавшийся всеми этими письмами, находил время «просматривать эти ворохи бумаги и накладывать на них свою резолюцию».[268]

Как мы уже видели, в приемной Совнаркома производился опрос посетителей и отбор тех из них, которых действительно нужно было пропустить к В. И. Ленину. Аналогичным образом уже с ноября 1917 г., как видно из журналов входящих бумаг СНК, просматривалась, систематизировалась и направлялась соответствующим членам Советского правительства обширная корреспонденция, поступавшая в Совет Народных Комиссаров со всех концов страны.[269] В связи с этим, вероятно, в конце января 1918 г. внутри совнаркомовской приемной была выделена специальная часть или отдел ее — своеобразный филиал, разместившийся вместе с аппаратом ВЦИК в Таврическом дворце,[270] куда в дальнейшем, по-видимому, и поступала вся входящая корреспонденция, адресованная на имя Совета Народных Комиссаров, и где она разбиралась для последующей ее передачи в Совнарком или в соответствующие народные комиссариаты и другие советские центральные учреждения.[271]

Однако, хотя непосредственно к В. И. Ленину направлялись теперь только наиболее важные и ответственные телеграммы и письма, в соответствии с установленным Председателем Совнаркома порядком сотрудники секретариата и приемной правительства, а затем и специально созданного бюро телеграмм, постоянно докладывали ему о содержании других поступивших материалов, и он отдавал необходимые распоряжения. «Я обыкновенно размечала, — вспоминала, в частности, М. И. Лебедева, — кому посылаются копии телеграмм, и потом шла к Владимиру Ильичу. И он либо соглашался, либо дополнял, что еще кому надо посылать, и тогда проверял исполнение. У него была замечательная память, и мы должны были ему докладывать, что сделано по этим телеграммам. Мы обязаны были ему нести телеграммы, даже когда шло заседание Совнаркома, и он накладывал резолюции; причем он следил, когда была получена телеграмма и когда ему ее давали...».[272]

Сохранившиеся в архивах документы и имеющиеся многочисленные воспоминания очевидцев убедительно свидетельствуют о том, какое большое внимание неизменно проявлял В. И. Ленин к телеграммам, резолюциям, запросам с мест. Так, когда 28 января 1918 г. в Совнарком поступила телеграмма делегата бедноты Крестовской волости Велипе-

---

[268] И. В. Духвинский-Осипов. Мои воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. — В кн.: К годовщине смерти В. И. Ленина. Л., 1925, стр. 155.

[269] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, №№ 54, 55 [журнал регистрации входящей корреспонденции, поступившей в Совнарком с 23 ноября 1917 по 9 января 1918 г.]; там же, №№ 97, 98 [разносная книга корреспонденции, поступающей в Совнарком. 13 ноября 1917—12 июня 1918 г.].

[270] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 53, № 88, лл. 73 об., 74 об., 75 об., 76.

[271] Там же, ф. 1235, оп. 93, № 36, л. 19.

[272] См.: Стенограмма совещания... 18 мая 1946 г., лл. 11, 14.

ского уезда Жукова и председателя исполкома волостного совета Варфоломеева с просьбой разрешить им прибыть в Москву для доклада о делах волости, затрагивающих «жизненные интересы бедноты», то уже через два дня, 31 января, последние в соответствии с адресованной Г. И. Петровскому положительной резолюцией Председателя Совнаркома были телеграфом вызваны для личного доклада в Народный комиссариат внутренних дел.[273] А вот другая телеграмма, поступившая в Совнарком 29 августа 1918 г. из Суджанского уезда Курской губернии. «Для быстрой и более безболезненной заготовки продуктов, хлеба и фуража, — телеграфировали, в частности, губвоенком Кривошеев и губпродком Воробьев, — шлите экстренно пять вагонов литературы и газет, не считаясь с их давностью. Деревня темная делает все при объяснении, в течение недели дали до 10 000 пуд. старых остатков хлеба только несколько деревень. Литературу распространим быстро, необходимо хотя человек 5—8 идейных агитаторов, самому слишком тяжело справляться, а на месте агитаторов очень малое количество и все перегружены работами». В сложившейся, как известно, в августе 1918 г. чрезвычайно напряженной обстановке Председатель Совнаркома не оставил без внимания эту просьбу и тотчас же отдал распоряжение секретарю ВЦИК В. А. Аванесову о немедленном принятии необходимых мер. В. И. Ленин ставит на полях бланка телеграммы цифру «1» против подчеркнутых им в тексте слов «пять вагонов литературы и газет» и «2» около слов «5—8 идейных агитаторов». А затем, подчеркнув подпись известного ему по предыдущей переписке губернского продовольственного комиссара А. С. Воробьева, глава Советского правительства пишет под текстом телеграммы следующую (вскоре выполненную) резолюцию: «Тов. Аванесов! Распорядитесь, пожалуйста, спешно. Ленин».[274]

Исключительный интерес всегда вызывали у Председателя Совнаркома письма и телеграммы трудящихся, эти «подлинные человеческие документы».[275] Им В. И. Ленин всегда придавал особое значение, они неизменно являлись предметом постоянной его заботы. «Управление делами препровождает Вам, — сообщалось, например, в письме от 22 июня 1918 г., адресованном народному комиссару по делам продовольствия А. Д. Цюрупе, — по распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров заявление Красавина на заключение и просит вернуть заявление в Управление делами Совета с заключением». Помимо резолюции А. Д. Цюрупы, сделанной 24 июня («Прошу вызвать ко мне т. Красавина»), на письме есть сделанная кем-то из сотрудников СНК еще одна пометка, из которой видно, что уже на следующий день указание главы Советского правительства было выполнено.[276] Требуя внимательного рас-

---

[273] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, № 88, лл. 5, 7.

[274] Цит. по: П. Жирнов. Неизвестная ленинская строка. — В кн.: Вслед за ленинской строкой. М., 1970, стр. 94, 96.

[275] В. А. Карпинский. В. И. Ленин — вождь, товарищ, человек. М., 1968, стр. 45.

[276] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 72, ч. 1, л. 243.

смотрения заявлений трудящихся, каждой их жалобы, просьбы или запроса, В. И. Ленин настойчиво добивался, чтобы ни один из этих сигналов не оставался без исполнения и ответа. «Председатель Совета Народных Комиссаров, — говорилось, в частности, в письме из Управления делами правительства от 11 апреля 1918 г. гражданину А. Казинеру, — благодарит Вас за Ваше доброе внимание и вместе с тем считает необходимым указать Вам, что в настоящее время все деятельные люди крайне необходимы у себя на местах, дома. Почему рекомендуем Вам принять деятельное участие в строительстве новой жизни среди Ваших близких односельчан и не тратить время на переезды для разговоров. Необходимо теперь делать, творить, а не разговаривать».[277]

Еще одной важнейшей стороной деятельности главы первого Советского правительства являлось постоянное и активнейшее его участие в работе различных конференций и съездов массовых организаций трудящихся, многочисленные выступления перед рабочими, солдатами и крестьянами на митингах и собраниях на заводах и фабриках, в воинских частях и подмосковных деревнях и т. д.[278] По имеющимся и несомненно еще не полным сведениям, только за период с 25 октября 1917 г. до Пятого Всероссийского съезда Советов (4—10 июля 1918 г.) В. И. Ленин выступил с докладами и речами (не считая выступлений на заседаниях Совнаркома и ЦК партии) 86 раз, в том числе — на Всероссийских съездах Советов, Всероссийских крестьянских съездах, а также различных съездах — железнодорожников, советов народного хозяйства и др. — 30 раз; на заседаниях ВЦИК и фракции большевиков во ВЦИК — 13 раз; на заседаниях Петроградского и Московского Советов, различных совещаниях, массовых собраниях и митингах — 43 раза.[279]

Огромную работу в массах Председатель Совнаркома продолжал вести и в дальнейшем, на протяжении всего рассматриваемого периода. Возьмем, например, только один июль месяц напряженного лета 1918 г. 2 июля В. И. Ленин выступает с речью на митинге мобилизованных на фронт в манеже бывшего Алексеевского военного училища; на другой день, 3 июля, произносит речь на заседании коммунистической фракции Пятого Всероссийского съезда Советов. Через день, 5 июля, В. И. Ленин выступает на заседании этого съезда с докладом о деятельности Совнаркома и с заключительным словом по докладу. 15 июля В. И. Ленин вы-

---

[277] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 6а, л. 32.

[278] За последние годы в советской литературе опубликован целый ряд содержательных работ, подробно рассматривающих ленинское наследие в области публичной пропаганды и агитации: Н. Мор. Ленинское искусство пропаганды и агитации. М., 1963; Живое слово Ильича. По местам выступлений В. И. Ленина в Петрограде в 1917 г. Л., 1963; Ленин — мастер революционной пропаганды. Сост. А. В. Толмачев. М., 1965; А. А. Савенков. Искусство убеждать. Из творческой лаборатории В. И. Ленина — пропагандиста и агитатора. Л., 1966; А. Тарасенко. Живое слово. М., 1966; Н. Прошунин. Сила ленинского слова. М., 1969; Ленин — мастер пропаганды. М., 1971; В. И. Кузнецов. О полемическом искусстве В. И. Ленина. М., 1971 и др.

[279] См.: Г. С. Калинин. Ленинский Совнарком, стр. 110.

ступает на заседании ВЦИК с заявлением по поводу требования правительства Германии ввести в Москву батальон солдат для охраны немецкого посольства; 19 июля выступает на митинге трудящихся Лефортовского района с речью на тему «Текущий момент и международное положение». 23 июля В. И. Ленин выступает с докладом о международном и внутреннем положении Советской России на Московской губернской конференции фабрично-заводских комитетов, 26 июля выступает на митингах в Хамовническом и Пресненском районах с речами на тему «Что даст трудовому народу Советская конституция». Через два дня, 29 июля, В. И. Ленин выступает с речью на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. И, наконец, на следующий день, 30 июля, В. И. Ленин выступает с речью на I съезде председателей губернских Советов и заведующих отделами управления губернских исполкомов.[280]

Такая интенсивная, поистине громадная работа, которую проводил В. И. Ленин в массах параллельно с повседневным руководством деятельностью ЦК партии и Совнаркомом, разумеется, имеет свои основания. Как известно, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал исключительную важность устной пропаганды для успешного осуществления пролетарской революции и социалистического строительства. «Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит, — писал, в частности, В. И. Ленин. — Без них нет политической деятельности...».[281] В своеобразных условиях России первых послеоктябрьских месяцев, характеризовавшихся, с одной стороны, широчайшим подъемом активности и самодеятельности народных масс, а с другой — низким уровнем грамотности этих же масс, отсутствием развитых средств связи и информации, крайней недостаточностью газетной бумаги и печатной продукции, устные выступления перед трудящимися приобретали особое значение.[282] Вот почему после победы Октябрьской революции руководимые В. И. Лениным ЦК РКП(б) и Совнарком всячески использовали устную пропаганду и агитацию как важное средство идейно-политического воспитания масс, серьезный фактор упрочения связей Советской власти с народными массами.

В этих целях, в частности, при поддержке В. И. Ленина примерно с весны 1918 г. была введена практика проведения в Москве еженедельно, по пятницам, массовых митингов, на которых перед рабочими и служащими, крестьянами и красноармейцами выступали члены ЦК РКП(б) и Совнаркома, ответственные советские, партийные и профсоюзные руководители. «Владимир Ильич! — писал 20 июня 1918 г., накануне одного из таких дней Я. М. Свердлов. — Прошу назначить заседание Совнаркома завтра не ранее 9 часов вечера. Завтра по всем районам крупные митинги по плану, о котором мы с Вами уславливались; предупредите всех совнаркомщиков, что в случае получения [приглашения] или назначения

[280] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 722—730; т. 37, стр. 687.
[281] Там же, т. 47, стр. 54.
[282] См., например, об этом: А. Тарасенко. Ук. соч., стр. 3—4 и др.

на митинг, никто не имеет [права] отказываться. Митинги начинаются с 6 часов вечера».[283] И хотя под текстом этого письма сохранилась пометка («Прочел и принял к сведению и исполнению») лишь одного из народных комиссаров — А. Д. Цюрупы, можно не сомневаться, что оно было выполнено и другими членами Советского правительства. Сам же Председатель Совнаркома выступил в этот день, 21 июня 1918 г., с речью по теме «Борьба с голодом и контрреволюцией», дважды — в Сокольническом и Пресненском районах.[284] «Не было случая, чтобы Владимир Ильич сослался на занятость, несмотря на свою неимоверную нагрузку, или на состояние здоровья. Не было случая, чтобы он отказался от выступления, и никогда Ленин не заставлял себя ждать, не опаздывал на собрания. Он был воплощением скромности, образцом партийной дисциплины... обязательно до собрания или после запросто, по-товарищески беседовал с рабочими, интересуясь их мыслями, настроениями, нуждами, расспрашивая, как рабочие оценивают то или иное мероприятие Советской власти», — вспоминает К. Т. Свердлова, обычно сообщавшая Председателю Совнаркома, на каком собрании или митинге ему предстояло выступить по решению Московского городского комитета партии или Агитационного отдела ВЦИК.[285]

Это было действительно так. Считая первейшей обязанностью каждого советского и партийного ответственного работника регулярно лично информировать трудящихся о внутреннем и международном положении страны, о мероприятиях Советского правительства по важнейшим вопросам государственной политики, В. И. Ленин собственной деятельностью показывал яркий образец живой связи подлинного пролетарского руководителя с массами. «Владимир Ильич! — обращался к председательствовавшему на заседании Совнаркома 22 апреля 1918 г. кто-то из сотрудников секретариата. — Здесь представительницы женской городской конференции. Конференция горячо просит Вас завтра, в последний день конференции, приехать на заседание. Владимир Ильич! Напишите им, пожалуйста, в ответ на их просьбу маленькую записку».[286] Нам неизвестен пока текст ответной ленинской записки. Но известно другое и, пожалуй, главное: назавтра, 23 апреля, В. И. Ленин выступил с небольшой речью на Московской областной конференции работниц, в которой приветствовал их от имени Совета Народных Комиссаров и кратко охарактеризовал внешнее и внутреннее положение Советской Республики.[287] Точно так же, когда, например, через месяц (не ранее 25 мая 1918 г.) на другом заседании Советского правительства В. И. Ленин получил записку от председателя ВСНХ с просьбой принять участие в работе I Всероссийского съезда СНХ, происходившего в Москве с 25 мая по

---

[283] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 143, л. 111.

[284] См.: Ленин в Москве. М., 1957, стр. 53, 54.

[285] Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ, фонд воспоминаний о В. И. Ленине. К. Т. Свердлова. Воспоминания о Ленине, л. 8.

[286] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 101, л. 46.

[287] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 694—695.

4 июня 1918 г.,[288] то тотчас же последовал столь характерный по своей лаконичной деловитости и предельной скромности ответ: «1) Когда начинается съезд Совнархозов. 2) Надо ли, чтобы я говорил там? Нельзя ли меня уволить? 3) Если нельзя, то о чем мне говорить? Сколько времени? Надо условиться точнее».[289] Как известно, и эта, очередная из многих аналогичных просьб была выполнена: уже 26 мая Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин выступил с речью на I Всероссийском съезде Советов Народного хозяйства.[290]

Все эти встречи и выступления на многочисленных митингах, собраниях и съездах, так же как и письма из разных городов и сел страны и почти ежедневные беседы с посетителями приемной Совнаркома, как уже отмечалось, были средством органической связи с трудящимися России. Многие такие встречи и письма давали В. И. Ленину поистине бесценные данные для принятия ответственных государственных решений: «через встречу с людьми на собраниях, в беседах он черпал материал для своих обобщений».[291] Они позволяли главе первого в истории правительства рабочих и крестьян, как говорила Н. К. Крупская, «прикладывать ухо к земле», быть постоянно в курсе нужд и настроений народа, улавливать то новое, что рождала революционная энергия масс, подхватывать и развивать драгоценные крупицы народного опыта. И, как метко определил Дж. Бернал, «там, где другие великие люди видели лишь один аспект действительности, он видел все».[292]

Неразрывная связь с массами, непоколебимая вера в их творческую энергию и опыт были наиболее полным выражением пролетарского демократизма и одной из самых характерных особенностей ленинского стиля государственного руководства, важнейшим принципом, которому В. И. Ленин неуклонно следовал сам и который настойчиво прививал всем ответственным работникам складывавшегося в ту пору советского аппарата управления. «Можно смело сказать, — с полным основанием указывала поэтому 4 января 1918 г. выходившая в Петрограде газета „Солдатская правда“, — что ни один министр, ни один правитель в мире не пользовался таким широким доверием народных масс, на какое опирается Председатель Совета Народных Комиссаров товарищ Ленин».[293]

В. И. Ленин и совершенствование советского аппарата управления

По авторитетному свидетельству Л. А. Фотиевой, через всю работу Председателя Совнаркома В. И. Ульянова (Ленина) со времени после победы

---

[288] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 122, л. 42.
[289] Ленинский сборник, XXI, стр. 129.
[290] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 708.
[291] А. А. Андреев. О Владимире Ильиче Ленине. — В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 4, М., 1969, стр. 33.
[292] Дж. Бернал. Ленин и наука. — В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969, стр. 28.
[293] Солдатская правда, 4 (17) января 1918 г.

Октябрьской революции красной нитью проходила забота об улучшении советского госаппарата.[294]

Уже в 20-е годы на тему, непосредственно связанную с тем, как, по словам Н. П. Горбунова, «Владимир Ильич руководил, воспитывал, школил и использовал свой аппарат»,[295] был издан ряд работ, «начиная от объяснения постановки делопроизводства и кончая теоретическими рассуждениями насчет того, как лучше администрировать, управлять и организовать».[296] В этом нет ничего удивительного, так как стиль работы советского (как, впрочем, и любого) аппарата управления представляет собой сложное, многоплановое общественное явление, охватывающее различные по своему характеру и значению факторы, требования и условия осуществления государственной деятельности. И поэтому понятие совершенствования советского госаппарата и стиля его работы неразрывно связано не только с проблемой кадров работников его системы в первую очередь, но также и с такими вопросами, как классовая сущность, принципы и способы организации аппарата, методы и формы осуществления управленческой деятельности.[297]

Опираясь на творчески развивающие ленинские идеи решения и материалы XXIII и XXIV съездов КПСС, выдвинувших широкую научно-обоснованную программу совершенствования управления социалистическим обществом и государством, советские обществоведы — юристы и философы, экономисты и историки — с 60-х годов уделяют особенно большое внимание всесторонней разработке проблем управления как в общетеоретическом, так и в конкретном плане применительно к деятельности тех или иных звеньев всего механизма руководства экономическими и социально-политическими процессами в нашей стране.[298] Под-

---

[294] Л. А. Фотиева. Госаппарат и В. И. Ленин. — В кн.: Как работал Ленин. М., 1925, стр. 23.

[295] Н. П. Горбунов. Как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров, стр. 112.

[296] Д. Лебедь. Надо учиться работать у Ленина. — В кн.: Как работал Ленин, стр. 4. Подробнее об этой литературе см., например: О. А. Дейнеко. 1) Изучать и обобщать организационный опыт прошлого. — В кн.: Организация и управление. Под ред. акад. А. И. Берга. М., 1966; 2) Наука управления в СССР. М., 1967, а также приложение к книге О. А. Дейнеко «Методологические проблемы науки управления производством» (М., 1970).

[297] См. об этом: В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. М., 1968, стр. 164 и др.; Б. Н. Габричидзе. Ленинский стиль деятельности Советов депутатов трудящихся. — Советское государство и право, 1969, № 2, стр. 3; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. В четырех томах. Т. I. Основные институты и понятия. М., 1970, стр. 241—252; т. III (Социалистическое государство). М., 1972, стр. 330—336 и др.

[298] См.: Научные основы государственного управления в СССР. Под ред. Л. Е. Лунева, М. И. Пискотина и Ц. А. Ямпольской. М., 1968, стр. 3—5; А. М. Румянцев. Проблемы современной науки об обществе. М., 1969, стр. 378—379; В. Я. Зевин. Труды В. И. Ленина — неиссякаемый источник революционной мысли и революционного действия. М., 1971; В. Г. Афанасьев. XXIV съезд КПСС о научном управлении советским обществом. М., 1972; Д. М. Гвишиани. Организация и управление. Изд. 2, М., 1972, стр. 5—32 и др.; Работу Советов — на уровень новых задач. М., 1973 и др.

готовка такого рода исследований — и по общим, и по конкретным вопросам науки управления в СССР — неизбежно потребовала углубленного изучения ленинского теоретического и практического наследия по различным аспектам управленческой деятельности, тщательной систематизации и анализа многочисленных указаний и рекомендаций В. И. Ленина о путях совершенствования советского государственного аппарата. Однако внимание большинства авторов оказалось сосредоточенным главным образом на общей характеристике стиля партийной и государственной работы В. И. Ленина и разработанных им основных принципов управления и хозяйствования в условиях социалистического общества.[299]

При этом, как отмечалось недавно в журнале «Советское государство и право», более или менее детально изучены лишь некоторые из ленинских принципов управления (демократический централизм, социалистическая законность, участие масс в управлении); в то же время принципы социалистической плановости, партийного руководства и многие другие, особенно организационно-технические, разработаны гораздо слабее. «Не уделяется должного внимания проблеме специфики действия принципов применительно к отдельным отраслям и сферам управления... Требует более глубокой разработки проблема системы органов государственного управления, степени «автономии» различных органов в этой системе, проблема компетенции органов управления. До сих пор нет работ, детально вскрывающих причины встречающихся еще проявлений бюрократизма в аппарате управления».[300] В подготовку научно обоснованных социально-правовых рекомендаций по успешному решению всех этих и многих других актуальных вопросов науки управления в СССР, прямо связанных с совершенствованием работы советского госаппарата, существенный вклад должны несомненно внести и историки. Между тем, не-

---

[299] См., например: П. А. Родионов. 1) О ленинском стиле в работе. М., 1966; 2) Коллективность — высший принцип партийного руководства. М., 1967; Ф. Г. Паначин. О ленинском стиле в партийной и государственной работе. М., 1966; С. В. Соловьева. Ленинские принципы организации и деятельности советского государственного аппарата. М., 1967; М. Н. Лаптин, Е. И. Пономарев. В. И. Ленин и социалистическое хозяйствование. М., 1968; Л. А. Слепов. Основные черты ленинского стиля партийного и государственного руководства. — Вопросы истории КПСС, 1968, № 9; В. М. Шапко. Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства. М., 1968; О. А. Поздняков. Ленин о проблемах научной организации труда и управления. Л., 1969; В. И. Ленин о научных основах руководства социалистическим обществом. М., 1970; А. К. Колесников. Ленинские принципы организационного руководства КПСС. М., 1971; Ю. В. Шабанов. Ленинские принципы работы государственного аппарата. Минск, 1971; И. В. Локтев. Ленинский стиль руководства и управления. Л., 1972; А. Е. Лунев. Советский государственный аппарат. М., 1972; В. К. Луценко. Важнейшие черты ленинского стиля партийной и государственной деятельности. Киев, 1972; В. Д. Сорокин. Народ управляет государством. Л., 1972; Е. А. Жалина, Л. В. Балдин. Ленинские принципы управления народным хозяйством. М., 1973; И. М. Болотников, К. К. Вавилов. Ленинизм и научное управление социалистическим обществом. Л., 1973, и др.

[300] В. А. Рахлевский. О тематике диссертационных исследований. — Советское государство и право, 1970, № 12, стр. 46.

смотря на появление за последние годы целого ряда серьезных исследований советских историков и государствоведов, которые целиком (таких работ, правда, пока немного) или частично (работ такого рода — большинство) специально посвящены изучению основополагающей деятельности В. И. Ленина в области теории и практики советского государственного строительства и управления,[301] в конкретно-историческом плане весьма актуальная в современных условиях тема «В. И. Ленин и совершенствование советского аппарата управления» далеко не исчерпана. Вот почему представляется целесообразным, не претендуя, естественно, на исчерпывающую полноту раскрытия этой темы, вкратце рассмотреть, в каких главных направлениях уже в первый год пролетарской диктатуры основатель и руководитель Советского государства развернул борьбу за упрочение и совершенствование нового аппарата управления, отметив при этом важнейшие из соответствующих постановлений и декретов Совета Народных Комиссаров, принятых под руководством В. И. Ленина в 1917—1918 гг.

Осуществляя огромную и разнообразную деятельность на посту главы первого Советского правительства, В. И. Ленин, как мы уже видели, прежде всего неустанно заботился об обеспечении и непрерывном повышении уровня партийного руководства аппаратом государственного управления,[302] настойчиво и последовательно боролся за утверждение де-

---

[301] См., например: О деятельности В. И. Ленина в 1917—1922 гг. Сб. статей под ред. И. Г. Рябцева и др. М., 1958; Из истории революционной и государственной деятельности В. И. Ленина. Сб. статей под ред. Л. М. Папина и др., М., 1960; Э. Б. Генкина. 1) Ленин — Председатель Совнаркома и СТО. Из истории государственной деятельности В. И. Ленина в 1921—1922 гг. М., 1960; 2) Государственная деятельность В. И. Ленина (1921—1923). М., 1969; Б. М. Шехватов. Ленин и Советское государство. Деятельность В. И. Ленина по совершенствованию государственного управления. 1921—1922 гг., М., 1960; Ю. Г. Никифоров. Деятельность В. И. Ленина по созданию и упрочению советского центрального государственного аппарата. (Октябрь 1917—июль 1918). Автореф. канд. дисс. М., 1964; Л. М. Дробижева. Ленин и использование местного опыта хозяйственного строительства. М., 1965; Э. В. Клопов. Ленин в Смольном. М., 1965; Ленинизм и проблемы государственного управления. Под ред. Д. А. Керимова и Д. А. Чагина. Л., 1969; В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве. М., 1969; В. А. Виноградов. Ленинские идеи рабочего контроля в действии. М., 1969; Р. М. Савицкая. Очерк государственной деятельности В. И. Ленина. Март—июль 1918 г. М., 1969; Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М., 1970; Н. А. Воскресенская. В. И. Ленин — организатор социалистического контроля. М., 1970; И. Е. Панюшкин. В. И. Ленин об организации управленческого труда в советском государственном аппарате (1917—1923 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1970; Е. Д. Козочкина. Ленинский принцип демократического централизма в управлении промышленностью в действии. М., 1972; В. А. Любишева. Архив Председателя СНК и СТО — источник для изучения деятельности В. И. Ленина по руководству аппаратом Совнаркома (1917—1922 гг.). Автореф. канд. дисс. М., 1972, и др.

[302] См. 1-ю главу первой части настоящей книги. Подробнее об этом см.: П. А. Родионов. Ленин—партия—массы; В. И. Ленин и строительство партии в первые годы Советской власти. М., 1965; Б. М. Морозов. Партия и Советы в Октябрьской революции; В. М. Шапко. Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства; Ю. Г. Турищев. Партия у власти. М., 1969;

мократического централизма как второго руководящего принципа построения и деятельности государства нового, социалистического типа.

Выдвинутый В. И. Лениным в самый начальный период пролетарской власти принцип демократического централизма явился образцом творческого использования опыта политико-организационной работы партии и, как известно, означал органическое сочетание централизованного управления с необходимой полнотой прав местных органов, с всемерным развитием инициативы на местах, с широким развертыванием активности масс. Постоянно разъясняя и подчеркивая коренное отличие демократического централизма, с одной стороны, от централизма бюрократического, и с другой, — от анархизма, В. И. Ленин писал весной 1918 г.: «Наша задача теперь — провести именно демократический централизм в области хозяйства, обеспечить абсолютную стройность и единение в функционировании таких экономических предприятий, как железные дороги, почта, телеграф и прочие средства транспорта и т. п., а в то же самое время централизм, понятый в действительно демократическом смысле, предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели».[303] В нашей литературе хорошо показано, как Коммунистическая партия и Совет Народных Комиссаров в первые же месяцы Советской власти, преодолевая анархо-сипдикалистские тенденции руководства некоторых профессиональных союзов (железнодорожников, водников и др.), вели настойчивые поиски наиболее целесообразных форм руководства промышленностью и транспортом страны, упорно боролись за осуществление ленинского принципа демократического централизма в управлении народным хозяйством Республики Советов.[304] Чтобы убе-

---

А. К. Колесников. Ук. соч.; Н. Р. Андрухов. Партийное строительство после Октября. 1917—1924 гг. М., 1973.

[303] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 152.

[304] Подробнее см.: И. А. Гладков. В. И. Ленин — организатор социалистической экономики. М., 1960; П. Б. Жибарев. Ленинский принцип демократического централизма в управлении народным хозяйством. (1917—1920). — В кн.: В. И. Ленин и некоторые вопросы партийного и государственного строительства. М., 1960; Л. Е. Анкудинова. Национализация промышленности в СССР (1917—1920 гг.). Л., 1963; Б. П. Орлов. Развитие транспорта в СССР. М., 1963; В. З. Дробижев и А. Б. Медведев. Из истории совнархозов (1917—1918 гг.). М., 1964; К. И. Варламов и Н. А. Сламихин. Разоблачения В. И. Лениным теории и тактики «левых коммунистов» (ноябрь 1917—1918). М., 1964; В. З. Дробижев. Главный штаб социалистической промышленности. Очерки истории ВСНХ. 1917—1932. М., 1966; Д. С. Бабурин. Борьба за организацию государственного управления железнодорожного транспорта в первые годы диктатуры пролетариата. — Уч. зап. Московск. пед. инст. им. В. И. Ленина, кафедра истории КПСС. М., 1967; Р. М. Савицкая. Ук. соч.; С. Н. Канев. Борьба В. И. Ленина против анархизма в первые годы Советской власти. — Уч. зап. кафедр истории КПСС высших партийных школ, История КПСС, вып. 9. М., 1970; П. Ф. Метельков. Железнодорожники в революции. Февраль 1917—июнь 1918 гг. Л., 1970; Е. Д. Козочкина. Ленинский принцип демократического централизма в управлении промышленностью в действии. М., 1972 и др.

диться в том, какое большое значение придавал Председатель Совнаркома последовательному проведению в жизнь этого принципа, достаточно напомнить о принятой под его руководством весной и летом 1918 г. целой серии важнейших декретов и других актов Советской власти по принципиальным вопросам организации и управления деятельностью железнодорожного, водного и автомобильного транспорта, различными средствами связи, национализированными предприятиями и т. д.[305] Так впервые в теории и практике управленческой деятельности под непосредственным руководством В. И. Ленина было опровергнуто кажущееся противоречие между принципами демократизма и централизма, обосновано и, более того, реализовано в условиях пролетарской власти единство этих на первый взгляд противоположных принципов.

Выступив за установление в советской государственной и хозяйственной организации начал демократического централизма, В. И. Ленин вместе с тем убедительно доказал несостоятельность распространенного мнения о якобы взаимоисключающем характере принципов единоначалия и коллегиальности в управлении, обосновав кардинально важное положение о том, что для успешной управленческой деятельности необходимо уметь правильно сочетать элементы обоих этих принципов. Ленинская позиция в отношении этого аспекта государственного и хозяйственного руководства совершенно четко и определенно выражена, в частности, в следующем его рассуждении из относящегося к концу марта 1918 г. первоначального варианта текста известного труда «Очередные задачи Советской власти». «Недавно при обсуждении вопроса о реорганизации и о правильной постановке железнодорожного транспорта возник вопрос о том, — отметил тогда В. И. Ленин, — насколько единоличная распорядительная власть (власть, которую можно было бы назвать властью диктаторской) совместима с демократическими организациями вообще, с коллегиальным началом в управлении — в особенности, и — с советским социалистическим принципом организации — в частности. Несомненно, что очень распространенным является мнение... будто единоличная диктаторская власть несовместима ни с демократизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления. Нет ничего ошибочнее этого мнения.

...Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции. Но это нисколько не означает, чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя».[306]

---

[305] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 392, 481, 614—617; Декреты Советской власти, т. II, стр. 12—21, 24—28, 58—60, 106—110, 144—150, 165—167, 169—173, 195—198, 288—290, 307—312, 344—348, 365—367, 372—375 и мн. др.

[306] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 156—157.

Взгляды В. И. Ленина по вопросам партийного руководства, демократического централизма, соотношения коллегиальности и единоначалия в управлении, разработанный им целый ряд других ведущих организационно-политических и организационно-технических принципов построения и деятельности пролетарского государственного аппарата (научности управления, планирования, социалистической законности, участия трудящихся масс в управлении, главного звена в цепи решаемых задач и т. д.) не только легли, как известно, в основу социалистической теории управления, имеющей общее значение для всех стран, вставших на путь социалистического строительства,[307] но и определили главные, магистральные пути совершенствования госаппарата нового типа.[308]

Изучение материалов о деятельности Совета Народных Комиссаров за 1917—1918 гг. показывает, что почти на каждом его заседании рассматривались те или иные вопросы, связанные с укреплением и совершенствованием первого пролетарского государства. Изо дня в день Совнарком и его Председатель уделяли чрезвычайно большое внимание обеспечению четкого и слаженного функционирования всех звеньев пролетарского аппарата власти, неуклонно добивались всемерного улучшения его структуры, форм и методов работы. Уже в самые первые месяцы существования Советской власти был предпринят в этом направлении ряд шагов, в том числе и весьма существенных. Достаточно напомнить о собственноручно написанных В. И. Лениным упоминавшихся уже известных правилах «о том, как ставить вопросы на повестку», т. е. правилах подготовки и документирования заседаний Совнаркома, утвержденных 18 декабря 1917 г.[309] Вместе с другими многочисленными указаниями В. И. Ленина, решениями и постановлениями Советского правительства эта ленинская инструкция легла в основу повседневной деятельности СНК и Малого Совнаркома, явилась образцом для постановки работы коллегий народных комиссариатов и всех других органов советского государственного аппарата в центре и на местах. При этом необходимо отметить, что установленный под руководством В. И. Ленина твердый порядок работы Советского правительства не только самым существенным образом повлиял на всю практику деятельности центральных и местных органов советского аппарата управления, но также нашел свое непосредственное отражение в самой их организационной структуре. Так, вслед за образо-

---

[307] Ст. Ковалевски, Я. Лэнтовски, Я. Старосцяк. Вклад В. И. Ленина в науку о государственном управлении. — В кн.: В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве. М., 1969, стр. 225. Подробнее об основных принципах советского государственного управления см.: Научные основы государственного управления в СССР; В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом; А. К. Белых. Ленинские принципы управления социалистическим обществом. М., 1970; В. М. Шапко. Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства; Ю. В. Шабанов. Ук. соч., и др.

[308] Об этом см., например: Г. И. Петров. В. И. Ленин о путях совершенствования советского государственного аппарата. — Правоведение, 1971, № 1.

[309] Подробнее об этой ленинской инструкции см. стр. 177—178 настоящей книги.

ванием при Большом Совете Народных Комиссаров Малого Совнаркома соответствующие органы с аналогичной компетенцией (разумеется, в пределах полномочий своих учреждений) были созданы в ряде народных комиссариатов, а также местных Советов: Малая государственная комиссия в Наркомпросе, Малая коллегия в Наркомпроде, Малый Совет Народных Комиссаров в составе упраздненного впоследствии Московского областного Совнаркома.[310] Как видно, например, из Положения о Малой коллегии Народного комиссариата по продовольствию, образованной из председателя, двух постоянных членов и двух кандидатов, избиравшихся из состава Большой коллегии Наркомпрода, в компетенцию Малой коллегии входило рассмотрение и разрешение дел и вопросов по личному составу сотрудников, по финансовому и внутреннему управлению и, наконец, дел, передаваемых Большой коллегией.[311]

Одним из важнейших направлений совершенствования аппарата пролетарской власти Председатель Совнаркома с полным основанием считал необходимость осуществить четкое разграничение компетенции и ликвидацию параллелизма в работе советских государственных учреждений. Последовательному решению этой ответственной задачи, имевшей, понятно, особое значение в период становления и упрочения в 1917—1918 гг. в России социалистической государственности, был посвящен целый ряд специальных решений и постановлений Советской власти, и в первую очередь Совета Народных Комиссаров.

Как отмечалось ранее, уже 25 и 30 ноября 1917 г. Совнарком по предложению В. И. Ленина принял два особых постановления, направленных на сосредоточение в руках народных комиссариатов всей полноты власти в соответствующих областях государственного управления, предложив для этого всем комиссариатам принять у Петроградского ВРК «все касающиеся их ведомств дела».[312] В связи с выдвинутым 15 декабря 1917 г. коллегией Наркомвнудела вопросом о параллельном существовании в его составе и составе ВЦИК органов, выполняющих аналогичные функции,[313] 21 декабря Президиум ВЦИК, рассмотрев вопрос о слиянии работ отделов Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, признал в принципе «желательность слияния однородных работ отделов Ц. И. К. и всех народных комиссариатов».[314] В соответствии с этим решением по мере налаживания деятельности народных комиссариатов передавали им и в дальнейшем свои функции имевшиеся в составе аппарата ВЦИК различные отделы по контролю и общему руководству отдельными отраслями государственной жизни страны — Национальный (по местному самоопределению), Агитационный, Экономический,

---

[310] См.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 353, л. 30; ЦГАНХ СССР, ф. 1943, оп. 1, № 33, лл. 80—81 об., 89 и др.; № 35, лл. 2—3 и далее; ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, № 37, лл. 1, 3, 7 об., 20 и др.

[311] ЦГАНХ СССР, ф. 1943, оп. 1, № 82, л. 1—1 об.

[312] См. об этом стр. 97—98 настоящей книги.

[313] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 1, № 6а, л. 10.

[314] Там же, ф. 1235, оп. 32, № 10, лл. 10 об., 13.

Иногородний, Военный, Юридический, Отдел борьбы с контрреволюцией. «Комиссариат Внутренних дел доводит до сведения всех Советов, — сообщалось в связи с этим, например, в циркулярной телеграмме заместителя наркома НКВД М. Я. Лациса всем губсовдепам от 20 марта 1918 г. за № 1911, — что Иногородний и Агитационный отделы ЦИК слились с Комиссариатом. Почему по всем вопросам, связанными раньше с этими отделами, обращаться непосредственно в Комвнудел».[315]

К этому же времени, к 21 декабря 1917 г., относится внесенное вторично предложение двух членов Совнаркома М. Т. Елизарова и В. В. Оболенского рассмотреть в связи с решением ВСНХ о принятии в казну Копорской железной дороги принципиальный вопрос о соотношении между ВСНХ и комиссариатом путей сообщения.[316] 9 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров поручил В. И. Ленину при участии отдельных членов правительства детально ознакомиться с деятельностью всех ведомств, подчеркнув, что начать это обследование следует с ВСНХ.[317] Через 10 дней, 19 января (1 февраля) на заседании Советского правительства были специально заслушаны доклад председателя ВСНХ В. В. Оболенского о деятельности ВСНХ и содоклад на ту же тему Ю. Ларина. Обсуждение этого вопроса, развернувшееся главным образом «по поводу параллельной работы во всех ведомствах, затрудняющей планомерное ведение народного хозяйства», показало необходимость устранения такого параллелизма, в связи с чем Совнарком постановил: «принять соответствующий декрет» (для инструктирования ведомств).[318] Подготовленный докладчиками проект соответствующего документа — циркуляра о взаимоотношениях наркоматов и ВСНХ — после исправления его текста с учетом замечаний и дополнений В. И. Ленина 21 января 1918 г. был разослан во все центральные советские учреждения.[319] «1. Ни одно ведомство, — подчеркивалось, в частности, в циркуляре СНК, — не вправе учреждать и преобразовывать какие-либо организации, регулирующие хозяйство, без ведома и согласия Высшего Совета Народного Хозяйства. Все учреждения и организации, регулирующие хозяйственную жизнь, в каком бы ведомстве они не состояли, должны немедленно войти в контакт с ВСНХ и в случае трений или конфликтов вносить вопрос в СНК.

2. Ни одно общее постановление, нормирующее хозяйственную жизнь страны, не может быть издано отдельными комиссариатами без ведома и согласия Высшего Совета Народного Хозяйства».[320] Как видим, циркуляр Совета Народных Комиссаров совершенно четко определил ведущее место ВСНХ в непосредственном руководстве хозяйственной жизнью страны.

---

[315] Там же, ф. 393, оп. 2, № 7, л. 60. Подробнее см.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 181—188.
[316] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2187, л. 4.
[317] Там же, ф. 19, оп. 1, № 44, л. 2 об.
[318] Там же, № 51, л. 2.
[319] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 352, лл. 5—5 об. и др.
[320] Ленинский сборник, XXI, стр. 122—123.

Принципиально важное значение имела вместе с тем ленинская правка заключительной части 1-го его пункта: взамен первоначального текста «и подчиниться его (ВСНХ, — *М. И.*) руководству» В. И. Ленин, подчеркнув руководящую роль Совнаркома в решении всех, в том числе и любых народнохозяйственных вопросов управления, приписал — «и в случае трений или конфликтов вносить вопрос в СНК». Наряду с этим 4-й пункт циркуляра СНК устанавливал, что в свою очередь ВСНХ не может принять ни одного постановления, нарушающего или изменяющего компетенцию или функцию учреждений, состоящих в ведении какого-либо комиссариата, без предварительного извещения об этом соответствующего комиссариата, который в недельный срок обязан был представить свое заключение о такого рода проекте ВСНХ.[321]

Но, пожалуй, именно весной, точнее в апреле и мае 1918 г., когда, как уже отмечалось, задача организации управления страной на новых социалистических началах выдвинулась на первый план, интересующим нас вопросам было уделено особенно большое внимание со стороны Совета Народных Комиссаров и его Председателя В. И. Ленина.

Рассмотрев на своем заседании 1 апреля 1918 г. вставший вновь вопрос о принятии мер борьбы с параллелизмом в учреждениях, СНК принял проект, предложенный наркомом земледелия А. Л. Колегаевым, и обязал подпиской всех народных комиссаров привести его в исполнение.[322] Судя по другим материалам СНК, можно с достаточной уверенностью полагать, что для реализации данного решения было намечено создать особую комиссию по борьбе с параллелизмом учреждений.[323] Примерно через месяц, 3 мая 1918 г., Советское правительство, заслушав сообщение Н. П. Горбунова об избрании комиссии для систематизирования сведений о назначении и функциях отделов и отделений народных комиссариатов, постановило образовать такую комиссию из представителей комиссариатов юстиции, труда, ВСНХ и наркома почт и телеграфов В. Н. Подбельского. Комиссии, организация которой возлагалась на В. Н. Подбельского, было поручено выяснить в точности случаи совпадения отделов и подготовить декрет о слиянии и согласовании работ тех ведомств, которые имели одинаковые по своему назначению отделы.[324] И хотя в дальнейшем на основе собранных этой комиссией при содействии рабочего аппарата Совнаркома довольно обширных материалов[325] какой-то единый правительственный акт, по-видимому, издан не был, в полном соответствии с указанными выше решениями Совет Народных Комиссаров с еще большей настойчивостью стал проводить в жизнь принцип демократического централизма в управлении, руководить устранением несогласованности и параллелизма в работе советских государственных и хозяйственных органов. Достаточно указать (помимо отмеченных уже раньше) на такие,

---

[321] См.: там же, стр. 123—124; Л. Е. Анкудинова. Ук. соч., стр. 82, 83.
[322] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 216.
[323] Там же, № 56, л. 74.
[324] Там же, № 1, лл. 353, 354.
[325] См. об этом стр. 332—333 настоящей книги.

например, декреты и постановления Советской власти, как предписание Председателя СНК В. И. Ленина всем Советам о правах Главного комитета по кожевенным делам и о демократизации его местных органов от 6 апреля 1918 г.; декрет СНК об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам от 8 апреля; декрет СНК о передаче в ведение и управление Народного комиссариата финансов фабрично-заводских предприятий, организованных Всероссийским земским союзом, Всероссийским союзом городов и Российским обществом Красного Креста от 13 апреля; предписание Председателя СНК В. И. Ленина губернским и областным Советам о недопущении вмешательства местных железнодорожных комитетов во внутренний распорядок местных органов Государственного контроля от 15 апреля; Положение о междуведомственной Комиссии по смешанным железнодорожно-водным перевозкам от 23 апреля; декрет СНК об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев от 23 апреля; декрет СНК о сосредоточении руководства социальным обеспечением увечных воинов в Народном комиссариате социального обеспечения и его отделах при Советах от 26 апреля; декрет СНК о переходе Отдела по организации посевной площади Наркомпрода в ведение Наркомзема от 2 мая; постановление СНК о передаче всех химических и химико-фармацевтических заводов, находящихся в заведывании Главного управления неокладных сборов, в ведение Отдела химической промышленности ВСНХ от 2 мая; постановление СНК о передаче дела распределения рельсов и всех укладочных материалов в ведение Народного комиссариата путей сообщения от 2 мая; декрет СНК об учреждении Главного нефтяного комитета от 17 мая; декрет СНК об объединении учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств в ведомстве Народного комиссариата по просвещению от 30 мая; декрет об учреждении Народного комиссариата здравоохранения от 11 июля; положение о Наркомздраве от 18 июля; постановление о слиянии Народного комиссариата имуществ Республики с Народным комиссариатом просвещения от 11 июля и т. д.[326]

Ярким примером настойчивой борьбы Совета Народных Комиссаров и его Председателя за обеспечение единства политического и экономического руководства страной, против беспорядка, параллелизма и узковедомственного подхода к решению народнохозяйственных задач является, в частности, позиция Советского правительства по принципиальному вопросу об уточнении весной—летом 1918 г. компетенции Высшего Совета народного хозяйства. Ускорение в период «мирной передышки» темпов социалистического строительства, усложнение задач руководства экономикой (особенно в области продовольствия и путей сообщения) и повышение в связи с этим роли таких народных комиссариатов, как Наркомпрод, НКПС, Наркомзем и др., потребовали пересмотра распространенной ра-

[326] См.: Декреты Советской власти, т. II, стр. 61, 62, 63—70, 100, 101, 105, 106, 163—165, 165—167, 182, 183, 212—216, 222, 223, 282, 283, 357—359 и др.; т. III, стр. 3—5, 52—56, 545 и др.

нее точки зрения на ВСНХ как общехозяйственный наркомат. Между тем в проекте положения о ВСНХ, подготовленном на первом Всероссийском съезде СНХ в мае 1918 г. и представленном 27 июня Президиумом ВСНХ на утверждение Совнаркома, Высший Совет Народного Хозяйства был объявлен «высшим хозяйственным учреждением» республики, в соответствующие отделы которого должны были влиться аппараты всех хозяйственных наркоматов страны.[327] В. И. Ленин решительно выступил против такой принципиально неверной и на деле узковедомственной, не учитывающей общегосударственные интересы, позиции. На заседании СНК 2 июля было постановлено коренным образом переделать проект. В состав специально образованной для этой цели комиссии Совнаркома должен был войти представитель Президиума ВСНХ В. П. Милютин. Последний, однако, в соответствии с решением Президиума ВСНХ отказался от участия в работе комиссии ввиду того, что новый проект было предложено выработать на основах, противоположных тем, которые изложены в проекте съезда СНХ. 17 июля СНК объявил выговор Президиуму ВСНХ «за совершенно недопустимое отношение к постановлению Совета Народных Комиссаров» и вторично предложил направить представителя в комиссию. 8 августа 1918 г. Советское правительство под председательством В. И. Ленина утвердило положение о Высшем Совете Народного Хозяйства, в котором было официально закреплено существовавшее фактически положение: ВСНХ превращался в Комиссариат промышленности.[328]

Наряду с последовательным проведением в жизнь принципа демократического централизма для успешного руководства строительством социально-экономических основ нового строя исключительное значение имело также, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, обеспечение правильной и четкой внутренней организации деятельности аппарата управления. «Надо *продумать*, — указывал он, в частности, в труде „Очередные задачи Советской власти“, — что для успешного управления необходимо, *кроме* уменья убедить, кроме уменья победить в гражданской войне, уменье *практически организовать*».[329] «Для меня только ясно одно, — говорил Председатель Совнаркома в речи по финансовому вопросу на заседании ВЦИК 18 апреля 1918 г., — что даже самый лучший план в настоящее время в области финансовой, самый лучший план — сейчас невозможно выполнить, потому что фактически у нас не организован тот аппарат, который выполнит этот финансовый план».[330] «...наш способ борьбы, — вновь подчеркивал В. И. Ленин, выступая на V Всероссийском съезде Советов, — это организация. Мы должны все организовать...».[331] Неудивительно, что с первых же месяцев существо-

---

[327] Труды I съезда СНХ. М., 1918, стр. 486—487.

[328] См.: Декреты Советской власти, т. III, стр. 188—190; В. З. Дробижев. Главный штаб социалистической промышленности, стр. 185—186.

[329] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 173.

[330] Там же, стр. 226.

[331] Там же, стр. 502.

вания пролетарской власти руководимый В. И. Лениным Совнарком постоянно уделял особое внимание этой стороне работы советского государственного аппарата в целом и важнейших его органов. Так, на заседании 23 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял специальное решение «сделать т. Оболенскому, как председателю Совета народного хозяйства, заявление о том, что СНХ должен немедленно превратить себя из органа дискуссионного в орган практически управляющий промышленностью».[332] 20 января 1918 г. Совнарком, утвердив персональный состав коллегии Народного комиссариата по финансовым делам во главе с В. Р. Менжинским, одновременно достаточно подробно определил и порядок деятельности финансовой коллегии. «Все проекты, — говорилось в постановлении СНК, — вносятся в Совет Народных Комиссаров исключительно через финансовую коллегию и только в случае экстренной надобности три члена комиссариата, один из них обязательно должен быть народный комиссар по делам финансов, могут внести какой-нибудь законопроект в Совет Народных Комиссаров, но с обязательством доложить о нем на первом заседании комиссариату по делам финансов. Представители различных отделов вносят свои отчеты в заседание коллегии: народный комиссариат по финансовым делам имеет право принимать всякие проекты и проводить в жизнь всякие мероприятия, поскольку они не противоречат постановлениям Высшего совета народного хозяйства».[333]

И в дальнейшем Большой Совнарком, а также и его постоянная комиссия — Малый СНК неоднократно рассматривали и решали на своих заседаниях разнообразные вопросы, связанные с внутренней организацией и порядком деятельности народных комиссариатов, их коллегий и представителей в Советском правительстве. Так, рассмотрев 18 мая 1918 г. выдвинутый лично В. И. Лениным вопрос о желательности сокращения числа представителей советских организаций, делегируемых для участия в обсуждении вопросов в Совнаркоме, Совет Народных Комиссаров постановил: «признавая в принципе необходимым участие в обсуждении выдвигаемых вопросов представителей от советских организаций, заинтересованных в том или другом решении их, предложить соответствующим комиссариатам каждый раз определять необходимый минимум таких представителей по возможности не более трех, с тем чтобы каждая точка зрения была представлена».[334] На заседании 23 июля Совнарком принял важное постановление о праве народных комиссариатов самостоятельно разрешать вопросы, касающиеся их внутренней организации.[335] Обсудив 8 августа заявление А. В. Галкина о по-

---

[332] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 2, л. 54 об.

[333] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 52, л. 9.

[334] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 406—407.

[335] См.: Декреты Советской власти, т. III, стр. 83, 84. — Небезынтересно отметить, что впервые, по-видимому, вопрос «о праве отдельных народных комиссариатов издавать „декреты“ по своим ведомствам без обсуждения и утверждения их Советом (т. е. Совнаркомом, — *М. И.*)» стоял 8-м пунктом в повестке заседания СНК на 4 декабря 1917 г., но так и не был тогда рассмотрен.

ложении дел в Государственном контроле, Малый Совнарком постановил подтвердить, что в этом народном комиссариате «должна созываться на общих основаниях коллегия, а о принятых единолично народным комиссаром решениях последний должен доводить до сведения членов коллегии (согласно Конституции)».[336] Установлению должного порядка и правильной организации работы советских государственных учреждений существенно способствовало также издание Советским правительством на протяжении весны и лета 1918 г. целого ряда других декретов и постановлений в этой области: как многочисленных актов о вновь созданных или реорганизованных в это время различных советских и хозяйственных органах,[337] так и особой группы декретов, специально направленных на упорядочение работы советских служащих в целом, таких как, например, декрет о порядке выплаты жалованья служащим в учреждениях Советской республики от 30 марта и аналогичное постановление от 30 апреля,[338] временные правила об отпусках от 14 июня; декреты — об оплате труда служащих и рабочих в советских учреждениях от 27 июня; о запрещении доступа посторонним лицам в помещения, занимаемые правительственными учреждениями от 17 июля; о недопустимости совместной службы родственников в советских учреждениях от 27 июля; постановления — об отстранении от службы в советских учреждениях лиц, заявивших о выходе из гражданства РСФСР, от 3 сентября, и о запрещении выдачи бывшим чиновникам каких-либо документов о движении по службе до революции от 19 сентября, и т. д.[339]

Необходимым условием успешной управленческой деятельности В. И. Ленин считал также обеспечение четкой координации в работе советских органов и их систематической взаимной информации о проделанной работе и принятых решениях. Как мы уже видели, чрезвычайно показательной в этом плане является установившаяся под руководством В. И. Ленина сразу же после победы Октября практика постоянной деловой связи и неизменной согласованности в действиях Советского правительства и ВЦИК Советов и его Президиума во главе с Я. М. Свердловым — и в области издания советских декретов, и в иной повседневной государственной деятельности.[340] На заседании Совета Народных Ко-

---

[336] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 3, л. 74 об.

[337] См., например: Декреты Советской власти, т. II, стр. 12—21, 24—28, 31—33, 106—110, 140—143, 144—150, 163—165, 165—167, 195—198, 224, 225, 231—234, 245—249 и мн. др.

[338] Еще раньше, в результате деятельности образованных Совнаркомом уже 19 ноября 1917 г. двух специальных комиссий из представителей всех наркоматов, профсоюзов и Петроградского Совета, а также обсуждения одной из ключевых проблем рациональной организации структуры нового аппарата управления — вопроса о штатах и тарифах — на заседаниях СНК 24 ноября, 9 и 11 декабря 1917 г. были коллективно разработаны ставки оплаты труда служащих советских правительственных учреждений (см.: Л. Н. Качалина. Научная организация управленческого труда — оргпроектирование. М., 1973, стр. 94, 95).

[339] См.: Декреты Советской власти, т. II, стр. 34, 35, 181, 182, 431—435, 488—494; т. III, стр. 44, 45, 104—106, 285, 359, 360 и др.

[340] См. об этом, в частности, стр. 56, 57, 248, 249 настоящей книги.

миссаров от 18 февраля 1918 г., проходившем под председательством В. И. Ленина, по доложенному Я. М. Свердловым вопросу о направлении копий со всех протоколов заседаний Совнаркома и всех проектов декретов, как разработанных отдельными комиссариатами, так и вносимых в Совнарком, в Президиум ЦИК, было решено «принять к сведению и исполнению как народным комиссарам, так и Управлению делами».[341] Это постановление в дальнейшем строго выполнялось: почти в каждом из листков исполнения к протоколам СНК рассматриваемого периода можно прочитать запись, аналогичную 4-му пункту листка исполнения к протоколу заседания СНК № 98 от 18 апреля 1918 г.: «4. Копия протокола послана тов. Свердлову за № 1671».[342] Со своей стороны Председатель Совнаркома не только принимал в необходимых случаях активное участие в работе ВЦИК и его Президиума, но и постоянно просматривал стенограммы заседаний этих органов и другие их материалы. «Настоящим просим, — говорилось в связи с этим в письме, поступившем 3 августа 1918 г. в Управление делами СНК из ВЦИК, — о возврате в Распорядительный отдел ВЦИК стенограммы заседания от 29 июля 1918 г., находящейся на просмотре у тов. Ленина».[343] В этих же целях для обеспечения четкой координации и взаимной осведомленности советских правительственных учреждений в соответствии со столь же строго соблюдавшимся в дальнейшем[344] постановлением Большого Совнаркома от 16 мая 1918 г. протоколы его заседаний воспроизводились на машинке в количестве, достаточном для выдачи членам Советского правительства, и выдавались каждому народному комиссару под его личную расписку и личную ответственность,[345] а решением Малого СНК от 24 августа 1918 г. все советские учреждения обязывались регулярно рассылать издающиеся ими периодические издания во все отделы народных комиссариатов и других центральных и соответствующих местных учреждений.[346]

По мере налаживания работы всех звеньев пролетарского государственного механизма В. И. Ленин все большее значение придавал изучению практического опыта управления, овладению новыми проверенными в деле социалистического строительства формами и методами руководства, привлечения к организаторской и практической работе лучших представителей рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции. 14 мая 1918 г. Совнарком под председательством В. И. Ленина постановил провести специальное заседание Советского правительства «для обмена мнениями в интересах объединения практической политики комиссариатов».[347] В связи с этим решением уже 22 мая в Совнарком поступило следующее достаточно красноречивое письмо за подписью

---

[341] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 130—131.
[342] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 98, л. 29.
[343] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 72, ч. 1, л. 333.
[344] См., например: там же, оп. 2, № 197, л. 121; № 361, л. 14.
[345] Там же, № 1, л. 395.
[346] Там же, № 3, л. 92.
[347] Там же, № 1, л. 389.

секретаря ВЦИК В. А. Аванесова. «Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет просит, — говорилось в письме, — о назначении заседаний, имеющих целью взаимное информирование о практической политике, а также подобных им заседаний, не в дни заседаний ЦИК; кроме того, просит также доводить об них до сведения Президиума ЦИК, давая этим возможность и членам Президиума присутствовать на этих заседаниях».[348]

В условиях принятого ЦК РКП(б) и СНК весной 1918 г. курса на развертывание строительства социально-экономических основ социалистического строя особую важность приобретало правильное решение многочисленных и разнообразных проблем хозяйственной жизни страны. Именно поэтому, как уже отмечалось, 22 мая Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина принял, в частности, специальное постановление рассматривать три раза в неделю (по понедельникам, средам и пятницам) преимущественно экономические вопросы.[349]

Параллельно с этим в соответствии со сделанным В. И. Лениным в труде «Очередные задачи Советской власти» выводом, что для полной победы Советского типа государства недостаточно его «учредить и ввести во всех концах страны, а необходимо еще практически наладить и проверять на регулярной, повседневной работе управления»,[350] Совет Народных Комиссаров предпринял новые шаги, направленные на дальнейшее улучшение организационно-практической работы пролетарского государственного аппарата. Рассмотрев 23 мая 1918 г. заявление управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевича о жалобах на бюрократические порядки в канцеляриях народных комиссариатов, поступающих к нему от посетителей, Советское правительство постановило, не вменяя народным комиссарам в обязанность лично производить приемы посетителей, предложить им: 1) принять меры к упорядочению приемов в своих комиссариатах, 2) установить часы приема отдельно для представителей учреждений и отдельно для частных лиц и 3) сообщить немедленно в Управление делами Совета Народных Комиссаров ежедневные часы приема. Одновременно Совнарком решил поставить в одно из ближайших заседаний вопрос о некоторых недостатках существующей системы управления и мерах к устранению их. Сделать доклад было поручено Управлению делами СНК.[351] Как видно из протоколов Совнаркома, заседание Советского правительства, на котором произошел обмен мнениями по практическим вопросам управления, состоялось под председательством В. И. Ленина, в частности, 5 июня 1918 г.[352] Немного позднее, на заседании Комиссии при СНК 22 августа, был специально рассмотрен вопрос об упорядочении делопроизводства в Управлении делами правительства. В принятом по данному вопросу постановлении Малого СНК

[348] Там же, № 72, ч. 1, л. 170.
[349] Там же, № 1, л. 417.
[350] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 278.
[351] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 423.
[352] См.: там же, № 2, лл. 4, 9—12.

говорилось: «Предложить Управлению делами СНК совместно с ответственными сотрудниками секретариата выработать штаты сотрудников Управления делами СНК в соответствии с нуждами его. Просить Центральный Комитет партии коммунистов принять меры для пополнения штата Управления делами СНК партийными работниками...».[353]

Укажем еще несколько принятых и опубликованных только на протяжении января—августа 1918 г. постановлений Советского правительства, которые говорят о неослабевшем и в это напряженное время внимании Совета Народных Комиссаров и его Председателя к различным организационно-практическим вопросам, связанным с совершенствованием деятельности советского аппарата управления и, в частности, с установлением новой единой системы делопроизводства во всех советских учреждениях. Это подписанное В. И. Лениным постановление Совнаркома о форме бланков государственных учреждений от 2 марта 1918 г. и инструкция о порядке выдачи справок от 26 апреля 1918 г., а также постановления СНК о недопустимости употребления в подписях несуществующей по Конституции должности товарища народного комиссара от 22 июля 1918 г. и, наконец, о воспрещении советским учреждениям употреблять печати с изображением старого герба от 3 августа 1918 г.[354] Об имевших место уже весной 1918 г. поисках наиболее удачных и целесообразных форм единой системы делопроизводства в советских учреждениях, о личном внимании Председателя СНК В. И. Ленина к этой стороне работы советского государственного аппарата и вообще к научной организации управленческого труда свидетельствуют также поступившие в Совнарком в апреле 1918 г. докладные записки помощника заведующего отделом электротехнической промышленности ВСНХ К. С. Финкеля[355] и ряд других отложившихся в архивах материалов. Приведем лишь два примера, связанные с деятельностью центральных хозяйственных органов, которые наглядно показывают, как на протяжении всего рассматриваемого периода руководимый В. И. Лениным Совнарком тщательно контролировал и постоянно требовал правильной постановки и ведения дел в советских учреждениях. Так, рассмотрев 30 апреля 1918 г. вопрос о субсидировании Комитету государственных сооружений и общественных работ при ВСНХ финансовых средств для производства работ в Казани, Совет Народных Комиссаров поручил Управлению делами СНК «запросить письменно Высший Совет Народного Хозяйства, когда у него будет такой порядок, что передача бумаг из одного отдела ВСНХ в другой не будет производиться через Совнарком».[356] В другом случае, обсудив 23 сентября 1918 г. вопрос о неаккуратности посещения заседаний «Пятерки» (Комиссии по товарообмену с Украиной), Советское правительство,

---

[353] Там же, № 3, л. 88 об.

[354] Декреты Советской власти, т. I, стр. 514, 515; т. II, стр. 585, 586; т. III, стр. 81, 167; Ленинский сборник, XXXV, стр. 33.

[355] Подробнее см.: М. П. Ирошников. К начальной истории советского делопроизводства. — Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971.

[356] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 329.

в частности, поручило М. Г. Бронскому, Г. И. Ломову и Л. Б. Красину представить доклад о более правильной постановке дела во всех учреждениях, ведающих товарообменом.[357]

Еще одно важное направление совершенствования советского аппарата управления состояло в последовательном проведении в жизнь идей и указаний В. И. Ленина о революционной законности и социалистическом контроле. Ленинская концепция организации контроля за пролетарскими органами управления исходит, как известно, из принципиально иной роли, которую они играют в социалистическом государстве по сравнению с любым государством буржуазного типа. При существенном изменении принципов, системы и методов контроля за органами управления и первостепенном значении, которое вообще приобретает институт контроля для самого существования и развития социалистического государства, теперь, в условиях нового общественного строя, кроме «традиционного» контроля за соблюдением законности возникает не менее ответственная задача контроля за фактическим выполнением заданий, возложенных на административные органы государства. Вот почему центральное место в ленинской концепции контроля за аппаратом управления в социалистическом государстве занимают вопросы обеспечения действенности и гармоничного сочетания обеих отмеченных выше сторон контроля, — как за практической политикой органов управления, так и за законностью их деятельности.[358]

За последние годы по этой сложной и многоплановой проблеме в нашей литературе опубликован ряд серьезных исследований, широко освещающих ленинское учение о советском партийно-государственном контроле и социалистической законности, роль В. И. Ленина как организатора социалистического контроля и создателя социалистической законности.[359] Поэтому в дальнейшем будет, по-видимому, целесообразно обратить внимание лишь на некоторые малоизвестные или недостаточно используемые в литературе материалы, которые, однако, весьма показательны и представляют большой интерес для характеристики проведенной Председателем Совнаркома уже в 1917—1918 гг. огромной практической ра-

---

[357] Там же, № 2, л. 257.

[358] См.: С. Ковалевски, Я. Лэнтовски, Я. Старосцяк. Ук. соч., стр. 232, 233. — «Если же сегодня мы разграничиваем две задачи контроля за органами управления, — справедливо отмечают далее эти авторы, — то мы делаем это только ввиду разнообразия применяемых средств, которые направлены или на проверку соблюдения законности в деятельности органов управления, или же прежде всего на контроль за эффективностью их деятельности» (там же, стр. 234).

[359] См.: Ленинская система партийно-государственного контроля и его роль в строительстве социализма. Под ред. И. Г. Рябцева, А. Ф. Юденкова и К. В. Гусева. М., 1965; В. М. Шапко. 1) В. И. Ленин — создатель социалистической законности. М., 1965; 2) Обоснование В. И. Лениным принципов государственного руководства. М., 1968; В. И. Ленин о демократии и законности. М., 1970; Н. А. Воскресенская. В. И. Ленин — организатор социалистического контроля. М., 1970; Ленинское учение о демократии и законности и его значение для современности. Под ред. Д. А. Керимова, М. П. Лебедева и А. В. Мицкевича. М., 1973, и др.

боты, непосредственно связанной с организацией социалистического контроля и укреплением советской законности именно в деятельности пролетарского аппарата управления.

С первых месяцев существования пролетарского государства В. И. Ленин неуклонно добивался строгого соблюдения социалистической законности всеми советскими учреждениями и должностными лицами. Уместно напомнить о посланной главой Советского правительства в апреле 1918 г. председателю Архангельского губисполкома следующей телеграмме: «Нарком Цюрупа представил мне Вашу телеграмму ему от 21.IV. № 1192, в которой Вы называете нелепым распоряжение центральной Советской власти.

Я объявляю Вам официально выговор за это и заявляю, что если Вы не возьмете обратно столь недопустимого выражения, то я подниму вопрос о предании Вас суду, ибо если мы добросовестно учим дисциплине рабочих и крестьян, то мы обязаны начать с самих себя».[360] В другом случае, в направленном Московской радиотелеграфной станции отношении Управления делами Совнаркома от 10 июля 1918 г., в частности, говорилось: «По личному указанию Председателя Совета Народных Комиссаров Управление делами СНК уведомляет, что декрет о мобилизации должен быть выполнен на совершенно точном основании его во всей строгости».[361] Неизменно подчеркивая безусловную обязательность точного исполнения постановлений и распоряжений Советской власти,[362] В. И. Ленин внимательно следил за соблюдением государственной дисциплины, требовал строго взыскивать с тех, кто пытался нарушить революционное законодательство, установленный в работе советского государственного аппарата порядок. 4 мая 1918 г. он пишет специальное предписание народному комиссару юстиции Д. И. Курскому о необходимости «*тотчас,* с демонстративной быстротой, внести законопроект» о наказании за взяточничество.[363] Разработанный по требованию В. И. Ленина проект соответствующего декрета был вскоре подготовлен, отредактирован Председателем СНК и уже 8 мая 1918 г. утвержден Советским правительством.[364] Несколько позднее, 12 июля 1918 г., рассмотрев сообщение о том, что многие правительственные учреждения, пользуясь церковными праздниками и вопреки распоряжениям Народного комиссариата труда, устраивают себе неприсутственные дни, что вносит дезорганизацию в общую работу, Совет Народных Комиссаров под председа-

---

[360] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 62—63.

[361] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 64а, л. 193.

[362] В одном из постановлений СНК, принятых на заседании Советского правительства под председательством В. И. Ленина 15 августа 1918 г., совершенно прямо указывалось: «...объявить, что декреты Совета Народных Комиссаров обязательны для всех жителей Советской Республики» (см.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 22, л. 56).

[363] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 70.

[364] Ленинский сборник, XXI, стр. 224; **Декреты Советской власти, т. II,** стр. 240—242.

тельством В. И. Ленина поручил заместителю наркома труда В. П. Ногину расследовать это дело и привлечь виновных к обязательной ответственности.[365]

Особый интерес представляет постановление Совнаркома от 25 июня 1918 г., принятое в порядке дополнения к пункту 2 утвержденного на этом заседании протокола Комиссии при СНК от 22 июня: Народному комиссариату государственного контроля было поручено выработать и представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров проект постановления о мерах борьбы со случаями неисполнения служащими в правительственных учреждениях своих прямых обязанностей и уклонения их от исполнения постановлений правительства.[366] Среди материалов Совнаркома, относящихся к лету 1918 г., сохранился проект одного любопытного документа, озаглавленного «Формула торжественного обещания для всех служащих Советских установлений» и, возможно, связанного с приведенным выше постановлением СНК. Как видно из текста проекта, принимавший на себя «звание работника Правительственных Советских установлений» гражданин РСФСР должен был дать торжественное обещание «носить это звание с честью», добросовестно изучать порученное ему дело, охранять народное имущество от порчи и расхищения, «строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину», «воздерживаться сам и удерживать товарищей от всяких поступков, порочащих и унижающих достоинство гражданина Советской республики, и все свои действия и мысли направлять к великой цели освобождения всех трудящихся».[367] Но, пожалуй, еще более прямое отношение к постановлению СНК от 25 июня имеют другие материалы, хранящиеся в фонде Народного комиссариата государственного контроля ЦГАОР СССР. На их основании можно полагать, что в соответствии с данным постановлением Советского правительства в Госконтроле и были, вероятно, подготовлены две редакции проекта специального декрета под следующими заголовками: «Об установлении порядка и правил Государственного контроля за применением и выполнением законодательных актов Центральной Советской власти»[368] и «Об утверждении законности в деятельности учреждений РСФСР».[369] И хотя в рассматриваемый период соответствующий декрет, по-видимому, так и не был издан в окончательном виде, указанные материалы достаточно определенно свидетельствуют об очевидном стремлении ленинского Совнаркома, используя аппараты Народных комиссариатов государственного контроля и юстиции, уже летом 1918 г. наладить и утвердить четкий и действенный контроль как за фактической стороной деятельности советских учреждений, так и за соблюдением строгой законности во всей их работе.

---

[365] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 108.
[366] Там же, л. 66.
[367] Там же, № 148, л. 4.
[368] Там же, ф. 4390, оп. 2, № 30, лл. 1—2 об.
[369] Там же, оп. 1, № 2, л. 162.

Осуществляя в первые годы Советской власти руководство строительством основ социалистического контроля в стране,[370] В. И. Ленин в своей повседневной работе Председателя Совнаркома вместе с тем много внимания уделял разнообразным формам контроля за практической деятельностью советских государственных учреждений и их руководящих работников. Как известно, народные комиссары и другие ответственные руководители самых различных советских государственных учреждений и ведомств обязаны были систематически докладывать Председателю СНК о проделанной работе, о ходе выполнения постановлений или других заданий правительства.[371] Достаточно напомнить о сделанном В. И. Лениным 8 декабря 1917 г. распоряжении одному из членов коллегии Наркомвоена В. А. Антонову-Овсеенко, направленному на юг страны для руководства военными операциями против калединских войск, «*ежедневно,* по прямому проводу (лично или через адъютанта) извещать Совет Народных Комиссаров о том, *кого* именно назначает он, или другие военные власти, *ответственными* лицами по распоряжению отдельными операциями, особенно по передвижению и сбору войск и по командованию».[372] 26 марта 1918 г. Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина принял специальное постановление, направленное на установление особого контроля за деятельностью советских учреждений в области финансов. Всем народным комиссариатам было предложено в недельный срок представить в Совнарком графическое изображение своей организации в той ее части, которая прямо и непосредственно ответственна за расходование денежных средств. При этом к графической таблице должен был быть приложен полный список фамилий и адресов всех лиц, ответственных за учреждения, оперирующие денежными суммами на разных ступенях ведомственной иерархии.[373] Ограничимся еще лишь одним примером. Рассмотрев на заседании 17 июля 1918 г. проект декрета о железнодорожной охране, Совет Народных Комиссаров одновременно с утверждением проекта и поручением

---

[370] См.: Г. А. Дорохова. Рабоче-Крестьянская инспекция в 1920—1923 гг. М., 1959; С. Н. Иконников. 1) Организация и деятельность РКИ в 1920—1925 гг. М., 1960; 2) Создание и деятельность объединенных органов ЦКК—РКИ в 1923—1934 гг. М., 1971; Л. Ф. Морозов, В. П. Портнов. Органы ЦКК—НКРКИ в борьбе за совершенствование советского государственного аппарата (1923—1934 гг.). М., 1964; Ленинская система партийно-государственного контроля и его роль в строительстве социализма (1917—1932). М., 1965; К. В. Гусев. 1) Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР. М., 1965; 2) Из истории организации народного контроля в СССР. М., 1970; Н. А. Воскресенская. Ук. соч.; А. И. Чугунов. Органы социалистического контроля РСФСР. 1923—1934 гг. М., 1972, и др.

[371] Об этом см., например, воспоминания В. И. Невского, одного из руководителей Народного комиссариата путей сообщения в 1917—1918 гг. (Об Ильиче. Л., 1926, стр. 44—45); Встречи с Лениным. Воспоминания железнодорожников. М., 1962, стр. 79—80; Вопросы истории КПСС, 1963, № 4, стр. 12).

[372] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 17, 18.

[373] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, лл. 197—198. — В дальнейшем СНК дважды, 4 и 9 апреля 1918 г., рассматривал вопрос о ходе выполнения данного постановления (там же, лл. 227, 235).

В. И. Ленину утвердить упомянутую в декрете инструкцию предложил Народному комиссариату путей сообщения «через каждые две недели докладывать Совету Народных Комиссаров о фактическом состоянии железнодорожной охраны и ее деятельности».[374]

Для контроля за ходом работы или налаживания деятельности вновь создававшихся учреждений В. И. Ленин нередко направлял в эти ведомства своих представителей. «Исполняя Ваше предложение, — говорилось, в частности, в докладной записке члена партии с 1903 г. А. В. Эйдука Председателю Совнаркома от 26 апреля 1918 г., — считаю долгом сообщить Вам свои соображения относительно ожидаемого хода работ в Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. Вчера я присутствовал на первом заседании новой коллегии и вынес впечатление, что она работоспособна персонально, если только эти товарищи смогут действительно посвятить себя делу пленных и беженцев, не занимаясь никакими другими делами. Что же касается выделения Центральной коллегии в самостоятельную организацию ... то я считаю для дела более полезным эту Коллегию подчинить Народному комиссариату по военным делам...».[375] В необходимых случаях специальные уполномоченные Совнаркома проводили по поручению В. И. Ленина проверки и ревизии центральных и местных советских, военных и хозяйственных органов.[376]

В последовательном и постоянном осуществлении принципов социалистического контроля В. И. Ленин справедливо видел непременное условие успешной борьбы с недостатками и нарушениями в работе всех без исключения органов советского госаппарата. «По распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров, — сообщалось, например, в письме Управления делами СНК в Московский областной комиссариат юстиции от 14 июня 1918 г., — Управление делами Совета предлагает Вам срочно выслать дела Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией: 1) № 1573 Кондратовича-Григорьева (следователь Тагатнер), 2) Лапина, и вообще все дела этой Комиссии, где Вами замечены упущения или неправильности в деятельности агентов Комиссии, и осо-

---

[374] Там же, № 2, л. 126.

[375] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 113, л. 10. — Вскоре, 10 мая 1918 г. Совет Народных Комиссаров под руководством В. И. Ленина утвердил предложенный И. С. Уншлихтом новый состав Коллегии по делам военнопленных, одновременно предложив ей совместно с Наркомвоеном продолжить «в дальнейшем шаги к урегулированию отношений между ними» и представить затем обо всем этом доклад в СНК (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 1, л. 379).

[376] См., например: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 362, л. 48 [копия подписанного Председателем СНК полномочия члену Центральной коллегии Государственного контроля П. И. Пелевину на предмет ревизии, руководства и инструктирования учреждений Государственного контроля в Северных и Западной Сибири областях и губерниях от 25 апреля 1918 г.]; А. П. Кладт. С мандатом Ленина. — Вопросы истории, 1971, № 10 [о деятельности уполномоченного Совнаркома по производству ревизии всего военного хозяйства и местных советских учреждений РСФСР М. С. Кедрова].

бенно отдела Комиссии по борьбе со спекуляцией».[377] В этом же месяце, на заседании СНК 28 июня «в интересах развития деятельности Центротекстиля и правильного контроля над всей его деятельностью» было, в частности, принято постановление «1) предложить Комиссариату государственного контроля командировать одного из старших контролеров для постоянной работы в Центротекстиль».[378] 13 июля 1918 г. Совнарком утвердил постановление общего характера о предоставлении представителям Государственного контроля совещательного голоса на заседаниях всех комиссий, занимающихся расследованием хозяйственно-финансовых злоупотреблений.[379]

Как видим, на протяжении всего периода 1917—1918 гг. Совет Народных Комиссаров под руководством В. И. Ленина неизменно проводил политику последовательного осуществления социалистического контроля и укрепления советской законности, с полным основанием рассматривая работу в этой области как важнейший фактор совершенствования организации и функционирования всех звеньев советского государственного механизма. Определенным результатом непрекращавшейся напряженной работы ленинской мысли по вопросам совершенствования деятельности советского государственного аппарата явились подготовленный Председателем Совнаркома 2 ноября 1918 г. «Набросок тезисов постановления о точном соблюдении законов»,[380] одобренный ЦК РКП(б) и положенный в основу доклада наркома юстиции Д. И. Курского о революционной законности на VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов и соответствующего постановления съезда от 8 ноября,[381] а также написанная несколько позднее, в декабре 1918 г., известная статья В. И. Ленина «Набросок правил об управлении Советскими учреждениями».[382] Не располагая возможностью подробно остановиться на этих ленинских документах, представляющих огромный теоретический и практический интерес и имеющих свою собственную историографию, отметим только,

---

[377] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 149, л. 112. — Сохранился также ряд других материалов переписки Управления делами СНК с ВЧК и народными комиссариатами юстиции и государственного контроля, свидетельствующих о значительном внимании, которое уделял В. И. Ленин обеспечению принятия должных мер и правильных решений по многочисленным ходатайствам и обращениям организаций и частных лиц, поступавших «в порядке наблюдения... на имя Председателя Совета Народных Комиссаров» (там же, л. 191). См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 29, лл. 35, 49; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 149, лл. 139, 146; № 150, л. 90; № 275, л. 62; ф. 4390, оп. 2, № 145, л. 8.

[378] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 149, л. 20. — В дальнейшем, рассмотрев 26 августа 1918 г. доклад А. В. Галкина о непорядке, существующем в Комиссии по монополизации тканей при Центротекстиле, Малый СНК обязал Народный комиссариат Государственного контроля ввести своих представителей во все отделы Центротекстиля для наблюдения за их текущими операциями и всей деятельностью (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 3, л. 94).

[379] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 275, л. 74.

[380] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 129—130, 580.

[381] Шестой Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов раб., кр., каз. и красноарм. деп. Стенографический отчет. М., 1919, стр. 70—71.

[382] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 365—368, 609.

что указанные работы В. И. Ленина явились обобщением накопленного за первый год пролетарской диктатуры опыта работы по улучшению советского аппарата управления.

Но не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что центральное место во всей разнообразной и многосторонней работе по упрочению и совершенствованию пролетарского государства в период 1917—1918 гг. В. И. Ленин отводил проблеме подбора и воспитания управленческих кадров. Действительно, при наличии выработанной Коммунистической партией на научной основе правильной политической линии именно от уровня подготовки кадров, их опыта и умения руководить массами, наладить успешную работу во многом зависела эффективность советского государственного управления. «Изучать людей, искать *умелых* работников. В этом суть теперь, — с присущей ему остротой постановки вопросов подчеркивал В. И. Ленин, — все приказы и постановления — грязные бумажки без этого».[383] Вот почему на протяжении всей своей послеоктябрьской деятельности Председатель Совнаркома уделял исключительное внимание вопросам теории и практики кадровой политики Коммунистической партии и Советского государства, системы подбора и расстановки управленческих кадров, их правильному воспитанию и созданию наилучших условий для успешной деятельности.[384] Как известно, именно в работе «Очередные задачи Советской власти» и других ленинских трудах и документах были разработаны основные направления кадровой политики нашей партии, сформулированы главные принципы организации работы с кадрами, даны основополагающие указания по вопросам подбора, расстановки и использования управленческих кадров в условиях социалистического строительства. Достаточно напомнить о выработанных В. И. Лениным требованиях, которым должны были соответствовать руководители нового, советского типа, о сформулированных им основных критериях оценки каждого работника: «а) с точки зрения добросовестности, б) с политической позиции, в) знания дела, г) администраторских способностей»...[385] Как уже неоднократно отмечалось, подлинно новаторский характер носил сделанный В. И. Лениным в первые же месяцы пролетарской власти кардинальный вывод о необходимости при подборе кадров нового аппарата управления всемерно использовать «принцип сочетания профессиональных политиков и специалистов, взаимного дополнения, взаимообучения партийных работников в компе-

---

[383] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 367.

[384] Подробнее см.: Б. Д. Лебин, М. Н. Перфильев. Кадры аппарата управления в СССР. Социологические проблемы подбора и расстановки. Л., 1970; Р. Герберт, Г. Юнг. Кадры в системе социалистического управления. М., 1970; В. Д. Попков. Этика советской государственной службы. М., 1970; И. И. Пронин. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1971; Управление и проблема кадров. Под ред. Г. Х. Попова и Г. А. Джавадова. М., 1972, и др.

[385] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 97. Об этом см.: Б. Д. Лебин, М. Н. Перфильев. Ук. соч., стр. 8—9, 83—87, 104—151, и др.; Управление и проблема кадров, стр. 3—6, 146—152 и др.; В. Д. Попков. Ук. соч., стр. 8—19 и др.

тентных инженеров, экономистов, врачей, юристов и т. п.».[386] Эти и многие другие указания и выводы В. И. Ленина по различным вопросам кадровой политики имеют непреходящее значение для КПСС и Советского государства, трудящихся стран, вставших на путь строительства социализма. Такую же исключительную ценность представляет несомненно личный опыт работы с управленческими кадрами главы первого Советского правительства.

В практической деятельности советских центральных и местных органов, и прежде всего рабочего аппарата Совнаркома и народных комиссариатов для В. И. Ленина не было мелочей. «И как раньше, строя партию, Ильич примером, показом стремился научить товарищей правильному подходу к вопросам агитации, пропаганды, организации, — писала Н. К. Крупская, — так и теперь, встав во главе Советской власти, он стремился показать, как надо работать в государственном аппарате, как надо вытравливать из него всякий бюрократизм, сделать советский аппарат близким массе, пользующимся ее доверием».[387] Так, 28 марта 1918 г. Коллегия Народного комиссариата по делам почт и телеграфов, обсудив на своем заседании «Запрос тов. Ленина о служебном времени комиссариата», постановила: «Поручается тов. Залежскому выяснить вопрос и дать личные объяснения тов. Ленину».[388] Стремясь обеспечить возможно большую оперативность и эффективность деятельности советского правительственного аппарата, В. И. Ленин вникал во все детали повседневной работы Управления делами СНК.[389] Правильному ведению протоколов заседаний правительства, тому, как составлять повестки заседаний Совнаркома, делать записи в различных делопроизводственных журналах, составлять и отправлять официальные бумаги и письма — повседневной культуре работы учил Председатель Совнаркома молодых сотрудников секретариата, приемной и других отделов Управления делами.[390]

Разумеется, В. И. Ленин уделял большое внимание воспитанию не только сотрудников совнаркомовского аппарата. При всей важности и напряженности своей деятельности как Председателя СНК В. И. Ленин, по меткому определению Л. А. Фотиевой, «был вместе с тем и „практическим“ инструктором государственной работы»[391] и для членов Советского правительства («Это был наш первый университет управления Советским государством», — вспоминал, например, о работе руководимого

---

[386] Ф. М. Бурлацкий. Ленин, государство, политика. М., 1970, стр. 356.

[387] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 3.

[388] ЦГАНХ СССР, ф. 3527, оп. 4, № 1, л. 11 об. См. об этом также: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 52, 53.

[389] См., например, ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 58, л. 21; оп. 2, № 3, л. 52 об.; оп. 2, № 347, л. 273.

[390] См., например: Е. К. Кокшарова. В. И. Ленин в Совнаркоме в 1917 году, стр. 310; Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих, стр. 277—278; В. А. Любишева. Организация труда в секретариате В. И. Ленина. — В кн.: Строительство Советского государства. М., 1972, стр. 201.

[391] Л. А. Фотиева. Госаппарат и В. И. Ленин, стр. 27.

В. И. Лениным Совнаркома Г. И. Петровский),[392] и для многих сотен других работников самых разных советских учреждений и ведомств.[393] Из сохранившихся в архивах документов и многочисленных воспоминаний очевидцев хорошо видно, что наряду с решением ответственнейших политических и экономических вопросов В. И. Ленин изо дня в день занимался множеством «мелких» дел частного, казалось бы, характера. Конечно же, это не было случайным. «У нас, — справедливо отмечал Ю. Ларин, — много иногда удивлялись, как это такую массу времени и сил, иногда большую часть дня, Владимир Ильич отдавал бесчисленным мелким текущим будничным делам. Вермишель законодательная и вермишель практическая, действительно, не сходили у него с политического стола. Но именно таким путем, в личном общении с сотнями и тысячами индивидуально проходивших пред ним при этом товарищей — Владимир Ильич выковывал из наличного партийного авангарда необходимый рабочему классу людской материал для государственного строительства. Каждый, являвшийся к нему, таким образом, со своим отдельным, часто маленьким „вермишельным“ вопросом, уходил обогащенный уменьем подходить к делу».[394] Эту же весьма характерную особенность ленинского руководства особо подчеркнул в своих воспоминаниях С. С. Пестковский: «метод личного общения был главным методом Ильича в деле воспитания кадров. Он принимал каждый день большое количество отдельных товарищей и делегаций. И после каждого свидания с ним и отдельные товарищи, и делегации выходили из кабинета лучшими большевиками, чем они вошли».[395] Другой, не менее важной формой руководства и одновременно воспитания кадров советского госаппарата, которую, как мы уже видели, чрезвычайно широко и умело использовал В. И. Ленин, была огромная повседневная переписка Председателя Совнаркома. И как точно подметил М. Д. Орахелашвили, читать и перечитывать письма В. И. Ленина это также означало «пройти целую школу искусства предвидения и управления. Эти письма, как правило, не длинны, но написаны так, что после прочтения не успокоишься до тех пор, пока не выполнишь предлагаемых автором письма советов».[396]

Готовность всегда оказать необходимую помощь тем, кто в ней нуждался, сочеталась у В. И. Ленина с искренним уважением и вниманием к честным и добросовестным работникам. Вместе с тем для Председателя Совнаркома было характерно строгое и требовательное отношение к соблюдению установленного в работе советского государственного аппа-

---

[392] ЦПА ИМЛ, ф. 482, оп. 1, 39, л. 63.

[393] Об этом см., например: В. Н. Яковлева. Ленин — образец конкретного руководства. — Борьба классов, 1934, № 1; С. С. Пестковский. Ленин в период 1917—1920 гг. — Борьба классов, 1934, № 1.

[394] Ю. Ларин. Как учил Ленин. (Почему он занимался мелочами). — Экономическая жизнь, 25 января 1924 г.

[395] С. С. Пестковский. Ленин в период 1917—1920 гг., стр. 133.

[396] М. Д. Орахелашвили. Ленин и ЗСФСР. Тифлис, 1925, стр. 13 (цит. по: П. Азизбекова, А. Мнацаканян, М. Траскунов. Советская Россия и борьба за установление власти Советов в Закавказье. Баку, 1969, стр. 242).

рата порядка, в соответствии с которым коллективность руководства, коллегиальность обсуждения и решения вопросов обязательно должна была сочетаться с личной ответственностью работников за порученное им дело. «Коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления в советских учреждениях — указывал в связи с этим В. И. Ленин, — должно сопровождаться установлением самой точной *ответственности каждого* из состоящих на любой советской должности лиц *за выполнение определенных*, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и *практических* работ».[397] От каждого советского и партийного работника Председатель СНК требовал полной ответственности, самостоятельности и инициативы при выполнении принятых решений. «Наихудшим недостатком в работе наших учреждений, — свидетельствует Л. А. Фотиева, — Владимир Ильич считал недостаток самостоятельности, единоличной, персональной ответственности за исполняемую работу и отсутствие проверки исполнения, „проверки того, что вышло на деле", как говорил он».[398] Ни за что не взыскивал он так с больших и малых руководителей, как за «безрукость». Беспощадно воевал В. И. Ленин с бюрократизмом и волокитой, бесхозяйственностью и расхлябанностью, в каких бы формах они не проявлялись. Так, 20 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров, заслушав на своем заседании заявление В. И. Ленина о неисполнении заместителем наркома торговли и промышленности М. Г. Бронским поручения СНК от 15 мая о созыве комиссии для выработки нормального концессионного договора с иностранцами, постановил поставить М. Г. Бронскому на вид совершенно недопустимую оттяжку, допущенную им в исполнении поручения Совнаркома, и объявить ему за это выговор.[399]

Особое значение в деле воспитания кадров В. И. Ленин придавал проверке исполнения (*«Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела* — в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики»[400]), постоянному и тщательному контролю за тем, как практически выполнялись решения Советского правительства и его личные указания, и был чрезвычайно требователен, когда речь шла о своевременном и точном выполнении даже самых малых дел, вроде быстрой передачи телефонограммы или доставки пакета, не говоря уже о вопросах, имевших серьезное значение.[401] Как известно, к каждому

---

[397] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 365; см. также т. 52, стр. 23—24.

[398] Л. А. Фотиева. Госаппарат и В. И. Ленин, стр. 26.

[399] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 161, л. 60. 17 июля 1918 г. Совнарком объявил аналогичный выговор Президиуму ВСНХ (см.: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 158, л. 60).

[400] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 16.

[401] См., например: ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 106, л. 171. — В связи с этим небезынтересно привести следующее свидетельство Л. А. Фотиевой: «Распространенную теперь расписку на конверте ввел именно Владимир Ильич. Это маленький, но характерный пример — если человек расписался на конверте, то не могло быть уже никакого сомнения, что он получил письмо, которое было в этом конверте» (Л. А. Фотиева. Госаппарат и В. И. Ленин, стр. 34). Об этом см. также: М. И. Гляссер. Как работал Владимир Ильич, стр. 182—183.

протоколу Совнаркома прилагался листок исполнения, в котором указывалось, что сделано по отдельным его пунктам. В одном из таких листков исполнения, сохранившемся в материалах к протоколу № 32 СНК за 21 декабря 1917 г., против номеров пунктов повестки заседания Н. П. Горбуновым сделаны, например, следующие записи: «1) Передана резолюция Штейнбергу 7-го января и Дзержинскому 8-го января... 3) Передано в печать 22/XII в 2 часа утра... 5) Сдано к опубликованию 22/XII в пять часов дня. 6) Сообщено по телефону в комиссию по Гос. контролю...».[402] В соответствии с указаниями Председателя Совнаркома в телефонной комнате при его кабинете было установлено круглосуточное дежурство,[403] сотрудники Управления делами вели систематически просматривавшиеся В. И. Лениным особые журналы, где отмечались все полученные и отправленные телеграммы и телефонограммы.[404] Работники аппарата Советского правительства регулярно докладывали Председателю Совнаркома о проделанной работе. «Если кто-нибудь из нас не успевал или забывал доложить в тот день об исполнении, утром следующего дня на столе у этого сотрудника лежала маленькая записка Владимира Ильича с напоминанием, кому и о чем следует сегодня доложить. Эти маленькие записочки мы называли „ильичевками“ и старались работать так, чтобы напоминаний было как можно меньше»,[405] — вспоминает Ю. П. Сергеева, одна из первых сотрудниц совнаркомовского аппарата. «Методы работы Ленина, — справедливо заключал в связи с этим уже в 1925 г. Д. Лебедь, — говорят о том, что одинаковое внимание должно отдавать в своей работе как инициативе в разработке вопросов, их постановке и намечению организационных проектов, так и проверке — проведению в жизнь этой первой части».[406]

Настойчиво добиваясь всемерного улучшения работы советского государственного аппарата. В. И. Ленин вместе с тем стремился сделать его более простым, малочисленным и экономичным.[407] Об этом красноречиво говорят, в частности, следующие цифры: если на 31 января 1918 г. общее число сотрудников Управления делами СНК составляло 58 человек,[408] то к концу рассматриваемого периода, в августе 1918 г., несмотря на сложную обстановку и значительно возросший объем работы, в составе работников совнаркомовского аппарата вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем и Н. П. Горбуновым насчитывалось всего около 70 человек.[409] Приведем

---

[402] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 32, л. 22. Об этом см. также: 124 дня. Ленин в Смольном. Л., 1970, стр. 147, 154, 155.

[403] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 72, ч. 1, л. 73; № 774, л. 24.

[404] Стенограмма совещания... 18 мая 1946 г., л. 13.

[405] Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих, стр. 271.

[406] Д. Лебедь. Надо учиться работать у Ленина, стр. 7.

[407] Подробнее см.: В. С. Орлов. Ленинский Совнарком и осуществление принципа экономичности государственного аппарата. (Октябрь 1917—март 1918 г.). — Уч. зап. Калининск. гос. пед. инст. им. М. И. Калинина, кафедра истории КПСС, том 73, 1970, стр. 32—49.

[408] См.: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 99.

[409] Там же, № 387, лл. 14—15; № 388, л. 13—13 об.

еще лишь один пример. Именно В. И. Ленин явился автором и инициатором принятия Советом Народных Комиссаров в первые же недели существования пролетарской власти (18 ноября 1917 г.) специального постановления о размерах вознаграждения народных комиссаров и понижении жалования высшим служащим и чиновникам.[410] В соответствии с этим постановлением Председатель Совнаркома, как и все народные комиссары, получал в первые месяцы Советской власти денежный оклад размером в 500 руб. и, как известно, объявил строгий выговор В. Д. Бонч-Бруевичу и Н. П. Горбунову за попытку повысить ему оклад в нарушение декрета Совета Народных Комиссаров.[411] В это же время в Управлении делами СНК, как и во всех народных комиссариатах и других центральных и местных советских государственных органах, были приняты меры по улучшению материального положения технического персонала и других служащих.[412]

Председатель Совета Народных Комиссаров был требовательным руководителем. Но работалось рядом с ним легко и радостно. Об этом говорят все, кому посчастливилось трудиться под его руководством. Объяснялось это его отношением к людям. В. И. Ленин высоко оценивал силы и возможности людей, смело доверял им ответственную работу. И сама эта работа во многом оказывалась успешной именно благодаря большому доверию, которое оказывал В. И. Ленин как руководящим, так и рядовым сотрудникам. «Это доверие, внимание, с которым Владимир Ильич прислушивался к мнениям товарищей, — писал Н. П. Горбунов, — та повышенная оценка, с которой он подходил к отдельным, даже рядовым работникам, возлагая на них зачастую очень ответственные задания, — все это создавало у всех соприкасавшихся с ним особый энтузиазм в работе».[413] В результате в сложнейших условиях первых лет существования рабоче-крестьянской власти была проделана гигантская работа по организации и совершенствованию деятельности советского государственного аппарата, темпы которой, по свидетельству людей, участвовавших в ней, представлялись порой непостижимыми.

Создатель и руководитель Коммунистической партии, приведший ее к победе в дни Октября, В. И. Ленин явился первым из всех вождей пролетариата, кому выпала историческая миссия в тяжелейших условиях строительства социализма в одной стране успешно осуществить руководство созданием и начальным периодом деятельности государства принципиально нового, пролетарского типа. «Ленин вошел в историю как основатель и руководитель первого в мире социалистического государства — государства рабочих и крестьян».[414]

---

[410] Декреты Советской власти, т. I, стр. 107—109.
[411] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 78, 79.
[412] См. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, № 32989.
[413] Н. П. Горбунов. Ук. соч., стр. 193.
[414] О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС. М., 1968, стр. 9.

Первый в истории коммунист, возглавивший пролетарское государство, В. И. Ленин был воплощением подлинно народного руководителя. Его деятельность на посту Председателя Совета Народных Комиссаров была и остается непревзойденным образцом нового, социалистического стиля государственного управления. «Опираясь на творчество революционных масс, Ленин создал теорию Советского государства, как одной из форм диктатуры пролетариата. Основные принципы Советской власти, разработанные Лениным, сохраняют свое значение для всякого государства трудящихся, приходящего на смену государству буржуазии».[415]

---

[415] Л. И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 апреля 1970 года, посвященном столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Правда, 22 апреля 1970 г.

Часть
третья

В.И.Ленин и начало изучения советского государственного аппарата

Глава 1. ПЕРЕПИСЬ СОВЕТСКИХ СЛУЖАЩИХ 1918 г. — ПЕРВЫЙ ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ АППАРАТА ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Об использовании В. И. Лениным статистико-социологических методов для анализа общественных явлений

Стремление шире использовать в исторических исследованиях методы социологии и статистики — весьма характерная и важная особенность развития современной исторической науки.[1] Уже в постановлении Президиума АН СССР (Секция общественных наук) «О разработке методологических вопросов истории» от 3 января 1964 г., принятого по докладу академиков П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева, в числе первоочередных задач, на решение которых предлагалось обратить особое внимание, указывалось, в частности, на необходимость осуществления более глубокого и всестороннего историко-социологического анализа актуальных проблем мировой и отечественной истории.[2] Отчетливо проявившийся в последующие годы интерес к массовому первичному источнику по отечественной социально-экономической истории в свою очередь вызвал, как уже отмечалось в печати, потребность в специальном изучении материалов массовой документации (разного рода описей и переписей, отчетов и обследований, социологического анкетирования и т. д.).[3] При этом нельзя не заметить, что если о такого рода источниках по истории экономического развития России (как в советский, так и особенно в дооктябрьский периоды), а также о ленинском наследии в этой области, уже имеется немало серьезных работ, то в изучении таких массовых данных применительно к социально-политической истории Октября

---

[1] Подробнее см., например: Ю. Кахк. Нужна ли новая историческая наука? — Вопросы истории, 1969, № 3; Л. М. Дробижева. История и социология. М., 1971; В. А. Устинов, А. Ф. Фелингер. Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М., 1973.

[2] См.: История и социология. М., 1964, стр. 337, 338.

[3] В. Е. Полетаев, Ю. А. Поляков, В. А. Устинов. История, конкретные социальные исследования, кибернетика. — История СССР, 1968, № 4; В. М. Селунская. Разработка В. И. Лениным вопросов классовой структуры советского общества переходного периода. — История СССР, 1970, № 2, стр. 35; Б. Г. Литвак. Ленинские приемы источниковедческого анализа и методика исследования массовой документации. История СССР, 1970, № 2, стр. 69, 76; Математические методы в исторических исследованиях. Сб. статей. Редколлегия: И. Д. Ковальченко (отв. ред.), Ю. Л. Бессмертный, Л. М. Брагина. М., 1972; А. Ф. Килунов. Применение конкретно-социологических исследований в исторической науке. — Вопросы истории, 1972, № 1.

и первых лет Советской власти сделаны лишь начальные шаги.[4] В связи с этим особый интерес представляет, на наш взгляд, исследование материалов переписи служащих советских учреждений, проведенной в Москве летом 1918 г., вскоре после принятия V Всероссийским съездом Советов первой Конституции РСФСР.

Как известно, в послеоктябрьский период вопрос о советском государственном аппарате, этот, по выражению В. И. Ленина, «старый и вечно новый вопрос»,[5] занимал в его деятельности одно из центральных мест. Большой интерес у основателя и руководителя Советского государства неизменно вызывали статистические данные, характеризовавшие структуру и тенденции развития советского аппарата, численность и состав его работников. В середине октября 1922 г. по предложению В. И. Ленина была проведена перепись служащих советских учреждений Москвы. Говоря об ее результатах, В. И. Ленин в речи на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. подчеркнул необходимость в дальнейшем глубоко и всесторонне изучить итоги переписи, использовать ее опыт для настойчивой и кропотливой работы по совершенствованию, сокращению и удешевлению советского госаппарата.

Как свидетельствует сохранившийся «Конспект речи на X Всероссийском съезде Советов», в этих же целях В. И. Ленин собирался также специально привлечь внимание съезда к результатам указанной выше переписи. В тексте дважды отчеркнутой В. И. Лениным записи, с пометкой nota bene на полях (болезнь не позволила ему выступить на съезде) читаем:

«... 17. Сотни тысяч служащих в госаппарате. *Увеличение.*
18. Перепись 1922 (X—XI).
19. Итоги ее.
20. *Статья Кина*».[6]

Для нашей темы первостепенный интерес представляет то, что как в своей пометке об увеличении численности служащих советского гос-

---

[4] См.: Е. Н. Городецкий: 1) Рождение Советского государства. М., 1965; 2) Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; В. З. Дробижев, А. Б. Медведев. Из истории совнархозов 1917—1918. М., 1964; В. И. Старцев. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.—Л., 1965; В. З. Дробижев. Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966; Е. Г. Гимпельсон. Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. Под ред. С. О. Шмидта и др. М., 1969; В. И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. Под ред. В. М. Селунской и др. М., 1973; М. П. Ирошников. К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России. — В кн.: Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 249.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 441. В пункте 20-м В. И. Ленин, по-видимому, имеет в виду статью Ф. Кина «„Спецы" (Опыт статистического обследования)», опубликованную 3 сентября 1922 г. в газете «Правда» (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 601).

аппарата в пункте 17-м «Конспекта речи...», так и в упомянутом выше выступлении на IV сессии ВЦИК IX созыва В. И. Ленин сравнивал и сопоставлял результаты переписи в октябре 1922 г. с итогами другой, проведенной значительно раньше, первой переписи советских служащих. Вот что об этом говорил В. И. Ленин: «В 1918 году, в августе месяце, мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231 000 государственных и советских служащих в Москве, число, обнимающее и центральных служащих и местных московских, городских».[7]

Итак, в августе 1918 г. в Москве была проведена первая перепись служащих центрального и местного, московского, советского государственного аппарата. Однако ни в специальных работах по истории и организации отечественной статистики,[8] ни в учебных пособиях по статистике и источниковедению истории СССР,[9] ни, наконец, в довольно многочисленных трудах, посвященных изучению ленинского наследия в области статистики,[10] нет каких-нибудь сведений об этой переписи. Единственным исключением, известным нам, является книга С. М. Гуревича «В. И. Ленин и статистика социалистического государства», в которой содержится предельно краткое, без каких-либо пояснений и ссылок, упоминание о том, что «в августе 1918 г. по указанию В. И. Ленина была произведена перепись советских служащих в Москве».[11] Больше того, в опубликованной сравнительно недавно, в 1968 г., интересной и содержательной книге И. П. Суслова «Политическая статистика в работах В. И. Ленина» вообще ставится под сомнение сам факт проведения данной переписи. В специальном примечании к цитировавшемуся выше выступлению В. И. Ленина 31 октября 1922 г., а точнее к его словам о том, что в 1918 г. в августе была произведена перепись советского аппарата в Москве, И. П. Суслов пишет: «Видимо, это оговорка. Перепись со-

---

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 250. — «Недавно, в октябре 1922 г., — продолжал далее В. И. Ленин — мы произвели эту перепись еще раз, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат и что он должен уже, наверное, оказаться меньшим. Он оказался равным 243 000 человек. Вот вам итоги всех сокращений. Этот пример потребует еще большого труда изучения и сопоставлений» (там же).

[8] А. И. Гозулов. История отечественной статистики. М., 1957; А. И. Ежов. Организация статистики в СССР. М., 1968; История советской государственной статистики. М., 1969.

[9] См. например: М. Н. Черноморский. Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1966; А. Я. Дольников, Л. Г. Озеран. Статистика. М., 1969; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973.

[10] Укажем лишь новейшие: Развитие статистической науки в трудах В. И. Ленина. Сб. статей под ред. чл.-корр. АН СССР Т. В. Рябушкина. М., 1969; О. О. Яхот. О методике статистического анализа общественно-политических явлений в трудах В. И. Ленина. — Вопросы истории КПСС, 1970, № 1; В. И. Ленин и современная статистика, тт. 1—3. М., 1970—1973; Т. В. Рябушкин. В. И. Ленин и статистика. М., 1971; В. Е. Ноткин. Вопросы политической статистики в работах В. И. Ленина. — В кн.: Очерки по истории статистики СССР. Сб. 5. М., 1972.

[11] С. М. Гуревич. В. И. Ленин и статистика социалистического государства. М., 1963, стр. 53.

ветского аппарата в Москве была проведена в 1920 г.».[12] Между тем в ЦГАОР СССР хранится целый комплекс документов Комиссии по проверке служащих и сотрудников советских учреждений при ВЦИК. Это и есть материалы той первой переписи советского госаппарата в августе 1918 г., о которой говорил В. И. Ленин.

Проведение этой переписи не было, конечно, случайностью. Заинтересовавшись еще с начала 90-х годов прошлого столетия статистическими данными по экономике сельского хозяйства России,[13] В. И. Ленин в дальнейшем в целом ряде своих произведений (таковы, например, третий выпуск книги «Что такое „Друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», статья «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы кустарной промышленности», широкоизвестный труд «Развитие капитализма в России», работы «Язык цифр», «Аграрный вопрос и „критики“ Маркса», «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», знаменитый труд «Империализм как высшая стадия капитализма») дал блестящие образцы разнообразных приемов анализа статистических источников и их научного использования.[14]

В то же время в таких известных статьях В. И. Ленина, как «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике», «К вопросу о задачах земской статистики», «Статистика и социология», специально посвященным важнейшим вопросам статистической и социологической наук, свое дальнейшее развитие и всестороннюю разработку получили главные методы анализа статистических и социологических данных, большое внимание было уделено критике неправильного, антинаучного использования основных приемов исследования статистических показателей.[15] Подчеркивая важность конкретных статистико-социологических исследований, опирающихся на тщательно изученный и обработанный фактический материал, В. И. Ленин писал, в частности, в статье «Статистика и социология»: «...надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было бы опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех „общих“ или „примерных“ рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни».[16]

---

[12] И. П. Суслов. Политическая статистика в работах В. И. Ленина. М., 1968, стр. 132.

[13] Первой работой В. И. Ленина была его статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», написанная весной 1893 г. и представлявшая собой подробный и внимательный разбор опубликованной в 1891 г. книги известного земского статистика В. Е. Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство» (см.: В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 1, стр. 3—66).

[14] Общее число различных произведений, материалов и документов В. И. Ленина, в которых содержатся высказывания по вопросам статистики, составляет свыше 200 работ (см.: А. Я. Дольников, Л. Г. Озеран. Статистика, стр. 10). Подробнее см. В. И. Ленин и современная статистика, т. 3. М., 1973, стр. 209—227.

[15] Развитие статистической науки в трудах В. И. Ленина, стр. 8, 9 и далее.

[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

Нет ничего поэтому удивительного в том, что, возглавив после победы Октябрьской революции первое пролетарское правительство России, В. И. Ленин с первых дней существования Советской власти стремился возможно более широко использовать статистико-социологические методы анализа общественных явлений в интересах социалистического строительства. По свидетельству А. В. Луначарского, В. И. Ленин «до конца своих дней страшно интересовался статистикой. Статистические данные, выработанные правильными приемами, имели бесконечную привлекательность для него, и я помню, на заседаниях Совнаркома, когда делались статистические доклады, Владимир Ильич брал карандаш и делал чрезвычайно глубокие и острые замечания по поводу возможных ошибок, по поводу неправильного подхода к тому или другому вопросу и всякой приблизительности».[17] В одном из своих писем Г. М. Кржижановскому В. И. Ленин писал: «Статистики должны быть нашими **практическими** *помощниками*, а не схоластиками».[18] В своей гигантской партийно-государственной и научно-публицистической деятельности В. И. Ленин твердо следовал этому принципу. Вот только три хорошо известных, но, пожалуй, наиболее ярких в этом отношении эпизода из деятельности В. И. Ленина в интересующий нас период 1917—1918 гг.

Первый связан с историей создания одного из знаменитых документов Октября — ленинского декрета о земле. Еще в опубликованной в августе 1917 г. статье «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» В. И. Ленин обратил внимание на «Примерный наказ», составленный на основании 242 наказов, доставленных с мест депутатами на состоявшийся незадолго перед этим в Петрограде I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Подчеркнув настоятельную потребность для марксистов всеми силами «стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики»,[19] В. И. Ленин тщательно проанализировал в этой статье обобщенные в «Примерном наказе» требования крестьян и пришел к выводу о необходимости использования этого важного документа при выработке революционного закона о земле в целях укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства. Обращаясь к крестьянам, В. И. Ленин писал: «Только в тесном союзе с рабочими вы *можете* начать осуществлять на деле программу 242-х наказов».[20] Как известно, II раздел (по аграрному вопросу) «Примерного наказа» был включен в качестве неотъемлемой части в состав текста 4-го пункта знаменитого ленинского декрета о земле, который сыграл громадную роль в окончательном переходе крестьянства России на сторону восставшего рабочего класса и упрочении победы пролетарской революции. Так при решении чрезвычайно сложной и ответственной политической задачи проявилось удивительное умение В. И. Ленина, используя дан-

---

[17] А. В. Луначарский. Ленин — ученый и публицист. — Неделя, 9—15 января 1966 г., стр. 3.

[18] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 215.

[19] Там же, т. 34, стр. 109.

[20] Там же, стр. 116.

ные сводки крестьянских наказов, прийти к выводам исключительного научного и революционного значения.[21]

Два других эпизода из интересующей нас деятельности В. И. Ленина в первый послеоктябрьский период связаны с историей борьбы за выход Советской России из империалистической войны и переговоров с кайзеровской Германией о Брестском мире. И здесь, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что принятию после длительной и бурной внутрипартийной дискуссии предложенной В. И. Лениным линии на заключение мира во многом способствовали результаты двух опросов, инициатором и главным организатором проведения которых являлся глава первого Советского правительства. Поставив своей целью прежде всего получить возможно более точную, всестороннюю и объективную информацию о положении на фронтах, настроении солдатских масс, состоянии и боеспособности войск, В. И. Ленин использовал для этого проходивший в Петрограде с 15 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. Первый Общеармейский съезд по демобилизации армии, в работе которого участвовало свыше 270 делегатов от фронтовых, армейских и корпусных комитетов, артиллерийских дивизионов и бригад, инженерных частей, штабов различных воинских частей и учреждений, а также от Советов рабочих и солдатских депутатов. 17 декабря на совещании Комиссии по демобилизации армии при Народном комиссариате по военным делам с делегатами съезда — представителями фронтовых и армейских организаций, В. И. Ленин предложил участникам совещания письменно ответить на специально составленную им анкету из 10 вопросов,[22] в которой по словам одного из руководителей Наркомвоена, комиссара по демобилизации М. С. Кедрова, «были сконцентрированы все существенные признаки, определяющие боеспособность армии».[23] Как убедительно свидетельствует обнаруженный недавно интересный документ — сводная анкета, суммирующая ответы на ленинскую анкету делегатов 5-й, 7-й, Особой армий и делегатов, не указавших, к какой они армии принадлежат, большинство делегатов высказалось «за какой угодно мир».[24] Об этом же впоследствии вспоминал занимавшийся тогда вместе с В. И. Лениным изучением и обобщением данных анкет М. С. Кедров. «Только единичные анкеты — писал он, — с известными натяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии. Подавляющее большинство анкет кричало о полном развале фронтов, о массовом уходе солдат с фронта, не ожидая приказа о демобилизации».[25] Это были те «объективные дан-

---

[21] Подробнее см.: Е. А. Луцкий. 1) Крестьянские наказы 1917 г. о земле. — Источниковедение истории советского общества, вып. II. М., 1968, стр. 113—161; 2) Статья В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие». — Вспомогательные исторические дисциплины, II. Л., 1969, стр. 5—33.

[22] См.: Записки Института Ленина, II. 1927, стр. 41, 42.

[23] Ленин и Красная армия. М., 1958, стр. 9.

[24] См.: Ю. И. Кораблев. В. И. Ленин и создание Красной армии, М., 1970, стр. 148—150.

[25] Ленин и Красная армия, стр. 9.

ные», которыми так дорожил В. И. Ленин. И эти ответы несомненно помогли ему прийти к твердому убеждению, что в распоряжении Советской власти в тот момент реальной боевой силы нет. Уже назавтра, 18 декабря, на заседании Совета Народных Комиссаров по докладу Н. В. Крыленко о положении на фронте и состоянии армии результаты ленинской анкеты были обсуждены, признаны исчерпывающими и Советское правительство приняло проект резолюции,[26] предложенной В. И. Лениным, который затем обобщил эти материалы в «Тезисах по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира».[27]

Но данные опроса делегатов Общеармейского съезда и материалы другой, подготовленной, по свидетельству М. С. Кедрова, также В. И. Лениным анкеты из нескольких десятков вопросов, главным образом военно-технического характера, распространенной среди делегатов Общеармейского съезда 3 января 1918 г.,[28] были, если можно так выразиться, голосом армии, но еще не всей России. И хотя в дальнейшем располагавшему кроме этих сведений и другой аналогичной обширной информацией из различных районов страны Председателю Совнаркома стало уже очевидно настойчивое стремление к миру вконец измученного империалистической бойней народа России и полная невозможность продолжения военных действий («Я ни секунды не колеблюсь, что масса за мир», — говорил В. И. Ленин на заседании ЦК РСДРП(б) 23 февраля 1918 г.),[29] в этом предстояло еще убедить довольно многочисленных противников подписания мирного договора. Необходимо было предельно обоснованно показать, что ни выступавшие за продолжение войны в интересах «мировой революции» левые эсеры и фактически примыкавшая к ним группа «левых коммунистов», ни сторонники авантюристической формулы Троцкого («ни мира, ни войны») не выражали подлинных интересов социалистической революции и трудящихся масс России. И по предложению В. И. Ленина 24 февраля 1918 г. всем губернским и уездным Советам и земельным комитетам был разослан по телеграфу отредактированный им запрос Совнаркома и ВЦИК с просьбой спешно сообщить о своем отношении к подписанию условий мира, предложенных германским правительством. А на другой день после рассылки запроса по свидетельству Б. Ф. Малкина, представившего главе Советского правительства первую поступившую по прямым проводам часть ответов, В. И. Ленин, ознакомившись с ответами и быстро распределив их по промышленным и крестьянским центрам, тут же заявил: «Совершенно ясно, что деревня воевать не хочет, нужно специально опросить все волости, и тогда картина

---

[26] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 472. Подробнее см.: Ю. И. Кораблев. Ук. соч., стр. 150, 151.

[27] См. пункты 14 и 15 «Тезисов» — В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 248, 249.

[28] См.: Е. Н. Городецкий. Ленин — основоположник советской исторической науки, стр. 487, 488.

[29] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 370.

станет совершенно ясной».[30] В соответствии с ленинскими указаниями от имени Совнаркома и ВЦИК во все волости сразу же были дополнительно отправлены экстренные телеграммы-запросы, ответы на которые потоком шли затем со всех концов России несколько дней подряд. Тщательно изучая поступавшие с мест сведения, Председатель Совнаркома собственноручно делает две сводки ответов, полученных за 26 февраля—2 марта и 3—5 марта 1918 г. И затем, сгруппировав их по рубрикам «За мир» и «За войну» в итоговой таблице, составленной, по-видимому, накануне открытия Седьмого экстренного съезда РКП(б), который должен был окончательно решить вопрос о заключении Брестского мира, получает в результате следующие данные: из 495 присланных ответов 262 было за мир.[31]

Положительное отношение широких масс трудящихся к заключению мира (и, следовательно, полная обоснованность выводов В. И. Ленина) было в эти дни отмечено и в письме секретаря ЦК партии Е. Д. Стасовой Областному комитету РСДРП(б) Донецкого бассейна и Криворожского района от 3 марта 1918 г., в котором сообщалось: «На запрос ЦИК получаются ответы, которые можно сгруппировать так: крупные рабочие центры и крестьянство стоят за мир, [мелкие] города — за войну».[32]

В продолжавшейся около двух месяцев напряженнейшей политической борьбе, когда фактически решалась судьба революции и Советской власти, В. И. Ленин сумел неопровержимо доказать правоту и обоснованность своей линии на немедленное подписание мирного договора. «Мы должны это сделать — подчеркивал В. И. Ленин, выступая на Седьмом экстренном съезде РКП(б) с политическим отчетом ЦК партии, — ибо мы смотрим с точки зрения масс».[33] Как известно, ленинская линия Совета Народных Комиссаров получила одобрение и поддержку сначала партийного съезда, а затем и IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, которые приняли по кардинальному вопросу о войне и мире резолюции, написанные В. И. Лениным.[34] Брестский мирный договор был, таким образом, ратифицирован и социалистическая революция, неокрепшая еще республика Советов получили жизненно необходимую мирную передышку.

Вполне понятным поэтому представляется то, что именно под руководством и при активнейшем участии В. И. Ленина, рассматривавшего со-

---

[30] Там же, стр. 491—492.

[31] Там же, стр. 492; Ленинский сборник, XXI, стр. 59, 60; XXXVI, стр. 30. Подробнее см.: Д. В. О з н о б и ш и н. Ленинский свод ответов местных Советов на запрос СНК о заключении Брестского мира. — Источниковедение истории советского общества, вып. II, стр. 189—243.

[32] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б)—РКП(б) с местными партийными организациями. Март—июль 1918 г. Т. III. М., 1967, стр. 11.

[33] В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 20.

[34] См.: Протоколы съездов и конференций ВКП(б). Седьмой съезд. Март 1918 г. М.—Л., 1928, стр. 180, 181; Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабоч., солд., крестьянск. и казачьих депутатов. М., 1920, стр. 56, 57, 64.

циально-экономическую статистику как одно из самых могущественных орудий социального познания,[35] происходило и само становление советской государственной статистики.

Не ставя своей задачей подробное рассмотрение данного вопроса, который вполне может быть темой специального, пока, к сожалению, не осуществленного полностью исследования,[36] напомним лишь некоторые относящиеся к интересующему нас периоду соответствующие указания В. И. Ленина и постановления руководимого им Советского правительства.

Выступая вскоре после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде на заседании ВЦИК 4 ноября 1917 г., В. И. Ленин подчеркнул: «Ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм — это прежде всего учет».[37] Эта мысль получила свое воплощение сначала в написанных В. И. Лениным в декабре 1917 г. проекте постановления Совнаркома об организации комиссии практиков и проекте декрета о проведении национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах,[38] немного позднее, весной 1918 г., она нашла свое развернутое выражение в знаменитой работе «Очередные задачи Советской власти», особенно в разделах, посвященных значению борьбы за всенародный учет и контроль и организации соревнования.[39] Но, как неоднократно отмечал В. И. Ленин еще задолго до победы социалистической революции,[40] организация строжайшего учета и контроля невозможна без создания единой централизованной системы государственной статистики.

Первые практические шаги в этом направлении были сделаны уже в начале 1918 г. 8(21) февраля Совет Народных Комиссаров принял постановление, подписанное В. И. Лениным и наркомом финансов В. Р. Менжинским, об отпуске Статистическому отделу ВСНХ 5950 тыс. руб. на работы по разработке и опубликованию Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи и Всероссийской городской переписи 1917 г.[41] В это же время В. И. Ленин проявляет большое внимание к разработке государственной статистики различных отраслей промышленности страны. «Согласно Вашему желанию, — говорилось в адресованном Председателю СНК письме председателя правления Глав-

---

[35] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 334.

[36] Первой известной нам серьезной попыткой такого изучения является упоминавшаяся уже книга С. М. Гуревича, имеющая специальную главу о ленинских принципах организации статистики в социалистическом государстве (см.: С. М. Гуревич. Ук. соч., стр. 38—136). Недавно опубликована интересная работа Т. В. Рябушкина «В. И. Ленин и статистика», в заключительном разделе которой дается общая характеристика роли В. И. Ленина как организатора советской статистики (стр. 51—62).

[37] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 57.

[38] Там же, стр. 174—177, 178.

[39] Там же, т. 36, стр. 184, 185, 192.

[40] См.: С. М. Гуревич. Ук. соч., стр. 102.

[41] В. И. Ленин об организации советской статистики. Сб. документов. М., 1968, стр. 29.

кожа Туркестанова и заведующего статистическим отделом Голицына от 8 мая 1918 г., — статистический отдел Главного комитета по кожевенным делам при сем препровождает: а) результаты Всероссийской кожевенной переписи 1 сентября 1917 г. по данным предварительного подсчета итогов, б) «Вестник Главного комитета» № 6, в котором напечатана статья на основании некоторых данных предварительной сводки об условиях труда и заработной плате кожевенных рабочих по переписи 1 сентября, в) доклады и протоколы съезда статистиков Главного и районных комитетов по кожевенным делам». «В настоящее время, — докладывали далее авторы письма В. И. Ленину, — производится детальная разработка всех сведений Всероссийской кожевенной переписи, касающихся условий труда и заработной платы некрупных и мелких кожевенных заводов России, составляются соответствующие таблицы, картограммы и диаграммы, а также обзор положения рабочих в кожевенной промышленности». «По окончании разработки вышеуказанных материалов, какая последует в ближайшем времени, — говорилось в заключение, — копии сводок будут препровождены Вам».[42]

Материалы, о которых говорилось в данном письме, были, по-видимому, вскоре представлены главе Советского правительства. И в дальнейшем, на заседании Совнаркома 15 июня 1918 г. в качестве резолюции по докладу представителя ВСНХ о финансировании Главного кожевенного комитета был принят предложенный и написанный В. И. Лениным проект постановления СНК об ассигновании Главкоже 10 млн руб. авансом до окончательного утверждения всего финансового плана или сметы на 37 млн руб., а также создании специальной комиссии из представителей Комиссариатов продовольствия, финансов и контроля под председательством Туркестанова для немедленного изучения этого плана и сметы.[43] О большом значении, которое придавал В. И. Ленин своевременной и точной разработке статистических данных, свидетельствует и ряд других ленинских документов этого периода. Таковы, например, указания, сделанные главой Советского правительства в феврале 1918 г. председателю Президиума ВСНХ в связи с проводившейся тогда ВСНХ переписью грузов, находившихся на складах, и в марте 1918 г. наркому земледелия А. Л. Колегаеву об отчете о материалах сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г.[44]

Наконец, при обсуждении Советом Народных Комиссаров 25 мая 1918 г. вопроса об учреждении Социалистической Академии общественных наук В. И. Ленин, определяя программу деятельности будущей Академии, в написанном им проекте постановления правительства в качестве одной из первоочередных задач выдвинул задачу постановки и развития социальных исследований.[45] В принятом в дальнейшем после двукратного рассмотрения Совнаркомом (7 и 15 июня) Положении ВЦИК

[42] ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, № 32172.
[43] Ленинский сборник, XXI, стр. 177.
[44] См.: В. И. Ленин об организации советской статистики, стр. 121—122.
[45] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч, т. 36, стр. 372, 613.

и СНК о социалистической Академии общественных наук, разработанном (как и Устав Академии) на основе указаний В. И. Ленина, в частности, говорилось, что Научно-академическая секция Академии «имеет целью научную разработку вопросов социализма и коммунизма, научное исследование в области социальных наук (разрядка наша, — *М. И.*), философии и наук естественных, поскольку последние соприкасаются с науками социальными, а также подготовку ученых специалистов в области социальных знаний». А среди различных форм научно-исследовательской деятельности, осуществление которых возлагалось на научно-академическую секцию, в пункте 10-м «Положения» прямо указывалось на организацию социологического анкетирования.[46]

С именем В. И. Ленина неразрывно связана и непосредственная разработка первого декрета об организации советской государственной статистики. В соответствии с ленинскими указаниями для успешной разработки программы промышленной переписи и текущей переписи сельского хозяйства страны Высший Совет народного хозяйства созвал в начале лета 1918 г. первый после победы Октября съезд статистиков. Наряду с этими вопросами работавший в Москве с 8 по 16 июня съезд особое внимание уделил также организации государственной статистики. И вскоре, 26 июня, Президиум ВСНХ обратился в Совет Народных Комиссаров с просьбой включить в повестку дня ближайшего заседания вопрос о создании специальной правительственной комиссии для рассмотрения проекта Положения об организации Центральной государственной статистики, представленного вместе с другими материалами съездом статистиков.[47] 27 июня на проходившем под председательством В. И. Ленина заседании Совнаркома такая комиссия была создана. В ее состав были включены член Президиума ВСНХ В. П. Милютин, заведующий статистическим отделом ВСНХ П. И. Попов, еще один представитель ВСНХ (от отдела экономических исследований), а также представители нескольких народных комиссариатов — торговли и промышленности, продовольствия, земледелия, труда, внутренних дел, финансов и путей сообщения.[48] 5 июля комиссия большинством голосов утвердила проект положения, выработанный съездом статистиков (спорным оказался вопрос о месте, которое должны были занять в общей системе управления руководящие статистические органы — при Совнаркоме или в составе ВСНХ).

Для правильного решения этого спорного вопроса, как впрочем и для окончательной выработки текста проекта и его утверждения Советским правительством, исключительное значение имела позиция В. И. Ленина, внимательно следившего за работой Комиссии. Председателю Совнаркома была представлена специальная докладная записка заведующего отде-

---

[46] Там же, стр. 373, 614; Декреты Советской власти, т. II. М., 1959, стр. 469.

[47] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 148, лл. 23—42.

[48] «Остальные же комиссариаты, — говорилось в тексте постановления СНК, — уведомить о том, что они, если сочтут нужным, могут принять участие в работе Комиссии» (Декреты Советской власти, т. II, стр. 495).

лом статистики ВСНХ П. И. Попова, в которой подробно излагались «главные принципиальные положения законопроекта, определяющие характер конструкции государственной статистики, из которых исходил съезд статистиков и на которое обратили особое внимание Президиум ВСНХ и Комиссия Совнаркома...», а также заключение последней.[49] Как видно из текста докладной записки, эти «главные принципиальные положения» вкратце и, конечно, в самом общем виде сводятся к трем пунктам: 1) «государственная статистика в качестве самостоятельной отрасли должна состоять непосредственно в ведении государственной власти — Совета Народных Комиссаров, а никак не в ведении какого-либо ведомства или установления. Статистика призвана обслуживать все стороны государственной жизни страны...» 2) «Совет по делам статистики как высшее государственное статистическое учреждение, призванное руководить, объединять и согласовывать статистические работы в государстве... должен иметь совещательные функции в сфере заданий, но безусловно решающие в сфере построения программы исследования и разработки материала, вообще в вопросе методологии и научного освещения результатов» и, наконец, 3) «функции Центрального статистического бюро Республики очень сложны и многообразны. Это аппарат, совместно с Советом приводящий в действие всю систему статистических учреждений в государстве».[50]

Вскоре после представления В. И. Ленину докладной записки П. И. Попов был принят главой Советского правительства. «Когда я явился, — вспоминал П. И. Попов впоследствии, — он был уже в курсе вопроса. Внимательно выслушал Владимир Ильич мой доклад, задал мне ряд вопросов, касающихся организации государственной статистики... Затем Владимир Ильич с определенной ясностью, которая так ему была свойственна, подтвердил правильность, рациональность и своевременность организации единой центральной статистики... Он также нашел правильным и то положение, при котором при комиссариатах должна быть только такая статистика, которая обслуживала бы их технические нужды, статистика служебно-прикладная, и что задача изучения отдельных отраслей народного хозяйства — дело государственной статистики, которой и должно принадлежать право общего руководства всеми статистическими работами в республике... Таким образом, Владимир Ильич одобрил общий принципиальный вопрос организации государственной статистики, дал точные указания, в каком направлении должен разрешаться вопрос о конституции государственной статистики и одобрил программу работ, намеченных планом. Благодаря же Владимиру Ильичу этот проект и был утвержден СНК».[51]

Действительно, рассмотрев 17 июля сообщение В. П. Милютина о проекте Положения об организации центральной и местной статистики, Сов-

---

[49] ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, № 2159а, л. 1.
[50] Там же, лл. 2, 3, 3 об.
[51] Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3. М., 1969, стр. 238—239.

нарком назначил слушание проекта на следующий день с приглашением двух докладчиков — В. П. Милютина и П. И. Попова. «Предложить всем остальным лицам, стоящим на платформе большинства и меньшинства съезда статистиков, — говорилось также в решении правительства, — подать свои мнения в Совет Народных Комиссаров в письменном виде, либо передать лично свои соображения тт. Милютину и Попову перед их докладом».[52] Кроме последних, по этому поводу было решено пригласить также профессора Сиринова из Наркомата внутренних дел. Назавтра, 18 июля Совет Народных Комиссаров, заслушав доклады представителей обеих точек зрения (П. И. Попова — от большинства и В. П. Милютина — от меньшинства комиссии), а также содоклад проф. Сиринова, подчеркнул, что единство государственной статистики признается бесспорным. Ленинская поддержка сыграла весьма важную роль и при обсуждении на том же заседании правительства намеченной в проекте структуры центральных статистических органов. Выступив в ответ на критические замечания представителей некоторых ведомств о сложности предлагавшейся организации (коллегия и отделы ЦСУ, съезды, Совет по делам статистики), по свидетельству того же П. И. Попова, «Владимир Ильич заявил, что по его личному опыту статистика, исследование и получение статистических материалов являются делом сложным и что при разработке плана и выработке программы статистических работ и проведении их в жизнь невозможно обойтись без обсуждения в специальных органах и совещаниях и что он, ознакомившись с проектом, находит, что дело организации государственной статистики, по его мнению, построено совершенно правильно».[53] Через несколько дней, после доработки проекта согласно сделанным в заседании СНК замечаниям специальной комиссией (В. П. Милютин — председатель; С. И. Середа, З. П. Соловьев и П. И. Попов), созданной СНК 18 же июля, Советское правительство приняло с некоторыми поправками Положение о государственной статистике, и на отредактированном и выправленном В. И. Лениным тексте проекта Положения его рукой было помечено: «Утверждено. Предс[едатель] СНК В. Ульянов (Ленин). 25/VII 1918».[54]

И в последующие месяцы рассматриваемого периода Советское правительство и его глава В. И. Ленин уделяли большое внимание вопросам организации и практической деятельности советской статистической службы. 7 августа 1918 г. Комиссия при Совете Народных Комиссаров принимает постановление об ассигновании 2 млн руб. на организацию Центрального управления и местных статистических работ.[55] Для разработки материалов переписи 1917 г. и производства в Республике промышленной и профессиональной переписи 12 августа Центральному ста-

---

[52] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 2, л. 129.
[53] Цит. по: С. С. Гуревич. Ук. соч., стр. 104.
[54] Декреты Советской власти, т. III. М., 1964, стр. 87—93.
[55] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 3, л. 72.

тистическому управлению были также специально выделены необходимые ассигнования (6 млн и 14 млн 755 тыс. руб. соответственно).[56] О неизменном внимании руководимого В. И. Лениным Совнаркома к работе советских статистических органов, постоянном стремлении с самого начала обеспечить своевременную разработку статистических данных в интересах успешного решения различных вопросов народохозяйственной жизни страны убедительно свидетельствуют, в частности, постановления Большого Совнаркома от 22, 23 и 29 августа 1918 г., посвященные деятельности ЦСУ в связи с принятием необходимых мер для учета урожая картофеля, введения на него твердых цен, заготовки картофеля и т. д.[57]

Думается, что вышеизложенное полностью подтверждает правильность высказанной ранее мысли о неслучайности проведения в Москве в августе 1918 г. первой переписи служащих советского государственного аппарата. Но имеются и другие и, пожалуй, наиболее веские аргументы.

Проведение переписи советских служащих в августе 1918 г. и характеристика ее материалов

Речь идет о том, что уже в первые послеоктябрьские месяцы в соответствии с указаниями В. И. Ленина были предприняты прямые попытки изучить только еще складывавшийся тогда аппарат пролетарской власти, использовав для этого статистико-социологические методы. Конечно, применительно к самым первым шагам, сделанным в данном направлении уже в ноябре 1917 г., об этом можно говорить несколько условно. Дело в том, что сохранившиеся начиная с этого времени несколько переписей или списков всех помещений Смольного или его значительной части были прежде всего составлены с одной вполне определенной целью — дать точную и правильную информацию о находившихся тогда в Смольном многочисленных советских и партийных организациях и учреждениях. Понятно, что наличие такого подробного и точного перечня помещений Смольного по всем его этажам с указанием названий располагавшихся в них советских, партийных, профсоюзных и других учреждений и организаций, номеров их телефонов, численного и персонального состава сотрудников и их руководства, весьма существенно помогало быстрее ориентироваться в громадном здании штаба социалистической революции и тем самым во многом способствовало оперативности и эффективности работы нового правительственного аппарата в напряженнейшие месяцы, когда решался вопрос, быть или не быть рабоче-крестьянской власти. Именно поэтому составление таких списков явилось одним из самых первых дел, осуществленных сотрудниками рабочего ап-

---

[56] Там же, л. 76—76 об.
[57] См.: там же, № 2, лл. 220, 221, 223, 224, 233—233 об.

парата Советского правительства, а также справочного отдела Смольного. Не останавливаясь на характеристике этих ценных документов,[58] отметим только, что с историей создания одного из них непосредственно связано имя В. И. Ленина. Это отрывной блокнот, принадлежавший первому секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову. На «памятных листках» блокнота, относящегося к 10-м числам декабря 1917 г., разными лицами, как правило руководителями или другими ответственными работниками различных советских и партийных органов, были сделаны краткие записи — ответы на вопросы, написанные Н. П. Горбуновым на первом листке:

«По поручению Вл[адимира] Ильич[а] Ленина прошу каждый отдел, каждую комнату Смольного сообщить о себе подробные сведения:
телефоны комнат
заведующих (фамилии)
секретарей (фамилии)
Домашн[ие] телеф[оны] заведующих и секр[етарей]
Адреса
Компетенция и т. д.

Секрет[арь] Сов[ета] Н[ародных] К[омиссаров]

Н. Горбунов».[59]

В дальнейшем, по мере того как складывались основные звенья центрального советского аппарата, налаживалась их работа, интересы оперативного руководства настоятельно требовали все более точных и подробных сведений о структуре и кадрах, в первую очередь руководящих, народных комиссариатов и других правительственных ведомств. Это было совершенно очевидно для руководителей большевистской партии во главе с В. И. Лениным. Именно с этой целью на заседании Президиума ВЦИК Советов 21 декабря 1917 г. было принято решение организовать Летучую контрольную комиссию, которая должна была работать в соответствии с указаниями Президиума ВЦИК. «Цель этой комиссии, — говорилось в принятом постановлении, — проверять работы и личный состав во всех отделах, комиссариатах и других правительственных и советских учреждениях».[60]

Примерно тогда же, в конце декабря 1917 г. — начале января 1918 г., из Отдела экспедиции и информации при Управлении делами Совнаркома было решено выделить особое Информационное бюро, об одной из главных задач которого можно достаточно определенно судить по сле-

---

[58] Подробнее см.: М. П. Ирошников. Важные документы по истории Советской власти «периода Смольного». — Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.

[59] ЦПА ИМЛ, ф. 461, № 32750, л. 1.

[60] ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 32, № 10, л. 14. — К сожалению, мы не располагаем какими-либо другими сведениями о персональном составе и дальнейшей судьбе этой «контрольной комиссии».

дующему документу. «Совет Народных Комиссаров — говорилось в отношении, выданном С. Г. Марьяновскому 17 января 1918 г. за № 142 и подписанном управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем и секретарем СНК М. Н. Скрыпник, — организуя Информационный отдел, делегирует тов. Марьяновского во все комиссариаты и учреждения им подведомственные на предмет получения детальных сведений относительно имеющихся в них отделов, подотделов, заведующих этими отделами, также подотделами, буде таковые имеются (часы их приема, адреса жительства, №№ телефонов, как служебные, так и домашние) и... [просит] оказывать тов. Марьяновскому всяческое содействие [в] ... получении информационного материала».[61]

Одним из первых результатов деятельности вновь организованного Информационного бюро СНК было, по-видимому, составление специального документа-вопросника под названием «Анкетный лист». Каждый такой «Анкетный лист» содержал в себе три графы (номер по порядку, вопросы, ответы) и состоял из восьми вопросов: 1) какой комиссариат, 2) точный адрес, 3) комиссар (и. о. и ф.), 4) вся коллегия (указать всех товарищей комиссара, каким отделом каждый заведует и секретарей, 5) №№ телефонов, 6) часы приема а) комиссара, б) товарища комиссара, в) справки, г) делопроизводство и канцелярия, 7) домашние адреса (комиссара и всей коллегии и №№ телефонов), 8) в случае экстренной надобности — каким образом можно найти того или другого члена коллегии.

Нам удалось обнаружить несколько экземпляров такого «Анкетного листа», заполненных и заверенных подписями ответственных руководителей) в трех народных комиссариатах — по военным делам,[62] труда и по местному самоуправлению, а также Государственном банке.[63] И надо сказать, что в приведенных в них ответах содержится довольно большое количество конкретных сведений о соответствующих комиссариатах на конец декабря 1917 г.—начало января 1918 г. Например, «Анкетный лист», заполненный в Наркомвоене, свидетельствует, в частности, об определенном своеобразии данного комиссариата, руководство деятельностью которого в первые месяцы Советской власти принадлежало не одному определенному лицу, а коллегии в целом: в ответе на третий вопрос («комиссар, и. о. и ф.») указаны сразу 7 человек — Н. В. Крыленко, В. А. Овсеенко (Антонов), Н. И. Подвойский, Э. М. Склянский, К. А. Мехоношин, П. Е. Лазимир, М. С. Кедров. Становится также совершенно ясным и существовавшее тогда распределение обязанностей среди руководства Наркомвоена, указанное в ответе на четвертый вопрос «Анкетного листа»: «Крыленко — Верховный главнокомандующий; Овсеенко-Антонов — главнокомандующий советскими войсками по борьбе с контрреволюцией; Подвойский, Мехоношин — по организации Красной Армии (Мойка, 67/69); Склянский — по управлению военным ми-

[61] Там же, ф. 130, оп. 2, д. 347, л. 36.
[62] См.: ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, № 72, ч. 1, л. 24—24 об.
[63] См.: ЦПА ИМЛ, ф. 461, № 32989; ф. 5, оп. 1, № 2199а, л. 2.

нистерством (Мойка, 67/69); Лазимир — по снабжению и продовольствию армии; Кедров — по демобилизации армии (Адмиралтейская наб., 10); Секретарь Народного комиссариата по военным делам А. Ф. Ильин-Женевский (Мойка, 67/69); Главноуправляющий С. И. Одинцов (Мойка, 67/69); Заведывающий канцелярией А. И. Сандер (Мойка, 67/69)».[64]

Такие «Анкетные листы» были, по всей вероятности, разосланы во все или по крайней мере большинство народных комиссариатов,[65] руководство которых после заполнения возвращало их в Информационное бюро Совнаркома, а иногда посылало соответствующие копии для сведения в другие важнейшие правительственные ведомства. Так, в адресованном в Наркомвоен письме заведующего Комиссариатом по местному самоуправлению и одновременно члена коллегии НКВД А. П. Смирнова от 20 января 1918 г. говорилось: «Препровождая при сем заполненный анкетный лист со сведениями о руководящем составе Комиссариата по местному самоуправлению, Комиссариат просит срочно сообщить подробные сведения с указанием телефонов о руководящем составе Вашего учреждения».[66]

В то же время уже в начале 1918 г. для руководителей Информационного бюро Совнаркома — организаторов сбора сведений о народных комиссариатах и других советских правительственных органах стала очевидной явная недостаточность информации о главном штабе пролетарской власти — Смольном, полученной на основе упоминавшихся выше перечней его помещений, составленных в ноябре и декабре 1917 г. В связи с этим члены коллегии по заведованию Информационным бюро СНК С. Г. Марьяновский, Л. Я. Озеревская и Л. И. Моргенштерн подали 20 января 1918 г. специальную записку управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу. «Коллегия по заведованию Информационным бюро при Управлении делами Совета Народных Комиссаров, — говорилось в записке, которую ввиду несомненного ее интереса мы приводим далее, — сообщая исчерпывающие сведения о всех комиссариатах и учреждениях им подведомственных, относительно отделов, подотделов (фамилии заведывающих, адреса их, №№ телефонов, служебных и домашних), также работ, производящихся в них и функционального взаимоотношения между ними, удовлетворяя просителей, обращающихся за справками, с одной стороны, и освещая распорядок внутренней деятельности отделов и подотделов во всех правительственных учреждениях, с другой стороны, — считает необходимым одновременно с процессом получения информационного материала в комиссариатах и т. п. срочно собрать сведения для составления алфавитной книги в Смольном относительно комнат, отделов и сотрудников, работающих в них, для чего и предполагает в ближайшие дни примерно во вторник 23 января с. г. в экстренном порядке направить анкетный лист по отделам для его заполнения». Пред-

[64] См.: ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, № 72, ч. 1, л. 24.
[65] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, № 45, л. 1.
[66] ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, № 72, ч. 1, л. 25.

лагая провести такую анкету, — говорилось далее в записке, Информационное бюро преследовало две цели: «а) исчерпывающую осведомленность по части как отделов, так и работ в них производящихся и, что еще важнее, б) выявление моральной и политической физиономии работающих в Смольном сотрудников, их благонадежность нахождения в таком учреждении, где сосредоточена важнейшая артерия, где пульсирует сердце подлинной пролетарской республики — Совет Народных Комиссаров. В зависимости от получения сведений, удовлетворительность которых подлежит решению Совета Народных Комиссаров, — видно будет, кто из сотрудников соответствует или не соответствует своему назначению, требованию политического момента». «Изложив свои соображения, — сообщалось в заключение, коллегия Информационного бюро будет ожидать распоряжений, соответствующих важности поставленного вопроса».[67] К записке был приложен текст анкетного листа, включавшего в себя 8 вопросов: «1) Фамилия, имя и отчество. 2) Адрес. 3) В каком отделе сотрудничает. 4) Политические убеждения. 5) По чьей рекомендации определился на службу. 6) Адрес и номер телефона лица или учреждения, рекомендовавшего сотрудника. 7) Где работал до поступления на службу в Смольный и какую работу выполнял. 8) Состоит ли и работает ли в партии».[68]

Ответ на приведенное выше обращение поступил немедленно — вероятно, в тот же день (во всяком случае, не позднее 21 января). Это видно из самого текста ответного письма, в котором управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич писал: «Товарищи! На Ваше заявление от 20-го сего месяца за № 181 о необходимости провести анкету среди сотрудников Смольного Председатель Совета Народных Комиссаров одобрил предложение коллегии, которой и предписывает провести таковую в экстренном порядке в три дня начиная с 12-ти часов дня понедельника 22-го января с. г. и закончить анкету в среду 24-го января с. г. в 10 часов вечера».[69] Как видим, несмотря на огромную занятость, В. И. Ленин тотчас же ознакомился с представленными ему предложениями, выразил им свою поддержку (это, несомненно, имело решающее значение для их дальнейшей судьбы), а также сделал ряд важных указаний о порядке проведения данной анкеты. Одно из этих указаний Председателя Совнаркома (о конкретных сроках ее проведения в Смольном), как мы уже видели, нашло свое выражение в письме В. Д. Бонч-Бруевича. Кроме того, несомненно в полном соответствии с указаниями В. И. Ленина, помимо этого ответного письма организатору предстоявшего опроса — образованной коллегией Информационного бюро особой анкетной комиссии, 21 января была дана весьма подробная и тщательно разработанная инструкция, подписанная управделами и секретарем Совнаркома. Вот ее текст.

---

[67] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 397, л. 1—1 об.
[68] Там же, л. 2.
[69] Там же, № 347, л. 42.

«Инструкция для Анкетной комиссии в дни анкеты.

1) Главный вход закрывается.
2) Вход и выход допускается только через левую дверь.
3) Справочный стол переносится в дни анкеты в комнату «А».
4) Там же ставят два столика для Анкетной комиссии.
5) Никто не пропускается по паспортам, а только по удостоверениям.
6) На пропуске обозначается фамилия члена Анкетной комиссии, давшего пропуск.
7) Пропуск сохраняется и вновь предъявляется при выходе.
8) Лицо, не предъявившее пропуска при входе или предъявившее пропуск, на котором не обозначена фамилия члена Анкетной комиссии, задерживается».[70]

А на другой день, 22 января, караул у кабинета главы Советского правительства в Смольном, получил специальную письменную инструкцию, в которой предписывалось:

В кабинет Председателя без приглашения пропускать только Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина, народного комиссара по иностранным делам, народного комиссара по делам национальностей, управляющего делами правительства Бонч-Бруевича, секретарей Совета — Горбунова и Скрыпник, личных секретарей Председателя Воробьева и Сидоренко.

Никого другого без специального приглашения со стороны вышеупомянутых лиц не пропускать.

Строжайше исполнять эту инструкцию... Членов Совета Народных Комиссаров, приходящих на заседание Совета, просят проходить прямо в Красный зал.[71]

Нам известны также два документа Управления делами СНК, свидетельствующие о проведении необходимой подготовки к осуществлению указанной ранее анкеты. В первом из этих документов — письме, направленном, по-видимому, 20 или 21 января (судя по исходящему номеру — № 182) в комнату № 44 Смольного (где тогда находился агитационный отдел ВЦИК Советов),[72] канцелярия Совнаркома просила выполнить заказ по напечатанию 500 экз. прилагавшегося образца анкетного листа.[73] Второе письмо исходило от первого секретаря СНК Н. П. Горбунова, который 24 января обратился в типографию «Правды» с просьбой срочно отпечатать 300 экз. анкетных листов и доставить их в Информационное бюро Управления делами Советского правительства

---

[70] Там же, л. 43.
[71] Там же, л. 44.
[72] Это можно установить по «Списку комнат Николаевской половины Смольного института и что в них помещается», относящемуся как раз к началу 1918 г. (см.: ЛПА, ф. 1, оп. 1, № 115, л. 206 об.).
[73] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 347, л. 41.

не позднее 11 часов утра 25 января.[74] К сожалению, самих заполненных материалов анкеты, проведенной, по-видимому, в конце января 1918 г., несомненно, ценнейшего источника по истории Советской власти «периода Смольного», обнаружить пока не удалось. И все же совершенно очевидно, что сам факт проведения в начале 1918 г. подобной анкеты (не говоря уже о целом ряде сопутствовавших этому обстоятельств, и прежде всего руководящем участии В. И. Ленина) является чрезвычайно важным звеном в цепи событий, предшествовавших осуществлению в августе 1918 г. переписи служащих советских учреждений в Москве. Как увидим далее, весьма большой интерес в этом отношении представит, в частности, сравнение формуляров обеих анкет (января и августа 1918 г.) и содержания их основных вопросов.

Следующая попытка собрать единую информацию о центральном аппарате Советской власти относится к весне 1918 г. Она была вызвана переездом Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов из Петрограда в Москву, в связи с чем вновь потребовалось обеспечить каждое из правительственных учреждений необходимыми сведениями о местонахождении и структуре других ведомств. 1 апреля Совет Народных Комиссаров принял внесенный А. Л. Колегаевым 29 марта проект постановления, согласно которому всем комиссариатам предлагалось «в недельный срок представить перечень всех департаментов, отделов и отделений комиссариатов с кратким указанием (в несколько строк) сущности их работ».[75] По получении сведений, которые каждый комиссариат обязан был представить в 50 экземплярах, — говорилось далее в постановлении — Секретариат Совнаркома должен был немедленно разослать поступившие материалы по одному экземпляру в каждый комиссариат.[76] При этом полученную информацию предполагалось использовать не только в справочно-осведомительных целях, но и для ознакомления с организацией правительственных ведомств и изучения ее с целью устранения параллелизма, имевшего место в работе некоторых советских учреждений. Хотя Совнарком, утвердив 1 апреля указанное выше постановление, принял тогда же решение обязать всех народных комиссаров выполнить его в недельный срок,[77] сбор соответствующих сведений все же несколько затянулся.

19 апреля Управлению делами СНК пришлось напомнить руководству народных комиссариатов продовольствия, по морским делам, призрения, путей сообщения, по делам национальностей и имуществ Республики об истечении установленного правительством срока и необходимости немедленного представления запрошенных сведений.[78] Вся необходимая информация, за отдельными исключениями, была, по-видимому, собрана

---

[74] Там же, л. 51.
[75] ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, № 108, л. 33.
[76] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 56, л. 12.
[77] Там же, л. 11.
[78] Там же, л. 45.

в конце апреля — начале мая 1918 г. Во всяком случае 26 апреля Управление делами СНК направило во все комиссариаты списки отделов 16 различных правительственных органов и ведомств,[79] а к аналогичному сопроводительному письму от 10 мая 1918 г., адресованному в Народный комиссариат труда, прилагался уже «перечень всех народных комиссариатов за исключением морского комиссариата и комиссариата путей сообщения» (число прилагавшихся списков отделов различных учреждений составляло теперь 26).[80]

Однако, как уже отмечалось, полученные вновь данные были довольно ограниченными, так как они давали ответ лишь на вопрос о местонахождении центральных советских органов и содержали краткие сведения об основных направлениях работы важнейших отделов наркоматов. Разного рода уточнения и дополнения, которые в дальнейшем получало Информационное бюро при СНК от тех или иных комиссариатов,[81] не вносили ничего принципиально нового в имевшуюся уже общую сводную информацию. В условиях наступившего после подписания Брестского мирного договора периода «мирной передышки», когда на первый план выдвинулась задача организации должным образом управления во всех областях социалистического строительства, этого было явно недостаточно. Для выработки правильных и научно обоснованных решений по вопросам организации управления первым государством пролетарской диктатуры необходимо было возможно более внимательно и глубоко изучить советский государственный аппарат, и в особенности кадры его служащих. Наиболее же радикальным и эффективным средством такого изучения являлась перепись.[82]

Лучше чем кто-либо другой это несомненно понимал Председатель Совета Народных Комиссаров. Точка зрения В. И. Ленина по данному вопросу с предельной четкостью высказана им в письме 25 сентября 1922 г. одному из его заместителей по СНК и СТО. В этом письме, в соответствии с которым и была вскоре проведена в середине октября 1922 г. новая перепись советских служащих в Москве,[83] В. И. Ленин

---

[79] Там же, л. 54. — Эти списки, направленные, например, с соответствующим письмом Управления делами СНК от 26 апреля за № 18918 в Центральную коллегию государственного контроля, составили целое дело в фонде Наркомата государственного контроля, на обложке которого значится «О местонахождении в Москво комиссариатов, ведомств и других установлений Советской власти с перечнем их отделов и делопроизводств» (ЦГАОР СССР, ф. 4390, оп. 2, № 183, лл. 1—74). Аналогичные материалы см., например, также: ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, №№ 353 и 354.

[80] ЦГАНХ, ф. 382, оп. 1, № 6, л. 5.

[81] Так, 8 июня 1918 г. Информационное бюро при СНК, обращаясь в Народный комиссариат государственного контроля, снова просило прислать подробный список сотрудников отдела и ответственных должностных лиц комиссариата с указанием их личных и служебных адресов, номеров телефонов и часов приема (ЦГАОР СССР, ф. 4390, оп. 2, № 183, л. 68).

[82] См.: И. П. Суслов. Ук. соч., стр. 130.

[83] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 658, 659.

писал: «По-моему абсолютно необходимо произвести однодневную перепись всех чиновников и служащих города Москвы. У нас была одна, но слишком давно.

Чтобы сделать это с минимумом расходов (только на бумагу, да и то можно часть отнять из общих запасов Центрального статистического управления), обязать всех, получающих жалованье от Советской власти и *трестов*, дать *самим* сведения (по *краткой* программе, которую Центральное статистическое управление должно выработать *в неделю совместно с РаКри, Госпланом* и т. д.) на личных карточках. *Пока не дадут толком, не платить никому жалованья.*

Тогда получим быстро (штраф за опоздание и за неудовлетворительное исполнение).

Наш аппарат такая мерзость, что его надо чинить радикально. Без переписи невозможно. А Центральное статистическое управление заслуживает проборки за академизм: сидят и пишут „томы", а о насущном не думают». И далее, в посткриптуме подчеркнул: «Применить мобилизацию, если надо, то особым законом. Всех служащих Центрального статистического управления мобилизнуть и известный процент других».[84]

Решение Советского правительства о проведении первой переписи служащих советского государственного аппарата было, по-видимому, несколько ускорено левоэсеровским мятежом 6 июля 1918 г. Уже через день после этих драматических событий, 8 июля (еще до принятия 25 июля Совнаркомом положения о государственной статистике и оформления аппарата Центрального статистического управления) при Совете Народных Комиссаров была образована Комиссия для обследования состава служащих советских учреждений «со стороны их партийности, не исключая Управления делами Совета Народных Комиссаров».[85] В утвержденном Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным протоколе Малого Совнаркома от 8 июля пятый пункт повестки заседания, по которому и было принято данное постановление, был сформулирован как «вопрос о составе служащих в советских учреждениях: их партийность». Но в последующие июльские дни задачи, поставленные перед вновь созданной Комиссией, были, по-видимому, расширены — теперь ей надлежало осуществить большую и ответственную работу по всесторонней проверке состава служащих советских учреждений. Соответственно с этим Комиссия была теперь уполномочена действовать от имени не только Советского правительства, но и ВЦИК Советов. От Центрального Исполнительного Комитета в Комиссию был включен член ВЦИКа большевик И. С. Ашкенази, от Советского правительства — также большевик, член Малого Совнаркома и коллегии Комиссариата государствен-

---

[84] Там же, стр. 290.

[85] ЦПА, ф. 19, оп. 2, № 71, л. 4. Подлинник утвержденного В. И. Лениным протокола заседания Малого СНК от 8 июля 1918 г. см.: там же, ф. 2, оп. 1, № 6524. Об этом см. также: Б. М. Морозов. Партия и Советы в Октябрьской революции, стр. 291.

ного контроля А. В. Галкин. Вскоре на страницах газеты «Известия» появилось обращение Комиссии ко всем советским учреждениям, в котором говорилось:

«Учрежденная при Центральном Исполнительном Комитете и Совете Народных Комиссаров Комиссия для проверки служащих и сотрудников советских учреждений требует от сих последних следующее:

1) Немедленно предложить своим сотрудникам организовать в своей среде партийные фракции.

2) В трехдневный срок представить в Комиссию список фракций советских партий, с указанием фракционных председателей, а где есть и секретарей и точных адресов их, а также телефонов.

3) Немедленно сообщить Комиссии о количестве всех служащих и сотрудников учреждений для получения потребного количества анкетных листов с указанием, куда прислать эти листы, кому сдать и в какое время.

4) По получении анкетных листов немедленно раздать их служащим, а по заполнении проверить официальную часть (должность, фамилию, срок службы и т. п.), заверить ее подписью секретаря и в трехдневный срок со дня получения возвратить в Комиссию.

Вся ответственность за эту работу возлагается на секретарей и заведующих учреждениями, и всякая задержка в работах или уклонение от них повлечет за собой серьезные последствия вплоть до привлечения к суду.

Адрес Комиссии: 1-ый Дом Советов (гостиница «Националь»), комната № 131, Галкину.

Члены Комиссии:

От ЦИК — Ашкенази

От СНК — Галкин».[86]

Таким образом, советским учреждениям было прежде всего предложено организовать в коллективах своих сотрудников партийные фракции и представить в 3-х дневный срок их списки, а также сообщить Комиссии об общем количестве всех служащих для получения необходимого количества анкетных бланков, которые затем надлежало заполнить, заверить и возвратить обратно в Комиссию. В соответствии с этим уже в последних числах июля из народных комиссариатов и других центральных и местных (московских) учреждений стали поступать затребованные сведения. Так, в поступившем в Комиссию отношении от 31 июля 1918 г. за № А-2354 из Главной канцелярии Народного комиссариата торговли и промышленности были, например, приведены списки сотрудников комиссариата, входивших в партийные фракции большевиков, анархистов и левых эсеров, а также сообщались другие сведения, интересовавшие Комиссию по проверке состава служащих и сотрудников со-

[86] Текст этого обращения был напечатан в №№ 158, 159 и 160 «Известий» от 28, 29 и 30 июля 1918 г. См. также: ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 1, лл. 38.

ветских учреждений.[87] Однако таких точных и обстоятельных ответов было, к сожалению, немного.[88] В основном (мы имеем в виду только ответные письма, полученные из центральных советских ведомств) в них сообщалось лишь о том, что партийные фракции были уже организованы несколько месяцев тому назад и указывались только фамилии руководителей (председателей и секретарей) фракций, а также необходимое число анкетных листов.[89] А еще чаще в присланных в Комиссию отношениях народных комиссариатов и других центральных учреждений содержалась единственно просьба о присылке определенного количества (цифра указывалась обычно с некоторым «запасом») анкетных листов.[90] Очень скоро, однако, обнаружилось, что Комиссии, имевшей скромный рабочий аппарат, всего в несколько человек,[91] будет весьма сложно, если не невозможно, обеспечить быструю и оперативную доставку анкетных листов во все многочисленные центральные и местные (московские) учреждения. И вскоре (опять через газету «Известия ВЦИК») Комиссия предложила всем советским учреждениям «немедленно прислать за получением анкетных листов, каковые Комиссией рассылаться не будут».[92] Не ограничиваясь этим, запросив в Управлении делами Совнаркома необходимый указатель всех правительственных учреждений,[93] Комиссия направила также во все народные комиссариаты письма с предложением срочно представить точные сведения о численном и персональном составе служащих и руководстве всех их отделов и отделений.[94] В это же время (в начале августа) выяснилась и недостаточность общего количества бланков анкетных листов, предварительно отпечатанных для проведения переписи. И в связи с поступавшими новыми запросами Комиссии пришлось делать дополнительные заказы на их изготовление. В одном из таких заказов — письме на бланке Отдела фактического контроля Комиссариата государственного контроля (напомним, что член Комиссии А. В. Галкин являлся одновременно и членом коллегии этого комиссариата), адресованном заведующему типографией Московского Совета

[87] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 2, л. 17—17 об.

[88] Таковы письма от Департамента окладных сборов Народного Комиссариата финансов от 30 июля и от Комиссариата по Петроградскому телеграфному агентству от 31 июля (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 2, л. 8, 12).

[89] Там же, л. 21.

[90] Такого рода письма поступили, например, от Управления делами СНК, ВЧК, ВСНХ, комиссариатов иностранных дел, государственного контроля, почт и телеграфов, социального обеспечения, здравоохранения (см.: ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 2, лл. 13, 15, 16, 25, 98, 108, 121, 186).

[91] Точных сведений об общей численности этого аппарата обнаружить не удалось. Сохранилось датированное сентябрем 1918 г. удостоверение одного из сотрудников рабочего аппарата Комиссии, в котором говорилось: «Выдано тов. С. И. Татаринову в том, что он состоит сотрудником Комиссии по проверке служащих советских учреждений и имеет право входа во все учреждения в любое время. Комиссия просит всех товарищей оказывать тов. Татаринову возможное содействие» (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 1, л. 30).

[92] Там же, л. 50 об.

[93] См.: там же, л. 31.

[94] См.: там же, лл. 13, 26.

рабочих и солдатских депутатов, говорилось: «Уважаемый товарищ! Комиссия при Центральном Исполнительном Комитете и Совнаркоме заказала у Вас 25 000 анкетных листов. Ввиду спешности убедительно просим не отказать в экстренном отпечатании еще 25 000 (двадцати пяти тысяч) экземпляров к 19 августа с. г.».[95]

В начале сентября 1918 г. Комиссия по проверке служащих и сотрудников советских учреждений, состоявшая, как уже отмечалось, из представителей Совнаркома и ВЦИК, сочла необходимым (это видно из заявления ее представителей на заседании Президиума ВЦИКа от 4 сентября) «для удобства работы числиться за ВЦИК».[96] На основании данного заявления Президиум ВЦИК принял тогда же, 4 сентября, соответствующее постановление, отправив затем за подписью В. А. Аванесова надлежащие копии и выписки из протокола указанного выше заседания в Совнарком и в саму Комиссию.[97] В дальнейшем деятельность Комиссии, разместившейся к этому времени в Кремле[98] и официально числившейся теперь при ВЦИК, затянулась на несколько месяцев. Это было связано, во-первых, с поступавшей время от времени из различных центральных и местных (московских) советских учреждений досылкой анкетных листов, ранее не представленных по разным причинам (болезни, командировки, принятие на службу новых служащих и т. д.). А, во-вторых, и, думается, это являлось не менее важной причиной, необходимо было осуществить изучение полученных материалов переписи для подведения хотя бы предварительных результатов, а затем обобщения их и представления соответствующих выводов и рекомендаций.

О том, что такого рода работа проводилась Комиссией, свидетельствуют, в частности, сосредоточенные в единую группу материалов различные списки учреждений, представивших заполненные анкетные листы на своих служащих.[99] Об этом же говорит и то обстоятельство, что в отмечавшемся уже выступлении на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. В. И. Ленин привел сведения об общей численности служащих советских центральных и местных (московских) учреждений по переписи, проведенной в августе 1918 г., использовав несомненно данные, представленные ему Комиссией по проверке советских служащих. Однако какие-либо иные сведения об итогах обобщения материалов интересующей нас переписи пока неизвестны. В чрезвычайных условиях наступившего вслед за «мирной передышкой» периода гражданской войны и военной интервенции эта работа, по-видимому, так и не была

---

[95] Там же, л. 35.

[96] Там же, л. 4.

[97] Там же, лл. 5, 7, 8.

[98] Это видно как из поступавшей в адрес Комиссии обширной корреспонденции, так и из ее писем в главные конторы газет «Правда» и «Известия» от 8 сентября 1918 г., в которых выражалась просьба ежедневно присылать эти газеты по адресу: Кремль, Коммунистическая ул., Кавалерийский корпус, 3-й подъезд (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 1, лл. 9, 10).

[99] См.: там же, № 4.

завершена. Вот что именно по этому поводу говорил в указанной выше речи В. И. Ленин: «Тогда, в 1918 г., когда мы, так сказать, в первом пылу реформ, произвели подобную перепись, мы, говоря попросту, почти ничего путного извлечь из ее итогов не могли. Не до того было. Гражданская война не оставляла нам ни малейшей свободной минуты».[100] В конце 1918 г.—начале 1919 г. (точную дату установить пока не удалось) Комиссия по проверке советских служащих была ликвидирована. Однако она оставила после себя поистине уникальное наследство.

В состав хранящегося в ЦГАОР СССР фонда № 3524, в котором объединены материалы Комиссии по проверке служащих и сотрудников советских учреждений при ВЦИК, входят 296 единиц хранения (некоторые из них литерные), состоящие из расположенных в алфавитном порядке личных анкет служащих различных советских учреждений, присланных в Комиссию для проверки, списков ответственных должностных лиц и партийных фракций некоторых ведомств, а также переписки с Комиссией различных народных комиссариатов и других советских учреждений. Как видно из сопроводительных документов, подавляющее число заполненных и заверенных в соответствующих ведомствах и учреждениях анкет поступило в Комиссию в августе—сентябре, некоторая их часть, как уже отмечалось, по разным причинам была дослана в октябре и оставшиеся месяцы 1918 г. Следует специально обратить внимание на то, что нумерация листов архивных дел и количество содержащихся в них анкет советских служащих, как правило, не совпадают. Как указывалось выше, это объясняется наличием обычно в делах наряду с заполненными анкетными бланками сопроводительных бумаг и некоторых других материалов. Так, общее число листов единиц хранения № 204 и № 205, содержащих анкеты служащих собственно центрального аппарата ВСНХ (от «А» до «Л» в № 204 и от «М» до «Я» в № 205), составляет соответственно 536 и 499 листов, т. е. всего 1035 листов, в то время как число заполненных анкет составляет 1000. Необходимо также иметь в виду, что иногда в архивных делах встречаются «сдвоенные» анкеты, т. е. анкетные бланки, заполненные одним и тем же советским служащим в 2 экземплярах. Таковы, например, листы 277 и 278, 377 и 378, 589 и 590 единицы хранения № 10. В результате всего в этом деле имеется не 784 (по общей нумерации листов дела), а 781 анкета служащих и сотрудников ВЧК.

В цитировавшемся уже выступлении В. И. Ленина, в котором говорилось о проведении переписи советских служащих в Москве в августе 1918 г., указывалось на неоднородный состав охваченных переписью учреждений. Напомним эти слова В. И. Ленина: «Мы получили число 231 000 государственных и советских служащих в Москве, число, обнимающее и центральных служащих и местных московских, городских».[101]

---

[100] **В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 250.**
[101] Там же.

И действительно, в составе материалов Комиссии по проверке советских служащих наряду с анкетами сотрудников народных комиссариатов и других центральных советских органов имеются также анкеты служащих самых различных учреждений, предприятий и организаций города Москвы и Московской области, таких, как Моссовет с его многочисленными отделами и управлениями, районные Советы столицы, Московский губернский Совет, высшие и средние учебные заведения, музеи, училища, редакции, больницы, приюты, аптеки, сберкассы, предприятия Московского железнодорожного узла, Александровской, Северной, Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и других железных дорог, национализированные предприятия, находившиеся в ведении ВСНХ, Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Совершенно очевидно, что всестороннее и глубокое изучение в целом такого обширного и разнородного (по своему происхождению) комплекса материалов вполне может и должно стать предметом специального исследования, осуществить которое в полной мере под силу, пожалуй, только при содействии технического чуда XX в. — электронно-вычислительной машины. Мы поставили перед собой более скромную задачу — попытаться провести на основе указанных выше материалов конкретное историко-статистическое изучение одного, но достаточно важного вопроса — проблемы численности и состава кадров центрального советского государственного аппарата к концу периода его создания и упрочения. Правильному и четкому определению круга основных вопросов, наиболее интересных и существенных для характеристики состава служащих народных комиссариатов и других центральных советских государственных органов, весьма способствует наличие совершенно конкретных указаний по этому поводу, сделанных в 20-е годы В. И. Лениным. Так, после проведения переписи советских служащих в Москве в 1920 г., отвечая на запрос управляющего ЦСУ П. И. Попова о том, на какие вопросы должна ответить разработка данных переписи, В. И. Ленин в ответной записке от 30 октября указал следующие:

«1) Число советских служащих.
2) По наркоматам.
3) Если можно — по отделам.
4) Если можно — по главным категориям (спецы, прислуга, канцеляристы и т. п.).
5) Другие сведения (пол и пр.) в зависимости от того, какие сведения есть в опросной карточке».[102]

Примерно через год, получив разработанную ЦСУ общую программу работ, В. И. Ленин в ответном письме руководителям Центрального статистического управления от 1 сентября 1921 г. предложил произвести сокращение программы, оставив «(впредь до расширения средств) лишь *необходимейшие* работы», в числе которых указал на безусловную обязанность ЦСУ в соответствии с постановлением VIII Всероссийского

[102] Там же, т. 51, стр. 322.

съезда Советов «О советском строительстве» «*взяться* за статистическое изучение работы наших советских учреждений, числа служащих и пр.».[103] Отмечая сложность осуществления учета работы советских учреждений, В. И. Ленин вместе с тем подчеркнул, что «трудность не есть невозможность», и сформулировал, в частности, следующую программу такого статистического изучения: «Если не ежемесячно, то раз в 2—3 месяца абсолютно необходимы сводки хотя бы для начала о „наличных штатах" в сравнении с довоенными или с штатами других ведомств, других губерний и т. п., с рациональным подразделением всех служащих на категории (ответственные руководители; чисто канцелярский персонал; прислуга — *примерный* перечень некоторых категорий)».[104] Особый интерес представляли для В. И. Ленина сведения о распределении кадров Коммунистической партии в советском государственном аппарате.[105] Это отчетливо видно из письма В. И. Ленина заведующему статистическим отделом ЦК РКП(б) Н. И. Соловьеву от 5 сентября 1921 г., в котором говорилось: «Нельзя ли выделить более подробные данные о распределении коммунистов по *советским* должностям (кроме Красной армии):

наркомат,
отдел,
подотдел
и т. д.,
и поподробнее характер и род работы.

Хотя бы по Москве (самое главное надо выделить Москву от уезда, если это возможно; Москва — главный центр) и по Питеру.

Мое впечатление — статистика членов РКП берет слишком много мелочей, „обычных" во всякой статистике, но неважных. А нам важны подробности о распределении по *советским должностям*».[106]

---

[103] Там же, т. 53, стр. 151—152.
[104] Там же, стр. 152.
[105] См.: И. П. Суслов. Ук. соч., стр. 123—125.
[106] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, ст. 175.

Глава 2. СОВЕТСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1918 г.

Численность советских служащих

Первым вопросом, на который должна была ответить перепись советских служащих, был вопрос об их численности — общей и по отдельным ведомствам. Можно ли получить на него ответ, располагая материалами переписи, проведенной в Москве в августе—сентябре 1918 г.? Думается, что можно ответить положительно. Материалы переписи позволяют прежде всего получить сведения о численности служащих народных комиссариатов и целого ряда других центральных советских учреждений. Вот результаты проведенных соответствующих статистических подсчетов, сведенные в табл. 1.

Следует сразу же заметить, что приведенные в таблице сведения не являются исчерпывающими. Это связано с рядом обстоятельств. Прежде всего надо иметь в виду, что содержащиеся в материалах переписи анкеты служащих некоторых центральных советских учреждений не представлены полностью. Так, анкет сотрудников бывшего[1] Комиссариата имуществ Республики насчитывается всего 22, в то время как в находящемся вместе с ними в архивном деле общем списке служащих этого ведомства от 29 июля 1918 г. указано 75 человек.[2] Отсутствует некоторая, не слишком, правда, значительная часть анкет сотрудников Наркоминдела — в Комиссию было прислано 287 личных анкет служащих, а их общее количество (это видно из имеющегося в деле списка сотрудников НКИД по состоянию на 27 августа 1918 г.) равнялось 340 человекам.[3] Имеются несомненно не все анкеты сотрудников рабочего аппарата Совнаркома — их всего 40, между тем в штате Управления делами Советского правительства на 1 августа 1918 г. значилось 68 человек.[4] Наконец, последним советским учреждением, которое следует указать в этой группе, является Наркомнац. Прислав в Комиссию анкеты сотрудников основной части своих отделов и национальных ко-

[1] В июле—августе 1918 г. происходила реорганизация Комиссариата имуществ Республики, который был включен в состав Наркомпроса; его функции унаследовал Отдел музеев и охраны памятников при Наркомпросе (подробнее см.: И. С. Смирнов. В. И. Ленин и советская культура. М., 1960, стр. 342—344).

[2] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 13, лл. 2—3 об.

[3] Там же, № 15, лл. 291—296 об.

[4] Там же, № 9; ср.: ф. 130, оп. 2, № 388, лл. 13—13 об.

Таблица 1

Численность служащих советских центральных государственных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Советские центральные учреждения	Число заполнивших анкеты
1. ВЦИК Советов	484
Ревтрибунал при ВЦИКе	38
Управление коменданта Московского Кремля	36
2. Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК)	781
3. Всероссийская Чрезвычайная Эвакуационная Комиссия	486
4. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ)	1000
Центральный комитет текстильной промышленности ВСНХ	2600 *
Центральный мыльный комитет «Центромыло» при ВСНХ	87
Главный сахарный комитет «Главсахар» при ВСНХ	212
Комитет государственных сооружений ВСНХ	482
Главный комитет лесной политики и деревообрабатывающей промышленности (Главлес) ВСНХ	29
Главный табачный комитет при ВСНХ	65
Главный комитет удобрительных туков (Центротук) при ВСНХ	40
Главный торфяной (Центроторф) и нефтяной комитеты при ВСНХ	197
Главный комитет резиновой промышленности (Центрорезина) ВСНХ и Главное управление государственными заводами резиновой промышленности	82
Главный комитет по кожевенной промышленности ВСНХ и Московский районный комитет по кожевенным делам	421
Геологический комитет ВСНХ и управление ирригационных работ в Туркестане	17
Главное управление водного транспорта (Главвод) при ВСНХ	632
Центральная автосекция при ВСНХ	199
5. Бывш. Комиссариат имуществ Республики	22
6. Народный банк РСФСР	3287 **
7. Народный комиссариат внутренних дел (НКВД)	314
Главное управление Советской рабоче-крестьянской милиции при НКВД	88
8. Народный комиссариат по военным делам (Наркомвоен) и Военно-законодательный совет при Наркомате	563
Центральное управление по снабжению армии при Наркомвоене	168
Главное военно-хозяйственное управление при Наркомвоене	136
Ветеринарное управление армии при Наркомвоене	29
Управление по организации армии Всероссийского главного штаба Наркомвоена	112
Военно-учебное управление Всероссийского главного штаба и инструкторские курсы	216
Оперативное и военно-топографическое управления Всероссийского главного штаба Наркомвоена	155
Главное военно-санитарное управление Всероссийского главного штаба Наркомвоена	136
Военно-историческая комиссия по описанию войны 1914—1918 гг. Всероссийского главного штаба Наркомвоена	7
Управление Уполномоченного Главным артиллерийским Управлением по заготовке снарядов по французскому образцу	200
Штаб тяжелой артиллерии особого назначения Наркомвоена	118

Таблица 1 (*продолжение*)

	Советские центральные учреждения	Число заполнивших анкеты
	Главное управление Рабоче-Крестьянского Красного военного воздушного флота Наркомвоена и Московская временная хозяйственно-строительная комиссия при Управлении флотом	237
	Штаб Высшего Военного Совета Наркомвоена	145
	Центральное управление военных сообщений Реввоенсовета Республики	250
	Ликвидационная комиссия советских войск юга России при Наркомвоене	32
	Особая комиссия по снабжению Восточного фронта при Наркомвоене	40
	Высшая Аттестационная Комиссия при Наркомвоене	14
9.	Народный комиссариат государственного контроля	936
10.	Народный комиссариат земледелия	1159
11.	Народный комиссариат здравоохранения	69
12.	Народный комиссариат иностранных дел	287
13.	Народный комиссариат по морским делам	397
14.	Народный комиссариат по делам национальностей	222
15.	Народный комиссариат продовольствия (Наркомпрод)	1470
	Главный комиссар и военный руководитель всеми продовольственными отрядами по реквизиции и вывозу всех продовольственных товаров при Наркомпроде	92
	Центральное закупочное бюро при Наркомпроде	125
	Совет по сооружению продовольственных железных дорог при Наркомпроде	28
16.	Народный комиссариат путей сообщений (НКПС)	1815
	Бюро эвакуированных грузов НКПС	32
	Комиссия по разгрузке Московского узла при НКПС	73
17.	Народный комиссариат почт и телеграфов	277
18.	Народный комиссариат по делам страхования и борьбы с огнем	140
19.	Народный комиссариат социального обеспечения	245
	Центральный комитет по снабжению увечных воинов протезами при Наркомате социального обеспечения	41
20.	Народный комиссариат труда	230
21.	Народный комиссариат торговли и промышленности (Наркомторгпром)	356
	Нешавская таможня	2
	Главное управление пограничной охраны Наркомторгпрома, Главное управление таможенного контроля, Московская и Варшавская таможни	439
22.	Народный комиссариат юстиции	140
23.	Народный комиссариат финансов (Наркомфин)	218
	Главное управление неокладных сборов Наркомфина	410
	Департамент Государственного казначейства Наркомфина	236
	Департамент окладных сборов Наркомфина	178
	Департамент железнодорожных дел Наркомфина	96
24.	Управление делами Совета Народных Комиссаров	40

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных с сопроводительными документами в Комиссию из народных комиссариатов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 5, 6, 9, 10, 12, 13, 15—19, 36, 37, 39, 48—50, 54—57, 59, 60, 62—68, 92—101, 108—111, 120, 121, 124—128, 135—141, 144, 149—154, 193, 203—222, 224, 290).

* Личные анкеты служащих и рабочих Центрального комитета текстильной промышленности ВСНХ и его складов.

** Личные анкеты сотрудников Народного банка РСФСР, его отделений и контор.

миссариатов (Армянский, Белорусский, Латышский комиссариаты; Украинский, Чувашский, Чехо-Словацкий отделы, Отдел горцев Кавказа), Наркомнац вместе с тем не представил, к сожалению, соответствующие сведения о Мусульманском и Еврейском национальных комиссариатах, о комиссариатах по польским и по литовским делам.[5]

Особо необходимо оговорить полное отсутствие в материалах переписи анкетных листов отдельных советских органов. Правда, таких случаев немного. Первый из них связан с Наркомпросом, единственным народным комиссариатом, анкетных листов служащих которого по неизвестным причинам не имеется в фонде Комиссии по проверке советских служащих, за исключением 142 анкет сотрудников Кинематографического комитета, а также пофамильного списка 175 служащих Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины этого же комиссариата.[6] В другом случае отсутствуют анкетные листы двух ведомств Наркомвоена — Всероссийской коллегии по вооружению Рабоче-Крестьянской Красной армии во главе с К. Орловым и Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, которой тогда руководил И. С. Уншлихт. Правда, обращаясь в Комиссию с просьбой о присылке необходимого количества анкетных листов, руководители каждого из этих ведомств одновременно прислали и списки их служащих. Это позволяет хотя бы частично восполнить отсутствие заполненных личных анкет, и в частности определить численность служащих данных учреждений, которая соответственно составляла тогда 42 и 688 человек.[7] Все это позволяет, таким образом, отметить определенный, хотя в общем-то и не слишком значительный недобор, который тем не менее следует учитывать при окончательном статистическом подсчете общей численности служащих советского центрального госаппарата в 1918 г.

Вместе с тем имеется и другое обстоятельство, если можно так сказать, обратного порядка. Дело в том, что в расположенных по алфавиту анкетных материалах некоторых центральных советских ведомств вместе с личными анкетами их сотрудников имеются также и анкетные листы, заполненные служащими подчиненных им соответствующих местных советских учреждений. Отдельные такие случаи видны уже из табл. I. Так, в архивном деле, содержащем личные анкеты служащих Главного комитета по кожевенной промышленности ВСНХ, хранятся и анкеты сотрудников Московского районного комитета по кожевенным делам; в анкетных материалах Главного управления Рабоче-Крестьянского Красного военного воздушного флота Наркомвоена находятся также анкетные листы служащих Московской временной хозяйственно-строительной комиссии при данном управлении.[8] Подобное же явление отмечено нами в присланных в Комиссию анкетных материалах служащих Наркомзема,

---

[5] См.: там же, ф. 3524, оп. 1, № 36.
[6] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 30; № 31, лл. 299—301а.
[7] Там же, № 61, лл. 4—4 об.; № 69, л. 13 и далее.
[8] См.: Там же, №№ 92 и 219.

АНКЕТА

для всѣхъ работниковъ Совѣтскихъ Учрежденій.

Комиссія по провѣркѣ служащихъ и сотрудниковъ проситъ Васъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Фамилія. Дзержинскій	Дзержинскій
2. Имя и отчество. Ф.	Феликс Эдмундович
3. Гдѣ служите (Учрежденіе, Отдѣлъ).	В. Ч. К. президиум
4. Должность (точно).	Предсѣдатель.
5. Сколько времени служите въ этомъ Учрежденіи.	Отъ начала — 7/XII 1917 г.
6. Гдѣ служили до этого Учрежденія.	в Комисс. Вн. дѣл и Петр. Васил. Рев. Ком.
7. Сколько получаете жалованья.	800 руб.
8. Имѣете ли другіе доходы или заработокъ кромѣ жалованья.	нѣтъ
9. Семейное положеніе, получаете ли деньги на дѣтей.	~~нѣ~~ Жена, и ребенок не получает
10. Сколько часовъ работаете въ день урочно и сколько сверхурочно.	Работаю сколько нужно
11. Состояніе Вашего здоровья.	Здоровьем не отличаюсь
12. Удовлетворяетъ ли Васъ работа въ идейномъ отношеніи.	—
13. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ обѣдами, пайками и т. п.—и сколь удовлетворительно.	Пользуюсь
14. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ духовной пищей — книгами, театрами и т. п. и сколь удовлетворительно.	Нѣтъ, нѣтъ времени
15. Кѣмъ рекомендованы на службу.	Совнаркомом
16. Къ какой партіи принадлежите или Вы безпартійный.	Р. К. П. и С. Д. Польши
17. Сколько времени состоите въ этой партіи.	23 года
18. Подпись опрашиваемаго.	Ф. Дзержинскій

Листъ этотъ долженъ быть завѣренъ секретаремъ Учрежденія въ отношеніи пунктовъ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 16, и не позже, какъ въ трехдневный срокъ со дня его полученія возвращенъ въ Комиссію по адресу: Моховая 1-ый Домъ Совѣтовъ (гостин. „Національ"), комната № 131, тов. Галкину,—въ пакетѣ вмѣстѣ съ другими листами и сданъ подъ расписку швейцару гостиницы, что у входа.

За Секретаря
Зав. Общ. К-ріей Шилов

ЧЛЕНЫ КОМИССІИ. А. Галкинъ. Ашкинази.

Анкета Ф. Э. Дзержинского. 1918 г., август—сентябрь. Москва. Фото. ЦГАОР СССР.

401

АНКЕТА

для всѣхъ работниковъ Совѣтскихъ Учрежденій.

Комиссія по провѣркѣ служащихъ и сотрудниковъ проситъ Васъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

Зак. 1042.

ВОПРОСЫ	ОТВѢТЫ.
1. Фамилія	Карпов
2. Имя и отчество	Лев Яковлевич
3. Гдѣ служите (Учрежденіе, Отдѣлъ)	Высший Совет Народного Хозяйства
4. Должность (точно)	Заведующий отделом хим. промышл.
5. Сколько времени служите въ этомъ Учрежденіи.	от 15 Марта 1918 г.
6. Гдѣ служили до этого Учрежденія	Был директором хим. завода Ушкова
7. Сколько получаете жалованья	1500 р. в месяц
8. Имѣете ли другіе доходы или заработокъ кромѣ жалованья.	нет
9. Семейное положеніе, получаете ли деньги на дѣтей.	жена двое детей, не получаю
10. Сколько часовъ работаете въ день урочно и сколько сверхурочно.	Обычно занят все время кроме сна и пищи
11. Состояніе Вашего здоровья.	среднее
12. Удовлетворяетъ ли Васъ работа въ идейномъ отношеніи.	да
13. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ обѣдами, пайками и т. п.—и сколь удовлетворительно.	обедаю в В.С.Н.Х.
14. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ духовной пищей — книгами, театрами и т. п. и сколь удовлетворительно.	нет
15. Кѣмъ рекомендованы на службу	т. Лениным.
16. Къ какой партіи принадлежите или Вы безпартійный.	Член Р.С.Д.Р.П. с момента ее создания и большевист. фр. со 2 съезда, последние годы активного участия в партии не принимал
17. Сколько времени состоите въ этой партіи.	с 1898 г.
18. Подпись опрашиваемаго.	Л. Карпов

Листъ этотъ долженъ быть завѣренъ секретаремъ Учрежденія въ отношеніи пунктовъ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 15, и не позже, какъ въ трехдневный срокъ со дня его полученія возвращенъ въ Комиссію по адресу Моховая, 1-ый Домъ Совѣтовъ (гостин. „Національ"), комната № 131, тов. Галкину,—въ пакетѣ вмѣстѣ съ другими листами и сданъ подъ расписку швейцару гостиницы, что у входа.

ЧЛЕНЫ КОМИССІИ. { А. Галкинъ
Ашкинази.

Анкета Л. Я. Карпова. 1918 г., август—сентябрь. Москва. Фото. ЦГАОР СССР.

АНКЕТА

для всѣхъ работниковъ Совѣтскихъ Учрежденій.

Комиссія по провѣркѣ служащихъ и сотрудниковъ проситъ Васъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

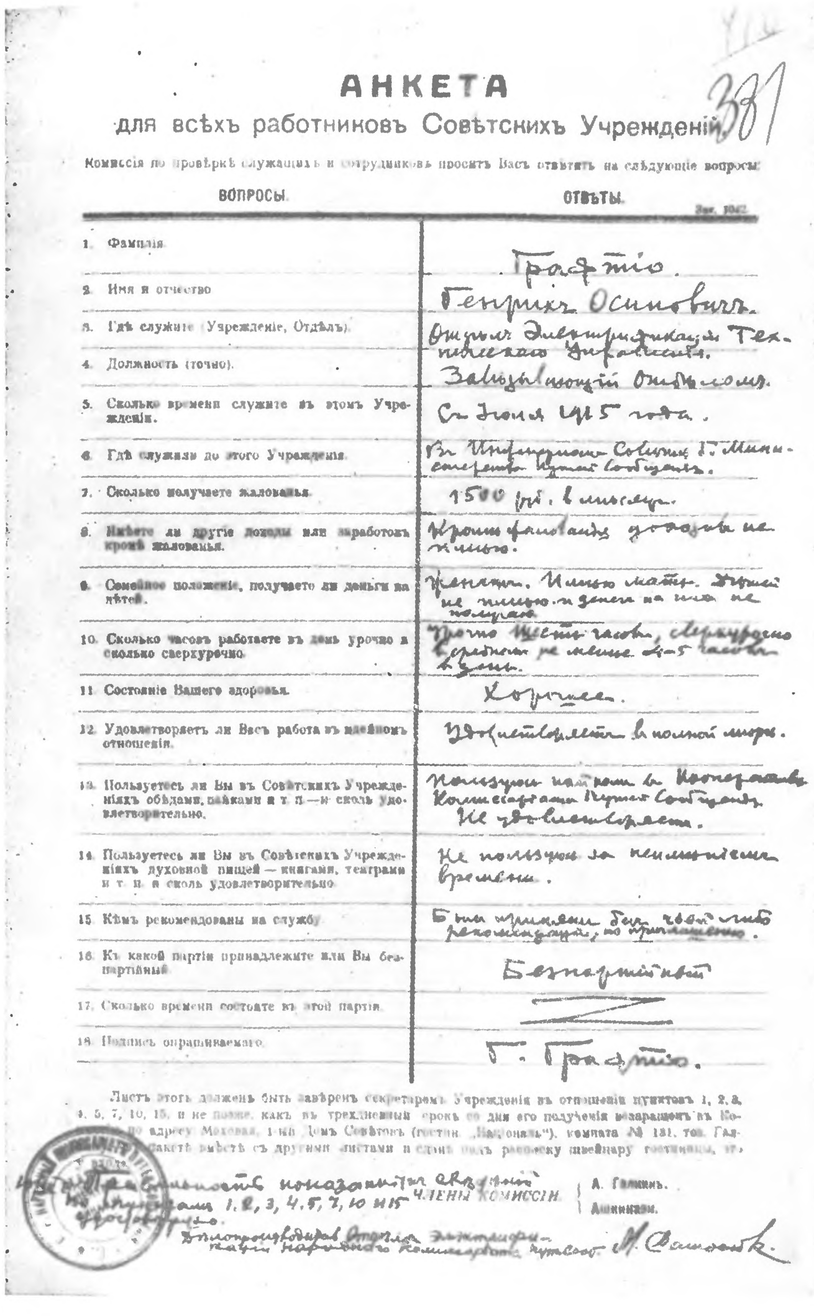
Зак. 1012.

ВОПРОСЫ.	ОТВѢТЫ.
1. Фамилія	Фотіева
2. Имя и отчество	Лидія Александровна
3. Гдѣ служите (Учрежденіе, Отдѣлъ).	в Упр. Дел. Сов. Нар. К-ов
4. Должность (точно).	Замест. Секрет. Сов. Нар. К-ов
5. Сколько времени служите въ этомъ Учрежденіи.	с 25 марта 18 г.
6. Гдѣ служили до этого Учрежденія.	в Нар. К-ти Продовольствія
7. Сколько получаете жалованья.	750 р.
8. Имѣете ли другіе доходы или заработокъ кромѣ жалованья.	нет
9. Семейное положеніе, получаете ли деньги на дѣтей.	одна
10. Сколько часовъ работаете въ день урочно и сколько сверхурочно.	весь день
11. Состояніе Вашего здоровья.	неудовлетворительно
12. Удовлетворяетъ ли Васъ работа въ идейномъ отношеніи.	да
13. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ обѣдами, пайками и т. п.—и сколь удовлетворительно.	пользуюсь обѣдами, неудовлетворительно
14. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ духовной пищей — книгами, театрами и т. п. и сколь удовлетворительно.	нет
15. Кѣмъ рекомендованы на службу.	В. Д. Бонч-Бруевич
16. Къ какой партіи принадлежите или Вы безпартійный.	Большевиков
17. Сколько времени состоите въ этой партіи.	с 1904 г.
18. Подпись опрашиваемаго.	Л. Фотіева

Листъ этотъ долженъ быть завѣренъ секретаремъ Учрежденія въ отношеніи пунктовъ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 15, и не позже, какъ въ трехдневный срокъ со дня его полученія возвращенъ въ Комиссію по адресу: Моховая, 1-ый Домъ Совѣтовъ (гостин. „Національ"), комната № 131, тов. Галкину,—въ пакетѣ вмѣстѣ съ другими листами и сданъ подъ расписку швейцару гостиницы, что у входа.

ЧЛЕНЫ КОМИССІИ. { А. Галкинъ. Ашкиназъ.

Анкета Л. А. Фотиевой. 1918 г., август—сентябрь. Москва. Фото. ЦГАОР СССР.



АНКЕТА

для всѣхъ работниковъ Совѣтскихъ Учрежденій

Комиссія по провѣркѣ служащихъ и сотрудниковъ проситъ Васъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

Зак. 1042.

ВОПРОСЫ	ОТВѢТЫ
1. Фамилія	Графтіо.
2. Имя и отчество	Генрихъ Осиповичъ.
3. Гдѣ служите (Учрежденіе, Отдѣлъ).	Отдѣлъ Электрификаціи Техническаго Управленія.
4. Должность (точно).	Завѣдывающій Отдѣломъ.
5. Сколько времени служите въ этомъ Учрежденіи.	Съ Іюня 1915 года.
6. Гдѣ служили до этого Учрежденія.	Въ Инженерномъ Совѣтѣ б. Министерства Путей Сообщенія.
7. Сколько получаете жалованья.	1500 руб. в мѣсяцъ.
8. Имѣете ли другіе доходы или заработокъ кромѣ жалованья.	Кромѣ жалованья доходовъ не имѣю.
9. Семейное положеніе, получаете ли деньги на дѣтей.	Женатъ. Имѣю мать. Дѣтей не имѣю и денегъ на нихъ не получаю.
10. Сколько часовъ работаете въ день урочно и сколько сверхурочно.	Урочно шесть часовъ, сверхурочно в среднемъ не менѣе 4–5 часовъ в день.
11. Состояніе Вашего здоровья.	Хорошее.
12. Удовлетворяетъ ли Васъ работа въ идейномъ отношеніи.	Удовлетворяетъ в полной мѣрѣ.
13. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ обѣдами, пайками и т. п. — и сколь удовлетворительно.	Пользуюсь пайкомъ в Кооперативѣ Комиссаріата Путей Сообщенія. Не удовлетворяетъ.
14. Пользуетесь ли Вы въ Совѣтскихъ Учрежденіяхъ духовной пищей — книгами, театрами и т. п. и сколь удовлетворительно.	Не пользуюсь за неимѣніемъ времени.
15. Кѣмъ рекомендованы на службу.	Былъ приглашенъ безъ чьей-либо рекомендаціи, по приглашенію.
16. Къ какой партіи принадлежите или Вы безпартійный.	Безпартійный
17. Сколько времени состоите въ этой партіи.	—
18. Подпись опрашиваемаго.	Г. Графтіо.

Листъ этотъ долженъ быть завѣренъ секретаремъ Учрежденія въ отношеніи пунктовъ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 15, и не позже, какъ въ трехдневный срокъ со дня его полученія возвращенъ въ Ко… по адресу Моховая, 1-ый Домъ Совѣтовъ (гостин. „Національ"), комната № 131, тов. Гал… пакетѣ вмѣстѣ съ другими листами и сданъ подъ расписку швейцару гостиницы, …

Правильность показанныхъ свѣдѣній по пунктамъ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10 и 15 удостовѣряю.

ЧЛЕНЫ КОМИССІИ: А. Галкинъ. Ашкинази.

Дѣлопроизводитель Отдѣла Электрификаціи народнаго Комиссаріата путсооб.

Анкета Г. О. Графтио. 1918 г., август—сентябрь. Москва. Фото. ЦГАОР СССР.

среди которых имеются и личные анкеты сотрудников Московского губернского комиссариата земледелия,[9] и, возможно, имеет также место применительно к некоторым другим центральным советским органам. Следовательно, с другой стороны, налицо некоторое (впрочем, опять же не слишком значительное) фактическое превышение численности служащих отдельных центральных советских ведомств, представленных в табл. 1.

И, наконец, следует сделать еще одно существенное замечание. При подсчете численности служащих комиссариатов путей сообщения и государственного контроля учитывалось лишь количество заполненных анкетных листов служащих центрального аппарата этих наркоматов, сосредоточенных и хранящихся, кстати, в отдельных архивных делах. В то же время, осуществляя соответствующие подсчеты в отношении Народного банка РСФСР и Народного комиссариата торговли и промышленности, мы были вынуждены включить в общее число служащих этих ведомств наряду с анкетами сотрудников их центральных аппаратов хранящиеся вместе с ними анкеты работников различных отделений и контор Народного банка, а также приведенные в общем комплексе анкетных листов служащих Главного таможенного управления Наркомторгпрома анкеты сотрудников Московской, Варшавской и Нешавской таможен.

После всех этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению сведенных в табл. 2 результатов конкретных статистических подсчетов, при проведении которых мы старались учесть по возможности приведенные выше и некоторые другие аналогичные дополнительные сведения о количестве служащих отдельных центральных советских учреждений, имеющиеся в материалах переписи 1918 г.

Как видно из табл. 2, общая численность служащих советского государственного аппарата достигала, по материалам переписи 1918 г., 24 522 человек. На основе данных этой же переписи удалось также получить и представляющие несомненный интерес сведения о распределении в 1918 г. служащих советского центрального аппарата по основным отраслям государственного управления. Наибольшее число служащих — почти половина их общего числа (11 848 человек, или 48.3%) приходилось на органы управления народным хозяйством. Причем внутри этой группы центральных советских учреждений, ведавших различными отраслями народного хозяйства, как и следовало ожидать, самым крупным был созданный после Октября новый общегосударственный экономический центр страны — Высший совет народного хозяйства, который по количеству своих сотрудников (5809 человек) более чем в три раза превосходил два других, следующих за ним по численности важнейших ведомства — Народные комиссариаты путей сообщения (1815 человек) и продовольствия (1470 человек), деятельность которых в рассматриваемый

[9] Там же, №№ 109 [личные анкеты служащих Народного комиссариата земледелия от «А» до «Л»] и 110 [личные анкеты служащих Народного комиссариата земледелия от «М» до «Я»].

Таблица 2

Численность основных групп служащих советского центрального государственного аппарата
(по материалам переписи 1918 г.)

Основные группы учреждений советского центрального государственного аппарата	Количество служащих	
	абс.	%
1. Высшие органы государственного управления и учреждения при них: Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК Советов) Управление Коменданта Московского Кремля Управление делами Совета Народных Комиссаров	588	2.4
2. Административно-политические органы: Народный комиссариат внутренних дел Народный комиссариат государственного контроля Народный комиссариат иностранных дел Народный комиссариат по делам национальностей	1900	7.8
3. Органы управления народным хозяйством: Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ) и учреждения при ВСНХ. Всероссийская Чрезвычайная Эвакуационная Комиссия Народный комиссариат земледелия Народный комиссариат продовольствия Народный комиссариат путей сообщения Народный комиссариат почт и телеграфов Народный комиссариат торговли и промышленности	11 848	48.3
4. Органы управления обороной страны и борьбы с контрреволюцией: Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК) Народный комиссариат по военным делам и учреждения при Наркомвоене Народный комиссариат по морским делам	4466	18.2
5. Органы управления социально-культурным строительством: Бывш. Комиссариат имуществ Республики Народный комиссариат здравоохранения Народный комиссариат просвещения Народный комиссариат социального обеспечения Народный комиссариат страхования и борьбы с огнем Народный комиссариат труда	1117	4.6
6. Органы управления финансированием и кредитованием: Народный банк РСФСР Народный комиссариат финансов	4425	18
7. Центральные органы правосудия: Народный комиссариат юстиции Революционный трибунал при ВЦИК	178	0.7
Итого	24 522	100%

Примечание. Таблица составлена на основании материалов, указанных в примечании к табл. 1; см. также: ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, № 388, лл. 13—13 об., и др.

период имела, как известно, исключительно большое значение. Из других входивших в эту группу учреждений следует отметить Народный комиссариат по делам торговли и промышленности (797 человек), в ведении которого в связи с чрезвычайными условиями и громадным увеличением роли ВСНХ в области руководства промышленностью и Наркомпрода — в сфере внутренней торговли — осталась по существу лишь организация товарообмена с иностранными государствами, а также Всероссийскую Чрезвычайную Эвакуационную комиссию (486 человек), образованную декретом Совнаркома от 19 апреля 1918 г. «для наиболее быстрой и планомерной эвакуации военных и других грузов в новые места назначения».[10]

Следующими по численности были две группы, объединявшие центральные органы управления обороной страны и борьбой с контрреволюцией и центральные органы управления финансированием и кредитованием. Почти равные по количеству своих служащих (в первой насчитывалось 4466 человек, или 18.2% общего числа служащих центрального госаппарата, во второй — 4425 человек, или 18%), эти группы имели и сходную внутреннюю структуру (в плане соотношения численности служащих входивших в их состав учреждений). В обоих случаях примерно три четверти общего количества сотрудников каждой из указанных групп приходится на одно ведомство — в одной группе на Народный комиссариат по военным делам с довольно обширной сетью состоявших при нем различных военных органов (3288 человек), в другой — на Народный банк РСФСР с также весьма многочисленными его отделениями и конторами (3287 человек). Значительно меньшей была численность служащих группы административно-политических органов (НКВД, НКИД, Наркомнац, Наркомгосконтроль), руководивших советским и национально-государственным строительством, осуществлявших управление внешнеполитическими связями и государственным контролем, и группы центральных органов управления социально-культурным строительством (в первой группе — 1900 человек, или 7.8% общего числа государственных служащих, во второй 1117 человек, или 4.6%). При этом следует, конечно, иметь в виду, что в действительности последняя из указанных цифр была несомненно существенно большей, так как применительно к Народному комиссариату просвещения в табл. № 2 учтены, как уже отмечалось выше, лишь имеющиеся в материалах переписи 1918 г. сведения о количестве служащих Кинематографического комитета и Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, а также данные о бывшем Комиссариате имуществ Республики, который, как уже говорилось, в рассматриваемый период передавал свои дела, а также сотрудников Наркомпросу. И, наконец, наименьшей по количеству относившихся к ней служащих была группа центральных органов правосудия РСФСР (всего 178 человек, или 0.7% общего числа служащих), состоявшая из Народного комиссариата юстиции, на который возлагалось руко-

[10] Декреты Советской власти, т. II, стр. 142.

водство судебными, прокурорскими, следственными и нотариальными органами, наблюдение за революционной законностью, надзор за местами лишения свободы и исправительно-трудовыми учреждениями и т. д., а также избиравшегося ВЦИК Революционного трибунала, являвшегося одновременно органом судебного надзора и кассационным органом.[11]

Особого комментария заслуживают, по-видимому, приведенные в табл. 2 сведения об объеме аппарата высших органов государственного управления страной, насчитывавшего 588 человек и составлявшего 2.4% общего числа служащих центральных советских учреждений. Думается, не будет преувеличением сказать, что весьма скромные цифры общего количества сотрудников ВЦИК Советов и Совета Народных Комиссаров (отметим, кстати, что на долю ВЦИК с различными его отделами — общей канцелярией, финансовым, распределительным, крестьянским, казачьим, агитационным, военным, издательским и автомобильным, а также комендатурой Московского Кремля приходилось 520 человек, а на долю Управления делами Совнаркома, как уже отмечалось выше, — всего 68 человек) поистине удивительны, особенно если учесть, что речь идет о численности правительственного аппарата такой огромной страны, как Советская Россия. Настойчиво добиваясь всемерного улучшения работы советского правительственного аппарата, В. И. Ленин, как известно, с первых дней существования в России пролетарской власти вместе с тем стремился сделать его возможно более простым, малочисленным и экономичным. «Мы должны свести наш госаппарат, — указывал В. И. Ленин, — до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата».[12] Приведенные выше данные убедительно характеризуют сложившийся уже летом 1918 г. рабочий аппарат высших органов власти и управления Республики Советов — ВЦИКа и Совнаркома как весьма экономичный аппарат, с помощью которого, несмотря на его малочисленность, Советское правительство во главе с В. И. Лениным успешно осуществляло государственное руководство страной.

О методике исследования состава советских служащих

Материалы переписи советских служащих в августе 1918 г. в Москве позволяют ответить не только на вопросы об общей численности сотрудников советского центрального государственного аппарата и количестве (а также удельном весе) служащих по отдельным отраслям государственного управления. Они содержат также ценные данные по целому ряду других важных вопросов, связанных с характеристикой состава служащих советских центральных учреждений. Но если более или менее точный от-

[11] См.: Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917—1967). Справочник. М., 1971, стр. 491, 494.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 405.

вет на первый вопрос можно было, как мы уже видели, получить на основании хотя довольно сложных и трудоемких, но непосредственных подсчетов количества присланных в Комиссию различными советскими ведомствами анкет служащих, с учетом некоторых других дополнительных сведений о численности сотрудников отдельных центральных органов, то во втором случае путь получения интересующих нас сведений несколько иной. Он состоит в последовательном статистико-социологическом изучении и обработке, затем группировке и сводке и, наконец, анализе данных, содержащихся в заполненных советскими служащими анкетных листах. И здесь мы, естественно, приходим к вопросу о том, что, собственно, представлял собою анкетный лист переписи 1918 г., каково было его содержание, или, иначе говоря, формуляр.

Прежде всего следует заметить, что окончательный формуляр анкетного листа, по образцу которого и были затем размножены и распространены для заполнения по всем центральным советским учреждениям анкеты, был, по-видимому, выработан не сразу. Дело в том, что в материалах переписи 1918 г., помимо огромной массы изготовленных по единому образцу анкетных листов, заполненных в подавляющем большинстве советских учреждений, сохранились также и несколько отличные от них анкеты, присланные в Комиссию Народным комиссариатом по делам почт и телеграфов. Сотрудники Наркомпочтеля получили и начали заполнять полученные анкетные листы одними из первых, если не самыми первыми, уже 2 августа 1918 г.[13] Предлагавшийся им для заполнения анкетный лист представлял собою размноженный, вероятно, с помощью гектографа текст, в котором необходимо было ответить на следующие 18 вопросов:

1) имя; 2) отчество; 3) фамилия; 4) какой Комиссариат; 5) занимаемая должность; 6) сколько лет служите; 7) принадлежите ли к политической партии; 8) к какой; 9) когда поступили в партию; 10) какой сочувствуете; 11) подвергались ли репрессиям за политические дела; 12) сколько времени сидели в тюрьме; 13) в ссылке; 14) на каторге; 15) работали ли раньше в Советских учреждениях; 16) в каких; 17) сколько времени; 18) служите в Комиссариате из-за сочувствия Советской власти или по другой причине. Подпись...

Уже беглое ознакомление с приведенным анкетным листом приводит к мысли о явной его неудачности. Так, одни из поставленных вопросов в той или иной степени дублировали другие вопросы анкеты (таковы вопросы за №№ 7, 8 и 10). Некоторые вопросы были излишне раздроблены, и их вполне можно было бы объединить (см. вопросы за №№ 1—3, а также 11—14). Наконец, сама формулировка отдельных вопросов, учитывая специфику состава опрашиваемых, представляется не совсем правильной и недостаточно четкой (таковы, как нам кажется, вопросы за №№ 6 и 17, а также 15 и 16). Чтобы убедиться в этом, достаточно только сказать, что при наличии трех вопросов о работе в советских учрежде-

[13] См.: ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 193, лл. 36, 47, 55, 79, 133 и др.

ниях (№№ 4, 15 и 16), а также двух тесно связанных с ними вопросов о степени продолжительности такой работы (№№ 6 и 17), в анкете не нашлось места для вопроса о месте (или хотя бы роде) службы в период до установления Советской власти, хотя с того времени прошло немногим более полугода. По-видимому, вскоре все это стало очевидным и для составителей данной анкеты и было затем учтено Комиссией по проверке служащих при выработке нового формуляра анкетного листа, ставшего уже окончательным. Во всяком случае служащим всех остальных народных комиссариатов и других центральных советских ведомств были представлены для заполнения анкетные листы уже нового образца, в значительной мере, как увидим далее, отличавшегося от анкеты, проведенной в Наркомпочтеле.

В отпечатанном типографским способом бланке нового анкетного листа, под названием «Анкета для всех работников советских учреждений», имелось 18 пунктов: 1) фамилия; 2) имя и отчество; 3) где служите (учреждение, отдел); 4) должность (точно); 5) сколько времени служите в этом учреждении; 6) где служили до этого учреждения; 7) сколько получаете жалованья; 8) имеете ли другие доходы или заработок, кроме жалованья; 9) семейное положение, получаете ли деньги на детей; 10) сколько часов работаете в день урочно и сколько сверхурочно; 11) состояние вашего здоровья; 12) удовлетворяет ли Вас работа в идейном отношении; 13) пользуетесь ли Вы в советских учреждениях обедами, пайками и т. п. и сколь удовлетворительно; 14) пользуетесь ли Вы в советских учреждениях духовной пищей — книгами, театрами и т. п. и сколь удовлетворительно; 15) кем рекомендованы на службу; 16) к какой партии принадлежите или Вы беспартийный; 17) сколько времени состоите в этой партии; 18) подпись опрашиваемого. Последний пункт не содержал какого-либо вопроса и носил заверяющий характер.

Как видим, сходство анкетного листа нового образца с анкетой, проведенной ранее в Наркомпочтеле, ограничивается фактически лишь общим количеством пунктов да содержанием самых первых вопросов, непосредственно относящихся к личности опрашиваемого (фамилия, имя, отчество). Из остальных вопросов многие впервые включены в анкету нового образца (таковы вопросы за №№ 7—11, 13—15), другие же даны в существенно переработанной или уточненной формулировке (таковы вопросы за №№ 3, 5, 6, 12, 16). Под текстом расположенных в левой части бланка вопросов (в соответствующей части правой его стороны имелось место для приведения ответов) было напечатано особое примечание от Комиссии, подписанное двумя ее ведущими членами — А. Галкиным и И. Ашкенази. Примечание гласило: «Лист этот должен быть заверен секретарем учреждения в отношении пунктов 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 15 и не позже как в трехдневный срок со дня его получения возвращен в Комиссию по адресу: Моховая, 1-й Дом Советов (гостин. «Националь»), комната № 131, тов. Галкину — в пакете вместе с другими листами и сдан под расписку швейцару гостиницы, что у входа». И надо сказать, что если вторая часть данного указания Комиссии (о представлении ей заполнен-

ных анкет не позже чем в трехдневный срок) довольно часто по разным причинам не соблюдалась, то требование о заверке заполненных анкетных листов соответствующими должностными лицами тех или иных учреждений, как правило, выполнялось. Это обстоятельство, естественно, придает еще большую достоверность как присланным в Комиссию анкетным листам в целом, так и в особенности сведениям, содержавшимся в вышеперечисленных их пунктах (фамилия, имя, отчество; место и продолжительность службы, занимаемая должность; размеры жалованья; количество рабочих часов в день — урочных и сверхурочных; сведения о лицах, учреждениях или организациях, рекомендовавших сотрудника на службу).

Как видно из содержания вопросов анкеты нового образца, их круг был достаточно широк и охватывал различные стороны не только служебной деятельности, но и семейных, материально-бытовых и культурных условий жизни советских служащих. Разумеется, все эти разнообразнейшие сведения, содержавшиеся в собранном Комиссией огромном материале, несмотря на отсутствие в анкетном формуляре вопросов о возрасте и поле опрашиваемых, их образовании и национальности, представляют исключительную ценность для исследователей истории Октябрьской революции и первых лет Советской власти. «Анкета — вещь, которая кажется скучной. Но есть анкеты и анкеты. В простых листах бумаги с вопросами и ответами, которые мне суждено было впервые держать в руках, был заключен неповторимый кусок истории».[14] Эти яркие и удивительно емкие слова Е. Я. Драбкиной написаны об анкетах, которые ей довелось раздавать (а затем и обрабатывать) в конце июля 1917 г. делегатам VI съезда РСДРП(б). Но, думается, их в известной мере можно отнести и к анкетам первой переписи советских служащих в 1918 г.

Для нашей темы первостепенный интерес представляют ответы на вопросы за №№ 3, 4, 5, 6, 12, 15, 16 и 17, так как именно в них содержатся сведения о месте службы опрашиваемого и занимаемой им должности (№№ 3 и 4), продолжительности работы в данном учреждении (№ 5), месте прежней службы (№ 6), отношении опрашиваемого к своей работе «в идейном» плане (№ 12), лице, учреждении или организации, рекомендовавших его на службу (№ 15), и, наконец, о его принадлежности к какой-либо партии и партийном стаже (№№ 16 и 17). Как видим, эти данные позволяют попытаться получить ответ на такие важные для характеристики советского центрального государственного аппарата вопросы, как вопросы о его должностном, социальном и партийном составе, идейно-политическом состоянии, об основных источниках и способах формирования и пополнения состава служащих наркоматов и других советских ведомств, количестве новых служащих, поступавших в центральный советский госаппарат в различные периоды на протяжении конца 1917 г. — первой половины 1918 г. Значимость указанных сведений не нуждается, по-видимому, в дополнительных доказательствах.

[14] Е. Я. Драбкина. Черные сухари. М., 1970, стр. 58.

Таблица 3

«Ключ»

Номер и содержание вопроса анкеты	Номер вопроса учетно-регистрационной карточки	Содержание ответа	Номер шифра ответа
4. Должность	I	Руководители высшего звена	1а
		Руководители среднего и низшего звеньев	1б
		Специалисты	2
		Основной состав служащих	3
		Вспомогательный состав служащих	4
		Специальная охрана (для НКИД)	2а
		Сотрудники (для ВЧК, ВЦИК, Ревтрибунала ВЦИК и Наркомнаца)	3а
		Боевые (оперативные) отряды свеаборжцев и самокатчиков (для ВЧК)	4а
5. Сколько времени служите в этом учреждении	II	До 25 октября 1917 г.	5
		После 25 октября 1917 г.	6
		После 1 января 1918 г.	7
		После 10 марта 1918 г.	8
		После 6 июля 1918 г.	9
		Неизвестно (без ответа, прочерк)	5а
6. Где служили до этого	III	Данное учреждение	10
		Другое бывшее правительственное учреждение	11
		Другое бывшее государственное учреждение	12
		Частное учреждение или предприятие	13
		Местное учреждение	14
		Завод, фабрика или другое производственное предприятие	15
		Армия (флот,) учреждение или организация военного ведомства	16
		Партийная работа	17
		Профсоюзная работа	18
		Местный орган Советской власти	19
		Учащийся	20
		Без ответа, прочерк	10а
		Не служил, не работал	11а
		Учебное заведение, научное общество или учреждение	12а
		Красная гвардия, милиция	13а
		Наркомат или другой центральный орган Советской власти	14а
		Неизвестно	15а
		Общероссийское общественное учреждение, организация или союз	16а
		Издательство, редакция газеты или журнала	17а
12. Удовлетворяет ли Вас работа в идейном отношении	IV	Да	21
		Нет	22
		Не вполне, приблизительно и т. п.	23
		Без ответа, прочерк и т. д.	24
		От ответа уклонился, не понимаю	23а
		Не знаю	24а

Таблица 3 (*продолжение*)

Номер и содержание вопроса анкеты	Номер вопроса учетно-регистрационной карточки	Содержание ответа	Номер шифра ответа
		Из-за заработка, для существования (для Наркомпочтеля)	21а
		Служу по специальности (для Наркомпочтеля)	21б
		Работаю на благо народа, родины (для Наркомпочтеля)	22а
15. Кем рекомендован на службу	V	Съездом или ВЦИК Советов, ЦК РКП(б), СНК, Председателем СНК В. И. Лениным, коллегией народного комиссариата	25
		Известным деятелем Коммунистической партии и Советского государства	26
		Членом или партийной организацией РКП(б)	27
		Членом или партийной организацией левых эсеров	28
		Советским учреждением или служащим	29
		Профсоюзом, профорганизацией	30
		Заводом, фабрикой, другим производственным предприятием или их работниками	31
		Воинским или флотским подразделением, военным учреждением или их служащими	32
		Знакомым, родственником	33
		Биржей труда	34
		Самостоятельно, по прошению	35
		Социалистическим союзом рабочей молодежи (ССРМ)	25а
		Членом или партийной организацией социал-демократов интернационалистов	26а
		ВРК, ВМРК или их работниками	27а
		Без ответа, прочерк и т. п.	28а
		Бывшим государственным учреждением или его служащим	29а
		Переведен из другого учреждения	30а
		Рекомендован (приглашен) как специалист	31а
		Общероссийским общественным учреждением, организацией, союзом или их служащими	32а
		По призыву, мобилизации	33а
		Остался в данном учреждении	34а
		Национальной секцией РКП(б)	35а
16. К какой партии принадлежите или Вы беспартийный	VI	Коммунистов (большевиков)	36
		Левых эсеров	37
		Эсеров (правых и центра)	38
		Меньшевиков	39
		Социал-демократов интернационалистов	40
		Анархистов	41
		Беспартийный, прочерк, без ответа	42
		Беспартийный, сочувствующий РКП(б) (стоящий на платформе Советской власти)	43
		Беспартийный, сочувствующий левым эсерам	44
		Вне партий, политикой не занимаюсь	45

Таблица 3 (*продолжение*)

Номер и содержание вопроса анкеты	Номер вопроса учетно-регистрационной карточки	Содержание ответа	Номер шифра ответа
16. К какой партии принадлежите или Вы беспартийный	VI	Беспартийный, выступающий против саботажа, за работу на благо Родины	46
		ССРМ	47
		Левых эсеров, выступающих за сотрудничество с коммунистами	48
		От ответа уклонился	49
		Социал-демократов Польши и Литвы	37а
		Левых эсеров, не согласных с ЦК своей партии	38а
		Национальная секция РКП(б)	39а
		Кандидат в РКП (б)	40а
		Бунд, Поалей-Цион	41а
		Народные социалисты, трудовики	42а
		Анархисты-синдикалисты	43а
		Зарубежная социалистическая или рабочая партия	44а
		Неизвестно	45а
17. Сколько времени состоите в этой партии	VII	До 25 октября 1917 г.	50
		После 25 октября 1917 г.	51
		После 1 января 1918 г.	52
		После 10 марта 1918 г.	53
		После 6 июля 1918 г.	54
		Прочерк, без ответа	55
		Все время, всегда (для беспартийных)	56
		Пока не состою	57
		Неизвестно	50а

Напомним только, что именно на эти стороны результатов статистических переписей и обследований советского госаппарата обращал прежде всего внимание В. И. Ленин. По выделенному нами кругу названных выше вопросов и было осуществлено конкретное историко-статистическое изучение материалов переписи советских служащих в 1918 г.

Несколько дополнительных замечаний о характере выполненного исследования и принятой методике. Первым этапом работы было предварительное изучение материалов переписи. Результатом этого явилось составление так называемого ключа — определенным образом систематизированного перечня возможных ответов на интересовавшие нас вопросы анкетного формуляра; причем каждый из этих ответов был зашифрован под отдельным номером (табл. 3).

Вторую и, надо сказать, весьма трудоемкую стадию исследования составила обработка личных анкет советских служащих, состоявшая в изучении содержавшихся в них ответов на вопросы за №№ 3—6, 12, 15—17 и заполнении затем соответствовавшими им шифрованными номерами «ключа» специальных учетно-регистрационных карточек, где

каждая из просмотренных анкет (а соответственно, и каждый из опрошенных советских служащих) учитывались отдельно.[15] При этом необходимо иметь в виду, что ответы на вопрос № 3 (где служите — учреждение, отдел) анкетного формуляра не были нами зашифрованы в «ключе» и, следовательно, не фиксировались в каждом случае (для каждой анкеты) в учетно-регистрационных карточках, так как изучение и заполнение сведений о служащих любого народного комиссариата или другого центрального советского учреждения производилось на отдельно сгруппированных карточках. Вот образец такой учетно-регистрационной карточки, каждая из которых включала в себя соответствующие данные примерно из 22—26 личных анкет советских служащих.

№ п. п.	Архивная легенда (№ ед. хр. и лл.)	Должность (точно)	Сколько времени служите в этом учреждении	Где служили до этого учреждения	Удовлетворяет ли Вас работа в идейном отношении	Кем рекомендованы на службу	К какой партии принадлежите или Вы беспартийный	Сколько времени состоите в этой партии
—	—	I	II	III	IV	V	VI	VII

1
2
3
и т. д.

Третьей стадией проведенной работы была группировка и подсчет полученных данных по каждому в отдельности из интересовавших нас вопросов анкетного формуляра с последующим затем оформлением их в сводные таблицы, ибо, как известно, важнейшей проблемой статистико-социологических исследований является квантификация, т. е. количественное измерение качественных признаков, или, иначе говоря, получение количественных показателей (в абсолютных и относительных цифрах), характеризующих изучаемые социальные явления и установление, таким образом, меры единства их качественной и количественной определенности.[16]

Но прежде чем перейти к рассмотрению полученных в результате всей этой работы сведений, необходимо также обратить внимание еще на одно обстоятельство. Дело в том, что фактический материал, на основе

[15] В выполнении этой работы большое содействие оказала научный сотрудник ЛОИИ СССР АН СССР З. Н. Савельева, которой автор выражает глубокую благодарность.

[16] В. Н. Шубкин. Социологические опыты. (Методологические вопросы социальных исследований). М., 1970, стр. 48—50. См. также: Количественные методы в социологических исследованиях. Новосибирск, 1964; Количественные методы в социологии. М., 1966; Р. Пэнто, М. Гравитц. Методы социальных наук. М., 1972; В. А. Ядов. Социологическое исследование. М., 1972.

которого было осуществлено настоящее исследование, по своему объему и значению как бы распадается на две части. Материалы первого рода представляют собою данные, являющиеся итогом проведения сплошного изучения всех без исключения анкетных листов (общим количеством 5752), присланных в Комиссию по проверке советских служащих ВЦИК, Высшим советом народного хозяйства, а также двумя его важнейшими и в то же время характерными главными управлениями — Главсахаром и Центроторфом (совместно с Нефтяным комитетом), Всероссийской Чрезвычайной комиссией, Штабом Высшего военного совета, Управлением делами Совета Народных Комиссаров, Народными комиссариатами внутренних дел, здравоохранения, земледелия, иностранных дел, морских дел, по делам национальностей, юстиции, по делам почт и телеграфов и, наконец, Ревтрибуналом ВЦИК. Материалы второго рода — данные, полученные путем такого исследования, при котором из общей массы анкетных листов выделялись и обрабатывались также все анкеты, но заполненные только руководителями высшего, среднего и низшего звеньев (всего —800 анкет) Народных комиссариатов государственного контроля, продовольствия, путей сообщения, социального обеспечения, торговли и промышленности, труда, финансов, Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД, а также Народного комиссариата по военным делам и двух его ведущих органов — Оперативного управления и Управления по организации армии, а также Военно-топографического управления.

Всего, таким образом, в процессе исследования было обработано и изучено 6552 анкеты советских служащих, что составляет свыше 1/4 от общей численности служащих советского центрального государственного аппарата, равнявшейся, по имеющимся материалам переписи 1918 г., 24 522 человекам (табл. 2). Это позволяет с определенным основанием полагать, что полученные в результате настоящего исследования данные являются, как говорят статистики и социологи, вполне репрезентативными (представительными).

Мы руководствовались при этом известным высказыванием В. И. Ленина об отношении к историческим фактам. «В области явлений общественных, — писал он, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только „упрямая", но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже».[17] Развивая эту свою мысль, В. И. Ленин указал далее подлинно научный и единственно правильный метод отбора фактов при исследовании социальных явлений. «Необходимо брать не отдельные факты, — подчеркивал он, — *а всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне закон-

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

ное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная" стряпня для оправдания, может быть, грязного дела. Это ведь бывает... чаще, чем кажется».[18] Как уже справедливо отмечалось в печати, данное указание В. И. Ленина не следует, конечно, понимать так, что исследователь всегда, во всех случаях должен изучать абсолютно все, без единого исключения источники по рассматриваемой теме.[19] Принципиально важно другое — ленинская мысль о том, что в основу научного исследования не может быть положен метод произвольного отбора исторических источников, а на последующей стадии изучения — исторических фактов. Как подчеркивал В. И. Ленин, при отборе фактов «все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев»,[20] но всегда непременным условием является требование, чтобы выявленные и отобранные источники с достаточной полнотой и всесторонностью охватывали всю необходимую для научного анализа совокупность исторических фактов, относящихся к изучаемой проблеме. После этих замечаний перейдем к более подробному рассмотрению полученных итоговых сведений по интересующим нас вопросам.

Должностной состав служащих советских центральных учреждений

Первым из них является вопрос о должности, занимаемой опрашиваемым лицом (№ 4 в анкетном формуляре и № 1 в учетно-регистрационной карточке), ответы на которые дают возможность вполне определенно судить о должностном[21] составе служащих народных комиссариатов и других центральных советских ведомств в рассматриваемый период (табл. 4 и 5).

По-видимому, прежде всего следует сделать некоторые пояснения о критериях, положенных в основу классификации служащих советских центральных ведомств в приведенных выше таблицах. Среди отечественных юристов — государствоведов и административистов отсутствует единство взглядов по вопросу об основаниях классификации и видах государственных служащих. Укажем лишь две наиболее распространенные точки зрения. Так, одни авторы проводят классификацию на основе правового признака, т. е. наличия или отсутствия у государственных служащих права совершать юридические действия, способные порождать, изменять

---

[18] Там же, стр. 351.

[19] Подробнее см., например: З. В. Степанов. Методологические основы отбора источников по истории КПСС. — В кн.: Проблемы методологии социального исследования. Л., 1970, стр. 139—141.

[20] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

[21] Точнее, речь идет о распределении служащих по их роли и характеру труда в аппарате управления. Необходимость данного уточнения вызвана тем, что всякое должностное лицо является служащим, но не всякий служащий — должностное лицо (см.: Г. И. Петров. Советское административное право. Часть общая. Л., 1970, стр. 146—148).

Таблица 4

Распределение по должностям всего состава служащих советских центральных государственных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «должность»	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК	НК почт и телеграфов
1а	Руководители высшего звена	20 2	11 5.2	9 4.6	33 4.2	9 2.9	3 4.3	27 2.3	11 3.8	10 2.5	11 5	6 4.2	—	5 3.4	6 1.2	—	12 4.3
1б	Руководители среднего и низшего звеньев	106 10.6	18 8.5	18 9.1	96 12.3	18 5.7	15 21.7	99 8.5	22 7.7	48 12.1	40 18	13 9.3	8 20	10 6.9	36 7.4	6 15.8	11 4
2	Специалисты	105 10.5	26 12.3	14 7.1	11 1.4	29 9.2	5 7.2	149 12.9	26 9.1	61 15.4	26 11.7	16 11.4	—	21 14.5	15 3.1	1 2.6	2 0.7
3	Основной состав служащих	694 69.4	138 65	137 69.6	116 14.9	240 76.5	36 52.3	818 70.6	69 24	214 53.9	59 26.5	86 61.5	30 75	72 49.7	146 30.2	11 28.9	249 89.9
4	Вспомогательный персонал	75 7.5	19 9	19 8.6	225 28.8	18 5.7	10 14.5	66 5.7	47 16.4	64 16.1	39 17.6	19 13.6	2 5	37 25.5	175 36.2	9 23.8	3 1.1
2а	Специальная охрана	—	—	—	—	—	—	—	112 39	—	—	—	—	—	—	—	—
3а	Сотрудники	—	—	—	143 18.3	—	—	—	—	—	47 21.2	—	—	—	106 21.9	11 28.9	—
4а	Боевые (оперативные) отряды свеаборжцев и самокатчиков	—	—	—	157 20.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Всего ответило	1000 100	212 100	197 100	781 100	314 100	69 100	1159 100	287 100	397 100	222 100	140 100	40 100	145 100	484 100	38 100	277 100

Примечание. Здесь и в табл. 5—22 числитель — абсолютная величина, знаменатель — проценты. Таблица составлена на основании материалов, указанных в примеч. к табл. 1 (там же, №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 205, 212, 217). Сведения по Наркомпочтелю (НК почт и телеграфов) получены на основании ответов его служащих на 6-й вопрос анкеты, распространенной в этом комиссариате, — «6. Сколько лет служите» (там же, № 193).

или прекращать правовые отношения. В соответствии с этим государственные служащие разделяются на три группы: должностные лица, вспомогательный (обслуживающий, технический) персонал и представители власти.[22] Другие авторы рассматривают состав государственных служащих исходя из материального признака — по характеру труда. Так, В. М. Манохин делит служащих на руководящих работников, основной состав и вспомогательный состав; Г. И. Петров указывает такие три группы — руководители, специалисты и технические исполнители (обслуживающий персонал).[23]

Примерно с аналогичных позиций, хотя, естественно, в несколько ином аспекте, рассматривается вопрос о группировке управленческих кадров и в ряде работ советских философов и социологов. Вот что, например, говорится по этому по-

[22] Административное право. Под ред. А. Е. Лунева. М., 1970, стр. 87—91.

[23] См.: В. М. Манохин. Советская государственная служба. М., 1966, стр. 121; Г. И. Петров. Ук. соч., стр. 146—147.

Таблица 5

Распределение по должностям руководящего состава служащих советских центральных государственных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «должность»	НКВД, Главное управление милиции	НК по Военным делам	НК по военным делам: Оперативное и Военно-топографическое управления	НК по военным делам: Управления по организации армии	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
1а	Руководители высшего звена	6 / 66.7	7 / 24	6 / 25	4 / 23.5	12 / 40	23 / 25	27 / 8.9	7 / 39	11 / 26.8	7 / 25.9	8 / 3.8
1б	Руководители среднего и низшего звеньев	3 / 33.3	22 / 76	18 / 75	13 / 76.5	18 / 60	69 / 75	277 / 91.1	11 / 61	30 / 73.2	20 / 74.1	201 / 96.2
	Всего ответило	9 / 100	29 / 100	24 / 100	17 / 100	30 / 100	92 / 100	304 / 100	18 / 100	41 / 100	27 / 100	209 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152).

воду в обобщающем труде В. Г. Афанасьева: «Работников системы управления можно расчленить на три больших класса: руководителей, наделенных правом принимать решение... специалистов, осуществляющих управление техническими, технологическими процессами производства и других сфер общественной жизни... и технических исполнителей, осуществляющих вспомогательную работу по реализации функций управления... Разумеется, это разделение не следует абсолютизировать, поскольку функции трех перечисленных классов работников управленческого труда неразрывно связаны и переплетаются. Скажем, руководитель-единоначальник призван быть и специалистом, в совершенстве знать все стороны деятельности управляемого объекта. Речь может здесь идти лишь о преимущественном аспекте деятельности работников управления».[24] Исходя из уровня участия кадров аппарата управления в выполнении функции социальной организации общества в зависимости от степени их включения в цикл управленческой деятельности, составляющей круг их обязанностей, решает вопрос о группировке управленческих кадров М. Н. Перфильев, также выделяющий три основные группы: «1) группу руководителей, к которой приложимы все существенные признаки исполнительно-распорядительного труда; 2) группу специалистов, к которой приложимы некоторые существенные признаки труда; 3) группу делопроизводственного персонала, к которой приложимы некоторые элементы существенных признаков труда».[25]

Последний из указанных критериев (характер труда) положен в основу действующей в нашей стране с сентября 1967 г. (с момента утверждения ЕНДС — единой номенклатуры должностей служащих) официально принятой классификации служащих по трем основным категориям — руководители, специалисты и технические исполнители.[26] Думается, что для нашего исследования более целесообразной будет именно классификация последнего рода (ею, кстати говоря, пользовался и В. И. Ленин), несмотря на справедливо отмечавшуюся уже в научной печати необходимость дальнейшего совершенствования ЕНДС.[27]

Руководствуясь при составлении перечня основных групп служащих советских центральных ведомств в 1918 г. принятым основанием — характером труда, мы стремились в то же время учесть и некоторые общие особенности их работы в рассматриваемый период. Так, очевидное различие характера выполняемых функций, а соответственно и объема обязанностей, прав и ответственности руководителей тех или иных центральных ведомств (народные комиссары, члены коллегий и заведующие отделами или управлениями ведомств) и руководителей различных более

[24] В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. (Опыт системного исследования). М., 1968, стр. 183.

[25] Б. Д. Лебин, М. Н. Перфильев. Кадры аппарата управления в СССР. Л., 1970, стр. 63—64.

[26] Служащий советского государственного аппарата. Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1970, стр. 27—29.

[27] См.: В. Г. Вишняков. О классификации служащих органов государственного управления. — Правоведение, 1970, № 3, стр. 44.

мелких структурных подразделений (заведующие отделениями, делопроизводственными столами, бюро и т. д.) вызвало необходимость внутреннего подразделения группы «руководителей» на руководителей высшего и отдельно среднего и низшего звеньев. Второй основной группой служащих являются «специалисты» — т. е. те из опрошенных, кто имел специальное или высшее образование (или же значительный практический опыт) и выполнял требовавшую специальных знаний и трудовых навыков и соответственно значительно более высоко оплачиваемую (по сравнению с другими служащими) работу (инженеры, экономисты, юрисконсульты, статистики, агрономы, врачи, преподаватели и т. д.). В третью группу («основной состав служащих») мы включили составлявших действительно значительную часть служащих государственных учреждений секретарей, делопроизводителей и их помощников, журналистов, конторщиков, машинисток, регистраторов, счетчиков, экспедиторов и т. п. делопроизводственный персонал, в круг служебной деятельности которого входила подготовка различных материалов: деловых бумаг, справок, статистической отчетности, перепечатка, оформление, хранение и пересылка служебной документации и т. д., т. е. всех тех, кто обеспечивал техническую сторону исполнительно-распорядительной деятельности наркоматов и других советских органов. Четвертую основную группу образовал «вспомогательный состав служащих» (курьеры, кассиры, уборщицы, дворники, швейцары, истопники, гардеробщики, шоферы служебных автомашин, типографские рабочие, рабочие гаражей и т. п.) — т. е. все те, которые по существу не имели прямого отношения к деятельности того или иного ведомства, а фактически являлись рабочими и лишь исходя из признака хозяйственного обслуживания советских учреждений могли быть отнесены к государственным служащим.[28] Наконец, мы сочли целесообразным, как увидим далее, особо выделить некоторые группы служащих,связанные со спецификой деятельности таких советских учреждений, как ВЧК, ВЦИК, Ревтрибунал ВЦИК, Наркоминдел и Наркомнац.

О чем же говорят цифровые показатели, приведенные в табл. 4 и 5? Остановимся сначала на вопросе об удельном весе различных категорий служащих в общем составе 16 центральных советских учреждений (табл. 4), представляющих все основные отрасли государственного управления. Первый вывод, который можно в связи с этим сделать, состоит в следующем — примерно одинаковая доля (10—15%) числа руководящих работников по отношению к общему количеству служащих большинства указанных учреждений. Так, в ВСНХ численность руководителей всех звеньев равнялась 126 человекам, или 12% общего числа его служащих; в двух его главках, которые можно назвать типичными в этом отношении для органов управления легкой и тяжелой промышленностью, — 29 человек, или 13.7%, в Главсахаре и 27 человек, или те же 13.7%, в Центроторфе совместно с Нефтяным комитетом; 126 человек, или 10.8%, в Наркомземе; 58 человек, или 14.6%, в Наркомате морских дел; 15 человек, или 10.3%,

[28] В. Г. Вишняков. Ук. соч., стр. 46.

в штабе Высшего военного совета; 33 человека, или 11.5%, в Наркоминделе, 6 человек, или 15.8%, в Ревтрибунале ВЦИК, 19 человек, или 13.5%, в Наркомюсте. Незначительные отклонения (в пределах 1.5%) имелись в этом отношении во ВЦИК (42 человека, или 8.6%), в ВЧК (129 человек, или 16.5%?), в НКВД (27 человек, или 8.6%) и в Наркомпочтеле (23 человека, или 8.3%). Несколько больший удельный вес числа руководящих работников наблюдался в рассматриваемый период в двух комиссариатах — Народном комиссариате по здравоохранению (18 человек, или 26%) и Народном комиссариате по делам национальностей (51 человек, или 23%). В Наркомнаце такое явление было связано, по-видимому, с особой спецификой деятельности работавших в его составе различных национальных комиссариатов и довольно большого числа их внутренних отделов. Для Наркомздрава это можно объяснить недавней его окончательной организацией, состоявшейся, как известно, всего лишь во второй половине июля 1918 г.[29] Что же касается рабочего аппарата Совнаркома, то из 8 человек (или 20% числа имеющихся анкетных листов) его сотрудников почти все являлись руководителями низших структурных звеньев Управления делами Советского правительства.

В результате сопоставления приведенных в табл. 4 данных об удельном весе основного состава служащих можно сделать вывод о том, что за исключением ВЦИК и Ревтрибунала ВЦИК, ВЧК и только двух народных комиссариатов — НКИД и Наркомнаца — во всех остальных комиссариатах и других центральных советских учреждениях служащие, выполнявшие делопроизводственные или близкие к ним функции, являлись наиболее крупной по объему группой и составляли 50% и более общего их числа. Причем, если для военного и военно-морского ведомств отклонения от указанной цифры были незначительными — 72 человека, или 49.7%, для Штаба Высшего военного совета и 214 человек, или 53.9%, для Народного комиссариата по морским делам,[30] то для многих других центральных советских учреждений (ВСНХ и двух его главных управлений, Наркомзема и НКВД, а также Управления делами СНК) эта цифра увеличилась в среднем на 20%, а в одном случае (в Наркомпочтеле) повысилась почти на 40% и составляла 249 человек, или 89.9% общего числа сотрудников.

Иное положение наблюдается в ВЧК, Наркоминделе, Наркомнаце, ВЦИК и Ревтрибунале ВЦИК, в которых делопроизводственный персонал составлял соответственно 116 человек, или 14.9%; 69 человек, или 24%; 59 человек, или 26.5%; 146 человек, или 30.2%, и 11 человек, или 28.9%. Разумеется, это не было случайностью и объяснялось особой спецификой деятельности каждого из названных ведомств, в связи с чем,

[29] См.: Собрание узаконений, 1918, № 52, ст. 590.

[30] Примерно такие же цифры наблюдаются и применительно к Наркомздраву (36 человек, или 52.3%), но, по отмечавшимся уже выше соображениям, их следует считать не совсем полными — после окончательного сформирования Наркомздрава численность делопроизводственного персонала, по-видимому, должна была несколько увеличиться.

с другой стороны, в штате их работников имелись такие категории служащих, которые отсутствовали в остальных советских учреждениях. Это прежде всего — сотрудники, составлявшие довольно значительные группы их работников — 143 человека, или 18.3% (в ВЧК), 47 человек, или 21.2% (в Наркомнаце), 106 человек, или 21.9% (во ВЦИК), и 11 человек, или 28.9% (в Ревтрибунале ВЦИК). Из других служащих Наркомнаца в эту группу (сотрудники) были включены также военные и гражданские эмиссары, агитаторы, информаторы и т. д., из служащих ВЦИК — проводники военной литературы, сотрудники — распространители и продавцы литературы, сотрудники агитационного и издательского отделов, отдела по составлению календарей и т. д., из служащих ВЧК (согласно заполненным анкетам) — разведчики и контрразведчики, следователи, ревизоры и т. п. В ВЧК и Наркоминделе, кроме того, имелись еще две группы служащих, присущих лишь этим учреждениям: специальная охрана в Наркоминделе (112 человек, или 39% общего числа служащих) и боевые (оперативные) отряды свеаборжцев и самокатчиков в ВЧК (157 человек, или 20.1% всего состава сотрудников).

Как видно из табл. 4, вспомогательный персонал в большинстве изученных учреждений составлял 5—17% всего их личного состава (до 10% в семи и 10—17% в пяти учреждениях).[31] Больший удельный вес этой категории служащих наблюдается всего в четырех ведомствах — во ВЦИК и Ревтрибунале ВЦИК, в ВЧК и Штабе Высшего военного совета. Думается, что в отношении Штаба ВВС и Ревтрибунала ВЦИК это объясняется довольно большим количеством вестовых, караульных, шоферов, курьеров, служителей и т. п., а в ВЧК было связано с значительным числом работников, занятых в автоотряде и автомобильных мастерских, а также специальной мастерской по пошиву и ремонту обмундирования чекистов. Что же касается ВЦИК, в котором во вспомогательном персонале было занято наибольшее по сравнению с другими ведомствами число служащих (175 человек, или 36.2%), то это было вызвано, во-первых, наличием многочисленных помещений, занятых различными отделами ВЦИК, и в частности издательским отделом и отделом распространения литературы, книжными магазинами и складами (не говоря уже о специфике работы этих отделов), а также необходимостью содержать довольно значительный по тем временам автомобильный гараж и авторемонтные мастерские, обслуживавшие не только ВЦИК, но и Совет Народных Комиссаров. Нехарактерными и, вероятно, не совсем полными представляются имеющиеся данные по Наркомпочтелю — всего 3 человека, или 1.1% общего числа служащих.

Еще меньше различий между цифровыми показателями, характеризующими количество «специалистов» в изученных учреждениях. Составляя в общем 7—15% всего состава сотрудников, число специалистов

[31] Следует отметить, что почти во всех из указанных в табл. 4 ведомствах имелись, помимо издательских отделов, и штатные наборщики, а также другие типографские рабочие.

в каждом отдельном ведомстве зависело от характера его деятельности и степени потребности в высококвалифицированных работниках соответствующего профиля. Существенно отличные показатели имеют в данном отношении лишь четыре ведомства — ВЧК и Наркомпочтель, ВЦИК и Ревтрибунал ВЦИК, число специалистов в которых, судя по данным переписи, было значительно меньшим по сравнению со всеми прочими учреждениями — в ВЧК 11 человек, или 1.4%, во ВЦИК — 15 человек или 3.1%, в Ревтрибунале ВЦИК — 1 человек, или 2.6%, в Наркомпочтеле всего 2 человека, или 0.7% служащих. Причем если в первых трех случаях немногочисленность группы специалистов объяснялась ее специфическим составом — эксперты, врачи, специалисты — литераторы, художники, полиграфисты, связанные с издательским отделом ВЦИК, то в отношении Наркомпочтеля, по-видимому, данное явление связано с довольно большими трудностями в выделении работников этой категории, так как, по всей вероятности, специальное образование или серьезные практические знания и опыт были обязательны для большинства сотрудников этого ведомства.

Обращаясь, наконец, к вопросу о соотношении руководителей высшего звена, с одной стороны, и среднего и низшего звеньев, с другой (табл. 4 и 5), можно проследить иногда менее, чаще более явно выраженную вполне определенную и не требующую особых пояснений тенденцию соответствующей пропорциональности — 1 : 1.5 в Народных комиссариатах государственного контроля и социального обеспечения; 1 : 2 в Наркоминделе, НКВД, Наркомюсте, Штабе Высшего военного совета, указанных выше главках при ВСНХ; 1 : 3 во всех остальных изученных учреждениях Наркомвоена, Наркомпроде, Наркомземе, ВЧК, Наркоматах труда, торговли и промышленности; 1 : 4 в Наркомнаце; 1 : 5 в ВСНХ (центральный аппарат), а также в Народных комиссариатах по морским делам и здравоохранения; 1 : 10 в Наркомате путей сообщения; и, наконец, наибольший показатель такого соотношения — 1 : 25 — имел место в Наркомате финансов (это объясняется одним не наблюдавшимся больше в такой степени ни в одном из других наркоматов обстоятельством — наличием во всех департаментах Наркомфина огромного числа руководителей низшего звена — столоначальников). В одном случае, в Наркомпочтеле, численность обеих групп (внутри руководящего состава) была в общем равной, что можно объяснить, пожалуй, чрезвычайно большой «дробностью» комиссариата, включавшего в себя свыше десятка отделов, ведавших отдельными сторонами его деятельности. В другом, также единственном случае должная, казалось бы, пропорциональность между группами руководителей высшего и среднего и низшего звеньев вообще отстутствует. Как это видно из табл. 5, в Главном управлении рабоче-крестьянской милиции НКВД на 6 (66.7% общего числа служащих) ответственных руководителей приходилось всего 3 (33.3%) руководителя второстепенных структурных подразделений. Но это, казалось бы, непонятное явление становится вполне объяснимым, если только вспомнить, что возникновение цент-

рального аппарата советской милиции относится к августу 1918 г.. а в сентябре—октябре того же года в НКВД как раз происходил процесс организации и формирования Главного управления рабоче-крестьянской милиции.[32]

Состав советских служащих по месту их прежней службы

Теперь перейдем к рассмотрению данных табл. 6 и 7, в которых приведены итоговые результаты ответов на вопрос «где служили до этого» (№ 6 в анкетном формуляре и № III в учетно-регистрационной карточке).

И здесь нам придется прежде всего сделать некоторые пояснения. Как видно из табл. 6 и 7, все содержавшиеся в личных анкетах ответы на названный выше вопрос, исходя из конкретного их содержания, т. е. указаний того или иного предприятия или учреждения, организации или учебного заведения и т. п., были распределены по 19 различным группам. При этом каждой из данных групп была присуща какая-то особая, отличающая ее от остальных групп, черта — общее место службы, единый профиль работы, один и тот же род занятий или, наоборот, наличие одинаковым образом выраженных отрицательных ответов на интересовавший Комиссию по проверке служащих вопрос. Большинство выделенных таким образом групп не требует особых разъяснений, но на некоторых, видимо, следует остановиться. Так, ответы, объединенные в группе «другие бывшие правительственные учреждения» означали, что давшие их советские служащие служили до Октябрьской революции в бывших министерствах или других центральных ведомствах Временного правительства. В группе «другие бывшие государственные учреждения» были объединены ответы служащих, работавших раньше на государственных железных дорогах и в железнодорожных учреждениях, разного рода Особых совещаниях и т. п.; в группе «частные учреждения и предприятия» — ответы служивших ранее в частных банках, акционерных компаниях, страховых обществах, различных конторах, фирмах и т. п. В особую группу мы выделили ответы тех служащих советских центральных учреждений, которые указали, что до поступления в советский госаппарат они работали на заводах, фабриках и других производственных предприятиях (мастерских и т. п.), независимо от того, были ли они государственными или находились в частном владении. Наконец, в группу «местные учреждения» были собраны ответы всех тех из опрошенных, кто раньше служил в различных учреждениях городских и земских органов местного самоуправления и местных судебных, медицинских и т. п. учреждениях; а в группу «Общероссийские общественные учреждения, организации и союзы» — ответы служивших до этого в различных органах и комитетах Всероссийского земского союза и Всероссийского городского союза, в возникших в ходе первой мировой войны

[32] См.: История Советского государства и права. Т. 1. Становление Советского государства и права (1917—1920 гг.). М., 1968, стр. 207.

Таблица 6

Распределение всего состава служащих советских центральных государственных учреждений по месту их прежней службы (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «где служили до этого»	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф–Нефткомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК	НК почт и телеграфов
10	Данное учреждение	98 / 9.8	2 / 0.9	21 / 10.7	—	9 / 2.9	—	330 / 28.4	17 / 5.9	254 / 63.8	—	35 / 25	—	—	3 / 0.6	—	8 / 2.9
11	Другое бывшее правительственное учреждение	19 / 1.9	4 / 1.9	5 / 2.5	2 / 0.3	5 / 1.6	6 / 8.7	31 / 2.7	4 / 1.4	1 / 0.3	1 / 0.4	4 / 2.9	2 / 5	—	—	—	1 / 0.4
12	Другое бывшее государственное учреждение	11 / 1.1	5 / 2.4	4 / 2	5 / 0.6	13 / 4.1	1 / 1.5	11 / 1	11 / 3.8	3 / 0.8	4 / 1.8	2 / 1.4	—	2 / 1.4	8 / 1.7	—	—
13	Частное учреждение или предприятие	136 / 13.6	27 / 12.8	21 / 10.7	67 / 8.6	38 / 12.1	8 / 11.6	71 / 6.1	20 / 7	15 / 3.7	21 / 9.5	11 / 7.9	4 / 10	4 / 2.9	100 / 20.7	4 / 10.5	—
14	Местное учреждение	111 / 11.1	41 / 19.4	32 / 16.3	39 / 5	51 / 16.3	7 / 10.1	137 / 11.8	4 / 1.4	12 / 3	26 / 11.6	11 / 7.9	8 / 20	3 / 2.1	31 / 6.4	6 / 15.8	8 / 2.9
15	Завод, фабрика или другое производственное предприятие	100 / 10	15 / 7.1	22 / 11.2	83 / 10.6	22 / 7	—	22 / 1.9	67 / 23.4	11 / 2.8	15 / 6.8	4 / 2.9	1 / 2.5	—	34 / 7	1 / 2.6	3 / 1.1
16	Армия (флот), учреждение или организация военного ведомства	201 / 20.1	40 / 19	31 / 15.7	287 / 36.7	49 / 15.6	9 / 13	155 / 13.3	64 / 22.3	68 / 17	38 / 17	35 / 25	5 / 12.5	118 / 81.6	106 / 21.9	16 / 42.2	5 / 1.8
17	Партийная работа	4 / 0.4	—	—	14 / 1.8	—	—	1 / 0.1	4 / 1.4	—	7 / 3.2	—	—	—	3 / 0.6	—	—
18	Профсоюзная работа	13 / 1.3	2 / 0.9	2 / 1	6 / 0.8	1 / 0.3	—	4 / 0.4	1 / 0.3	1 / 0.3	1 / 0.4	—	1 / 2.5	—	4 / 0.8	—	1 / 0.4
19	Местный орган Советской власти	50 / 5	3 / 1.4	11 / 5.6	99 / 12.6	21 / 6.7	5 / 7.2	92 / 7.9	18 / 6.3	3 / 0.8	22 / 9.8	9 / 6.4	1 / 2.5	4 / 2.9	27 / 5.6	1 / 2.6	12 / 4.3
20	Учащийся	15 / 1.5	2 / 0.9	2 / 1	5 / 0.6	6 / 1.9	—	33 / 2.9	—	1 / 0.3	6 / 2.7	—	2 / 5	—	8 / 1.7	—	—
10а	Без ответа, прочерк	42 / 4.2	10 / 4.7	3 / 1.5	34 / 4.4	9 / 2.9	4 / 5.8	48 / 4.1	14 / 4.9	7 / 1.8	11 / 5	1 / 0.7	6 / 15	3 / 2.1	30 / 6.2	—	167 / 60.2
11а	Не служил, не работал	40 / 4	18 / 8.5	20 / 10.2	50 / 6.4	42 / 13.4	4 / 5.8	86 / 7.4	28 / 9.8	11 / 2.8	18 / 8.1	8 / 5.7	3 / 7.5	6 / 4.2	33 / 6.8	5 / 13.2	67 / 24.2
12а	Учебное заведение, научное общество или учреждение	22 / 2.2	7 / 3.3	4 / 2	1 / 0.1	6 / 1.9	2 / 2.9	52 / 4.5	4 / 1.4	1 / 0.3	13 / 5.9	1 / 0.7	—	2 / 1.4	6 / 1.2	—	—
13а	Красная гвардия, милиция	1 / 0.1	—	1 / 0.5	13 / 1.7	—	—	2 / 0.2	4 / 1.4	—	5 / 2.3	—	—	—	5 / 1	—	—
14а	Наркомат или другой центральный орган Советской власти	43 / 4.3	13 / 6.1	4 / 2	39 / 5	18 / 5.7	4 / 5.8	32 / 2.8	12 / 4.2	5 / 1.3	13 / 5.9	6 / 4.2	5 / 12.5	1 / 0.7	39 / 8.1	—	4 / 1.4
15а	Неизвестно	8 / 0.8	—	2 / 1	26 / 3.3	1 / 0.3	1 / 1.5	2 / 0.2	9 / 3.1	2 / 0.5	5 / 2.3	1 / 0.7	—	—	6 / 1.2	1 / 2.6	—
16а	Общероссийское общественное учреждение, организация или союз	79 / 7.9	21 / 9.8	11 / 5.6	9 / 1.2	17 / 5.4	17 / 24.6	43 / 3.7	1 / 0.3	2 / 0.5	11 / 5	8 / 5.7	1 / 2.5	1 / 0.7	23 / 4.8	4 / 10.5	—
17а	Издательство, редакция газеты или журнала	7 / 0.7	2 / 0.9	1 / 0.5	2 / 0.3	6 / 1.9	1 / 1.5	7 / 0.6	5 / 1.7	—	5 / 2.3	4 / 2.9	1 / 2.5	—	18 / 3.7	—	1 / 0.4
	Всего ответило	1000 / 100	212 / 100	197 / 100	781 / 100	314 / 100	69 / 100	1159 / 100	287 / 100	397 / 100	222 / 100	140 / 100	40 / 100	145 / 100	484 / 100	38 / 100	277 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 205, 212, 217). Сведения по Наркомпочтелю получены на основании ответов его служащих на вопросы «15. Работали ли раньше в Советских учреждениях» и «16. В каких», анкеты, распространенной в этом комиссариате (там же, № 193).

Распределение руководящего состава служащих советских центральных государственных учреждений по месту их прежней службы
(по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «где служили до этого»	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам: Оперативное и Военно-топографическое управления	НК по военным делам: Управление по организации армии	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
10	Данное учреждение	—	12 / 41.45	9 / 37.5	—	17 / 56.8	20 / 21.6	161 / 52.9	—	4 / 9.8	—	187 / 89.2
11	Другое бывшее правительственное учреждение	—	1 / 3.4	—	1 / 5.9	—	—	2 / 0.7	1 / 5.6	3 / 7.3	1 / 3.7	2 / 1
12	Другое бывшее государственное учреждение	—	1 / 3.4	—	—	1 / 3.3	2 / 2.2	90 / 29.6	—	1 / 2.4	—	8 / 3.8
13	Частное учреждение или предприятие	—	—	—	—	1 / 3.3	6 / 6.5	4 / 1.3	1 / 5.6	6 / 14.7	1 / 3.7	2 / 1
14	Местное учреждение	—	2 / 6.9	—	—	1 / 3.3	18 / 19.6	5 / 1.6	—	2 / 4.9	6 / 22.2	2 / 1
15	Завод, фабрика или другое производственное предприятие	—	—	—	—	—	2 / 2.2	4 / 1.3	1 / 5.6	1 / 2.4	—	1 / 0.5
16	Армия (флот), учреждение или организация военного ведомства	—	12 / 41.45	15 / 62.5	13 / 76.5	—	15 / 16.3	16 / 5.3	3 / 16.6	6 / 14.7	3 / 11.1	1 / 0.5
17	Партийная работа	2 / 22.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 / 0.5
18	Профсоюзная работа	—	1 / 3.4	—	—	—	3 / 3.3	—	1 / 5.6	1 / 2.4	1 / 3.7	—
19	Местный орган Советской власти	3 / 33.35	—	—	—	1 / 3.3	8 / 8.7	3 / 1	1 / 5.6	3 / 7.3	8 / 29.7	2 / 1
20	Учащийся	—	—	—	—	—	—	2 / 0.7	—	—	1 / 3.7	—
10а	Прочерк, без ответа	—	—	—	—	—	—	1 / 0.3	1 / 5.6	2 / 4.9	—	—
11а	Не служил, не работал	—	—	—	—	—	—	—	—	1 / 2.4	1 / 3.7	—
12а	Учебное заведение, научное общество или учреждение	—	—	—	—	—	3 / 3.3	2 / 0.7	1 / 5.6	2 / 4.9	—	1 / 0.5
13а	Красная гвардия, милиция	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14а	Наркомат или другой центральный орган Советской власти	3 / 33.35	—	—	3 / 17.6	5 / 16.7	8 / 8.7	10 / 3.3	4 / 22.1	3 / 7.3	3 / 11.1	—
15а	Неизвестно	1 / 11.1	—	—	—	—	—	—	—	1 / 2.4	—	—
16а	Общероссийское общественное учреждение, организация или союз	—	—	—	—	4 / 13.3	5 / 5.4	3 / 1	4 / 22.1	4 / 9.8	2 / 7.4	2 / 1
17а	Издательство, редакция газеты или журнала	—	—	—	—	—	2 / 2.2	1 / 0.3	—	1 / 2.4	—	—
	Всего ответило	9 / 100	29 / 100	24 / 100	17 / 100	30 / 100	92 / 100	304 / 100	18 / 100	41 / 100	27 / 100	209 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152).

военно-промышленных комитетах, а также различных кооперативных организациях, организациях Красного креста и т. д.

Попробуем теперь кратко охарактеризовать состав служащих советских центральных учреждений по месту их прежней службы. Сначала рассмотрим данные, полученные при изучении анкетных листов всего состава служащих советских центральных учреждений, представленных в табл. 6. И первое, что можно отметить, это примерно одинаковая степень «разброса» количества ответов по различным группам независимо от профиля деятельности того или иного ведомства. В самом деле, довольно отчетливо просматриваются группы, на которые приходятся, если можно так выразиться, более «наполненные» графы по горизонтали. И здесь прежде всего следует выделить графу, в которой приведены зашифрованные под № 16 сведения о тех из ответивших, кто до поступления в центральный советский госаппарат, служил в армии (флоте) или каком-либо учреждении или организации военного ведомства. Надо сказать, что таких оказалось довольно много — это единственная группа, представители которой во всех (за исключением Наркомпочтеля) пятнадцати изученных в полном составе советских учреждениях (табл. 6) насчитывали не менее 12.5%, т. е. около 1/5, или 20%, общего числа служащих в девяти из указанных ведомств, а в трех случаях — еще более высокий процент: в ВЧК — 287 человек, или 36.7%; в Ревтрибунале ВЦИК — 16 человек, или 42.2%, и, наконец, в Штабе Высшего военного совета — 118 человек, или 81.6%. Вторую по своему удельному весу группу составляют две категории служащих, сведения о которых приведены под шифром 13 и 14.

Как видно из табл. 6, число таких сотрудников, которые ранее служили в различных частных учреждениях и предприятиях или в разного рода местных учреждениях, также было довольно значительным. Достаточно сказать, что в девяти из пятнадцати изученных советских ведомств (не считая, повторяем Наркомпочтеля) число сотрудников и той, и другой категории (взятых в отдельности) составляло 10% и более всего состава служащих. Следующую по «представительности» группу образуют служащие, ответы которых приведены в табл. 6 под шифром 10, 15 и 11а. Это прежде всего сотрудники, служившие до Октябрьской революции «в данном учреждении» (т. е. в том бывшем министерстве, на месте которого был создан соответствующий советский наркомат) и составлявшие около 10% и более в пяти ведомствах. Примерно одинаковый удельный вес с этой категорией служащих, на которой подробнее мы остановимся в дальнейшем, имели две другие группы: во-первых, лица, ответившие, что они работали ранее на заводе, фабрике или каком-либо ином производственном предприятии, и во-вторых, лица, ответившие «не служил». И та, и другая категории служащих составляли в отдельности около 10% и выше в четырех из изученных ведомств. Но если о составе первой из них имеются все основания судить вполне определенно, то о составе второй, очевидно, можно только полагать, что наряду с вообще неработавшими ранее (по возрасту или

каким-то другим причинам) в числе ответивших таким образом имелись также и лица, проживавшие в деревнях, находившиеся ранее за границей (эмигранты) и т. д. Четвертую по своему удельному весу группу составляют четыре категории служащих, сведения о которых приведены под шифрованными номерами 10а, 14а, 16а и 19. Две из них включают данные о служащих, являвшихся ранее сотрудниками различных органов Советской власти, центральных (14а) или местных (19), одна (16а) — сведения о тех, кто прежде служил в каких-либо общероссийских общественных учреждениях или организациях, главным образом во Всероссийском земском союзе или Союзе городов. Четвертая категория служащих, входящая в эту группу, к сожалению, оставила без ответа (или же сделала прочерк) поставленный вопрос о месте прежней службы. «Наполненность» соответствующих граф (по горизонтали), в которых приведена цифровая информация о всех 4 категориях данной группы, примерно одинакова. Взятые в отдельности количественные данные о служащих каждой из указанных категорий составляют около 10% и более только в одном (10а и 14а), двух (19) и трех (16а) изученных учреждениях и насчитывают в большинстве остальных 3—10% общего состава сотрудников. Как видно из табл. 6, служащие, вошедшие в рассмотренные выше четыре группы, принадлежат к 10 различным категориям.

Остальные 9 категорий служащих, представленных в этой же таблице под шифрованными номерами 11, 12, 17, 18, 20, 12а, 13а, 15а и 17а, все без исключения составляют, как правило, менее 3% общего состава сотрудников изученных советских органов. Не останавливаясь подробно на характеристике «представительности» различных категорий служащих этой последней группы, отметим лишь, что как это и можно было предполагать заранее, абсолютное и относительное количество сотрудников той или иной категории находилось несомненно в прямой зависимости от профиля и специфики деятельности соответствующего центрального советского учреждения. Так, наибольшее количество служащих, ранее работавших в различных издательствах и редакциях газет и журналов (18 человек, или 3.7%) сосредоточено было, как выяснилось, во ВЦИК, в составе которого, как известно, функционировал специальный издательский отдел. Аналогичным образом, по-видимому, можно объяснить то обстоятельство, что именно в ВЧК оказалось наибольшее по сравнению с другими изученными советскими органами количество сотрудников, занимавшихся в прошлом партийной или профсоюзной работой, а также служивших в Красной гвардии и т. д.

В целом же, говоря о всех изученных советских учреждениях, следует подчеркнуть достаточно «пеструю» (что, впрочем, можно было в общем предвидеть заранее) мозаику, сложившуюся из цифровых показателей, характеризующих долю различных групп служащих по месту их предыдущей работы, которую весьма, конечно, условно можно попытаться представить по приведенным в табл. 6 сведениям (без учета данных о НКПТ) в виде следующей схемы.

(16) — более 10% служащих во всех 15 советских учреждениях.

(13) (14) — около 10% служащих и более в 9 из 15 советских учреждений.

(10) (15) (11а) — около 10% служащих и более в 4—5 из 15 советских учреждений.

(19) (10а) (14а) (16а) — около 10% служащих и более в 1—3 из 15 советских учреждений, в остальных — 3—10%.

(11) (12) (17) (18) (20) (12а) (13а) (15а) (17а) — до 3% служащих в 12 из 15 советских учреждений.

Как видно из табл. 7, еще более определенную картину представляют собой полученные в результате исследования данные о руководящем составе 11 других центральных советских учреждений. Здесь совершенно четко выделяются несколько явно отличающихся друг от друга по «представительности» групп, которые можно для удобства и большей ясности представить также в виде схемы.

(10) — более 20% служащих в 6 из 11 советских учреждений.

(16) — более 20% служащих в 3 из 11 советских учреждений.

(14) (19) (14а) — около 20% служащих и более в 2 из 11 советских учреждений.

(12) (17) (16а) — более 20% служащих в 1 из 11 советских учреждений.

(13) — около 15% служащих в 1 из 11 советских учреждений.

(11) (15) (18) (20) (10а) (11а) (12а) (15а) (17а) — до 10% служащих.

Кроме сразу же бросающегося в глаза весьма значительного количества «старослужащих» в составе руководителей всех трех звеньев приведенных в табл. 7 советских учреждений (подробнее об этом пойдет речь несколько далее), обращает на себя внимание общее сокращение (и это, как нам кажется, вполне понятно) числа тех опрошенных, кто вообще уклонился от ответа или же ответил на поставленный вопрос неопределенно (ср. данные о соответствующих ответах, зафиксированные в табл. 6 и 7 под шифрованными номерами 10а, 11а, 15а).

В связи с этим еще более непонятными выглядят аналогичные сведения по Наркомпочтелю (см. графу Наркомата почт и телеграфов, табл. 6), в котором число оставивших без ответа (прочеркнувших) интересующий нас вопрос или ответивших на него «не служил» составляет в общей сложности 234 человека, или 84.4%, от всего состава служащих, в то время как ни в одном из 15 других изученных «сплошь» наркоматов и иных центральных советских ведомств соответствующие показатели не превышают нигде 15% (табл. 6). Однако это на первый взгляд действительно

странное явление объясняется довольно просто. Дело в том, что, как уже отмечалось раньше, в формуляре анкеты, распространенной в Наркомпочтеле, к сожалению, вместо одного достаточно ясно и четко сформулированного вопроса о месте прежней службы имелись лишь два вопроса о работе только в советских учреждениях — «15) Работали ли раньше в советских учреждениях» и «16) в каких», ответы на которые и послужили основой для составления графы НК почт и телеграфов в табл. 6. При этом, отвечая на указанные выше 15-й и 16-й вопросы проведенной в Наркомпочтеле анкеты, служащие, значительная часть из которых, как увидим в дальнейшем, состояла из чиновников бывшего Министерства почт и телеграфов, попадали, естественно, в затруднительное положение, и большинство из них предпочитало ставить вместо ответа прочерк или вообще ничего не писать. Таких было 167 человек, или 60.2%, всего состава сотрудников Наркомпочтеля. Некоторые же, подтверждая, вероятно, тот факт, что они не работали раньше ни в каких советских учреждениях, писали, понятно, «не служил». Таких было 67 человек, или 24.2%.

Таковы вкратце некоторые соображения о составе служащих центральных советских учреждений, представленных в табл. 6 и 7, по месту их прежней службы. Наряду с этим представляется, как увидим далее, возможным попытаться установить и социальный состав служащих указанных ведомств.

Распределение служащих по времени их поступления в советские центральные государственные учреждения

Теперь рассмотрим интересный вопрос о продолжительности службы опрошенных в ходе переписи 1918 г. сотрудников центральных советских ведомств «сколько времени служите в этом учреждении» — (№ 5 в анкетном формуляре и № II в учетно-регистрационной карточке).

Надо сказать, что подавляющее большинство советских служащих, заполнивших анкеты, в той или иной форме указало время своего поступления на работу в соответствующее советское учреждение. При этом имеется достаточно оснований доверять сообщаемым сведениям. Напомним, что правильность ответов на приведенный выше вопрос (как и ответов на некоторые другие вопросы анкеты) в соответствии с указаниями Комиссии по проверке советских служащих контролировалась и заверялась должностными лицами соответствующих учреждений. Значительное число заполнивших анкеты указывало месяц, а нередко и число такого несомненно важного в жизни каждого из них и поэтому достаточно точно запомнившегося им события — поступления на службу в советское учреждение. Определенную часть анкет, в которых такие сведения отсутствуют, все же удалось датировать не менее точно, исходя из указанных дат их заполнения или заверки должностным лицом учреждения. Имелась, однако, и еще одна категория служащих, отвечавших, казалось бы, вполне определенно на поставленный вопрос (например, «пять месяцев тому назад» или «третий месяц»), ответы которых тем не менее требовали дополнительного уточнения. В подобных случаях мы старались установить

время поступления опрошенного лица в то или иное советское государственное учреждение сами, руководствуясь при необходимости «отсчетов» времени (если, разумеется, не было больше никаких других дополнительных сведений) основным месяцем проведения переписи, т. е. августом 1918 г. В связи с последним обстоятельством и, конечно, не исключенной возможностью допущения некоторой доли ошибок при такого рода подсчетах, нельзя, естественно, говорить об абсолютной точности полученных в результате исследования итоговых данных. Тем не менее изложенное выше позволяет, как нам представляется, вполне обоснованно полагать, что в целом итоговые сведения (табл. 8 и 9) достаточно полно и точно отражают то, что было в действительности.

О чем же говорят приведенные в табл. 8 и 9 итоговые результаты ответов советских служащих на вопрос о том, сколько времени каждый из них служил в соответствующем центральном государственном учреждении? Как они распределились вокруг нескольких основных, на наш взгляд, хронологических рубежей, выделенных главным образом в соответствии с важнейшими историческими событиями того времени, такими как Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, переезд Советского правительства из Петрограда в Москву и наконец, левоэсеровский мятеж 6 июля 1918 г.?

Очень интересно прежде всего выяснить, сколько же оказалось тех служащих, которые ответили, что служили еще до 25 октября 1917 г. (группа под шифром 5). Это важно по двум причинам. Во-первых, это дополнительный источник сведений о количестве чиновников и других служащих министерств. Во-вторых, сопоставление данных о группе под шифром 5 по табл. 8 и 9 со сведениями о группе под шифром 10 в табл. 6 и 7 (т. е. о группе ответивших на вопрос о месте предыдущей службы, что они служили в данном учреждении) позволяет провести своеобразную контрольную проверку степени точности полученных показателей.

Каковы же результаты такого сопоставления? Сначала сравним данные о группах 10 и 5 по табл. 6 и 8. Здесь предварительно следует, разумеется, исключить из рассмотрения сведения о тех наркоматах и других центральных советских органах, которых до Октября не было вообще и которые к тому же не имели каких-либо учреждений — прямых предшественников (ВЧК, Наркомздрав, Наркомнац, Управление делами СНК, Штаб ВВС, Ревтрибунал при ВЦИКе). Сравнение данных об остальных девяти учреждениях показывает, что в пяти из них интересующие нас сведения или равны, или довольно близки к этому. Так, в обоих случаях единым оказался соответствующий показатель для ВЦИК — 3 человека, или 0.6%, и для Наркоминдела — 17 человек, или 5.9%; приближающимся к этому в Наркоматах морских дел — 254 человека, или 63.8% (табл. 6, группа 10), и 248 человек, или 62.5% (табл. 8, группа 5); юстиции — 35 человек, или 25% (табл. 6, группа 10), и 30 человек, или 21.4% (табл. 8, группа 5); центральном аппарате ВСНХ — 98 человек, или 9.8% (табл. 6, группа 10) и 90 человек, или 9% (табл. 8, группа 5). Как увидим далее, сведения о количестве бывших чиновников среди служащих Нар-

Таблица 8

Распределение всего состава служащих по времени их поступления в советские центральные государственные учреждения (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «сколько времени служите в этом учреждении»	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК	НК почт и телеграфов
5	До 25 X 1917	90 / 9	—	4 / 2	—	3 / 1	4 / 5.8	217 / 18.7	17 / 5.9	248 / 62.5	—	30 / 21.4	—	—	3 / 0.6	—	146 / 52.8
6	После 25 X 1917	20 / 2	—	2 / 1	15 / 1.9	25 / 8	—	32 / 2.8	24 / 8.4	19 / 4.8	3 / 1.4	9 / 6.4	8 / 20	4 / 2.9	9 / 1.9	—	44 / 15.9
7	После 1 I 1918	39 / 3.9	5 / 2.4	19 / 9.6	161 / 20.6	27 / 8.6	1 / 1.5	93 / 8	36 / 12.5	18 / 4.5	10 / 4.5	19 / 13.6	5 / 12.5	26 / 17.9	23 / 4.8	2 / 5.3	35 / 12.6
8	После 10 III 1918	549 / 54.9	180 / 84.8	127 / 64.6	314 / 40.3	155 / 49.3	25 / 36.2	557 / 48	111 / 38.8	61 / 15.4	124 / 55.8	62 / 44.3	20 / 50	60 / 41.3	203 / 41.9	27 / 71	38 / 13.7
9	После 6 VII 1918	295 / 29.5	26 / 12.3	45 / 22.8	290 / 37.1	104 / 33.1	39 / 56.5	256 / 22.1	98 / 34.1	51 / 12.8	82 / 36.9	20 / 14.3	7 / 17.5	55 / 37.9	245 / 50.6	9 / 23.7	12 / 4.3
5а	Неизвестно (прочерк, без ответа и т. п.)	7 / 0.7	1 / 0.5	—	1 / 0.1	—	—	4 / 0.4	1 / 0.3	—	3 / 1.4	—	—	—	1 / 0.2	—	2 / 0.7
	Всего ответило	1000 / 100	212 / 100	197 / 100	781 / 100	314 / 100	69 / 100	1159 / 100	287 / 100	397 / 100	222 / 100	140 / 100	40 / 100	145 / 100	484 / 100	38 / 100	277 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 205, 212, 217). Сведения по Наркомпочтелю получены на основании ответов его служащих на 6-й вопрос анкеты, распространенной в этом комиссариате, — «6. Сколько лет служите» (там же, № 193).

Таблица 9

Распределение руководящего состава служащих по времени их поступления в советские центральные государственные учреждения (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «сколько времени служите в этом учреждении»	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам: Оперативное и военно-топографическое управления	НК по военным делам: Управление по организации армии	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
5	До 25 X 1917	—	5 / 17.2	5 / 20.9	—	14 / 46.6	3 / 3.3	98 / 32.3	—	—	—	183 / 87.5
6	После 25 X 1917	1 / 11.1	5 / 17.2	—	—	—	9 / 9.8	8 / 2.6	—	2 / 4.9	5 / 18.5	2 / 1
7	После 1 I 1918	—	2 / 6.9	7 / 29.1	—	3 / 10	9 / 9.8	61 / 20.1	—	4 / 9.8	4 / 14.8	3 / 1.4
8	После 10 III 1918	—	17 / 58.7	7 / 29.1	17 / 100	11 / 36.7	57 / 61.9	74 / 24.3	16 / 88.9	33 / 80.4	16 / 59.3	15 / 7.2
9	После 6 VII 1918	8 / 88.9	—	4 / 16.7	—	2 / 6.7	12 / 13	59 / 19.4	2 / 11.1	2 / 4.9	2 / 7.4	6 / 2.9
5а	Неизвестно (прочерк, без ответа и т. п.)	—	—	1 / 4.2	—	—	2 / 2.2	4 / 1.3	—	—	—	—
	Всего ответило	9 / 100	29 / 100	24 / 100	17 / 100	30 / 100	92 / 100	304 / 100	18 / 100	41 / 100	27 / 100	209 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152).

компочтеля (табл. 21 и комментарий к ней) можно получить лишь из табл. 8. Поэтому, разумеется, также единым оказался интересующий нас показатель (146 человек, или 52.8%) и для шестого изученного учреждения — Наркомпочтеля. Таким образом, в шести из десяти «сплошь» изученных (и поддающихся сравнению) центральных советских учреждений соответствующие показатели о количестве бывших чиновников и других старослужащих совпадают или близки к этому. Проведенное исследование, следовательно, в целом достаточно верно, по-видимому, отражает представительность «старослужащих» в большинстве из изученных центральных советских органов.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания и на то, что в четырех оставшихся из изученных «сплошь» учреждений интересующие нас показатели о группах 10 (по табл. 6) и 5 (по табл. 8) расходятся между собой, причем в одном случае (в Наркомземе) весьма существенно (см. ниже): [33]

Шифр ответов	Содержание ответов	ВСНХ		НК внутренних дел	НК земледелия
		Главсахар	Центроторф—Нефткомитет		
10	Данное учреждение	2 / 0.9	21 / 10.7	9 / 2.9	330 / 28.4
5	До 25 X 1917	—	4 / 2	3 / 1	217 / 18.7

Более того, подобное же явление наблюдается при сравнении соответствующих показателей в отношении руководящего состава других изученных советских учреждений, где тоже только в половине, т. е. в пяти из десяти поддающихся сопоставлению случаев (не учитывая Управления по организации армии Наркомвоена, не имевшего непосредственного предшественника), они равны или приближаются к этому (в наркоматах социального обеспечения, труда, финансов, государствен-

Шифр ответов	Содержание ответов	НК внутренних дел, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам, Оперативное и Военно-топографическое управления	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
10	Данное учреждение	—	12 / 41.45	9 / 37.5	17 / 56.8	20 / 21.6	161 / 52.9	—	4 / 9.8	—	187 / 89.2
5	До 25 X 1917	—	5 / 17.2	5 / 20.9	14 / 46.6	3 / 3.3	98 / 32.3	—	—	—	183 / 87.5

[33] Настоящие данные взяты из табл. 6 и 8.

ного контроля и Главном управлении милиции НКВД), а в остальных пяти расходятся между собой (см. стр. 377).[34]

На первый взгляд такая ситуация свидетельствует о неверности или по крайней мере неточности сведений в отношении какой-то одной из сопоставляемых групп. Однако в действительности это «противоречие» имело вполне реальное основание. В чем же здесь дело? Попытаемся разобраться в этом. Выше мы уже неоднократно наблюдали на примере Наркомпочтеля трудности, которые возникали у его сотрудников при ответах на многие вопросы распространенной в данном комиссариате особой анкеты. Это было связано с явлением, достаточно хорошо известным в литературе, на которое специалисты-статистики и социологи неизменно обращают внимание при характеристике методологии проведения статистико-социологических наблюдений и обследований. Вкратце речь идет о формулировке вопросов, включенных в программу анкеты, интервью и т. п. Именно правильная, тщательно продуманная формулировка вопросов, их простота и точность, абсолютная ясность и единообразие понимания во многом способствует доброкачественности полученного в результате исследования материала. И, наоборот, при неверной или даже неточной формулировке исследователь в лучшем случае получает обычно ответ совсем не на тот вопрос, который его интересует.[35]

Именно этим, думается, можно объяснить и своеобразную ситуацию, отмеченную выше. Лежащее в основе ее обстоятельство заключалось, по всей вероятности, в том, что многие служащие отвечали на поставленный перед ними вопрос анкеты («5. Сколько времени служите в этом учреждении?»), исходя из точного, можно даже сказать, буквального понимания формулировки его содержания. В соответствии с этим они указывали в своих ответах лишь время службы в э т о м, т. е. советском учреждении, не считая срока своей ранней службы в бывших министерствах и, конечно же, тем более не учитывая довольно продолжительный период участия (для весьма значительной части из них) в чиновничьем саботаже. Это, по-видимому, и лежит в основе определенного расхождения приведенных показателей по некоторым центральным советским учреждениям. При этом нельзя не отметить, что общий характер этого расхождения вместе с тем косвенно подтверждает высказанное объяснение его основной причины. В самом деле, во всех без исключения случаях расхождений соответствующих показателей, абсолютные и относительные данные по группе под шифром 10 неизменно выше сведений о группе под шифром 5. С другой стороны, если взять в совокупности сведения о всех трех группах служащих (под шифром 5,6 и 7), поступивших в советский госаппарат на протяжении «Смольнинского периода» деятельности Совет-

[34] Настоящие данные взяты из табл. 7 и 9.

[35] См.: И. В. С и п о в с к а я. О применении статистических методов в социологических исследованиях. — В кн.: Проблемы методологии социального исследования. Л., 1970, стр. 106; П. П. М а с л о в. Статистика в социологии. М., 1971, стр. 213, 214; В. Э. Ш л я п е н т о х. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М., 1973, стр. 112—114.

Шифр ответов	[Содержание ответов [36]	НК по военным делам	НК по военным делам, Оперативное и Военно-топографическое управления	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК торговли и промышленности	НК финансов
10	Данное учреждение	12 / 41.45	9 / 37.5	17 / 56.8	20 / 21.6	161 / 52.9	4 / 9.8	187 / 89.2
5	До 25 X 1917	5 / 17.2	5 / 20.9	14 / 46.6	3 / 3.3	98 / 32.3	—	183 / 87.5
6	После 25 X 1917	5 / 17.2	—	—	9 / 9.8	8 / 2.6	2 / 4.9	2 / 1
7	После 1 I 1918	2 / 6.9	7 / 29.1	3 / 10	9 / 9.8	61 / 20.1	4 / 9.8	3 / 1.4
		12 / 41.3	12 / 50	17 / 56.6	21 / 22.9	167 / 55	6 / 14.7	188 / 89.9

[36] Настоящие данные взяты из табл. 7 и 9.

Шифр ответов	Содержание ответов [37]	ВСНХ		НК внутренних дел	НК земледелия
		Главсахар	Центроторф—Нефткомитет		
10	Данное учреждение	2 / 0.9	21 / 10.7	9 / 2.9	330 / 28.4
5	До 25 X 1917	—	4 / 2	3 / 1	217 / 18.7
6	После 25 X 1917	—	2 / 1	25 / 8	32 / 2.8
7	После 1 I 1918	5 / 2.4	19 / 9.6	27 / 8.6	93 / 8
		5 / 2.4	26 / 12.6	55 / 17.6	342 / 29.5

[37] Настоящие данные взяты из табл. 6 и 8.

ского правительства (т. е. до переезда его в Москву 10 марта 1918 г.), то получается довольно любопытная картина.

Как видим, взятые из табл. 8 и 9 объединенные сведения[38] во всех собственно случаях (за исключением только НКВД, доступ в который бывшим чиновникам по понятным причинам был затруднен) или совпадают, или в общем довольно близки данным, характеризующим группу под шифром 10 по табл. 6 и 7. В связи с этим невольно напрашивается мысль о том, что, по всей вероятности, все те из заполнивших анкеты, кто ранее служил в бывших министерствах и указал на это, отвечая на ее 6-й вопрос (т. е. включенные в группу под шифром 10), приступили к работе в различных советских центральных ведомствах не одновременно, а в разные месяцы, впрочем, одного и того же петроградского периода деятельности Совнаркома. Данное обстоятельство нашло сначала свое логическое отражение в ответах этой части служащих, а затем и в соответствующих показателях трех указанных уже групп под шифром 5, 6 и 7, охватывающих различные хронологические отрезки как раз этого периода. Именно оно проливает дополнительный свет на наблюдавшееся выше некоторое «противоречие» и, как представляется, во многом объясняет его, позволяя вместе с тем полагать о достоверности в целом соответствующих сведений о количестве бывших чиновников в центральном советском госаппарате.

В то же время в целом ряде других советских учреждений значительная часть сотрудников — бывших старослужащих, а нередко их подавляющее число или даже все они, как уже отмечалось, указывали в своих ответах сроки, учитывая прежнюю службу до 25 октября 1917 г. При этом иногда имели место любопытные случаи, когда бывшими чиновниками в этот срок включалось фактически и время, на протяжении которого они участвовали в контрреволюционном саботаже. Именно в связи с этим в графе ответа на 5-й вопрос анкеты, заполненной одним из бывших чиновников Министерства финансов, в это время служащим Наркомфина Н. А. Андреевым, кроме его собственного ответа «с 1-го сентября 1917», заверявшим анкету должностным лицом комиссариата была сделана красноречивая приписка — «саботировал до 26 марта с. г.»,[39] а в другом случае, помимо сообщения Баженова А. А., что он служит уже 7 с половиной лет, было специально отмечено — «не саботировал».[40] Все это, конечно, необходимо учитывать при рассмотрении и использовании данных, характеризующих группу под шифром 5 в табл. 8 и 9.

В целом же указанные таблицы дают интересную и довольно динамичную картину процесса формирования центрального советского государственного аппарата на протяжении почти всего первого года его сущест-

[38] Напомним, что в данном случае учитывались сведения лишь по тем центральным советским учреждениям, по которым, как мы уже видели, показатели по группе под шифром 5, взятые отдельно, расходились с соответствующими показателями группы под шифром 10.

[39] ЦГАОР СССР, ф. 3524, № 124, л. 9; см. также лл. 1, 2, 13—16, 18, 19, 21, 23, 28, 31, 34, 41—43 и др.

[40] Там же, л. 12.

вования, позволяют более или менее точно проследить последовательность наполнения его кадрами. Как уже отмечалось, естественными хронологическими рубежами, вокруг которых распределились основные группы вновь поступавших сотрудников, явились три события — Октябрьское вооруженное восстание, переезд Советского правительства из Петрограда в Москву и, наконец, мятеж левых эсеров в июле 1918 г. Сразу же необходимо заметить, что данные, приведенные о первом из трех выделенных таким образом хронологических периодов, т. е. о времени формирования советского госаппарата в Петрограде, конечно же, далеко не полны. И это вполне понятно, так как положительно ответить на вопросы, относящиеся к концу 1917 г. — началу 1918 г., в условиях переписи, проводившейся в Москве в августе 1918 г., могла лишь та, в общем-то не столь уже значительная часть служащих, которая была эвакуирована вместе с правительственным аппаратом из Петрограда в Москву. Таким образом, взятые в совокупности данные, которые приводятся в табл. 8 и 9 под рубриками групп 5, 6 и 7, следует рассматривать лишь как сведения о количестве служащих, приехавших из Петрограда в Москву весной 1918 г., а не материал, позволяющий судить о темпах строительства советского правительственного аппарата в самые первые месяцы его существования. Впрочем, то, несомненно, весьма немаловажное обстоятельство, что определенная часть (к сожалению, пока неизвестны точные сведения) первых сотрудников Наркоматов была при эвакуации рассчитана и оставлена в Петрограде, следует обязательно иметь в виду и при изучении других сторон советского центрального госаппарата (его должностного, партийного состава и т. д.), так как очевидно, что данные переписи августа 1918 г. не позволяют, конечно, в достаточной мере полно и глубоко охарактеризовать его состояние в «период Смольного».

Каково же было число советских служащих, прибывших в Москву из Петрограда? Как видно из табл. 8, в разных комиссариатах их количество было неодинаковым. Из учреждений, где проводилось изучение всего состава служащих, меньше всего, а точнее до 10%, приехало в группе, в которую входили ВЦИК (35 человек, или 7.3%) и Ревтрибунал ВЦИКа (2 человека, или 5.3%), комиссариаты по делам национальностей (13 человек, или 5.9%) и здравоохранения (5 человек, или 7.3%), Управление Главсахар ВСНХ (5 человек, или 2.4%). Более 10% работников прибыло в составе центрального аппарата ВСНХ (149 человек, или 14.9%), таких ведущих главков ВСНХ, как Центроторф—Нефтяной комитет (25 человек, или 12.6%), а также в Наркомате внутренних дел (55 человек, или 17.6%). Во всех остальных изученных «сплошь» советских учреждениях (их осталось восемь и они составляют половину всей данной группы) число эвакуированных сотрудников нигде не опускается ниже 20% всего состава их работников. При этом в шести из них количество приехавших оказалось еще более высоким — не менее 25% состава служащих. Вот эти данные: ВЧК — 176 человек, или 22.5%, Штаб Высшего военного совета — 30 человек, или 20.8%, НКИД — 77 человек, или 26.8%, Наркомзем — 342 человека, или 29.5%, Управление делами СНК — 13 человек,

или 32.5%, НКЮ — 58 человек, или 41.4%, Наркоммордел — 285 человек, или 71.8%, и НКПТ — 225 человек, или 81.3%. Как видим, согласно материалам переписи, до 10 марта 1918 г. на работу в народные комиссариаты земледелия и юстиции, а также Управление делами СНК поступило (в каждом отдельном случае) около 1/3 всех их сотрудников, а в наркоматы по морским делам и по делам почт и телеграфов еще более значительное число — свыше 70% всех служащих. Это, конечно, весьма высокие показатели. И, по-видимому, к ним следует относиться осторожно. Во всяком случае, если для Управления делами Совнаркома приведенные цифры, как мы уже знаем, явно занижены, то в отношении комиссариатов земледелия и почт и телеграфов, а возможно, и по морским делам они, наоборот, могут быть несколько завышены. Не исключено, в частности, что в итоговые показатели по этим наркоматам попало некоторое число служащих, которые хотя и числились в рассматриваемый период по данным ведомствам, фактически работали во входивших в их систему каких-либо московских органах.

Значительно более высоким оказался в целом по сравнению с учреждениями, состав служащих которых был изучен «сплошь», удельный вес приехавших из Петрограда среди руководящего состава других обследованных советских ведомств. Достаточно сказать, что лишь в двух случаях они составляли (округленно) около 20% всего состава руководящих работников: в Наркомпроде (21 человек, или 22.9%) и в Наркомате по делам торговли и промышленности (6 человек, или 14.7%). В шести других изученных учреждениях их доля нигде не опускалась ниже 1/3, в четырех случаях составляла половину и более руководителей всех трех звеньев: в Наркомтруде — 9 человек, или 33.3%, в центральном аппарате Наркомвоена — 12 человек, или 41.3%, в Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоена — 12 человек, или 50%, в НКПС — 167 человек, или 55%, в Наркомате государственного контроля — 17 человек, или 56.6%, и, наконец, в Наркомате финансов — 188 человек, или 89.9%. Такое явление представляется вполне закономерным — ведь для возможно более быстрой реорганизации и успешного продолжения работы наркоматов в новых, московских, условиях совершенно необходимо было обеспечить преемственность хотя бы основной части руководящих кадров. Правда, при несомненной общей достоверности показателей, приведенных в табл. 9, некоторые из них, возможно, также могут быть уточнены. Так, отмеченный выше при характеристике данных о количестве прибывших из Петрограда по Наркоматам земледелия, почт и телеграфов и морских дел момент следует, видимо, иметь в виду и при рассмотрении сведений о руководящем составе комиссариатов путей сообщения и, особенно, финансов. Вызывает удивление и полное отсутствие каких-либо данных о прибывших из Петрограда руководящих работниках Наркомата социального обеспечения (табл. 9). Можно только полагать, что последнее было, по-видимому, связано с выходом весной 1918 г. из состава Совнаркома А. М. Коллонтай, вместе с которой, возможно, ушли из наркомата и некоторые другие, близкие ей руководящие работники.

Переходя к рассмотрению той группы служащих центрального советского госаппарата, которая поступила на работу на протяжении второго из выделенных нами трех основных периодов, а именно после переезда Советского правительства в Москву и до левоэсеровского мятежа 6 июля, следует сразу же специально оговорить одно обстоятельство. Оно состоит в некоторой условности даты 10 марта 1918 г. при всей ее очевидной, казалось бы, определенности. Связано это с тем, что переезд установленного круга лиц из состава сотрудников народных комиссариатов не был осуществлен полностью в один прием, совместно с переездом Совнаркома и ЦК большевистской партии 10—11 марта, а проводился и в последующие дни и даже недели. Поэтому при всей точности даты 10 марта 1918 г. весьма трудно выделить тех советских служащих, которые поступили в различные комиссариаты (как это имело место, например, в Наркомфине), находясь после этой даты все еще в Петрограде, — они оказались включенными в общее число вновь поступивших в советский госаппарат в Москве. Однако, конечно, данное обстоятельство (и это, очевидно, не нуждается в особых пояснениях) ни в коей мере не влияет на характер и оценку интересующих нас сведений, которые, на наш взгляд, в целом достаточно верно и точно отражают реальную действительность.

Именно в наступивший после подписания Брестского договора период «мирной передышки», как это отчетливо видно из данных, приведенных в табл. 8 и 9, в советские центральные учреждения поступила наиболее значительная по сравнению с другими периодами часть новых работников. Это в полной мере относится как к тем учреждениям, которые были изучены «сплошь», так и к той их группе, в которой обследование проводилось только в отношении руководящего состава служащих. В самом деле, в половине, т. е. в 8 из 16, изученных ведомств первой из указанных групп (в ВСНХ и двух из его ведущих главков, в Наркоматах внутренних дел, земледелия, национальностей, Управлении делами СНК и Ревтрибунала ВЦИК) в это время на работу поступило около 50% и более новых сотрудников (табл. 8). В других 6 учреждениях этой же группы (ВЧК, наркоматах здравоохранения, иностранных дел, юстиции, Штабе ВВС и во ВЦИК) число вновь поступивших составляло около 40% и выше (табл. 8). И лишь в двух ведомствах этот показатель был меньшим — в Наркомате по морским делам новых работников оказалось 61 человек, или 15.4%, а в Наркомпочтеле — 38 человек, или 13.7% (табл. 8). Причина кроется несомненно в том, что основной состав сотрудников данных комиссариатов был сформирован уже в петроградский период. Последнее же определялось, по-видимому, особым значением их деятельности для обороны и поддержания связи со всеми районами столь огромной страны, а также определенной спецификой необходимых кадров специалистов и служащих, имевшихся в достаточном количестве именно в Петрограде.

Примерно такая же картина в общем наблюдается и в той группе советских учреждений, где было проведено изучение руководящего состава

служащих (табл. 9). В 6 из 11 обследованных ведомств (Наркомвоене, Управлении по организации армии Наркомвоена, наркоматах продовольствия, социального обеспечения, торговли и промышленности, труда) количество вновь поступивших на работу руководителей всех трех звеньев указанных учреждений составляло 50% всего руководящего состава и выше. Максимально, т. е. на 100%, оказалось, по данным переписи, сформированным в это время руководство Управления по организации армии Наркомвоена. Видимо, это было связано, в частности, с тем, что именно к рассматриваемому периоду относится само создание этого органа. Еще в трех ведомствах — народных комиссариатах путей сообщения и государственного контроля, а также Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоена число «новых» руководителей составило 24—36%. И, наконец, в одном ведомстве — в Наркомфине интересующий нас показатель оказался самым маленьким — 15 человек, или 7.2%. Последнее было связано, по всей вероятности, с теми же в общем причинами, которые обусловили и отмеченное выше относительно небольшое пополнение в это время штатов комиссариатов по морским делам и по делам почт и телеграфов.

Зафиксированный в данных табл. 8 и 9 «массовый наплыв» новых работников в центральный советский государственный аппарат вполне логично объясняется прежде всего новыми условиями наступившей «мирной передышки», и в частности возвращением из армии и различных военных служб и ведомств многочисленных специалистов и просто значительной части взрослого самодеятельного населения страны. К тому же, как известно, к весне 1918 г. был полностью и окончательно ликвидирован как массовое и организованное явление и контрреволюционный чиновничий саботаж. В условиях развертывания в период «мирной передышки» строительства основ социализма на первый план выдвинулась, как подчеркивал В. И. Ленин в «Очередных задачах Советской власти», проблема организации правильного управления страной, ее социальным и хозяйственным организмом. И в соответствии с принятым ЦК РКП(б) и Советским правительством «новым курсом... на деловых людей» в советский государственный аппарат в значительно более широких размерах, чем раньше, стали привлекаться буржуазные специалисты и старые служащие. Все это дает основание полагать, что приведенные выше сведения в целом, по-видимому, правильно отражают фактическое положение дел.

Рассматривая соответствующие данные, относящиеся к периоду «мирной передышки», следует обратить внимание еще на один первостепенно важный момент. Речь идет о том, что уже в начале июля 1918 г., т. е. к V Всероссийскому съезду Советов, вопрос о формировании кадров центрального госаппарата был в принципе успешно решен, несмотря на состоявшийся недавно переезд советского правительственного аппарата из Петрограда в Москву, сопровождавшийся сначала значительным сокращением числа прежних работников при эвакуации, а затем довольно сложной реорганизацией деятельности наркоматов в новых условиях.

Это хорошо видно из приведенных в табл. 8 и 9 соответствующих сведений (даже вопреки отмечавшейся уже очевидной неполноте некоторых из них, например, о служащих Управления делами Совнаркома). Объединив данные о группах, зашифрованных под номерами 5—8, мы получим, таким образом, интересующие нас показатели о степени «наполненности» кадрами советских центральных органов ко времени проведения V Всероссийского съезда Советов.

В группе учреждений, обследованных «сплошь», они выглядят следующим образом. В подавляющем большинстве из них, т. е. в 14 из 16 учреждений, к этому времени было принято свыше 60% всего состава работников, в том числе в 9 из них — около 70% и более. В ВСНХ — 698 человек, или 69.8%; в Управлении Главсахар ВСНХ — 185 человек, или 87.2%; в управлениях Центроторф—Нефтяной комитет ВСНХ — 152 человека, или 77.2%; в ВЧК — 490 человек, или 62.8%; в НКВД — 210 человек, или 66.9%; в Управлении делами СНК — 33 человека, или 82.5%; в Штабе ВВС — 90 человек, или 62.1%; в Ревтрибунале ВЦИК — 29 человек, или 76.3%; в наркоматах земледелия — 899 человек, или 77.5%, иностранных дел — 188 человек, или 65.6%, морских дел — 346 человек, или 87.2%, по делам национальностей — 137 человек, или 61.7%, юстиции — 120 человек, или 85.7%, и наконец, по делам почт и телеграфов — 263 человек, или 95% (табл. 8). Несколько меньшие, хотя в общем-то также достаточно весомые показатели наблюдаются всего в двух случаях — в Наркомздраве (30 человек, или 43.5%) и во ВЦИК (238 человек, или 49.2%). Для Наркомздрава это объяснялось, по-видимому, тем, что, как уже неоднократно отмечалось, данный комиссариат в рассматриваемый период вообще находился в процессе организации. В отношении же ВЦИК можно высказать лишь предположение, что в связи с вносившимся на рассмотрение V съезда Советов проектом первой Конституции РСФСР, в котором, в частности, несколько изменялось количество и структура отделов ВЦИК, было, возможно, решено не форсировать формирование состава работников его технического аппарата.

Еще более высокие показатели зафиксированы по тем учреждениям, где изучался только руководящий состав служащих: в Наркомвоене — 29 человек, или 100%, Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоена — 19 человек, или 79.1%, Управлении по организации армии Наркомвоена — 17 человек, или 100%, в народных комиссариатах государственного контроля — 28 человек, или 93.3%, продовольствия — 78 человек, или 84.8%, путей сообщения — 241 человек, или 79.3%, социального обеспечения — 16 человек, или 88.9%, торговли и промышленности — 39 человек, или 95.1%, труда — 25 человек, или 92.6%, и финансов — 203 человека, или 97.1% (табл. 9). Как видим, в среднем интересующий нас показатель повысился (округленно) до 80%, в том числе в 6 случаях из 10 он превышает 90% всего состава руководства, а в 2 учреждениях (небезынтересно отметить, и это, конечно, не случайность, что оба они относились к военному ведомству) достигает максимальной цифры — 100%.

Вполне логичным поэтому представляется то, что в последний из выделенных нами периодов, наступивший после левоэсеровского мятежа, почти во всех центральных советских учреждениях происходило уже лишь доукомплектование штатов сотрудников. В большинстве из изученных «сплошь» ведомств, в 9 из 16, после 6 июля 1918 г. поступило менее 1/3 сотрудников, в среднем около 17% или (округленно) 1/5 всего состава служащих в каждом учреждении. В пяти ведомствах данной группы (народных комиссариатах иностранных дел, внутренних дел, по делам национальностей, ВЧК и Штабе ВВС) этот показатель оказался несколько выше — около одной трети или более 33% состава служащих (табл. 8). Исключение составили ВЦИК и Народный комиссариат здравоохранения, в первом из которых после 6 июля поступило 245 человек, или 50.6%, а во втором — 39 человек, или 56.5% всех сотрудников. Любопытно, что, если не учитывать Наркомздрава, который, как уже отмечалось, находился тогда в стадии организации, то все остальные ведомства, где число вновь поступивших на работу оказалось выше 1/3 всего состава служащих, отличались от других советских учреждений особым характером своей деятельности и большой политической ответственностью задач, стоявших перед ними. Поэтому невольно приходит мысль о вероятной связи событий левоэсеровского мятежа и последовавших за ними более существенных по сравнению с другими учреждениями пополнений в составе служащих именно этих советских органов (ВЦИК, ВЧК, Штаб ВВС, НКИД, НКВД, Наркомнац).

Что касается полученных сведений о новом пополнении руководящих работников центральных советских учреждений, то оно, естественно, также было обратно пропорционально тому количеству, которое уже имелось. Из приведенных в табл. 9 данных видно, что число поступивших после 6 июля 1918 г. ответственных работников и в целом, и в большинстве из изученных учреждений, взятых в отдельности, не было слишком значительным и составляло для семи из них в среднем около 9% общего количества руководителей всех трех звеньев. Исключением является лишь Наркомат путей сообщения, где в это время было принято на различные должности 59 человек, или 19.4% всего руководящего состава, а также Главное Управление милиции НКВД, в котором, как мы уже знаем, именно тогда происходило комплектование личного состава, в том числе и руководящего.

Партийный состав служащих советского центрального государственного аппарата

Очередным и очень важным вопросом, на который можно попытаться ответить на основе изучения материалов переписи 1918 г., является вопрос о партийном составе служащих советских центральных государственных учреждений. Как известно, в литературе отсутствуют точные и достаточно обоснованные сведения об этом за период 1917—1918 гг., несмотря на опубликование за последние годы, как уже отмеча-

лось, целого ряда серьезных монографических исследований и обобщающих коллективных трудов по истории Октября и Советского государства. Единственным, пожалуй, исключением является интересная книга В. З. Дробижева «Главный штаб социалистической промышленности», в которой на основании статистической обработки личных дел служащих аппарата ВСНХ осуществлено, в частности, оригинальное и во многом успешное, на наш взгляд, изучение партийного состава служащих на протяжении нескольких лет, и в том числе в 1918 г.[41]

Между тем очевидно, насколько необходимо и важно более или менее точно определить количество членов большевистской партии, а также различных мелкобуржуазных партий, и прежде всего левых эсеров, в центральных советских учреждениях. Это позволило бы значительно более определенно выяснить прочность позиций и степень влияния той или иной партии в различных звеньях советского государственного механизма в рассматриваемый период, и в первую очередь уточнить роль представителей ленинской партии рабочего класса в советском аппарате, широту и прочность связей партии с различными органами власти Советов. Несомненно, что это существенно способствовало бы также и уяснению общего политического облика, если можно так сказать, служащих центрального советского госаппарата в целом, который, как известно, являлся важнейшим орудием социально-экономических преобразований в руках пришедшей к власти блшевистской партии.

Определение партийного состава служащих советских государственных учреждений было, по всей вероятности, одной из главных задач, которые ставились перед переписью 1918 г. Напомним, что вскоре после левоэсеровского мятежа (и несомненно в прямой связи с ним) в «Известиях» трижды, сначала 27 и 28, а затем 30 июля, было помещено обращение образованной при ВЦИК и Совнаркоме Комиссии, первые два пункта которого прежде всего потребовали от всех советских учреждений:

«1. Немедленно предложить своим сотрудникам организовать в своей среде партийные фракции.

2. В трехдневный срок представить в Комиссию списки советских партий, с указанием фракционных председателей, а где есть и секретарей и точных адресов их, а также телефонов».[42] К сожалению, как уже отмечалось выше, поступившая в Комиссию в последующие дни соответствующая информация была далеко не полной, так как обычно сообщались лишь сведения о руководстве партийных фракций, да иногда указывалось общее число их членов. Поэтому в подавляющем большинстве центральных советских учреждений единственным источником для определения партийного состава их служащих остаются анкетные материалы переписи 1918 г. Но прежде чем переходить к рассмотрению полученных в результате исследования этих материалов итоговых сведений, необходимо сделать несколько предварительных пояснений.

[41] См.: В. З. Дробижев. Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966, стр. 224, 225.

[42] Известия, 30 июля 1918 г.

Основанием для определения партийности заполнившего анкету служил, естественно, ответ служащего на вопрос «К какой партии принадлежите или Вы беспартийный?» (№ 16 в анкетном формуляре и № VI в учетно-регистрационной карточке). При этом учитывалась партийная принадлежность заполнившего анкету ко времени проведения переписи. И если, например, служащий, отвечая на данный вопрос, указывал в анкете, что до Октябрьской революции он участвовал в работе той или иной партийной организации, а в настоящее время ни в какой партии не состоит, то в учетно-регистрационной карточке он отмечался как беспартийный. Если же он указывал, что в прошлом состоял в какой-то партии, а в настоящее время вышел из нее и сочувствует партии коммунистов или другой партии, то такой служащий фиксировался нами как беспартийный — сочувствующий определенной партии. Так, управделами медицинской частью НКВД М. П. Байков писал, например, в своей анкете: «Пока беспартийный, примыкаю к сочувствующим большевикам. Работаю как социал-демократ с 1896 г. С 1908 г. меньшевик. В декабре 1917 г. ушел от меньшевиков, не будучи в силах далее выносить их измену рабочему делу и социализму».[43]

Наряду с активно действовавшими в интересующий нас период политическими партиями и группировками, такими как большевики, левые эсеры, эсеры правые и центра, меньшевики, социал-демократы интернационалисты, анархисты, народные социалисты, трудовики, синдикалисты, Бунд, Поалей-Цион, мы сочли целесообразным специально фиксировать под особым шифром членов национальных секций РКП(б) (отдельно выделив также наиболее часто встречавшихся членов партийной организации социал-демократов Польши и Литвы), членов Социалистического Союза Рабочей молодежи, представителей зарубежных социалистических и рабочих партий, а также некоторые внутрипартийные течения для партии левых эсеров. Последнее представляется особенно важным, потому что, как уже отмечалось в печати, сведение к одной партии различных внутрипартийных группировок и течений означало бы искусственное упрощение реальной действительности.[44] Из этих же соображений было признано целесообразным рассматривать беспартийных не как некую единую и однородную массу (чего, разумеется, не было, да и не могло быть), а как особую социальную группу, включавшую в себя несколько своеобразных, отличавшихся друг от друга слоев служащих: просто беспартийных, подчеркнувших, что они стоят вне партий и вне политики, и, наконец, беспартийных, высказавшихся против саботажа и за деловую работу в интересах родины и народа.

Отдельными группами были выделены сочувствующие большевикам и кандидаты в члены РКП(б), а также сочувствующие левым эсерам, наиболее влиятельной из мелкобуржуазных партий в то время. Это сделано,

[43] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 16, л. 47.

[44] См.: В. В. Фарсобин. Из опыта работы над источниками при составлении хроник исторических событий Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Малоисследованные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964, стр. 46.

во-первых, в связи с довольно большим количеством анкет, содержащих соответствующие ответы (и прежде всего тех, кто писал, что сочувствует большевистской партии и стоит на платформе Советской власти). А, во-вторых, потому, что как раз к августу—сентябрю 1918 г. относится появление и официальное оформление групп сочувствующих РКП(б), а также зарождение института кандидатов в члены партии коммунистов (большевиков).[45]

Каковы же оказались результаты изучения партийного состава служащих центрального советского госаппарата? Об этом можно судить на основании табл. 10, 11.

Для учреждений, состав служащих которых был изучен «сплошь», сведения о количестве членов РКП(б) довольно легко распределяются на три основные группы. Первую из этих групп образуют ВЧК и Наркоминдел, в которых удельный вес коммунистов был наибольшим и равнялся в ВЧК — 408 человекам, или 52.2%, в Наркоминделе — 134 человекам, или 46.8% всего состава сотрудников. Если же учитывать данные о числе членов различных национальных секций РКП(б), Союза Социалистической рабочей молодежи, зарубежных социалистических и рабочих партий (для НКИД) и кандидатов в РКП(б), то получатся еще более внушительные цифры: в ВЧК — 417 человек, или 53.4%, и в НКИД — 144 человека, или 50.1% всего состава. Приведенные сведения убедительно подтверждают и конкретизируют широкоизвестную ленинскую характеристику Наркоминдела (ее смело можно распространить и на ВЧК), как учреждения исключительного по своему составу среди центральных советских органов, в котором «весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составился из коммунистов».[46]

Вторую группу среди обследованных целиком учреждений составили Наркомнац, Управление делами Совнаркома, ВЦИК и Наркомюст. Показатели этой группы, хотя и уступают только что приведенным, тем не менее достаточно высоки: в Наркомнаце — 60 человек, или 27%, в Управлении делами СНК — 10 человек, или 25%, в Наркомюсте — 26 человек, или 18.6%, во ВЦИК — 75 человек, или 15.5% всего состава служащих. Если учитывать также служащих — членов национальных секций РКП(б), ССРМ, кандидатов в РКП(б), то для всех указанных учреждений показатели несколько возрастут: в Управлении делами СНК — 11 человек, или 27.5%, в Наркомюсте — 28 человек, или 20%, во ВЦИК — 76 человек, или 15.7%. Резко повышается при этом (за счет сотрудников — членов различных национальных секций РКП(б)) соответствующий показатель в Наркомате по делам национальностей: 85 человек, или 38.3% всего состава сотрудников.

---

[45] И. Г. Найдис. В. И. Ленин об улучшении качественного состава партии для повышения ее руководящей роли в системе диктатуры пролетариата. 1918—1923 гг. — В кн.: Вопросы стратегии и тактики в трудах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. М., 1971, стр. 55, 69; Н. Н. Виноградов. Фракция коммунистов в Советах (1918—1920 гг.). М., 1969, стр. 25.

[46] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 361.

Распределение по партийной принадлежности всего состава служащих советских центральных государственных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «к какой партии принадлежите или Вы беспартийный»	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК	НК почт и телеграфов
36	Коммунистов (большевиков)	71 / 7.1	4 / 1.9	6 / 3	408 / 52.2	33 / 10.5	6 / 8.7	21 / 1.9	134 / 46.8	8 / 2	60 / 27	26 / 18.6	10 / 25	5 / 3.4	75 / 15.5	3 / 7.9	15 / 5.4
37	Левых эсеров	3 / 0.3	—	—	—	3 / 1	1 / 1.5	1 / 0.1	2 / 0.7	—	4 / 1.8	—	—	—	3 / 0.6	—	9 / 3.2
38	Эсеров (правых и центра)	—	—	—	—	—	—	1 / 0.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
39	Меньшевиков	1 / 0.1	1 / 0.5	—	—	—	1 / 1.5	1 / 0.1	—	—	—	—	—	—	1 / 0.2	—	—
40	Социал-демократов интернационалистов	8 / 0.8	1 / 0.5	—	1 / 0.1	1 / 0.3	4 / 5.8	4 / 0.4	2 / 0.7	—	—	3 / 2.1	—	—	—	—	1 / 0.4
41	Анархистов	2 / 0.2	—	—	—	—	—	—	2 / 0.7	2 / 0.5	—	—	—	—	3 / 0.6	—	—
42	Беспартийный (прочерк, без ответа)	811 / 81.1	202 / 95.2	182 / 92.4	243 / 31.1	201 / 64.1	52 / 75.1	1040 / 89.5	96 / 33.6	341 / 85.9	115 / 51.8	98 / 70.1	19 / 47.5	118 / 81.4	270 / 55.9	31 / 81.6	159 / 57.3
43	Беспартийный — сочувствующий Коммунистической партии (стоящий на платформе Советской власти)	75 / 7.5	1 / 0.5	8 / 4.1	115 / 14.7	73 / 23.2	2 / 2.9	48 / 4.1	34 / 11.9	37 / 9.3	17 / 7.7	10 / 7.1	9 / 22.5	20 / 13.8	125 / 25.8	4 / 10.5	64 / 23.1
44	Беспартийный — сочувствующий партии левых эсеров	1 / 0.1	—	—	—	—	—	1 / 0.1	2 / 0.7	—	—	—	—	—	1 / 0.2	—	8 / 2.9
45	Вне партий (вне политики)	10 / 1	2 / 0.9	1 / 0.5	—	—	—	32 / 2.8	2 / 0.7	4 / 1	—	1 / 0.7	1 / 2.5	—	—	—	19 / 6.9
46	Беспартийный — противник саботажа, за работу на благо Родины	—	—	—	—	2 / 0.6	—	7 / 0.6	—	2 / 0.5	—	—	—	1 / 0.7	—	—	—
47	ССРМ	—	—	—	2 / 0.3	—	—	—	1 / 0.3	—	—	—	—	—	1 / 0.2	—	—
48	Левых эсеров, выступающих за сотрудничество с Коммунистической партией	3 / 0.3	1 / 0.5	—	1 / 0.1	1 / 0.3	—	—	—	—	—	—	—	—	4 / 0.8	—	—
49	От ответа уклонился	1 / 0.1	—	—	—	—	—	—	1 / 0.3	1 / 0.3	—	—	—	—	—	—	—
37а	Социал-демократов Польши и Литвы	1 / 0.1	—	—	4 / 0.5	—	1 / 1.5	—	2 / 0.7	—	2 / 0.9	2 / 1.4	—	—	—	—	—
38а	Левых эсеров, не согласных с ЦК своей партии	—	—	—	2 / 0.3	—	1 / 1.5	3 / 0.3	1 / 0.3	2 / 0.5	—	—	—	1 / 0.7	—	—	—
39а	Национальная секция РКП(б)	3 / 0.3	—	—	2 / 0.3	—	—	—	3 / 1	—	23 / 10.4	—	—	—	—	—	1 / 0.4
40а	Кандидат в Коммунистическую партию	—	—	—	3 / 0.4	—	—	—	3 / 1	—	—	—	1 / 2.5	—	—	—	—
41а	Бунд, Поалей-Цион	4 / 0.4	—	—	—	—	1 / 1.5	—	1 / 0.3	—	—	—	—	—	1 / 0.2	—	—
42а	Народные социалисты, трудовики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 / 0.4	—	—	—	—	—	—
43а	Анархисты-синдикалисты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 / 0.4
44а	Зарубежная социалистическая или рабочая партия	5 / 0.5	—	—	—	—	—	—	1 / 0.3	—	—	—	—	—	—	—	—
45а	Неизвестно	1 / 0.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Всего ответило	1000 / 100	212 / 100	197 / 100	781 / 100	314 / 100	69 / 100	1159 / 100	287 / 100	397 / 100	222 / 100	140 / 100	40 / 100	145 / 100	484 / 100	38 / 100	277 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 205, 212, 217). Сведения по Наркомпочтелю получены на основании ответов его служащих на вопросы «7. Принадлежите ли к политической партии», «8. К какой» и «10. Какой сочувствуете» анкеты, распространенной в этом комиссариате (там же, № 193).

Распределение по партийной принадлежности руководящего состава служащих советских центральных государственных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «к какой партии принадлежите или Вы беспартийный»	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам		НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
				Оперативное и Военно-топографическое управления	Управление по организации армии							
36	Коммунистов (большевиков)	8 / 88.9	3 / 10.3	2 / 8.3	—	1 / 3.3	12 / 13	8 / 2.6	8 / 44.4	9 / 22	11 / 40.8	4 / 1.9
37	Левых эсеров	—	1 / 3.4	—	—	—	—	1 / 0.3	—	—	—	1 / 0.5
38	Эсеров (правых и центра)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
39	Меньшевиков	—	—	—	—	—	—	—	1 / 5.6	1 / 2.4	—	—
40	Социал-демократов интернационалистов	—	—	—	—	—	4 / 4.3	2 / 0.7	1 / 5.6	—	3 / 11.1	—
41	Анархистов	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42	Беспартийный, прочерк, без ответа	—	22 / 76	20 / 83.4	15 / 88.2	26 / 86.8	68 / 74	260 / 85.5	8 / 44.4	29 / 70.8	6 / 22.2	195 / 93.3
43	Беспартийный — сочувствующий Коммунистической партии (стоящий на платформе Советской власти)	—	3 / 10.3	—	1 / 5.9	1 / 3.3	5 / 5.4	24 / 7.9	—	1 / 2.4	4 / 14.8	3 / 1.4
44	Беспартийный — сочувствующий партии левых эсеров	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45	Вне партий (вне политики)	—	—	2 / 8.3	—	—	1 / 1.1	6 / 2	—	—	—	6 / 2.9
46	Беспартийный — противник саботажа, за работу на благо Родины	—	—	—	—	1 / 3.3	—	—	—	—	—	—
47	ССРМ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48	Левых эсеров, выступающих за сотрудничество с Коммунистической партией	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
49	От ответа уклонился	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
37а	Социал-демократов Польши и Литвы	—	—	—	—	—	—	2 / 0.7	—	1 / 2.4	—	—
38а	Левых эсеров, не согласных с ЦК своей партии	—	—	—	1 / 5.9	—	1 / 1.1	—	—	—	—	—
39а	Национальная секция РКП(б)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40а	Кандидат в Коммунистическую партию	1 / 11.1	—	—	—	—	—	—	—	—	1 / 3.7	—
41а	Бунд, Поалей-Цион	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
42а	Народные социалисты, трудовики	—	—	—	—	1 / 3.3	—	—	—	—	—	—
43а	Анархисты-синдикалисты	—	—	—	—	—	—	1 / 0.3	—	—	2 / 7.4	—
44а	Зарубежная социалистическая или рабочая партия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45а	Неизвестно	—	—	—	—	—	1 / 1.1	—	—	—	—	—
	Всего ответило	9 / 100	29 / 100	24 / 100	17 / 100	30 / 100	92 / 100	304 / 100	18 / 100	41 / 100	27 / 100	209 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152).

И, наконец, третью, наиболее многочисленную группу образуют все остальные советские учреждения, изученные «сплошь». В большинстве (девяти) учреждений этой группы интересующий нас показатель колеблется от 2 (округленно) до 10%: в ВСНХ — 71 человек, или 7.1%, в его главках: Главсахаре — 4 человека, или 1.9%, и Центроторфе—Нефтекоме — 6 человек, или 3%; в Наркоматах здравоохранения — 6 человек, или 8.7%, почт и телеграфов — 15 человек, или 5.4%, земледелия — 21 человек, или 1.9%, морских дел — 8 человек, или 2%, Штабе ВВС — 5 человек, или 3.4%, и Ревтрибунале ВЦИК — 3 человека, или 7.9%. Единственным исключением является НКВД, где членов РКП(б) было 33 человека, или 10.5% всего состава служащих.

Показатели данной группы могут, по-видимому, рассматриваться как наиболее типичные для большинства центральных советских государственных учреждений. Во всяком случае в пользу этого предположения говорят имеющиеся в нашем распоряжении сведения о партийном составе нескольких других народных комиссариатов, в которых мы не проводили сплошное изучение всего состава сотрудников. Так, из присланных в Комиссию по проверке советских служащих вместе с заполненными анкетами или отдельно списков большевистских фракций народных комиссариатов путей сообщения, продовольствия, торговли и промышленности, по военным делам известно количество членов РКП(б) в период проведения переписи 1918 г. В НКПС их было 67 человек,[47] в НКпроде — 38,[48] в центральном аппарате Наркомвоена — 35,[49] в Наркомторгпроме — 12 человек.[50] Располагая сведениями об общей численности сотрудников этих комиссариатов в рассматриваемое время (табл. № 1), довольно легко установить и удельный вес членов РКП(б). Эти данные (округленно) таковы: в НКПС из 1815 — 67 человек, или 4%, в НКпроде из 1470 — 38 человек, или 2%, в Наркомторгпроме из 356 — 12 человек, или 3%, и в Наркомвоене из 563 — 35 человек, или 6% всего состава. Как видим, все они соответствуют именно приведенным выше показателям третьей группы учреждений, обследованных целиком.

Определенное повышение удельного веса прослойки членов РКП(б) наблюдается при обращении к данным, характеризующим партийный состав руководства других изученных центральных советских учреждений. Так, среди заполнивших анкеты руководящих работников центрального аппарата Наркомвоена коммунистов оказалось 3 человека, или 10.3%, в Наркомпроде — 12 человек, или 13%, в Наркомторгпроме — 9 человек, или 22%, в Наркомтруде — 11 человек, или 40.8%, в Наркомате социального обеспечения — 8 человек, или 44.4%, и в Главном управлении милиции НКВД — 8 человек, или 88.9% (если же учитывать, что последний из 9 заполнивших в данном случае анкету был кандидатом в РКП(б), тогда получается, что все руководство Главного управления милиции на

[47] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 152, лл. 1, 307—307 об.
[48] Там же, № 97, л. 2; № 99, лл. 436—36 об.
[49] Там же, № 48, лл. 573, 574.
[50] Там же, № 2, л. 17.

100% состояло из коммунистов). Однако в остальных четырех учреждениях данной группы количество членов РКП(б) среди руководителей оказалось значительно меньшим, чем это можно было предположить: в Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоена — 2 человека, или 8.3%, в наркоматах государственного контроля — 1 человек, или 3.3%, путей сообщения — 8 человек, или 2.6% и финансов — 4 человека, или 1.9%.

Это, конечно, не является случайностью и связано, по-видимому, с рядом обстоятельств. Во-первых, следует признать, что в учреждениях военного ведомства, а также в органах управления народным хозяйством, финансированием и кредитованием число коммунистов среди руководящих работников было, по всей вероятности, несколько меньшим по сравнению с другими комиссариатами. Объяснялось это тем, что для успешного руководства военно-оперативной и экономико-технической деятельностью привлечены были кадры старых специалистов, выходцы из среды буржуазной интеллигенции, где процент коммунистов был тогда весьма незначительным. Вторая же причина, самая, пожалуй, очевидная и простая, состоит в том, что анкеты ряда руководящих работников (и прежде всего народных комиссаров и членов коллегии) некоторых из обследованных советских ведомств отсутствуют. Именно к числу таких ведомств и относятся как раз комиссариаты военных дел, путей сообщения, государственного контроля и финансов. Это обстоятельство несомненно существенным образом сказалось на приведенных выше показателях. Особенно, если иметь в виду, что именно среди руководителей высшего звена (наркомы, члены коллегий комиссариатов и руководители их отделов и других крупных структурных подразделений) прослойка членов большевистской партии была, как правило, наибольшей. Так, в коллегию Народного комиссариата по продовольствию входили в рассматриваемый период коммунисты А. Д. Цюрупа — народный комиссар, Н. П. Брюханов — заместитель наркома, члены: А. И. Свидерский, А. А. Юрьев, А. Н. Скорняков, Л. И. Рузер и М. И. Фрумкин,[51] в коллегию Народного комиссариата юстиции — коммунисты П. И. Стучка — народный комиссар, Д. И. Курский — заместитель наркома, члены: М. Ю. Козловский, П. А. Красиков, Л. А. Саврасов, П. А. Чегодаев; [52] целиком из коммунистов состоял Президиум ВСНХ — члены Г. Д. Вейнберг, В. П. Милютин, Л. Б. Красин, В. П. Ногин, Я. Э. Рудзутак, Г. И. Ломов, В. Я. Чубарь, Л. Я. Карпов, кандидаты в члены Президиума — А. В. Шотман, М. А. Ларин, Г. Я. Сокольников.[53] Между тем в изученных материалах переписи 1918 г., относящихся к указанным советским органам, при наличии довольно многочисленных анкет руководителей среднего и низшего, а также части высшего звеньев (заведующих отделами) анкеты народных комиссаров и членов

[51] Там же, № 99, лл. 436—436 об.
[52] Там же, № 39, л. 146.
[53] Там же, № 205, л. 493.

коллегий оказались полностью только в Наркомюсте; а в ВСНХ (центральный аппарат) и в Наркомпроде оказалась лишь половина из них: в ВСНХ — 7 анкет из 12, а в Наркомпроде — 3 из 7. Таким образом, и в указанных ведомствах (ВСНХ и Наркомпрод), и в некоторых других наркоматах число членов РКП(б) было, по-видимому, несколько большим и превышало полученные нами показатели за счет неучтенной (из-за их отсутствия) части данных о руководителях высшего звена. Поэтому при рассмотрении и использовании данных табл. 11 следует учитывать неполноту сведений и необходимость их уточнения.

Сведения о количестве членов мелкобуржуазных партий в советских учреждениях, состав служащих которых был обследован полностью, выглядят следующим образом. В центральном аппарате ВСНХ их оказалось 21 человек, или 2.1% общего числа сотрудников (3 левых эсера; 3 левых эсера, выступающих за сотрудничество с большевиками; 1 меньшевик; 8 социал-демократов интернационалистов, 2 анархиста, 4 члена Бунда и Поалей-Цион), в Главсахаре ВСНХ — 3 человека, или 1.5% (1 меньшевик; 1 социал-демократ интернационалист; 1 левый эсер, выступающий за сотрудничество с большевиками), во ВЦИК — 12 человек, или 2.4% (3 левых эсера; 4 левых эсера, выступающих за сотрудничество с большевиками; 3 анархиста; 1 меньшевик и 1 бундовец), в ВЧК — 4 человека, или 0.5% (1 левый эсер, выступающий за сотрудничество с большевиками; 2 левых эсера, не согласных с ЦК своей партии, и 1 социал-демократ интернационалист). Среди других изученных советских ведомств интересующие нас сведения распределились так: в НКВД — 5 человек, или 1.6% (3 левых эсера; 1 левый эсер, выступающий за сотрудничество с большевиками, и 1 социал-демократ интернационалист); в Наркомате земледелия — 10 человек, или 1% (1 левый эсер, 1 правый эсер, 1 меньшевик, 4 социал-демократа интернационалиста и 3 левых эсера, не согласных с ЦК своей партии); в Наркомате здравоохранения — 8 человек, или 11.8% (1 левый эсер, 1 меньшевик, 1 бундовец, 4 социал-демократа интернационалиста и 1 левый эсер, не согласный с ЦК своей партии); в Наркоминделе — 8 человек, или 2.7% (2 левых эсера, 2 анархиста, 2 социал-демократа интернационалиста, 1 левый эсер, не согласный с ЦК своей партии, и 1 бундовец); в Наркомате по морским делам — 4 человека, или 1% (2 анархиста и 2 левых эсера, не согласных с ЦК своей партии), в Наркомате по делам почт и телеграфов — 11 человек, или 4% (9 левых эсеров, 1 анархист-синдикалист и 1 социал-демократ интернационалист); в Наркомате по делам национальностей — 5 человек, или 2.2% (4 левых эсера и 1 народный социалист); в Наркомате юстиции 3 социал-демократа интернационалиста, или 2.1%; в Штабе Высшего военного совета — 1 левый эсер, не согласный с ЦК своей партии, или 0.7%. Ни одного члена какой-либо из мелкобуржуазных партий не оказалось в Управлении делами Совнаркома и в главках Центроторф и Нефтяной комитет ВСНХ.

Буквально единицами были представлены мелкобуржуазные партии и в руководящем составе работников советских центральных учрежде-

ний. Так, 1 левый эсер (или 5.9% всего состава руководителей) оказался в Управлении по организации армии Наркомвоена; 1 «трудовик» (или 3.3%) — в Наркомате государственного контроля; 1 левый эсер (или 0.5%) — в Наркомфине; 1 меньшевик (или 2.4%) — в Наркомате по делам торговли и промышленности. Чуть-чуть больше их оказалось в руководстве других народных комиссариатов: продовольствия — 5 человек, или 5.4% (4 социал-демократа интернационалиста и 1 левый эсер, не согласный с ЦК своей партии); путей сообщения — 4 человека, или 1.3% (2 социал-демократа интернационалиста, 1 левый эсер и 1 анархист-синдикалист); социального обеспечения — 2 человека, или 11.2% (1 меньшевик и 1 социал-демократ интернационалист) и, наконец, труда — 5 человек, или 18.5% (2 анархиста-синдикалиста и 3 социал-демократа интернационалиста).

Как видно из приведенных данных, члены мелкобуржуазных партий, даже взятые вместе, ни в одном из изученных «сплошь» центральных советских учреждений не представляли значительной по своему удельному весу группы в общем составе служащих. Единственным исключением в данном отношении оказался относительно (подчеркиваем это) более весомый показатель, характеризующий долю прослойки членов мелкобуржуазных партий в Народном комиссариате здравоохранения — 11.8%, или 8 человек, почти все они являлись старыми, буржуазными специалистами в различных областях медицины. Сделанный выше вывод с полным основанием можно распространить и на руководящий состав центральных советских учреждений. И здесь, как легко в этом убедиться, обратившись к табл. 11, лишь в одном народном комиссариате — Наркомате труда наблюдался относительно достаточно высокий показатель — 18.5% — 5 человек, в том числе 3 меньшевика-интернационалиста и 2 анархиста-синдикалиста.

Нетрудно также заметить, что среди членов мелкобуржуазных партий преобладали представители двух из них — левых эсеров и социал-демократов (меньшевиков) — интернационалистов, на долю которых приходилось: в ВСНХ из 21 человека 6 левых эсеров и 8 меньшевиков-интернационалистов, в Главсахаре ВСНХ из 3 человек — соответственно 1 и 1; в ВЧК из 4 человек — 3 и 1; в НКВД из 5 человек — 4 и 1; в Наркомздраве из 8 человек — 2 и 4; в Наркомземе из 10 человек — 4 и 4; в НКИД из 8 человек — 3 и 2; в Наркомате по морским делам из 4 человек — 2 левых эсера; в Наркомате по делам почт и телеграфов из 11 человек — 9 левых эсеров; в Наркомнаце из 5 человек — 4 левых эсера; во ВЦИК из 12 человек — 7 левых эсеров и, наконец, в Наркомюсте все 3 человека были меньшевиками-интернационалистами. Таким образом, из 95 человек 71 принадлежал к партиям левых эсеров (46 человек) и меньшевиков-интернационалистов (25 человек). Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты составляли подавляющее большинство и среди членов мелкобуржуазных партий, входивших в число руководящих работников различных звеньев центральных советских ведомств (табл. 11).

Все это весьма показательно, так как известно, что из всех социалистических партий и группировок именно представители этих двух течений наиболее активно сотрудничали с большевиками в проведении революционных преобразований и развертывании советского строительства, хотя сотрудничество это было весьма непоследовательным. Особо следует остановиться на показателях, характеризующих партию левых эсеров, которая, как известно, в конце 1917—начале 1918 г. состояла в правительственном блоке с большевиками. Данное обстоятельство и нашло прежде всего свое выражение в наибольшем по сравнению с другими мелкобуржуазными партиями удельном весе левых эсеров среди служащих центральных советских учреждений. С другой стороны, материалы переписи 1918 г. отразили наличие внутри самой левоэсеровской партии двух основных группировок. Одна из них поддерживала линию большинства своего ЦК (Б. Д. Камков, М. А. Спиридонова, И. З. Штейнберг и др.), другая — во главе с А. Л. Колегаевым, М. А. Натансоном и А. М. Устиновым более или менее последовательно выступала за прочный союз с ленинской партией рабочего класса России. Так, председатель контрольно-ревизионной комиссии НКВД, член ВЦИК 2-го и 4-го созывов Л. М. Брагинский, состоявший в эсеровской партии с 1904 г., писал в своей анкете: «Примыкаю к группе левых социалистов-революционеров, не стоящей на платформе ЦК партии и работающей в тесном контакте с товарищами коммунистами».[54] После событий 6 июля 1918 г. выявилась и еще одна довольно обширная группа левых эсеров, участники которой заявили о своем несогласии с авантюристической деятельностью ЦК своей партии, организовавшего вооруженный мятеж против Советского правительства во главе с В. И. Лениным. Например, один из служащих Наркомата земледелия А. В. Розанов, являвшийся разъездным агрономом Особого отдела по управлению национализированными сельскохозяйственными предприятиями, указал в своей анкете, что он «левый эсер, осудивший тактику и независимый от ЦК партии».[55] Стремясь по возможности полнее учесть сторонников каждой из указанных выше группировок, мы решили поэтому наряду со служащими, сообщившими о своей принадлежности к партии левых эсеров без каких-либо оговорок (группа под шифром 37), специально отмечать и участников двух других основных течений (группы под шифром 48 и 38а).

Полученные в результате сведения составили любопытную картину, которая, на наш взгляд, в целом отражает расстановку сил внутри левоэсеровской партии. Больше всего оказалось левых эсеров, просто сообщивших о своей партийной принадлежности и, по-видимому, относившихся к большинству партии — их было 26 человек (во всех обследованных полностью советских ведомствах); левых эсеров, выступавших за сотрудничество с большевиками (группа под шиф-

[54] Там же, № 16, л. 50.
[55] Там же, № 109, л. 217.

ром 48), оказалось 10, левых эсеров, выразивших после событий 6 июля несогласие с ЦК своей партии (группа под шифром 38а), — также 10 человек.

Как уже отмечалось выше, все без исключения остальные мелкобуржуазные партии и группировки — правые эсеры, меньшевики-оборонцы, анархисты и анархисты-синдикалисты, народные социалисты и трудовики, Бунд и Поалей-Цион — насчитывали в центральных советских учреждениях, судя по материалам переписи 1918 г., буквально единичных своих представителей. В общем это, по-видимому, соответствовало сравнительно невысокому уровню влияния данных партий среди широким масс трудящихся в рассматриваемый период. Вместе с тем, отмечая весьма низкие показатели, характеризующие представительность таких партий, как например правые эсеры и меньшевики-оборонцы, нельзя исключить и другое обстоятельство и возможную причину такой малой численности. Учитывая их «непопулярность», некоторые служащие могли просто умолчать о своей принадлежности и связях с этими партиями, которые, как известно, открыто выступили против Советской власти и явились, в частности, одними из главных организаторов контрреволюционного чиновничьего саботажа. Однако даже если предположить возможность невыявления партийной принадлежности какой-то несомненно не слишком значительной части служащих советских центральных государственных учреждений, полученная в результате исследования материалов переписи 1918 г. довольно пестрая картина их партийного состава (равно, как увидим далее, и отношения к выполняемой работе) свидетельствует, на наш взгляд, об определенной лояльности Советской власти в лице руководства наркоматов (и в том числе таких, как ВЧК и НКВД) к участию в деятельности этих учреждений служащих — членов самых различных мелкобуржуазных партий и после левоэсеровского мятежа.

РКП(б) не только была наиболее полно представлена в руководстве центральных советских органов и имела, как мы уже могли убедиться, значительно больший удельный вес среди служащих советского госаппарата по сравнению с любой из мелкобуржуазных партий, включая левых эсеров. Следует учесть, что почти в каждом из изученных нами наркоматов и других учреждений имелась довольно значительная группа беспартийных служащих, заявивших, что они сочувствуют большевистской партии и поддерживают политику Советской власти. Наибольшее число таких сотрудников было во ВЦИК (125 человек, или 25.8%), ВЧК (115 человек, или 14.7%), Управлении делами СНК (9 человек, или 22.5%), народных комиссариатах внутренних дел (73 человека, или 23.2%), почт и телеграфов (64 человека, или 23.1%), иностранных дел (34 человека, или 11.9%) и в Штабе Высшего военного совета (20 человек, или 13.8%). В остальных обследованных целиком учреждениях они составляли обычно 3—10% всего состава служащих (табл. 16). На достаточно высоком, третьем, месте по представительности (вслед за беспартийными и большевиками) оказалась группа беспартийных — сочувствую-

щих Коммунистической партии и в руководящем составе изученных советских органов (табл. 11).

Как уже отмечалось, в рассматриваемый период это обстоятельство имело особое значение. Развернутая именно в это время по инициативе В. И. Ленина организация групп сочувствующих РКП(б) была вызвана труднейшей обстановкой, в которой оказалась Республика Советов к концу лета 1918 г. Для успешной борьбы с иностранной военной интервенцией и активизировавшейся внутренней контрреволюцией необходимо было максимально мобилизовать все силы трудящихся масс страны. «Чувствуется большой недостаток сил, — подчеркивал В. И. Ленин, выступая 16 августа 1918 г. на заседании Московского комитета партии, — а в массе силы есть, силы, которые можно использовать».[56] Создание групп сочувствующих РКП(б) и должно было явиться, как писала в те дни «Правда», «подготовительной школой к партийному членству, школой, которая дает партии новых, вполне сознательных членов и ограждает ее от вступления в ее ряды неустойчивых, случайных элементов».[57] Организация групп сочувствующих действительно организационно закрепила влияние Коммунистической партии в первую очередь в рабочем классе, а также среди других трудящихся, и в частности среди основной массы служащих советских учреждений. В соответствии с Уставом организации сочувствующих, утвержденным Московской общегородской конференцией РКП(б) 31 августа 1918 г., в группы сочувствующих могли войти «все, кто поддерживает РКП (большевиков) в ее борьбе за освобождение пролетариата и всего трудового народа от политического и экономического рабства».[58] Новые члены групп сочувствующих принимались местными партийными ячейками (по рекомендации одного члена партии или сочувствующего), они пользовались на равных основаниях с членами партии защитой и содействием партийных организаций, участвовали с правом совещательного голоса в отчетных партийных собраниях при решении вопросов политического характера и т. д. Наряду с этим сочувствующие, как и члены РКП(б), обязаны были выполнять все решения партии, кроме тех специально оговоренных случаев, когда (как это предусматривалось в § 3 Устава) сочувствующий, будучи не согласен с отдельным пунктом программы РКП(б) или каким-либо ее решением, имел право воздержаться от голосования или действий, но не мог выступать против соответствующего решения партийных организаций.[59]

Все это должно было сыграть и действительно сыграло важную роль в упрочении руководящих позиций Коммунистической партии, повышении ее авторитета, укреплении связей с широкими массами трудящихся, в том числе со служащими центральных советских государственных учреждений. Так, в Наркомате по делам почт и телеграфов, где среди служащих было относительно заметно влияние анархистов-

[56] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 46.
[57] Правда, 22 августа 1918 г.
[58] Правда, 3 сентября 1918 г.
[59] Подробнее см.: И. Г. Найдис. Ук. соч., стр. 58—59 и далее.

синдикалистов и особенно левых эсеров, фракция которых оформилась еще в октябре 1917 г.[60] и даже после событий 6 июля оставалась, судя по переписи 1918 г., довольно многочисленной (9 членов левоэсеровской партии и 8 сочувствующих ей), в 10-х числах августа 1918 г. исполнительный комитет, избиравшийся на общем собрании всех служащих комиссариата, был составлен уже исключительно из одних коммунистов-большевиков.[61]

Основную же массу служащих центральных советских государственных учреждений (и это представляется вполне естественным) составляли беспартийные. Из учреждений, состав служащих которых был изучен полностью, всего лишь в двух — ВЧК и Наркоминделе, — особый характер которых не требует специальных пояснений, беспартийных было около одной трети всех сотрудников: в ВЧК — 243 человека, или 31.1%, и в НКИД — 96 человек, или 33.6%. Еще в трех также достаточно ответственных учреждениях — Управлении делами СНК, ВЦИК и Наркомате по делам национальностей — они составляли около половины всего состава служащих: в УД СНК — 19 человек, или 47.5%, в Наркомнаце — 115 человек, или 51.8%, и во ВЦИК — 270 человек, или 55.9%. Во всех остальных народных комиссариатах и других советских ведомствах число беспартийных, как правило, равнялось 70—80% числа всех служащих, а нередко и больше. Так, в Наркомземе их было 1040 человек, или 89.5%, в Главсахаре ВСНХ — 202 человека, или 95.2%, в Центроторфе и Нефтяном комитете ВСНХ — 182 человека, или 92.4%. Во всем этом нет, конечно, ничего удивительного. Более того, подобное явление, по всей вероятности, было типичным и наблюдалось, очевидно, во многих других наркоматах и центральных советских органах. Вот один лишь пример, который подтверждает справедливость высказанного предположения. «Вследствие распоряжения Комиссии, напечатанного в № 158 „Известий ВЦИК Советов“ об организации партийных фракций, — сообщалось в присланном в Комиссию отношении Наркомфина от 30 июля 1918 г. за № 2921, — 29-го сего июля было созвано общее собрание служащих Департамента окладных сборов для выслушивания и исполнения названного распоряжения. Из прилагаемого к сему постановления общего собрания усматривается, что служащие департамента ни к каким политическим партиям не принадлежат, а потому и список фракций советских партий не представляется. Общее число служащих в департаменте 207 человек».[62]

Весьма высоким, в основном также на уровне 70—80% общего числа, оказалось количество беспартийных и среди руководящего состава других обследованных советских учреждений (табл. 11). Следует, правда, иметь в виду, что почти все из этих учреждений или относились к военному ведомству, или же являлись органами управления народным хозяйством, финансированием и кредитованием, т. е. для руководящей

[60] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. 2, л. 60.
[61] Там же, л. 59.
[62] Там же, лл. 7, 8.

работы в них требовались, как уже отмечалось, высококвалифицированные и компетентные работники, которыми являлись обычно беспартийные старые служащие и буржуазные специалисты. Зато в трех из учреждений данной группы, отличавшихся от большинства по характеру своих функций (наркоматы труда, социального обеспечения и Главное управление милиции НКВД), в связи с повышением в руководстве удельного веса коммунистов число беспартийных соответственно понизилось: в Наркомате социального обеспечения — 8 человек, или 44.4%, в Наркомтруде — 6 человек, или 22.2%, а в Главном управлении милиции НКВД, как мы уже знаем, их не оказалось вовсе, так как здесь все руководящие работники были коммунистами или кандидатами в члены РКП(б).

Какова же в общем степень достоверности приведенных выше сведений о партийном составе служащих центральных советских государственных учреждений? Нам представляется, что полученные в результате изучения и обработки анкетных материалов переписи 1918 г. сведения в целом достаточно правильно и полно отражают то, что было на самом деле. Убедительным свидетельством этому является следующее: нам удалось осуществить своеобразную контрольную проверку точности произведенных подсчетов для двух изученных полностью учреждений — Наркомата юстиции и ВСНХ (центрального аппарата). Дело в том, что наряду с заполненными анкетами своих сотрудников данные ведомства прислали тогда же в Комиссию по проверке советских служащих или списки всех служащих по фракциям (Наркомюст), или же список членов фракции большевиков (ВСНХ). Поэтому оказалось возможным сравнить сведения, содержавшиеся в указанных списках, с данными, полученными в итоге проведенного исследования. Результаты получились следующие. В Народном комиссариате юстиции в список служащих по фракциям входили: 27 членов РКП(б), 2 члена мелкобуржуазных партий (1 меньшевик-интернационалист и 1 меньшевик) и 110 беспартийных. Всего в списке значилось 139 человек.[63] Как видно из табл. 10, по нашим данным, в том же Наркомюсте в момент проведения переписи было 140 человек и средп них: 28 членов РКП(б) (включая членов ее национальных секций), 3 члена мелкобуржуазных партий (все 3 — меньшевики-интернационалисты) и 109 беспартийных (включая в это число и беспартийных — сочувствующих РКП(б) и Советской власти, которые, вероятно, не были еще выделены в особую, организованную группу). Как видим, проведенное сравнение не только не выявило никаких серьезных расхождений, но, наоборот, показало почти полное совпадение основных интересующих нас показателей.

Применительно к ВСНХ подобное сравнение-проверка могло, разумеется, проводиться и проводилось только по данным, характеризующим количество членов большевистской партии. И здесь его результаты оказа-

---

[63] Там же, № 39, лл. 146—148.

лись благополучными: если в списке членов фракции РКП(б) центрального аппарата ВСНХ было указано 70 человек,[64] то по нашим подсчетам их оказалось всего лишь на одного человека больше — 71 человек (табл. 10). Таким образом, есть все основания полагать, что полученные в результате настоящего исследования данные в целом достаточно верны и в отношении характеристики партийного состава служащих центральных советских государственных учреждений в рассматриваемый период. В связи с этим представляется, в частности, необходимым высказать некоторые соображения по поводу сведений о партийном составе служащих ВСНХ в 1918 г., приведенных в монографии В. З. Дробижева. Как указывается в этой книге, партийная прослойка в аппарате ВСНХ в 1918 г. была весьма незначительной — 87 коммунистов на более чем 2000 служащих, или всего 3.9%.[65] Между тем, как видно из материалов переписи 1918 г., только в четырех из изученных нами учреждений, входивших в систему Высшего Совета народного хозяйства, — его центральном аппарате и трех главках — Главсахаре, Центроторфе и Нефтяном комитете — на 1409 служащих приходится 81 коммунист (табл. 10). Следовательно, общее число членов РКП(б) в аппарате ВСНХ в целом, составлявшем по данным той же переписи, свыше 6000 человек (табл. 1), должно было быть, очевидно, больше указанной В. З. Дробижевым цифры, которая поэтому нуждается, на наш взгляд, в уточнении.

С вопросом о партийном составе служащих центральных советских государственных учреждений теснейшим образом связан интересный вопрос о времени их пребывания в той или иной партии. Важность установления общих, хотя бы более или менее точных показателей по последнему вопросу не нуждается в пространном обосновании. Отметим лишь, что в то время как выяснение самого партийного состава советских служащих позволяет судить об удельном весе представителей той или иной партии в центральном госаппарате и, если можно так сказать, о «количественной стороне» проблемы в целом, то наличие данных об их партийном стаже дает определенную возможность произвести своеобразный «качественный срез» соответствующей части служащих. Излишне пояснять, какая существенная разница имелась, например, между испытанными бойцами с дооктябрьским опытом подпольной революционной работы, участвовавшими во всех трех русских революциях, и новобранцами партии, вступившими в нее в период «мирной передышки», чей партийный стаж исчислялся двумя-тремя месяцами и среди которых была, возможно, и какая-то часть «попутчиков». Ценный материал для некоторых выводов в данном отношении и дают, в частности, ответы советских служащих на следующий пункт анкеты — «17. Сколько времени состоите в этой партии» — вопрос VII в нашей учетно-регистрационной карточке (табл. 12 и 13).

---

[64] Там же, № 205, лл. 485—487.
[65] См.: В. З. Дробижев. Ук. соч., стр. 225.

Таблица 12

Распределение всего состава советских служащих по их партийному стажу (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «сколько времени состоите в этой партии»	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК	НК почт и телеграфов
50	До 25 X 1917	97 9.7	8 3.8	6 3	291 37.3	29 9.2	13 18.8	31 2.7	95 33.1	12 3	51 23	19 13.6	7 17.5	2 1.4	47 9.7	3 7.9	21 7.6
51	После 25 X 1917	7 0.7	1 0.5	—	40 5.1	3 1	—	5 0.4	10 3.5	2 0.5	11 5	3 2.1	1 2.5	4 2.9	15 3.1	—	2 0.7
52	После 1 I 1918	4 0.4	—	1 0.5	32 4.1	2 0.6	2 2.9	2 0.2	9 3.1	1 0.3	5 2.3	3 2.1	1 2.5	1 0.7	7 1.4	—	5 1.8
53	После 10 III 1918	3 0.3	1 0.5	—	23 2.9	5 1.6	1 1.5	2 0.2	18 6.3	1 0.3	17 7.7	4 2.9	—	—	6 1.2	—	2 0.7
54	После 6 VII 1918	5 0.5	—	—	33 4.2	2 0.6	—	—	13 4.5	1 0.3	5 2.3	2 1.4	—	—	20 4.1	—	2 0.7
55	Прочерк, без ответа	856 85.6	192 90.5	189 96	355 45.5	264 84.1	52 75.3	1069 92.2	133 46.4	365 91.8	129 58	107 76.5	30 75	136 93.6	368 76.1	34 89.5	233 84.1
56	Все время, постоянно	21 2.1	10 4.7	1 0.5	3 0.4	3 1	1 1.5	37 3.2	4 1.4	14 3.5	2 0.9	2 1.4	—	1 0.7	9 1.9	—	10 3.6
57	Пока не состою	6 0.6	—	—	4 0.5	5 1.6	—	9 0.8	5 1.7	1 0.3	1 0.4	—	1 2.5	—	11 2.3	1 2.6	1 0.4
50а	Неизвестно	1 0.1	—	—	—	1 0.3	—	3 0.3	—	—	1 0.4	—	—	1 0.7	1 0.2	—	1 0.4
	Всего ответило	1000 100	212 100	197 100	781 100	314 100	69 100	1159 100	287 100	397 100	222 100	140 100	40 100	145 100	484 100	38 100	277 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, ед. хр. №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 205, 212, 217). Сведения по Наркомпочтелю получены на основании ответов его служащих на вопрос «9. Когда поступили в партию» анкеты, распространенной в этом комиссариате (там же, № 193).

Таблица 13

Распределение руководящего состава советских служащих по их партийному стажу (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «сколько времени состоите в партии»	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам		НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
				Оперативное и военно-топографическое управления	управления по организации армии							
50	До 25 X 1917	7 / 77.8	3 / 10.3	1 / 4.2	1 / 5.9	1 / 3.3	17 / 18.5	15 / 4.9	7 / 38.9	10 / 24.4	14 / 51.9	4 / 1.9
51	После 25 X 1917	—	1 / 3.4	—	—	—	2 / 2.2	1 / 0.3	2 / 11.1	1 / 2.4	—	—
52	После 1 I 1918	1 / 11.1	—	—	—	—	1 / 1.1	1 / 0.3	1 / 5.6	—	—	1 / 0.5
53	После 10 III 1918	—	—	—	—	1 / 3.3	—	2 / 0.7	—	—	1 / 3.7	—
54	После 6 VII 1918	1 / 11.1	1 / 3.4	1 / 4.2	—	—	—	1 / 0.3	—	—	2 / 7.4	1 / 0.5
55	Прочерк, без ответа	—	23 / 79.5	21 / 87.4	14 / 82.3	27 / 90.1	70 / 76	251 / 82.6	8 / 44.4	27 / 65.9	10 / 37	197 / 94.2
56	Все время, постоянно	—	1 / 3.4	1 / 4.2	1 / 5.9	1 / 3.3	2 / 2.2	30 / 9.9	—	3 / 7.3	—	4 / 1.9
57	Пока не состою	—	—	—	1 / 5.9	—	—	2 / 0.7	—	—	—	1 / 0.5
50а	Неизвестно	—	—	—	—	—	—	1 / 0.3	—	—	—	1 / 0.5
	Всего ответило	9 / 100	29 / 100	24 / 100	17 / 100	30 / 100	92 / 100	304 / 100	18 / 100	41 / 100	27 / 100	209 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152).

Приступая к рассмотрению приведенных выше данных о распределении советских служащих по их партийному стажу, следует сразу же напомнить, что эти сведения носят общий характер, т. е. они относятся не к какой-либо одной, а ко всем партиям и политическим группировкам, взятым вместе. Поэтому при характеристике выделенных нами по четырем хронологическим рубежам (25 октября 1917 г., 1 января, 10 марта и 6 июля 1918 г.) пяти основных групп служащих необходимо, естественно, исходить из общего количества членов всех без исключения партий, а также Социалистического Союза рабочей молодежи и кандидатов в члены РКП(б). Это общее количество в каждом из изученных советских учреждений выглядело следующим образом. В учреждениях, обследованных полностью: в ВСНХ — 101 человек, или 10.1%, в Главсахаре ВСНХ — 7 человек, или 3.4%; в Центроторфе и Нефтяном комитете ВСНХ — 6 человек, или 3%; в ВЧК — 423 человека, или 54.2%; в НКВД — 38 человек, или 11.2%; в Наркомздраве — 15 человек, или 22%; в Наркомземе — 31 человек, или 2.9%; в Наркоминделе — 152 человека, или 52.8%; в Наркомате по морским делам — 12 человек, или 3%; в Наркомнаце — 90 человек, или 40.5%; в Наркомюсте — 31 человек, или 22.1%; в Управлении делами СНК — 11 человек, или 27.5%; в Штабе Высшего военного совета — 6 человек, или 4.1%; во ВЦИК — 88 человек, или 18.1%; в Ревтрибунале ВЦИК — 3 человека, или 7.9%; в Наркомпочтеле — 27 человек, или 9.8% (табл. 10). В Учреждениях, где был изучен только руководящий состав работников: в Главном управлении милиции НКВД — 9 человек, или 100%; в Наркомвоене — 4 человека, или 13.7%; в Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоена — 2 человека, или 8.3%; в Управлении по организации армии Наркомвоена — 1 человек, или 5.9%; в Народных комиссариатах государственного контроля — 2 человека, или 6.6%, продовольствия — 17 человек, или 18.4%, путей сообщения — 14 человек, или 4.6%, социального обеспечения — 10 человек, или 55.6%, торговли и промышленности — 11 человек, или 26.8%, труда — 17 человек, или 63%, финансов — 5 человек, или 2.4% (табл. 11).

При сравнении этих данных с показателями, характеризующими группу служащих, ответы которых были зафиксированы под шифром 50 (до 25 октября 1917 г.), получились следующие результаты (см. стр. 407).

Как видим, сравнение приведенных данных позволяет прийти к довольно интересному выводу: в подавляющем большинстве указанных центральных советских учреждений — и в тех, где изучался весь состав служащих, и в тех, где был обследован только руководящий состав работников, — основная масса служащих — членов той или иной партии — имела дооктябрьский партийный стаж.[66] Но так как удельный вес членов

[66] А в двух из них (Главсахар ВСНХ и НКПС) имел даже место любопытный казус, объяснение которому будет дано чуть позднее — число служащих с партийным стажем до 25 октября 1917 г. вообще превысило, как это ни странно на первый взгляд, общее количество партийных служащих.

Центральные советские учреждения (весь состав служащих)	Общее число [67] служащих — членов партий, ССРМ и кандидатов в РКП(б)	Число служащих [68] с партийным стажем, начинающимся до 25 X 1917 г.
ВСНХ	101	97
Главсахар ВСНХ	7	8
Центроторф—Нефтеком ВСНХ	6	6
ВЧК	423	291
НК внутренних дел	38	29
НК здравоохранения	15	13
НК земледелия	31	31
НК иностранных дел	152	95
НК по морским делам	12	12
НК по делам национальностей	90	51
НК юстиции	31	19
Управление делами СНК	11	7
Штаб Высшего военного совета	6	2
ВЦИК	88	47
Ревтрибунал ВЦИК	3	3
НК почт и телеграфов	27	21

[67] Сведения получены на основании данных табл. 10.
[68] Сведения взяты из табл. 12.

Центральные советские учреждения (руководящий состав служащих)	Общее количество [69] служащих — членов партий, ССРМ и кандидатов в РКП(б)	Число служащих [70] с партийным стажем, начинающимся до 25 X 1917 г.
Главное управление милиции НК внутренних дел	9	7
НК по военным делам	4	3
Оперативное и Военно-топографическое управления НК по военным делам	2	1
Управление по организации армии НК по военным делам	1	1
НК государственного контроля	2	1
НК продовольствия	17	17
НК путей сообщения	14	15
НК социального обеспечения	10	7
НК торговли и промышленности	11	10
НК труда	17	14
НК финансов	5	4

[69] Сведения получены на основании данных табл. 11.
[70] Сведения взяты из табл. 13.

РКП(б) был, как мы уже видели, значительно выше соответствующих показателей любой из мелкобуржуазных партий (и, как правило, даже объединенных показателей этих партий), то вполне логично заключить,

что сделанный выше вывод с полным основанием можно отнести прежде всего к Коммунистической партии.

В самом деле, не случайно, конечно, то, что именно в ВЧК, Наркоминделе, Наркомнаце и Управлении делами Совнаркома, в составе которых, как известно, было больше всего коммунистов (табл. 10), оказалось и наибольшее число служащих с дооктябрьским партийным стажем (табл. 12). Число же служащих, вступивших в ту или иную партию в первые месяцы после Октябрьской революции и период «мирной передышки», было. как видно из материалов переписи 1918 г., весьма невелико (как правило, в пределах 1% на протяжении одного из выделенных хронологических периодов для отдельного учреждения) и составляло более или менее значительную величину опять-таки лишь в тех важнейших советских ведомствах, где влияние большевиков было подавляющим (ВЧК, НКВД, Наркомнац, НКЮ, ВЦИК).

Наличие данных, приведенных в табл. 12 и 13, позволяет осуществить еще одно интересное наблюдение. Очевидно, что итоговые сведения о числе членов всех политических партий и группировок, с одной стороны, и сводные показатели о количестве служащих, указавших время своего вступления в ту или иную партию, должны в принципе совпадать. Поэтому сравнение соответствующих данных таблиц 10—11 и 12—13 может служить еще одной, дополнительной проверкой правильности обработки анкетных материалов и произведенных подсчетов.

Центральные советские учреждения (весь состав служащих)	Общее количество [71] служащих — членов партий, ССРМ и кандидатов в РКП(б)	Общее число [72] служащих, указавших свой партийный стаж
ВСНХ	101	116
Главсахар ВСНХ	7	10
Центроторф—Нефтеком ВСНХ	6	7
ВЧК	423	419
НК внутренних дел	38	41
НК здравоохранения	15	16
НК земледелия	31	40
НК иностранных дел	152	145
НК по морским делам	12	17
НК по делам национальностей	90	89
НК юстиции	31	31
Управление делами СНК	11	9
Штаб Высшего военного совета	6	7
ВЦИК	88	95
Ревтрибунал ВЦИК	3	3
НК почт и телеграфов	27	32

[71] Сведения получены на основании данных табл. 10.
[72] Сведения получены на основании данных табл. 12.

Центральные советские учреждения (руководящий состав служащих)	Общее количество [13] служащих — членов партий, ССРМ и кандидатов в РКП(б)	Общее число [14] служащих, указавших свой партийный стаж
Главное управление милиции НК внутренних дел	9	9
НК по военным делам	4	5
Оперативное и Военно-топографическое управления НК по военным делам	2	2
Управление по организации армии НК по военным делам	1	1
НК государственного контроля	2	2
НК продовольствия	17	20
НК путей сообщения	14	20
НК социального обеспечения . .	10	10
НК торговли и промышленности	11	11
НК труда	17	17
НК финансов	5	6

[13] Сведения получены на основании данных табл. 11.
[14] Сведения получены на основании данных табл. 13.

Как видим, никаких резких расхождений не обнаружилось. Правда, при сравнении показателей, полученных на основании данных табл. 10 и 12, заметно некоторое, хотя и не слишком значительное, превышение числа служащих, указывавших свой партстаж по сравнению с общим количеством служащих-членов тех или иных партий в учреждениях, изученных полностью, а в четырех случаях (для ВЧК, ВСНХ, Наркомнац и УД СНК) наоборот. Последнее объясняется просто: некоторые из служащих—членов партий делали прочерк или вовсе оставляли без ответа вопрос о времени их вступления в партию. При объяснении же первого обстоятельства следует иметь в виду, что при обработке и подсчете анкет учитывались не только ответы партийных служащих (составлявшие, разумеется, подавляющее большинство), но и соответствующие ответы членов ССРМ, кандидатов в члены РКП(б), а также (и это главное) тех отдельных беспартийных — сочувствующих партии левых эсеров (и особенно партии большевиков), которые точно указывали, с какого именно времени (например, с революции 1905—1907 гг., с Февральской революции 1917 г. и т. д.) они сочувствовали, а обычно и содействовали деятельности той или иной партийной организации. Небезынтересно, что данное явление вовсе не наблюдалось или же наблюдалось в гораздо меньшей степени в таких важных и ответственных органах, как ВЧК, НКИД, Наркомнац, Управление делами СНК, Наркомюст, где, как уже отмечалось, было наибольшее число коммунистов, а также, вероятно, более серьезно и строго относились к надлежащему заполнению сочувствующими соответствующих граф анкеты. Именно последнее обстоятельство, по-видимому,

сказалось и на результатах сравнения интересующих нас данных по таблицам 11 и 13, которые совпали или оказались близки к этому в 9 из 11 учреждений, где был изучен руководящий состав советских служащих.

С вопросами о партийной принадлежности служащих и времени их вступления в ту или иную партию непосредственно связан еще один имевшийся в анкетном формуляре вопрос — «12. Удовлетворяет ли Вас работа в идейном отношении» (вопрос IV в учетно-регистрационной карточке). Совершенно очевидно, что изучение ответов на сформулированный таким образом вопрос позволит, по-видимому, выявить новые, дополнительные стороны в политической характеристике общего состава советских служащих. Помимо тех сведений, которыми мы располагаем в данном отношении для служащих — членов различных партий и группировок, теперь появляется возможность установить в определенной мере идейные симпатии и взгляды основной массы служащих — беспартийных, их настроение и мнение по поводу выполняемой работы в советских учреждениях, ее место и значение в общей деятельности новой, рабоче-крестьянской власти. Как же распределились ответы на этот вопрос? Это видно из приводимых ниже таблиц 14—16.

Как хорошо видно из приведенных данных, основная масса служащих всех изученных советских центральных учреждений положительно ответила на вопрос, удовлетворяет ли их работа в идейном отношении. В 11 из 15 советских учреждений, где был обследован весь состав работников, так ответило свыше 70% служащих (в том числе в 5 случаях 80% и более), в 3 ведомствах — около 60% и выше и, наконец, только в одном случае (в Управлении делами СНК) имел место сравнительно невысокий показатель — 15 человек, или 37.5% всего состава сотрудников. Еще более высокие показатели наблюдаются в той группе центральных советских учреждений, где изучались лишь анкеты руководящих работников. Здесь в 8 из 11 учреждений на указанный выше вопрос положительно ответило более 85% руководителей всех трех звеньев (в том числе в 4 случаях — свыше 93% и в одном — все 100%), а в 3 остальных ведомствах (наркоматы продовольствия, социального обеспечения и по делам торговли и промышленности) — более 60% всего руководящего состава.

Многие из рядовых служащих и ответственных работников, не ограничиваясь общим положительным ответом на поставленный вопрос, нередко давали пояснения, выражали свое отношение к выполняемой работе. Так, бухгалтер счетного отдела Наркомата путей сообщения, беспартийный (в прошлом член партии левых эсеров) Н. В. Соколов писал в соответствующей графе анкеты: «Со времени революции, когда каждый из служащих, перестав быть слепым исполнителем распоряжений начальства, получил возможность проявить собственную инициативу, тяжелая и неблагодарная конторская работа дает значительно больше удовлетворения».[75] А вот что написал в своей анкете один из служащих Наркомзема

[75] ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 351, л. 529.

Таблица 14

Распределение всего состава советских служащих по их отношению к выполняемой работе
(по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «удовлетворяет ли Вас работа в идейном отношении»	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК
21	Да	624 62.4	169 79.7	113 57.5	587 75.1	223 71	40 58.1	870 75.1	236 82.2	323 81.4	164 73.9	98 70	15 37.5	128 88.3	379 78.3	30 79
22	Нет	70 7	6 2.8	19 9.6	88 11.3	31 9.9	9 13	72 6.2	14 4.9	18 4.5	21 9.5	9 6.4	6 15	7 4.8	25 5.2	2 5.3
23	Не вполне, не всегда и т. п.	56 5.6	7 3.3	15 7.6	35 4.5	21 6.7	5 7.2	48 4.1	18 6.3	19 4.8	10 4.5	8 5.7	2 5	3 2.1	18 3.7	1 2.6
24	Прочерк, без ответа	201 20.1	22 10.4	44 22.3	67 8.6	33 10.5	11 15.9	134 11.6	16 5.6	25 6.3	24 10.8	18 12.9	16 40	2 1.4	53 11	1 2.6
23а	От ответа уклонился	42 4.2	4 1.9	6 3	1 0.1	5 1.6	2 2.9	34 2.9	2 0.7	10 2.5	2 0.9	5 3.6	1 2.5	5 3.4	7 1.4	4 10.5
24а	Не знаю	7 0.7	4 1.9	—	3 0.4	1 0.3	2 2.9	1 0.1	1 0.3	2 0.5	1 0.4	2 1.4	—	—	2 0.4	—
	Всего ответило	1000 100	212 100	197 100	781 100	314 100	69 100	1159 100	287 100	397 100	222 100	140 100	40 100	145 100	484 100	38 100

Примечание. Таблица составлена на основании заполненных анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 5, 6, 9, 10, 15, 16, 36, 39, 59, 93, 109—111, 204, 205, 212, 217).

Таблица 15

Распределение руководящего состава советских служащих по их отношению к выполняемой работе (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «удовлетворяет ли Вас работа в идейном отношении»	НК внутренних дел, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам		НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
				оперативное и военно-топографическое управления	Управление по организации армии							
21	Да	8 / 88.9	27 / 93.1	23 / 95.8	17 / 100	28 / 93.4	59 / 64.2	261 / 85.9	12 / 66.6	25 / 60.9	23 / 85.2	201 / 96.1
22	Нет	1 / 11.1	—	—	—	—	5 / 5.4	11 / 3.6	1 / 5.6	1 / 2.4	1 / 3.7	1 / 0.5
23	Не вполне, не всегда и т. п.	—	2 / 6.9	1 / 4.2	—	—	9 / 9.8	13 / 4.3	5 / 27.8	9 / 22	3 / 11.1	3 / 1.4
24	Прочерк, без ответа	—	—	—	—	—	12 / 13	12 / 3.9	—	4 / 9.8	—	1 / 0.5
23а	От ответа уклонился	—	—	—	—	1 / 3.3	7 / 7.6	7 / 2.3	—	—	—	2 / 1
24а	Не знаю	—	—	—	—	1 / 3.3	—	—	—	2 / 4.9	—	1 / 0.5
	Всего ответило	9 / 100	29 / 100	24 / 100	17 / 100	30 / 100	92 / 100	304 / 100	18 / 100	41 / 100	27 / 100	209 / 100

Примечание. Таблица составлена на основании анкетных листов, присланных в Комиссию по проверке советских служащих из указанных наркоматов и других центральных советских учреждений (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, №№ 17—19, 37, 48, 62, 64, 94, 97—99, 120, 124—128, 149—152).

Таблица 16

Распределение всего состава служащих Народного комиссариата почт и телеграфов по их отношению к выполняемой работе (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «служите в Комиссариате из-за сочувствия Советской власти или по другой причине»	Число ответивших
21	Да	102 36.7
21а	Для существования, из-за заработка	91 32.9
21б	Служу по своей специальности	27 9.7
22а	Работаю на благо народа, Родины	41 14.8
23а	От ответа уклонился	2 0.7
24	Прочерк, без ответа	7 2.5
25	Рекомендован ЦК РКП(б), СНК, ВЦИК или съездом Советов, Председателем СНК В. И. Лениным, коллегией наркомата	1 0.4
27	Рекомендован членом или организацией РКП(б)	1 0.4
28	Рекомендован членом или организацией партии левых эсеров	1 0.4
29	Рекомендован Советским учреждением или служащим	1 0.4
30а	Переведен из другого учреждения	3 1.1
	Всего ответило	277 100

Примечание. Таблица составлена на основании ответов служащих Наркомпочтеля на вопрос «18. Служите в Комиссариате из-за сочувствия Советской власти или по другой причине» анкеты, распространенной в этом комиссариате (ЦГАОР СССР, ф. 3524, оп. 1, № 193).

агроном В. М. Барзыкин: «Горячо сочувствую работе по проведению в жизнь обязательных постановлений съезда Советов...».[76] «Очень» — читаем в анкете, — был удовлетворен выполняемой работой один из руководителей Главного торфяного комитета ВСНХ, член партии с 1898 г.,

[76] Там же, № 109, л. 68.

профессиональный революционер И. И. Радченко;[77] «чрезвычайно» — член коллегии Наркомата по социальному обеспечению, член большевистской партии с 1908 г. Е. Ф. Цирлина[78] и т. д.

Следующую, вторую, по представительности группу составляли те служащие, которые в соответствующей графе анкеты сделали прочерк или же вовсе оставили без ответа рассматриваемый вопрос. Ответивших таким образом насчитывалось до 10% в 5 из 15 изученных целиком учреждений, 10—16% — в 7 ведомствах, около 20% — в 2 ведомствах и в Управлении делами СНК — 16 человек, или 40% (табл. 14). Такое довольно массовое явление не могло быть случайным. Это было, по-видимому, связано с неудачной формулировкой рассматриваемого вопроса, который носил несколько отвлеченный и недостаточно конкретный характер. Именно на это обстоятельство указывали, в частности, некоторые из тех служащих, которых мы были вынуждены отнести к группе под шифром 23а (уклонившихся от ответа): «Не могу дать точный ответ по неясности вопроса»[79] (управляющий отделом статистики и картографии НКПС беспартийный В. Е. Тимонов); «Вопрос весьма сложный, серьезный; не в анкетном ответе можно его уложить»[80] (член коллегии Наркомзема коммунист Д. М. Соловей); «Вопроса не понимаю»[81] (консультант Наркомюста М. А. Зискинд). Определенная же часть служащих (в основном — специалисты, делопроизводственный персонал) понимала (или, возможно, хотела понять) данный вопрос анкетного формуляра как относящийся к непосредственному характеру выполняемой ими работы, и соответственно с этим отвечала: «Работа техническая», «Работа механическая», «Работа канцелярская», «Работа не идейного характера» и т. д. Например, управляющий мясным отделом Наркомпрода М. Н. Купчин так и написал о своей работе, что она «исключительно технического характера»,[82] а один из специалистов — бухгалтеров Наркоминдела указывал, что «в бухгалтерии идей нет».[83]

Характером своей работы, а вовсе не идейными соображениями руководствовались в подавляющем большинстве и те служащие, которые на вопрос в анкете отвечали «нет» (группа под шифром 22) и «не вполне» (группа под шифром 23). Большинство из ответивших таким образом просто хотело иметь работу, более близкую к своей специальности: «предпочитаю заводскую деятельность»,[84] «желаю работать по специальности инженера»,[85] «предпочитаю линейную службу»[86] и т. д., и т. п. Приведем лишь один из таких ответов, который как раз интересен тем, что в нем,

[77] Там же, № 217, л. 157.
[78] Там же, № 120, л. 227.
[79] Там же, № 152, л. 36.
[80] Там же, № 110, л. 339.
[81] Там же, № 39, л. 37.
[82] Там же, № 98, л. 182.
[83] Там же, № 15, л. 220.
[84] Там же, № 204, л. 156.
[85] Там же, № 15, л. 19.
[86] Там же, № 150, л. 203.

в отличие от многих других, была также оговорена и идейная сторона — отношение отвечавшего к Советской власти и ее политике: «Признавая платформу Советской власти, меня работа удовлетворяет, хотя мне больше по душе работа практического врача», — указал в своей анкете бывший военный врач, а в момент проведения переписи секретарь наркома здравоохранения Б. Я. Шимшелевич.[87] Другую же часть служащих не удовлетворял в основном характер (или иногда условия — должность, оклад и т. п.) выполняемой ими работы. Так, например, пришедший на работу в ВЧК из Народного банка РСФСР член большевистской партии с дооктябрьским стажем К. И. Лашков так писал, отвечая на вопрос, удовлетворяет ли его работа в идейном отношении: «Как заведующего разведкой нет, могу быть полезнее на другом деле».[88] А вот еще один ответ, весьма характерный по существу для ответов многих других сотрудников ВЧК, которые были заняты на канцелярско-делопроизводственной работе. Член большевистской партии латышка Ольга Зведре, работавшая конторщицей, писала: «Желаю активную работу для пользы идей нашей партии».[89] И, наконец, последняя из зафиксированных нами основных групп — под шифром 24а, включавшая в себя всех, кто ответил «не знаю», состояла, как правило, из служащих, которые только что поступили в учреждение и не освоились еще с работой и обстановкой.

Специально следует обратить внимание на соответствующие ответы служащих Наркомата по делам почт и телеграфов. Как мы уже знаем, в этом комиссариате была проведена анкета, отличная от общей анкеты для всех остальных советских учреждений. С этим и была связана совершенно иная формулировка рассматриваемого сейчас вопроса в анкете Наркомпочтеля, где он выглядел следующим образом: «18. Служите в Комиссариате из-за сочувствия Советской власти или по другой причине». Нетрудно заметить явно неправильную постановку вопроса, в котором были смешаны совершенно различные критерии. Методологически неверно построенный вопрос предопределил, к сожалению, и очевидные недостатки полученных по Наркомпочтелю сведений (табл. 16), главный из которых — взаимная перекрещиваемость показателей основных групп служащих — серьезно повлиял на итоговые результаты и, естественно, весьма затруднил их оценку.

О социальном составе советских служащих и особенностях решения проблемы слома буржуазной государственной машины в России

Полагая возможным говорить о социальном составе служащих целого ряда советских центральных учреждений на основании изучения содержащихся в заполненных ими анкетных листах ответов на названный выше вопрос («Где служили до этого»), мы исходили из следующих соображе-

[87] Там же, № 111, л. 70.
[88] Там же, № 10, л. 352.
[89] Там же, л. 225.

ний. Подобно представителям любой другой области научного знания, историки используют в своих работах операции абстрагирования, позволяющие все более широко применять количественные методы исследования социальных явлений.[90] Как известно, каждое множество людей, выделенное на основе обладания определенным социальным признаком, составляет социальную категорию.[91] Поэтому когда мы говорим о социальном составе служащих советских центральных ведомств, то имеем в виду возможность распределения их по одному вполне определенному социальному признаку. Таким признаком является социальное положение. Не социальное происхождение, подчеркиваем, а именно то положение, которое занимал в 1917—1918 гг. опрашиваемый советский служащий по роду своих занятий в общественной системе до поступления на работу в советский аппарат.[92] Напомним, что, как подчеркнул В. И. Ленин, «статистика занятий всего населения России может и должна быть использована для *приблизительного* определения того, на какие *основные* категории делится все население России по своему *классовому* положению, т. е. по своему положению в общественном строе производства».[93]

В соответствии с этим, помимо первоначального распределения полученных сведений по 19 различным группам, образованных исходя из конкретного содержания ответов, имеются, таким образом, реальные основания произвести дальнейшую перегруппировку и сводку приведенных в табл. №№ 6 и 7 данных по следующим социальным группам: 1) рабочие; 2) служащие; 3) военнослужащие; 4) учащиеся; 5) прочие. Причем, если третья и четвертая группы (военнослужащие и учащиеся) не требуют каких-то особых примечаний, то каждая из трех других основных групп нуждается в некоторых пояснениях. При определении одной из этих последних групп — № 2 (служащие), само понятие «служащий» мы рассматривали в широком смысле, включая в него, в частности, и категорию интеллигенции. И поэтому вполне понятно, что именно данная группа объединила наибольшее число (тринадцать) различных категорий сотрудников, представленных в таблицах под шифрованными номерами 10, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 19, 12а, 13а, 14а, 16а и 17а, т. е. и служивших ранее в бывших правительственных и государственных, частных и местных учреждениях, издательствах и редакциях газет и журналов, учебных заведениях и научных обществах, и работавших до этого в центральных и местных органах Советской власти, Красной гвардии и милиции, в различных общероссийских общественных учреждениях, организациях и союзах, и находившихся на партийной и профсоюзной работе. В состав другой группы — № 5 (прочие) — были включены ответы всех тех из

---

[90] А. В. Гулыга. История как наука. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, стр. 35.

[91] См.: Ян Щепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969, стр. 116, 117.

[92] Об этом см., например: В. И. Старцев. Очерки по истории Петроградской красной гвардии и рабочей милиции, стр. 254.

[93] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 502.

заполнивших анкеты, о ком не имеется точных и определенных сведений, т. е. тех, кто вообще не ответил на вопрос или сделал прочерк (категория под № 10а), ответил «не служил» (11а) или же, хотя и ответил, но таким образом (например, — «за границей» или «в Воронеже»), что место их прежней службы, а следовательно и социальное положение, все равно осталось неизвестным,

Наконец, особо следует остановиться на последней из указанных выше групп — на группе № 1 (рабочие). Дело в том, что все те из заполнивших анкеты сотрудников центральных советских учреждений, кто, отвечая на вопрос о предыдущей службе, указывал завод, фабрику или какое-либо другое производственное предприятие (категория служащих, представленная под шифром 15), как правило, этим и ограничивались, не уточняя (так как это и не требовалось анкетой), какую именно работу они выполняли, т. е. являлся ли опрошенный рабочим или механиком, инженером или работником заводоуправления. Таким образом, наряду с собственно рабочими в этой группе несомненно имелось также какое-то количество инженерно-технических и административно-управленческих работников. Однако, к сожалению, по указанным выше причинам выделить и произвести точный подсчет этих внутренних прослоек на основе имеющихся материалов переписи 1918 г. очень трудно. Поэтому, не исключая все же возможности установления более точных сведений о количестве рабочих внутри данной группы, используя, в частности, метод графологического анализа, мы ограничимся пока данным замечанием, которое следует обязательно иметь в виду при рассмотрении цифровых показателей, характеризующих группу № 1 (уточнив соответственно и ее название «рабочие и другие работники производственных предприятий — заводов, фабрик и т. п.») в приводимых ниже табл. 17 и 18.

Прежде всего, взятые в целом данные приведенных выше табл. 17 и 18 свидетельствуют, что в рассматриваемый период, т. е. примерно к осени 1918 г., в советском центральном государственном аппарате были представлены почти все основные социальные группы населения страны, включая крестьян, которые были, по всей вероятности, представлены в свою очередь в группе «военнослужащие»[94] и весьма возможно также в группе «прочие» (среди ответов, зафиксированных по последней группе, встречался, в частности, и «в деревне»). Более того, имеются достаточные, на наш взгляд, основания говорить о некоторых, довольно определенных пропорциях в представительности каждой из названных социальных групп в отдельности и сравнительно друг с другом.

В самом деле, как это видно из табл. 17, наименьшей по численности во всех без исключения изученных центральных советских органах (и это, по-видимому, не требует особых объяснений) является группа № 4 — «учащиеся» (студенты и т. д.), число представителей которой нигде не

[94] Достаточно напомнить о том, что в годы первой мировой войны в русскую армию было призвано 15 млн человек в основном за счет крестьянского населения (см.: П. А. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, стр. 14; И. Челянов. Политическая армия Октября. — Правда, 26 октября 1967 г.).

Таблица 17

Распределение по социальному положению всего состава служащих советских центральных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Основные группы	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета
Рабочие и другие работники производственных предприятий (заводов, фабрик и т. п.)	34 / 7	1 / 2.6	100 / 10	15 / 7.1	22 / 11.2	83 / 10.6	22 / 7	—	22 / 1.9	67 / 23.4	11 / 2.8	15 / 6.8	4 / 2.9	1 / 2.5	—
Служащие	267 / 55.2	15 / 39.4	594 / 59.4	127 / 59.8	117 / 59.4	296 / 38	185 / 58.9	51 / 73.9	813 / 70.2	105 / 36.5	297 / 74.8	129 / 58.1	91 / 65	23 / 57.5	18 / 12.4
Военнослужащие	106 / 21.9	16 / 42.2	201 / 20.1	40 / 19	31 / 15.7	287 / 36.7	49 / 15.6	9 / 13	155 / 13.3	64 / 22.3	68 / 17	38 / 17	35 / 25	5 / 12.5	118 / 81.6
Учащиеся	8 / 1.7	—	15 / 1.5	2 / 0.9	2 / 1	5 / 0.6	6 / 1.9	—	33 / 2.9	—	1 / 0.3	6 / 2.7	—	2 / 5	—
Прочие	69 / 14.2	6 / 15.8	90 / 9	28 / 13.2	25 / 12.7	110 / 14.1	52 / 16.6	9 / 13.1	136 / 11.7	51 / 17.8	20 / 5.1	34 / 15.4	10 / 7.1	9 / 22.5	9 / 6.3
Всего ответило	484 / 100	38 / 100	1000 / 100	212 / 100	197 / 100	781 / 100	314 / 100	69 / 100	1159 / 100	287 / 100	397 / 100	222 / 100	140 / 100	40 / 100	145 / 100

Примечание. Настоящая таблица составлена на основании данных табл. 6.

Таблица 18

Распределение по социальному положению руководящего состава служащих советских центральных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Основные группы	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам: Оперативное и военно-топографическое управления	НК по военным делам: Управление по организации армии	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
Рабочие и другие работники производственных предприятий (заводов, фабрик и т. п.)	—	—	—	—	—	2 2.2	4 1.3	1 5.6	1 2.4	—	1 0.5
Служащие	8 88.9	17 58.55	9 37.5	4 23.5	30 100	75 81.5	281 92.4	13 72.2	30 73.2	22 81.5	207 99
Военнослужащие	—	12 41.45	15 62.5	13 76.5	—	15 16.3	16 5.3	3 16.6	6 14.7	3 11.1	1 0.5
Учащиеся	—	—	—	—	—	—	2 0.7	—	—	1 3.7	—
Прочие	1 11.1	—	—	—	—	—	1 0.3	1 5.6	4 9.7	1 3.7	—
Всего ответило	9 100	29 100	24 100	17 100	30 100	92 100	304 100	18 100	41 100	27 100	209 100

Примечание. Настоящая таблица составлена на основании данных табл. 7.

достигает даже 3% всего состава служащих. Группа № 1 — рабочие (по своему социальному положению) и вообще фабрично-заводской в прошлом персонал составляют около 3% всех сотрудников в четырех (в одном и единственном случае — в Наркомземе — 1.9%), 7—10% — в пяти и свыше 10% — в двух учреждениях. Небезынтересно отметить, что внутри данной группы значительное количество (7—10% и выше) ее представителей приходится на центральные органы управления народным хозяйством (ВСНХ и два его главка), а также на такие важнейшие центральные органы Советской власти, как ВЧК, ВЦИК, НКВД и Наркомнац. Но, конечно, наиболее высокий процент рабочие и другие пришедшие с заводов и фабрик работники составляли тогда в Наркоминделе — 23.4%, т. е. примерно около 1/4 всех сотрудников.

Следующая по представительности группа № 5 (прочие), в состав которой, как уже указывалось, были включены ответы тех из опрошенных, кто не дал точных и определенных сведений о месте своей прежней службы, составляла 5—10% всего состава служащих в четырех и 10—20% в десяти изученных учреждениях. В одном случае (в Управлении делами СНК) имела место несколько бóльшая цифра — 22.5%, или 9 человек, из которых трое ответили «не служил», а шесть человек сделали прочерк или оставили незаполненным соответствующий пункт анкетного листа.

Существенно больший удельный вес по сравнению с указанными тремя группами имела группа № 3 (военнослужащие), представители которой насчитывали в восьми из изученных учреждений 12—20% всего состава служащих, а в семи остальных — 20% и выше. При этом в двух последних — в Штабе Высшего военного совета и Ревтрибунале ВЦИК — их число достигало соответственно 81.6 и 42.2%. Данное явление вполне, конечно, закономерно и объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, следует указать, что наибольшее число военнослужащих приходится (и это вполне естественно) как раз на те учреждения, которые относились к центральным органам управления обороной страны или были заняты борьбой с контрреволюцией — Штаб Высшего военного совета, ВЧК, Народный комиссариат по морским делам (если же учесть служащих бывшего Морского министерства, насчитывавших 63.8%, то общее число военнослужащих в данном комиссариате равнялось 80.8% всего состава сотрудников). Во-вторых, значительное количество бывших военнослужащих работало также и в таких центральных советских органах, в составе которых имелись соответствующие специализированные отделы (например, военный отдел во ВЦИК) или другие подразделения (например, отряд специальной охраны в Наркоминделе). Высокий удельный вес группы «военнослужащих» в составе сотрудников абсолютно всех изученных центральных советских учреждений можно, по-видимому, объяснить и общей обстановкой, условиями продолжавшегося еще (несмотря на очевидные симптомы надвигающейся гражданской войны) периода «мирной передышки», когда весьма значительная часть взрослого самодеятельного населения страны возвратилась из действующей армии и различных входивших в систему военного ведомства учреждений.

И, наконец, самой высокой по своей представительности в центральном советском госаппарате являлась, как это хорошо видно из табл. 17, группа № 2 (служащие), составлявшая свыше 50% всего количества сотрудников в 11 из 15 изученных учреждений, около 40% — в трех и только в одном учреждении — 12.1%. Причем последний случай как раз является таким, что свидетельствует о несомненной закономерности всех остальных. Дело в том, что это единственное учреждение оказалось органом военного ведомства — Штабом Высшего военного совета.

Еще более определенную картину представляют собой сведения, содержащиеся в табл. 18. Здесь совершенно отчетливо выделяются те же две наиболее значительные социальные группы, уже знакомые нам по табл. 17, — группы № 2 (служащие) и № 3 (военнослужащие), которые и в данном случае также явились главным источником формирования и руководящего состава всех без исключения других изученных 11 центральных советских ведомств. При этом бросается в глаза тот очевидный факт, что именно представители группы № 2 (служащие) составили подавляющее большинство руководителей всех трех звеньев в 8 из 11 учреждений (70—80% в двух, 80—90% в трех и 90—100% также в трех случаях). Более того, только данная группа оказалась единственно представленной (и довольно значительно), помимо группы военнослужащих, в руководящем составе трех остальных учреждений, являвшихся органами военного ведомства. Представительность группы № 3 (военнослужащие) носила соответственно следующий характер: в руководстве Наркомвоена и трех его ведущих управлений служившие ранее в армии или каких-либо военных учреждениях составляли большинство, а в остальных (гражданских) народных комиссариатах, точнее в 5 из них (наркоматах продовольствия, путей сообщения, социального обеспечения, торговли и промышленности, труда), в общем довольно существенную долю — 11—16% в четырех и более 5% в одном случае. В руководстве двух остальных народных комиссариатов (финансов и государственного контроля) бывшие военнослужащие, можно сказать, не были представлены (1 человек, или 0.5%, в Наркомфине, и только). Ни одного бывшего военнослужащего не оказалось в момент проведения переписи в руководстве Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД.

Говоря о трех оставшихся социальных группах — №№ 1, 4 и 5, — следует, по-видимому, отметить два обстоятельства. Первое — это незначительный удельный вес представителей указанных групп в составе руководящих работников изученных учреждений. Достаточно сказать, что ни в одном случае число представителей любой из этих групп не превышало 4 человек, и даже взятых вместе — 6 чел. Второе обстоятельство, которое, пожалуй, обращает на себя внимание, состоит в следующем. Как это видно из табл. 18, все цифровые показатели, характеризующие представительность рассматриваемых трех групп, расположены в первой половине таблицы. Думается, это дает некоторые основания полагать, что по сравнению, например, с центральными военными ведомствами того времени относительная представительность указанных социальных групп

в органах управления народным хозяйством, а также финансированием и кредитованием была, по всей вероятности, гораздо выше.

Анализ социального состава сотрудников советских центральных учреждений (и особенно, конечно, выяснение весьма значительного удельного веса группы «служащих») возвращает нас вновь к рассмотрению такой интересной и важной проблемы, как проблема слома старой буржуазно-помещичьей государственной машины в России.

В фундаментальном труде Е. Н. Городецкого о становлении Советского государства совершенно справедливо отмечено, что на протяжении многих лет вопрос о сломе буржуазного бюрократического аппарата решался в нашей литературе абстрактно — при помощи нескольких цитат из сочинений К. Маркса и В. И. Ленина об основном отличии пролетарской революции от буржуазной в их отношении к старой государственной машине. «Конкретно-историческое изучение слома старого государственного аппарата было весьма слабым», — пишет Е. Н. Городецкий и с полным основанием заключает: «Эта проблема потребует еще много времени со стороны исследователей, особенно в свете последних статей Ленина».[95]

В самом деле, совершенно правильное выдвижение на первый план принципиальной особенности пролетарской революции, состоящей, как известно, в том, что в процессе ее осуществления происходит не приспособление и совершенствование старого государственного аппарата применительно к новым условиям и задачам нового господствующего класса эксплуататоров, а коренная ломка и уничтожение самой эксплуататорской машины власти, имело своим результатом и другое. Как правило, исследователи уделяли основное внимание изучению того, как, каким образом происходил процесс слома, какими способами и методами пролетарская революция ломала и ликвидировала буржуазный государственный механизм. Между тем другая и очень важная сторона проблемы, на которой, как правильно подчеркнул Е. Н. Городецкий, предельно заострил внимание В. И. Ленин в своих последних письмах и статьях конца декабря 1922—начале марта 1923 г., оставалась как-то в тени. Речь идет о чрезвычайно существенном вопросе о возможности прежде всего, а также о формах, характере и объеме использования некоторых элементов и частей старой государственной машины для строительства органов пролетарской власти.

Как уже отмечалось выше, в принципе вопрос о возможности, точнее говоря, о необходимости преемственности некоторых частей и звеньев старого аппарата в период становления пролетарской власти был положительно решен основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом[96] и затем довольно подробно разработан В. И. Лениным еще до Октябрьской революции. Достаточно напомнить ленинское указание о важности всемерного использования тех частей прежнего аппарата управления, которые выполняли функции регистрации, учета и распреде-

[95] Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства, стр. 27—28.
[96] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, ст. 344, т. 25, ч. I, стр. 422.

ления и т. п. (банки в первую очередь), предварительно обрубив все нити, связывавшие их с капиталистами. Тогда же, т. е. еще до победы Октября, В. И. Ленин четко определил основную линию большевистской партии по отношению к буржуазным специалистам, служащим, интеллигенции, совершенно недвусмысленно подчеркнув настоятельную необходимость привлечь возможно большее их число на сторону пролетариата, широко использовать их знания в интересах социалистического строительства. Опыт первых послеоктябрьских месяцев, на протяжении которых происходил процесс слома старого и строительства нового государственного аппарата, а также последующих лет, подтвердив правильность выдвинутых В. И. Лениным положений, вместе с тем показал чрезвычайно большую живучесть некоторых элементов и звеньев старого аппарата, и прежде всего бюрократического чиновничества. Это обстоятельство, т. е. сохранение в советском госаппарате весьма большого количества бывших чиновников с их старыми, бюрократическими взглядами и привычками, сумевших приспособиться к новым условиям и выжить, несмотря на то что в целом старая государственная система была упразднена уже к началу 1918 г., неоднократно подчеркивал В. И. Ленин в своих публичных выступлениях и печатных трудах. Особенно большое внимание, как уже отмечалось, В. И. Ленин уделил данному вопросу в последних своих программных работах, где именно в этом смысле писал о советском государственном аппарате как об аппарате, «который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину» («К вопросу о национальностях или „об автономизации“»), «который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи» («О кооперации»), который, «за исключением Наркоминдела, в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого, в наименьшей степени подвергнутого сколько-нибудь серьезным изменениям... только слегка подкрашен сверху, а в остальных отношениях является самым типичным старым из нашего старого госаппарата» («Как нам реорганизовать Рабкрин»).[97]

Между тем, несмотря на выход в свет за последние годы, как уже отмечалось, целого ряда серьезных монографических исследований и обобщающих коллективных трудов по истории Октября и Советского государства, в конкретно-историческом отношении данная проблема, весьма актуальная и важная не только в научно-теоретическом, но и в политическо-практическом плане, изучена в нашей литературе далеко не в полной мере. Действительно, в чем состояли особенности слома буржуазно-помещичьей государственной машины, сложившиеся в России в силу конкретных исторических условий? Насколько велика оказалась преемственность в использовании аппарата регистрации, учета и распределения, и прежде всего аппарата банковских и финансовых учреждений, ведомств путей сообщения и связи и т. п.? В каком объеме был использован аппарат военного и военно-морского ведомств, старой армии, ее

[97] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 357, 376, 383.

офицерский корпус? Какова вообще оказалась степень использования кадров старого чиновничества в целом и в различных областях государственного управления? Все эти вопросы, как уже отмечалось, до сих пор продолжают оставаться исследованными явно недостаточно. Материалы переписи советских служащих 1918 г. позволяют, как нам представляется, попытаться ответить на некоторые из поставленных вопросов. Прежде всего следует, по-видимому, попробовать хотя бы приблизительно установить, в каком объеме новый, советский, госаппарат заполнен был старыми кадрами. Под старыми кадрами мы имеем в виду различные категории *служащих* бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий, буржуазных специалистов и интеллигенцию, которых, как указывал В. И. Ленин накануне Октября, необходимо было «*заставить работать* в новых организационно-государственных рамках».[98] Напомним, что после победы пролетарской революции это ленинское положение получило развернутое выражение в написанном им «Наброске правил для служащих».[99]

Следовательно, исключив из приведенных в табл. 17 и 18 показателей группы «служащие» (оставляя в стороне, разумеется, показатели остальных 4 социальных групп) данные о сотрудниках, пришедших из центральных или местных органов Советской власти, Красной гвардии и милиции, а также работавших до того в партийных или профсоюзных организациях (в табл. №№ 6 и 7 это группы под шифром 17, 18, 19, 13а и 14а), можно получить интересующие нас сведения, хотя, конечно, и не с исчерпывающей полнотой (табл. 19 и 20).

Рассмотрение данных, приведенных в табл. 19, позволяет, во-первых, выделить среди изученных «сплошь» центральных советских учреждений три довольно легко просматривающиеся группы. Первую и наиболее малочисленную группы образуют ВЧК и Наркоминдел, на которые приходится (и это естественно, учитывая исключительный характер данных органов) самое незначительное количество различных категорий «старых» служащих: 125 человек, или 16.1% (в ВЧК), и 66 человек, или 22.9% (в НКИД). Вторая группа, несколько большая по числу учреждений, включает в себя ВЦИК Советов и Ревтрибунал при ВЦИК, Наркомнац и Управление делами Совнаркома. Во всех этих четырех учреждениях «старослужащих» насчитывалось около 40% всего состава их сотрудников: 81 человек, или 36.5% (в Наркомнаце), 14 человек, или 36.8% (в Ревтрибунале ВЦИК), 189 человек, или 39.1% (во ВЦИК), и 16 человек, или 40% (в Управлении делами СНК). Наиболее многочисленной является последняя из выделенных групп, в которую входят восемь центральных советских ведомств. Эту группу характеризует и наибольшее число «старых» служащих, ни в одном случае не опускающееся ниже 46% и составляющее, как правило, около 50% и выше всего количества сотрудников: 145 человек, или 46.2% (в НКВД), 483 человек, или 48.3% (в ВСНХ), 99 человек, или

[98] Там же, т. 34, ср. 311.
[99] Там же, т. 35, стр. 42.

Таблица 19

Число служащих бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий во всем составе сотрудников советских центральных органов (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «где служили до этого»	ВЦИК	Ревтрибунал ВЦИК	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета
10	Данное учреждение	3 / 0.6	—	98 / 9.8	2 / 0.9	21 / 10.7	—	9 / 2.9	—	330 / 28.4	17 / 5.9	254 / 63.8	—	35 / 25	—	—
11	Другое бывшее правительственное учреждение	—	—	19 / 1.9	4 / 1.9	5 / 2.5	2 / 0.3	5 / 1.6	6 / 8.7	31 / 2.7	4 / 1.4	1 / 0.3	1 / 0.4	4 / 2.9	2 / 5	—
12	Другое бывшее государственное учреждение	8 / 1.7	—	11 / 1.1	5 / 2.4	4 / 2	5 / 0.6	13 / 4.1	1 / 1.5	11 / 1	11 / 3.8	3 / 0.8	4 / 1.8	2 / 1.4	—	2 / 1.4
13	Частное учреждение или предприятие	100 / 20.7	4 / 10.5	136 / 13.6	27 / 12.8	21 / 10.7	67 / 8.6	38 / 12.1	8 / 11.6	71 / 6.1	2) / 7	15 / 3.7	21 / 9.5	11 / 7.9	4 / 10	4 / 2.9
14	Местное учреждение	31 / 6.4	6 / 15.8	111 / 11.1	41 / 19.4	32 / 16.3	39 / 5	51 / 16.3	7 / 10.1	137 / 11.8	4 / 1.4	12 / 3	26 / 11.6	11 / 7.9	8 / 2)	3 / 2.1
12a	Учебное заведение, научное общество или учреждение	6 / 1.2	—	22 / 2.2	7 / 3.3	4 / 2	1 / 0.1	6 / 1.9	2 / 2.9	52 / 4.5	4 / 1.4	1 / 0.3	13 / 5.9	1 / 0.7	—	2 / 1.4
16a	Общероссийское общественное учреждение, организация или союз	23 / 4.8	4 / 10.5	79 / 7.9	21 / 9.8	11 / 5.6	9 / 1.2	17 / 5.4	17 / 24.6	43 / 3.7	1 / 0.3	2 / 0.5	11 / 5	8 / 5.7	1 / 2.5	1 / 0.7
17a	Издательство, редакция газеты или журнала	18 / 3.7	—	7 / 0.7	2 / 0.9	1 / 0.5	2 / 0.3	6 / 1.9	1 / 1.5	7 / 0.6	5 / 1.7	—	5 / 2.3	4 / 2.9	1 / 2.5	—
	Всего ответило	189 / 39.1	14 / 36.8	483 / 48.3	109 / 51.4	99 / 50.3	125 / 16.1	145 / 46.2	42 / 60.9	682 / 58.8	66 / 22.9	288 / 72.4	81 / 36.5	76 / 54.4	16 / 40	12 / 8.5

Примечание. Настоящая таблица составлена на основании данных табл. 6

Таблица 20

Число служащих бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий в руководящем составе сотрудников советских центральных органов (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «где служили до этого»	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам: Оперативное и военно-топографическое управления	НК по военным делам: Управление по организации армии	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
10	Данное учреждение	—	12 / 41.45	9 / 37.5	—	17 / 56.8	20 / 21.6	161 / 52.9	—	4 / 9.8	—	187 / 89.2
11	Другое бывшее правительственное учреждение	—	1 / 3.4	—	1 / 5.9	—	—	2 / 0.7	1 / 5.6	3 / 7.3	1 / 3.7	2 / 1
12	Другое бывшее государственное учреждение	—	1 / 3.4	—	—	1 / 3.3	2 / 2.2	90 / 29.6	—	1 / 2.4	—	8 / 3.8
13	Частное учреждение или предприятие	—	—	—	—	1 / 3.3	6 / 6.5	4 / 1.3	1 / 5.6	6 / 14.7	1 / 3.7	2 / 1
14	Местное учреждение	—	2 / 6.9	—	—	1 / 3.3	18 / 19.6	5 / 1.6	—	2 / 4.9	6 / 22.2	2 / 1
12а	Учебное заведение, научное общество или учреждение	—	—	—	—	—	3 / 3.3	2 / 0.7	1 / 5.6	2 / 4.9	—	1 / 0.5
16а	Общероссийское общественное учреждение, организация или союз	—	—	—	—	4 / 13.3	5 / 5.4	3 / 1	4 / 22.1	4 / 9.8	2 / 7.4	2 / 1
17а	Издательство, редакция газеты или журнала	—	—	—	—	—	2 / 2.2	1 / 0.3	—	1 / 2.4	—	—
	Всего ответило	—	16 / 55.15	9 / 37.5	1 / 5.9	24 / 80	56 / 60.8	268 / 88.1	7 / 38.9	23 / 56.2	10 / 37	204 / 97.5

Примечание. Настоящая таблица составлена на основании данных табл. 7.

50.3% (в Центроторфе—Нефтяном комитете ВСНХ), 109 человек, или 51.4% (в Главсахаре ВСНХ), 76 человек, или 54.4% (в Наркомюсте), 682 человека, или 58.8% (в Наркомземе), 42 человека, или 60.9% (в Наркомздраве), и, наконец, 288 человек, или 72.4% (в Наркомате по морским делам). Наименьшие цифры в интересующем нас отношении приходятся на долю Штаба Высшего военного совета — всего 12 человек, или 8.5%. Но поскольку этот орган входил в состав Наркомата по военным делам и, следовательно, имел специфический состав, он не был включен ни в одну из указанных выше групп.

Не менее интересны сведения о количестве служащих бывших государственных, а также общественных и частных учреждений и предприятий среди руководящего состава сотрудников советских центральных органов. Как видно из табл. 20, здесь наблюдается тенденция к еще большему увеличению удельного веса «старослужащих». В самом деле, если при рассмотрении данных табл. 19 имело место лишь два случая (из пятнадцати возможных), когда число «старослужащих» составляло 60% и более от всего количества сотрудников учреждений (в Наркомздраве и Наркомате по морским делам), то здесь такое явление отмечается в 5 из 11 изученных учреждений (в Комиссариатах государственного контроля, продовольствия, путей сообщения, торговли и промышленности и финансов), а еще в одном (центральном аппарате Наркомвоена) приближается к этой цифре — 16 человек, или 55.16%. Небезынтересно отметить, что в 3 из названных комиссариатов этот показатель повышается до 80% и выше: 24 человека, или 80%, в Наркомате Государственного контроля; 268 человек, или 88.1%, в Наркомате путей сообщения и 203 человека, или 97.5%, в Наркомате финансов. Еще в трех случаях «старослужащих» насчитывается около 40% всего состава сотрудников: 10 человек, или 37%, в Наркомате труда, 9 человек, или 37.5%, в Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоена и 7 человек, или 38.9%, в Наркомате социального обеспечения. Иначе выглядят соответствующие показатели для двух учреждений — Управления по организации армии Наркомвоена и Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД: в последнем среди руководящего состава «старослужащих» в момент переписи 1918 г. не было вообще, в первом же оказался 1 человек, или 5.9%. Это несомненно было вызвано особым характером деятельности данного органа — из 17 его руководящих работников, заполнивших анкеты, 13 человек, или 76.5%, являлись раньше военнослужащими.

Наряду с данными об общем количестве служащих бывших государственных, а также общественных и частных учреждений и предприятий среди сотрудников советских центральных органов подытоженные в табл. №№ 6 и 7 сведения о месте их прежней службы позволяют также ответить и на другой весьма интересный вопрос: каково же было количество чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств в составе служащих центрального советского аппарата? Как нам представляется, более или менее точный ответ на этот вопрос можно получить, объединив показатели, характеризующие две представленные

в табл. №№ 6 и 7 под шифром 10 и 11 группы, — во-первых, сотрудников, служивших ранее в данном учреждении, и, во-вторых, служивших в других бывших правительственных ведомствах (табл. 21 и 22).

Прежде чем перейти к рассмотрению итоговых данных табл. 21, следует сделать несколько предварительных замечаний. Первое из них связано с отсутствием каких-либо показателей по целому ряду советских учреждений — ВЧК, Народным комиссариатам национальностей и здравоохранения, Штабу Высшего военного совета, Управлению делами Совнаркома и Революционному трибуналу ВЦИКа. Как видно из табл. 21, это обстоятельство в первую очередь имело место применительно к той группе их сотрудников, которые могли раньше служить в данных учреждениях. Но в том-то и дело, что все без исключения указанные органы не существовали до Октября и были организованы только после его победы. Поэтому в них и не оказалось, понятно, «старослужащих». Что же касается ВЦИК Советов 2-го созыва и ВСНХ с входившими в его систему главками, то эти также созданные только после победы пролетарской революции органы могли иметь и, как оказалось, имели в своем штате сотрудников, служивших до этого в техническом аппарате ВЦИК 1-го созыва, а также в таких, вошедших, как мы уже видели, почти целиком в состав ВСНХ учреждений, как, например, Продамет.

Специального пояснения требуют и приведенные в табл. 21 данные о Наркомпочтеле. Как уже отмечалось выше, из-за явно неудачной формулировки некоторых вопросов анкеты, распространенной в Народном комиссариате по делам почт и телеграфов, установить интересующий нас в данном случае показатель на основе ответов его сотрудников, имеющихся в табл. 6, практически невозможно. Поэтому представляется целесообразным и правильным использовать для этой цели данные табл. 8, содержащей сведения о сроках службы различных сотрудников в этом комиссариате. Поскольку на 6-й вопрос анкеты Наркомпочтеля («Сколько лет служите?»), имевший в виду срок службы в данном комиссариате, 146 человек, или 52.8% всего состава сотрудников, указало, что они служили в нем (т. е. в бывшем Министерстве почт и телеграфов) до 25 октября 1917 г., то, следовательно, имеются все основания включить эту цифру и в табл. 21 для характеристики числа «старослужащих» в данном комиссариате.

Сколько же оказалось в момент проведения переписи 1918 г. бывших чиновников в центральных советских учреждениях? Меньше всего, менее 1%, их оказалось, как и следовало в общем ожидать, в составе аппарата ВЦИК (3 человека, или 0.6%), ВЧК (2 человека, или 0.3%) и Наркомнаце (1 человек, или 0.4%). Фактически столь же незначительным было их число в штате Управления делами Советского правительства — всего 2 человека, или 5% от состава сотрудников, заполнивших анкеты. Несколько более широко бывшие чиновники были представлены в центральном аппарате ВСНХ и его главках (округляя — 3—13%), в НКВД (14 человек, или 4.5%), НКИД (21 человек, или 7.3%) и Наркомздраве (6 человек, или 8.7%). Значительное число, около 30% всего состава

Таблица 21

Число чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств во всем составе сотрудников советских центральных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «где служили до этого»	ВЦИК	Ревтрибунал	ВСНХ	ВСНХ: Главсахар	ВСНХ: Центроторф—Нефтекомитет	ВЧК	НК внутренних дел	НК здравоохранения	НК земледелия	НК иностранных дел	НК по морским делам	НК по делам национальностей	НК юстиции	Управление делами СНК	Штаб Высшего военного совета	НК почт и телеграфов
10	Данное учреждение	3 / 0.6	—	98 / 9.8	2 / 0.9	21 / 10.7	—	9 / 2.9	—	330 / 28.4	17 / 5.9	254 / 63.8	—	35 / 25	—	—	146 / 52.8
11	Другое бывшее правительственное учреждение	—	—	19 / 1.9	4 / 1.9	5 / 2.5	2 / 0.3	5 / 1.6	6 / 8.7	31 / 2.7	4 / 1.4	1 / 0.4	1 / 0.4	4 / 2.9	2 / 5	—	—
	Всего ответило	3 / 0.6	—	117 / 11.7	6 / 2.8	26 / 13.2	2 / 0.3	14 / 4.5	6 / 8.7	361 / 31.1	21 / 7.3	255 / 64.1	1 / 0.4	39 / 27.9	2 / 5	—	146 / 52.8

Примечание. Настоящая таблица составлена на основании данных табл. 6. Сведения по Наркомпочтелю взяты из табл. 8. Подробнее см. пояснения к этой таблице в тексте.

Таблица 22

Число чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств в руководящем составе сотрудников советских центральных учреждений (по материалам переписи 1918 г.)

Шифр ответов	Содержание ответов на вопрос «где служили до этого»	НКВД, Главное управление милиции	НК по военным делам	НК по военным делам: Оперативное и Военно-топографическое управления	НК по военным делам: Управление по организации армии	НК государственного контроля	НК продовольствия	НК путей сообщения	НК социального обеспечения	НК торговли и промышленности	НК труда	НК финансов
10	Данное учреждение	—	12 / 41.45	9 / 37.5	—	17 / 56.8	20 / 21.6	161 / 52.9	—	4 / 9.8	—	187 / 89.2
11	Другое бывшее правительственное учреждение	—	1 / 3.4	—	1 / 5.9	—	—	2 / 0.7	1 / 5.6	3 / 7.3	1 / 3.7	2 / 1
	Всего ответило	—	13 / 44.85	9 / 37.5	1 / 5.9	17 / 56.8	20 / 21.6	163 / 53.6	1 / 5.6	7 / 17.1	1 / 3.7	189 / 90.2

Примечание. Настоящая таблица составлена на основании данных табл. 7.

служащих, они составляли в Наркоматах юстиции (39 человек, или 27.9%) и земледелия (361 человек, или 31.1%). И, наконец, больше всего — свыше половины всех сотрудников оказалось бывших чиновников в Наркоматах почт и телеграфов (146 человек, или 52.8%) и по морским делам (255 человек, или 64.1%).

Особо следует остановиться на характеристике данных, относящихся к Ревтрибуналу ВЦИК и Штабу Высшего военного совета. Из табл. 21 видно, что это единственные два органа, в составе которых не оказалось ни одного старого чиновника. Но такой вывод был бы, вероятно, слишком поспешным: в действительности дело обстояло несколько по-другому. Будучи созданными после победы Октября и не имея прямых предшественников, оба эти учреждения вместе с тем имели, как это видно из табл. 6, в своем составе весьма значительное количество сотрудников, служивших ранее в армии, флоте, а также (обращаем на это внимание) учреждениях и организациях военного ведомства: 16 человек, или 42.2%, в Ревтрибунале и 118 человек, или 81.6%, в Штабе Высшего военного совета. Поэтому, не имея, к сожалению, более точных сведений, можно, по-видимому, вполне определенно полагать, что и эти два учреждения не были в данном отношении исключением.

Чрезвычайно любопытны и результаты выявления удельного веса чиновников министерств и других бывших правительственных ведомств среди руководящего состава служащих советских центральных учреждений (табл. 22). Соответствующие показатели оказались в данном случае не только не ниже, как ожидалось, только что рассмотренных сведений (по табл. 21), но, наоборот, даже несколько более высокими. В самом деле, бывшие чиновники составляли свыше 35%, т. е. более 1/3 всех руководящих работников в 5 из 11 изученных учреждений (в том числе в трех из них более половины): 9 человек, или 37.5%, в Оперативном и Военно-топографическом управлениях Наркомвоена, 13 человек, или 44.85%, в центральном аппарате Наркомвоена, 163 человека, или 53.6%, в НКПС, 17 человек, или 56.8%, в Наркомате государственного контроля и 189 человек, или 90.2%, в Наркомфине. В двух народных комиссариатах они насчитывали около 1/5 (20%) руководителей всех звеньев: 7 человек, или 17.1%, в Наркомторгпроме, и 20 человек, или 21.6%, в Наркомпроде. Меньше 10%, а фактически единицами они были представлены среди руководящих работников народных комиссариатов труда (1 человек, или 3.7%), социального обеспечения (1 человек, или 5.6%) и Управления по организации Наркомвоена (1 человек, или 5.9%). Ни одного бывшего чиновника не оказалось лишь в одном учреждении — среди руководства Главного управления милиции НКВД. Но как уже неоднократно отмечалось, последнее в момент проведения переписи 1918 г. находилось в стадии организации, и поэтому эти данные, полученные на основе обработки всего 9 заполненных анкет, нельзя, конечно, считать вполне окончательными и тем более исчерпывающими.

Как видим, при рассмотрении приведенных в табл. 21 и 22 сведений прослеживается все та же довольно общая, правда, но зато вполне опре-

деленная, на наш взгляд, тенденция, существо которой сводилось, коротко говоря, к следующему. Количество бывших чиновников в различных центральных органах Советской власти прежде всего находилось несомненно в зависимости от степени важности того или иного учреждения, его характера и места в системе советского правительственного аппарата. Именно этим объясняется, конечно, столь низкий процент представительности (менее 1%) старых чиновников в таких ведущих советских органах, как ВЦИК, ВЧК, Наркомнац, а также Управление делами Совнаркома. Это же обстоятельство бесспорно сыграло решающую роль при ограничении числа «старослужащих» в штате других важнейших народных комиссариатов — Наркоминделе и НКВД. Большое значение имели, кроме того, конечно, и другие факторы. Отметим лишь некоторые и, пожалуй, наиболее значительные из них. Весьма многое, с одной стороны, зависело от того, имел ли народный комиссариат или другой советский орган своего дооктябрьского предшественника, если можно так выразиться, в учрежденческом плане. Существенно влияло также и то, каковы были размеры, разветвленность, налаженность технического аппарата такого «предшественника», его роль в выполнении тех или иных общегосударственных функций, в особенности учетно-регистрационных, связи, путей сообщения, военно-оборонных.

Этот момент, как нам представляется, явился определяющим при сохранении в конечном итоге весьма значительного (а иногда даже преобладающего) числа бывших специалистов и служащих как в руководстве, так и в общем составе сотрудников Народных комиссариатов финансов, морских дел, почт и телеграфов, земледелия, юстиции, путей сообщения, ряда учреждений Наркомвоена и др. С другой стороны, чрезвычайно большое значение приобретала, выражаясь современным языком, «проблема дублеров», т. е. наличие или отсутствие должного числа старых специалистов, служащих, — не чиновников, которые обладали соответствующими знаниями и опытом и которых возможно было привлечь к выполнению работы в различных областях государственного управления. И, надо полагать, что именно наличие в общем довольно большого количества специалистов и служащих, работавших в многочисленных частных, местных и общественных учреждениях и предприятиях (достаточно напомнить, что в дореволюционной России в 1913 г. только в различных отраслях хозяйства было занято, без учета военнослужащих, 190 тыс. специалистов с высшим и средним образованием),[100] позволило Советскому правительству использовать этот резерв для того, чтобы в определенной мере обойтись без бывших чиновников при создании новых органов государственного руководства народным хозяйством и социально-культурным строительством. Взятые в совокупности указанные факторы и определяли, на наш взгляд, в целом уровень представительности бывших чиновников в каждом отдельном случае, с учетом, конечно, и других

[100] СССР и зарубежные страны после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Статистический сборник. М., 1970, стр. 161.

более конкретных обстоятельств, например степени их участия в контрреволюционном саботаже и т. д.

Таким образом, анализ материалов переписи 1918 г. убедительно показывает, что в рассматриваемый период значительная часть как руководства (особенно его среднего и низшего звеньев), так и всего состава сотрудников всех без исключения изученных наркоматов и других важнейших ведомств и, следовательно, советского центрального аппарата управления в целом состояла из работников, являвшихся в недалеком прошлом служащими различных бывших государственных, общественных и частных учреждений и предприятий, т. е. из кадров старого, буржуазного социально-государственного механизма (табл. 19 и 20). Причем среди унаследованных от прошлого старых кадров специалистов, служащих, буржуазной интеллигенции сохранилось и довольно существенное число, как мы это видели из табл. 21 и 22, собственно чиновников бывших министерств и других правительственных ведомств.

Это явление носило несомненно объективный характер. Как известно, на месте старой государственной машины эксплуатации и насилия, разрушенной социалистической революцией в кратчайшие исторические сроки (в основном уже в начале 1918 г.), был успешно построен принципиально новый государственный аппарат — аппарат диктатуры пролетариата. Уже на 1-м, «чисто политическом», по выражению В. И. Ленина, главном этапе пролетарской революции в России за какие-нибудь 10 недель — от 25 октября 1917 до 5 января 1918 г., до краха «учредилки», — был создан «советский *тип* государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов».[101] «Это, — говорил В. И. Ленин, выступая 27 марта 1922 г. на XI съезде РКП(б), — всемирно-историческая победа... величайшее историческое изобретение...».[102]

Исторический опыт первых же послеоктябрьских месяцев показал, однако, и то, что в ходе слома старого и создания нового государственного аппарата, являющегося единым и чрезвычайно взаимосвязанным процессом, преемственность в использовании некоторых частей и элементов прежнего государственного механизма носила, как оказалось в действительности, гораздо более широкий характер, чем это представлялось накануне Октября. Выяснилось, в частности, что в начальный период строительства государства принципиально нового, социалистического типа возможно использование не только сложного и разветвленного аппарата старых органов учета, распределения, связи, путей сообщения и т. п., но и некоторых органов, входивших в карательный буржуазный аппарат, таких, например, как целый ряд учреждений военного и военно-морского ведомств, старой армии, некоторые, хотя и незначительные, элементы судебно-следственной системы.

Главное же, что показал исторический опыт, состояло в следующем. Слом старой буржуазно-помещичьей машины, означавший ликвидацию

---

[101] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 102.
[102] Там же, т. 45, стр. 108—109.

прежней системы государственной власти эксплуатации и насилия, вовсе не сопровождался параллельным уничтожением ранее наполнявшего старый государственный аппарат, по выражению В. И. Ленина, «человеческого материала». (При этом имеется в виду, конечно, не физическое уничтожение чиновников бывших министерств и других ведомств, а полный отказ от их использования в новом аппарате пролетарской власти). Несостоятельность подобной политики была ясна В. И. Ленину еще в августе—сентябре 1917 г., когда он создавал свой знаменитый труд «Государство и революция». Напомним, что уже тогда В. И. Ленин писал: «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть и речи. Это — утопия».[103] Опыт Октябрьской революции и первых последующих лет, подтвердив справедливость этой ленинской мысли, вместе с тем продемонстрировал, как уже отмечалось, чрезвычайно большую живучесть бюрократического чиновничества и вообще служащих и специалистов, ведущих свое происхождение от старого, буржуазного аппарата; причем в размерах, гораздо больших, чем это можно было предвидеть.

Именно на этой стороне проблемы, тесно связанной также с выяснившейся необходимостью использовать в интересах социалистического строительства некоторые звенья старого госаппарата, предельно заострил внимание В. И. Ленин в последних своих письмах и статьях, когда, как справедливо отметил Е. Н. Городецкий, неоднократно подчеркивал различие между принципиально новым, социалистическим типом созданного в результате победы Октября государственного аппарата власти Советов и личным составом этого аппарата, в значительной мере заполненного еще тогда бывшими чиновниками, буржуазными специалистами и служащими. «Достаточно, если мы..., — писал, в частности, В. И. Ленин в «Письме к съезду», — создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата».[104]

Приведенные выше материалы переписи 1918 г. являются, на наш взгляд, достаточно весомым конкретно-историческим доказательством обоснованности и справедливости указания В. И. Ленина о своеобразной «двойственности» советского госаппарата, наблюдавшейся и зафиксированной им в начале 20-х годов, но корнями своими уходившей, несомненно, в первые месяцы существования власти Советов.

Как известно, после выяснившейся весной 1918 г. необходимости использовать в возможно более широких масштабах старых, буржуазных

[103] Там же, т. 33, стр. 48.

[104] Там же, т. 45, стр. 347. Подробнее см.: Е. Н. Городецкий. В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970, стр. 376—377.

специалистов, чиновников, интеллигенцию и принятия курса на привлечение этих «деловых людей» для развертывания социалистического строительства, Коммунистическая партия и Советское правительство настойчиво продолжали предусмотренную еще до Октября и успешно начатую в период «красногвардейской атаки на капитал» сложную работу по строительству нового госаппарата, который позволил бы «постепенно сводить на нет всякое чиновничество».[105]

Развернуть, однако, эту работу в должной мере тогда не удалось. Главная причина этого известна: после кратковременной мирной передышки наступил ответственнейший период гражданской войны и иностранной интервенции. Провести параллельно с ожесточенной борьбой на боевых фронтах, решавших судьбу республики Советов, постепенную замену бывших чиновников и буржуазных специалистов новыми кадрами из представителей трудящихся масс было практически невозможно. Невозможно было и осуществить переделку, перевоспитание в столь короткий исторический срок использовавшихся на той или другой работе в советском госаппарате старых служащих, в корне изменить у большинства из них взгляды, освободить их от старых традиций и предрассудков. Принципиального решения этой труднейшей социальной задачи, обостренной к тому же условиями гражданской войны и борьбы с контрреволюцией, можно было достичь лишь в результате длительного и весьма сложного процесса. Именно поэтому, рассматривая данный вопрос, В. И. Ленин писал в «Письме к съезду», что переделать унаследованный, в сущности, от старого режима советский государственный аппарат «в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно... За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас».[106] На это же обстоятельство В. И. Ленин обратил внимание и несколько раньше, выступая 13 ноября 1922 г. на IV Конгрессе Коммунистического Интернационала. «Дело было так, — говорил В. И. Ленин, — что в 1917 году, после того как мы захватили власть, государственный аппарат нас саботировал. Мы тогда очень испугались и попросили: „Пожалуйста, вернитесь к нам назад“. И вот они все вернулись, и это было нашим несчастьем. У нас имеются огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, в то время как внизу они самовольно распоряжаются и так распоряжаются, что очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем, я не знаю сколько, но я думаю, во всяком случае, только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессозна-

[105] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 48.
[106] Там же, т. 45, стр. 347.

тельно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это — несомненно. Здесь мы должны работать в течение многих лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы».[107]

Вот почему, неизменно отмечая исключительное значение успешного создания в первые годы власти Советов новой системы государственного управления, соответствовавшей государственной организации социалистического типа («Пять лет лучшие силы уходили на то, чтобы создать эту систему! Эта система есть величайший шаг вперед»),[108] В. И. Ленин вместе с тем так настойчиво подчеркивал настоятельную необходимость дальнейшего всемерного улучшения советского госаппарата и, в частности, его состава, чтобы он стал действительно новым аппаратом, действительно заслуживающим названия социалистического, советского.[109] «Мы это делаем, — отмечал, например, В. И. Ленин в упомянутом выше докладе на IV Конгрессе Коммунистического Интернационала, — довольно быстрым, может быть слишком быстрым, темпом. Основаны советские школы, рабочие факультеты, несколько сотен тысяч молодых людей учатся, учатся, может быть, слишком быстро, но, во всяком случае, работа началась, и я думаю, что эта работа принесет свои плоды. Если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат».[110]

Эти ленинские слова сбылись. За годы Советской власти в нашей стране создан принципиально новый (в том числе и по своему социальному составу) аппарат управления государством и народным хозяйством, социальным обеспечением и здравоохранением, наукой, культурой и просвещением, действенность которого доказана самой жизнью, практикой социалистического строительства. Следуя заветам В. И. Ленина, Коммунистическая партия и Советское правительство неизменно уделяют большое внимание вопросам научного управления обществом, и в частности важнейшей проблеме дальнейшего укрепления и совершенствования советского государственного аппарата.

---

[107] Там же, стр. 290.
[108] Там же, стр. 124.
[109] Там же, стр. 390.
[110] Там же, стр. 290—291.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ)

ф. 2 — В. И. Ленин
ф. 5 — Секретариат Председателя СНК и СТО В. И. Ленина
ф. 17 — Центральный комитет РСДРП(б)
ф. 19 — Совет Народных Комиссаров
ф. 70 — Истпарт ЦК РКП(б)
ф. 76 — Ф. Э. Дзержинский
ф. 86 — Я. М. Свердлов
ф. 124 — Всесоюзное общество старых большевиков
ф. 461 — Основной фонд
ф. 482 — Г. И. Петровский

Научно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС

ф. Воспоминания о В. И. Ленине

Ленинградский партийный архив Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС (ЛПА)

ф. 1 — Петроградский комитет РСДРП(б)
ф. 4000 — Воспоминания отдельных лиц

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (ЦГАОР СССР)

ф. 130 — Совет Народных Комиссаров РСФСР
ф. 382 — Народный комиссариат труда
ф. 393 — Народный комиссариат внутренних дел
ф. 1235 — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов
ф. 1236 — Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов
ф. 3524 — Комиссия по проверке служащих и сотрудников советских учреждений при ВЦИК
ф. 4390 — Народный комиссариат государственного контроля

Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (ЦГАНХ СССР)

ф. 478 — Народный комиссариат земледелия
ф. 1884 — Народный комиссариат путей сообщения
ф. 1943 — Народный комиссариат продовольствия
ф. 2281 — Народный комиссариат финансов
ф. 3429 — Высший совет народного хозяйства
ф. 3527 — Народный комиссариат почт и телеграфов

Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА)

ф. 1 — Управление делами Народного комиссариата по военным делам
ф. 3 — Штаб Высшего военного совета

Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР)

ф. 482 — Народный комиссариат здравоохранения
ф. 2306 — Народный комиссариат просвещения

Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЛГАОРСС)

ф. 6276 — Петроградский губернский совет профессиональных союзов

Отдел рукописных фондов Ленинградского филиала Музея В. И. Ленина

ф. В. П. Тыдмана

Отдел рукописных фондов Института истории СССР Академии наук СССР

ф. Н. М. Потапова
ф. Ю. С. Шпунта

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

Абельман Н. С. 91
Аванесов В. А. 46, 62, 105, 277, 295, 337
Авербах М. И. 229
Аверьянов Я. А. 33
Авилов-Глебов Н. П. 45, 91, 98, 169
Авилова М. А. 169, 171—173
Агранов Я. Ш. 169, 178, 203
Адфельдт Н. В. 11
Азизбекова П. 306
Азовцев Н. Н. 211
Аксельрод А. Е. 46, 68, 94, 104, 120, 191, 198, 203
Аксененок Г. А. 243
Алгасов В. А. 66, 103
Александров С. В. 14
Алексеев Н. Н. 76
Алексеева Г. Д. 3
Алиханян С. 253
Альтфатер В. М. 65, 176, 203
Амелин Г. К. 164
Амелин П. П. 124
Амиантов Ю. Н. 4, 10
Амосов П. Н. 92
Андреев А. А. 281
Андреев А. М. 6, 29, 240
Андреев Н. А. 380
Андреева М. Ф. 240
Андреюк Г. П. 154
Андрухов Н. Р. 37, 285
Аникеев В. В. 37, 69, 275
Анисимова Н. Ф. 10
Анкудинова Л. Е. 130, 285, 290
Антонов В. П. 91
Антонов-Овсеенко В. А. 45, 91, 92, 101, 150, 212, 240, 269, 270, 301, 328
Антонова Л. И. 167
Антонова 228
Апевалов А. И. 71, 167
Аралов С. И. 146, 212
Атлас З. В. 128, 223
Афанасьев В. Г. 8, 282, 287, 360
Ахапкин Ю. А. 10, 167, 229, 235, 242
Ахтамзян А. А. 216, 265
Ашкенази И. С. 334, 335, 350

Бабурин Д. С. 285
Баженов А. А. 380
Базаров В. (Руднев В. А.) 17
Байков М. П. 388
Бакунин М. А. 19
Балдин Л. В. 283
Барзыкин В. М. 410
Барсуков М. И. 92, 228
Бах А. Н. 150
Бахов А. С. 216
Белова Е. А. 10
Белых А. К. 287
Белякова И. П. 10
Берг А. И. 9, 282
Берзин Я. К. 105, 214
Бернал Д. 281
Бернштейн Э. 15
Берхин И. Б. 60, 131
Берченко А. Я. 241
Бессмертный Ю. Л. 313
Бирон М. Ф. 46
Бланк А. 242
Блинов С. И. 214
Богданов Н. П. 225
Богданова К. Ф. 275
Боголепов Д. П. 46, 68, 92, 94, 95, 104, 120, 123, 151, 174, 180, 191, 197—203, 205—207
Болотников И. М. 283
Бонч-Бруевич В. Д. 41, 73, 98, 147, 168, 175, 177, 191, 195, 203, 232, 271, 296, 308, 328—331
Бонч-Бруевич (Величкина) В. М. 46, 105, 229

* Указатель составлен З. Н. Савельевой.

Бонч-Бруевич М. Д. 65, 125, 146, 150, 213
Борисов 116
Брагина Л. М. 313
Брагинский Л. М. 398
Брайд М. 230
Брайнин И. Б. 274
Братусь С. Н. 243
Брежнев Л. И. 8, 310
Бриллиантов М. А. 63
Бричкина С. Б. 172
Бронский (Варшавский) М. Г. 46, 179, 203, 216, 220, 233, 259, 298, 307
Брюханов Н. П. 46, 63, 104, 220, 236, 393
Буачидзе С. Г. 91
Бубнов А. С. 45, 98, 174
Бугаев Е. И. 38
Бурлацкий Ф. М. 6, 20, 284, 305
Буточникова С. Ф. 5
Бухарин Н. И. 64, 77, 143, 144
Бухарцев П. В. 42
Быков П. М. 268
Бычкова Н. В. 275

Вавилов К. К. 283
Валк С. Н. 93, 242
Вандервельде Э. 14, 15
Варга Е. С. 21
Варейкис И. М. 91
Варламов К. И. 285
Варфоломеев 277
Васикова М. С. 242
Васильев А. В. 269
Васильева Н. И. 27, 244
Васюков В. С. 215
Вахитов М. 105, 220
Вахрамеев И. И. 46
Вегер И. С. 49, 228, 268
Вейнберг Г. Д. 105, 395
Венедиктов А. В. 128
Веселина М. С. 10
Веселовский Б. А. 105
Ветошкин М. К. 107
Вильямс А. Р. 230, 264, 265, 267
Виноградов В. А. 284
Виноградов Д. А. 181, 202, 204
Виноградов Н. Н. 37, 389
Винокуров А. Н. 45, 46, 77, 92, 203, 228
Винтер А. В. 193, 255
Вихарев С. Р. 73
Вишняков В. Г. 360, 361
Владимиров (Шейфинкель) М. К. 46, 220
Владимирский М. Ф. 46, 106
Воеводин П. И. 107
Волков Ю. Е. 21
Волобуев П. В. 32, 130, 131
Володарский В. В. 45, 62, 101
Воробьев 331
Воробьев А. С. 277
Воробьев В. А. 269
Воровский В. В. 214, 215
Воскресенская Н. А. 285, 298, 301
Выгодский С. Ю. 216

Габричидзе Б. Н. 282
Галин Б. А. 225
Галкин А. В. 46, 189, 202, 208, 293, 303, 335, 336, 350
Ганелин Р. Ш. 216
Ганецкий Я. С. 214
Гапоненко Л. С. 32
Гармиза В. В. 55
Гвишиани Д. М. 8, 216, 282
Гвоздев К. А. 125
Ге А. Ю. 143, 144
Геллер Ю. 275
Генкина Э. Б. 5, 7, 168, 274, 284
Генри Э. 209, 210
Герберт Р. 304
Гефтер М. Я. 7
Гилилов С. С. 5
Гимпельсон Е. Г. 6, 54, 164, 314
Гиндин А. М. 94, 128
Гиндин Я. И. 231, 234, 235
Гладков И. А. 285
Глебов-Дубровин И. В. 271
Гляссер М. И. 211, 217, 218, 307
Гоббс Т. 3
Годлевский Н. А. 10
Гозулов А. И. 315
Гойхбарг А. Г. 250, 255, 256, 261
Голиков Г. Н. 4—6, 18, 30, 37, 38, 242
Голинков Д. Л. 135
Голицын 322
Голованов С. 127, 149, 223
Голуб П. А. 18, 43, 417
Горбунов В. В. 5, 31, 112, 114, 124, 226
Горбунов Н. П. 65, 66, 149, 168, 169, 174, 176—178, 184, 195—197, 203, 209, 212, 224, 227, 236, 271, 273, 282, 290, 308, 309, 327, 331
Городецкий Е. Н. 3, 5—7, 31, 40, 54, 56, 60, 81, 99, 119, 134, 136, 168, 175, 289, 314, 319, 422, 433
Гравитц М. 355
Грамматчиков А. С. 189
Графтио Г. О. 225
Греховодов Д. 275
Гринишин Д. М. 211
Гришаев В. В. 164
Гришин В. М. 262
Громыко А. А. 214
Губкин И. М. 150
Гуковский И. Э. 46, 67, 68, 104, 181
Гулыга А. В. 415

Гуревич С. М. 315, 321, 325
Гусев К. В. 43, 54, 248, 298, 301, 314
Гусев С. И. 150

Давыдов М. И. 218, 222
Дан Ф. И. 62, 254
Дауге П. Г. 105
Дейнеко О. А. 8, 9, 282
Дейч Г. М. 274
Демочкин Н. Н. 27, 28
Денисов А. И. 6, 21, 241
Денисов С. П. 123
Деренковский Г. М. 24
Десятерин В. 275
Джавадов Г. А. 11, 304
Джапаридзе А. П. 91
Дзержинский Ф. Э. 45—47, 98, 102, 103, 207, 236, 253, 308, 436
Диманштейн С. М. 105
Дмитренко В. П. 5
Доливо-Добровольский А. И. 126
Дольников А. Я. 315, 316
Дорохова Г. А. 301
Драбкина Е. Я. 47—49, 351
Дробижев В. З. 6, 7, 130, 131, 154, 285, 292, 314, 386, 403
Дробижева Л. М. 284, 313
Дудков И. И. 269
Дукаренко 100
Дурденевский В. Н. 167
Дутов А. И. 269
Духвинский (Осипов) И. В. 273, 276
Духовский С. И. 105
Духонин Н. Н. 250
Дыбенко П. Е. 45, 77, 177, 195, 233

Евграфов В. Е. 4
Егоров И. Г. 46, 77, 92, 97
Ежов А. И. 315
Ежов И. К. 171
Елизаров М. Т. 45—47, 91, 92, 97, 289
Елизарова А. И. см. Ульянова А. И.
Енукидзе А. С. 45, 46
Еременко А. И. 275
Ерицян Х. А. 29, 43, 54, 248, 314
Ерошкин Н. П. 10
Ерыкалов Е. Ф. 46

Жалина Е. А. 283
Жибарев П. Б. 285
Животов М. Н. 92, 169
Жиделев А. М. 91
Жирнов П. 277
Жуков 277
Жуковский Н. Е. 150

Загладин В. В. 14
Загоскина И. В. 167, 235, 242

Зак Л. М. 114, 154
Залежский В. Н. 46, 92, 97, 104, 305
Затонский В. П. 46, 174
Зведре О. 415
Зденицкий А. В. 123
Зевин В. Я. 4, 14, 231, 282
Зелинский Н. Д. 150
Зелов Н. С. 275
Зельдович В. Д. 26
Земит А. Ф. 202
Зильберштейн И. С. 26
Зимин Я. 146
Зиновьев Г. Е. 55, 67
Зискинд М. А. 414
Златопольский Д. Л. 6
Злобин И. Д. 223
Знаменский О. Н. 60
Зорин Д. Ф. 105

Иваненко А. Е. 81
Иванов А. И. 123
Иванов М. В. 125, 268
Иванов Н. И. 123
Ивницкий Н. А. 24
Изюмов А. С. 219
Иконников С. Н. 301
Ильин-Женевский А. Ф. 329
Ильина Л. И. 46
Ильичев Л. Ф. 4
Иовлев А. М. 146
Иодковский А. Н. 242
Ионкина Т. Д. 43
Иоффе А. А. (Крымский В.) 16, 40, 41, 46, 101, 214, 217
Иоффе А. Е. 216
Ирошников М. П. 6, 119, 135, 136, 167, 168, 182, 215, 241, 242, 260, 297, 314, 327

Кадлубовский К. И. 98
Казакевич В. П. 147
Казинер А. 278
Калаушина К. Е. 18
Калинин Г. С. 167, 249, 278
Калинин М. И. 97
Калинычев Ф. И. 243
Каменев Л. Б. 55
Каменев С. С. 174, 212
Каменева Т. 275
Камков Б. Д. 43, 398
Канатчиков 99
Канев С. Н. 285
Карахан Л. М. 46, 214
Карелин В. А. 43, 76, 143, 188, 255
Карпинский В. А. 105, 249, 277
Карпов Л. Я. 105, 395
Каутский К. 14, 27, 245
Кахк Ю. 313

Каценеленбаум З. С. 149
Качалина Л. Н. 294
Кедров М. С. 46, 92, 213, 214, 264, 302, 318, 319, 328
Керенский А. Ф. 42, 53, 116, 194, 212
Керимов Д. А. 241, 249, 284, 298
Кий Т. Г. 10
Килунов А. Ф. 313
Ким М. П. 116, 226
Кин Ф. 314
Кингисепп В. Э. 103
Кириллов В. С. 38
Кирсанов 103
Киселев А. С. 46, 95, 269
Киселев Т. Ф. 123
Кладт А. П. 302
Клеандрова В. М. 250
Климов А. 271
Клопов Э. В. 5, 7, 51, 64, 131, 167, 168, 172, 178, 260, 271, 284
Кляцкин С. М. 6, 92, 134, 146, 211
Кнофличек К. 105
Князев С. П. 46
Кобозев П. А. 46, 188, 189
Ковалевски С. 287, 298
Коваленко Д. А. 6, 24, 130, 164
Ковальченко И. Д. 313, 315
Козловский М. Ю. 46, 98, 105, 200—202, 395
Козочкина Е. Д. 284, 285
Козьмин П. А. 46, 65, 66, 92, 97, 193, 194, 232
Кокшарова Е. К. 169, 170, 173, 178, 182, 184, 196, 266, 273, 305
Колданов 266
Колегаев А. Л. 76, 194, 290, 322, 332, 398
Колесников А. К. 37, 91, 283, 284
Коллонтай А. М. 45—47, 77, 92, 122, 170, 271, 382
Кольцов А. В. 124, 136, 224
Комин В. В. 54
Конев А. М. 221, 222
Кондратович-Григорьев 302
Константинов Ф. В. 4
Копанев Г. И. 46
Кораблев Ю. И. 6, 135, 146, 211, 318, 319
Кореневская Е. И. 167
Коржихина Т. П. 10
Королев А. В. 262
Королев А. И. 6, 18, 29, 244
Коростелев А. А. 107
Коротков Б. 267
Косицын А. П. 6, 7, 18, 21, 22, 119
Косульников А. П. 4
Косыгин А. Н. 33
Коток В. Ф. 18
Красиков П. А. 46, 47, 77, 98, 105, 267, 395
Красин Л. Б. 105, 298, 395
Красин Ю. А. 6, 16, 18
Красникова А. В. 97, 113, 140
Краснов П. Н. 53, 150, 194, 212
Крестинский Н. Н. 46
Кржижановский Г. М. 93, 317
Кривошеев 277
Кроник Л. Е. 76
Крумин Г. 222
Крупская Н. К. 13, 30, 31, 42, 43, 46, 56, 59, 92, 97, 105, 109, 116, 148, 210, 226, 250, 262, 281, 305
Крыленко Н. В. 45, 65, 79, 91, 92, 103, 203, 244, 247, 319, 328
Крылов А. Н. 150
Крылов И. 242
Кугельман Л. 18
Кузнецов В. И. 278
Кузнецов И. Н. 250
Кузнецова Д. С. 46
Кузнецова Р. Д. 10
Кузьмин Н. Ф. 211
Кузьмин С. И. 4
Куйбышев В. В. 91
Кукушкин Ю. С. 167
Кулажников М. Н. 81, 241
Куликова Н. А. 167
Куличенко М. И. 262
Куманев В. А. 226
Куприц Н. Я. 241
Купчин М. Н. 414
Курицын В. М. 241
Курнаков Н. С. 150
Курский Д. И. 46, 105, 181, 210, 211, 238, 299, 303, 395
Куртов Д. 275
Кутлер Н. И. 269
Кушкин Ф. П. 265

Лаверычев В. Я. 130
Лавров Р. А. 10, 26, 45
Лагуткина А. В. 5
Лазебников А. 272
Лазимир П. Е. 92, 98, 328
Лазо С. А. 91
Лазуркина Д. А. 92, 96, 149
Ландер К. Г. 46, 62, 66, 67, 101, 179
Лапин 302
Лаптин М. Н. 283
Ларин Ю. (Лурье М. А.) 46, 51, 105, 168, 180, 192, 255, 289, 306
Лацис (Судрабс) М. Я. 46, 74, 77, 92, 95, 96, 98, 102, 105, 200—202, 289
Лашков К. И. 415
Лебедев М. П. 298
Лебедев-Полянский П. И. 97, 175

Лебедева М. И. 276
Лебедева М. Я. 10
Лебедь Д. 282, 308
Лебин Б. Д. 11, 304, 360
Левин И. Д. 18
Левина З. А. 4
Левыкин К. Г. 5
Лейкина Е. Т. 46
Лельчук В. С. 114, 154
Лемке М. К. 121, 125, 126, 223
Ленгник Ф. В. 203
Ленин (Ульянов) В. И. 3—34, 37—62, 64—71, 73, 74, 76—81, 83—85, 87—118, 120—125, 127—156, 158, 163, 164, 167—174, 176—181, 183—203, 205—299, 301—309, 313—327, 330—334, 337—341, 348, 353, 354, 356, 357, 360, 384, 389, 398, 400, 416, 422—424, 432—437
Лепешинский П. Н. 105, 220
Лепешкин А. И. 6, 262
Лесной В. М. 6, 7, 18, 20, 21
Лещенко Д. И. 97
Лещинский Ю. М. 92, 105
Липицкий С. В. 37
Листов В. 266
Литвак Б. Г. 313
Литвин А. И. 88
Литвинов М. М. 214
Логинов В. Т. 45
Локтев И. В. 283
Ломов А. см. Оппоков Г. И.
Лосев В. Н. 107
Лукашева Е. А. 18
Луначарский А. В. 26, 40, 41, 45, 66, 67, 91, 97, 99, 105, 121, 122, 148, 182, 184, 195, 203, 226, 228, 236, 240, 258, 317
Лунев А. Е. 282, 283, 359
Луценко В. К. 283
Луцкий Е. А. 40, 42, 242, 318
Лучкин М. Н. 167
Лысенко И. К. 123
Лэнтовски Я. 287, 298
Любимов Н. Н. 149
Любинский 254
Любишева В. А. 10, 167, 229, 284, 305
Любович А. М. 98

Макарова Г. П. 251
Малашко А. М. 55
Малиновский П. П. 46, 77, 203
Малкин Б. Ф. 319
Малышев М. О. 167
Мальков П. Д. 266, 267
Малютин Д. П. 93, 219
Мамай Н. П. 5
Манов Г. Н. 18
Манохин В. М. 359
Мануильский Д. З. 63, 97, 216
Манучарова Е. 234
Марков С. Д. 103
Маркс К. 10, 13—18, 20, 21, 24, 25, 27, 28, 231, 233, 316, 422
Мартов Ю. 142
Марьяновский С. Г. 328, 329
Маслов Н. Н. 31
Маслов П. П. 378
Махина Ю. Я. 94
Махотин П. Г. 123
Медведев А. Б. 285, 314
Межлаук В. И. 100
Мелещенко Ю. С. 224
Менжинский В. Р. 46, 58, 66—68, 91, 92, 94, 120, 121, 184, 196, 198, 256, 293, 321
Меньшиков 265
Метельков П. Ф. 54, 285
Метлицкий Б. 40
Мехоношин К. А. 46, 77, 90, 92, 132, 133, 328
Мешковский Т. В. 105
Мещерский А. П. 130
Мещеряков В. Н. 78, 79, 118, 238
Мещеряков Н. Л. 235
Миллер В. 238
Милюков П. Н. 142
Милютин В. П. 40, 45, 67, 105, 169, 292, 323—325, 395
Милютин Н. А. 46, 205
Минц И. И. 6, 29, 37, 38, 164
Мирбах В. 217
Миронова И. М. 10
Мицкевич А. В. 242, 298
Мицкевич-Капсукас В. С. 105
Мишке В. К. 46
Мнацаканян А. 306
Моисеева О. Н. 29
Мор Н. 278
Мор Т. 33
Моргенштерн Л. И. 329
Морозов Б. М. 6, 37, 39, 73, 91, 107, 284, 334
Морозов Л. Ф. 131, 301
Муранов М. К. 45, 62, 92, 95, 96
Мухина Г. З. 18
Муштуков В. Е. 40, 46
Мясников А. Ф. 91, 141

Найдис И. Г. 389, 400
Накахира Р. 240
Налетов Н. И. 269
Наполеон I (Бонапарт) 88
Натансон М. А. 398
Наумов В. П. 8
Невский (Кривобоков) В. И. 46, 63, 91, 92, 94, 97, 100, 101, 148, 203, 204, 301
Недавний А. Л. 243

Неймант И. И. 97
Немчинов Н. П. 123
Ненароков А. П. 213
Нестеренко А. И. 229
Нечкина М. В. 6, 7, 31
Никифорак П. П. 81
Никифоров Ю. Г. 5, 284
Николаев А. К. 123
Николаев В. В. 6
Никольников Г. Л. 62, 215
Новгородцева К. Т. 68
Новикова А. А. 225
Новопашин Д. Г. 275
Новоплянский Д. 272
Ногин В. П. 45, 75, 105, 148, 169, 220, 300, 395
Ноткин В. Е. 315

Обичкин Г. Д. 4, 274
Оболенский В. В. (Осинский Н.) 45, 46, 77, 120, 245, 246, 253, 289, 293
Одинцов С. И. 125, 329
Озеран Л. Г. 315, 316
Озеревская Л. Я. 203
Озеров И. Х. 149
Ознобишин Д. В. 215, 320
Ольденбург С. Ф. 269
Ольман П. Г. 46
Ольминский (Александров) М. С. 46, 47, 92
Оппоков Г. И. (Ломов А.) 40, 41, 45, 47, 64, 77, 90, 92, 95, 105, 220, 298, 395
Орахелашвили М. Д. 306
Орлов Б. П. 284
Орлов В. С. 167, 197, 308
Орлов К. 344
Орлова Л. В. 20
Осадчая А. И. 18
Осипова Т. В. 106

Павлов 100
Павлович М. П. 151
Падейский Н. А. 149
Падерин А. Н. 46, 47, 105, 117, 201, 202
Пайкес 220
Паначин Ф. Г. 283
Панкратова М. Я. 274
Панфилова А. К. 10
Панченко Т. В. 5
Панюшкин В. Л. 57, 72, 284
Папин Л. М. 284
Педосов А. Д. 4, 38
Пелевин П. И. 46, 47, 302
Перфильев М. Н. 11, 20, 304, 360
Пестковский С. С. 46, 105, 178, 186, 203, 238, 260, 306
Петерс Я. Х. 46
Петров А. И. 10
Петров В. С. 6, 14, 21, 25
Петров Г. И. 287, 357, 359
Петров Ю. П. 146
Петровский Г. И. 46, 47, 75, 82, 92, 96, 98, 99, 105, 184, 203, 239, 269, 277, 306, 436
Петряков Г. В. 5
Пионтковский С. А. 167
Пискотин М. И. 282
Платон 3
Плеханов Г. В. 27
Плешкова К. В. 10
Погудин В. И. 114, 154
Подбельский В. Н. 75, 77, 104, 193, 290
Подвигина Е. П. 167, 236
Подвойский Н. И. 77, 91, 92, 95, 185, 196, 230, 269, 328
Поздняков О. А. 283
Познер В. М. 97, 105, 203
Покровский А. С. 249
Покровский М. Н. 46, 74, 75, 91, 105, 203
Полетаев В. Е. 313
Поликарпов В. Д. 212
Полюхов А. М. 15
Поляков Ю. А. 24, 218, 313
Полякова Э. И. 149
Пономарев Б. Н. 214
Пономарев Е. И. 283
Попков В. Д. 304
Попов Г. Х. 9, 11, 304
Попов П. И. 46, 47, 100, 101, 176, 323—325, 339
Портнов В. П. 135, 242, 301
Поспелов П. Н. 4, 136
Постников В. Е. 316
Потапов Н. М. 125, 133, 437
Потулов Б. М. 105, 229
Потяев 197
Правдин А. Г. 46, 105, 200, 202, 220
Пронин И. И. 86, 304
Пронина Г. В. 10
Прошунин Н. 278
Прошьян П. П. 76—78
Прянишников Д. Н. 150
Пчелин А. Е. 106
Пэнто Р. 355

Рабчинский И. В. 46, 77, 103, 105
Равич О. Н. 40, 41
Радченко И. И. 224, 225, 410
Разин В. И. 16
Раскольников (Ильин) Ф. Ф. 46, 47
Рахлевский В. А. 283
Рахья Э. А. 40, 41
Рид Д. 44, 45, 241
Робинс Р. 48, 233
Рогов А. Г. 46, 63

Родионов П. А. 37, 283, 284
Розанов А. В. 398
Розенкранц С. Б. 275
Розинь Ф. А. 46, 47, 105
Розмирович Е. Ф. 91, 103
Романов С. 271
Ростков А. 273
Рохальский Н. М. 147
Рубан Н. В. 38, 54, 248
Рудзутак Я. Э. 46, 105, 254, 395
Рузер Л. И. 100, 104, 235, 395
Румянцев А. М. 282
Руссо Ж. 3
Рутелегский 213
Рыков А. И. 45, 77, 101, 254, 255
Рябушкин Т. В. 315, 321
Рябцев И. Г. 284, 298
Рязанов Д. Б. 55, 105

Савельев М. А. 129, 253
Савенков А. А. 278
Савенков Н. Т. 243
Савицкая Р. М. 3, 5, 73, 131, 168, 284, 285
Саврасов Л. А. 105, 395
Савцов Э. Т. 154
Сазонов И. С. 46
Сальмова Д. 266
Самощенко И. С. 243
Санаев М. Н. 264
Сандер А. И. 329
Свердлов Я. М. 39, 45, 46, 56, 57, 62—65, 68, 70—78, 90, 91, 95, 99—104, 106, 234, 249, 261, 269, 279, 294, 436
Свердлова К. Т. 280
Свидерский А. И. 46, 104, 395
Севидский 213
Селунская В. М. 164, 313, 314
Семашко Н. А. 46, 93, 105, 184, 238, 239
Семенов В. С. 14
Сергеев А. Ф. 91
Сергеева Ю. П. 308
Серебровский А. П. 92
Середа С. П. 46, 77, 79, 203, 265, 325
Сивилев В. М. 108
Сивохина Т. А. 248
Сидоренко 331
Сидякин Ф. 271
Сиповская И. В. 378
Сиринов 325
Скворцов-Степанов И. И. 45, 47
Склянский Э. М. 46, 47, 77, 92, 328
Скобелев М. И. 125
Скорняков А. Н. 104, 220, 395
Скоропадский П. П. 150
Скрипилев Е. А. 242
Скрыпник М. Н. 117, 169, 170, 173, 184, 217, 265, 272, 328, 331
Славин Л. М. 21
Сламихин Н. А. 285
Слепов Л. А. 55, 283
Слободчиков 200
Смидович П. Г. 91
Смирнов А. П. 46, 105, 220, 270, 329
Смирнов В. М. 46, 77, 220, 253
Смирнов И. С. 39, 105, 136, 149, 226, 230, 341
Смольянинов В. А. 226
Соболев П. Н. 54
Соболева П. И. 54, 248
Совокин А. М. 18, 31
Соколов 237
Соколов А. А. 149
Соколов В. 125, 126
Соколов Н. В. 410
Соколова А. В. 10
Сокольников Г. Я. 46, 105, 395
Соловей Д. М. 94, 95, 120, 222, 414
Соловей Е. М. 94, 95
Соловьев А. А. 4, 10, 26, 275
Соловьев З. П. 46, 105, 325
Соловьев Н. И. 340
Соловьев О. Ф. 55, 135
Соловьева С. В. 283
Сорин В. Г. 262
Сорокин В. Д. 283
Софонов П. Г. 187
Спиридонова М. А. 43, 78, 398
Спирин Л. М. 43, 55, 218
Спиро В. Б. 43
Сталин И. В. 45, 47, 64, 80, 105, 124, 172, 194, 197, 234, 240, 251
Старопетов 100
Старосцяк Я. 287, 298
Старцев А. 45
Старцев В. И. 31, 314, 416
Стасова Е. Д. 89, 237, 320
Стеклов В. Ю. 225
Степанов В. Н. 14, 45
Степанов З. В. 357
Степанов И. М. 27
Стерник И. Б. 242, 260
Стеценко А. Ф. 81, 107
Стишов М. И. 248
Стрижков Ю. К. 219, 222
Строгович М. С. 241
Струмилин С. Г. 86
Стуков И. Н. 102
Стучка П. И. 45—47, 50, 66, 77, 99, 103, 105, 175, 204, 247, 257, 261, 395
Субботин Д. Г. 275
Султанова Е. А. 42, 46
Суслов И. П. 315, 316, 333, 342
Суслов М. А. 8
Суханов К. А. 91

Суханов Н. Н. 254
Сыромятников М. К. 275

Тагатнер 302
Талов Л. Н. 71, 167
Тарасенко А. 278, 279
Тарновский К. Н. 130
Татаринов С. И. 336
Теодорович И. А. 45, 58
Терентьева И. Г. 275
Терян В. 253
Тимонов В. Е. 414
Тихачева Г. П. 10
Тихомирнов В. А. 105
Тихомиров Ю. А. 250, 360
Тихонова З. Н. 45
Тихун А. Т. 5, 168
Токарев Ю. С. 30, 244
Толмачев А. В. 278
Топорнин Б. Н. 18, 243
Трапезников С. П. 8
Траскунов М. 306
Трей Я. Ю. 119
Тропкин Н. В. 14
Трохимовский П. М. 125, 127
Троцкий Л. Д. 45, 67, 319
Трукан Г. А. 6
Трутовский В. Е. 76, 196, 198
Трухановский В. Г. 214
Труш М. И. 5, 62, 67, 214, 216
Туманов В. А. 18
Турищев Ю. Г. 37, 284
Туркестанов 322
Тыдман В. П. 118, 125, 437

Ульянова (Елизарова) А. И. 214, 235
Ульяновская В. А. 124, 150
Уншлихт И. С. 46, 98, 105, 302, 344
Уралов (Кисляков) С. Г. 129
Урицкий М. С. 45, 46, 67, 77, 98
Устиненков Я. И. 123
Устинов А. М. 79, 398
Устинов В. А. 313

Фаворский А. Е. 150
Фалеев Н. Н. 125
Фарберов Н. П. 18
Фарсобин В. В. 388
Федоров Г. Ф. 46, 47, 77, 105, 125, 183, 201, 202
Федоров К. Г. 248
Федосеев П. Н. 4, 5, 8, 14, 231, 313
Федюкин С. А. 6, 81, 83, 114, 115, 122, 124, 131, 150
Федяевский К. К. 125, 127
Фелингер А. Ф. 313
Ферсман А. Е. 150
Финкель К. С. 297

Флеровский И. П. 105
Фонотов Г. П. 264
Фотиева Л. А. 94, 100, 169, 172, 173, 178, 179, 205, 206, 236, 239, 269, 281, 282, 305, 307
Фрайман А. Л. 65, 136, 260
Францев Ю. П. 313
Фролов П. П. 106
Фрумкин М. И. 104, 220, 395
Фрунзе М. В. 91
Фурманов Д. А. 91
Фурье Ш. 3

Хавин А. Ф. 154
Хаит Г. 267
Халфина Р. О. 18
Харламов М. А. 216
Харлов В. Н. 77, 79, 220
Хвостенкова Н. М. 275
Хвостов В. М. 214
Хеглунд Ц. 269
Хесин С. С. 133
Хмельницкий А. И. 259
Ходоровский И. С. 105
Холодков А. 275
Хорошая С. И. 10

Цветков-Просвещенский А. К. 105
Цион-Липский 99
Цирлина Е. Ф. 413
Цыперович Г. В. 14
Цырлин Д. А. 169, 178
Цюрупа А. Д. 46, 47, 63, 74, 92, 93, 97, 99, 100, 104, 180, 188, 206, 218—222, 255, 270, 277, 280, 299, 395

Чагин Д. А. 284
Чегодаев П. А. 105, 395
Челянов И. 417
Червяков А. Г. 105
Чернов В. М. 16, 62
Черноморский М. Н. 315
Чильбум К. 269
Чистяков О. И. 6, 164
Чичерин Г. В. 45, 46, 67, 92, 215
Чубарь В. Я. 46, 47, 105, 203, 395
Чубарьян А. О. 6, 62, 214—216
Чугаев Д. А. 37
Чугунов А. И. 301
Чхиквадзе В. М. 18, 241, 243

Шабанов Ю. В. 283, 287
Шалагинов В. 242
Шапко В. М. 6, 37, 89, 241, 283, 284, 287, 298
Шарапов Ю. П. 56, 99, 266, 274
Шаумян С. Г. 91, 233
Шахматов А. А. 269

Шебанов А. Ф. 250
Шевердин С. Н. 203
Шелест П. 273
Шепелева Т. В. 10, 94
Шехватов Б. М. 5, 168, 284
Шилов 213
Шимшелевич Б. Я. 415
Шишкин А. 271
Шишкин В. А. 173, 216
Шлихтер А. Г. 46, 62, 63, 92, 97, 194
Шляпентох В. Э. 378
Шляпников А. Г. 42, 45, 65, 105, 116, 117, 145, 191, 197, 198, 201, 258, 265
Шляпочников А. С. 242
Шмидт В. В. 46, 105, 201
Шмидт С. О. 314
Шоломович А. П. 46, 47, 97
Шотман А. В. 46, 97, 105, 203, 395
Шпунт Ю. С. 63, 437
Шрейдер А. А. 76
Штейнберг И. З. 76, 198, 308, 398
Штернберг П. К. 105
Шубкин В. Н. 355
Шумилов И. М. 107
Шутко К. 117
Шутко Н. 117
Шухардин С. В. 224
Щепаньский Я. 416
Щиглик А. И. 18

Эйдеман Р. П. 174
Эйдук А. В. 213, 302
Энгельс Ф. 10, 13—15, 17, 20, 27, 28, 231, 422
Эссен Э. Э. 45, 46, 92, 97, 196

Юденков А. Ф. 298
Юнг Г. 304
Юницкая Р. З. 207
Юрьев А. А. 104, 106, 220, 395
Юфирева Е. В. 131

Ядов В. А. 353
Яковлев Б. М. 131
Яковлев Н. Н. 27
Яковлева В. Н. 102, 306
Якубов А. С. 97, 232
Якубовская С. И. 6
Якушина А. П. 275
Якушко 213
Ямпольская Ц. А. 282
Яррос Г. М. 269

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Введение. **В. И. Ленин о сломе буржуазного и создании пролетарского государственного аппарата** 13

Часть первая. **В. И. ЛЕНИН И СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА**

Глава 1. **Ведущая роль ленинской партии и ее ЦК в советском строительстве** 37

О деятельности большевиков во главе с В. И. Лениным в период «завоевания власти» 39

Новая политическая линия партии в период «основного строительства» 68

Глава 2. **Решение проблемы кадров советского аппарата управления** 81

Подбор и расстановка руководящих советских работников . . . 85

Пути формирования основного состава советских служащих в период «красногвардейской атаки на капитал» 108

Привлечение весной 1918 г. буржуазных специалистов, завершение процесса формирования основного состава советских служащих 136

Часть вторая. **В. И. ЛЕНИН ВО ГЛАВЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Глава 1. **Организация деятельности ленинского Совнаркома в 1917—1918 гг.** 167

Основные формы работы Большого Совета Народных Комиссаров 174

В. И. Ленин и Малый Совнарком 195

Глава 2. **О содержании и стиле ленинского государственного руководства** 209

В. И. Ленин и народные комиссариаты 210

Рабочий день Председателя СНК 229

В. И. Ленин на заседаниях Советского правительства 234

О роли В. И. Ленина в правотворческой деятельности Совнаркома 241

Прием, переписка и выступления Председателя СНК 262

В. И. Ленин и совершенствование советского аппарата управления 281

Часть третья. **В. И. ЛЕНИН И НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА**

Глава 1. **Перепись советских служащих 1918 г. — первый опыт статистического исследования аппарата пролетарского государства** 313

Об использовании В. И. Лениным статистико-социологических методов для анализа общественных явлений 313

Проведение переписи советских служащих в августе 1918 г. и характеристика ее материалов 326

Глава 2. **Советский центральный государственный аппарат по данным переписи 1918 г.** 341
Численность советских служащих 341
О методике исследования состава советских служащих 348
Должностной состав служащих советских центральных учреждений 357
Состав советских служащих по месту их прежней службы 365
Распределение служащих по времени их поступления в советские центральные государственные учреждения 373
Партийный состав служащих советского центрального государственного аппарата 386
О социальном составе советских служащих и особенностях решения проблемы слома буржуазной государственной машины в России 415
Перечень использованных архивных фондов 436
Именной указатель 438

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ
ИРОШНИКОВ

Председатель Совета Народных Комиссаров

Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг.

Утверждено к печати
Ученым советом
Ленинградского отделения
Института истории СССР
АН СССР

* * *

Редактор издательства
Е. Г. Дагин

Художник
Л. А. Яценко

Технический редактор
Н. Ф. Виноградова

Корректоры Э. Н. Липпа
и В. А. Пузиков

* * *

Сдано в набор 16/I 1974 г. Подписано к печати 10/VI 1974 г. Формат бумаги 70×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 28 + 7 вкл. (⁷/₈ печ. л.) = 33.77 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 33.24. Изд. № 5488. Тип. зак. № 885. М-37606. Тираж 7000. *Цена 2 р. 54 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

Председатель Совета
Народных Комиссаров
В.И.Ульянов (Ленин)

Председатель Совета
Народных Комиссаров
В.И.Ульянов (Ленин)